

Протоиерей  
Валентин  
Свенцицкий

**РЕЛИГИЯ  
СВОБОДНОГО  
ЧЕЛОВЕКА**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Протоцереѣ  
Валентин  
Свенцицкѣѣ

**РЕЛИГИЯ  
СВОБОДНОГО  
ЧЕЛОВЕКА**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



Издательство Новоспасского монастыря  
Москва • 2014

УДК 72-29  
ББК 88.372  
С 24

Рекомендовано к публикации  
Издательским Советом  
Русской Православной Церкви  
ИС 14-405-0538

Составление, подготовка текста, комментарии  
*С. В. Черткова*

*Издание осуществлено при духовной поддержке  
П. В. Флоренского и прот. Валерия Приходченко*

**Свенцицкий В. П., прот.**

С 24 Собрание сочинений. Т. 3. Религия свободного человека (1909–1913) / Сост., коммент. С. В. Черткова. — М.: Новоспасский монастырь, 2014. — 752 с.

В 3-й том Собрания сочинений вошли ранее не переиздававшиеся работы В. П. Свенцицкого: уцелевшие части трактата «Религия свободного человека» о божественном достоинстве личности; обоснование голгофского христианства; путевые очерки с бытовыми зарисовками и философскими размышлениями; насущные и ныне острые отзывы о нестроениях, пороках и язвах церковной и общественной жизни; изъяснения смысла исторических событий; сатирический эпос «Да здравствует Царицын!» об олицетворяющем Российскую империю уездном городе; статьи о Ф. М. Достоевском, В. С. Соловьёве, В. О. Ключевском, Л. Н. Толстом, В. В. Розанове, С. Я. Надсоне, В. М. Гаршине, Н. А. Клюеве, Л. Н. Андрееве и др.

## К ЧИТАТЕЛЯМ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПРОТОИЕРЕЯ ВАЛЕНТИНА СВЕНЦИЦКОГО

Богатая личность богослова и христианского публициста протоиерея Валентина Свенцицкого (1881–1931) разностороннее раскрывается на страницах его трудов, созданных в предреволюционную эпоху. Изучение этого времени, этой точки бифуркации важно для понимания исторических процессов, происходивших и происходящих в России, а у нашей Новоспасской обители к ней имеется еще более конкретный и живой интерес. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с 2012 г. монастырь издает полное собрание документов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

Отец Валентин не был членом Собора, но его публицистике знали многие из участников соборных дискуссий. Интеллектуальный фон, формировавшийся в начале XX века в том числе и протоиереем Свенцицким, влиял на эти дискуссии, а когда-то и предопределял их результаты. Тексты публициста не всегда однозначны, а порой его выводы и наблюдения спорны. Однако их следует воспринимать в русле апостольского завета: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19). То, что в корпусе своих произведений отец Валентин раскрывается как искусный христианский мыслитель, сомнения нет.

Выпуском настоящей книги Новоспасский монастырь принимает от православного издательства «Даръ» эстафету по научному воспроизведению трудов протоиерея Валентина

Свенцицкого, стартовавшую в 2008 г. и продолжившуюся в 2011 г. Мы надеемся, что этот и последующие тома собрания сочинений вызовут столь же живой интерес у самых разных категорий читателей, как и ранее изданные. Очень важно, чтобы современный мыслящий христиански человек знал эти работы.

Это лишь наша задача, но не цель. Уверен, что представленные сочинения, в конечном счете, могут способствовать распространению и постижению евангельских истин ради спасения душ наших сограждан и тихого и безмятежного жития нашего Отечества «во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2, 2). Вот такую цель и преследует наше издательство.

САВВА,  
*епископ Воскресенский,  
наместник Новоспасского монастыря,  
председатель Научно-редакционного совета  
по изданию документов Всероссийского  
Поместного Собора 1917–1918 гг.*

# ПИСЬМА КО ВСЕМ

## ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА

**Ч**тобы увидеть предмет весь, целиком, а не по отдельным частям, — надо отойти на расстояние.

Чтобы увидеть жизнь во всём её объёме, не раздробленной на отдельные «миги», — надо уйти в одиночество.

Это моё глубокое убеждение.

Я живу в лесу. На острове. Волга разлилась и затопила леса и луга на десятки вёрст. Над водой остались только высокие места и маленький хутор на берегу озера, где я живу.

Лес, вода и небо. И по вечерам такая тишина, что с Волги за несколько вёрст доносится каждый звук.

Смотришь из лесу на далеко оставленную «жизнь», и всё представляется по-новому.

Я и раньше знал, что скверно. Очень скверно. Но что до такой степени — не думал: видел по частям, а теперь «отошёл» и увидел сразу.

Разруха! Великая разруха...

И, собственно говоря, увидав эту великую разруху, для честного человека только два выхода: или «сдаться» — и пустить пулю в лоб; или *поверить* — и тогда объявить «жизни» войну не на жизнь, а на смерть.

Средина же — или от недостаточно яркого сознания наступившей разрухи, или от полнейшего душевного нигилизма: я, мол, сыт, а на остальное мне наплевать!<sup>1</sup>

Если не «утешаться» собственным благополучием, то, право, я не знаю, чем бы сейчас могло утешиться человеческое сердце? Я имею в виду, разумеется, не мечту о будущем, в которую надо

*верить*, а самую настоящую действительность, которую нельзя не «признавать».

Ведь надо правду говорить, ни себя, ни других не обманывая, — всюду упадок, всё по швам трещит. И утишаться решительно нечем.

Начните с литературы. Это наша гордость, наша слава. И что же? Стыдно. Стыдно и за читателей, и за писателей. Уж значит, пали, если Куприн и Андреев попали в «первоклассные» писатели, а всевозможные Чулковы, Архиповы, Олигеры и пр., и пр., и пр., которых в прежнее время не пустил бы к себе ни один серьёзный журнал, — теперь наводнили литературу. Какова беллетристика, такова и критика. Надо всеми царит Чуковский, который, по меткому выражению Розанова, «не столько критик — сколько воробей»<sup>2</sup>, а «славу» его разделяет Измайлов<sup>3</sup>, выколачивающий строки и в «Русском слове», и в петербургской «Биржёвке»!

Вместо Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого — Куприн и Андреев.

Вместо Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Михайловского — Чуковский и Измайлов.

Дожили!

Общественная жизнь. О третьей Думе, с её вопросами о ритуальном убийстве и торговлей молодёжи, лучше не говорить. Но... может быть, само правительство «идёт вперёд» и обновляет Россию? Недаром же столько ревизий и громких процессов. Но, Боже мой, разве не ясно, что «ревизии» — не «реформы», что одни чиновники ревизуют таких же других чиновников. Какое тут обновление?<sup>4</sup> Это называется «вариться в собственном соку».

Может быть, внешняя политика? Мощь России? О внешней политике мы знаем только следующее: унижительная уступка Австрии на Балканах<sup>5</sup>, испорченные отношения с Персией и Китаем, бесплодные предостережения Турции...

Но все эти «падения» ничто перед самым страшным падением — *общества*. Началась какая-то вакханалия «малых дел». Своего душевного бесстыдства даже и не скрывают. Им хвастаются. Публицисты щеголяют цинизмом. Ибо это нравится разлагающемуся обществу. Сказать хлесткую мерзость — считается «шикарным». Вся жизнь свелась к игре уличных мальчишек: «кто дальше плюнет»!

Скажут: но вы забыли аэропланы и науку, Мечников и прочее.

Нет, не забыл. Но я очень хорошо помню также и изображение жизни у Толстого, где «на экспрессах носятся оскотинившиеся люди и при свете электрических фонарей показывают, как они оскотинились»<sup>6</sup>. И если люди будут показывать, как они оскотинились, ещё на самолетах, — я не знаю, кому от этого будет легче.

А наука, Мечников и прочее... то я также не вижу никакого утешения в том, что пустая, развращённая, оскотинившаяся жизнь будет усилиями науки продолжаться не 50 лет, а восемьдесят<sup>7</sup>.

Речь о коренном перерождении жизни. Речь о том, что всё разлагается, всё обветшало, всё прогнило<sup>8</sup>. Готовится великая разруха. Речь о том, где искать точки опоры, чтобы великая разруха не разбила вдребезги всей жизни. Где искать точки опоры в борьбе за лучшее будущее, за новое здание жизни.

Эти точки опоры — в *религии* и в *народе*<sup>9</sup>.

Но не в исторической религии, не в официальном исповедании, — а в новой, нарождающейся *религии свободного человека*, в которой основой будет положено сознание божественного достоинства *человеческой личности*<sup>10</sup>.

Мы не боимся великой разрухи. Наоборот. Пусть скорей падает то, что отжило свой век. Пусть старое даёт простор для новых идей, новых творческих сил, новых форм жизни.

## ВОЙНА

Несколько лет тому назад, в разгар увлечений мирной Гаагской конференцией<sup>11</sup>, профессор международного права граф Камаровский<sup>12</sup> читал доклад, в котором доказывал, что «Европе войны бояться нечего, так как не из-за чего воевать». Есть один только больной вопрос — Эльзас-Лотарингия, ибо не может забыть Франция победу Германии. Да и то, достаточно дать Эльзас-Лотарингии конституцию — дело уладится.

Время шло. И теперь стало ясно, что Европа уже несколько лет живёт *накануне войны*. Захват Боснии Австрией, события в Китае, в Персии, в Турции — всё это достаточные «поводы», которые один раз удалось разрешить «дипломатическим» путём, — а другой раз, может, и не удастся<sup>13</sup>.

Таким образом, вопрос о *войне* — стоит перед совестью каждого. Я говорю, *перед совестью*, потому что имею в виду вопрос



о войне *вообще*. Не о том или ином отдельном *случае*, не о войне, положим, России с Турцией или Германии с Францией, — я беру вопрос шире и отвлечённой:

*Допустима ли какая бы то ни было война?*

На первый взгляд вопрос этот удивительно прост.

Разумеется, недопустима: она разоряет народ, ожесточает нравы, несёт с собой страшные эпидемии. Моралисты прибавляют к этому: убивать безнравственно. Верующие прибавляют: убивать безбожно.

Но вопрос о войне на самом деле бесконечно более сложен и должен быть решён далеко не так категорически, — он требует целого ряда оговорок.

Оставим пока в стороне религию. Ведь громадное большинство, называя войну злом, делает это не на основании Евангелия, а на основании общечеловеческой гуманности или, ещё чаще, простой целесообразности. Так вот, с точки зрения этого самого «большинства», разве уж так «безусловно» может быть решён вопрос о войне?

Конечно, война разоряет, развращает, калечит людей. Но разве в «мирное» время не происходит того же самого? Разве в рудниках или на спичечных фабриках людей не калечат, не хоронят заживо? Почему же кричат: долой войну! — а не кричат: долой фабрики!?

Оценивая «войну» с точки зрения целесообразности и гуманности, нельзя брать *ближайшие* последствия войны — разорение, увечье, болезни и т. д., надо рассматривать явление в общей исторической связи *со всей последующей жизнью* — и тогда оценка будет другой.

Не далеко ходить за примером.

Севастопольская война, в которую были убиты десятки тысяч людей, — дала толчок к освобождению крестьян и к «эпохе великих реформ» Александра II.

Недавняя японская война, в которую нас побили, опозорили на весь мир, лишили десятков тысяч молодых ратников, — дала толчок освободительному движению, всё значение которого учесть пока невозможно.

Ведь с точки зрения «гуманности» весь наш «прогресс» движется *по трупам*. И если «простительно» для культуры замучивать рабочих на фабриках, почему же это так «негуманно» на войне? Надо быть последовательными. Целесообразность — так

целесообразность. Тогда не надо ужасаться количеству трупов, а надо спрашивать, *стоит ли* своей громадной цены купленное этими трупами?

Вот почему для безрелигиозных людей вопрос о допустимости войны должен быть решён так:

Война допустима, но только тогда, когда в *конечном счёте* даёт положительные результаты для человечества.

Как же религия?

Здесь, кажется, ещё проще: «не убий» — и всё ясно.

Но два величайших русских мыслителя, оба «христиане», оба основываясь на Евангелии, оба не за страх, а за совесть — решали этот вопрос в прямо противоположном направлении: для Толстого война — величайший *грех*, для Вл. Соловьёва — *величайший подвиг*. Для Толстого — «преступление», для Соловьёва — «дело Божье».

По-моему, оба были неправы.

Толстой неправ потому, что назвал войну *злом не только* для христиан, но и для *всех* людей. Соловьёв неправ потому, что назвал её делом святым *не только* для неверующих людей, *но и для христиан*.

Вы скажете: что же, по-вашему, две морали, две истины?

Нет, *одна*. Но разные степени её *осуществления*.

Как поступить. Если на ваших глазах разбойник убивает вашего сына, и вы можете защитить его, только убив разбойника, — можно стоять *равнодушно*? Это преступление. *Убить разбойника* — это правда человеческая, основанная на высшей любви человеческой. И, наконец, «не убить», но не из равнодушия, а из высшей правды Божией.

Для неверующих все эти слова «пустые звуки», но мы говорим о религиозном решении вопроса. Для *верующих* слова эти полны значения.

На войне христиане не могут «словом» останавливать неприятеля, но они должны помнить, что в *жизни*, в общемировой истории, они несут особую высшую *миссию* — и потому *для них* неполная, *человеческая* правда войны — недостаточна, *грех*, как грех *христианину* убить разбойника<sup>14</sup>. На плечах христиан лежит крест бесконечно более тяжёлый, ибо легче убить разбойника, чем *простить* его.

Божественная правда осуществляется постепенно, и неодинаковы требования различных ступеней добра. Не прав тот, кто

будет отрицать войну из равнодушия к своему народу. Свято поступит тот, кто *из человеческой* любви к родине пойдёт на войну (Вл. Соловьёв), но ещё более прав тот, кто, во имя Божие, осудит войну как величайшее зло (Лев Толстой).

## НАРОД ЗАБЫЛИ...

Начну с одного маленького разговора.

Речь шла о предстоящем празднике «белой ромашки»<sup>15</sup>. Москва успела забыть, разумеется, и о белых цветах, и о своём «великодушии». А в глухой провинции, в пыльных, грязных, поистине «туберкулёзных» городах только ещё начинают «праздновать».

Разговор вот какой:

— Ромашку ещё какую-то выдумали. Господа с жиру бесятся, а денежки мы давай.

— На больных, слышь ты, собирать будут.

— Всё одно: барская затея. И лечить господ будут. А наш брат давай денежки — да подыхай.

Разговор этот происходил в поезде 7 июня.

А 8 июня начался «праздник»...

По городу ездили автомобили, украшенные цветами, и по пыльным душным улицам расхаживали обворожительные барышни в белых кисейных платьях, с перетянутыми ногами: барышни продавали «белые цветы», а изящные кавалеры носили «кружки».

Денег, вероятно, собрали много. И всё-таки:

— Барская затея.

Один мой здешний приятель, простой крестьянин, обратился в управу с просьбой разрешить ему продавать «белую ромашку», ему ответили:

— Цветы будут продавать только *барышни*.

Вместо того, чтобы привлечь и *простых людей*, придать празднику *демократический* характер, — всюду подчеркнули, что хотя, может быть, оно и «для народа», но затея всё же *барская*.

По существу, это было очень скверно.

По результатам — очень *невыгодно*.

Кисейные барышни на пыльных улицах были прелестны. Но «народ», я уверен, не «осмеливался» покупать у них цветы:

— Это для господ!

Я взял праздник «белой ромашки» *только для примера*. Но пример этот очень характерен.

Мы до того пренебрежительно относимся к «народу», что не находим нужным привлечь его даже к такому делу, которым хотим его облагодетельствовать.

На наши нервы ужасно действует, что от «народа» скверно пахнет и что ногти у него не чищены<sup>16</sup>.

Мы почти и не стараемся скрыть своего презрения к народу. И удивляемся, что он нам платит тем же и всё больше и больше не любит нас и, главное, *не верит нам*. Не верит в наше великодушие, в наше желание его «облагодетельствовать».

Пять лет назад «народ» был «в моде». С ним нянчились, перед ним распинались... всё ждали, что народ *пойдёт и* добудет нам свободу.

По каким причинам — вопрос другой, но надежды не оправдались. Народ *пошёл*, но свободы не получил.

И все объятия с народом кончились!

Я уверен, будь праздник «белого цветка» пять лет назад, рабочий продавал бы цветы, а барышня в кисейном платье тащила бы кружку.

Какой же вывод?

А вывод тот, что искренней, бескорыстной любви к народу очень мало. Те, кто любил народ *по-настоящему*, за любовь свою заплатились как следует... А «большинство» в глубине души народ презирает, как нечистоплотных зверей, и отворачивается от него, как только он перестаёт быть «нужен».

Чего же удивительного, что народ тоже отворачивается от нас<sup>17</sup>.

Как ему верить, что мы его друзья, когда мы, *совершенно не изменяя своей жизни*, хотим «слиться с народом», хотим спасти народ?

Представьте себе человека, который объедается, опивается и протягивает *чёрствую корку хлеба умирающему с голоду*<sup>18</sup>.

Может ли голодный поверить в искренность любви такого «благодетеля»?

Под «корочкой хлеба» я разумею не только материальную помощь. Кто хочет служить народу и любить его *по-настоящему*, должен начинать жизнь *сначала*, и тогда — не «корочку хлеба», а всю кровь своего сердца, все силы своей души отдаст ему.

Только такую любовь *примет и поймёт* народ.

## ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

**В** прошлом году мне пришлось посетить в Сибири одну каторжную тюрьму<sup>19</sup>.

Начальник тюрьмы очень охотно разрешил мне ознакомиться с её внутренним распорядком. И даже допустил подробно осмотреть мастерские, в которых работают каторжане. Надо сказать, что начальник этот отличался редкой гуманностью: недавно его перевели куда-то...

Он держался того взгляда, что в тюрьме надо как можно шире поставить отдел мастерских. Это — лучшее средство «успокоения» арестантов. Тюрьма превращается тогда в большой рабочий дом. Заключённые мало-помалу входят в колею рабочего человека — их не доводит до сумасшествия и оупения бездельное однообразие долголетнего заключения.

И действительно, за время своего недолгого «начальствования» он сумел поставить на широкую ногу тюремные мастерские. Длинный ряд комнат был отведён под столярные, токарные, плотничные работы. Появилась целая мастерская «художественных работ», в которой выжигали по дереву, лепили, рисовали масляными красками. Любителям садоводства предоставлено было возиться в тюремном саду.

Я слышал, что с уходом этого начальника в тюрьме начались совсем другие порядки. Работа в мастерских сокращена больше чем наполовину, а одновременно с этим из тюрьмы заключённые стали писать на волю тяжёлые, тоскливые, жуткие письма...

Тюрьма — одно из ужаснейших несчастий человечества. Отрицать тюрьму — это значит отрицать государство. Таким образом, признавая государство несовершенной, но исторически необходимой формой организации людей, приходится признать и тюрьму как «неизбежное зло».

Принудительное лишение людей свободы, абсолютно недопустимое в *христианском обществе*, — в обществе *не христианском*, объединённом не Церковью, а государством, — будет существовать до тех пор, пока будут существовать преступники.

Преступление и наказание в жизни государства связаны неразрывно. Но именно в силу этой «неразрывности», в силу «неизбежности» этого зла — государство должно напрягать все свои силы

на то, чтобы «зла» было как можно меньше и чтобы «наказание» преследовало свою настоящую цель: исправления и временной изоляции вредного члена общества.

Тюрьма, как и всякое «наказание», легко вырождается в орудие *мести*, и тогда из наказания она превращается в *преступление*.

Долг всякого правительства — строго блюсти, чтобы учреждение, призванное служить *государственным* интересам — исправлению и спасению преступников, — не превратилось в учреждение «легального мучительства».

Признаки извращённого понимания у нас идеи «наказания» налицо. Ещё не так давно в Государственном совете цинично возмущались, что в наших тюрьмах слишком хорошо кормят преступников и вообще им слишком хорошо «живётся». Как будто бы задача тюрьмы — морить голодом и сделать жизнь невыносимо тяжёлой.

Нет, как раз наоборот.

По внутреннему смыслу «наказания» — государство берёт испорченного человека, под свою ответственность, на *исправление*. Оно обязано заботиться о *хорошем питании*, дабы вернуть исправленного человека *здоровым физически*. Оно не должно бесцельно создавать тяжёлые условия для заключённых, ибо самое лишение свободы есть уже достаточно большая «тяжесть».

Словом говоря, при правильном взгляде на преступника как на человека, нуждающегося в исправлении, — и при правильном взгляде на наказание как на средство *исправить* преступника, — коренным образом изменится вся система нашего тюремного управления.

Государство не должно «мстить», это был бы возврат к диким временам, к эпохе родовой мести. Государство должно *спасать*. Во имя этого высокого назначения — оно только и может быть прощено за один из величайших грехов: за лишение свободы человека.

Как далеко зашла преступная идея, что тюрьма — место, где всё «позволено», могут служить события в исправительном приюте в Одессе<sup>20</sup> и убийство в Рукавишниковском приюте в Москве<sup>21</sup>.

Швейцар бьёт кочергой по левому боку мальчика так, что сердце разрывается; детей бросают в карцер с каким-то особенным «зубчатым полом», — и делают так потому, что мальчики очень испорчены, очень надоели, «вывели из себя».

Другими словами, швейцар и администрация кочергой и карцером сводят с малолетними преступниками «счёты» — *мстят* им.

Они поступают так, не чувствуя всей чудовищности своего дела, потому что и во всём учреждении видят такую же «кочергу», такое же орудие для сведения счётов с преступниками, для *мщения* им со стороны государства.

И долго будут ещё всплывать на поверхность подобные же чудовищные факты, до тех пор, пока государство не встанет на *высоту своего призвания* во всех вопросах государственной жизни, и в частности, в вопросе о преступлении и наказании.



# ПИСЬМА ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

## МАЛЕНЬКИЕ ПИСЬМА

Друзья, мир вам!

Я далёкий, неизвестный друг ваш. Как хотел бы я быть с вами, любить вас, знать, жить вместе, радоваться одной, большой радостью!

Я буду писать вам «маленькие письма» обо всём, что подскажет мне сердце. Я знаю, вы поймёте; вы ведь тоже много страдали — может быть, больше, чем я. А кто много страдал, тот многое поймёт.

Господи! можно же хоть в письмах говорить правду? Или мир так изолгался, что незаметно для себя отравляешься ядом этой лжи?

Да не будет!

Небо весеннее. Солнце яркое. Вода шумит. Жизнь, молодость, радость! И хочется мне в душе своей чувствовать одну только радость этой общей жизни!

Друзья мои! Вы не знаете меня. Позвольте же несколько слов написать о себе, чтобы вы хоть сколько-нибудь представляли, кто вам пишет; самое главное, основное скажу, а из дальнейших писем узнаете остальное. Всего сразу не скажешь.

Человек я самый обыкновенный, есть во мне и хорошее, и дурное. Делал и много гадостей на свете, случалось делать и хорошее. Я не хочу и не смею — учить! Учить очень легко. Учиться гораздо труднее.

Самое главное стремление моё, всегда было и есть, — *уйти от мира*. Вы поймите это по-настоящему, тогда только мы будем понимать друг друга. Уйти от мира — это вовсе не значит



уйти в монастырь; вовсе не значит бросить всё и всех на произвол судьбы и заняться самоспасением, нет. Тут другое.

Нужно всегда, везде и всюду помнить одно: каждый час жизни должен быть прожит для Бога; каждый час жизни на шаг приближает смерть. Преступно терять время, Богом данное.

Если вы не потеряете это настроенье и всегда будете носить его в сердце, вы сразу увидите, что только Божье останется вокруг вас, все мирские желанья, вся суета и бессмысленная трескотня жизни рассеются в прах!

Не легко это. Знаю я. Но передо мной всегда стоял этот путь как неизбежный. «Прочь от мира» — всегда звучало в душе моей властным призывом.

И вот, в данный момент как никогда громко звучит этот голос.

Да — читать лекции, видеться с людьми, которые готовы соприкоснуться с твоей душой. Уединённо писать и быть правдивым, отбросив всё самолюбивое, всё личное, подлое. И никаких «знакомств», никакого «житья-бытья», никакой «обывательщины», которая полна сплетничества, взаимоосуждений, дрянных, грязных страстей.

Вот основной мотив моих настроений в настоящее время. Запомните его. Я не буду в своих письмах исповедоваться вам: это опасное дело, и чаще оно приносит вред, чем пользу.

Я буду описывать вам жизнь, буду описывать то, что привлечёт моё внимание. Но за всеми этими описаниями будет стоять моя живая душа, её почувствовать необходимо, чтобы за пёстрыми страничками «маленьких писем» вы могли почувствовать то цельное, что видится их автору.

Трудно понять друг друга — особенно у нас, когда каждое слово завалено всяким мусором. Можно ли употреблять такие слова, как «Церковь», «христианство», «любовь», «религия» и пр., не объяснив, в каком смысле их употребляем?

Вот почему мне, может быть, придётся иной раз целое письмо посвятить объяснению того, в каком смысле употребляем то или иное слово. А то ведь и о. Восторгов, и покойный Грингмут приносили те же самые слова «Церковь», «христианство», которые употребляли и Ф. Достоевский, и Вл. Соловьёв.

И то, что кощунство у одних, то звучит вечной правдой у других.

Но, Бог даст, мало-помалу мы всё же друг друга поймём, любим и с Божьей помощью вместе «пойдём за Ним».

## НАДО ЛИ ПОДДЕРЖИВАТЬ «ВИСЯЩЕЕ НА НИТОЧКЕ»?

Мне вспоминается один эпизод, из недавнего прошлого, который представляется теперь бесконечно далёким!

В Москве происходил знаменитый съезд земских и городских деятелей<sup>22</sup>. Речь шла о том, поддерживать ли правительство, в лице графа Витте, или нет? При баллотировке вопрос этот вылился не более не менее как в формулу: «за или против Учредительного собрания»! Голосовавшие за поддержку правительства голосовали за конституцию, против — за Учредительное собрание.

Председатель поимённо спрашивал, с самым торжественным видом: «За или против?» И все эти почтенные, солидные люди с бородами и с проседью самым серьёзным образом отвечали: «За Учредительное собрание»... «Против»...

Им, видимо, казалось, что они решают судьбу России.

Всё это происходило не на «конспиративной» студенческой квартире, а в великолепном доме Морозова на Воздвиженке, не тайно, а гласно, хотя публика допускалась только по знакомству и особому приглашению, но всё же до такой степени гласно, что графу Витте по телефону докладывали обо всех постановлениях съезда...

И вот, во время прений какой-то оратор горячо убеждал поддерживать Витте и конституцию, мотивируя это тем, что «Витте висит на ниточке»... Теперешний московский депутат Н. Н. Щепкин<sup>23</sup> очень ядовито спросил оратора: «Но не опасно ли поддерживать человека, который висит на ниточке?»

Очень тогда насмешил этот вопрос.

И действительно, он был очень смешно и остроумно поставлен.

Но рамки этого вопроса могут быть бесконечно раздвинуты, из частного он может стать принципиальным, из смешного по форме — глубоко серьёзным по содержанию.

Не опасно ли и надо ли поддерживать вообще «висящее на ниточке»?

Надо ли поддерживать обветшалое, отжившее, что «еле держится», из боязни «резких потрясений», «радикальных катастроф»? Надо ли создавать, поддерживая «висящее на ниточке»,

какие-то «безболезненные», «постепенные» переходы? Или пусть падает, и чем скорее, тем лучше, потому что, в конце концов, все эти подпорки только тормозят жизнь.

Другими словами, всё сводится к вопросу, на чьей стороне правда: на стороне либерального или радикального общественного мировоззрения?

Основной мотив либерально-общественного мировоззрения — это «постепенщина». Полегоньку, помаленьку, «эволюционировать» от Иоанна Грозного до Петра Великого, от Петра Великого до конституционной монархии. Ну а в случае достижения конституционной монархии так же тихо, без шума и без всяких тревожных потрясений, «прогрессировать» дальше. Куда? Этого достаточно ясно никто себе не представляет, но, во всяком случае, куда-то в сторону «экономического и культурного развития», как принято говорить в нашем культурном обществе.

При таком «настроении» естественно желание сохранить историческую традицию и всему «висящему в воздухе» помогать постепенно, не падая, опускаться в могилу.

Этот «эволюционизм», наследованный от эпохи, когда властителем дум были Дарвин и Конт, до сих пор отравляет души нашей интеллигенции и по существу глубоко чужд национальному складу русского народа.

Русский народ не любит ничего половинчатого, недоделанного, недосказанного. И не боится сразу начинать жизнь по-новому. Душа русского человека способна перерождаться в одну ночь. И символом национального радикализма может служить русский граф, в пятьдесят лет надевший мужицкую блузу и начавший жить по-новому.

Таковы отдельные люди, таков и народ в целом.

Вот почему иностранцев удивляет, что первый русский парламент, парламент полудикой, голодной, невежественной страны, вносил законопроекты, которые представляются и до сих пор слишком радикальными на Западе: проект о принудительном отчуждении земли и об отмене смертной казни<sup>24</sup>. Спрашивается, существовала ли бы смертная казнь в России, если бы наша Дума избиралась, как французский парламент, и имела бы такое же законодательное значение? И не ясно ли, что, если бы в России ввести всеобщее избирательное право, народ потребовал бы не только «принудительного отчуждения земли», но, может быть,

и принудительного отчуждения фабрик! И во всяком случае, создал бы законодательство самое радикальное и встал бы впереди всех так называемых цивилизованных стран.

Русский народ сознательно, а интеллигенция бессознательно — верят в чудо. Верят в какую-то историческую «внезапность», и вера эта освобождает от рабства перед исторической традицией, вдохновляет на героические перевороты, на самые крайние и радикальные решения вопросов, которые ставит жизнь.

Либерализм глубоко враждебен религиозному сознанию и, главное, религиозной психологии. Не думали апостолы о «постепенном», «экономическом» и тому подобном развитии. Не разбежались, когда заколебалось здание языческой жизни, не бросились поддерживать идолов, висевших на ниточке, не испугались ни огня, ни меча, ни катастроф, с пророческой верой в своё великое призвание вошли они в мир и повернули *всю жизнь* на новую историческую дорогу.

И ныне всё живое, творческое, смелое и сильное — всё должно вместе с скрытыми, неопознанными народными силами вылиться в форму радикального общественного мировоззрения. Я говорю здесь не только о политике. Даже, пожалуй, меньше всего о политике. Я говорю о всей жизни, которая требует коренного переустройства сверху донизу.

У Ибсена есть одно стихотворение, которое очень хорошо может иллюстрировать мою мысль. В русском переводе оно, к сожалению, очень неуклюже по форме, но остаётся необыкновенно знаменательным по содержанию. Ибсен оправдывается от упрека «в отсталости». «Нет», — говорит он:

Я тот же всё, каким и был я весь свой век.  
Фигуры лишь переставлять я не охотник,  
Но опрокиньте доску всю — я ваш работник.  
Я до сих пор один переворот  
На свете помню настоящий: это тот,  
Которым был потоп всемирный...

Однако, по мнению Ибсена, и потоп был не вполне радикальным переворотом:

Но Люцифер впросак попался и тогда:  
Стал Ной диктатором, когда сбыва вода!

И вот, Ибсен задаёт вопрос:

Уж не проделать ли нам это всё сначала?  
Людей лишь нужно и ораторов немало.  
Так вот устройте мировой потоп скорей.

И в этом новом мировом потопе Ибсен хотел бы довести дело обновления до конца, дальше, чем оно доведено было тем потопом, после которого Ной стал диктатором.

Ибсен говорит:

И мину подведу я под ковчег, ей-ей!<sup>25</sup>

Итак, надо ли поддерживать «висящее на ниточке». Нет, не надо! Пусть разбивается вдребезги. Только бессильные живут прошлым. Отдаться во власть прошлого — это самое безнадежное рабство. Надо жить будущим. Жизнь требует не новых подпорок, она требует нового всемирного потопа.

### «НИ БОГУ СВЕЧКА — НИ ЧОРТУ КОЧЕРГА»

*(По поводу статьи С. Булгакова «Революция и реакция»)*

**В**от основной тезис этой изумительной статьи:

«Идеал христианский — не революция, не реакция, но, по возможности, по слову ап. Павла, “тихая и безмятежная жизнь”, т. е., стало быть, органический рост и мирное развитие»<sup>26</sup>.

Нет: не стало быть!..

«Тихая и безмятежная жизнь» ни в какой связи с вопросом о «революционности» не стоит и никакого «мирного развития» не обуславливает.

Можно в личной своей жизни основным настроением иметь «безмятежную жизнь», можно с глубочайшим равнодушием и спокойствием относиться к личным своим неудачам, с безмятежной радостью входить на костёр и лобное место, — и в то же время быть «сыном громовым»<sup>27</sup>, потрясать, как Самсон, языческий храм, где пируют филистимляне, и с пророческим гневом проповедовать «не мир, но меч».

Ап. Павел, которого цитирует С. Булгаков, — не принадлежал к партии «мирного обновления». Не «постепенно» из Савла становился Павлом и пред греческим ареопагом выступал не

с «кадетской» программой «малых» дел, а с проповедью такого переворота, который по тогдашним понятиям был «безумным бунтом»<sup>28</sup>.

То, что С. Булгаков называет христианством, и те идеалы, которые ему рисуются, это менее христианство, чем неистовая проповедь Илиодора. Потому что это даже вообще совсем не религия.

А — просто «так».

Выражаясь грубой русской половицей: «Ни Богу свечка — ни чорту кочерга».

В предыдущем письме я мельком говорил о том, как несоместимо с религиозным сознанием и религиозной психологией «либеральное» настроение, основной мотив которого — «постепеновщина».

Статья С. Булгакова служит прекрасной иллюстрацией, какое христианство может вырасти на либеральной почве.

Когда радикальное настроение окрашивается в «чёрный» христианский цвет — из него встаёт грозный дух великого инквизитора, со всеми его разновидностями.

Но когда либеральное настроение соединяется с «религиозностью», получается слащавая маниловщина, ни то ни сё, какой-то отвратительный сироп, в котором христианства бесконечно меньше, чем в инквизиции.

Поверьте, чудовищное уродство ближе к настоящей красоте, чем смазливая пошлость. И в уродливых криках Илиодора больше Христа, чем в «смазливом» христианстве С. Булгакова.

Лучше «кочерга»...

Лучше быть развратником, человекоубийцей, насильником, лжецом, предателем, лучше распинать Христа и в себе, и в других, лучше гнать Его, как гнал иступлённый Савл, чем, когда Его распинают, писать о «тихой и безмятежной» жизни.

Лучше потому, что в разврате, в человекоубийстве, в лжи — бездна страданий. А там, где страдают, там Савлы становятся Павлами. В «тихом» же и «безмятежном» житии, как его понимает С. Булгаков, — сплошное «ничто», безнадежная смерть, величайший ужас, который закрыт от души сахарными херувимами.

Тезису С. Булгакова «Идеал христианский не революция, не реакция» — я бы хотел противопоставить свой.

Но об этом до следующего раза.

## «ШАЛУНЫ»

Мне передавали об одном любопытном разговоре с неким петербургским сектантом — из простых.

Речь шла о Д. С. Мережковском.

Сектант одобрил его: хороший, говорит, умный человек, учёный.  
— Только шалун!..

Что за неожиданная и убийственная характеристика!

Я лично думаю, что в данном случае это слово направлено не по адресу. Д. С. Мережковский если и «шалун» немножко, то, во всяком случае, в общем, человек и серьёзный, и смелый, и устойчивый.

Но вот Николай Бердяев и Вячеслав Иванов — это несомненно «шалуны»!..

Я здесь далёк от обычных обвинений, которые бросают по адресу так называемой «религиозной» интеллигенции вообще и религиозных писателей, в частности:

— Вы ничего не делаете, вы только говорите...

Эти упрёки в значительной степени основаны на недоразумении.

Ведь прежде, чем задавать вопрос: что делает религиозная интеллигенция? — следует задать другой вопрос: существует ли религиозная интеллигенция?

Я лично, самым решительным образом, думаю, что никакой религиозной интеллигенции нет.

В самом деле, пусть вспомнят, давно ли стало допустимым серьёзно говорить о религиозных вопросах?

Давно ли среди учащейся молодёжи стало возможным обсуждать вопрос о Боге, без риска, в лучшем случае, прослыть сумасшедшим? Вспомните, каким одиноким звучал голос Вл. Соловьёва, — а ведь это был голос пророческой силы, но и он разбивался о пустую, каменную стену атеистических предрассудков. Вспомните, каким свистом и ироническим пожиманием плеч был встречен когда-то «светский» религиозный журнал «Новый путь».

Бесспорно, несколько лет назад вошло даже в моду говорить о Христе. Из одной крайности бросились в другую: «богоискательство» стало каким-то «духовным спортом». Но ни серьёзная сторона в этом богоискательстве, ни, тем более, легкомысленно-внешняя, не могли создать цельную, законченную религиозную

личность из людей, с молоком матери впитавших атеистический «интеллигентский» склад.

«Религиозная» русская интеллигенция состоит не из верующих людей, а из людей прислушивающихся. Но может ли такая «вера» перейти в действие?

Прежде чем требовать от религиозной интеллигенции дел, надо эту интеллигенцию создать.

Упрёк по отношению религиозных писателей: что они ничего не делают и только говорят, — является ещё большим недоразумением, поскольку речь о них идёт как о писателях.

Ну какое же «дело» может «делать» писатель в книге, кроме как «говорить»? И не странно ли в печатном произведении искать «поступков» и «действий»?

Другой вопрос, делают ли они что-нибудь, кроме писательства; но это уж их личная жизнь, которая к «книге» отношения не имеет.

И не потому Николай Бердяев «шалун», что он «книги пишет».

---

Лет семь тому назад вышла нашумевшая в своё время книга «Проблемы идеализма»<sup>29</sup>.

В «Вопросах философии и психологии» был напечатан очень ядовитый по существу и сдержанный по форме разбор этой книги Ю. Айхенвальда.

Этот корректнейший из корректных обратился к Н. Бердяеву с дружеским советом «не торопиться». Основываясь на собственных признаниях Бердяева, что он в два-три года «проэволюционировал» чуть ли не от крайнего позитивизма к крайнему идеализму, Ю. Айхенвальд справедливо заметил, что при такой «быстроте философской походки» не лучше ли «иному Ахиллу мысли» несколько повременить с печатанием своих произведений.

Но «шалун» Бердяев доброго совета не послушал.

Начал «эволюционировать» дальше...

Прошёл год, другой, и в журнале «Вопросы жизни» Николай Бердяев, выражаясь словами одного петербургского священника, «перекинулся» с Д. С. Мережковским «открытым письмом». Из этой дружеской переписки было ясно, что Н. Бердяев вот-вот вступит в «новую церковь»<sup>30</sup>.

Но Бердяев — «шалун»...

Проходит ещё год-другой. И перед нами новая книга: «Новое религиозное сознание и общественность». В ней уже замечается



внутреннее тяготение к «православию», хотя очень убедительно доказывается, что в церковном христианстве нет «антропологии» и потому нет полноты религиозного откровения.

Ещё год-другой.

Новая книга: «Кризис интеллигенции»<sup>31</sup>.

Это уж проповедь самого узкого традиционного, беспросветного православия.

Дошалился!

---

А вот другой «шалун» — Вячеслав Иванов.

Учёнейший человек. По-гречески и по-латински чуть не говорит. Сам выдумал новое греческое слово! Филологическая эрудиция громаднейшая. Я лично слишком мало его знаю, чтобы сказать про него, что он искренний, хороший человек и т. д.

Но — ума палата!

Это несомненно... И вдруг — «шалун».

В собраниях «религиозно-философского общества» (в одной из секций) выступил с защитой католицизма и папства...<sup>32</sup>

Позвольте? А как же «мистический анархизм»?

Не Вячеслав ли Иванов, серьёзнейшей русский религиозный мыслитель, «создал» это «новое» мистическое направление в литературе? Породил Чулкова с «Факелами»<sup>33</sup> и пр., и пр., и вдруг защита католицизма...

«Мистический анархизм» и «католическое папство»?!

— Шалун, Вячеслав Иванов, шалун!..

Неужели не «шалун» С. Булгаков<sup>34</sup>, проследовавший перед изумлённым обществом в течение каких-нибудь десяти лет от «марксизма к идеализму» и далее к православию, — шествие которое по справедливости может быть названо:

Путешествие от Иваново-Вознесенска до Троицко-Сергиевской лавры!

А сколько «шалунов» поменьше — не перечесть. Все «пишут», «эволюционируют», «раскаиваются», снова «пишут» и снова «эволюционируют»...

Шалуны!

---

Один простой человек по поводу разговоров о «новой церкви» прислал недавно письмо.

В нём он спрашивает, между прочим: из кого будет состоять «новая церковь», о которой так много говорят и пишут: «Из таких тунеядцев, как и православная?»

И далее предлагает всем «писателям, которые хотят устраивать церковь», — трудиться.

А петербургский сектант говорит:

— Хороший, умный, учёный, только... шалун!

Ну как не сделаться «шалуном» в той нездоровой атмосфере, в которой живут все эти «религиозные мыслители»?

Ложатся в три часа ночи. Встают в час. И всё говорят, говорят, говорят...<sup>35</sup>

Посиди-ка до трёх часов ночи — обязательно до «новой» религиозной «концепции» додумаешься!

«Шалость» — от «праздности». Это давно заметили педагоги. «Шалость ума» — от «праздности воли»... Это неизбежный психологически закон.

Нездоровый воздух петербургских «салонов», «собраний» и пр. и пр. может быть очень благодетелен для музыкантов, поэтов, художников, но для религиозной души он создаёт враждебные условия.

Религиозная мысль, без соответствующей религиозной жизни, — обязательно вырождается в праздную игру ума, в остроумные шалости<sup>36</sup>.

— А вот ещё так, мол, можно решить эту «проблему»...

— А вот ещё этак...

— Колинька, смотри — я на одной левой ножке прыгаю!..

— Ваничка, а я на одной правой!..

Занять бы детей чем-нибудь посерьёзнее! Вовремя укладывать их спать, вовремя заставлять вставать и идти на работу!

Новая религия и новая сосредоточенная религиозная мысль не явится плодом «досужих», «праздных» размышлений, — она родится из нового духа жизни.

## РУССКИЙ «БРАТЕЦ» И ЗАМОРСКИЙ «ПРОПОВЕДНИК»

Пока «шалуны» занимаются своими «религиозными шалостями», «эволюционируют» от Иванова-Вознесенска до Троицко-Сергиевской лавры и от «мистического анархизма» до като-

лического папства, пока они читают «рефераты» и участвуют в «оживлённых прениях», встают в час дня, а до трёх часов ночи придумывают новые «религиозные системы», — в народе всё интенсивнее пробуждается религиозная жизнь.

В Петербург приехал мой близкий друг И. А. Беневский<sup>37</sup>, человек, обладающий удивительной способностью пробуждать во мне «общественные» инстинкты.

Говорит он мало. Пишет редко. Занят переселенческим делом и земельными общинами. Но когда является в столицу из своей Семиреченской области — прощай, моё одиночество.

Точно «наваждение» какое-то.

Выхожу из своей кельи и «общаюсь» с людьми...

---

Пошли к баптистам<sup>38</sup>.

Я никогда не бывал на баптистских молитвенных собраниях. В этот день выступал лучший их проповедник Фетлер<sup>39</sup>.

Мы опоздали: богослужение уже началось.

— Сестра просит возблагодарить Господа, — говорит проповедник на кафедре, — за исцеление ребёнка, о котором мы молились прошлое собрание. Господи! благодарим Тебя за то, что Ты услышал нас.

Несколько секунд глубокого молчания, наклонённые головы и какой-то всеобщий вздох или шёпот, или просто так «кажется».

В руках проповедника новая записочка. И он читает:

— Брат просит помолиться о его грешной душе, которую мучат сомненья.

— Чья-то измученная душа, просит помолиться о ней. Господи, дай ей силы в борьбе с сомненьями. Помогите очиститься от грехов, Господи!

Ещё записочка, ещё, ещё. Головы наклоняются. По зале несётся неясный вздох. Молчат, и только голос проповедника Фетлера, на распев с сильным иностранным акцентом, время от времени раздаётся с кафедры:

— Господи, сестра просит... Господи, брат просит... Помолитесь об этой грешной душе... Возблагодарим Господа...

Спели несколько молитв. Началась проповедь.

Проповедник говорил хорошо. Горячо, с темпераментом. Когда говорил о любви, то понижал голос, когда о вере — повышал его. Мысли были хорошие: не надо думать, что внешнее крещение

спасает человека, нет, — внутренняя его жизнь. Надо давать для питания не «оболочку», а сущность.

— У вас есть дочка, — говорит оратор, — вы зовете её: «Настя! хочешь, я дам тебе конфет?» Она подходит, вы даёте ей одни бумажки... Но ведь это же величайший курьёз!..

Снова проповедник говорит о любви. Голос его дрожит, точно вот-вот сейчас он «разрыдается». Но ничего, обошлось, перешёл к «вере» и опять твёрдо.

Кончил. Спели молитвы и, после крещения нескольких новых членов, приступили к евхаристии. Проповедник поднял чашу и сказал:

— Вот самая чудесная из чаш!  
И улыбнулся почему-то.

Вспомнил слова Христа «пийте от нея все»... Ещё несколько слов проповеди и пение молитв.

Собрание кончилось.

Я стоял и думал: ну, а что, если бы привести сюда толстовского Акима из «Власти тьмы»? Небось, покрутил бы, покрутил бы головой и сказал:

— Не тае это вы, братцы, не тае...<sup>40</sup>  
Действительно, не тае...

Уж очень что-то нерусское. Мало простоты. Видимо, люди ушли от Церкви, холодно им там. Хочется живой творческой общей молитвы. Да как научиться-то такой молитве! Чтобы самим, — надо великую религиозную силу иметь, тогда — да, «от избытка сердца уста глаголали» бы. А тут как раз приезжает «заморский» проповедник. Хороший человек. Любящий. Смешной немножко, да ничего: русские любят иностранцев. И вот, начинает «молиться». Чужие это рамки, неловко в них, да всё лучше, чем в одиночку.

А в общем — тяжёлое впечатление. Тяжёлое потому, что видите, как искреннее, хорошее чувство обесценивается своеобразной театральностью. Приёмами. Техникой. И такой глубоко нерусской.

Я уж не говорю о таком типе русских «учителей», как Амвросий Оптинский или Зосима у Достоевского, нет, взять простого русского крестьянина. Акима того же:

— Не тае, братцы, не тае!

Баптизм распространяется в простом народе? Пусть так. Но его питает не положительное религиозное творчество, а только то,

что в нём есть оппозиционного к современному православию. Баптизм никогда не может стать национальной русской религией, а потому лишён будущего.

Он пытается «опростить» религию, но «опрощенство» и «простота» — не одно и то же. Простоты-то здесь как раз и нет.

Простота — у братца Иванушки.

---

Братец Иванушка — этот «настоящий»<sup>41</sup>.

Вошёл на кафедру, точно солнышко.

Смотрю на собравшихся, переродились все: лица счастливые, добрые, сияют хорошей, детской какой-то радостью.

— Здравствуйте, дорогой братец! Спасибо, дорогой! За всё спасибо...

Так и гудят кругом.

Никакой «задумчивой» молитвы. Свободно, даже весело как-то. Ещё бы не весело, когда такой удивительный «братец» пришёл. Такой маленький, с такой большой-большой бородой. Говорит так понятно, а глаза добрые-добрые и часто улыбается.

— Хороший братец. Спасибо, братец!

Только вот тесно. Так тесно, что теряешь грань: не знаешь, где ты и где твой «ближний».

— В тесноте, да не в обиде, — говорит добродушно мой сосед и кладёт мне «дружески» на плечо руку: чтобы ловчее стоять, поясняет он, а я чуть не к земле пригибаюсь!

Ничего «чинного», заученного, надуманного. Никаких приёмов. Ни дрожи в голосе, ни слёз на глазах. Ни одного высокопарного слова. Ни одного выражения «для красоты слога». Где там! К чему это. Лишь бы поняли-то его как следует. Ему не «впечатление» надо произвести, ему бы истину-то как-нибудь передать попроще. Иванушка — простой мужик и знает, как трудно эта самая истина-то достаётся. Да вот осилил он её. А теперь бы только другим-то получше передать...

— Не спросили Христа, — говорит Иванушка, — кто Ты, да сколько зарабатываешь, да много ли у Тебя денег, нет: где, говорят, Ты живёшь? Живёшь где?<sup>42</sup> Им надо узнать, где Христос живёт. Так и мы теперь должны больше всего о том думать: где нам бы Христа найти.

— Верно, верно, дорогой братец, — кричат со всех сторон. Радые, что поняли и что он так хорошо всё это подвёл.

Зашумят, зашумят и сейчас же стихнут: хочется узнать, что дальше-то он им скажет.

И чем дальше говорит братец, тем радостней и как-то чище становятся все в собрании. Точно одна за другой улетают тёмные тени какие-то. Светло делается.

Поражают лица: ни малейшего «нервного» напряжения, ничего «вымученного», никакой «подавленности». Самое основное чувство — всеобщая радость. И главное, все «живут», не застывают в «молитвенных», красивых позах. Не склоняют голов. Не вздыхают. Какой там! Шумно:

— Так, братец, верно.

— Я вам напомию сегодняшнее Евангелие, — говорит братец.

— Напомни, напомни, дорогой.

Радуются: значит, мол, не конец, ещё говорить будет. Нет ни одного человека, который бы думал: скоро ли кончится. Кажется, всю ночь можно слушать.

— Нет такой души, — говорит братец, — которую добром нельзя было бы тронуть: разве уж душа попадётся такой адамант...

И братец рукой показывает этот «адамант». Чувствуешь, что, действительно, что-то «твёрдое». А братец даже брови немножко сдвинул. Неприятно ему, что такие «адаманты» попадают. Но сейчас же лицо делается по-прежнему светлым, и он говорит.

— Если бы души не гибли от этого, я бы ничего не сказал, — а то ведь гибнут, как гибнут-то ещё. Проваливаются!

— Верно, верно, братец!

И так до конца. Ничего притворно-сентиментального. Ни одного слова о том, что он «всех любит». И в то же время такая олицетворённая любовь ко всем, кто стоит вокруг его кафедры, — и такая же глубокая, нежная, задушевная любовь слушателей. На которую, кажется, способно только измученное сердце простого русского человека.

Хороший братец. Спасибо, братец!..

---

Заморский «проповедник» Фетлер тоже, вероятно, хороший человек.

Но русский «братец Иванушка» ближе моему сердцу.

Красивые слова мы и сами умеем говорить не хуже Фетлера. А вот у кого научиться простоте?

Все эти «приёмы», слёзы, дрожание голоса, подымание к небу глаз и рук — всё это пустышка.

«Не тае это»...

А глаза, улыбка, простые слова братца Иванушки — это не пустышка. Это «настоящее»<sup>43</sup>.

Если бы баптистскому проповеднику противопоставить не православного миссионера, которому не верят ни баптисты, ни православные, ни он сам себе, наконец, — а вот такого «хорошего братца», то заморскому проповеднику скоро бы пришлось уезжать на родину!

Хороший он человек...

Только он стал бы здесь совсем не нужен.

## НЕЧТО О РОЗОВЫХ И ЧЁРНЫХ ОЧКАХ

У меня тоже есть «далёкий» друг<sup>44</sup>. Живёт он в глухой-глухой провинции. Сделался «сереньким попиком», как сам в шутку называет себя, почти двадцать лет окружён людьми, с которыми нельзя «поговорить», — но, всё же, до сих пор смотрит на жизнь, по его же собственному признанию, «сквозь розовые очки».

Я не встречал людей более искренних, глубоких и духовно независимых, чем этот захолустный «серенький попик». И потому к голосу его прислушиваюсь больше, чем к фальшивым, выложенным фразам столичных «мудрецов».

И вот, мой «далёкий» друг, всегда чуткий и мягкий, шлёт мне свой ласковый упрёк за то, что я слишком мрачно смотрю на жизнь. Так сказать, ношу «чёрные очки».

Пишет: «Мне от души вас жаль... Простите, может быть, за неуместное сочувствие...»

Словом, между «сереньким попиком» в розовых очках и молодым писателем в чёрных — разгорелась «полемика».

Вот мне и хочется поговорить об этих самых «чёрных очках».

---

Да. Это правда. В известном смысле, всё мне рисуется в чёрном свете. Но я отнюдь не принадлежу к категории людей «причитающихся».

Я верю, что не пустые слова: «Чем ночь темней — тем ярче звёзды»<sup>45</sup>.

И не сразу я надел свои чёрные очки, не без бою уступил розовые. И надел их не для того, чтобы «плакать», — а для того, чтобы безбоязненно увидеть, какая до ужаса тёмная ночь спустилась, и в ужасе этом воспитать в себе силы, хотя бы и «одному», выходить против «всей» жизни. И среди какой угодно всеобщей пошлости суметь создать свою «Америку», свою страну красивой, прекрасной, достойной человека жизни.

Разве я сразу попал в своё одиночество?

О нет. Жизнь моя так сложилась, что я прежде «понаблюдал» все слои её, от самых высших до подполья. И несмотря на свою молодость, могу сказать, что много жил.

Но всё это «автобиография». Оставим это...

Жизнь мне кажется сплошной, тёмной ночью не потому, что нет хороших людей, отдельные люди есть, — но потому, что человеческие «отношения», жизнь коллективная, общественная сейчас, по крайней мере, сплошной мрак<sup>46</sup>.

Ради Бога не думайте, что вся суть в политике. Не думайте, что я имею в виду «движение»... Это мелочь. Пустяки. Суть же в том, что каждый человек изживает свою жизнь где-то внутри себя, ничего не проявляет наружу, ни с кем не делаясь своей настоящей жизнью, а делаясь лишь чем-то негодным, внешним, каким-то «хламом». А потому и «отдельные» эти хорошие люди тьму не освещают... Получается какое-то чудовищное, чисто механическое соединение людей. Оно сковывает по рукам и ногам всякого свободного человека, жаждущего «настоящего» общения, и потому лучше уйти в одиночество, чтобы набраться сил, чем продолжать участвовать в этом «механическом» соединении.

Я знаю, что отдельные «факты» — не доказательства. И если в споре [выяснить], кто прав: носящий розовые или чёрные очки, прибегать к «личному» опыту — получится не спор, а «обмен» личными наблюдениями. Мы должны обратиться к таким явлениям, которые свидетельствуют о внутреннем состоянии нашей современной жизни.

Открываю газету и читаю:

«Газета “Dzien” приводит следующую статистику: в настоящее время в Варшаве числится 30 000 тайных проституток: 70% холостых мужчин больны венерическими болезнями».

Варшава — не Содом или Гоморра. Каждый город — в немного большей или в немного меньшей степени — такая же Варшава.



Вот вы и вдумайтесь в это явление. Каково должно быть моральное и духовное состояние людей, если на город, имеющий тысяч сто-полтораста взрослого мужского населения<sup>47</sup>, приходится 30 000 тайных проституток. Какие мужья, отцы, люди — будут все те холостые мужчины, 70% которых больны венерическими болезнями?

Попробуйте на этот факт посмотреть через розовые очки.

Поверьте, розовый цвет их станет чёрным, как пропасть.

Ведь это уже не «исключение», не «отдельный факт». Это сплошное, повальное, ужасающее моральное разложение общества.

Удовлетворять разврат свой при помощи проституции можно только при условии окончательного уподобления женщины какому-то даже не животному, а неодушевлённому предмету. Это не «сладострастие», а полнейшее очерствение человеческой души, полнейшая потеря ею своего человеческого достоинства. Человек «развращённый» может исправиться, но человек-труп может «воскреснуть» только как редкое исключение.

Если вы серьёзно вдумаетесь, какая душа у всех тех мужчин, которые составляют эти 70%, каково сердце у тех, кто пользуется услугами этих 30 000 женщин, какими погаными глазами смотрят они на людей, на природу, на мир, какой смрад носят они в себе, — вы согласитесь, что жизнь наша пришла к какому-то грозному обрыву и вот-вот полетит в открывшуюся пропасть.

А вот другое явление.

Разложение нашей литературы.

Это тоже факт. И тоже не «единичный».

Русская литература — это наша гордость, наша слава, наше утешение. Посмотрите, во что она выродилась. За эти дни в «Новой Руси» достаточно ясно и объективно был освещён только что разыгравшийся скандал между К. Чуковским и «Современным миром». Вот его итог: литературная среда загнила<sup>48</sup>.

Скажете, «преувеличение»?

Возьмите газету и читайте о самом «чистом», что оставалось в литературе, о Литературном фонде.

В доме писателей «жил с самого его основания, т. е. с 1904 года, старый труженик литературы Н. Н. Доманский<sup>49</sup>, доверчиво пошедший на зов отдохнуть и провести остаток дней среди добрых и хороших людей привычного ему писательского круга. Туго работала уже уставшая рука, потеряли уже бодрость утомлённые

нервы, но он всё-таки работал на любимом старом поприще и из последних средств платил за свою комнату 12 р. в месяц. Шли годы, а с ними заработки всё хуже и хуже. И стало старику невмогуту платить аккуратно. Частенько за ним числились недоимки, которые он потом, из нахлынувшего гонорара, погашал и верил, что заплатит всё. Вдруг... получает он от мирового судьи повестку о выселении из дома и уплате стольких-то рублей. Администрация предъявила иск и вышвыривает старика на мороз. Это было как раз в лютое холодное время. Разбитый, удручённый старик собирает свой жалкий скарб, переезжает в угол к товарищу».

Доманский через некоторое время умер от удара.

Но это не всё.

Из писательского дома «выселены»: Н. С. Шейковский, задолжавший 24 р.; И. М. Булацель (драматург), не уплативший 44 р. Вышвырнули старика И. И. Потканова, старого переводчика Я. Л. Паппера. В доме «писателей» умер от голода старик Н. А. Попов.

Всё это происходит в «доме» Литературного фонда.

Я не говорю уже о «литературных нравах», о бесконечных интригах, сплетнях, зависти, всяческой грязи, — разложение и упадок, очевидные для всякого.

Эту скорбную летопись «доказательств» можно было бы продолжить и дальше. Можно было бы дать характеристику «адвокатских нравов», «артистов», «художников» и пр., и пр., и пр.

Госпожа Пошлость ворвалась всюду и своими опоганенными руками душит нашу жизнь.

Даже молодёжь наша, студенчество, в котором всегда концентрировалось особое, радостное какое-то стремление к «жертвам», в котором столько было благородства и чистого негодования ко всякой мерзости, — почитайте, какими бездушными, жалкими, трафаретными «обличениями» ответило оно в значительной своей части на неслыханное оскорбление, брошенное Пуришкевичем и поддержанное большинством Думы<sup>50</sup>.

Но и сказанного слишком довольно.

Укажите мне хоть одно яркое, живое общественное явление последнего времени, и я первый разобью свои чёрные очки.

Его нет. Оно предчувствуется, это правда. Но пусть это может давать веру в лучшее будущее и всё же не может дать права сквозь розовые очки смотреть на настоящее.

Вера в лучшее будущее питается верой в интеллигенцию и в народ.

---

Несмотря на свои чёрные очки, я верю и в то и в другое.

Интеллигенция есть. Кризис её — выдумка. Но эта интеллигенция прижата к стене шумной толпой хулиганов, вырвавшихся откуда-то на арену жизни.

Пусть её только 30%, но это живая сила, которая, соединившись с живыми народными силами, — спасёт нашу страну.

Народ же, грубый, тёмный, невежественный, часто пьяный, часто развращённый городом, — всё же, в целом, по-прежнему великий русский народ<sup>51</sup>.

И здесь тоже есть «факты».

Это: его напряжённое искание Бога.

В то время, когда «культурные» люди упиваются пьяным угаром, самолюбием, тщеславием, борются из-за наживы и почётного места на «пиру жизни», по деревням, в душных избах, люди труда и нужды думают свою глубокую думу: как жить по-Божьи<sup>52</sup>.

И только тогда рассеется ночь, загорится настоящий день, упадут чёрные очки и всё осветится победным светом, когда честная, чистая русская интеллигенция, отброшенная куда-то в сторону, соединится с великим русским народом.

Только не жалейте меня, мой «далёкий друг». Плохо не носить очки чёрные, плохо иметь бессильное сердце и холодную кровь. Но этого упрёка вы мне не сделаете.

«Серенький попик» носит розовые очки, потому что с детства рос в деревне и всё время жил с простым, чистым русским народом.

Не всем достаётся такое счастье.

Если бы «серенький попик» воспитывался как «барчонок», который всё может «купить», а потом бы читал лекции, выступал в учёных обществах, спорил бы на заседаниях с «умными людьми», имел бы несчастье иметь «литературные» знакомства и ежедневно прочитывать почти все газеты, — стал бы он таким же одиноким человеком, как и его столичный «далёкий друг».

Я знаю, что вся суть в народе. Но вы-то знаете ли, как ужасно трудно подойти к нему? Подойти душой, искренно, а не разыгрываемая лишь пустую комедию опрошенства.

Нельзя вопрос о слиянии с народом сводить к вопросу о том, как носить брюки: в сапоги или навывпуск.

У меня сейчас, по крайней мере, нет сил подойти к народу окончательно и душой, и всеми своими стремлениями.

А потому я до срока буду и носить чёрные очки, и пребывать в своём «одиночестве»...

## ГОЛГОФА

**Ч**то такое Голгофа?

Позорная казнь? Распятие праведника, причисленного к злодеям? Торжество всесильного синедриона и римских солдат над «безоружным Царём Иудейским», над непризнанным пророком из Назарета? Расправа ослеплённой черни? Распятие Сына человеческого озверевшими палачами?

Но если так, почему же Голгофа поднялась над историей человечества как величайший загадочнейший символ?

Разве не было казней более позорных, более мучительных? Разве не отдавали людей на растерзание диким зверям, не жарили на медленном огне, не бросали в кипящую смолу, не возводили на костры? Разве не был распят ученик Христа вниз головой<sup>53</sup>, разве не вырывали куски тела раскалёнными щипцами у первых мучеников христианских? А наука, а политическая борьба? Разве они не знают своих праведников, пророков, апостолов, бестрепетно всходивших на эшафот?

Почему же только *одна* казнь стала «Голгофой»? Почему и верующие, и неверующие чувствуют, что «эшафот» и «Голгофа» — не одно и то же? Почему слово Христово, произнесённое на кресте: «Совершилось» — так волнует душу и является как бы необходимым моментом Голгофы?

Почему величайшие гении человечества связывали своё вдохновение со страданиями Христа? Почему казнь Иисуса стала мировой трагедией?

Не потому распятие стало Голгофой, что Христос больше других мучился на кресте, — смысл Голгофы не в том, что дан был пример мужественной кончины за идею: история знает тысячи таких примеров.

Смысл Голгофы в другом; он лежит за пределами обычных человеческих соображений и оценок — в области религиозной.

Я хочу показать, как христианство понимает этот смысл.

В мою задачу не входит здесь «доказывать» основательность религиозного мирозерцания. Ни оправдывать его, ни опровергать я не буду.

Мне хочется ответить на вопрос, как *по-настоящему* христианство относится к Голгофе. Показать, в чём лежит смысл Голгофы для верующего христианства.

---

Не поразительно ли, что орудие казни — крест, стало эмблемой христианской религии? Орудие пытки, на котором люди замучили своего Бога, не изгнано навсегда из человеческой жизни, не сожжено, не истреблено дотла, чтобы и воспоминание о нём обратилось в пепел, а поставлено на самое почётное место.

Кресту молятся, крест целуют, крест стал «святым». Если Голгофу понимать так, как понимает её большинство христиан, — целование креста может быть названо величайшим кощунством. Если крест — орудие казни, а Голгофа — символ только безмерного человеческого страдания, крест не святой, а позорный, безобразный род виселицы, который надо раз навсегда выбросить вон из нашей жизни.

Чёрное монашествующее христианство окрасило всю религию чёрной тенью голгофского креста. Как будто бы вечными событиями Голгофы исчерпывается и заканчивается история земной жизни Иисуса.

«Словесно» оно верует во всей полноте, но в религиозную психологию свою, в жизнь восприняло только язвы на руках и ногах Его, кровавый пот, «Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил».

И оделось в чёрный цвет. Облеклось в траур. Траурное христианство подменило христианство голгофское. Превратило христианство в религию «крестной пытки» и, «опечаленное», так и осталось у подножья этого «эшафота», не увидев, как потемнело небо, как завеса в храме разорвалась надвое, как сказал Иисус «совершилось» и гробы умерших разверзлись, «и многие тела усопших святых воскресли»...<sup>54</sup>

За казнь не увидели Голгофы?!<sup>55</sup>

И остались с опущенными головами и так и прошли через всю историю мира, чёрные, скорбные «лики»...

Это не голгофское христианство: нет в нём религиозной полноты. Оно односторонне, и потому ложно. Но всё же это не «подделка»<sup>56</sup>. Ибо в Голгофе было страдание.

Но есть другой вид христианства, тоже скорбный, тоже траурный, делающий себя как бы исключительно уполномоченным проповедовать «голгофское христианство», но всё оно сплошная кощунственная ложь, не имеющая даже односторонней правды монашеского христианства.

Всякое страдание своё оно несёт и сваливает на лобное место. Из жизни своей создаёт сплошное самоистязание. Личными мучениями заслоняет от себя крест Христов и, свою жизнь превращая в ад, называет это Голгофой. Но там, где есть тень личного страдания, нет ни малейших признаков Голгофы. Нельзя свою растрёпанную жизнь, свои эгоистические боли, своё физиологическое и нервное «подавленное» настроение называть Голгофой.

Лекарство против такой Голгофы — души Шарко<sup>57</sup> и развитие силы воли. Личные страдания не только не есть Голгофа, они исключают её. Они ей прямо противоположны. Голгофа начинается только там, где начинается «за других». А если у вас не удалась жизнь, если на вас наваливаются и душат страшные несчастья, если вы не находите места от собственной душевной пустоты, если жизнь кажется вам удушливым кладбищем, если вы не живёте, а боретесь с большими кошмарами своей больной души, если ваша боль есть результат ваших страстей, грехов, самолюбия, тщеславия, бессилия, — не называйте это Голгофой, не прикрывайтесь святым крестом. Не вставайте в позу мученика.

Всё это ложь. Самообман. Безнадёжное бессилие. Самые обыкновенные человеческие нервы и человеческие пакости, а не Голгофа.

Голгофское христианство — нечто цельное, всеобъемлющее, вмещающее в себя понятие «вселенской Церкви», нечто осмысливающее всю жизнь. Великое, как вселенная, безграничное, как вечность. Голгофа — это центр такого миропонимания и мироощущения, которое весь безобразный хаос восстанавливает в образе вечной гармонии. А человека соединяет с Божеством не для того, чтобы сделать его «рабом», а чтобы сделать его свободным, как «Сына Божия», и конечную, жалкую, ничтожную жизнь его сделать сопричастной вечной Жизни.

Голгофа не подавляет человека, не повергает его в прах, а тем более не освящает его мелких полуживотных «болезненных стра-

дань», — она его возводит на *особую* высоту, самого его поды­мает на крест. А понять жизнь во всём её объёме можно только с креста.

Что же такое Голгофа?

В глазах Христа была скорбь, но в них отражалась и «зелёная Галилея»<sup>58</sup>. Скорбь и «зелёная Галилея» соединились в Нём не в «перемежающейся» последовательности, а в некоем единстве.

Чередование радости и горя в нашей психике — это результат нашего бессилия, неспособности к непрерывному внутреннему напряжению. Единство скорби и радости в христианстве, напро­тив, есть результат наивысшей абсолютной силы<sup>59</sup>. По апокри­фической характеристике, ап. Пётр «с плачущими плакал, с ра­дующимися радовался»<sup>60</sup>. И это не потому, что он «то» плакал, «то» смеялся<sup>61</sup>, а потому, что в его религиозном состоянии духа и слёзы, и радость всегда могли найти живой отклик, потому что слёзы и радость всегда были в его душе в нераздельном единстве его голгофского христианства.

В учении Христа как бы с «некоторым» противоречием даются заветы «взять крест свой» и «всегда радоваться»<sup>62</sup>, но Голгофа есть живое «осуществление» в едином акте всего христианства. Это как бы синтез всего дела Христова. Поэтому и в Голгофе крест соединяет в себе орудие пытки, орудие позорнейшей, по тогдашним понятиям, казни и самой полной победы, какую ког­да-либо видел мир, победы «над грехом и смертью». Соединяет величайшую скорбь распятого Бога — с величайшей радостью воскресшего «первенца из мёртвых»<sup>63</sup>.

На кресте не только был «убит человек», но был побеждён «мир». Не только опозорен праведник, но и было «искуплено человечество»<sup>64</sup>. Вот почему траур, печаль, а тем более бессиль­ное истерическое «хныканье», не могут иметь места у подножия креста Господня.

Я оставлю в стороне метафизическую сторону учения об иску­плении. Я не буду касаться того, что должно быть предметом религиозной философии. Невозможно об этом говорить в не­большой статье. Я коснусь лишь того, что даёт такое понимание Голгофы человеческой психологии<sup>65</sup>.

Я утверждаю, что логический вывод из всей нашей жиз­ни — или безумие, или вера в Голгофу и приятие той особой ре-

лигиозной психологии, которая даёт силы соединить слёзы и радость в единое жизненное настроение. Третий выход, к которому прибегает большинство, не выход, а тупой сон, превращающий живых людей в двигающихся марионеток. Это не выход.

Не вдаваясь в сложное рассуждение, что такое «страдание», беря его просто как факт, я чувствую, что если возможно пренебречь и не испытывать личных своих страданий, то, по самой сущности человеческой психологии, нельзя убежать от сострадания, от жалости, от сознания, что страдают другие. Можно зажмурить глаза и жизнь превратить в игру жмурки, но, если иметь честность и смелость посмотреть мировому страданию прямо в глаза и представить себе со всей реальностью то, что творится ежеминутно на нашей земле, нельзя остаться «нормальным» человеком. В течение одного часа на всей земле убиваются десятки людей, насилуются дети, коверкаются человеческие души. И если вы силой своего воображения перенесёте все эти «заглазные» сцены убийств, насилия и всех ужасов в свою маленькую комнату и переживёте их там, как будто они совершались на ваших глазах, — вы от неизбежного потрясения станете безумным.

Или возьмёте крест, подниметесь на Голгофу, поставите крест свой рядом с крестом Христовым и сделаетесь участником Его Голгофы<sup>66</sup>, понимаемой не как душу раздирающая казнь, а как великое событие, объединявшее и смерть человеческую, и Его воскресение.

Я не хочу сказать, что Голгофа — какой-то бромистый натр для больного, какое-то лекарство от сумасшествия и что её «надо» принять, чтобы не сойти с ума.

Я не доказываю, не утверждаю, что вера в Голгофу *потому* нужна, что иначе человечество превратится в безумных. Я лишь изображаю два человеческих логических выхода. Отвергните Голгофу — и тогда или превращайтесь в тупых, ничего не видящих, не чувствующих, ничем не болеющих, бездушных манекенов, безличных и жалких полулюдей, или откройте двери вашей комнаты для человеческих криков и стонов, и тогда бегите как умоисступлённый на край света...

Примите Голгофу — и тогда не надевайте траура и не бейтесь истерически головой о голгофский крест, а поверьте всей душой своей, что смерть *уже* побеждена, что мир уже получил силы



для своего спасения, — и лишь нужно проявить эти силы во всю их потенциальную мощь<sup>67</sup>. И тогда не делайтесь сумасшедшим, а с серьёзной, глубокой радостью, в которой и смех, и слёзы сочтались чудом каким-то в одно, — идите в жизнь для совершения своего великого жизненного подвига.

Если вы поверите по-настоящему в Голгофу — вы не будете растерянно хвататься за голову при виде чужого горя и не будете свои жалкие личные невзгоды переживать как «венец мученический», — вы будете страдать глубокой скорбью вместе с страдающими, в то же время связывая данный момент с вечностью, частное — с общим, индивидуальное — с общечеловеческим, земное — с космическим, смерть — с воскресением; вы найдёте в себе «божественные» силы не пасть под ношей этих безмерных человеческих страданий, вы найдёте в себе силы выйти на победоносную борьбу с ними<sup>68</sup>.

Вера в Голгофу, понятая не как «казнь», а как победа над самой страшной «мировой казнью», над смертью<sup>69</sup>, — сделает человека бесстрастным в смысле отсутствия рабской привязанности к наслаждениям плоти, равнодушным ко всем личным неудачам, сильным и бесстрашным в борьбе со злом мира, во всех его безграничных проявлениях.

Крест — символ не траурной религии страдания, а победной религии воскресения. Он соединил в одно печаль «потемневшего неба» и радость «зелёной Галилеи».

---

Страстная неделя.

Сотни тысяч людей ходят в храм и там вспоминают великие дни «страстей Господних».

Но многие ли унесут из церкви то, что могли бы и должны унести с собой с Голгофы?

Унесут ли ту победную радость, которая так ко многому обязывает и так много нового открывает в жизни?

Не многие.

Ибо, если воистину побывали бы на Голгофе и не сотни тысяч, а десятки, даже тысячи, — то тогда вся жизнь бы стала иной.

Не многие, может быть, единицы, всем сердцем скажут за Христом: «Свершилось!»

А потому немногие не «кончиками уст», а всем сердцем скажут на приветствие:

— Христос воскрес!

— Воистину!..

Кто не пережил по-настоящему Голгофы, тот не может по-настоящему пережить воскресения!

## О КРАСИВЫХ МЕЧТАХ И О НЕКРАСИВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

**Е**сли бы меня, одинокого человека, спросили: как вы хотите жить? — я ответил бы:

Я хочу — далеко от всякого человеческого жилища — построить маленький домик с высокой-высокой башней.

Я хочу, чтобы домик окружён был старым, заглохшим парком, с тёмными липовыми аллеями и неподвижно-задумчивыми прудами.

Свою усадьбу я обвёл бы высокой и толстой каменной стеной, какие строились старинными монастырями, когда боялись нашествия неприятелей и дом Божий каждой день мог превратиться в военный лагерь.

В стене были бы сделаны тяжёлые железные ворота, всегда запертые наглухо.

А около ворот сидел бы привратник, молчаливый, белый как снег старик.

Через него я сноился бы с внешним миром.

Старик никого не пропускал бы в ворота, и если приходили бы люди и спрашивали, можно ли войти, он отвечал бы:

— Входить сюда нельзя никому.

А я бы жил в маленьком домике, слушал бы, как шумят липы.

Когда же душа хотела бы простора — я бы входил на высокую башню и видел оттуда бесконечные поля, на десятки вёрст.

Так бы я жил.

Вы скажете: какой эгоизм! Это — не по-христиански! Можно ли окружать себя монастырской стеной, когда кругом столько зла! Надо бороться, страдать и пр., и пр., и пр.

Что же делать! Я знаю, что вы правы. Я ведь и не говорю, что это хорошо.

Мне просто хотелось сказать вам, о чём я мечтаю. Но ведь и я мечтаю об одном, а живу иначе.

У меня нет ни домика, ни башни, ни липовых аллей, ни при-  
вратника. И вот уже три дня, как я хожу в драматическую цен-  
зуру<sup>70</sup>.

Вы знаете, что это такое?

Это большое-большое здание, грязно-розоватого цвета. Широ-  
кая каменная лестница, злобно истёртая ногами, ведёт на третий  
этаж.

Там тянется длинный узкий коридор и по бокам его всё двери,  
двери, двери... Эти двери иногда отворяются, и за ними видны  
люди, которые что-то пишут, наклонившись над бумагой. В са-  
мом конце коридора есть дверь, за ней сидит драматический  
цензор.

Это — человек, который разрешает или не разрешает пьесы  
к представлению. Одной его подписи достаточно, чтобы самое  
великое произведение никогда не увидало света.

И вот три дня я ходил к этому человеку.

Я, видите ли, написал драму.

Только один Бог знает, сколько слёз и крови вложил я в свою  
маленькую-маленькую книжечку. И как бы мне хотелось, чтобы  
слёзы мои дошли до людских сердец и чтобы они поняли, как  
глубоко и страшно человеческое страдание. Я ведь тоже немнож-  
ко люблю людей. И мне хотелось сказать им об этом страдании,  
и чтобы они стали мягче, отзывчивее, серьёзней смотрели на  
жизнь, не распинали бы друг друга.

И всё это я вложил в свою маленькую книжку.

Нашёлся один замечательный русский актёр, который понял  
меня и решил показать в театре всё то, что я написал в книге<sup>71</sup>.

Я пришёл с ним в грязно-розовое здание, к человеку, от подпи-  
си которого зависит, будет ли жить или умрёт ваше произведение.  
И человек этот сказал:

— Вы написали пьесу, где пастор, духовное лицо, делает ужа-  
сные вещи. Вы хотите чрез театр развращать народ. Я призван  
охранять духовные интересы народа и запрещаю пьесу.

Несколько дней я ходил к человеку, от которого мне надо было  
получить подпись.

Наконец, он подписал и разрешил пьесу играть на сцене,  
с условием, чтобы вместо «пастора» был просто проповедник<sup>72</sup>,  
а в скобках было написано: «Действие происходит в Норвегии».

Я шёл обрадованный и думал:

«Неужели то, что я написал, в самом деле может развратить народ?» И неужели представитель государственной власти обезвредил мою книгу тем, что пастора заменил проповедником и написал в скобках, что действие происходит в Норвегии?

Боже мой, как легко, оказывается, защитить народ от развращающего влияния театра!

«Действие происходит в Норвегии!» — и сразу злое стало добрым, вредное — полезным.

Но Бог с ним!

Спасибо ему...

Я хотел бы жить в маленьком домике за монастырской стеной. Но пока я живу в громадном городе, где по улицам мчатся трамваи и автомобили, а в грязно-розовом здании сидит драматический цензор, — я хотел бы думать об обществе и жить для него.

А для этого хотел бы знать, что ему приносит пользу и что приносит вред.

Очевидно, цензура имеет свою точку зрения в этом вопросе.

Петь на сцене такие песни, от которых тошнит даже привычных ко всякой грязи, это — ничего. Для общества не вредно. Не вредно смотреть «Ночь любви», «В волнах страстей», «Под звуки Шопена»<sup>73</sup>. Не вредно, когда раздеваются женщины на сцене, пьют и развратничают, говорят пошлости и сальности. Для общества не приносят зла все эти сады и кафешантаны, фарсы и оперетки, где сотни женщин поют и говорят гадости, а потом продают себя пьяным посетителям<sup>74</sup>.

Но вредно, когда писатель расскажет о падшем человеке, в каждый миг своего падения сознающего свой грех, страдающего нечеловеческими страданиями и искупающего свои преступления ценой всей своей мученической жизни.

Это вредно, если человек этот — пастор.

Вредно, когда пастор говорит о своих кровавых слезах<sup>75</sup>.

Но если он, подобрав свои длинные одежды, канканирует по сцене и поёт двусмысленные куплеты, — это *не* приносит зла, и даже для спасения общественной нравственности не надо действие переносить в Норвегию. Боже, до чего спутались все понятия, все слова, все чувства!

Но я — неисправимый «мечтатель».

И предпочитаю, в конце концов, жить не действительностью, такой некрасивой, а фантазией, в которой столько прекрасного.

Это — не по-христиански. Знаю.

Но пусть уж лучше я буду таким, каков есть. И не хочу я никаких «наименований».

Когда мы умрём, там будет судить нас всевидящий Судья, который один только знает, кто христианин, кто нет, кто лжец и кто праведник.

И для того чтобы подойти под то или иное наименование, я не хочу кривить душой.

Да, я живу в большом городе. И хочу по мере сил принести пользу и добро тому обществу, в котором живу. Да, я хожу в грязно-розовое здание — к человеку, от которого мне нужно получить подпись.

Но мечтаю я о старом парке, тихих прудах и высокой-высокой башне...

## О ВОЗДУХОПЛАВАНИИ И ОДИНОЧЕСТВЕ

**В** Петербурге «праздник воздухоплавания»<sup>76</sup>.

Я тоже пошёл смотреть, как люди летают по воздуху.

Пошёл смотреть без всяких серьёзных намерений: просто из любопытства. Ведь теперь говорят, пишут и восхищаются воздухоплаванием.

Разумеется, больше всего радуются за прогресс. Сколько уже фельетонов написано о том, что наступила, видите ли, «новая эра», что «человеческий гений» покорил «воздушную стихию», что человечество снова на заре «новой жизни»... А когда говорят или пишут люди менее восторженные, прямо идущие к цели, то и мечты их принимают более определённые формы:

— Война теперь будет ещё ужаснее. Воздушный флот. Для революционеров тоже хорошо.

Контрабандисты.

Увлекатели женщин.

Вообще переворот, полнейший переворот всей жизни.

Вот и я, одинокий человек, соблазнился и пошёл смотреть новую зарю.

Холодно было, ветрено. Небо грязное, серое. На улицах жидкая грязь.

«Праздник» происходит за городом. Тысячи народа идут сплочённой стеной.

Все озябли, торопятся, толкотня, шум. Автомобили, трамваи, извозчики...

Одним словом, настоящий праздник, — только ветер свистит осенний, сырой и жёсткий.

А толпа всё гуще. Идём тихо, еле передвигая ноги. От близости друг к другу делается как будто бы немного теплее. Только ногам, шлёпающим по жидкой грязи, по-прежнему холодно.

Вот, наконец, пришли.

Касса. Билеты. Контролёры. Впускают за деревянный, дощатый забор.

Ну, сейчас увидим зарю!

Я увидел её.

Простое, до невероятности простое сооружение: две тонких доски, палочки между ними, небольшие колёса, ещё две-три перекладины. И вот маленький человек взбирается на это игрушечное сооружение. Слышится шум, очень похожий на жужжание какого-нибудь чудовищного жука, аппарат быстро катится по земле, медленно, точно «въезжает» на невысокую гору, и поднимается на воздух.

Не знаю, как другие, но я в эту минуту совсем забыл и о прогрессе, и о всех людях, которые жали меня со всех сторон. Я видел перед собой только странное живое существо, которое всё выше и выше поднималось от земли. Было такое чувство, как будто бы и ты вместе с ним поднимаешься ввысь, земля уходит из-под ног, остаётся где-то далеко. И жуткая, неожиданная радость охватывает душу.

Радость за прогресс, за человечество?

Нет, всё это совсем не так определённо. Но, действительно: на одну минуту точно раскрылся какой-то просвет в далёкое будущее. И там, в этом просвете, мелькнуло что-то торжественное, большое, что не охватишь умом, не расскажешь словом. В одном неуловимом движении как будто бы отразилась вся будущая история мира, сложная, страшная, полная высочайших подъёмов и безобразных падений.

В этом чувстве было что-то *пророческое*.

А маленький человек на тоненьких досках и перекладинах всё летел и летел. Забывалось, что это «человек» и сидит он на «летательной машине», — нет, просто какое-то *новое существо* летит над землёй.

И когда существо это было совсем близко, около нас, над нашими головами, вдруг вокруг меня, точно по команде, все сняли шапки, захлопали и закричали «браво».

Это мои соседи встречали новую зарю.

---

Через полчаса я смотрел на летающих людей, и мне не казалось здесь ничего особенного.

Любопытно, конечно. Вот и всё.

А кругом говорили о прогрессе.

Какой-то студент объяснял даме с птицей на голове:

— Полная переоценка всех ценностей! Возьмите: границы, таможни, полицию. Войны, наконец!..

— Да, это ужасно! — говорила дама.

— Не ужасно. Это — грандиозно!

С другого боку полная дама, которая улыбалась, говорила другой полной даме, которая тоже улыбалась:

— Горький теперь уж не может сказать: рождённый ползать — летать не может.

По небу летали странные существа. А на земле стояли люди — было говорливо, шумно. Смеялись, и воздух полон был отрывочных фраз.

— Ефимов молодец...

— Метров сто, не меньше...

— Мокренько будет...

— Вафли, вафли, горячие вафли!..

— Пойдём, брат: жрать хочется!..

— Сюда ходят больше за барышнями ухаживать...

— Вафли, вафли!..

— Берегите карманы, господа!..

— Летит... Летит... с пассажиром!..

— Урра! Уррра! Уррра!..

Наступал вечер. Стало тише. И небо очистилось от тяжёлых, осенних облаков.

Вот выстрелили из пушки, «праздник» кончился, и толпа отхлынула к выходу. Точно на реке по течению. Уж не сопротивляешься, а отдаёшься общему течению.

И снова медленное шлёпанье по жидкой грязи. Автомобили, извозчики, трамваи, шум, смех и несмолкаемая трескотня отдельных человеческих фраз.

О прогрессе, о женщинах, о лошадях, о Горьком, о флирте, о Ефимове, о войне, о новой жизни, о жуликах, о «загранице»...

И всюду сбоку:

— Вафли, горячие вафли!..

Так человечество ходило за город встречать новую зарю...

---

«Пророческое» чувство моё кончилось.

И мной овладели думы тяжёлые. Осенние думы.

Впрочем, для одинокого человека оно, может быть, так полагается.

Не верилось мне ни в прогресс, ни в новую зарю. Не верилось, что будут люди счастливые, когда они полетят по небу.

Все останется по-прежнему. Пожалуй, будет ещё хуже. И если есть чему радоваться, то тому только, пожалуй, что, «завоевав воздух», человечество изживёт скорей последнюю область, в которой ещё можно обманывать себя, на которую можно «рассчитывать» и создавать какие-то иллюзии, чтобы оправдать жизнь.

— Прогресс, мол, значит, мы — не свиньи.

Нет — свиньи!

Толстой говорит где-то, что люди оскотинились и теперь мечутся на экспрессах, чтобы при свете электрических фонарей показать, как они оскотинились.

Вот и прекрасно: нашлась ещё новая, «воздушная стихия», в которой будут метаться люди и показывать, до какого скотства дошла их жизнь.

Но меня-то больше всего волнует вопрос: разрушит ли воздухоплавание одиночество? Сблизит ли оно сколько-нибудь людей? Или по-прежнему останется каждый при себе самом?

И я с горечью на этот вопрос дал для своей души ответ отрицательный:

— Нет, не сблизит.

Только на одну секунду, когда я увидел, как человек отделяется от земли, я поверил, что он поднимается к небесам.

Но через полчаса я уже *видел*, что он летит просто по воздуху.

С человечеством кто-то продельвает дьявольские фокусы.

С какой-то бешеной страстностью люди добиваются средств к «сближению», делают гениальные открытия, кажется им, что они всё ближе и ближе «объединяются» друг с другом. Телеграфы, телефоны, пароходы, поезда, автомобили...



Но всё это — какой-то мираж, какая-то пустая иллюзия настоящего сближения.

Даже наоборот выходит на самом деле. Чем больше создаётся средств для «сближения», тем дальше люди становятся друг для друга. Можно говорить из Петербурга с Москвой, можно через два часа прочесть в Москве то, что написано в Петербурге, можно через несколько суток промчаться через всю Россию.

А близости людей всё меньше и меньше.

Было хоть звёздное небо, которое собирало людей в одну, пусть враждебную, но всё же семью. И вот мне чудится, что, захватив это «небо», во имя «сближения» народов, они создают новую, последнюю иллюзию — единство, — окончательно разъединяют себя.

Механическое соединение людей обратно пропорционально их внутреннему соединению. Чем больше они будут изобретать внешних средств «общения», тем дальше они будут уходить внутренне<sup>77</sup>.

---

Вы скажете, пожалуй: вам ли, «одинокому» человеку, сожалеть об этом. Не вы ли говорите, что хотели бы обнести свой дом высокой каменной стеной?..

Эх, господа! Потому я и хочу уйти на свою башню, что не хочу и не могу создавать иллюзий. Не хочу обманывать себя. Раз нет *настоящего* общения среди людей, — невыносимо жить с ними.

Это — не жизнь, а бессмысленная толкотня. И к внутреннему единству с людьми ближе не тот, кто в этой толкотне участвует, а кто взбирается на высокую башню.

Я знаю, вы уличите меня: вы одиноки потому, что людей не любите.

Господи, Боже мой! Ну, конечно же, поэтому. Я именно это и хотел сказать!..

## ЧТО ТАКОЕ «МОДА»?

**З**адумывались ли вы когда-нибудь над тем, что такое «мода»?

Вы, пожалуй, скажете, что такими «мелочами» не интересуетесь? Что в то время, когда «наш великий народ» и прочее... незачем заниматься глупыми и праздными вопросами...

Да, я согласен, наш великий народ — большая тема. Но знаете ли вы, что в жизни нет маленьких вопросов.

Вы скажете: «Мода — пустяки».

А я скажу, что это страшное явление человеческой жизни.

Не мода страшна, страшно то, о чём она свидетельствует...

Что же такое «мода»?

---

Весной мне пришлось проездом быть в Саратове. Я ждал парохода. Пошёл в сквер посмотреть на публику. Вы не думайте, что это «противоречие»: одинокий человек и на публику ходит.

Поверьте, нигде человек не бывает так одинок, как «на публике».

Сижу и смотрю.

Народу много. Кавалеры, барышни, молодёжь... Смеются, ухаживают...

Вот идут две девочки, лет 12-13, должно быть, гимназистки. Идут, взявшись за руки, в одинаковых голубых платьицах. Лица у них такие хорошие, детские и платья славные, и цвет голубой так идёт к ним. Только как-то странно надет пояс. Не на месте. А когда они проходят и поворачиваются ко мне спиной, я вижу, что бант сзади на поясе сделан почему-то на пол-аршина ниже, чем делается всегда. Я вспоминаю, что в Петербурге видел в театре несколько женщин с такими поясами. И мне тогда делается ясно, что это — «мода». Конечно, я мог бы назвать эту нелепость «модой» и успокоиться, ведь мы любим назвать что-нибудь как-ким-нибудь «биринби»<sup>78</sup> и сделать вид, что больше говорить нечего: всё ясно.

Но уж очень было гадко видеть эту моду на этих детях, и я стал думать.

Я убеждён, что две саратовские гимназистки, вероятно, из 2-го или 3-го класса, с такими милыми простыми лицами, гуляя по скверу, взявшись по-детски «за руки», даже не подозревают, какие нелепые и дикие платья на них надели. Больше того. Я уверен, что мамаша их, женщина добрая и неиспорченная, одела своих дочек в эти костюмы вовсе не потому, что так «захотела», и не потому, что дикая идея «прикрепить бант не на надлежащем месте» пришла ей по некому вдохновенью, — а просто потому, что увидела этот несчастный бант в последнем № парижского «модного журнала».

Моды, как известно, создают парижские кокотки. И вот чудом каким-то бант, съехавший в Париже у какой-нибудь дамы полусвета, оказался прикреплённым на том же самом месте у саратовской гимназистки.

Это — мода в дамской одежде. Но совершенно такая же история «с бантами» происходит и в самой высшей сфере проявления человеческого духа, положим, в искусстве. В театре.

Парижские кокотки спустили бант. А Ростан написал «Шантеклера», Лангиель — «Тайфуна»...<sup>79</sup>

И вот начинается, точно болезнь какая: «Шантеклер» всюду, во всех театрах, сотни переводов. Десятки тысяч на постановку пьесы, миллионы сборов, конфеты «Шантеклер», папиросы «Шантеклер», карандаши «Шантеклер»... всюду, везде, во всех витринах.

Проходит два-три месяца, и все видят, что ничего «особенного» нет. Что Ростан написал пьесу, в которой по сцене ходят куры и другие птицы и говорят напыщенный вздор. Мода кончилась.

Что же это, в конце концов, такое?

---

«Мода» — это коллективное обнаружение человеческого безличия.

А человеческое безличие я считаю величайшим грехом, тем самым «смертным грехом», «хулой на Духа Святаго», которые не прощаются ни в сей жизни, ни в будущей.

Признаёте вы бессмертие или не признаёте, — смысл земной жизни и для верующего, и для неверующего в конце концов лежит в развитии и проявлении тех внутренних сил, которые потенциально (в возможности) содержатся в человеке. Если я верующий, для меня развитие и проявление *всех* своих сил является основной божественной заповедью<sup>80</sup>.

В самом деле. Бог создал и послал меня в мир. Дал мне определённое количество духовных возможностей. Это есть моя *личность*. Я должен прожить свою земную жизнь, доведя до величайшей степени развития свою личность. В этом смысл и оправдание моего бытия. А так как в основе своей личность божественна, то развить её до конца — это значит стать «сыном Божиим», по слову апостола, иметь все «чувствования, какие и во Христе Иисусе»<sup>81</sup>. Проявить же свою божественную личность — это значит со всей возможной для нас силой осветить жизнь божественным началом.

Мода начинается там, где кончается «личность».

«Лично» только то, что человек определяет *сам из себя*. Надевает бант так и потому, что это ему *нравится*, соответствует его *вкусу*, его желанию. Он смотрит «Шантеклер» не потому что «все» смотрят, а потому что пьеса эта нужна *ему*, отвечает его духовной потребности.

Как только человек сделал хоть один шаг не потому, что такова его воля, а потому, что такова воля парижской кокетки или французского писателя, — так сейчас же, в тот же момент, он отрёкся от своей свободной личности, т. е. отрёкся от божественного начала.

*Человек должен всегда делать то, что хочет. А хотеть того — что должен.*

Не потому страшна мода, что теперь женщины начинают носить платья, так стянутые внизу, что нельзя шагнуть. Не потому, что это некрасиво, неудобно и глупо, наконец, — если бы они *захотели* так стреноживать себя, *захотели бы* этого неудобства, уродства и глупости, — было бы полбеды. Это свидетельствовало бы о недостаточном развитии личности. Но страшная беда в том, что они *вовсе этого не хотят* и шьют потому только, что кто-то, где-то шьёт эту глупость, и это свидетельствует уже о полном отсутствии человеческой личности. Всякий незначительный факт отражает в себе жизнь. А всё, что касается жизни, обязательно вырастает в вопрос громадной важности. Как ни сложна жизнь, а в то же время «едина по существу», и в силу этого единства каждая отдельная её черта органически связана со всем целым.

Отсутствие *цельной личности* я считаю самым грозным явлением современной жизни и создание цельной индивидуальности — величайшей мировой задачей.

«Мода», где бы и в чём бы она ни выражалась, — для меня показатель самой страшной язвы на теле человечества. Там, где *личность*, — там свобода; там, где бессилие личности, отсутствие её, — там рабство.

И потому мода есть символ человеческого рабства.

---

А в заключение опять не могу не сказать того, к чему всегда в конце концов обращается моя мысль: к одиночеству.

Быть свободным! Стать личностью! Не подчиняться всеобщей моде!

Но как этого достигнуть?

Путь один: *через одиночество*.

Что же, в пустыню прикажете? Нет, зачем же. Для начала хоть поменьше говорите и побольше думайте.

## ОНИ МИРНО ОБНОВЛЯЮТСЯ...

Когда-то у меня было много друзей. И друзей «близких». По крайней мере — так это считалось «официально». Но я вёл «явно пре-досудительный» образ жизни — и у меня друзей нет<sup>82</sup>.

Я не знаю, как живут мои прежние друзья, но отдельные факты и «чёрточки» всё же до меня долетают, а внутреннее чутьё подсказывает остальное, — и картина раскрывается живая и отчётливая. Из «частной жизни» — она вырастает в глубоко знаменательное *общественное явление*.

Я давно не видал своих друзей. Но я убеждён, что они все пополнили.

Я не знаю, но мне почему-то кажется, что они поженились; что родились у них детки здоровенькие.

Что комнаты у них тёплые, уютные. Роскоши нет, но всё чисто, опрятно, интеллигентно.

На стенах хорошие, тёмные гравюры, Леонардо да Винчи, Боттичелли; на полках в порядке книги, солидные, серьёзные, может быть, рояль, может быть, цветы...

А сами они?

Да, они пополнили, это несомненно. Но глаза у них такие же чистые и честные, как и всё в их комнатах. Они становятся добродетельнее с каждым днём<sup>83</sup>. Улыбка у них добрая, они часто называют друг друга ласкательными именами: «Милый Саша», «Дорогой Володя», — они чувствуют, что они хорошие, и потому любят друг друга. Они часто улыбаются, даже без особой причины, просто потому, что они такие хорошие... Жёны у них самые целомудренные, самые чистые жёны на свете. Они никогда не сердятся, никогда не говорят грубостей, даже во сне они не изменяют своим мужьям. В каждом движении их ласка и чистота.

Дети, точно маленькие ангелы, вырастают в этой тихой атмосфере уравновешенные, здоровенькие, нежные.

И с каждым днём всё честнее и добродетельнее становится жизнь моих бывших друзей. *Они мирно обновляются...*<sup>84</sup>

О, если бы вы знали, как я ненавижу это мирное обновление! Вы спросите: когда возненавидел?

Не знаю. Не помню...

Ненавижу его всеми силами своего сердца. Я знаю, не найти мне слов достаточно могучих, чтобы выразить всю боль и ненависть, которые поднимаются в моей душе при мысли об этом мирном обновлении.

Но скажу, как умею...

Послушайте. Почему так тихо в ваших квартирах? Почему такие «безмятежные» у вас лица и столько ласковых слов на языке? А в сердцах ваших такое «благорастворение»?<sup>85</sup>

Что-нибудь из двух: или вы такая дрянь, что дьявол, который, как известно, дорожит своим временем и зря сил тратить не станет, — махнул на всё рукой: «совершенствуйтесь», мол, — мне от этого ни тепло, ни холодно<sup>86</sup>.

Или он вас «беспокоит», но вы его побеждаете.

Если так, если ваше «спокойствие», ваша «жизнь безмятежная» есть результат победы, то почему свет ваш не падает дальше ваших «освещённых окон»? Почему ваша «победная сила» не побеждает окружающего зла, почему не рушится сгнивший мир *вокруг* вас? Если ваша «уютность» есть результат святости и победы над дьяволом, то почему *вокруг вас* нет бури, не потрясают ваши слова языческой жизни, где пируют филистимляне?

Святость не может не порождать вокруг себя смятения и ужаса. «Радость», которая от Господа, должна пробуждать громы, нести с собой перевороты и пламень огненный<sup>87</sup>.

Почему ваше тепло никого не греет? Почему только вам самим становится всё теплей и теплей?

Укажите мне не на хорошего человека, нет, а на блудника, лжеца, негодяя, — которого бы вы так любили, что помогли ему встать на ноги?<sup>88</sup>

У вас очень славно и чисто в квартирах, и глаза у вас чистые и добрые. Но да будет она проклята, и ваша честность, и ваша доброта.

Это тот же гроб и в нём те же мёртвые кости, только гроб «парадный», который блестит на солнце, и такой просторный,

что издали его можно принять за дворец, где живут живые люди, живые души...<sup>89</sup>

Я ненавижу смерть. Потому что слишком долго её боялся.

А в вашей «тихости» и «святости» я чувствую ненавистный трупный запах.

Я знаю, вам покажется кощунством, но, если бы я умел молиться за других, я стал бы за вас молиться так:

«Господи! Пошли дьявола и бесов его в их тихие уютные квартиры. И пусть с этого дня покой и безмятежная жизнь навсегда сгинут из их жилищ.

Дай силы им стать падшими, преступными, грязными. Сожги огнём Твоего гнева их честность и чистоту<sup>90</sup>, пусть они с неистовой жадностью бросятся на порочные наслаждения и, как безумные, подчиняются злу. Отдай их во власть лжи — и пусть железная маска притворства сдавит их лица. Пробуди в них жестокую похоть и кровавый огонь сладострастия. Пусть после учёных заседаний своих они хоть раз в дикой оргии перепьются до потери человеческого образа, вернуться домой грязные, истерзанные, больные.

Жёнам их да пошлёт Господь любовников! И не одного, а много. И не честных и чистых, а самых извращённых и неистовых. И пусть они научатся обманывать своих мужей, притворяться и лгать, пусть научатся отдавать тело своё на поругание и наслаждение. Отрави их «непорочные» души вожделением, пробуди в них самые тёмные инстинкты.

Дай им всё это для спасения их<sup>91</sup>.

Чтобы ожили мертвецы, чтобы живой мукой болело их сердце; живое страданье узнала их душа<sup>92</sup>.

Дай им венец мученический!

Ибо нет большей муки, как в пороке. Нет больших страданий, чем страдания блудника, убийцы и лежца.

Дай им познание зла, чтобы они научились и понимать, и ненавидеть порок<sup>93</sup>. Чтобы они научились любви к людям, к несчастным и падшим, чтобы они могли подняться до Твоей настоящей Голгофской радости. Чтобы они навсегда ушли из своих тёплых квартир, отрясли бы прах с ног своих. Чтобы они прокляли свой прежний путь жизни. Научи их плакать кровавыми слезами преступника, чтобы они получили силу осушать чужие слёзы.

Вознеси их на крест Твой, чтобы они стали соучастниками Твоего воскресения»...<sup>94</sup>

---

Если бы я умел молиться за других!

Но я не умею.

И я уверен, что молитва моя не будет услышана. Бог её не услышит.

А люди назовут нелепостью.

— Чему вы учите? — скажут возмущённые «честные люди». А честных людей теперь всюду сколько угодно. — Может ли христианин проповедовать разврат!

Да, может.

Если «болезнь честности» и «целомудрия» зашла так далеко, что грозит гибелью, — можно прибегать к крайним средствам, чтобы спасти больного<sup>95</sup>.

Если в наши дни «честность» моих друзей дошла до того, что они стали кротки, как агнцы, им необходимо привить бешенство.

И если целомудрие их жён приняло такие чудовищные размеры, что они даже во сне не видят, что творится в публичных домах, — им надо немедленно завести любовников<sup>96</sup>.

Вы проповедуете порок!

Нет уж, извините.

Вы можете делать какие вам угодно справки о моей личной жизни и считать Далёкого Друга самым развратным человеком на свете, — но вы не сможете указать мне «безнравственность» в моей проповеди.

Если бы предложили мне на выбор: стать святым или чортом, я высказался бы за святого. Но если бы вы спросили меня, чем я хочу быть: мирно обновляющимся христианином или последним из чертей в аду, — я предпочёл бы последнее.

Здесь речь не о зле и добре. Здесь речь о том, как воскресить мёртвых<sup>97</sup>.

---

Ведь «мирная жизнь» моих бывших друзей — не «случайность», это целое направление, целая система<sup>98</sup>.

«Надо жить просто, потихоньку, помаленьку, без выкриков, без истерик, без подделок»...

И в результате мало-помалу люди становятся как все, входят в «быт», в «честность», в «уют» — и духовная личность вы-



рождается в «мирного христианина»: ходящий, улыбающийся, «симпатичный» труп.

В пороке больше *жизни*, чем в такой добродетели, и потому скорей порок может привести к добру, чем такое мирное обновление души<sup>99</sup>.

Может быть, путь к истинному свету возможен и не через мрак. Но, во всяком случае, в настоящем «просвещённом» состоянии всегда должна чувствоваться *победа над мраком*. А отличительный признак, что эта *победа* действительно есть, тот, что такой свет не боится «тьмы», не отталкивает «порочных» и прокажённых — он, напротив, «тянется» к ним, чтобы просветить их.

Это в области личной «морали».

А в сфере общественной — такая победа выражается в том, что люди получают дар говорить слова огненные<sup>100</sup>.

Путь «постепенного» очищения своих душ, несмотря на всю свою «видимую» целесообразность, — путь гибели и смерти.

Если уж выбирать из двух, то, право, лучше истерика, ложь и неистовство, — лучше потому, что скорей ведут ко Христу.

Они мирно обновляются!..

Нет: они умирают медленной смертью.

Я молиться за других не умею. Но, может быть, по молитве какого-нибудь праведника Бог всё же пошлёт им порок и зло, и станут они вести «явно предосудительный» образ жизни,

Это будет великий день. Он даст новую надежду, что скоро явятся люди, которые наконец смогут поднять над миром огненный меч гнева Господня.

## О ВЕГЕТАРИАНСКОЙ ЛЮБВИ

Несколько лет тому назад, в Москве, в одном собрании, где были самые разнообразные люди, «ищущие Бога», некий, как принято его называть, «известный толстовец» Б[ирюко]в читал реферат. Не помню, как он назывался, но содержание было: история христианства, или, вернее, сектантства.

«История» освещалась, разумеется, с «толстовской» точки зрения, и основная мысль была та, что история *сектантства*, собственно, и есть подлинная история *христианства*. И что ос-

новой нерв, объединяющий все главнейшие *христианские* секты, — учение о любви.

Конечный вывод: не надо ни Церкви, ни догматов, ни культа, никаких «умствований» — ни «метафизики», ни аскетизма, — *надо просто любить людей.*

«Известный толстовец» в своём реферате обнаружил изумительное, почти невероятное *невежество* и полнейшее незнание предмета, о котором шла речь.

Не говоря уже о «выводах» и «пробелах», он допустил ряд таких «неточностей», за которые даже в VI классе гимназии ставят двойки, — помню, что одна «неточность» касалась года смерти Гуса!

Начались «прения».

И вот, тоже небезызвестный в Москве философ В[ышеславце]в<sup>101</sup>, вооружившись фактическим материалом, в весьма ядовитых, хотя и несколько «кудрявых» выражениях, вывел «известного толстоца» Б[ирюко]ва на свежую воду и уличил его в невежестве. Слова «кудрявого» московского философа В[ышеславце]ва были встречены собранием с глубоким сочувствием.

Я никогда не забуду лица «известного толстоца» в эту минуту!

Куда девалось «смирение», «непротивленский» тон! Проповедник «только любви» прямо преобразился...

Мне не приходилось после никогда, ни у кого видеть на лице выражения такой тупой, упрямой злобы — как на лице этого «проповедника».

Мёртвые, формальные *слова* кончились — человек показал свою *душу*.

И если вы услышите, как кто-нибудь говорит о любви, скорей наступайте ему на ногу и наблюдайте...

В наше время несомненного религиозного брожения — упростили христианства, проповедники «просто любви» чрезвычайно размножились.

И надо их неустанно выводить на свежую воду, чтобы уничтожить один из вреднейших религиозных предрассудков. Один из вреднейших потому, что в нём ужасно много сходства с правдой.

Разве христианство не проповедует любовь? И опростители *тоже* проповедуют любовь. И всё же я утверждаю, что проповедь их — сплошной соблазн, «ложь сия горше первой»<sup>102</sup>. Любовь *христианская* и любовь *вегетарианская* ничего общего между собой не имеют.

И проповедники вегетарианской любви сеют *как будто бы* живые семена, но из них ничто, кроме душ мёртвых, вырасти не может.

---

Что такое любовь?

По глубочайшему слову апостола, любовь есть «*совокупность совершенств*»<sup>103</sup>.

Другими словами, это есть нечто сложное, вмещающее в себе всю совокупность положительных начал человеческой души.

Это есть некоторое *духовное состояние*, при котором человек становится носителем *образа Божия*, того образа, который мы в жизни в громадном большинстве случаев втаптываем в грязь.

Бог есть *любовь*.

А *любовь* есть совокупность совершенств.

Таким образом, *любовь* в человеке — это Бог в человеке.

Отсюда проистекают и все *свойства* любви христианской.

Прежде всего она *деятельна*. Она не терпит никакого состояния покоя. Она вся «стремится», вся в движении. Она «ищет», на кого ей обратить свою силу.

Она *дерзновенна*. Не останавливается ни перед какими препятствиями, ничего не боится, ни перед чем не уступает. Она даёт силу говорить как «власть имущий».

И наконец, она исполнена *гнева*.

Бог есть любовь. Но есть ли что страшнее гнева Божия?

Пусть любовь даёт силы с нежностью и кротостью относиться к человеческому страданию, но в то же время она должна зажигать сердце огнём негодования к пороку и лжи. Но лжи во всех её видах и проявлениях. И к тому пороку, который живёт в твоей собственной душе, и в душе твоего ближнего, и к злу общественному.

Надо *деятельно* сострадать человеку и пламенно *ненавидеть* порок — это два начала одного и того же чувства любви.

Любовь неизбежно ведёт к апостольству, а апостольство — к мученичеству.

Любить — значит *обличать*, не личную жизнь человека, а зло мира.

Отсюда неизбежен вывод, что любовь христианская призывает к *общественному служению*, к борьбе с теми общественными язвами, которые являются результатом разрушительной силы зла, и с теми общественными формами, в которые зло выливается.

Никакой «нирваны», никакого «мирного жития» не может быть там, где загорелся огонь любви. Иметь любовь в сердце — это значит раз навсегда отказаться от «тихости», это значит превратиться в бойца, в «рыцаря Господа»<sup>104</sup>.

Такова любовь *христианская*.

Любовь *вегетарианская* — вся в русской поговорке «моя хата с краю — ничего не знаю».

Не надо делать того-то, того-то, того-то.

Не надо употреблять насилия. Не надо «сопротивляться», лучше даже не спорить, — «одним словом», надо *любить*.

Вот сидит такой господин и «любит».

— Вы что же это, милостивый государь, сидите и не вступитесь ни за правых, ни за виновных?

— А пусть их! Мне, сказано: люби. Вот я сижу и люблю.

Какая гадость!

Ведь не ясно ли, что сказать: «Надо просто любить и больше ничего», — это равносильно тому, как если бы сказать паралитику: «Тебе не надо лечиться, а надо “просто” встать и сделаться здоровым».

В самом деле. Любовь есть *совокупность совершенств*, и вдруг ему говорят: тебе не надо ни молитвы, ни аскетизма, ни третьего, ни четвёртого — тебе надо просто стать «совершенным».

Но позвольте. Я бы рад полюбить всё человечество, да не любится!

Ведь молитва, культ, догматы (богопознание), даже аскетизм — всё это *потому и надо*, что путь к любви сложный, трудный, почти непреодолимый<sup>105</sup>.

Но вдруг вам заявляют: *просто* любите. Но поймите, что любовь нельзя «выдумать», нельзя *решить*, что надо любить, — и полюбить. Любовь есть *живое чувство*, которое есть совокупность всего хорошего, что есть в вашей душе, и потому, чтобы достигнуть его, надо прежде уничтожить всю ту пакость, которая в ваших душах, а для этого нужны и догматы (понимаемые как богопознание), и общая молитва, аскетический путь.

---

Уж из одного того, что опрошенцы всех толков учат «просто любить», ясно, что они не знают, что такое любовь. И любовью называют что-то совсем другое.

Для них любовь — это какое-то «отвлечённое понятие». Надо его *признать* — и это достаточно.

Таким образом, нападая на обряды, на догматы и прочие «внешние» стороны христианства, они в то же время самую *любовь* превращают в мёртвый обряд, в мёртвую догму, делают «учение о любви» какой-то внешней бездушной формой.

Получилось нечто поистине поучительное.

Люди отвергли все те религиозные начала, которые *неизбежны* для настоящего христианского чувства любви. Неизбежны потому, что слишком зло сильно, чтобы совершенства можно было бы достигнуть «домашними средствами».

Откинув молитву, догматы и таинства — и оставшись при одном пустом *слове* «любовь», опростители совершенно лишили себя живого чувства любви. И если в отдельных людях оно иногда является, то просто потому, что это *хорошие люди*, были хорошими *до* всякого «учения». Но самое «учение» несёт духовную смерть и пустоту.

Вот почему Лев Толстой, у которого, как бы часто ни расходилось слово и дело, но в котором всё же много великой любви к людям (ибо иначе многого нельзя было бы написать с такой силой, с какой он написал), — создал такое мертвенное, никчёмное «общественное явление», как «толстовство».

Толстой не мог *передать* своей индивидуальности, не мог «пересадить» свою душу в тела своих последователей. Он мог передать им лишь своё «учение» о любви.

И вот они начали «любить»...

Получилось нечто бессильное, какое-то жалкое «бескровное» вегетарианство, а не любовь.

Я уверен, что «известный толстовец» Б[ирюк]ов, с искажённым лицом споривший с «кудрявым» московским философом, тоже думает, что он любит.

Помилуйте! Это основная заповедь его «учения».

Но мне, по крайней мере, видя такую «любовь», всегда хочется сказать:

— Нет, уж лучше дай ты мне по физиономии, — только не «люби» меня, пожалуйста!

## СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

**В**есть о смерти Льва Толстого застала меня далеко от Москвы, далеко от той «культурной» атмосферы, в которой невольно под-

чиняешься общему *тону*, заражаешься теми привычными «обязательными» формами «сочувствия», в которые выливаются «культурные» переживания в событиях, подобных смерти Толстого.

И может быть, потому именно эта смерть дала лично мне столько очищающего, нового, о чём нельзя и не нужно говорить...

Но было нечто во всём пережитом таком, что касается одной из величайших проблем человеческого духа, и говорить о нём хочется особенно потому, что я не знаю, чем можно более достойно почтить память Толстого, как не размышлением об этих вопросах.

Я говорю о *бессмертии*.

Отъезд Толстого из Ясной Поляны, посещение Оптинской пустыни, болезнь и смерть его — обо всём этом каждый день читалось в газетах и в нашей, здешней глуши.

Но кругом не было нервной, в существе своём лживой столичной суеты. И всё, что пробуждали события в душе, оставалось как бы с глазу на глаз, лицом к лицу с твоей совестью.

И странно, что внешние впечатления, которые в нездоровой атмосфере столичных «улиц» только искажают и рассеивают подлинное чувство, — здесь, напротив, каким-то таинственным путём связывались с тем главным, что безраздельно владело душой, — с болезнью Толстого.

Особенно ясно почувствовал я эту связь на берегу Волги.

Мы хотели ехать за Волгу, пошли на берег, к лодке. Было холодно, ветрено. Ехать оказалось невозможным. Сели на брёвна около воды.

Какою странной казалась река: тёмно-серая, холодная, гулая... У берега большая тёмная баржа, на том берегу песок и чёрный лес. И облака серые, и всё такое свинцовое, тяжёлое...

Я не думал о Толстом. Но всё время чувствовал, что мыслью о нём полна душа. И что холодная чёрная Волга имеет с мыслью о нём какую-то связь. И что, глядя на сердитые, стальные волны, совсем не жутко, не тоскливо. Что в сердце растёт новая, большая радость....

Да, болеет. Да, страдает. Может быть, умрёт. И всё-таки радость. Новая, неожиданная. От которой не то смеяться хочется, не то плакать. Но, во всяком случае, от которой хорошо как никогда...

Ветер дует верховый. Холодный, острый... Злится.

Но теперь всё радует, и холод, и ветер, — всё.

Рядом со мной сидит племянница, я зову её Верашей-неразумницей<sup>106</sup>. Она всё шалит. И мешает «думать».

А на душе такое счастье.

Это любовь. Маленькая, чуть заметная частица любви. Не к кому-нибудь, а *ко всем*.

Любовь от *него*. От того, кто *там* лежит. И за него *не страшно*. Потому что то, что в нём, — это *настоящее*. Выше всего земного, вечное. Бессмертное...

Вечером «из города» привезли известие:

— Умер.

Пошли узнать по телефону «на завод»: может быть, опять ложный слух. Может быть, ошибка.

Вернулись через полчаса:

— Нет, правда. Умер... Спрашивали по телефону в редакции. Получена телеграмма...

Смерть Толстого произвела впечатление совершенно исключительное. Беспрецедентное. Здесь речь не о силе впечатления, а о самом его качестве.

В смерти Толстого человечество пережило *ощущение бессмертия*.

Ощущение это до того сложно, до того *ново*, до того всех застало «врасплох», что его долго не в силах будут «осмыслить».

Толстой *умер*.

Но это слово «*умер*» не отдавалось в душе той глупой, тяжёлой болью, которой отдаётся всегда слово «смерть», когда умирают близкие, дорогие люди.

Скорей была почти *радость*. Но радость не «весёлая», а *торжественная*.

Хотелось плакать. И многие *по-настоящему* плакали. Но и слёзы были особенные. Без горечи, без того особого чувства, в основе которого заложено сознание «конца», «бесповоротности». — Умер. Конец. Больше никогда не вернётся. И никто ничем не может это изменить.

Не было этого.

Слёзы, которыми плакали люди в эту ночь, были скорей от восторга, от неосознанного умиления.

Вся сложность переживаний, вся неожиданность их заключалась именно в том, что люди, чудом каким-то, сами того

не сознавая, пережили человеческую смерть именно так, как должны переживать всегда: без ужаса, без боли, без отчаяния — как таинственный переход к вечной *жизни*. Поверили душой, а не мозгом, в эту *жизнь*. И умилились, растрогались. «Ожили сами».

Смерть Толстого свершила *чудо*.

Она пробудила в людских сердцах *веру*. Она затронула что-то такое сокровенное, самую основу *бессмертного* нашего духа — и мы на несколько мгновений как бы *сознали* своё бессмертие.

Люди обычно не переживают так смерть потому, что обычно бессмертный дух человеческий слишком заслонён от нас мёртвой оболочкой тления.

Толстой же смертью поднялся на высочайшую ступень духовной жизни. Он облёкся в красоту *нетленную*. Его *личность* ещё при жизни как бы освободилась от всего суетного, временного, подверженного разложению, уничтожению. Оставалась лишь какая-то неуловимая нить, связывающая его с жизнью земной, видимой, конечной.

Вот почему, когда эта нить оборвалась, как будто бы ничто «не изменилось».

Толстой точно остался *жить*. Ибо он для нас остался всё таким же, как и до болезни в Астапове. Каким он встал перед нами после своего ночного отъезда из Ясной Поляны.

Таким же: бессмертным, духовным, ослепительным...

Когда люди во всех концах мира читали бюллетени о его здоровье, — о том, что температура 38,2, а пульс 120, а дыхание столько-то, — читали каждый день, следили за ходом болезни, за каждым её шагом, — они в это время вместе с Толстым переживали медленный переход от жизни конечной к жизни иной, бессмертной. Оборвалось его дыхание. Перестало биться сердце, бессмертное «я» человеческое перешло к новой, высшей форме бытия, — и *продолжение жизни* было так «очевидно», переход был так *тих*, так незаметен, так мало изменял *по существу* то, что мы называли «Львом Толстым», — что все верующие и неверующие невольно продолжали жить с Толстым и дальше. Не отдавая себе отчёта, как и почему, не облакая своих чувств в сознательное представление, — в сокровенных глубинах сердца все почувствовали вечное бессмертное «*продолжающееся*» бытие Толстого.



Вот источник той особой радости, того умиления, которое пережил за эти дни весь мир.

Толстой был *религиозный гений*. Ему было в величайшей степени дано это ощущение иного мира<sup>107</sup>. Недаром сам он рассказывал, как до реальности ясно ощущал Божество и мог простаивать в лесу часами, отдаваясь этому ощущению.

Но Толстой был ещё и *гениальный художник*, и потому он сумел *рассказать* об этом другим людям. И действительно, читая те сочинения Толстого, в которых он говорит о человеческой душе как о частице Бога, мировой любви, о том, как со смертью душа снова возвращается к Богу и соединяется с своим первоисточником, — нельзя ему *не верить*. С такой осязательной ясностью, почерпнутой из своего *религиозного* опыта, говорит он обо всём этом.

Но если Толстой как религиозный гений переживал своё бессмертие, если он как гениальный художник рассказал о нём людям, — то смертью своей он заставил их *почувствовать* бессмертие — как *святой человек*.

---

Вот об этой стороне *личных моих* переживаний мне и хотелось рассказать в своём «письме».

Я глубоко убеждён, что не для меня одного, а для очень и очень многих смерть Толстого будет поворотным моментом в жизни. Началом новой «эпохи»<sup>108</sup>.

Ощущение «бессмертия», хотя бы в течение одного мгновения пережитое, — останется в душе навсегда, как краеугольный камень дальнейшей духовной жизни.

Я должен прямо сказать, что, признавая «бессмертие» теоретически и «заставляя» себя путём самоуглубления переживать его в действительности, я никогда *вполне* не переживал его как *факт*.

И пережил это впервые *по-настоящему* только в связи со смертью Толстого.

И пережив, понял, не *теоретически*, а *психологически*, что жизнь «оживает», становится «цельной» и неразрывно связанной с тобой только при условии этого *ощущения* бессмертия.

Можно теоретически бессмертие отрицать — но *психологически* веру в него носить в своей душе и жить радостной, «одухотворённой» жизнью.

И напротив, теоретически можно его признавать, но не иметь в душе живого чувства бессмертия и тогда ничего, кроме тления и мрака, не видеть в мире.

*Ощущение* бессмертия реально соединяет душу с вечным, даёт не только сознание своего, но делает это «я» как бы соучастником жизни *всего* целого.

Вот почему то чувство *бессмертия*, которое заставил Толстой пережить человечество своею смертью, было великой *объединяющей* силой.

Почувствовав себя бессмертными, люди почувствовали себя частицами единого *космоса*.

Всё это было для меня так изумительно ясно в тот вечер, когда я узнал о смерти Толстого.

Поздно вечером мы все, обитатели тихого одноэтажного домика, сидели по обыкновению на ступеньках крыльца.

И всё мне казалось новым. Даже на звёздное небо я смотрел с каким-то особенным чувством.

Умер Толстой, и душа теперь снова соединяется с Божеством, пройдя великий путь жизни. И в моей душе есть Бог. И во всех людях. И все мы соединены друг с другом, как братья. И с Богом соединены, как с нашим Отцом. И со звёздами, и с этой ночью, и с тёмной, холодной Волгой, и с чёрным лесом, и со всей землёй, и со всем небом, и со всем миром...

Вераша-неразумница больше не шалила.

— Не будьте печальной, — сказал я ей, — надо радоваться.

— А вы радуетесь?

И я невольно ответил:

— Да, радуюсь. Но эта радость больше похожа на восторг. Я радуюсь, потому что чувствую бессмертие...<sup>109</sup>

## О СВОБОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

**Б**ыло время, когда очень много разговаривали о Санине<sup>110</sup>. Да и сейчас говорят.

Если оставить в стороне «проблему пола», несомненно, что наибольшие споры вызвал вопрос: можно ли допустить такое крайнее развитие личности, какое провозглашает Санин? Одни находили, что это граничит с полнейшим своеволием, стирающим

грань между человеком и скотом, другие, напротив, находили, что это прекрасно, что это совсем «по Ницше».

Что Санин — человек «свободный», об этом, разумеется, и речи не было. Вопрос был лишь в том: хорошо или не хорошо быть таким свободным?

Но никому и в голову не приходило, что Санин отвратителен вовсе не потому, что он проповедует «крайнюю» свободу, и не потому, что в женщине видит только самку, и не потому даже, что не чисто относится к собственной сестре. Санин отвратителен потому, что *он самый несвободный человек из всего романа*.

По Санину, а вместе с тем и по мнению громадного большинства современных интеллигентов, которым он очень понравился, — рецепт, как стать свободным, чрезвычайно прост: *надо делать то, что хочется*.

Вот и свобода!

По этому рецепту живут почти все. Одни тайно, другие явно. Одни гордо и при этом поднимают голову, другие трусливо прячут хвост. Одни говорят: так должно; другие: так приятно.

Казалось бы, какое громадное количество свободных людей должно быть на свете!

Рецепт получил общее признание. Человек стал определять свою жизнь почти исключительно своими желаниями — чего же больше?

Да здравствует свобода!

А на самом деле, как раз наоборот.

Никаких «свободных людей» у нас нет. И что ни час, то их меньше. Люди превращаются в жалких и отвратительных рабов. Тем более отвратительных, что они даже потеряли способность чувствовать своё рабство.

Сами заковали себя в уродливые, чудовищные цепи и, задыхаясь в них, кричат, как иступлённые:

— Смотрите, мы, наконец, стали свободны!

Ницше изображает в «Заратустре» людей *в виде* толпы каких-то уродов: у одного громадная голова и маленькие уши, у другого чудовищно большие руки и едва видная голова и т. д.<sup>111</sup>

Такое уродство неизбежный результат понимания свободы как исполнения «всех желаний». А это уродство — признание рабства.

Для того чтобы начать делать то, что хочет твоя личность, прежде всего надо свою личность найти. Для того чтобы делать

то, что хочется, надо сначала стать свободным. Если несвободный человек, человек, не нашедший своей личности, начнёт делать то, что ему нравится, — он будет с каждым днём надевать на себя всё новые и новые рабские цепи.

Путь к свободе — через самоотречение. Свободный человек может делать всё, что *ему* захочется, и это будет хорошо, но для того чтобы стать свободным, надо прежде всего перестать делать то, что нравится<sup>112</sup>.

Что же такое «свободный человек»?

---

Мир — это некоторый духовный организм, в котором все люди, все животные, вся природа, каждый атом — живёт своей индивидуальной жизнью, в то же время является частью великого целого. Души человеческие — это как бы «духовные клеточки», которые, живя своей обособленной жизнью, в своей совокупности дают некоторое живое целое<sup>113</sup>, подобно тому, как клеточки нашего тела живут своей собственной жизнью, питаются, размножаются, умирают, а все вместе составляют «человека». Поэтому каждая душа человеческая содержит в себе то начало, которое как бы «скрепляет» её с тем Божественным Целым, частью которого она является. Каждый человек совершенно «оригинален», каждая душа «единственна в своём роде», и для каждой есть своё определённое место в Божественном Целом.

Если Целое представлять себе как Божество, то души человеческие можно было бы уподобить драгоценным камням на Его порфире. Миллионы, миллиарды драгоценных камней, неведомых названий, где каждый камень особый, на другой не похожий, где нет ни одной пары одинаковых камней, где все — мелкие и крупные — прекрасны и драгоценны.

Только это камни живые, их блеск — это сияние радости. Они горят и светятся, ещё только сознавая себя прекрасными, «в отдельности», но чувствуя всё величие и красоту драгоценной порфиры в целом и вечное совершенство Того, на Ком они надеты.

Задача человеческой жизни — найти своё место на этой порфире<sup>114</sup>. Для этого нужно стать именно таким, именно такой формы и такого гранения, каким он создан был.

А для этого ты должен отрубить от себя весь сор, всю пыль, все наросты и наслоения. Алмаз должен быть освобождён от угля и земли.

Стать таким — это и значит стать свободным.

Вот почему только свободный человек может делать то, что хочет. Ибо тогда желания его — это голос Божий.

Вот почему Христос говорит, что он принёс свободу, что Он сделал людей свободными: Он принёс миру ту благую весть, которая дала силы каждой верующей в Него человеческой душе освободиться от всего тленного, преходящего, от всего, что густым слоем мерзости покрывает в повседневной жизни дух человека.

Станьте свободными и тогда говорите: я делаю то, что хочу, потому что я свободен.

Как вы будете тогда жить? Какова будет ваша «мораль»?

Не знаю. Но знаю только, что всё, что бы вы тогда ни делали, будет прекрасным.

Люди первых веков христианства были свободны. И апостол, зная, что его деяние в то же время является и волей Божьей, прямо говорил: «живите так, как я»<sup>115</sup>. Ему это не показалось кощунственной гордостью.

И они жили так, как подсказывало им их сердце, чутко прислушиваясь, чтобы не впасть в рабство.

И жизнь их была прекрасной.

Если бы современный человек стал бы таким же свободным, он создал бы совершенно новую жизнь, не такую, как в эпоху первоначального христианства, но не менее прекрасную.

Не такую потому, что не зря прошли две тысячи лет, изменился мир внутренне, и свободное, божественное желание человека дало бы теперь новую красоту миру.

И скоро придёт в мир этот свободный человек, но он ничего общего не будет иметь с безобразной подделкой современного «свободного» человека.

---

Почему же несвободен Санин и прочие «дети солнца»?<sup>116</sup>

Да потому, что он в рабстве у своих желаний<sup>117</sup>.

Раб не только тот, кто закован в цепи железные, есть цепи гораздо более крепкие и ещё более рабские.

Человек, который без какого-то иступления не может видеть женского тела, — раб, а не свободный.

И сколько бы он ни говорил, что он развратничает потому, что «так хочет», — мы ему не поверим.

Он раб своей похоти, пресмыкающееся, отравленный, бес- сильный раб.

Ницше не был свободен, потому что отверг тот единственный путь, который даёт силы стать свободным, — путь христианства; но он знал, что такое свобода, и стремился к ней. И уже это одно делает его бесконечно выше его последователей-рабов.

Санин подползал к женской купальне, чтобы посмотреть го- лых девушек; возможно ли представить себе Ницше, делающим что-либо подобное?

Рабство сладострастия — несовместимо с свободой. Но не один этот вид рабских цепей надевают люди, думая, что они «делают, что хотят».

Человек, делающий всё напоказ, из самолюбия, из тщеславия, из желания быть «признанным», — раб.

Наслаждающийся чувством власти — раб.

Боящийся смерти — раб.

И много, много видов рабства — всех не перечесть.

Пусть цепи скованы из вожделения, гордости, трусости, се- бялюбия, пусть они — невидимые цепи, — всё же они сковывают человека по рукам и ногам и делают рабом.

И как бы человеку ни казалось, что он делает всё «по своему желанию», — если бы у него открылись духовные очи, он с ужа- сом увидел бы, что к нему со всех сторон присосались отврати- тельные чудовища и он рабски повинуется им.

Санинская свобода «имела успех» потому, что люди истоско- вались по свободном человеке, и потому, что «оказалось» достиг- нуть свободы так просто: целуйся с кем вздумается!

Но это ложь и обман. Путь к истинному свободному чело- веку — путь страшный, по нему не пройти без тернового венца!

## О «НРАВСТВЕННЫХ» РЕЦЕНЗЕНТАХ И «БЕЗНРАВСТВЕННЫХ» ПИСАТЕЛЯХ

Недавно мне пришлось прочесть в одной петербургской газете статью А. Панкратова о пьесе В. Свенцицкого «Арнольд Реллинг»<sup>118</sup>.

Между прочим, там говорится следующее:

«Как это ни странно, но философия безнравственности нашла себе приют не у Арцыбашева и вообще не у людей, для которых

не существует преград в религии, морали и философии. А именно среди “ищущих Бога”.

В. Свенцицкий известен как религиозный философ. Он выпустил несколько талантливо написанных книг. Вместе с тем, он стоит в лагере “свободных”, “голгофских христиан”. Словом, формуляр его умственной жизни более чем безупречен. И вдруг самый неожиданный пассаж: голгофский христианин с удивительной откровенностью называет необузданные плотские удовольствия мученичеством».

И далее разбирается «безнравственная» драма «Арнольд Реллинг».

В данном случае меня интересует не то, правильно ли понял г. Панкратов драму Свенцицкого. Если сопоставить всё, что писалось в газетах об «Арнольде Реллинге» за последние дни, получится такой противоречивый хаос, в котором невозможно да и неинтересно разбираться.

Меня интересует другое.

В статье г. Панкратова есть нечто, имеющее общий интерес: это вопрос о «нравственных» рецензентах и «безнравственных» писателях.

Почти каждый журнал и каждая газета имеют так называемый «Критический отдел». Таким образом, в России сотни «критиков» и рецензентов. Это самые ненужные и вредные люди в литературе. За последние 25 лет не было ни одного писателя, открытого «критикой». Ни одного таланта, который бы прежде всего оценили «рецензенты», а затем уже, по их «указанию», публика.

Было как раз наоборот.

И Чехова, и Горького, и Андреева, и Куприна заметила публика, читатели.

А когда на писателя обращено внимание, сейчас же являются критики и начинают «разбирать».

В результате сбивают всех с толку. Лишают читателей *непосредственного* отношения к литературным произведениям и, вместо того чтобы «помогать» разобраться, создают ненужную и вредную неразбериху.

К великому несчастью, с рецензиями считаются. В этом вся беда.

Когда похвалит или обругает какую-нибудь вещь Иван Иванович, к этому отзыву так и относятся, как к частному мнению

Ивана Ивановича. Но достаточно тому же Ивану Ивановичу тиснуть свой «отзыв» в каком-либо «периодическом издании», как его «мнение» становится некоторой общественной «оценкой».

При настоящем положении «рецензенты» и «критики», лишённые *специального*, крайне *редко* встречающегося критического дарования, — есть не что иное, как паразиты, лишённые самостоятельного творчества и питающиеся чужим вдохновением.

Всё это неудачники, когда-то мечтавшие «творить», и за неспособностью к самостоятельной творческой работе принявшие «разбирать» и «оценивать» чужое творчество.

Чем сильнее у таких критиков была когда-то мечта стать настоящим писателем, чем болезненнее ощущает он свою неудачу, — тем с большим рвением навёрстывает он потерянное время в «Критическом отделе» какой-нибудь газеты или журнала.

Но из всех видов паразитов самые вредные и опасные не те, которые выступают в качестве судей эстетов — это сравнительно бесцветные существа, а те, которые выступают в качестве моралистов. Они любят всё высокое и прекрасное, и потому безгранично самодовольны. У них тихий голос и сладкие слова, и потому их специальность — выискивать безнравственных писателей и обливать их грязью.

Словом, это «нравственные» рецензенты.

---

Но спросят: неужели, по-вашему, надо без внимания оставлять проповедь явной безнравственности? Неужели вы против того, чтобы критика, публицистика обличала явно безнравственных писателей? Нет, конечно.

Но я против того, чтобы нравственность понималась по образцу благовоспитанных немецких девиц.

Если бы слушаться такой «критики», то в русской литературе было бы, быть может, очень много добродетельных романов, но не было бы ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Достоевского, ни Толстого, ни Горького.

Я знаю один вид безнравственности в писателях — *ложь*. Художественную ли, психологическую ли, идейную ли — и больше никакой безнравственности не знаю.

«Санин»?



Да, я считаю «Санина» безнравственным произведением, но вовсе не потому, что там рассказывается, какие бёдра были у сестры Санина, и не потому, что откровенно говорится об интимных отношениях.

«Санин» безнравственен потому, что это ложь и клевета на *женскую психологию*. Арцыбашев думает, как большинство развратных мужчин, что девушка в 17 лет совершенно так же смотрит на мужчину, т. е. как «самка» на «самца», как и мужчина на женщину. И *доказывает* это, то есть *клеветает* на протяжении всего своего романа.

Вспомните толстовскую «Крейцерову сонату», как верно указано там, что большинство девушек, выходя замуж, не только не смотрят на своих будущих мужей как на «самцов», но прямо такие отношения считают противными, не хотят их.

Прочтите медицинские книги. Хотя бы предисловие к книге проф. Снегирёва<sup>119</sup>, имевшего как врач самые интимные беседы с тысячами замужних женщин: и он также утверждает, что громадный процент девушек, выходя замуж, питают почти отвращение к половому акту. Арцыбашев понимает, что в мужчине больше всего пробуждает сладострастие сознание, что он действует на женщину как самец, и потому он изобразил именно таких женщин и «обобщил» эту психологию. Это было для художника «преступление по должности»<sup>120</sup>.

Но порицать человеческую душу и человеческую жизнь, самую тёмную, самую падшую, изобразить сладострастные переживания с каким угодно реализмом, если это будет художественно и правдиво, — это никогда не будет безнравственно<sup>121</sup>.

В нашей современной литературе, действительно, много гадостей, но «нравственные» рецензенты только портят дело своими приёмами выискивания «безнравственных писателей».

Они ищут того, кто говорит о плотских наслаждениях, о сладострастии, о больных переживаниях души, — а надо искать *лжецов*.

О каких бы «возвышенных» вещах писатель ни писал, если он напишет не по вдохновению, не от души, если он допустит в своё творчество *фальшь*, как бы ни было «высоконравственно» это произведение по своим задачам, оно будет всё же и вредным, и безнравственным<sup>122</sup>.

## О «РЕЛИГИИ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Тридцать лет тому назад Достоевский писал о том, что все люди «разделились», забились по своим квадратным домикам и чахнут духовно в своём «уединении»<sup>123</sup>.

За эти тридцать лет «уединение» не только не разрушено, напротив, с каждым днём всё дальше и дальше отделяет людей друг от друга.

Механическое соединение людей не есть *соединение*. Можно иметь тысячи знакомых, «разговаривать» с людьми с утра до ночи, вечно быть окружённым движением и шумом, — и в то же время изнемогать от «уединения».

«Одиночество» людей в громадном большинстве случаев не есть *путь*, который они сознательно выбирают, чтобы научиться по-настоящему *общаться* с людьми. Это тяжёлая духовная *болезнь*.

Болезнь всей нашей жизни.

Причины её бесконечно разнообразны.

Здесь социальные, экономические и политические причины, т. е. некоторые внешние *условия*.

И причины внутренние: эгоизм, всевозможные виды «самоутверждения». Всё то, что делает человека «грешным», всё то, что заставляет его думать лишь о себе, жить лишь для себя. Словом, всё то, что мешает «любить ближних».

Но, помимо всех этих сложных и разнообразных жизненных причин, создающих страшную болезнь одиночества, есть ещё одна: влияние проповеди так называемого *индивидуализма*.

Индивидуализм — сведение всего к своему личному «я» — нашёл за последние четверть века гениальных проповедников, учение Ницше положило свою печать на всю европейскую жизнь. Оно дало как бы обоснование и оправдание одиночества. Одиночества не как трудного *пути* к общению, а как конечной жизненной *цели*.

Но проповедь индивидуализма «личности» не создала *героев*, как это, казалось бы, должно было случиться.

Люди, «сознательно» принявшие *себя* за начало и конец всего, не развивались в мощных гигантов — «сверхчеловеков», а напротив, тускнели, гасли, теряли свою оригинальность и, в конце кон-

цов, вырождались в какое-то жалкое подобие людей, в какую-то карикатуру на «человека-бога».

Дело индивидуализма было явно проиграно. А наша одинокая жизнь дошла до глухой стены. И люди начали убивать самих себя.

Если весь смысл жизни в моём «я» — не стоит жить!

Болезнь «одиночества» решили лечить проповедью «общинности», «коллектива».

Лекарство было придумано очень просто.

Если человеческая «личность» не может явиться центром всей жизни, если центр не может быть «внутри» её, значит, надо перенести его «наружу».

Пусть не личность будет *всё*, а *общество*<sup>124</sup>.

И началась проповедь стрижки всех людей под одну гребёнку.

Ни личной воли, ни личной физиономии, ни оригинальных идей, ничего индивидуального, — всё для «общества» и как у «общества».

Уж чего, кажется, больше «общинного» можно придумать! И не есть ли это прямая противоположность «одиночеству». Пусть, мол, каждый живёт, как все. Никаких «личных интересов», никакой «личной» жизни.

Но одиночество осталось по-прежнему.

Оказалось, что в человеке есть нечто такое, что никак не «сольётся» с другими людьми. И никакая проповедь внешней общинности не может «соединить» людей.

Одним словом, как ни кинь, в результате — заколдованный круг «одиночества».

Провозгласите «богом» человеческую личность, и он становится одинок и несчастен.

Ему незачем жить.

Провозгласите «богом» общество, человечество, и он по-прежнему останется одинок и несчастен и по-прежнему «незачем» ему «жить».

Очевидно, выход должно дать учение, которое вполне удовлетворило бы и «индивидуализм», и «общинность».

Учение, в котором бы гармонично сочетались и *безусловная* проповедь *личности*, и *безусловная* проповедь *общинности*.

Таким учением является правильно понятое христианство<sup>125</sup>.

Мне хочется это правильное понятие назвать: *религией свободного человека*.

Пусть мои «Письма одинокого» будут уложением этой религии свободного человека!

Не бойтесь: я не стану мучить вас целой «религиозной системой». Нет. Это я сделаю когда-нибудь в другое время и в другом месте.

Мне хочется показать, как отвечает на наиболее жизненные и жгучие вопросы религия свободного человека.

Из этих ответов в *общем*, разумеется, вы узнаете и то религиозное учение, о котором я говорю, и узнаете не как «философскую систему», а как живое миропонимание.

Может быть, я не всегда буду *легко* понятен. Что поделаешь, уж очень испорчен и наш мозг, и наш язык, и мы разучились думать и выражаться так, чтобы это было понятно *всякому*.

Но, во всяком случае, я хотел бы писать не для *соловьёв*, а для *воробьёв* — и постараюсь говорить так, как подскажет мне моё сердце.

А голос сердца «воробьи» понимают прекрасно!

О чём же вы будете говорить? О каких вопросах?

Обо всех тех вопросах, которые, в конце концов, по-настоящему только и волнуют человека. Как бы он ни притворялся, что его очень интересует свиданье Франца Иосифа с императором Вильгельмом<sup>126</sup>, — на самом деле, его в глубине души интересует совсем не то.

Я буду говорить о смысле жизни, о смерти, о любви, о свободе, о зле, о страдании, о возрождении, о новой земле.

Буду говорить обо всём том, о чём люди в большинстве случаев думают и мучаются в одиночку, и о чём, по моему глубокому убеждению, даёт законченный отчёт религия свободного человека.

## ОБ ОДНОМ «ОТКРЫТИИ»

Опять я в «глуши»! Опять «культурная» жизнь где-то за тридевять земель. Опять кругом тишь, гладь. Изредка лают собаки. Изредка поют пьяные, и играет гармоника.

Опять Волга. Только теперь она замёрзла: покрылась тяжёлым, бугристым льдом.

Хорошо эдак летать с одного конца России на другой — от трескотни «культурных» разговоров и «общения» с просвещёнными столичными людьми, т. е. с людьми, которые горячо пожимают руки, а мысленно посылают к чорту, — попасть «просто» к *людям*,

в тишину, в собачий лай, в маленькую тёмную комнатку, слушать, как за окном так и рвётся ветер с Волги...

Такую «кочующую» жизнь один мужик здесь называет:

— На птичьем положении...<sup>127</sup>

Так вот, я живу теперь «на птичьем положении»...

Хорошо!

И чем дальше от «умных» людей, тем радостней, спокойней и чище на сердце.

Почему это? Должно быть, даёт себя чувствовать природное тяготение к одиночеству!..

А когда радостно, спокойно и чисто на сердце, всегда пробуждаются и хорошие воспоминания.

И вот вспомнил я здесь об одном *открытии*.

Вспомнил я Рождественскую ночь.

При каких обстоятельствах — рассказывать не буду. Это касается слишком личной жизни. А поэтому для вас неинтересно.

Хотя «Новая земля» и стремится всячески разрушить предвзвешенный, будто бы «литература» — это нечто холодное, замкнутое и чопорное, где всё должно знать этикет: и «публицистика», и «беллетристика», и «поэзия», где «неприлично» и «нелитературно» говорить простым человеческим языком и простым человеческим тоном, без всяких фокусов и гримас, прямо о том, что тебя волнует и мучит, — но, тем не менее, уж слишком много «личного» ведь тоже не годится!

Скажу только, что Рождественская ночь была очень ясная, морозная, и звёзды были такие яркие, каких мы не видали уже давно, пожалуй, с самого начала зимы.

Великолепная ночь!

Вспомнилось мне «открытие», которое я сделал ещё почти ребёнком, но о котором вспоминал — то чаще, то реже в зависимости от своего «морального» состояния — всегда.

Умер один старик, помещик, сосед наш по имени <sup>128</sup>. Он часто бывал у нас в доме и звал меня почему-то «Чижиком». Одно время мне было ужасно трудно «выходить» к нему, и я прятался в саду, на сеновале, в каретнике, — лишь бы не нашли меня, пока он у нас. Это очень огорчало его.

И вот, когда я узнал о его смерти, мне стало ужасно стыдно за своё «прятание». И я, кажется, всё бы отдал на свете, лишь бы он пожил «снова». «И тогда я уж ничем бы не огорчал его».

Под влиянием этого впечатления я и сделал своё *моральное открытие*, которое меня положительно ошеломило. Я заметил, что, когда у меня подымалось в душе недоброе чувство к кому бы то ни было, достаточно мне было вспомнить, что этот человек через несколько часов может *умереть*, — и недоброе чувство сейчас же исчезало, и на место его появлялась жалость, нежность, желание сделать что-нибудь приятное. Как-нибудь «утешить».

Таким образом, открытие моё заключалось в том, что к человеку всегда нужно относиться так, как будто бы через несколько часов этот человек *умрёт*.

Правда, я часто забывал об этом «открытии», иногда по несколько лет.

Но сейчас я его помню. И считаю лично для себя самым действительным средством против злых чувств.

Как только против кого-нибудь в душе моей поднимается всякая дрянь, я спрашиваю себя:

— А если этот человек через час умрёт, тогда что?

И отвечаю:

— Мне будет стыдно.

И сейчас же вместо тяжёлого чувства вражды является «жалость», и хочется *поскорей*, пока он *жив ещё*, сделать ему что-нибудь хорошее.

---

Вы скажете, пожалуй: но постоянно думать, что люди «через час» умрут, это значит окружить себя мертвецами. Не будет ли тогда человек вместо «радости» чувствовать себя всё время, как на кладбище?

Никогда.

Напротив, относиться к людям так, как будто бы они через час должны *умереть*, это и значит относиться к ним как к *живым*.

Вдумываясь в своё «открытие», я пришёл вот к каким выводам.

Обычное наше общение с людьми чисто механическое. Большая часть наших интересов и нашей жизни поглощена «временным», скоропреходящим, *тленным*, поглощено тем, что «исчезнет», превратится в прах, умрёт...

Люди для нас в огромном большинстве случаев повернуты только той стороной, которой они соприкасаются с этой «мелькающей» внешней стороной жизни.

Таким образом, «человек» для нас — это просто одна из «вещей», нас окружающих. Нечто «мёртвое», внешнее. А потому и чувства наши к нему легко вырождаются в злобу, раздражение и всякую пакость.

Мы относимся к людям как к мертвецам, и потому не любим их.

Но когда я вспоминаю, что человек может через час *умереть*, я бессознательно отбрасываю всё временное и тленное, что уничтожается со смертью человека, я невольно — верующий или «неверующий», тут дело не в теории, — но я невольно, сердцем своим чувствую то, что в нём принадлежит *вечности*, его живую душу, а почувствовав *душу*, не могу не любить её и не хотеть ей добра.

Помнить о смерти окружающих людей — это значит всё время вызывать в себе образ их нетленной сущности. А это значит — относиться к ним не как к мертвецам, как мы относимся обычно, а как к живым людям. *По-настоящему* живым.

Чувствуя *жизнь* — нельзя не радоваться. Чувствовать вокруг себя *по-настоящему* живых людей — это и значит отбросить от себя раз навсегда тяжёлое уныние и жить радостью.

---

Я хочу поздравить вас с Новым годом и пожелать вам от души помнить всегда, что люди, к которым вы относитесь дурно, скоро умрут. Это поможет вам видеть в них *человека*, его бессмертную душу, его образ Божий.

А увидав в людях образ Божий — нельзя людей не полюбить<sup>129</sup>.  
Полюбить людей — значит стать счастливым.

## О ТРЁХ «ДУРАКАХ»

В человеке самое важное не то, чем он *похож* на других людей, а то, чем он от них *отличается*, — ему одному *свойственное*, его *индивидуальность*.

Современная общественная, нерелигиозная жизнь вся основана на обобщении *сходства* отдельных людей.

Берётся то, что является «общее» всем людям, выводятся определённые «законы» психической жизни человека, и на почве этих «выводов» строятся моральная и всякая иная *основа* жизни.

Но так как «общее», «схожее» у людей самое *неважное*, а важно то, чем они *отличаются*, — то и вся наша общественная жизнь

основана на *«неважном»*, захватывает людей внешне, поверхностно. Суть человека — его индивидуальное, глубокое, «особенное», ему одному присущее, то есть самое *главное*, — в общественной жизни *не участвует*. Потому *нерелигиозная* современная жизнь людей сера, бесцветна — и будущее её безнадежно, она никогда не изменится к лучшему, покуда не изменится самая её *безрелигиозная основа*.

«Индивидуальные» свойства человека, т. е. черты, ему одному присущие и его ото всех иных людей отличающие, не только не находят своего приложения в нашей общественной жизни, — но они находятся в постоянной вражде, в постоянном *антагонизме*.

Там, где «личность» *не может* подойти под «общее» требование, — она враг этого «общего».

«Личность» в безрелигиозной общественной жизни будет всегда противоположна *обществу*. Потому что в *обществе* современный человек участвует постольку, поскольку он «как все», а поскольку он «особенный» — он стоит вне общества.

Объединить черты сходства и в то же время дать полный простор индивидуальным силам человека может только религиозная организация — *несуществующая у нас религиозная общественная жизнь*.

Только религия может так объединить людей, что они смогут представить из себя *одно тело*, не переставая быть *различными* его членами.

У апостола Павла есть по этому поводу замечательное место:

«Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: “я не принадлежу к телу, потому что я не глаз”, то неужели она потому не принадлежит к телу? Если всё тело глаз, то где слух? Если всё слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно».

«И вы — тело Христово, а порознь — члены»<sup>130</sup>.

Таким образом, религиозная общественность одна только может разрешить неразрешимый у нас вопрос о примирении *личности и общества*, не умаляя значения ни того, ни другого<sup>131</sup>.

И это потому так, что религия объединяет людей *изнутри*, а не по «чертам сходства».

Для того чтобы достигнуть такого объединения, мало быть «религиозным» в нашем смысле слова. Для этого надо освобод-



даться от целого ряда предрассудков, привитых нам безрелигиозной общественностью, от которых несвободен почти никто, и верующий, и не верующий в одинаковой мере.

Один из таких предрассудков — привычка в оценке поступков ссылаться на *большинство*, на «*всех*»...

---

Недавно мне рассказывали такой случай.

Три приятеля, служащие в какой-то конторе, справляли «Рождество». Рождество Христово, по странной человеческой логике, у нас, как известно, принято справлять пьянством.

И три приятеля напились.

Пьяным людям приходят иногда в голову удивительные фантазии. И вот, одному из приятелей пришла в голову нелепая мысль — сбрить бороду и усы.

Другим приятелям мысль эта очень понравилась. И они от души её поддержали.

Ободренный «сочувствием» почтенный господин сейчас же сбрил свою солидную бороду и усы — догола.

Приятели пришли в восторг. Но как бы ни был почтенный господин пьян, однако сообразил, что шутка вышла глупой и что в конторе сослуживцы, пожалуй, станут «смеяться».

И начал уговаривать обриться обоим своим приятелей.

Те было возражали.

Но он убедил их неопровержимым доводом:

— Если я один приду бритый в контору — скажут, что я дурак.

Приятели согласились. И тут же оголили свои физиономии.

Приходит на следующий день первый приятель в контору.

Товарищи смеются. Острыят... Бритый господин конфузится.

— Дурак, брат, ты, — говорят ему.

Бритый господин сам чувствует, что дурак, и оправдывается:

— Я не один... Нас трое...

Случай, как видите, совершенно ничтожный. Но подумайте: в этой фразе «я не один (дурак), нас трое», — вскрывается вся «суть» «общественной морали»: если я не один, значит, можно!<sup>132</sup>

Почему этот господин для своего «оправдания» ссылается на то, что их «трое»?

Потому что он без всяких «рассуждений» *знает*, что для его приятелей глупость, оттого, что её делают не один, а трое, становится не втрое больше, как казалось бы, — а *втрое меньше*.

Я нарочно взял случай *самый пустой* — потому-то он и самый характерный. Здесь нет никаких прикрас. Полное простодушие.

И те, кто спрашивает, и тот, кто «оправдывается», от чистого сердца говорят: да если бы я сделал это один, я был бы «дурак», но если это сделали трое, то получилось не три дурака, как оно выходит по всякой арифметике, а ни одного!

Но если вам угодно от пустяшного факта перейти к более серьёзным, вы можете сделать это очень легко.

Здесь люди свершили очень невинную вещь, просто глупую, даже не злую: взяли да обрили свои физиономии. Но другие три господина могли бы вместо парикмахера отправиться в публичный дом. И если бы вы сказали которому-нибудь из них, что это гадость и *преступление*, он, вероятно, очень бы удивился и ответил сконфузившись:

— Я ведь не один, туда *все* ездят.

Люди лгут, потому что «все лгут», обманывают, потому что «все обманывают», относятся несерьёзно к жизни, потому что все так относятся к жизни.

Почему же ссылка на «всех» имеет такое магическое действие?

Да потому, что вся наша общественная жизнь зиждется на том, что признают и делают *все*. «Высшие» требования оставляются для «желающих», для интимной, «индивидуальной» жизни. И нарушение «индивидуальной» морали — очень легко извиняют. *По-настоящему* считают не нарушенным только то, что «признано всеми».

Словом говоря, страшный предрассудок этот коренится в безрелигиозной основе нашей общественной жизни.

И первый шаг на пути создания религиозной общественности, т. е. не механического, а внутреннего объединения людей, состоит в том, чтобы люди перестали считать дурным или хорошим то, что считают *все*. То есть начали бы строить свою внутреннюю жизнь, исключительно считаясь со своей совестью. Для того чтобы перестроить жизнь по-новому, надо, чтобы во главу угла была положена божественная индивидуальность человека.

Человек должен проявлять во всей полноте свою *свободную личность*. Тогда все люди, как *разные* члены одного тела, найдут своё определённое место и создастся *единый организм*. Проявлению свободной личности мешает масса порабащивающих душу начал, которые могут быть названы *идолами*<sup>133</sup>.

Реформация должна не только нести новые идеалы и освободить от извращений старые, она должна разрушать идола, мешающие достижению идеалов.

В первую очередь должен быть разрушен идол *рабского подчинения большинству*.

## ОБ «УЕДИНЕНИИ»

**В** «Дневнике писателя» Достоевский говорит: «Право, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего “обособления”. Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь своё собственное, новое и неслыханное»<sup>134</sup>.

Это написано тридцать четыре года тому назад!

Право, не верится. До такой степени, слово в слово, можно всё то же сказать и о нашей современной жизни.

Все «уединяются» и все наперебой друг перед дружкой из кожи лезут, чтобы «выдумать что-нибудь своё собственное», «неслыханное».

Все хотят начать с *начала*: ибо хотят быть оригинальными.

Но потому именно, что хотят этого «*во что бы то ни стало*», оригинальности нет и в помине!

Есть два вида «уединения»: одно — самый верный, хотя, может быть, и самый трудный, потому что самый мучительный, путь к подлинному единению с людьми.

Другое «уединение» — опаснейшая духовная болезнь, неминуемо ведущая к окончательной духовной смерти.

Вот об этом втором виде уединения и говорил Достоевский тридцать четыре года тому назад, и оно-то по сие время является одной из самых распространённых болезней нашего общества.

Первое *уединение* — это желание «обособиться», дабы «одуматься», остаться лицом к лицу с своей совестью, без всяких «советчиков», без всяких нравственных давлений общественного мнения, друзей, книг и пр., и пр. Одним словом, желание побеседовать с своей собственной душой.

Это одна из самых страшных задач для человека.

Бойтся *человеческая душа самое себя*. Ибо она грешная, и злая, и изломанная, и вся в грязи. И когда она остаётся сама с собой — она со всей ясностью видит и свой грех, и свою грязь.

Но как это ни страшно — это нужно, ибо только пройдя такой «самоочищающий путь», можно прийти к настоящей душевной свободе от всех мерзостей, а стало быть, прийти к любви, к людям, но это и есть то необходимое условие для общения с людьми, к которому люди должны стремиться.

Итак, первый вид «уединения» ведёт к людям, к жизни, к правде.

Второй вид уединения весь основан на эгоизме, на самоутверждении, и потому носит в себе зачаток духовной смерти. Ибо где *эгоистическая обособленность*, там и смерть. Как в теле нашем достаточно клеточке организма «обособиться» — она сейчас же умирает. И достаточно духовной клеточке, душе человеческой, обособиться в эгоистическом самоутверждении — и она сейчас же перестаёт жить.

Об этом втором виде самоутверждения у Достоевского можно найти много глубоких замечаний: «Наше русское интеллигентное общество всего более напоминает собою тот древний пучок прутьев, который только и крепок, пока прутья связаны вместе, но чуть лишь разогнута связь, то весь пучок разлетится на множество слабых былинки, которые разнесёт первый ветер. Так вот этот-то пук у нас теперь и рассыпался...

Каждый действует сам по себе и тем только и утешается. Если не действует, то хотел бы действовать. Положим, ужасно многие ничего не начинают и никогда не начнут, но всё же они оторвались, стоят в стороне, глядят на оторванное место и, сложив руки, чего-то ждут».

Применительно к нашим современным событиям можно сказать, что ждут они «движения».

Как будто бы с неба свалится какой-то «водопад», и тогда все «сложившие руки» помчатся как угорелые по пути прогресса!

Но напрасное ожидание!

Наше современное полумёртвое «уединение» интеллигенции есть несомненная «реакция» после годов, когда всем хотелось «сорганизоваться», «объединиться» в «союзы» и «партии».

И действительно, «объединились».

Но так как «объединение» это было совершенно внешним, внутренне ничем не спаянным, и так как во время этого «объединения» на самом-то деле все были «сами по себе» и духовно жили *врозь*, — то как только «пучок распался», так же и превратились в «ничтожные былинки»<sup>135</sup>.

И интеллигенции нашей теперь одно спасение. Из своего «уединения», основанного на эгоистическом начале, из своего кладбищенского одиночества обратиться к народу.

Друг с дружкой вы никогда не объединитесь теперь. Ибо вы изолгались, изверились друг в друге и в самих себе.

Объединить вас может народ. Но не тот народ, который вы делали «сознательным», то есть заражали своей мёртвой обособленностью, своим интеллигентским, мнимо-научным неверием, — а тот народ, который крепко затаил в душе своей выстрадавшего Христа.

Но для того чтобы вы могли получить от народа исцеление своей духовной болезни «уединения» — вы должны прийти к нему не с целью его учить, а с целью у него учиться; *учиться вере*. Хватит ли у вас сил на такой подвиг самоотречения, — вот в чём вопрос.

Быть или не быть?

Если хватит сил, то интеллигенция «обновится» и ей принадлежит большое будущее, если *не хватит*, то не пройдёт и двадцати лет, как интеллигенция русская выродится окончательно и превратится в жалкое, бессильное ничтожество, ни для чего не пригодное и никому не нужное<sup>136</sup>.

## НОЧНАЯ СОНАТА

У меня в «письмах» нет никакого определённого плана: я просто говорю о том, что думается и чувствуется. И право, если бы меня спросили: кому я пишу? — я должен был бы признаться, что пишу не столько читателям, сколько самому себе.

И в этом есть своя особая для меня прелесть.

Никто не знает Далёкого Друга, никто не может залезть в его «биографию», не для чего и не перед чем мне вставать в позу.

И главное, никто из строгих блюстителей нравственности не может сказать мне: милостивый государь, нам доподлинно известно, что вы влюблены, а влюбляться человеку, который и прочее... и прочее... прочее...

Далёкий Друг неуязвим! Нет-с, извольте-ка иметь дело не с его частной квартирой, а с письмами одинокого человека!..

Да, я очень рад, что мне пришла мысль писать «издалека»! С какой бы интимностью, и искренностью, и откровенностью

я теперь ни написал, ведь это не будет «неприлично»? Ведь меня не обвинят в том, что я «публично исповедуюсь»? Вот на положении такого «таинственного незнакомца» я и решаюсь рассказать вам о «ночной сонате»...

С вечера поднялась мятель. Слышно было, как ветер бросал сухой снег в закрытые ставни и монотонно гудел в трубе...

Я лёг спать поздно. Потушил огонь. И стал вслушиваться в вьюгу...

У меня уже давно вошло в привычку час-два перед сном «думать», лёжа в постели.

Это не «сухие думы», которыми думаем днём или при огне. Это скорей полусон<sup>137</sup>. Мысли сплетаются с ночными образами. Приходят, как тихие тени, странные люди. И говоришь с ними, и радуешься им. А кругом поднимаются торжественные звуки, и слышишь музыку, которую не в силах выразить словом...

Эти два часа перед сном я называю «ночными сонатами», и люблю их, и дорожу ими больше всего на свете.

Иногда даже мне кажется, что только в эти часы я по-настоящему и чувствую свою душу...

Итак, я по обыкновению стал «думать», вслушиваясь в вьюгу...

Метель, видимо, всё усиливалась. Снежный ветер глухими ударами ударялся в стены: он прилетел из-за Волги, из безграничных степей, превратившихся в холодные, мёртвые, снежные пустыни...

И услышал за стеной голоса: один, два... ещё... ещё... Много голосов... тысячи... может быть, сотни тысяч... Настойчивых, тревожных. Как будто бы люди в смятении бежали в разные стороны и кричали то жалобно, то грозно, то в отчаянии, то властно приказывая что-то... Это была озверевшая толпа, дико несущаяся в безумном страхе от какого-то неслыханного бедствия... С неистовой быстротой проносились они мимо моих стен. Окружили со всех сторон низенький дом. Точно победные волны в морскую бурю...

И вот пронесся резкий оглушительный удар: что-то рухнуло, тяжёлое, большое. Дом вздрогнул, и голоса бегущих людей стихли в немом ужасе...

Да. Это метель поёт. Ветер, примчавшийся из-за Волги, стонет. Может быть, оторвалась ставня и ударяется об раму?..

Может быть...

Но я слышу великое смятение. И начинаю понимать его смысл:

Это *смерть* за окном...

Разрушился мир. Люди бежали от разрушения с плачем и дикими криками животного ужаса.

И нет больше жизни. Ни людей, ни животных, ни леса, ни птиц, ни звёзд на небе. Всё истлело. Всё задушила смерть. Всё превратилось в ничто.

И жив только один я. Только одно моё *сознание* осталось во вселенной.

Кругом пустота и тление. Бесконечное небытие. Вечное ненарушимое молчание.

Моё «я» — и никакой жизни кругом.

Один я — и конец и начало всего. И всем существом своим ощутил я это окончательное, неотвратимое и неизменное небытие вокруг себя. И на одну тысячную долю секунды почувствовал себя *единственным*. Одиноким *до конца*... И понял, что жить больше не могу... Что сейчас умру и я.

. . . . .  
. . . . .

Случалось ли вам очнуться после страшного сна с чувством радостного сознания, что всё виденное вами — тяжёлый кошмар, что *на самом деле* ничего этого нет. Что всё хорошо. Что вот вы сейчас встанете, увидите близких вам людей и начнёте жить своей обычной жизнью, — и ночные чудовища не посмеют больше трогать вас?

Когда я пришёл в себя, зажёл свет. Прислушался к затихающему ветру и к резким ударам оторвавшейся ставни — мне хотелось плакать от счастья.

Больше всего хотелось в эту минуту — собрать всех-всех, кого я только знаю и кого когда-либо видел, и сказать им, что нет большего счастья, как счастье *жизни*. Что выюга кончилась. И что смерть никогда не победит жизни. Что всё это только сон один. Что когда отняли у меня людей, леса, мир, звёзды, — я понял, что больше всего хотелось бы *любить жизнь и людей*. Что нет несчастья более страшного, чем полное одиночество.

И пусть, с сегодняшнего дня, его никогда между нами не будет. Мы будем жить всегда вместе. И вместе радоваться. Радоваться, что Господь даровал нам жизнь. И спешим насладиться этой радостью. Не убивать свою жизнь в злобе, в раздражении, в разделении. Потому что она такая короткая, страшно короткая, всего

ещё 20-30 лет<sup>138</sup>. И потому-то особенно будем спешить, спешить любить друг друга и радоваться жизни...

Но некому мне было сказать это в три часа ночи...

И я был один, но не был одиноким. Ибо чувствовал, что в сердце много любви.

Какое для меня новое чувство!

И как хорошо. Как хорошо!

---

Я имею несчастье с детства питать склонность к философии. Когда мне было лет девять, я потихоньку клал себе под подушку большой том Шопенгауэра — «Мир как воля и представление» в переводе Фета — и читал в постели. Не понимал я ничего. Но таинственные слова «субъект» и «объект» заставляли сладко сжиматься моё детское сердце.

Вот по этой врождённой склонности к философии не могу и сейчас удержаться от «рассуждений».

Утром, после моей страшной ночи, нервы, разумеется, улеглись. Торжественных голосов мысли как не бывало. И вместо толпы бегущих людей — заваленное снегом крыльцо...

Встал я с душой размягчённой и в настроении почти умилённом. Но всё же настолько владел собой, что, уверяю вас, в любви никому не объяснился.

И всё же нечто очень ценное для меня осталось в моей душе.

И я попытался «осмыслить» себе всё пережитое.

Конечно, разрушение мира от простой обычной на Волге снежной метели — вещь по меньшей мере смешная. И дикая мысль, что вдруг я остался один-одинёшенек во всей вселенной, — фантазия почти неприличная. Должно быть, мне подсказала её моя безмерная гордыня и самое непозволительное сомнение.

Но как бы ни было, хотя и в несколько иных формах и при иных обстоятельствах, — но люди, *не сознавая* того, живут именно так, как будто бы весь мир разрушен и ничего не существует, кроме ихнего маленького «я».

И, *не сознавая* этого, они не сознают всего ужаса своей эгоистической оторванности. И *не понимают* и *понять не могут*, отчего это жизнь их так тяжела, сера, пуста. Отчего не даёт им ни радости, ни счастья...

Конечно, люди кругом нас двигаются, говорят, мы жмём их руки, отвечаем на вопросы. Но если внутренне, в сердце, нам на них,



с позволения сказать, наплевать, — хоть бы их и не было, — то, спрашивается, для души-то нашей не всё ли равно, что они живые или мёртвые? И для нас-то они не являются ли как бы умершими?

Безусловно, да.

Наше «я» не объединяется по-настоящему ни с кем и ни с чем. Вокруг него мёртвая пустыня — молчание, небытие...

Как излечиться от этого? Как научиться радоваться, любить, жить полной жизнью?

Для этого надо прежде всего *до конца*, безбоязненно *сознать* своё одиночество, и тогда человек *ужаснётся*, поймёт, что жить так *нельзя*. Почувствует, что он *умирает*<sup>139</sup>.

И возненавидит он свой эгоизм и своё уединение, и своё мертвящее разделение с людьми.

И поймёт, что нет большего счастья, как настоящее общение с миром. И что оставшиеся 10-15-20 лет надо не тратить зря, а спешить наполнить *делами любви*.

## «О РУГАТЕЛЬНЫХ ПИСЬМАХ»

Недавно я получил ругательное письмо. Вещь довольно циничная.

Года три назад, в самый разгар только что начинавшейся своей лекторской деятельности я напечатал книгу<sup>140</sup>. В книге этой я рассказывал об очень безнравственных вещах, которые пережил сам и, по моему глубокому убеждению, переживают другие.

Книга явилась как бы некоторым «скандалом», и я стал получать массу ругательных и обличительных писем. Особенно запомнилась мне фраза из письма вдовы самого любимого моего покойного профессора<sup>141</sup>. Разгневанная на книгу мою дама писала, что я «самый наглый представитель нашей расшатанной эпохи»...

И вот опять ругательное письмо! Человек, лично меня не знающий по поводу одной маленькой газетной заметки, подписанной не моим именем, а псевдонимом<sup>142</sup>, уличает меня в «зависти», в «недобросовестности» и «самолюбии»...

Уже слишком два года, как меня оставили в покое и моралисты, и советчики, и обличители. Много воды за эти два года утекло, и вот снова на меня пахнуло прежней атмосферой, в которой люди всё представляют себе ужасно «просто», не задумываясь

вламываются в калошах в человеческую душу и, главное, судят, судят и судят... Судят сплеча, жестоко, без любви, без права, не понимая и не желая понять человека. Так часто судом своим ломают человеческую душу, ибо не дают переродиться человеку *свободно, изнутри*, и не дают развиваться тем таинственным процессам души человеческой, которые зримо одному Богу.

Маленькое ругательное письмо, которое я получил, заставило меня задуматься над *психологией* таких писем<sup>143</sup>. В этой великолепной развязности, с которой человек оскорбляет другого, не зная его *лично* и даже «заочно», — ибо автор письма, не имея возможности знать, кто скрывается под «псевдонимом», оскорбляет не за то, что *написано*, а за те *внутренние мотивы*, которые, по его мнению, руководили писателем, т. е. за нечто очень интимное, что можно знать, только *изучив человека*, — в этой развязности есть нечто поистине «русское», «национальное», если хотите. То особое, нам одним свойственное легкомыслие, которое, как и многие другие противоречия, каким-то чудом уживается в русской натуре с глубиной и серьёзностью...

---

Ещё Достоевский указывал на любопытную психологию авторов трогательных «анонимных писем»<sup>144</sup>. Причём, по Достоевскому, «можно во всю жизнь не написать ни одного анонимного ругательного письма, а между тем всю жизнь носить в себе душу анонимного ругателя».

Основной нерв таких ругательств Достоевский видит в том, что человека «мучит роковая забота отыскивать всегда и везде как можно больше людей хуже себя». А кроме того, в силу некультурности людей, всякого рода неудовольствия их прежде всего выливаются в форму брани:

«Я убеждён, — говорит Достоевский, — что европейская цивилизация чрезвычайно мало привила к нам гуманности и что у нас людей, желающих выругаться быстро и непосредственно, в каждом случае, который им чуть-чуть не понравится, даже, может быть, до того не мало, что страшно сказать; а желающих выругаться — притом же и безнаказанно, анонимно и безопасно, из-за двери, ещё того больше, и вот как раз анонимное письмо даёт эту возможность: письмо не прибьёшь, и письмо не краснеет».

Почему же люди так любят отыскивать всегда и везде людей хуже себя? Откуда эта потребность за каждым человеческим по-

ступком или словом усматривать какую-нибудь мерзость? Чем объясняется такое неверие в человека?

Личный опыт, по русской пословице — «на свой аршин всех меряют»? Напротив. Если бы мерили на свой аршин, то видели бы, что мерзкие мотивы, если и бывают, то действуют они в душе человеческой далеко не с такой «лёгкостью», с какой думают обличители, — а стало быть, во всяком случае недопустимо столь «лёгкое» к ним отношение. Это во-первых. А во-вторых, «личный опыт» должен был бы показать, насколько часто суд «со стороны» бывает несправедлив; ибо каждый не только *судит*, но, в свою очередь, бывает *судим другими* и, казалось бы, видя постоянную несправедливость такого «суда» по отношению самого себя, должен был бы с большею осторожностью относиться к осуждению другого.

Таким образом, дело совершенно не в «личном опыте».

Потребность искать грязных мотивов — потребность глубокая, основа её — *боязнь добра*.

У каждого человека есть совесть. И каждый человек, как существо, носящее образ Божий, является носителем добра. Совесть — это внутренний голос добра, заложенного в душе человеческой<sup>145</sup>.

Жизнь громадного большинства людей в большей или меньшей степени уклоняется от добра, и потому каждый человек в большей или меньшей степени переживает «муки совести». То есть каждый в большей или меньшей степени слышит протестующий голос попранного в душе добра.

И так как голос совести всегда требует исправления личной жизни, а исправление жизни, в свою очередь, сопряжено с нравственными усилиями, с борьбой, с жертвами, часто с подвигом, — то понятно, что душа человеческая боится голоса совести.

Но ничто так не пробуждает совесть, ничто с такой силой не заставляет её звать человека к добру, как *добро в другом человеке*. Когда злой, грязный, развращённый человек видит доброго, чистого и светлого, ему невольно делается *стыдно* и за своё зло, и за свою грязь. Добро загорается от соприкосновения с добром другой человеческой души и освещает всю накопившуюся внутри мерзость. И стыд начинает мучить человека.

Вот почему «боится» человек видеть добро в другом. Эта боязнь, если можно так выразиться, есть «инстинкт самосохранения зла».

Отсюда инстинктивная потребность высматривать мерзость в своём ближнем. Этой потребности большинство людей отдаётся без всякого сопротивления.

Добро в ближнем несёт суд нашей неправде, и чтобы избавиться от этого суда, мы спешим себя «обезопасить» и обливаем грязью друг друга.

Если ты в душе мерзавец, ты уже не страшен для моих подлостей, ты уже не можешь пробуждать во мне голос совести.

И вот я спешу изо всех сил, чтобы выискать в тебе что-нибудь такое, что бы помогло мне убедить себя, что ты действительно мерзавец, и не успокоюсь до тех пор, пока не докажу себе этого.

И когда наконец докажу, что «на самом деле» ты такой же, как все, что за твоими хорошими словами и даже делами скрыта мерзость и подлость, я успокаиваюсь, доволен, ничто уже больше меня не тревожит. Раз ты «как все» — значит, «бояться» тебя нечего.

---

Очень может быть, что я и завистлив, и самолюбив, и в высшей степени отрицательное явление. И не для того я пишу сейчас, чтобы доказать, что я уж очень хорош. Пусть ругатели в *данном факте* случайно оказываются правы.

Я говорю о психологии ругателей вообще, об самой этой потребности ругаться самому и радоваться, когда ругают другие.

Пусть я был бы верх чистоты, пусть я был бы носителем верха добродетелей — ведь для не знающего меня корреспондента я просто «икс», «неизвестное», — совершенно очевидно, что каким бы я ни был на самом деле, он всё равно обругал бы меня, не мог бы меня не обругать, коль скоро ему «показалось», что здесь есть подобие добра.

Раз речь о добре — обязательно надо «обезвредить», то есть окатить грязью!

Да, любит человек позор ближнего своего... И любит этот позор потому, что боится своей совести и того, к чему она призывает.

## О ЗЕМЛЕДЕЛИИ И ТУНЕЯДСТВЕ

Недавно прочёл я книгу крестьянина Бондарева «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство», с предисловием Льва Толстого (изд. «Посредник». 1906)<sup>146</sup>.

Книга замечательная, и хочется сказать об ней несколько слов, особенно в связи с празднованием пятидесятилетия освобождения крестьян.

Бондарев сам был крепостным, вынес на себе весь ужас «патриархального строя». «Я до 37 лет, — пишет он, — был Войска Донского помещика Чернозубова или Янова, — земледельцем; а как эти люди были отягчены работами, это, кажется, всем известно. Потом помещик отдал меня в солдаты, и пятеро детей малых остались под его же тяжким и нестерпимым игом».

Бондарев — «заправский» крестьянин и до сих пор ещё работник, как сам он о себе говорит: «Когда косят на крюк хороший хлеб, такой, что двум хорошим работникам едва успеть вязать снопы за одним косарём, а я, несмотря на то, что мне 65 лет, один успеваю, да при том чисто, а снопы крепкие».

И от книги его так и пахнет чернозёмом, русской деревней — такого языка не придумаешь, он даётся настоящим «русским духом»: меткий, сильный, красочный. И сколько народной мудрости в нём, «сметки», и какой необыкновенный юмор!

У нас любят говорить, что нельзя не верить в народ, который дал Толстого и Достоевского. Верно. Но нельзя не испытывать мучительного стыда перед народом, когда читаешь такие произведения, как книга Бондарева, написанная простым «неучёным человеком».

«Бывший крепостной» Бондарев, бывший «раб», которого «помещик» Чернозубов, если бы захотел, мог для простого удовольствия запороть до смерти, а то — продать вместе с женой, с детьми, коровой, лошастью, всеми потрохами, — этот «раб» в своей маленькой книжечке обнаруживает не только «талант» (это бы ещё не так удивительно), а необыкновенно яркое воплощение лучших национальных черт русского человека: таким образом, «животное», «вещь» — оказался *человеком по преимуществу*.

Во «Вступлении» по поводу своей книги и вопросов, в ней предположенных, Бондарев говорит: «В заключение сего прошу читателя прежде двое суток хлеба не есть, да тогда и делать оценку этим вопросам».

Ну, я хотя «совета» этого и не исполнил, однако о Бондареве, так сказать, в воспоминание великого события освобождения крестьян, несколько слов скажу.

В предисловии к книге Бондарева Лев Толстой пишет: «Как бы странно и дико показалось утончённо образованным римлянам первой половины I столетия, если бы кто-нибудь сказал им, что неясные, запутанные, часто нелепые письма странствующего еврея к своим друзьям и ученикам будут в сто, в тысячу, в сотни тысяч раз больше читаться, больше распространены и больше влиять на людей, чем все любимые утончёнными людьми поэмы, оды, элегии и элегантные послания сочинителей того времени. А между тем это случилось с посланиями Павла. Точно так же странно и дико должно показаться людям теперешнее моё утверждение, что сочинение Бондарева, над наивностью которого мы снисходительно улыбаемся с высоты своего умственного величия, переживёт все сочинения, описываемые в истории русской литературы, и произведёт больше влияния на людей, чем все они, взятые вместе»<sup>147</sup>.

И верит Толстой в это потому, что «истинная, нужная мысль, или, скорей, истинный и нужный ход мысли только один», и, по мнению Толстого, «этот один истинный и нужный ход мысли в наше время излагает Бондарев в своём сочинении с такой необыкновенной силой, ясностью и убеждением, с которой никто ещё не излагал его».

В Бондареве Толстого поражает то, что он решает вопрос без урезок, без оговорок, а во всём объёме, до конца. «И он делает это, — говорит Толстой, — не потому (как это нам приятно думать), что он невежественный и глупый мужик, не знающий всего того, что мы знаем, а потому, что он гениальный человек, знающий то, что истина только тогда истина, когда она выражена не с урезками и оговорками и прикрытиями, а тогда, когда она выражена вполне».

Я не разделяю во всей полноте «истины» Бондарева о земледелии, точно так же, как не разделяю и взгляды на этот вопрос Толстого: требование добывать хлеб свой своими собственными руками, в *буквальном смысле слова*, — кажется мне недоразумением.

Но сейчас меня интересует не самое решение вопроса об отношении к сельскохозяйственному труду, а личность Бондарева, поскольку она отражается в книге. И здесь действительно нельзя не восхищаться его оригинальностью.

Бондарев в земледелии видит прежде всего исполнение Божьей заповеди «в поте лица твоего снеси хлеб твой». И потому

учит, что каждый обязан, чем бы он ни занимался и как бы ни жил, прежде всего сам обрабатывать землю.

В этом, собственно, вся суть его книги. «Но так как у вас бесчисленное множество отрицаний от этого труда, — пишет Бондарев во “Вступлении”, — они-то и вынуждали меня так много писать».

Бондареву хочется «доказать» свою задушевную мысль и откровенность, «извороты» высшего класса. И здесь-то он и обнаруживает себя во всём блеске.

Приведу несколько мест:

«Бог сказал Еве: “умножая умножу печали твоя и вздыхания твоя... в болезнях родиши чада твоя”. Теперь спрашиваю, почему в женской епитимии никаких тайных изворотов и иносказаний нет, а как сказал Бог, так всё буквально и сбывается.

Как мне, живущей в убогой хижине, так и царице, на престоле сидящей, на голове корону имеющей, одна и та же участь: “в болезнях родиши чада своя”. Ни малейшей разницы нет...

Но вот эта именитая жена могла бы сказать так: “Мне родить некогда, я занята нужными и необходимыми государственными делами, а рождением более убытку принесу государству, нежели пользы. Да ещё и потому: прилично ли мне равняться с последней крестьянкою, с мужичкою? Поэтому я лучше за деньги найму другую родить для меня дитя или за деньги куплю готового ребёнка, и он будет мой собственный, как и тот, которого я сама рожу”. Она могла бы рассудить и сделать так? Нет, нельзя переменить постановление Божие».

Почему же, спрашивает Бондарев, мужчина не исполняет своей заповеди и думает, что если «купить» хлеб, он будет совершенно такой же, как и добытый собственными руками.

«Если бы уничтожил, да не ел! Нет, много раз в день с жадностью принимается есть, без чего и на свете жить не может».

Говоря о том, что, правда, есть женщины, которые «убивают плод чрева своего», — Бондарев и здесь видит разницу с женщиной, отказавшимся выполнить «свою заповедь».

«Жена, убившая плод чрева своего, во всю жизнь раскаивается, из глубины души своей вздыхает и просит у Бога прощения, а под старость накладывает на себя посты, молитвы, чем, можно думать, и вымолит у Бога прощение за уничтожение своей заповеди.

Раскаиваешься ли ты, читатель, в том, что всю свою жизнь чужих трудов хлеб ешь! Просишь ли ты у Бога и у людей прощения? Никогда и нисколько: да тебе и на разум не приходит, а положился смело на деньги, да и живёшь весь свой век, припеваючи, и признаёшь себя вполне правым перед Богом.

Не менее остроумно и метко рассуждение Бондарева о неравенстве сословий, о том «пренебрежении», с которым «высший класс» относится к «низшему».

Ещё во «Вступлении» он говорит: «Как у вас в великосветском классе высшая степень генерал, в нашем же — заслуженный земледелец. Поэтому, если судить по всей строгости закона, я имею право с генералом на одних креслах сидеть. Да что я говорю, на одних! Генерал должен предо мною стоять.

Почему? — так спросит встревоженный читатель. — Потому что не я его, а он трудов моих хлеб ест»...

А в дальнейшем изложении, снова возвращаясь к этому вопросу, он говорит:

«За что на нас такая низость? Только за то, что мы вас хлебом кормим. Мы все перед вами, как называют нас многие богачи, — нуль без единицы.

Может статься, читатель подумает, что нас никто так не называет.

Много и от многих я слышал: называли. Но я вам законный ответ на это дам, вот он: вы все 1 (единица), а мы 0 (нуль), но как мы с вами по общественной связи стоим бок о бок, то нужно же и эту единицу, так близко поставить к нулю — 10, тут вышло десять, то есть нам цена — 9, а вам — 1.

Попрошу этим не стесняться, потому что не мы, а сами вы такую цену назначили себе и нам.

Почему же вы такую низкую цену назначили себе в сравнении с нами?

Потому что наших трудов хлеб едите».

---

Таков этот простой «мужик» Бондарев, апостол «земледелия».

Я его никогда не видел, разумеется, но мне рисуется седая борода лопатой, крепкий, коренастый старик, с умными, немного усмехающимися глазами, высоким, изрезанным морщинами лбом<sup>148</sup>.

Из русской, политой слезами, потом и кровью земли встанут такие люди.



Ум их прямой и смелый, вера крепкая, без лукавства, слова меткие, острые, без всякой «риторики». И во всём одно неизбежное стремление: жить по правде, по-Божьи.

Может быть, и не прав Толстой, что книга Бондарева сыграет такую крупную роль в будущем, даже наверное не прав.

Но, несомненно, что *народ*, таким ярким представителем которого является Бондарев, действительно, даст миру то, что не дадут ему представители «высших классов», на которых человечество уж слишком рассчитывает, — народ этот даст *веру* и *настоящую правду*.

## ЧЕГО БОЛЬШЕ ВСЕГО НЕ ХВАТАЕТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

**Н**а вопрос этот, ни минуты не задумываясь, отвечаю: *веры*.

Не думайте, что я хочу обличать *религиозное* неверие: Бога, мол, не признают, Священное Писание отвергают.

Нет. Не о том речь.

У интеллигенции вообще нет никакой *веры*: это люди с «двоящимися» мыслями<sup>149</sup>.

Всякая вера содержит в себе начало *религиозное*, и русская интеллигенция упорно, долгие годы вытравляла в своей душе *всякую* религиозность — выпугивала и фундамент *всякой* веры.

Было время на Руси *религиозной* веры в прогресс, в науку, в общественные идеалы. Но жизнь и постепенное развитие мысли показало, что *прогресса* «доказать» нельзя, осуществление общественных идеалов — тоже не «дважды два четыре», — словом, стало ясно, что старая интеллигенция во многое просто *верила*. Так же верила в *своё*, как мужик в *своё*. А как только это стало ясно — сейчас же и улетучилось. И осталась современная интеллигенция с своими бессильными «двоящимися» мыслями.

Возьмите сейчас любого среднего интеллигента и огоршите его вопросом: во что он *верит*? Что для него бесспорно, как «истина, не требующая доказательств»? Может ли он про что-нибудь сказать: вот это уж я признаю *безусловно*?

Даю голову на отсечение, что на вопрос ваш ответа не будет. Ибо ответить нечего.

Веруете в науку?

Да как вам сказать... Конечно, наука великая вещь, но при современном общественном строе, вряд ли... и пр., и пр., и пр. Словом, «наука» безусловного и всеспасающего значения не имеет.

Веруете в жизнь?

То есть как — в жизнь? Жизнь есть борьба за существование и для сильных хороша, а слабым — прескверна. И вообще, счастье — вещь недостижимая, а если нет счастья, какая же «вера в жизнь».

Ну, может быть, в лучшее будущее? в прогресс, в рай на земле?

Очень трудно сказать, больше или меньше страданий на земле становится с каждым годом. Может быть, социальная революция откроет новые формы жизни, а от буржуазной эпохи ждать нечего!..

Так во что же вы верите: в литературу? в искусство? в аэропланы?

Во всё понемножку и ни во что в особенности.

Даже в *самом очевидном* и то мысли интеллигенции «двоятся»: существует ли *реальный мир*. Существует ли стол, за которым мы сидим, и дома, в которые мы ходим? И здесь нет *безусловной* уверенности! Интеллигент кое-что слышал о Шопенгауэре, и хотя вполне ему тоже не поверил, — но и прежней веры в безусловную реальность видимого мира тоже нет: а кто, мол, его знает: может, и вправду мир есть лишь моё представление!

Вот откуда бессилие нашего «образованного класса». Вот в чём духовная болезнь его<sup>150</sup>. Вот почему в душе своей русский интеллигент часто повторяет слова одного горьковского героя: «Ничего не хочу — и ничего не желаю», — хотя и редко признаётся в этом<sup>318</sup>.

Как можно что-нибудь *хотеть*, когда ни во что не веришь, и как можно выбрать в своей жизни твёрдый и определённый путь, когда человек не знает, куда и, главное, *зачем* ему идти? Живут люди «как Бог на душу положит», куда ветер подует, живут не так, как *хотят*, а так, как сложатся *внешние обстоятельства*. Хватаются за одно, за другое, за третье: а в результате жизнь прошла, и для себя ничего не сделано, а для других ещё меньше.

«Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает», — говорит ап. Павел. Но для того чтобы не «осуждать» себя в том, что тобой избрано, — надо избирать *раз навсегда*. А для этого надо во что-нибудь *верить*.

Недаром тот же апостол говорит: «Всё, что не по вере, — грех»<sup>151</sup>.

У кого же научиться вере?

*У народа.*

Не смейтесь над «народными предрассудками»! Пусть предмет вашей веры будет освещён разумом и наукой, вы *сердцу* народному научитесь. Научитесь его способности веровать.

Недавно одна милая и смешная старушка говорила мне об «остальных временах»...<sup>152</sup> По её мнению, человечество доживает уже «последнюю страничку» книги жизни, где всё это записано. Сама она книги этой не видела, но верит в неё свято.

По её словам, все признаки «остального времени» исполнились. И она высчитывает их по пальцам.

— На одном колесе ездить будут — есть!.. На квадратики землю разрежут — есть... На огненном как поедут — есть... Нищие с жёлтыми и красными батогами ходить будут — есть...

— Постой, как так? Разве нищие с жёлтыми и красными батогами ходят?

— А намердись пришла я в церковь... Стою... Входят два будто странника... Не знаю, кто они такие, — нищие, что ли. Смотрю, у одного-то батог жёлтый, а у другого красный... Я так и обомлела.

— Ну, а дальше что же будет?

— Что же дальше. Теперь уж Гога и Магога должен скоро быть...<sup>153</sup>

Смешной разговор, не правда ли? И я уверен, что вы сочтёте за шутку, если я скажу, что нашим просвещённым интеллигентам, не знающим, по Шопенгауэру ли им относиться к собственному столу и считать его «явлением», или по Бюхнеру и твёрдо признавать его наиреальнейшим фактом<sup>154</sup>, — что просвещённым интеллигентам этим надо идти на выучку к моей смешной, убогой старушке<sup>155</sup>. Надо научиться у неё верить *свято и ненарушимо*, до полнейшего душевного, непоколебимого спокойствия, того спокойствия, которое даёт силы умирать без тени ужаса, точно человек отходит ко сну. Надо научиться вере, которая даёт силы нести самый тяжёлый жизненный крест с твёрдостью, с терпением, с любовью, и в самых ужасных условиях, в каких можно только представить себе жизнь человеческую, гонит прочь отчаяние и научает в нужде, в труде всё же любить и благословлять жизнь. Недавно я слышал, что работницы на мыловаренном заводе получают 6 рублей в месяц жалованья *на собственных харчах*. И вот одна из работниц за двадцатилетнюю свою службу получает награду 50 рублей. А труд каторжный. Так вот подумайте, какую

веру надо иметь, чтобы при такой жизни не проклинать вся и всех и не потерять образ человеческий!

О, я не говорю, что вы должны уверовать в жёлтые и красные багоги! Зачем-нибудь же поил и кормил нас народ. Зачем-нибудь мы «учились» в то время, когда он голодал и работал. Просветите его теперь.

Но живую, крепкую, непобедимую веру — возьмите у народа!..

## СТАРЫЙ ДОМ

Может быть, вы уже составили себе некоторое представление если не о моей «личности», то о руководящем настроении моей жизни?

На всякий случай ещё раз рекомендую: я человек *одинокий*, потому что питаю отвращение к *механическому* общению людей, а на подлинное внутреннее общение ещё не способен. Я человек *общительный*, потому что больше всего хотел бы научиться *настоящему* жить с людьми. Я человек, отравленный всем, чем отравлена интеллигенция: роскошью, развратом, ложью, сомнением, безволием, самолюбием. Я человек, получивший отвращение ко всей этой дряни, которой отравлен сам и отравлены те «образованные» люди, среди которых до сих пор принуждён был жить. Я человек, стремящийся излечиться от своих «духовных немощей» *через народ*, а потому к «интеллигенции» питающий как бы некоторое отвращение...

И вот мне говорят: с вами хотят повидаться гимназисты!..

Я, как оно и полагается для интеллигента, мысленно посылаю их к чорту и пишу записку, что «буду очень рад видеть у себя» тогда-то...

В самом деле, что за удовольствие слышать опостылевшие нудные вздохи и видеть бессильное покушение решить «проклятые вопросы», т. е. нечто такое, что надоело до тошноты, что давным-давно пережил сам, оставил позади и к чему никогда не хотелось бы возвращаться!

Мечтаешь всей душой увидеть человека крепкого, от которого чернозёмом пахнет, у которого душа на железном фундаменте *терпения и веры*. А тут извольте: «общаться» с каким-нибудь «неврастеником»!

Но ничего не поделаешь... «очень буду рад видеть»...

И вот пришёл он. Один. Юноша лет семнадцати. Оказывается, написал драму — просит прочесть. Ну, Бог с ней, с драмой — не в ней дело.

Опасения мои оправдались только отчасти: о проклятых вопросах говорили — юноша неврастеник несомненный. Но боязнь «неприятных» впечатлений оказалась напрасной: человечек славный. Не лжёт. Искренно мучается. И серьёзно хочет разобраться в жизни. По нынешним временам — это много.

Нарассказал он мне о своей гимназической жизни. Невесёлые рассказы. И лишний раз они убедили меня, что на интеллигенцию в *массе* надежд возлагать не приходится.

Милый мальчик, принёсший мне свою драму (кстати сказать, тоже из гимназической жизни), взволнованно, с глубокой печалью говорил о том, что гимназические кружки для самообразования распадаются. Что никто не интересуется ни литературой, ни наукой. Что никто не верит в большие, широкие задачи. Что мечты о будущем ограничиваются «малыми делами»<sup>156</sup>. Общее настроение: сейчас ничего большего сделать нельзя, а потому надо жить потихоньку-помаленьку. Жить-поживать да добра наживать!<sup>157</sup>

Я заговорил о нашей беседе с гимназистом потому, что меня поразила в ней одна черта. Или, *вернее, поразило отсутствие одной черты*. Но для того, чтобы вам было понятно, в чём дело, я должен рассказать *совсем о другом*.

---

Насколько я опасаясь интеллигенции, настолько же быстро и с радостью схожусь теперь с *народом*. Завёлся у меня новый приятель. По профессии — портной.

Идём мы с ним как-то, а он и говорит:

— Написали бы вы, Далёкий Друг, драму, а я вам расскажу, каковую.

— Расскажите.

И он рассказал мне про «Старый дом».

«Старый дом» — это Россия. И всё, что совершается в нём, надо понимать «символически». «Старый дом» был сначала одноэтажный. Хозяева его — простые, рабочие люди. И вот главе семейства приходит в голову мысль: отправим одного сына в город учиться. Научится он всем наукам и потом вернётся к нам

и расскажет обо всём, чему его научили. И просветит нас. И будет нам польза.

Отправили. Семья по-прежнему жила в одноэтажном старом доме, выбивалась из сил, трудилась и аккуратно посылала в город деньги, чтобы сын мог учиться.

Прошло много лет. Сын, наконец, окончил учебу и вернулся в старый дом.

Уехал простой деревенский мальчик, а вернулся учёный интеллигент, женатый на настоящей барышне.

Сразу же оказалось, что простая деревенская жизнь в старом доме не по ним. И тогда решили сделать второй этаж. В этом втором этаже поселился учёный сын с молодой женой. И жизнь пошла вкривь и вкось. Верхний этаж жил своей жизнью, нижний — своей. Старики и неучёная молодёжь по-прежнему работали. Учёный сын брезговал ихней жизнью и не мог понять её. Ничему не научил стариков...

И в старом доме начался великий распад.

Такова поучительная история «Старого дома». В ней даётся удивительно простое и единственно правильное решение вопроса об отношении народа и интеллигенции.

Народ *посылает* одного из своих сыновей *учиться*. Он делает это для того, чтобы тот, выучившись, *вернулся к нему* и просветил его.

В ожидании этого он работает на него, аккуратно посылает ему деньги из деревни в город.

И для того, чтобы не было великого распада, «учёный сын» должен свято выполнить то, ради чего его *посылали* учиться.

---

А теперь опять о гимназисте.

Я сказал уже, что в его рассказах о настроении молодёжи меня поразило отсутствие одной черты.

Меня поразило отсутствие сознания того, что так ясно для моего приятеля портного. А именно: *народ* посылает молодёжь учиться, и потому она обязана, *выучившись*, к нему вернуться.

В самом деле, в рассказах гимназиста было всё — и о великих задачах, и о малых задачах, и о проклятых вопросах, и о том, кто как думает «устроиться» и жить.

И как будто бы ни одному из числа этой молодёжи не приходит в голову простая мысль: что они учатся вовсе не для того, чтобы «устроиться» потом. Что народ работает за них вовсе не

для того, чтобы они потом жили в своё удовольствие, а для того, чтобы «учёные дети» вернулись к этому народу и научили его.

Народ даёт свой труд как бы *авансом* за ту пользу, которую мы *все обязаны* принести ему по окончании нашего образования. И потому, как бы ни решали юноши вопроса о своей жизни, большие они будут ставить задачи или малые, так они будут жить или иначе, — во главу угла всех этих «решений» и соображений должна быть положена ясная, простая и бесспорная истина, что народ нас поит, кормит и *посылает* учиться, и потому мы *обязаны* вернуться к нему, в его «нижний этаж», и жить, и работать *для него*.

А если «учёные дети» будут жить в «своё удовольствие» или даже для «высших интересов культуры», заберутся во «второй этаж» и с высокомерием отвернутся от братьев своих, живущих внизу, — «Старый дом» неминуемо ждёт великое падение.

## О САМОМ ДОРОГОМ

Среди всевозможных предрассудков и недоразумений, связанных со словом «*христианство*», одним из вреднейших является общее, вкоренившееся убеждение, что христианство проповедует *порабощение личности*.

Все современные «бунтовщики» — от великого Ницше до маленьких Арцыбашевых — все считаются апостолами какого-то, якобы *нового* учения о свободной человеческой индивидуальности, и потому «врагами» и разрушителями христианства.

Общество по какому-то чудовищному недоразумению сочувствует им именно как борцам за «освобождение личности» и самым серьёзным образом думает, что разухабистая философия Санина есть «реакция» против *рабской* христианской морали.

Между тем, если и есть что-нибудь «нового» во всех современных учениях о личности, если и есть что-нибудь враждебного христианству, так это разве что подлинную, *безграничную* свободу христианского учения о личности они заменяют подделкой, мишурой, «свободой» раба, прикованного к *длинной* железной цепи.

Учение о *личности* — это *самое дорогое* в христианстве. С этого-то самого дорогого мне и хочется начать теперь исполнение давнишнего обещания, данного мною читателям «Писем одинокого человека».

В одном из декабрьских писем я обещал развить основные начала того понимания христианства, которое исповедую и которому самое правильное было бы дать название «религии свободного человека»!

Другие более «злободневные» темы отвлекли моё внимание. И только теперь я вновь возвращаюсь к своему первоначальному плану.

Последнее время я всё писал об «интеллигенции». И не удивительно: «у кого что болит, тот про то и говорит». А «интеллигентский» вопрос долго был для меня неотступным, и слишком много стояло за ним пережитого, — потому-то и хотелось поскорей поделиться с читателями своим *решением* этого вопроса.

*Самое дорогое*, разумеется, всегда оставалось самым дорогим. Но для того чтобы говорить о нём, требовалось большее спокойствие и более внутренне-сосредоточенное настроение.

Ведь вас не смущает мой «интимный тон»? Ведь мы давно условились с вами отбросить в сторону «общепринятую» литературную «чопорность» — и говорить *просто по-человечески*. Итак — о *самом дорогом*.

---

Христос в пустыне отверг рабство материальное, рабство «хлеба насущного» и рабство духовное — рабство «власти» — для того, чтобы провозгласить высшей ценностью человеческую личность.

Он взшёл на Голгофу, вознёс Себя на крест, чтобы даровать *человеческой личности* — богочеловеческое достоинство.

По учению христианскому, каждая человеческая душа, по тем внутренним возможностям, которые в ней заключаются, есть величайшая *драгоценность*, которую нельзя ни заменить, ни оплатить никакою *вещественною* ценностью — хотя бы для этого были собраны все богатства земли.

«Богосыновство» каждой человеческой личности есть как бы мост, который перекинут от конечного ограниченного существа «человека» — к бесконечной сущности «Бога»!

Соединяясь «богосыновством» с высшим началом, человек тем самым получает возможность и достигнуть подлинной *свободы*, и сознать свою настоящую *ценность*.

Подлинная свобода не в том, чтобы делать «что хочется» — можно быть рабом своих «желаний», — а в том, *чтобы жизнь была проявление свободной бессмертной сущности человека, а не временное тление его оболочки*<sup>158</sup>.



Если алкоголик, весь отдавшийся своей страшной страсти, дрожащей рукой подносит к себе рюмку водки и говорит, что он пьёт, «потому что хочет», и что это и есть проявление его «свободы», — вы ему не поверите и скажете, что он раб своей страсти, потому что *она им владеет*.

Если «свободный» господин во вкусе Санина не может хладнокровно видеть женской юбки и унижается до того, что для удовлетворения своих грязных инстинктов готов подсматривать в женских купальнях, — если господин этот скажет вам, что он делает, что хочет, потому что «свободен», — вы скажете ему, что он лжёт, потому что он раб своих половых инстинктов.

Вы назовёте и алкоголика, и развратника рабами потому, что ихнее «желание» — пить водку и смотреть на купающихся женщин — было проявлением низшей тленной оболочки человека, а не свободной бессмертной его сущности.

«Богосыновство», сознание себя не только как «временной вещи», но и как *вечной сущности*, есть необходимое условие *свободы* потому, что, только сознав себя этой *вечной сущностью*, можно проявлять её в жизни во всей полноте.

Христианство, открывая путь к настоящей свободе человеческой личности, тем самым устанавливает и настоящую её *ценность*.

Ибо если человек существо *конечное* — то и «плата» за него не может быть «беспредельной», как бы дорого эту личность ни оценивать. Только за «бесконечное» цена может быть «бесконечно дорогой».

---

Если бы христианское учение о «личности» было принято, и принято не для виду, не «так себе», а по-настоящему вошло бы и в плоть, и в кровь, — тогда вся жизнь бы перевернулась. И произошла бы настоящая «переоценка всех ценностей»<sup>159</sup>.

Возьмите такой пример. На улице бумажник валяется, в нём несколько миллионов денег. И вот проходим объявляется, что всякий желающий может этот бумажник взять и сделать своей собственностью. Как вы думаете, долго бы пролежал этот бумажник на улице? Можете быть уверены, что его бы сейчас же подняли.

Но если бы на улице лежал брошенный ребёнок — и проходим предложили бы беспрепятственно взять его на воспитание? Скорей всего, ребёнок бы умер на улице, не дождавшись своего благодетеля.

И это потому так, что у людей полнейшее отсутствие сознания того, что душа ребёнка бесконечно большая ценность, чем бумажник, набитый деньгами.

Общество, принявшее христианское учение о ценности человеческой личности, должно произвести коренную переоценку всех ценностей. И как сейчас все готовы забрать себе сторублевые бумажки, точно так же, только в сто, в миллион раз больше, должно явиться готовности у общества взять к себе «возрастить» эту высшую ценность — «человеческую душу», заключённую в валяющемся на улице ребёнке.

Сейчас человек «ни во что идёт», он может умирать с голоду, в грязи, на морозе, может погибать от пьянства, гнить в публичных домах — цена на человеческие души упала до ноля. Но подымите стоимость её до настоящей цены. Провозгласите вместе с христианством личность самым дорогим сокровищем и посмотрите, как преобразится вся жизнь.

Христиане верят, что для «спасения людей» страдал Христос, что для освобождения человеческих душ и ради приобщения их к вечной жизни, то есть ради дарования им безграничной ценности, Он принял крестную смерть, — так каким же безумием с точки зрения этих христиан должно было бы казаться то, что эти «освобождённые души», «бесценные сокровища» валяются под заборами, унижаются, оскорбляются, находятся в полнейшем презрении у людей!

Но это никому не кажется безумием, потому что никто по-настоящему, и умом, и сердцем, не принимает христианского учения о человеческой личности.

Не только смехотворным русским «свободным» хулиганам вроде Санина, а и всем мудрецам вместе взятым и во сне не снилась такая захватывающая, такая полная и окончательная «свобода личности», какая дана миру Христом.

---

А в заключение я позволю себе привести одно изумительное место из посланий апостола Петра. Оно с пророческой силой обращено к нашему времени:

«Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо кто кем побеждён, тот тому и раб» (2 Пет. 2, 18–19).

## БЛАГАЯ ВЕСТЬ

**В**ремя, которое переживаем мы, во многом напоминает время, предшествовавшее возникновению христианства.

Правда, «передовой народ» — римляне — не летал на аэропланах и не пользовался беспроводным телеграфом, но не менее гордо, чем мы теперь, считал, что достиг самых последних вершин культуры.

И действительно, культура его была изумительна. Поэзия достигла самой изящной утонченности, юристы создали, как бы выточенное из мрамора, «римское право», служащее и по сие время образцом законодательства для всех народов, — наконец, жизнь высших классов приняла столь завлекательные формы, что ей могли бы позавидовать и наши современные прожигатели жизни.

Но за этими внешними чертами былого величия и расцвета явно чувствовалось дыхание смерти, упадка, разложения.

Древний культурный мир одряхлел, изжил самого себя. Безумный разврат «образованного общества» был лишь внешним признаком страшного внутреннего прогресса *умирания*.

Эту последнюю эпоху перед рождением в мир Христа можно охарактеризовать словом — *рабство*.

Рабство — стало владыкой жизни.

Слуги были рабами своих господ. Громадные обнищавшие массы населения были рабами голода. Господа были рабами своей плоти, своих чудовищных извращений, государство было в рабстве у своего собственного неимоверно разросшегося тела. Мысль была в рабстве у застывшей догмы.

Весь мир был скован железными цепями физического, умственного и духовного рабства.

Весть о рождении в мир Христа — была благою вестью об *освобождении*.

Дело, совершённое Христом *во всём объёме*, может быть выражено одним словом: *свобода*.

Христос даровал людям *свободу*. Самую полную, самую совершенную. И до того неисчерпаемую, что до сих пор только отдельные избранники *решаются* эту свободу сеять. В большинстве же людей дух привычного рабства так велик, что они упорно предпочитают быть рабами.

История христианства — это *постепенное восприятие миром свободы, дарованной ему Христом две тысячи лет назад.*

Христос возвестил освобождение — неограниченное, безусловное, распространяющееся на всё живое без исключения. И на человека, и на животных, и на всю вселенную.

Как же было маленьким людям сразу «вместить» такую свободу?

Нашлась лишь горсть людей. И она свет этой свободы разносила «живыми факелами»<sup>160</sup> по всему миру и рассыпала искры своего живого огня. От этих искр загорелся древний мир.

Христос освободил человеческую личность — даровал ей *божественное достоинство*. Он вывел человеческую душу из ада диких страстей, которые безумные люди принимали за «свободу». Он освободил их от *власти*, провозгласив, что князья народов властвуют над вами, но «среди вас да не будет так».

Вы скажете: обычный урок — всякая власть от Бога!

Да. Всякая власть от Бога! Но в этом изумительная *мудрость* христианства. *Пророческая сила* его. Христианам слишком легко было с «человеческой точки зрения» осудить власть, сжигающую их на кострах. Но апостолы увидели, что миру предстоит ещё долгий исторический путь, в котором государству принадлежит великая роль как организующей силе, долженствующей спаять ещё неспаянные внутренними христианскими узами (т. е. не ставшими Церковью) части человечества.

Не о христианах речь — они составляют Церковь, — а о всех остальных, которые составляют государство. Но христиане должны повиноваться государственной власти, дабы не разрушить организующей силы, необходимой для человечества, для «становящейся Церкви».

Христос освободил человека. И провозгласив последнего из нищих сыном Божиим за ту бессмертную душу, носителем которой является человек, — Он тем самым *вывел из рабства* всех нуждающихся, обременённых и закованных в цепи.

Но самое страшное рабство — это признание владычества смерти. И *Христос победил смерть*.

Христианство провозгласило как конечный идеал всего мирового процесса полное просветление материи, новую землю и новое небо.

Не удивительно, что эта «мечта» — мечта о воскресении Христа как залог воскресения всей земли и всей теории — была «для иудеев соблазн, для эллинов безумие»<sup>161</sup>.

Не место «доказывать» здесь, «опровергнута» ли современной наукой эта «мечта» или нет. Думаю, что, по крайней мере, «беспорность» того убеждения, что «наука всё опровергла», — может поколебать хотя бы простое фактическое указание на то, что «мечту» эту признавали за «истину» такие люди, как, положим, Достоевский или Вл. Соловьёв, Трубецкой и пр., образованные в самом лучшем, «европейском» смысле этого слова. А величайший учёный нового времени Пастер говорил: «Я знаю много и потому верую, как бретонец, — но если бы я знал вдвое больше, я веровал бы, как бретонская женщина»<sup>162</sup>. Но, повторяю, не к тому я говорю это, что хочу ссылками на «авторитет» доказать, а лишь для того, чтобы разрушить предрассудок о «беспорности». Что, мол, уж доказано и думать не стоит.

Но отнеситесь к идее христианства хотя бы как к «мечте». И признайте, что нет мечты более захватывающей, более полной, совершенно и *исчерпывающе* решающей вопрос о *свободе*.

Вот эту-то «мечту», — а для верующих несомненную непреложную истину, — и принёс Христос на землю, это и была Его благая весть.

---

Сходство нашей эпохи и предшествующей христианству не случайно. Это не простое «совпадение».

Если древний мир изжил себя — то новый изжил не меньше. Параллель древнего и нового упадка можно бы доказать с математической точностью. Мы упёрлись в искусстве, в науке и в духовной жизни в такую же глухую стену, как и некогда славный Рим, и храм Божий — мир Божий — стал домом торговли и вертепом разбойников, как и две тысячи лет назад.

Древний мир бессознательно ждал чего-то нового, погибал и жаждал спасения. Но потому, что ждал бессознательно, — оттолкнул, когда спасение пришло.

Современное человечество, хотя и в ничтожной своей части, ждёт благой вести сознательно.

Христос обещал послать *Духа Утешителя*<sup>163</sup>. Вот этого *Духа* и ждёт теперь мир. И накануне благой вести о нём и мучаемся мы так нестерпимо.

Жизнь ожидает новое откровение, или, правильной, новые силы для уразумения, приятия и раскрытия откровений, частью не понятых, частью не изжитых.

Это будет новое великое благовещенье!

## ДВА КОНЦЕРТА

У нас любят наклеивать «этикетки» — наклеив, «успокаиваться».

Много идей не тревожат нашу совесть и во всём объёме не влияют на духовную жизнь людей только потому, что завешаны «этикетками». Скажите, например, что так называемое «образованное» общество<sup>164</sup> — не отдельные люди, именно общество, взятое в целом, — развращено до последней степени, нисколько от своего «просвещения» не стало ни нравственнее, ни культурнее, ни богаче духовной жизнью, чем простой народ, — и вам скажут: это «толстовство», — и дело с концом!

И громадное большинство этих прилепляющих этикетку людей даже и Толстого толком-то не знают. До них долетают «обрывки». Какое-то непротивление злу, что-то такое насчёт землешества и опрощения, а в общем — «вздор».

Пусть «толстовство» вздор, не его я сейчас защищать хочу. Я лишь против легкомысленного загораживания себя от больших вопросов путём ничего не значащих слов.

Старые мысли, старые чувства, но когда их переживаешь поновому, видишь, как они далеки ещё до надлежащего воплощения в жизни. Такие странные мысли пережил я недавно на одном концерте. Глядя на публику и вспоминая другой концерт.

Дело происходит в одном омерзительнейшем русском городе, который я объезжал бы в своих скитаниях за тысячу вёрст, если бы не некоторые, совершенно личные причины, спаявшие меня с ним крепкой, живой связью. В этом городе открылось музыкальное общество — устраиваются камерные собрания: одним словом, совсем, как у людей<sup>536</sup>.

Я оставляю своё одиночество и иду слушать музыку.

На хорах шумно — по преимуществу учащаяся молодёжь. Всё как водится. Гимназисты занимают барышень, барышни смеются. Должно быть, им весело. Ещё бы, как не веселиться в 16-17 лет. Несколько кавалеров явно «идейные»: нечёсанные, нестриженные, без воротничков. Какой-то рыжий студент стоит, скрестив руки, и с видом Байрона осматривает шумную молодёжь. Ещё бы не быть Байроном, когда Бог дал такую физиономию. Смотрю вниз. Зал пуст. Очевидно, в омерзительном городе тоже есть своя «аристократия», которая слыхала, что рано приходить на концерты не «бонтоно».

Но вот дошла очередь «до аристократок»...

Боже ты мой! Или я одичал в своём одиночестве, или «культура» завершила круг своего развития — и снова вернулась к милым папуасам. Только и не хватает колец в ноздри, а всё остальное прямо великолепно...<sup>165</sup>

Но особенно обращала на себя внимание одна парочка, которая и навела меня на серьёзные размышления.

Она одета в костюм лёгкий, как мечта, с стреноженными ногами, в декольте, с голыми руками и нестерпимым самодовольством на физиономии. Он — молодой, человек с усиками, кажется, в пенсне и с самодовольством ещё более безнадёжным.

Вот это-то самодовольство, эта сумма впечатлений голых рук, нелепой причёски, связанных ног и безграничного упоения собой — и поразила меня.

— Посмотрите, мол, какая я прелесть: мы сливки общества.

И вспомнил я своих друзей: портного, «хорошего человека», распространяющего в этом же самом омерзительном городе «духовную пищу» и безуспешно борющегося с «пинкертонами», вспомнил и другой концерт — Общества трезвости, куда ходят простые люди, отдохнуть после недельного изнуряющего и оупляющего труда<sup>550</sup>.

Там не играли на арфе, а пели, хотя, по правде говоря, даже в чисто музыкальном отношении лучше пели, чем здесь играли на арфе. Но не в том дело, конечно. А дело в том, что там пришли для души.

Вздохнули от всего сердца в трогательных местах. А один старичок подошёл к священнику, организующему концерты, и сказал:

— Хорошо, батюшка, так в душу и лезет.

Не изящно сказано? Не правда ли? — Но дело в том, что у старичка в глазах были слёзы...

Вот вспомнил я этот концерт, на котором был всего за два дня, и подумал:

А что, если бы привести моих друзей сюда и показать им вот эту стреноженную девицу. Долго бы смеялись, наверно, и хотя простые мужики, но краснели бы за культурную девицу, оголившую себя при всём честном народе, да ещё при электрическом освещении, — а потом сказали бы:

— О, Господи! Что же это она? Сирота, небось, родненькая, присмотреть, знать, некому.

Ну, а что, если бы по совести спросить девицу, как она почитает себя — выше или ниже моего приятеля портного?

Куда тебе! Со смеху умерла бы.

Я, мол, и портной! Что такое «портной». Мужик, простой мужик. А я? О, я!..

— Да, сударыня, вы. Что такое вы?

— Я... Помилуйте... Меня все знают... Я такая-то...

— Прекрасно! сударыня, вы такая-то! И, очевидно, у вас есть кавалеры. Оставим в стороне ваши ноги, руки и причёску. Но чем вы выше моего портного? По существу говоря. Без фраз. Вы образованная, а он нет?

Неправда. Вы необразованная. Правда, вас учили о Рамзесе II, в гимназии, и квадратным уравнениям. Но, во-первых, вы, наверное, и то и другое уже забыли. А во-вторых, если и помните, то уверяю вас, что ни Рамзес II, ни квадратное уравнение не сделали вас ни на йоту лучше и выше.

Вы папуаска, просто духовный дикарь, да ещё развращённый дикарь, потому что показываете своё тело с заранее обдуманном намерением произвести соответствующее впечатление на кавалера, — и по сравнению с вами мой портной величина для вас недосягаемая!

И он несравненно вас просвещённое, ибо истинное просвещение не в количестве знаний, а в том, какое влияние эти знания оказывают на человеческую *душу*. Можно много знать и быть дикарём, мало знать и быть передовым человеком. Вот и выходит, что вам носа подымать перед грязным, простым человеком не приходится. Потому что ничего, кроме голых рук да связанных ног, в вас существенного-то и нет.

И всё, что я думаю по поводу девицы, расхаживавшей внизу, — я перенёс и на всё наше интеллигентное «общество», которое, более ловко прикрывая своё духовное убожество блеском «культуры», презирует простых людей, у которых оно недостойно развязать ремень обуви<sup>166</sup>.

Концерт начался... Хлопали... Молодёжь — всегда молодёжь, всегда в ней есть что-то хорошее, и было весело смотреть, как десятки рук мелькали в воздухе и по залу гремело:

— Bravo!

Весело. Но вот то явление внизу и то, о чём оно свидетельствует, — это трагедия.



А свидетельствует оно всё о том же: что в нашей жизни всё спуталось, все ценности перемешались.

И когда во главу угла будет положено христианское учение о личности, когда люди поймут, что душа человеческая и её качество — вот высшая мораль всего, тогда ужаснутся *все* эти самодовольные люди своего духовного убожества и начнут жизнь сначала!

---

P. S. «Религия свободного человека» скоро будет издана моей отдельной книгой<sup>167</sup>, а потому в «Письмах одинокого человека» (как предполагал и обещал) основных начал «религии» излагать не буду.

## ЗАПОЗДАВШЕЕ, НО НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

**В** одном из своих «писем» я говорил о «мирнообновляющихся» людях.

Я приводил «молитву», которой хотел бы молиться об их спасении. Молитву о даровании им разврата, лжи, страданий и всяческого *паденья*.

Письмо это, впрочем, как я и предполагал, вызвало ряд недоумений. Его поняли не совсем так, как я бы хотел<sup>168</sup>.

И вот в пояснение мне снова хочется вернуться к старому вопросу и высказать свои взгляды более *хладнокровно*.

---

Я и говорил, и повторяю снова: никогда *защитником* зла не был и не буду. Никогда — ни в качестве лектора (когда я читал лекции), ни в качестве писателя — не являлся для кого бы то ни было «соблазном». Если в моей *личной* жизни бывали падения и грехи (пусть я для некоторых живое воплощение Антихриста), — это дело моей совести. О жизни своей говорить не буду. Да и не место об этом здесь говорить. Но в *деятельности* своей, по крайней мере сознательно, не соблазнил ни одного из «малых сих»...

Правда, одна моя книга строгими блюстителями нравственности была провозглашена «кошунственной», но это лишь свидетельство о полнейшем непонимании судей<sup>169</sup>.

Всё это я говорю к тому, что, советуя людям «мирнообновляющимся» *согрешить*, я не мог придавать этому смысл «соблазна», ибо это противоречило бы всей моей деятельности.

Очевидно, здесь какое-то недоразумение.

Я хотел сказать вот что:

Нет большего греха, как грех *самодовольства*. И нет более духовно опасного состояния, как самодовольство, основанное на *некоторой* нравственной *чистоте*.

Самодовольство — самый большой грех потому, что содержит в себе зародыш *духовной смерти*, источник духовного роста — *сознание несовершенства*<sup>170</sup>. Всякий теряющий это сознание прекращает развиваться дальше. А так как духовная жизнь никогда не может стоять «неподвижно», то всякий не идущий вперёд — *обязательно* падает назад<sup>171</sup>. Самодовольному человеку кажется, что он достиг «высот» и почил на лаврах, что он, так сказать, заслужил духовный отдых, — но на самом деле его «отдыхание на высотах» сплошной самообман — он сам, того не замечая, с головокружительной быстротой катится вниз: он не замечает потому, что не свершает никаких «падений» и всё в душе *как будто бы* остаётся по-прежнему.

Представьте себе человека, взошедшего на высокую гору и усевшегося на выступе скалы «отдохнуть». И как только человек «сел», скала оборвалась и полетела вниз. Но человек этого не замечает потому, что не смотрит на вершину горы, от которой делается всё дальше и дальше, а смотрит на скалу, на которой сидит. Но скала падает *вместе с ним*, и потому невозможно заметить её падение.

Так и всякий «успокоившийся», духовно-самодовольный человек, не делая никаких «грехов», падает *вместе со всеми своими добродетелями* и не замечает этого, коль скоро смотрит не на вершину недостигнутых совершенств, а на скалу своих маленьких добродетелей, на которых плотно уселся «для отдыха».

Вот почему самодовольство — великий грех. Но этот грех *вдвойне* страшен, когда достигнутые добродетели действительно *значительны*, когда чистота действительно велика.

Это страшно потому, что тогда ещё *труднее* снова вернуть потерянное сознание несовершенства, ещё легче принять своё духовное «отдохновение» за окончательную правду, и «покой» при таких условиях — почти верная духовная смерть.

И вот, обращаясь *именно к таким людям*, очень честным, очень чистым, очень религиозным, очень нравственным, но совершенно «застывшим», безнадёжно застрявшим в собственной

своей добродетели, — я и сказал: для вашего *спасения* надо крайнее средство — нужен грех, падение, потому что в грехе *бесконечная мука* и отрезвиться от наваждения собственной своей святости можно, только *разбившись* о настоящее прегрешение. И тогда же я сказал: может быть, есть и другие пути, но я их не знаю. А теперь прибавлю: дай Бог каждому человеку найти при таких условиях другой, лёгкий путь. Говорю это от всего сердца<sup>172</sup>. Но найти путь *необходимо*, ибо человек гибнет от своего духовного «благополучия» незаметно. Он даже не чувствует своего умирания, своего кощунственного самодовольства. И заметит это тогда, когда будет слишком поздно.

Вы спросите, какой же признак духовного самодовольства.

Признаков много. Но главный из них — *строгость суда над другими*. Тот, кто считает себя чего-то «достигшим», обязательно начинает «судить падших»<sup>173</sup>. Тот, кто не остановился, а идёт, никогда не осудит ближнего, ибо для него ясно, что только Бог знает, какие грехи «большие» и какие «малые», потому что Он один только видит *всю сумму* душевных состояний человека. Для идущего, несамодовольного, сознающего своё несовершенство ясно, что он не судья, а подсудимый, всегда только подсудимый, и никогда у него не поднимется рука подписать обвинительный приговор кому бы то ни было.

Там, где *суд* над человеческой душой, — там самодовольство судей. Может быть, очень нравственных, но безнадежно погибших со всеми своими добродетелями.

И повторяю этим людям, не ради «соблазнения» их, а ради *спасения*: согрешите, разбейтесь вдребезги — так, чтобы почувствовать страшную *боль греха*; только тогда оживёте.

---

Так вот что я хотел сказать.

Может быть, и в этом кто-нибудь усмотрит признаки «духа Антихриста». Недаром один оригинальнейший московский философ всё острит — спрашивает: «Не родился ли Антихрист среди писателей, объединившихся вокруг “Новой земли”?!»

Во всяком случае, я хочу, чтобы меня поняли *правильно*. А уж там, если угодно кому обижаться и негодовать, — запретить этого я не могу.

Только прошу помнить, что Антихрист, по народным сказаниям, будет *аскет*, то есть человек *очень целомудренный*<sup>174</sup>.

## «МАЙСКИЙ ЖУК»

Мечников прочёл в заседании Общества астраханских врачей доклад «О самоотравлении организма и кишечных ядах». Доклад заканчивается следующими словами: «Я убеждён в том, что лишь положительное знание способно сделать людей счастливыми. Оно одно приведёт к тому, что, подобно майским жукам, люди будут нормально проживать полный цикл жизни и умирать естественной смертью, не боясь преждевременной старости, обусловленной кишечными ядами».

Великие люди интересны и в своих заблуждениях.

Великий учёный Мечников говорит поистине нечто чудовищное, но — во всяком случае — с прямолинейностью, заслуживающей уважение.

Идеал человека — майский жук.

Нелепо. Но уж зато «ясно», как дважды два четыре.

«Положительное знание», по Мечникову, одно только может сделать людей счастливыми.

Допустим.

Но в чём же это «счастье»?

А в том, что оно приведёт людей к тому, «что подобно майским жукам» они «будут нормально проживать полный цикл жизни и умирать естественной смертью, не боясь преждевременной старости».

Таким образом, всё «несчастье» людей, по Мечникову, в боязни смерти, — и всё «счастье» в нормальном прохождении «цикла жизни» по примеру майских жуков.

Для всякого *живого страдавшего* человека совершенно ясно, что «страх смерти», если уж видеть в нём *единственное несчастье*, неустраним «положительным знанием», а потому и плохая надежда на «счастье», которое сулит Мечников. Мечников говорит о *физическом, животном* страхе смерти. Его, может быть, и нет у майского жука, но страх человека — нечто бесконечно более сложное.

В нём отражается вся сумма психических свойств человека. Все запросы его духа. Все противоречия его воли. Все высшие задачи его сознания. Человек боится смерти не только, как животное. И, пожалуй, меньше всего, как *животное*. Он боится её как вопи-

ющей бессмыслицы, как чего-то нелепого, *противоположного* тому чувству бессмертия, которое переживает каждый в своём «я»<sup>175</sup>.

Мечников задался великой идеей *физического* спасения человеческой жизни. И до того загипнотизирован этой идеей, что решительно больше ничего не видит. Перед его глазами близко, совсем рядом громадный *предмет*, и он всё заслоняет собой — и небо, и бесконечную даль. И вот Мечников говорит: предмет, который я вижу, это *всё*. И тут получается страшное недоразумение. Предмет сам по себе *большой*, но когда про него говорят, что он *всё*, — он делается совсем маленьким. Физическая жизнь человека — очень большая вещь, но для «всего» это страшно мало.

Всякий идеал должен проверяться *допущением*, что он осуществился. Допустите же, что мечта Мечникова осуществилась, и человек стал совсем как майский жук. Скажите по совести, многие ли согласятся на такой «рай»? И сможет ли такой *результат* осмыслить и оправдать весь кровавый путь мировой истории? Неужели внутренний голос, или нет, просто здравый смысл не протестует против такого «конца», такого «счастья»?

Ведь подумайте только: столько пережить, столько пролить крови, затопить землю слезами человеческими — и всё для чего? Для майского жука? Да будь оно проклято, такое «счастье». И весь этот «нормальный цикл жизни». Если человечество не потеряет совесть — *прошлое* ему отравит его счастье «майского жука».

Несколько лет назад я читал в университете реферат о книге Мечникова «Этюды о природе человека». Меня поразило в этой книге упорное желание *защититься* от ужаса смерти.

Между прочим проф. С. Котляревский сказал мне по этому поводу:

— Замечательно, что сам Мечников страшно боится смерти.

Не знаю, верно ли это, но если верно, то многое объясняет.

Смерть — такой вопрос, от которого никто не убежит, и каждый его решает в плоскости тех идей, которые приковывают внимание данного человека.

Мечников захотел бороться со смертью микроскопом и потерпел полную неудачу.

Будет ли смерть в 40 лет или в 140 лет, будет ли она в конце «цикла жизни» или в середине — никогда она не будет для *человеческой души* и для *человеческого сознания* «естественным фактом».

Всегда бессмертный дух человеческий будет протестовать против смерти как против вопиющей бессмыслицы, и всегда — в ужасе своём перед идеей конца — будет утверждать скрытую веру свою в бессмертие.

## В ЛЕСУ

**П**озвольте, господа, немного поэзии?

За последний месяц я был выбит из колеи: с Волги снова пришлось попасть в Москву. Снова пережить массу сложных и терзающих душу впечатлений.

Но сейчас ни о чём не хочется думать.

Уже несколько дней я в лесу<sup>176</sup>.

Ещё есть на свете места, не обезображенные людьми! И когда попадёшь в такую роскошную лесную глушь, так и хочется сказать:

— Бросьте вы всё и всех, берите котомку и идите куда глаза глядят. Подальше от трамвая, скверов, автомобилей, электрических фонарей, пятиэтажных домов — вот сюда, на чистый воздух!

Это не «проповедь», господа. И ничего я не «доказываю». А просто хорошо. Счастливо. Радостно...

И вот пообещал я вам поэзии — а сам не знаю, с чего начать.

Тут всё есть: и соловьи, и ландыши, и громадное озеро, теперь, во время разлива, соединившееся с Волгой, и старые дубы с такой яркой молодой зеленью.

Но буду рассказывать по порядку.

И начну... с хозяина<sup>177</sup>. Хозяин хутора живёт «в городе», вёрст двенадцать отсюда. Я его не видал ещё. Но рассказов наслышался массу. И очень ясно себе его представляю. Это какая-то смесь Плюшкина с типами Островского, скряга и самодур.

Старик лет около ста. Миллионер. Собирает по улице гвозди и не замечает, как пропадают тысячи. И дети, и внуки все живут при «старике».

Во всём патриархальность. К определённом часу должны быть у стола. А то — целая буря, во вкусе самодуров Островского. В восемь часов спать. С рассветом за работу. Только дом нельзя назвать «полной чашей». Дома чай выдаётся на «заварку». Избави Бог прибавить ложку: старик боится пойти по миру! В городе у не-

го до сорока домов, дающих десятки тысяч дохода, — да «мало ли что может случиться»... и из боязни пойти «с клюкой» — старик собирает старые гвозди.

Он бывает на хуторе. Рассказывают, что его однажды отвозили, за отсутствием лошади, на корове, и он, доехав до Волги, выдоил её и молоко увёз с собой...

На хуторе живёт старик-работник. Ста лет ему хоть и нет, но под семьдесят наверное. Лицо угрюмое, сам худой, а лицо точно искусано пчёлами. Говорит мало, двигается медленно. Вид какой-то обветшалый. У старика дочь больная, жалкая, убогая. И зять — мужик толковый, хитрый, себе на уме. С неприятным обезьяньим ртом и острым носиком. И тоже жиденский, точно высосанный.

Такая же «ветхость» и на всём хозяйстве.

Пять собак — их не кормят. Нечем. Где на них напасёшься хлеба? А караульщики нужны. Собаки, как волки, разыскивают в лесу падаль.

Коровы за зимнюю голодовку приучились есть буквально всё: забрались в кухню и съели воблу и тряпки!

Дом протекает. Телята пооблезли.

Быков зиму, за отсутствием сена, кормили соломой с крыши скотного двора, и они едва передвигают ноги.

В саду несколько сот яблонь — большею частью сухих.

Я помещаюсь в маленькой комнате в мезонине. В стенах щели по пальцу и более. Теперь всё оклеено газетой. Но осы по-прежнему считают себя хозяевами этого помещения, и бьются о бумагу, и царапаются, и сердито жужжат. Когда закроешь глаза, можно подумать, что сидишь в улье.

— Недурная поэзия! — скажет какой-нибудь нетерпеливый читатель: осы, дыры, коровы, съедающие тряпки и воблу, голодные собаки, питающиеся падалью, да скряга дед, ездящий на коровах... А вы подите в лес, нетерпеливый читатель, тогда и поймёте, в чем дело. Надо переехать на лодке через озеро, и там начинаются дубовые рощи. Впрочем, куда ни пойдешь, всюду лес. Но за озером много ландышей и заливные луга особенно ярки и душисты.

Я не так люблю ходить, как остановиться где-нибудь в лесу неподвижно и слушать...

Какая роскошь жизни! Я уж забыл, что может быть такая зелень, такая густая трава, такие курчавые, влажные, тенистые

деревья, и никогда ещё не видал такого количества ландышей: целые громадные поляны — лес глухой и до них не дотрагивается солнце, они вырастают в тени — крупные, душистые до опьянения, на тёмных, сочных стеблях.

Говорят, «жизнь есть сон, смерть — пробуждение»<sup>178</sup>, и все верующие люди стремятся воспитать в себе отношение к жизни как к чему-то «преходящему», мелькающему. Мы, мол, странники, — всё видимое уничтожится, надо жить только во имя духа.

Какая странная односторонность! Какая неспособность созерцать всю полноту бытия!

Если для людей неверующих жизнь — какой-то ненужный дьявольский водевиль, то, право, и для таких верующих жизнь должна была бы казаться водевилем не в меньшей степени. Ну стоило ли создавать такой сон, как наша жизнь, если бы всё дело было в «пробуждении».

Когда ляжешь на тёплую траву, на пригретую солнцем землю, и голова кружится от знойного аромата зелёных листьев и цветов, и весеннего воздуха, — не веришь, что это *сон*. Нет, в *самой земле* есть Бог. В самой плоти есть святость.

Я землю люблю не потому, что провалится — и туда ей и дорога, а потому, что чувствую в ней великую правду, творческую силу Божию.

И я люблю её и чувствую, что весь сросся с ней, всем *телом* своим и что, как тело моё с душой создают единую личность, так и земля с небом — единый мир!..

Вечером, когда стемнеет, озеро долго ещё серебрится отсветом неба, а лес быстро сливается в сплошную чёрную стену. Человеческого голоса здесь не услышишь.

Хотя иногда за озером загорится костёр: рыбаки приехали.

Да и зачем нужны людские голоса, когда соловьи поют и лягушки квакают и со всех сторон звенят странные, неуловимые голоса ночи.

Я люблю жаркий день, когда солнце жжёт до боли тело и всего клонит к земле.

Но ещё больше люблю ночь... Странная вещь: я прожил почти тридцать лет<sup>179</sup> и только впервые сам раскопал землю — посадил арбузы. И вот только теперь почувствовал маленькое-маленькое право *на землю*. И на красоту её, и на солнечный день её, и на чёрные ночи.



Не потому, что много работал. Совсем немного. Хвастаться не хочу. Но потому, что полюбил не только как нечто дающее наслаждение, а как *сын* любит мать.

Вот это чувство «землесьиновства» — не теоретическое, а практическое, не от ума, от сердца идущее, — должно быть положено в основу того расширенного религиозного восприятия жизни, которое даст силы не считать жизнь *сном*, даст силы создать новый тип человека, который, смутно угадывая, Карлейль хорошо назвал «святым крестьянином»<sup>180</sup>. Размечтался я!

Далеко от нескольких арбузных лунок до «святого крестьянина».

Но если бы вы побывали здесь, посмотрели Волгу и озёра, послушали соловьёв и кукушек, подышали ароматом ландышей и лугов, — вы не очень бы строго осудили меня за мои фантазии.

Бросайте-ка, господа, всё! И «борьбу за существование», и автомобили, и прочий вздор, заказывайте себе котомку и идите за Волгу садить арбузы...

## В ДОРОГЕ

**И**з всех страстей самая сильная — страсть к путешествию.

Я, по крайней мере, не могу жить без «передвижения». И когда обстоятельства складываются так, что после нескольких месяцев «созерцательного уединения» нужно покидать «одиночество» и ехать в дальнюю дорогу, — я редко жалею на «судьбу».

Вот и сейчас. Хорошо было жить «в лесу». Но как только сел на пароход — так и отдался знакомому, радостному чувству «свободы», какое испытываешь только в путешествии.

А, собственно говоря, было отчего прийти в ужас!

Во-первых, жарко. Ох, как жарко! Во-вторых, народу без конца и краю. Все злые, потные. Шум, толкотня. Об отдельной каюте и думать нечего. Мечтал в дороге писать. Но до «Религий» ли «свободного человека», когда сорок пять градусов жары и на каждый квадратный аршин палубы приходится по две дамы с биноклем.

Нельзя писать — буду наблюдать. Народ мало-помалу «размещается». И когда «Христофор Колумб» отчаливает от берега, можно уже охватить «картину» всей палубы.

Я теперь часто ловлю себя в «публике» на странности чувств: смотришь на всех, точно в синематографе. Точно это «не настоящее», а представляют для твоего «развлечения», и ты в этом синематографе единственный *зритель*.

Вот стоит капитан, бравый мужчина, и говорит что-то бесконечно полной даме в сиреновом платье. И он улыбается, и она улыбается. Проходит студент с модной барышней. У студента лицо гладкое, усы кверху. Барышня так обтянута, что за неё стыдно. И вдруг неожиданно доносится её фраза:

— Они, знаете ли, живут такими узкими интересами.

— Да... Но вы могли бы внести идею... Так сказать...

Боже мой! Оказывается, кавалер-то «идеальный». С эдакими усами! С эдакой физиономией!

За чайным столом расположились три барышни. Я сразу не мог понять, что они делают. Перед ними большая коробка с каким-то прибором. Всматриваюсь: оказывается, чистят ногти.

Но знаете, я много видал всякой всячины «во всех слоях общества» — но ничего подобного не видел!

Ногти чистились, подрезывались, подпиливались, смачивались, намазывались чем-то розовым, потом присыпались чем-то белым, материей, потом щёткой, потом ещё чем-то...

Эх, на огород бы их! Дать бы в руки мотыгу да лопату! Ведь ещё и «испортиться» не успели, а ведь не чувствуют, что все эти «притирания» есть не что иное, как *приготовление товара на продажу*. И не стыдно. И в голове, небось, нет, что «чужих рук хлеб едят». И что не затем мужик их поит и кормит, чтобы они воровали труд его для приготовления себя в виде лакомого блюда, для какого-нибудь франтика с усиками, который, в свою очередь, такой вор и паразит на народном теле, как и они.

Слов нет, в семнадцать лет девушки ещё «не сами по себе», а таковы, какими их «воспитали» родители. Так родителям стыдно должно быть. Весь этот позор бессовестного тунеядства и плохо прикрытой *продажи* себя в замужество — на их душе...

А в четвёртом классе какой-то шутник гонит с «своей» палубы «классных» пассажиров:

— Нечего вам здесь делать, мы на вашу палубу не ходим — вы на нашу не ходите!

Дамы смеются. Им кажется очень забавным, что «простой мужик» гонит «чистую публику».

Синематограф, синематограф!

Вот Волга — это *настоящее*.

И как она далека от этого синематографа. Как она одинока, как немногие прислушиваются к её скрытой глубокой жизни. Чтобы понять душу её, полюбить её, понять весь великий смысл её простора, её сыпучих песков, её серых тяжёлых утесов и тёмно-зелёных лесов, — надо сбросить с души «притирания» и «идейные разговоры», и презрение к «четвёртому классу», и много-много всякой мерзости и лжи. И тогда уйдёшь из синематографа, из бездушного мелькания полуживых людей. Уйдёшь к Волге, к лесам и к живой жизни.

---

На пароходе случилось несчастье. Психически больной пассажир покушался на самоубийство.

Весь вечер ходил он по палубе. Служащим было поручено следить за ним, «как бы чего над собой не сделал». Больной, вероятно, чувствовал, что за ним следят, и выбрал минуту покончить с собой очень удобную, рано утром, когда окружавшие думали, что «ночь прошла благополучно», и всем захотелось «отдохнуть». Он бросился с палубы парохода в Волгу.

Но умереть ему не дали. Матросы спустили лодку, пароход остановился, и его вытащили. Он не успел потерять сознание, только ослаб страшно, и когда стал всходить с лодки на пароход, ноги его подогнулись, и матросы втащили его за руки<sup>181</sup>.

Пассажиры обнаружили к происшествию необычайный интерес: несмотря на ранний час, повыскакивали на палубу, в ночных костюмах, заспанные, испуганные, но больше всего любопытные. Это холодное, равнодушное, почти циничное любопытство «толпы» сопровождает неизбежно всякое «несчастье».

Минут через десять «любопытные» уже возвращались с «места происшествия». Что же всего больше поразило их? Что они пережили? Вот фразы, которые долетали до меня:

- В щиблетах...
- Одет хорошо — чиновник, должно быть...
- Топиться в крахмальной сорочке — вот идея!
- Уверяю вас, это капитан — у него и шапка с кокардой...
- По-видимому, человек со средствами...

И все пошли спать в свои каюты.

«Меланхолика», «сумасшедшего» увели куда-то. Мне потом говорили, что он долго плакал...

Люди «в крахмальных рубашках» вообще равнодушны друг к другу.

Вы можете плакать сколько угодно, но никто не заметит в вас ничего, кроме щиблет. Это факт до того «повседневный», что никого не «поражает» и не волнует. Так оно и полагается, но вот когда рядом встаёт грозный призрак смерти, видишь его по-новому.

Несколько лет тому назад мне ещё с большей силой пришлось пережить то, что теперь на пароходе. Под Москвой бросилась под поезд девушка, поезд остановили, публика высыпала из вагонов. И вот, какой-то господин поднял отрезанную голову и приставил её к туловищу: посмотреть, какое она «производила впечатление». Помню — публику несколько это не поразило. Никто не отвернулся. Все молча одобрили кощунственную выходку и тоже «посмотрели», какое она производила впечатление «живая». Кто-то даже заметил:

— Недурненькая была...

Громадное большинство людей живёт, если можно так выразиться, «культурой». То есть, с одной стороны, пользуясь тем, что даёт культура, с другой — «служба» этой культуре.

Но так как вслед за современной культурой лежит начало *материальное*, то и весь центр тяжести современной жизни также лежит в области материальных интересов. Но материальный интерес — всегда «эгоистичный», ибо: где царствует самодержавный закон «борьбы за существование», там люди думают только о себе. Общение, сочувствие — переход «я» в «мы», эгоизма в братство — там, где проявляется человеческий *дух*.

Жизнь *духовная* загнана материальной культурой в самый последний «угол», и потому «братство» не есть основной закон жизни, а чуть видное её *исключение*.

За трескотнёй нашей повседневности мы не замечаем, до чего мы далеки друг от друга, до чего нам друг на друга, с позволения сказать, наплевать, — но вот когда девушка бросится под поезд и равнодушный «брат» её подойдёт приставить оторванную голову к её окровавленному труп; когда человек бросится в реку и, когда его «спасут», будет плакать один в своей комнате, а публика будет судачить об его «шиблетах» и «крахмальной рубашке», — когда увидишь всё это, весь этот жестокий, чёрствый, до цинизма доходящий эгоизм человеческий, тогда поймёшь весь ужас того, куда зашла наша жизнь.

Я проехал всего ещё три дня. Впереди ещё почти вся Волга, Кама, Уральские горы. И как всегда: «люди» терзают душу, природа её исцеляет.

Ведь в природе — низшее проявление духовной жизни мира, но и зло там в таком же «зачаточном» состоянии. Человек — высочайшее проявление духа, и если бы он мог быть *самим собой*, как природа, какую бы красоту мог бы проявить он. А сейчас хочется бежать от людей за леса и горы. Потому что *святость* природы облагораживает и твою душу. Ибо и себя чувствуешь и бессильным, и нелюбящим, и погрязшим в материальной культуре. Может быть, потому путешествия так и захватывают, что в них есть какой-то прообраз «бегства». Сейчас на «Христофоре Колумбе» по Волге, потом по Каме, потом через Урал... А когда-нибудь, может быть, и на край света!

## ВОЛГА И КАМА

**Н**а «Христофоре Колумбе» дело, как и следовало ожидать, кончилось плясом.

В салоне первого класса собралась «чистая» публика. Начали с музыки и пения. Играли плохо. Пели ещё того хуже. Пел какой-то чиновник с кокардой, в пенсне. Он же играл на рояли, он же играл на скрипке. Вообще, молодой чиновник «с карьерой». Потом запел другой чиновник — с чёрной бородкой, и тоже с кокардой. Пел из «Демона»<sup>182</sup>. Глаза почему-то всё время поднимал к потолку и слегка улыбался. Пела девица с очень озабоченным лицом, краснела, бледнела и вообще страдала, по-видимому, до чрезвычайности. Потом играл длинный белобрысый гимназист на мандолине...

Но всё это оказалось недостаточно «весело».

Начали плясать.

Девица со связанными ногами пустилась вальсировать с чиновником-баритоном и чуть не упала. Белобрысый гимназист подхватил ту самую барышню, которая накануне изумила меня чисткой своих ногтей. Сиреневая дама оставила в покое капитана и набрасывалась то на гимназиста, то на солидного господина с физиономией присяжного поверенного.

Чья-то нянька спросила про неё:

- Чья эта толстая-то?
- Кто её знает.
- И что она с разными мужчинами?
- Кто её знает.

Я смотрел на «пляску» в окно. Музыки не слышно. «Зрители» образовали полукруг, в центре несколько пар делают какие-то странные движения, обхватив руками друг друга. То подымут ногу, то повернутся, то наклонятся. Лица напряжённые, усталые, потные.

На палубу вышел баритон и, рисуясь, беседует с девицей со связанными ногами.

- Как вас зовут?
- Татьяной.
- А вашу подругу?
- Ольгой.
- А меня, представьте себе, Евгением... Роман, настоящий роман!

И баритон хохочет на весь пароход. Девицы тоже хохочут. Бедный Пушкин!

Я долго смотрел в окно, как веселилась «чистая публика».

И чем дольше смотрел — тем более становилось и душно, и жутко.

Благодаря тому, что не было слышно за шумом парохода музыки, а лица не выражали ни веселья, никаких вообще «чувств», и точно застыли неподвижно, — «веселящиеся» имели поразительное сходство с движущимися трупами.

Кругом темно. Безлунная волжская ночь. И только в ярко освещённой комнате странно кривляются мёртвые люди.

Воистину мёртвые!

Ведь для того, чтобы забиться в душную комнату и механически, от скуки, выделывать нелепые прыжки ногами, в то время, когда кругом такая царственная, такая благоуханная ночь, — для этого надо совершенно потерять способность чувствовать. Надо перестать *жить*.

Не знаю, или я отвык от всей этой нелепой публики, отвык от «культурной» жизни в своём одиночестве, за «формой» не вижу содержания. — Не знаю. Но знаю, что у меня разболелась голова, нервы развинтились. Стало так скверно, так тягостно, что я не выдержал — и ушёл. Хотя и очень хотелось мне досмотреть *до*

конца. Чтобы увидеть *всю картину*. И понять в конце концов: что же они-то переживали и переживали ли что-нибудь.

Я ушёл в тёмный угол парохода. Снова почувствовал, что я «один». И сразу вздохнул свободно.

Волга ночью может успокоить чьё угодно, самое измученное, самое наболевшее сердце. Глядишь на тёмную спокойную воду, на тихий город, на звёздное небо, на туманно-светлеющую даль — и со всеми примиряешься, всё прощаешь, и чудится, что *понимаешь* всё, если не умом, то душой.

---

Один служащий на пароходе сказал мне:

— А если бы вы знали, какие отвратительные помещения у матросов. Грязь, сырость, темнота. Прямо ужасно. Как только они выдерживают. А ведь работа тяжёлая.

— Что же, для семейных отдельные помещения?

— Ничего подобного.

— И женщины, и дети, и матросы — все вместе?

— Все вместе. Да это бы ещё ничего. Но вот сырость и темнота...

В салоне плясали и пели над сырыми, вонючими и тёмными помещениями матросов. Человек с кокардой пел «Не плачь, дитя, не плачь напрасно» над грязными нарами, и обтянутые барышни изящно вальсировали над задыхавшимися в люльках грудными детьми. «Чистая публика», вероятно, этого не знала.

Но если бы и знала — я убеждён, что ни чиновнику, ни девицам не стало бы стыдно. И баритон точно так же подымал бы свои глаза к потолку, а девица с такой же грацией наклоняла головку на бок.

Ведь не может же не знать вся эта «чистая публика», что она поёт и пляшет на измученной народной спине? И не стыдно же.

Почему же стесняться «матросов»?

Матросы — такие же мужики. И если можно до того потерять совесть, чтобы воровать чужие гроши, высасывать из людей последние соки, знать, что обворованные люди голодают и мрут как мухи, — а самим наряжаться в кисейные платья и на украденные деньги распивать шампанское, — то почему же и не «повальсировать»?

Мы все в большей или меньшей степени виноваты перед народом.

Но одним *стыдно* — и они стараются как можно меньше пользоваться ворованным и как можно больше вернуть тем, у кого украли.

Другим не только *не стыдно*, но им представляется, что всё именно так, как нужно. Что они какая-то особенная порода. Что они именно для того и созданы, чтобы обтягиваться, наклонять голову набок и петь «Не плачь, дитя».

Это *паразиты*, не стыдящиеся даже того, что они паразиты. Эти развевшиеся, выхолонные, самодовольные, впившиеся в тело народное и даже не думающие ни о какой своей «силе»...

Я сам принадлежу к классу тунеядцев и смотрю на таких тунеядцев «со стороны» — и то они вызывают во мне отвращение. Но если бы я был простым рабочим человеком — и сознавал бы, что вся эта «чистая публика» *сидит у меня на шее*, — я уверен, что у меня явилось бы желание устранить их.

А между тем, у большинства простых людей, прекрасно всё это сознающих, решительно нет никакой ненависти.

Сколько же нужно доброты, настоящего смирения и всепрощения, чтобы не ненавидеть всех этих самодовольных паразитов? Насколько же простой народ выше, *культурнее, просвещёнее нравственно* той «чистой публики», которая выгнала бы его с презрением, приди он из своего «четвёртого класса» посмотреть, как пляшут господа.

Да и никогда он не пришёл бы. Он «знает своё место». Он знает, что место его у сохи, на фабрике да на грязных сырых нарах, а не в салоне, где поют «Не плачь, дитя»...

---

Рано утром пароход подходил к Казани.

Мне пересадка. Маленький пароход «Усердный»<sup>183</sup> уже стоит у пристани. Я перехожу на него, чтобы ехать по Каме.

Ну, здесь дышится легче. Публики меньше. Да и не такая. На корме слепой читает «Алеко», ощупывая руками буквы, кругом мужички — понимают, видимо, плохо, но слушают со вниманием. По палубе расхаживают бородачи. Здесь, слава Богу, плясов ждать не приходится. Всё проще, тише, душевнее. И река меньше. И «ближе» к людям.

В одном месте пароходу надо было посадить пассажиров, а пристани нет. Он толкается носом в берег. Попросту.

И берега «уютные». Луга, леса, горы... Всё меньше, проще, доступнее. На Каме не чувствуешь себя «одиноким» с глазу на глаз с природой — чувствуешь, что ты «со всеми вместе»...

Ну, буду отдыхать, буду отдыхать!..



## УРАЛ

**Ч**то может быть неприятнее ожидания поезда? Разве зубная боль: сидишь, тоскуешь, тупеешь, злишься. Ни о чём не можешь думать, ничем не можешь «занять» собственной своей особы, всецело поглощаешься «ощущением времени». И, Боже, каким кажется оно бесконечным.

Сижу в Тюмени два часа, в Екатеринбурге двенадцать часов, в Челябинске шесть часов. Конца нет!..

Пробую утешать себя будущим: мечтать о красотах Урала. Не мечтается!

Пробую «наблюдать». Не наблюдается! Шумно, народу так много, что сесть негде, все проходы завалены вещами. Душно, тесно. Пахнет дымом, буфетом и масляной краской.

Несколько лет тому назад я чуть-чуть было не попал на Урал — это была моя давнишняя мечта. Но тогда я хотел не ехать, а идти, — «странничать». Да не пришлось. Мой попутчик по независящим обстоятельствам вынужден был отказаться от путешествия... Не пошёл и я.

Но всему бывает конец, однако. Пришёл конец и моему ожиданию.

Поезд подали. Едем. В окнах замелькала степь. Лучше не смотреть! Поля выжжены до земли, до корней. Кажется, что и в глубь под землю забралось солнце и там-то всё повыжгло.

Точно огненный ураган прошёл по земле и всё испепелил до последнего стебелька. Жара нестерпимая, хотя восемь часов утра.

Так вот он — голод, о котором я слышу разговоры всю дорогу! Только над голодной землёй всходит такое багрово-красное солнце. Только перед ураганом голодной смерти одинокие русские деревни ещё ниже пригибаются к земле. И на выжженных голодных полях кажутся они такими заброшенными, такими жалкими, такими потерянными. Как будто бы сказать хотят:

— Умрём — Божья воля! И так уж совсем к земле пригнуло. Божья воля!..

Божья ли? Не наперекор ли воле Божьей людей оставляют голодными среди проклятой мёртвой пустыни?<sup>184</sup> Не во власти людей напоить дождём раскалённую землю. Но накормить голодного в человеческой власти.

За здоровье народное, за «славу» его, за процветание его, за «просвещение» его и за многие другие хорошие вещи — много выпито шампанского.

Но дадут ли кусок хлеба ему, поймут ли всем сердцем, что не может человек не есть. Что нельзя спать спокойно, жить спокойно, когда дети мрут от голоду на глазах матерей своих. Поймут ли, вот в чём вопрос.

Пусть не усыпляют своей совести, что, мол, ещё не мрут пока. Будут умирать, обязательно будут. Сейчас продают за бесценок последнюю скотину, последнее тряпье — и «живы». Но когда всё «съедят», когда разорятся до нитки, тогда что?

Если бы поменьше шампанского за «славу» народную! Так бы всем хватило! Да ещё запасы остались бы...

Поезд подымается всё выше, степь покрывается холмами, рощами мелькают глыбы камней.

Начинаются Уральские горы. Встают высокие тёмно-зелёные стены. За ними остаётся и мёртвая степь, и голодные деревни.

Вместо горячей пыли — холодная, стремительная горная река.

Горы не высоки, очертания их мягкие, неуверенные, всё покрыто бледно-голубой пеленою. На всём печать задумчивого покоя. Густой лес вздымается ровными буграми, точно гигантские волны, и только каменистые утёсы, как морские скалы, сурово нависают то над самой головой, то за голубой далью. Такие горы не «давят». Со всех сторон широкий простор, и когда смотришь на тёмные хребты, поднимающиеся всё выше и выше, — так и кажется, что за ними даль без конца и краю.

Станция. Всё, как у нас: кипячёное молоко, яйца, хлеб, огурцы. И душистая спелая земляника.

Солнцу не достать её в лесной глуши. Не смогло же засушить её. От тёмно-красных ягод так и пахнет сосной и влажным мохом.

И снова мчится поезд, точно силясь прорвать голубую пелену, и подымается всё выше, всё выше.

Горы обступают дорогу тесней, скалы нависают всё суровее.

Мы переезжаем Уральский хребет.

Теперь можно «вздохнуть» свободнее: взобрались!

Но зато больше уже не веришь, что «голод» остался за зелёной стеной. Он придёт. Уже слышны шаги его. Он движется навстречу поезду, лес стал реже. Река исчезла. Трава посерела. С полотна летит едкая пыль...

Нет, видно, никакими стенами не отгородишься. Правда жизни ворвётся в душу. И краски поблёкнут. Минутная радость растает, как туман. И перед глазами опять то же: сожжённые поля, пригнувшиеся к земле одинокие, покорные деревни, голод, разорение и несчастные дети, которые плачут, просят есть, не понимают, почему не дают им, задыхаются от слёз своих и, обессиленные голодом и слезами, покорно ждут смерти. Всё по-прежнему.

Покупаю на станции газету: ну конечно! «Мароккский вопрос», «Восстание в Албании», «Граф Эренталь», «Ответ китайского правительства»...<sup>185</sup>

Провалиться бы им всем! Домой хочу. В лес хочу!..

## ОПЯТЬ В ЛЕСУ

**И** вот опять лес!

Не узнаешь его. Траву скосили. Заливная вода ушла в Волгу: только озеро по-прежнему блестит на солнце, лес постарел за эти два месяца, поседел, выцвел, устал.

Но всё-таки хорошо. Не по-весеннему, а по-своему, по-новому...

Опять взбираюсь я в свою комнатку: какая она маленькая после Уральских гор! Дубовые листья, которыми я украсил её перед отъездом, высохли, запылились и свернулись в трубочки. Из окна я вижу стога скошенного сена, стаю пёстрых уток на воде и лес без конца и краю: жалко его, в нём уже засеребрилась седина, кое-где виднеются осенние листья.

А вот и гуси. Тут целая гусиная драма: пара белых гусей вывела одного гусёнка. Другая пара осталась бездетной. Серый гусь от второй пары упорно «втирался» в семью к белой паре. Я весной наблюдал подолгу за этой упорной борьбой за «семью». Теперь серый гусь признан «членом семьи» и ходит вместе с белыми гусями. Но странная вещь: у молодого гусёнка несколько серых перьев! Очевидно, серый гусь имел некоторое основание на привязанность к белому семейству...

В лесу видимо-невидимо ежевики. Я очень не люблю её рвать — и очень люблю есть. Положение безвыходное.

В озере рыба: сазанчики, щуки, лини, караси... Я ловлю по-немножечку. Странно, надо же чем-нибудь питаться!..

Ночи стали чёрные, холодные. Звёзды крупнее и ближе. А когда подымается ветер, деревья шумят по-новому: не звенят радостно, как весной, а ворчат по-стариковски.

Да, осень близко. Ничего не поделаешь. Раза два я уже заметил на траве длинную осеннюю паутинку. Когда я вижу такую паутинку, мне всегда почему-то делается грустно...

Птицы собираются в стаи. И к вечеру на ночлег слетаются к самому дому.

В природе всё точно «перед отъездом». Мне кажется, что и озеро-то чувствует, что скоро покроет его холодный серебряный панцирь...

А всё-таки хорошо. Не только для глаз — на душе хорошо. Тихо так. Иногда закрываешь глаза, и такое чувство, как будто бы покачиваешься на волнах.

Может быть, это усталость? Легко сказать — за два месяца переидать такую тьму-тьмушую самого пёстрого народа. Да нет, на усталость не похоже: и когда подумаешь о весне и о том, что снова разольётся Волга, зальёт все поля и леса, дубы снова покроются молодой, душистой листвой, солнце снова будет жечь и томить землю, — в душе сквозь тихую грусть загорается новая радость.

Помните, в первых своих письмах я рассказывал вам свою мечту о высокой башне, огороженной каменными стенами. Быть бы на этой башне одному, и вход чтобы охранял старый-старый старик.

Иногда мне кажется, что такая башня уже воздвигается. Пусть *пока* только в душе.

Конечно, зодчий — костистый дед, с лицом, искусанным пчёлами, плохо годится для привратников поэтической «башни», и маленькая комната, оклеенная газетой, совсем не годится в недоступный замок. Но в душе, «в психозе» уже смутно вырисовываются и высокие стены, и тяжёлые железные ворота.

Я уж чувствую, что вы меня «осуждаете». Грешно, мол, — не по-христиански.

Но я никогда не мог принять этого осуждения. О, я был бы безгранично счастлив, я бы всё сердце своё отдал, всю душу свою, если бы только «замок одиночества» мог бы вдруг, чудом каким-то превратиться в *храм*. Тогда я первый бы проклял «одиночество», первый бы «обнял брата своего». Но *лучше* замок и башня, чем постоялый двор, где мелькают глаза, носы, бороды, пиджа-

ки, штиблеты... И шум бестолковый, наглый, «торжествующий». Такого «общения» не хочу, на такую жизнь больше не согласен. Потому что по горькому опыту знаю, что в этой «механической» жизни сам становишься «трупом», а человек-труп обязательно начинает делать всякие пакости в зависимости от свойств своей природы: один лжёт, другой ворует, третий развратничает, один обманывает себя, другой — других.

Нет! Довольно.

Пусть уж строится в душе неприступный замок и высокая-высокая башня. Пусть строится под шум осеннего ветра, осеннего леса!

Постоялый двор никогда не сделается храмом.

А замок, если он когда-нибудь достроится до конца, обязательно превратится в храм.

С этой надеждой и верой я воздвигаю его. С этой надеждой я прислушиваюсь к голосам ночи. Смотрю на сияющие звёзды. Живу в лесу.

---

Между прочим, огород за внезапным моим отъездом дал очень плачевные результаты: арбузы погибли, а на «огуречных плантациях» выросло два горьких огурца...

Но, господа, первая неудача не так уж непростительна. Не правда ли?

Посмотрите, на будущий год будет не то!

## СМЕРТЬ

Не знаю, осень ли так действует, но последнее время я так часто опять думаю о смерти.

Без страха и ужаса, но с сознанием глубочайшего значения этого слова.

Ведь, собственно, *два* пути ведут к положительному, религиозному отношению к жизни.

Один — путь *высшей радости*.

Другой — *путь смерти*.

Первым путём идут немногие. Этим людям душевная гармония даётся как бы от рождения. Они не знают ужаса смерти, потому что ужас этот уже побеждён в них данной в душе их гармонией.

Таков Пушкин.

Большинство же идут путём Толстого и Достоевского. Приходят к своей «Осанне» не только через «горнило сомнений», но и через мучительнейший страх смерти.

Разумеется, большинство путь этот не проходят до конца, не выходят, как Толстой или Достоевский, к светлому и радостному состоянию духа, а застревают на полдороге. Потому что «некогда». Потому что «детей надо учить в гимназии». Потому что «масса неприятностей». И пр., и пр., и пр.

Но тот, кто доходит до конца, — обязательно «побеждает» смерть.

Вот почему не должен человек размышления о смерти гнать как болезненное «мрачное настроение». Он должен безбоязненно размышлять *до конца*. Ибо если он не победит это слово, то никогда не встанет в своей духовной жизни на твёрдую почву.

---

Мысль о смерти и об её бессмысленности у детей приходит иногда очень рано. Знаю это по личному опыту.

Позволю себе немного воспоминаний.

Я задумался над смертью впервые лет семи. И должен прямо сказать, что первое размышление было едва ли не самым напряжённым и неотступным из всех моих размышлений. А их было у меня очень много. Бывали целые периоды, когда буквально ни о чём другом я не мог думать.

Случилось это так.

Я играл один в саду. Сделал из травы шалаш и воображал себя на необитаемом острове. Мне было очень хорошо. Сорванная мною трава так чудесно пахла. Солнце горело в каждом цветке, в каждом листочке. Кругом всё жужжало, двигалось и пело.

И я подумал: почему «большие» не играют в «необитаемый остров»? Почему им больше нравится сидеть в больших комнатах, курить папиросы и всё говорить о чём-то, говорить, говорить, говорить?..

«Когда я вырасту большой, — думал я, — я буду жить, как маленький. Так вот всегда и буду жить. Большие так не живут, ну а я — буду».

И мне стало до слёз радостно, что, значит, «так всё и останется». И будет у меня свой шалаш, и трава будет так славно пахнуть, и солнце сиять, петь птицы и жужжать в траве пчёлы.

«Навсегда так же», — подумал я.

И вдруг почувствовал, как в груди у меня что-то похолодело. «Навсегда? Но ведь это кончится... Потому что жизнь кончится. Значит, не навсегда?»

О, я и сейчас не могу без слёз вспомнить, как стало мне вдруг жалко всего: и шалаша, и травы, и солнца, и неба. Точно не я должен умирать, а *они* умрут. И их больше уже никогда, никогда не будет. Как бы удивились «большие», если бы они заглянули тогда в мой шалаш! Потому что я прижимал к себе сорванную траву, целовал её, как «покойную», и плакал буквально до истерики.

Целое лето непрерывно, что бы я ни делал, что бы ни говорил, я думал только одно: «Всё это кончится. Это не навсегда».

Что бы могло тогда меня утешить? Только одно слово: бессмертие.

Но я ещё не мог произнести тогда этого слова, во всём его значении.

Мне оставалось одно — обратиться к бабушке<sup>186</sup>. Но как ей сказать прямо? Мне стыдно было выдавать свою «тайну». И я, поласкавшись к ней, начал издалека:

— Я в саду, бабушка, на полянке шалаш сделал.

— Простудишься вот. Земля сырая. Роса.

— Я, бабушка, траву подложил. Она повяла уж вся. Почему она повяла?

— Сорвал, и повяла.

— Жалко, бабушка...

И я почувствовал, что от скрытой мысли моей у меня навёртываются слёзы.

Бабушка смотрит на меня внимательно и говорит:

— Полно-ка: спать надо вовремя ложиться.

— Бабушка... мы ведь тоже... умрём, да?

— Умрём... Ты бы шёл рыбу ловить...

— И папа умрёт?

— Ну, конечно же. Вот, право, какой.

— И кучер умрёт? И повар умрёт?

— Умрут, умрут.

— И ты?

— И я... Умрёшь, и положат на кладбище. Ты будешь ко мне на могилку ходить?

— Буду, — шёпотом говорю я. И, больше уже не в силах сдерживаться, прижимаюсь к ней и начинаю плакать.

Бабушка пугается. Начинает утешать меня. Говорит, что она «пошутила». Но я уж теперь знаю «наверное», что «всё кончено».

Это была первая рана на моей душе. Она успокоилась временно. Но через много лет снова дала себя знать. В той или иной форме, с той или иной силой, но вопрос о смерти встаёт перед детской душой. И это хорошо. Пусть поплачут, зато когда-нибудь и порадуются.

Смерть такой факт, что надо удивляться не тому, что люди «иногда» об нём думают, а тому, что так мало думают. Казалось бы, надо или победить его верой в бессмертие, или никогда не улыбаться и не смеяться в жизни, а сидеть и ждать в ужасе конца.

А у нас ничего. Это ещё, мол, далеко: ещё целых двадцать лет проживу!

Иногда человеку говорят: «все мы умрём» и «вы умрёте». Ему кажется, что это не про «него», что это к нему не относится<sup>187</sup>.

Нет, относится, господа, ко всем относится.

*Конец*, после которого *ничего не наступает*, делает бессмысленным всё, что было перед этим концом. И если вы не умом, а всем существом своим чувствуете, что то, что зовётся *жизнью*, — не бессмыслица, то вы должны почувствовать также другое: никакого *конца* и нет. А есть новое бытие в новых формах.

Зелёная трава и горячее солнце — это *навсегда*.

*Навсегда* — вот радостное, великое слово, которое одно может успокоить человеческую душу.

## «ГОЛУБОЙ СОН»

**Я** знаю одну девочку, которая, когда была совсем маленькая, уверяла всех, что ей снятся *голубые сны*.

Вот и мне приснился «голубой сон»...

Впрочем, может быть, не приснился. Может быть, всё это моя фантазия. А может быть, где-нибудь, когда-нибудь и случилось наяву... Не всё ли равно? Мне хочется рассказать вам об одной удивительной девушке. У неё были большие-большие тёмно-голубые глаза. По временам они делались совсем чёрными — когда она была печальна. А когда улыбалась — они загорались серебряными лучами. Но девушка была почти слепая: с каждым днём угасало её зрение, и мир закрывался от неё чёрной пеленой. Её послали



лечиться на море. Она должна была целыми часами сидеть на высокой скале и смотреть в нежно-голубую морскую даль. Доктор сказал ей:

— Вам нельзя видеть перед собой ничего, кроме ровного голубого света. Ваши глаза отдохнут — и зрение может вернуться.

Девушка приходила на скалу рано утром, когда море казалось серебристо-розовым и только там, где сливалось оно с небом, дрожала узенькая голубоватая полоска.

Розовый свет таял, а голубая полоска придвигалась всё ближе. Захватывала и небо, и море.

Небо становилось ровным, прозрачным, неподвижно-голубым. Даль скрывалась за бледным туманом. Волны ярко блестя посредине моря и казались тёмно-синими, почти чёрными у подножия скал... Больные глаза утомлялись. Тёмная пелена нависала всё плотней. Всё сливалось в неясный, тяжёлый голубой туман. Но она приходила аккуратно каждый день, рано утром. И смотрела в открытое море.

Девушку с больными глазами считали ненормальной. Она уверяла всех, что живёт в тюрьме. Плакала и просила спасти её.

Доктор так и сказал:

— Ваша слепота на психической почве.

Больной казалось, что вокруг неё встают чёрные тюремные стены. Надо вывести её за эти стены — и тогда она увидит всё по-новому.

Но не хотят помочь ей. Спасти её.

Тогда она решила попробовать сама...

Никто не увидит её около моря. Никто не помешает. Это пустынный, дикий берег. Люди сюда заглядывают редко.

Она пришла, как всегда, рано утром. Чёрные тени двигались вместе с ней. И куда бы она ни смотрела, они, как стены, закрывали от неё даль.

А внизу глухо бились волны об острые камни, точно лязг цепей.

Она знала, что за чёрными стенами шумит голубое море, что над ней ясное голубое небо и даль морская серебрится нежным утренним светом.

Но мешает тюрьма. И цепи бьются об острые камни. Разорвать их. Разбить их. Вырваться на голубой простор...

Стены непрочны. Стены колеблются. Одно движение — и можно сбросить их в волны.

Она стоит на самом краю утёса. Глаза её потемнели и неподвижно смотрят в даль. Она наклоняется вперёд и сталкивает стену в пропасть. С грохотом падают стены тюрьмы. На одно мгновение её ослепляет голубой свет сияющего неба. Она видит прозрачные морские волны. Пену белую, как снег, осыпанную драгоценными камнями.

Это победа! Тюрьмы больше нет!

Она задыхается. Она кричит. Но морской берег пустынный и дикий.

Никто не услышит её. Никто не спасёт её...

Голубые волны унесут её далеко-далеко, в море...

---

Вот вам мой «голубой сон».

Одна милая, смешная старушка, вот та самая, которая, помните, говорила мне об «остальных временах» и нищих «с жёлтыми и красными батогоми», — о снах выражается так:

— Есть сны от Бога, а есть от дьявола.

Так вот, от Бога или от дьявола мой «голубой сон»?

Я думаю — от Бога.

Если это, действительно, был сон, а не пригрезилось мне наяву, то, несомненно, навеян он теми размышлениями, которым я предаюсь теперь так часто: о жизни людей вообще и женщины, в частности.

Цивилизация, прогресс, культура, цари природы, процветание наук, авиация и прочее, и прочее, — а в результате такая нищенская, бесцветная духовная жизнь, что, оказывается, женщине можно быть только или доктором, или учительницей. Это, так сказать, с подобием «призвания». Ну, а там остаётся «телеграфистка», конторщица и прочее. Уж совсем только «для куска хлеба».

«Прогресс» — а в результате человеческой душе нет никакого выхода в жизни.

Это за две-то тысячи лет «культурной жизни» ничего больше доктора и учительницы не придумали. Из-за чего же тогда было огород городить?

Да пропади она пропадом, вся ваша культура, если она за всю свою двухтысячелетнюю историю никаких форм для проявления человеческой личности не создала, кроме доктора да кассирши.

Уж, значит, жизнь загнали в какой-то тёмный угол, если больше ничего не «придумывается».

Живая человеческая душа в этой проклятой жизни, где только и есть место для учителей да докторов, телеграфисток да конторщиц, — чувствует себя, как в тюрьме.

Эта жизнь встаёт перед глазами, как чёрные тюремные стены, и загораживает голубую морскую даль. И сколько теперь живёт на земле девушек, в душе у которых просыпается страстное желание разорвать тюремные цепи и выйти на голубой простор!

Потому что за этой тюремной жизнью, за этими «телеграфистками» и «конторщицами», они смутно чувствуют существование совсем другой жизни. Там и небо голубое сияет, и волны морские плещут, и даль серебрится нежным утренним светом.

И сколько девушек платит за эту тоску по голубой дали — свою гибелью<sup>188</sup>.

Голубые сны — снятся редко. Но всё же они заставляют верить, что когда-нибудь наступит время совершенно новой жизни, «голубой» и прекрасной.

## У СВЯТИТЕЛЯ ИОАСАФА

**Я** в Белгороде, у святителя Иоасафа<sup>189</sup>.

Зачем поехал туда — распространяться не буду: надо было.

А о том, что видел, слышал и пережил, — расскажу.

Когда я ехал в Белгород, к Иоасафу, в душе надеялся, что увижу нечто «монастырское», общее для всех русских монастырей. Ожидания мои не оправдались.

Начать с того, что остановиться пришлось в обычной «светской» гостинице маленького уездного города. В монастыре своей гостиницы нет. «Лесу» тоже нет — монастырь стоит на «главной улице», и против белых стен — возвышается красный двухэтажный дом, в котором гастрономический магазин с винами. И нищие, как «везде», и «странников» не видно, и богомольцы — не «паломники», а обычные местные «прихожане»: уездные барышни с муфтами, вихрастые чиновники, полицейские с рыжими усами.

Словом, монастыря нет.

И всё-таки, несмотря на это «разочарование», было *очень хорошо*.

Не «по-монастырскому» — совсем по-другому, но всё же очень хорошо.

Начну со «службы».

---

Служит архиерей<sup>190</sup>.

Посреди церкви, на кафедре, стоял маленький сухой человек, измождённый, с рыжеватыми волосами, в блестящем архиерейском облачении, и держал в худых, крепких руках «дикирии» и «трикирии».

Когда он повернулся «благословлять», я увидел очень худое, некрасивое, но выразительное лицо с очень быстрыми, блестящими глазами. Архиерей держался удивительно странно: как-то весь наклонился вперёд, руки почти не сгибал и держал подсвечники, благословляя, далеко от себя, ходил быстро и как-то стремительно.

Всё это было очень оригинально и понравилось мне. Как-то «шло» к службе, и сам архиерей, видимо, *служил, душой* участвовал в богослужении.

Превосходное пение.

А слева мне видна рака святителя Иоасафа. Кругом ярко горят целые пучки свечей, народ тянется «прикладываться», и виднеется седая голова монаха.

И я невольно начинаю подчиняться *церковному настроению*. И начинаю понимать во всём, что передо мной, *внутреннюю сущность*. И не хочется «осуждать». То, что привык считать за мёртвую «форму», — оживает, становится «живым символом».

И я думаю:

То, что принёс на землю Христос, не есть даже «религия» в привычном *древнем* смысле этого слова. *Христос дал откровение о полном и окончательном перерождении всей жизни*. Вся жизнь провозглашалась *храмом*. И потому не было какой-то *отдельной религии* — всё стало религией. Вот почему Христос говорил как бы против специальных, «рукотворённых» храмов. Сама мысль об *особом храме* была уже непониманием христианства, была уже разделением: жизни и религии. Вся жизнь — храм, и потому везде храм, а не на той или иной «горе».

Но это было *откровение*. Это было раскрытие *далёкого будущего*. Вселенная как храм и вся жизнь как религия — это завершение мирового процесса.

Пока надо было *медленно жить* и сохранить *откровение*. И то, что было раскрыто Христом как учение о *всей* жизни, замкнулось в *храмы*, и отдельные части этого драгоценного целого хранятся в отдельных исповеданиях. Это — золотые «ковчеги Завета», в которых заперты крупницы «живой жизни».

Вот почему так волнуют душу богослужения, как бы «теоретически» к ним ни относиться.

Архиерей стремительно выходил на амвон, не сгибая рук благословлял народ, монахи в чёрных клобуках медленно проходили по церкви, и народ, не переставая, всё шёл и шёл прикладываться к мощам. С улицы слышно было, как бессвязно кричала хриплым голосом глухонемая нищая.

Я решил предпринять поездку — на лошади, вёрст за шесть, в женский монастырь<sup>191</sup>. И надо ещё успеть к поезду. Проталкиваюсь мимо рыжих полицейских к выходу.

---

Вот тут-то и началось самое хорошее, что я видел в Белгороде: прежде всего, изумительное отношение к вам совершенно чужих людей.

Не знаю, может быть, жизнь в больших городах так испортила, но я даже *не представлял* себе ничего подобного.

Нанимаю извозчика. Начинаю говорить с ним — проедем ли в монастырь: дорогу, говорят, совершенно замело снегом.

Через минуту нас окружают прохожие и с жаром обсуждают вопрос, и не из «любопытства», а как будто бы это их *личное* дело, даже более *важное*, чем личное. Таких *добрых*, ласковых лиц я давно не видывал: все советуют ехать.

— Прокатитесь хорошо... дорога ровная.

Едем.

Оттепель, и от снега подымается туман. Лошадь с бубенчиками, дорога ухабистая, в лицо так и свистит влажный, точно весенний ветер. Хорошо! Всё хорошо!

Ямщик — милый чудак. Он рассказывает, как государь приехал в Белгород<sup>192</sup>. Как наследник командовал «потешными».

— Я близко видел. Исправника вёз.

— И государыню видел?..

— Видел.

Его больше всего поразило, что государь и государыня улыбались. И он несколько раз с особенным чувством повторял:

— Наследник командует: направо! налево!.. А они стоят и улыбаются. Право!

Костюмы его нисколько не поразили. И он страшно насмешил меня таким отзывом:

— Одеты не больно *чисто*... У нас которые *чище* одеваются...

Ехать приходится по лем. За туманом дали не видно. Кое-где, когда совсем уж подъедем, вплотную вырастет из тумана чёрный куст.

Проезжаем какой-то хутор. Ямщик повёртывает, но дорога оказывается не та, и ему надо свернуть назад. Я выпрыгиваю из саней и по колено вязну в снегу. Откуда ни возьмись — старуха.

Она начинает, точно это ей надо ехать, с жаром объяснять ямщику, где сворачивать на монастырь. Увидав, что ноги мои в снегу, она всплёскивает руками, бежит во двор и возвращается с пучком соломы.

— Соломкой-то я вас оботру... ах, батюшка... да как же это вы... всё мокрое будет...

И как я ни отбиваюсь, она торопливо вытирает мои ноги «соломкой», встряхивает пальто, снимает мои калоши.

Опять едем. Дорога становится узенькой. Сани то и дело вязнут в снегу.

— Скоро?

— Скоро. Сейчас, кабы не туман, видно было бы.

И действительно, через несколько минут мы въезжаем в лес.

Бог мой, что это за роскошь! Великолепный ровный дубовый лес — на ветках висит мохнатый иней, туман как будто бы совсем не коснулся леса, и после мутного поля всё кажется таким чётким, ярким.

— Весной здесь хорошо, — говорит ямщик, видимо, сам залюбовавшись.

— Соловьи, наверно, поют, — говорю я.

— Здорово поют! Всякой птицы много.

Ещё бы не быть птице! Такое приволье.

Дорога пошла вниз. Проезжаем мост. Узкий, глубокий овраг. Вот и монастырь. Это уж *настоящий* монастырь — всё занесено снегом, и тишина такая особенная, монастырская...

— В монастырь пойдёте?

— Некогда: к поезду надо.

Он заворачивает лошадь по глубокому снегу, и снова мы въезжаем в лес...

— Как хорошо! Как хорошо! — повторяю я.

Ямщик садится боком, смотрит на меня искоса и, улыбаясь, говорит:

— На что лучше!..

## ЧЁРНОЕ МОРЕ

Много ли найдётся людей, которые бы не любили сказок? Много ли найдётся «важных» и солидных господ, которые, на самом деле, в глубине души не были бы такими же простодушными мальчуганами, как лет 15-20 назад, когда им хотелось и побегать, и поиграть, и под вечер послушать страшных рассказов?

Все мы «взрослые» — из подражания друг другу. И только притворяемся, что больше не верим в сказки и что «прекрасная царевна» интересует нас меньше, чем запрос кадетов министру внутренних дел.

Многие навсегда сохраняют отношение к жизни, как к волшебной сказке, и если не рассказывают про добрых и злых фей, — зато *живут* как будто бы *не наяву*, а в сказочном полусне.

Но бывает и так:

Внешняя обстановка до того неожиданно и разом перевернёт всё, что, вопреки своей воле, заделаешься «сказочником».

Недавно я испытал это на себе.

Жил в снегу, в холоде, слушал, как ветер плачет за окном и выюга стучит ставнями.

А прошёл день: передо мной голубое море, нежно-розовое весеннее небо, и фиалки, и розы, и дорожки, усыпанные опавшими цветами азалии.

Я на Чёрном море: проезжаю Сочи, Новый Афон, Сухум.

Много у меня связано воспоминаний с впечатлениями от Чёрного моря. И первые минуты я не знаю, что сильнее волнует меня: эти ли далёкие воспоминания или неожиданная красота берегов, моря и неба.

Но не всё ли равно?

Главное: *хорошо*. До какой-то сладкой боли в сердце. До слёз. До желания сейчас же и *окончательно* начать «новую жизнь»!

Я выхожу на палубу. Около шести часов утра. Пароход подошёл к Сочи.

На всём лежит мягкая пелена раннего весеннего утра. Кажется, что ночь ещё тихо дремлет за снежным хребтом гор, — а тут уже радостно затрепетали лучи молодого солнца. Всё такое новое — нежное, ласковое, счастливое. Море кажется серебристо-голубым, чайки белее и легче, трава у подножия гор бледно-зеленая, почти жёлтая, паруса на лодках блестят, как атласные, на небе тают последние звёзды.

Господи, как хорошо!

И вспоминается мне: «жизнь есть сон, смерть — пробуждение»...

Неправда, неправда, неправда!

*Жизнь* — не сон. Отставка Чарыкова, беседа Франца Иосифа с бароном Гирсом — сон<sup>193</sup>.

А это — не сон!

Красота — одно из проявлений Бога не в переносном каком-нибудь смысле, а в самом *буквальном*.

Легко сказать: то, что «духовное», то от Бога, — а до остального нам дела нет. На вопрос же: зачем тогда было создавать материю, чтобы потом от неё «пробуждаться», — ответить: не знаю.

Но на самом деле связь «духовности» с «материей» и гораздо глубже, и гораздо нужнее, чем кажется.

Красота — это *добро, нравственность, Божеское* в материи.

И если не ложное слово, что «красота победит мир», — то это значит, что Божеское начало когда-нибудь создаст *святую материю*, новую, нетленную землю. И то прекрасное, что видят в природе даже наши человеческие глаза, является залогом того, что надежда наша не напрасна.

В присутствии очень чистого человека стыдишься грязных мыслей, низменных желаний.

Перед лицом красоты нетленной, перед лицом природы, божественно прекрасной, сам становишься чище, лучше, *светлее*.

Я не могу представить себе такого нравственного уroda, который бы мог не поддаться обаянию вот такого святого утра. Точно так же, как вполне понимаю всю искалеченность человеческих душ, ничего, кроме грязных улиц и пятиэтажных домов, перед собой не видящих.



В кают-компании нелепый разговор.

Несколько молодых людей, в высоких воротничках и очень «изящных» костюмах, сидят вокруг стола; только что пообедали.

Один — красный, полный, с английским пробором на чёрной, блестящей голове, другой — нервный, задорный, маленький, спорят о том, что лучше: драма или опера. Остальные слушают и смеются.

Толстый говорит, растягивая слова:

— Я не понимаю вас. Сказать «лучше» — всё равно что ничего не сказать. Вы докажите...

— Я и доказываю, — наскაკивает на него маленький, — драма — это наша жизнь... та же жизнь... Ничего интересного. В опере — так сказать, высшая поэзия. Мне жизнь ваша и так надоела.

— Позвольте, — тянет толстый, — это не доказательство. Одному надоела жизнь, другому поэзия... Вы лучше ответьте: люди когда-нибудь разговаривают под музыку?

— Но я не понимаю...

— Нет, позвольте. Вы отвечайте на вопрос: разговаривают?

— Нет. Но что же это...

— Позвольте. Значит, это ложь?

Маленький возмущённо пожимает плечами и говорит:

— Так я не желаю разговаривать.

— Простите, — обиженно замечает толстый, — я не мальчишка, чтобы со мной говорить таким тоном.

Маленький вспыхивает. Но слушатели находят своевременным вмешаться; их разводят в разные стороны, и оба они, красные, надутые, надевают пальто, чтобы идти на палубу.

Через полчаса я тоже поднимаюсь туда.

Батюшки мои! Глазам своим не верю: мои враги, толстый и тонкий, ходят по палубе под руку, смеются и болтают самым дружеским образом. Чудеса!

А в Петербурге дело, наверно, кончилось бы дуэлью. «Милостивый государь! Прошу вас немедленно прислать своих секундантов» и прочее...

К чему секунданты? Просто отправить на Чёрное море!

Ведь вот, эти молодые люди, кажется, всё сделали, чтобы исказить в себе образ Божий, — воротнички, и костюмы, и английский пробор, и вино, и пр., и пр., и пр., — а как попросту, по-человечески отнеслись к своей ссоре. Я, по крайней мере, не мог без умиления смотреть на их весёлые лица.

Что же это доказывает? Да ничего не доказывает. Позвольте на этот раз ничего не *доказывать*?

Потому что: *просто хорошо*. Совсем хорошо. И я хочу только, чтобы вы это почувствовали.

О, это не было настроением минуты! И радость не уменьшалась, а всё росла.

К ночи мы приехали в Сухум. А на следующий день, рано-рано утром, я пошёл на берег моря. Право, я, кажется, не шёл, а *летел*. Ещё бы! На улицах настоящие пальмы, с высокими, мохнатыми стволами и густыми развесистыми шапками; в корзинах, у маленьких лавочек, тёмно-синие душистые фиалки; море бледно-зелёное не шелохнёт, только у самого берега едва-едва набегаёт прибой. Небо прозрачное. Горы залиты солнечными лучами, и белые, снежные вершины кажутся легкими, как крылья чаек...

Господи, какая радость кругом!

Не надышишься, не насмотришься... Стоишь, как в храме, и точно завеса падает с глаз и ощущаешь «нетленную порфиру под тленною корою вещества»<sup>194</sup>.

Воздвигнется же когда-нибудь настоящий храм! Который вместит всю *красоту* мира — потому, что поймёт её и примет её, — а не оттолкнёт, не проклянет. Сгорит вся грязь, весь смрад мира *греховного*.

Души наши очистятся от лжи, мерзости, злобы и преступлений. Природа освободится от *смерти и страдания*. Начнётся *новая жизнь вселенной*, которая станет *храмом*. Восстанут в новых формах бытия все погибшие в борьбе со смертью. Ничто *живое* — не исчезнет. И грешники, и враги все получают «равный пай» в преображённой жизни:

И враги, дрожа, тоскуя,  
К нам на груди припадут...  
Аллилуйя, аллилуйя!  
Камни гор возопиют<sup>195</sup>.

Пусть это «не скоро». Сердце не хочет признавать *времени*. И верит этому и молится об этом. А когда кругом, точно прообраз нового храма, встают горы, сотканые из душистого воздуха и золотых лучей, расстилается нежно-прозрачное море, а небо дышит весенней радостью, — кажется даже, что сердце уже *видит* это!

## МОНАХ-ПОЛИТИК

*(Из дорожных встреч)*

После надоевшей холодной зимы так радостно попасть — точно чудом каким-то — в нежную благоухающую весну, что я не могу оторваться от зазеленевших гор, синего покойного моря, снежно-белых чаек.

Пароход только что отошёл от Сухума. На берегу ещё видны группы людей, мальчишки с букетами фиалок и чей-то белый платок, трепещущий в воздухе.

У самого парохода проплывает широкая фелюга с надутым парусом, на руле сидит турок, голова повязана ярко-красным платком, он смотрит на нас, улыбается и скалит свои блестящие зубы.

Рядом со мной у борта стоит монах. Рыжеватый, желтолицый, с пристальными стальными глазами. Меня поражает выражение его лица: презрительное, почти злое. Так странно видеть эту жёсткую злобу, когда всё так радуется и блещет вокруг.

Мы встречаемся с ним взглядом — и его тоже, очевидно, поражает что-то во мне. С минуту он пристально в меня всматривается и потом говорит:

— Здесь люди тоже, чай, помирают.

И он не то улыбается, не то кривит губы.

Я молчу.

Монах переводит свой взгляд на горный хребет и снова говорит, явно обращаясь ко мне:

— Внизу зелёная травка, а наверху мороз: нам, русским, не по душе это.

— Почему? — спрашиваю я.

Монах быстро поворачивается:

— Потому, что вопреки природе.

— Совсем нет. Вверху холоднее, потому и снег.

— Для глаз не хорошо. Я два года живу здесь — соскучился. Разбойник народ. Башку повяжет — и пошёл. И тебе тоже податься некуда: спереди вода, сзади горы. Летом уеду.... В Сибирь...

— В Сибирь? С Чёрного моря — и сразу на другой конец света, — смеюсь я.

— Китайцев усмирять поеду.

- Как умирять, да ведь вы же монах?
- Послушник...
- И каких вы китайцев умирять собираетесь?
- Добровольцем пойду, чтобы беспорядков не было.

Лицо монаха делается всё суше, всё строже. Уж он больше не улыбается презрительно, глаза так и колют, и в голосе что-то торжественное.

— Дракон поднялся. Последние дни приходят. Китай встал, жди: се гряди скоро!.. Англия и немцы — за дракона, всячески ему пособляют, и деньгами, и пушками. Турки итальянцев победят, с ними же соединятся. Японцы тоже. Все против царя православного пойдут. Воинство Христово собирать надо. Головы положим, — пусть через мёртвых дракон поганый перешагивает, — живыми не дадимся.

— Вы путаете, отец, в последних газетах — если хотите, я вам дам прочесть, — сообщается, что в Китае республику провозгласили, и теперь, по всей вероятности, скоро всё успокоится. Это всё дело их, домашнее, и никуда они вовсе идти не собираются.

Монах покосился на меня:

— Газеты на японские деньги печатают. Всегда так — говорят, республика, а потом на иконы плевать велят.

— Постойте, а вы-то откуда о китайцах знаете? Из газет же ведь?

Он помолчал и, повернувшись, быстро пошёл с палубы. Я думал, уж он рассердился.

Но минут через десять монах вернулся снова. В руках у него была смятая тетрадь, исписанная от руки печатными буквами.

— Вот, прочтите, — сурово и по-прежнему торжественно сказал он.

— Что это?

— Прочтите, — настойчиво повторил монах.

На первом листе было написано: «Знамение конца земной жизни»<sup>196</sup>.

— Тут про Китай есть?

— Про всё есть.

— Так ведь тут о божественном, а китайская революция — дело политическое.

— У нас, у православных, всякая политика от Бога.

Я подержал тетрадь и подал ему.

— Не хочется, отец, — уж очень хорошо дышится. Читать не хочется.

Он ничего не сказал и взял тетрадь обратно. Постоял и снова пошёл с палубы.

Бог с ними, с драконом и с политикой, когда перед глазами всё еще мелькают букеты фиалок, зелёные горы окаймляют покойное море, и веет тёплым, душистым морским воздухом...



# РЕЛИГИЯ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

## КОГДА ЖЕ ПРИДЁТ НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ?

**Т**акой вопрос был когда-то поставлен Добролюбовым по поводу романа Тургенева «Накануне»<sup>197</sup>.

И вот прошёл долгий-долгий канун. Общественный подъём сменился апатией и усталостью, надежды — разочарованием, победные гимны — похоронными маршами, близкое снова становится далёким, а настоящего дня всё ещё нет.

Но за несколько десятков лет Россия пережила так много, влила столько страданий в общую чашу мирового горя, что её робкое ожидание близкого рассвета почти разом выросло в пророческое чаяние огненной зари, — из народного стало всечеловеческим.

И снова мы живём накануне. Снова ждём настоящего дня.

Когда земля изнемогала от рабского ига, лучшие люди жили надеждой, что рабство когда-нибудь падёт.

Они заражали своей мечтой все живые души, заставляя жить человечество в трепетном ожидании свободы.

Это был канун перед освобождением от рабства физического.

И рабство пало. Каждое столетие приносило всё новое и новое раскрепощение, разрывая в одной стране за другой рабские цепи.

Поработили человеческий разум и человеческую совесть.

Наступила страшная эпоха борьбы за духовную свободу.

Снова в лучших сердцах загорелась мечта о настоящем дне, когда дух свободного исследования и свободной совести не будет скован инквизицией и палачами.

Свобода победила.

И как некогда были разрублены мечом цепи рабства физического, так же на мученических кострах были расплавлены цепи религиозного рабства.

Но до полного раскрепощения, до настоящего дня было слишком далеко. Весь мир ещё был сжат политическим деспотизмом и начинал задыхаться от социального неравенства.

Наступила эпоха политического и социального раскрепощения.

Между отдельными историческими эпохами нельзя проложить резкой грани. Задачи одной эпохи заканчиваются уже в другой.

В эпоху раскрепощения ума и совести ещё заканчивалось раскрепощение от физического рабства<sup>198</sup>.

И в наши дни ещё неоконченного политического освобождения, когда китайский богдыхан ещё по-прежнему, как сын неба, с безграничным деспотизмом управляет одним из многочисленнейших народов<sup>199</sup> и социальная борьба ещё не дошла до высочайшей точки своего напряжения, уже новая эпоха последнего и окончательного раскрепощения приблизилась.

Раскрепощение всей человеческой личности, в которое войдут и свобода от физического рабства и от рабства совести<sup>200</sup>, ума, голода, и прибавится свобода от одиночества, от безобразной оторванности — друг от друга, от природы, от мира, от Бога...

Может быть, в последний раз человечество живёт накануне.

Но это — великий канун перед окончательным шествием на землю вечной правды<sup>201</sup>.

Вот почему жизнь, может быть, никогда ещё не казалась такой безнадежно тяжелой, и в то же время никогда ещё сквозь эту безнадежность не прорывалось такое великое чувство радости.

Ибо здесь чувство безнадежности — от сознания, что все пути пройдены, что жизнь, какую она представлялась до сих пор, изжита.

Радость от глубокой веры, что это не тупик, а крутой поворот, и что-то, что казалось всей жизнью, ещё не есть настоящая жизнь.

Тоска наших дней — это смертная тоска перед радостным воскресением.

И, действительно, во всех областях человеческого творчества уже видна последняя черта.

Развитие человеческой мысли завершило свой круг и в западноевропейском философском нигилизме переживает окончательный кризис.

Научное мировоззрение как цельное знание терпит полное крушение, и уже никто не смотрит на науку как на спасительницу ото всех сомнений: ей предоставлена скромная практическая роль.

Вера в науку, как в силу, безгранично расширяющую горизонты, изжита.

В искусстве всё полно ожиданием новых откровений. В бессилии оно расплывается в каких-то серых тонах или принимает уродливые формы.

И в живописи, и в музыке, и в литературе, и в театре — всё живёт накануне возрождения.

Общественная жизнь умерла. Старые идеалы разрушены.

Над умирающей общественной жизнью, как дух разложения, носится призыв к смирению, к покаянию и самоспасению.

Вся жизнь и умирает, и с напряжённейшей силой ждёт и новых задач, и новых слов, и новых вдохновений.

Но что всего важнее — великого пророческого голоса о новой жизни, говоря религиозным языком — о жизни последних времён, ждут уже не отдельные представители утописты-мечтатели — ждёт народ.

И его глубокое сосредоточенное молчание — это благоговейная тишина великого предчувствия.

Этим предчувствием охвачены все. И светлые души, радостно и уверенно готовые выйти навстречу грядущему дню. И страшные прокажённые, задыхающиеся от гнойных ран, и чистые сердцем, и те, чьи сердца измучились, изболелись от собственных преступлений, и праведники, возлюбившие правду с апостольской ревностью, и те, кто гибнет и разлагается от лжи.

Все ждут и предчувствуют, и может быть, измученные в грехах и страдании ждут пламенной и дерзновенной.

Современная жизнь представляется нам великим кануном, и под этим углом зрения мы будем её рассматривать.

Конечная цель — полная, окончательная, и материальная, и духовная, свобода, — свобода, которая разорвёт все преграды между отдельными людьми, соединит их в одно великое целое, где нет ни господ, ни слуг, ни рабов, ни голодных, ни нищих.

Конечная цель — новая земля под новыми небесами. И всё, что в жизни стоит на пути, как препятствие к этой цели, будет обличаться нами со всей силой, на какую только способно наше сердце.



С силой, в основу которой положено не право личной праведности, — напротив, — право глубочайшего сознания всеобщего падения, но в то же время непоколебимой веры в близость «настоящего дня».

## НЕ «ПРАЗДНИЧНЫЕ» ДУМЫ

Одно из самых мучительных, самых искушающих сомнений, терзавших больную душу Достоевского, было сомнение в том — «удалось» ли христианство?

И кто в свою жизнь не мучился хоть раз этим сомнением? Одни (и таких большинство) мучаются недолго, решают вопрос очень легко: не удалось! И без всяких «мучений», «как все», устраивают свою жизнь, то есть женятся, родят детей, ставят их на ноги и умирают.

Другие (меньшинство) мучаются этим вопросом всю жизнь, и несоответствие христианских идеалов с нашей действительностью не даёт им силы по совести решить вопрос утвердительно. А стало быть, не даёт силы и уверовать в Христа. Ибо, если христианство «не удалось», то можно ли считать его *божественной истиной*?

Наконец, третьи (самая незначительная часть) твёрдо верят, что *несмотря ни на что* христианство *удалось*; что несоответствие серой, бестолковой, жестокой и грязной нашей жизни с тем «Царствием Божиим» на земле, о котором учил Христос, — есть несоответствие временное; верят, что жизнь идёт вперёд, что в конце концов Правда победит мир<sup>202</sup>.

К числу таких верующих в грядущую Правду причисляю я и себя.

Но и «верующие» не свободны от временных сомнений. И если бы меня спросили: когда я испытываю сомнения всего тяжелей и неотступней? — я ответил бы: в те дни, когда «празднуется» Рождество Христово и светлые дни Христова Воскресения.

Ибо никогда так нагло действительность не празднует своей временной победы над вечной Правдой Христовой, как именно в эти дни<sup>203</sup>.

Наступают рождественские праздники. Что это значит для большинства, для тех, кто живёт «действительностью»?

Это значит «отдых от работ», обметание пыли в квартирах, новые наряды, бесконечные «чай» дворникам, почтальонам и ночным сторожам, потом ёлка, потом театр, ряженные, усиленная еда, усиленное питьё — и в результате досадное чувство зря истраченного времени, «скопленных» за год денег, потом будни, будни и будни...

Так празднуют люди Рождество Христово.

Так празднуют *христиане* величайшее событие мировой жизни.

Если таков их «праздник», то спрашивается, что же «усвоило» общество из христианства? Что вошло в плоть и в кровь его? Что стало достоянием души?

И если бы кроме «интеллигенции» не было *народа*, на чём бы держалась вера, что христианство всё-таки *удалось*?

Наши праздники — это праздники «рабов»<sup>204</sup>. А Христос прежде всего сделал людей свободными.

И если они хотели бы и могли бы достойно праздновать этот день — они праздновали бы его как величайший день *свободы*.

Когда видишь *рабский праздник*, больше всего сомневаешься, что *удалась свобода!*

Иными были бы «праздники», потому что иною была бы вся жизнь, если бы люди поняли, какую свободу даровал им Христос.

Говорят: «тюрьмы, казни, гнёт деспотов и тиранов»!.. Но свобода христианская потому и может спасти и некогда спасёт мир, — как теперь она спасает отдельных людей<sup>205</sup>, — что она сильнее всех полчищ людских, её нельзя возвести на плаху, нельзя заковать в цепи, нельзя бросить в темницу. Это свобода духа человеческого. Свобода его не только от человеческой жестокости, но и от самой смерти. Люди рабы не потому, что их заковывают в железные цепи, а потому, что они живут *рабскими интересами*, потому что они, как нечистые животные, возятся в мусоре своего самолюбия, своих страстей, потому что погрязли в пошлости и лжи.

И мир содрогнулся бы, и сила бесправия и зла была бы поколеблена тогда только, тогда человек стал бы *свободным*, каким сделал его Христос.

И каким радостным, каким великим праздником стало бы тогда для человечества Рождество Христово!

## РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Один из самых ужасных и распространённых видов рабства, в котором живёт человечество, — это рабство неправильно понятых или совсем непонятых *слов*.

Люди привыкают к целому ряду понятий, начинают совершенно механически употреблять их, не отдавая себе отчёта ни в том, что они значат, ни в том, к чему обязывают.

И эти ложные понятия становятся хозяевами жизни, распоряжаются судьбами людей и народов, делают людей счастливыми и несчастными. И нет более жестокого деспота, чем ложное понятие, и ни чему другому так безропотно не отдаётся в рабство человек, как ложному слову.

Одна из насущнейших задач современной реформации — это раскрепощение людей от рабства ложных слов. За этими словами скрыты ложные, или извращённые, или не осознанные идеи. И для того, чтобы реформировать жизнь, надо прежде всего освободить людей от груды того мусора, которым они свою собственную жизнь душат.

Есть слова, правильно и во всём объёме понятый смысл которых мог бы произвести в человечестве целую духовную революцию.

Одним из таких слов является: *Рождество Христово*.

Каждый год 25 декабря во всех европейских странах празднуется этот день.

«Рождество» — это такая же неотъемлемая часть года, как зима, лето, «Пасха»...

Мы, русские, твёрдо усвоили, что в этот день «не учатся», «делают визиты», жарят гусей с капустой, гадают и, особенно, устраивают ёлку.

«Ёлка» и Рождество — почти одно и то же.

Мы совершенно «механизировали» это великое слово — Рождество Христово. И так привыкли, что 25 декабря оно обязательно будет, из году в год, и что газетчик принесёт газеты с «святочными рассказами», что положительно потеряли даже способность *понять*, к чему это слово обязывает.

Но если бы все люди даже один раз в год *по-настоящему* вспоминали, к чему обязывает слово «Рождество Христово», то и тогда бы жизнь наша очень скоро стала неузнаваемой.

Я не буду поднимать сложных религиозных вопросов о личности Иисуса Христа. Кто Он был? Сын Божий, Сын Человеческий, Пророк, Реформатор...

Для всех людей без исключения Христос — самое полное, самое высшее воплощение в человеке *правды*.

Это *самое меньшее*, что люди признают за Христом. А потому об нас, признающих Христа Богочеловеком, и говорить не приходится.

И вот люди торжественно празднуют рождение в мире *Правды*.

Казалось бы, праздновать событие можно лишь тем, что хоть сколько-нибудь соответствует этому событию. Что бы вы сказали, если день рождения Льва Толстого стал бы праздноваться кулачными боями?

И рождение в мире Правды — Рождество Христово — должно праздноваться чем-либо достойным этой Правды.

Я не знаю, *как* нужно праздновать, но знаю, что ни визиты, ни гусь с капустой, ни ёлка никакого отношения к Рождеству Христову не имеют<sup>206</sup>.

Я знаю, что понять смысл этого мирового события — значит понять, что две тысячи лет назад была осуждена *вся наша жизнь*, и что суд этот продолжается и по сие время.

Рождение в мире Правды — это был суд над нашей совестью, над нашей жизнью и личной, и общественной.

Рождение *Правды* осуждает убийства, которые мы ввели в закон, осуждает дома терпимости, которые мы сделали «государственными учреждениями», осуждает весь наш социальный строй, в котором одни умирают от обжорства, другие — от голода, осуждает рабство, пытки, темницы. Осуждает жестокость и насилие, наше невежество, наше пьянство, разврат, всю нашу кровавую, безумную, несчастную и позорную жизнь.

Понять смысл Рождества Христового — это значит раз в год сгорать от стыда, чувствовать себя преступниками перед Правдой, которую распяли когда-то и продолжаем распинать до сих пор. Это значит раз в год хотеть всеми силами души своей перестроить мир весь, сверху донизу. Перестать жить повседневными мелочами, сплетнями, дразгами, самолюбием — это значит понять божественное призвание человека.

Если бы все искренно и правдиво переживали всё это в великий день рождения в мир Правды — давно бы Рождество Христово стало настоящим *праздником*.

И не пустой звук, не *ложное слово* говорили бы мы, когда поздравляли друг друга:

*С Рождеством Христовым!*

## ТАЙНА ВОЛХВОВ

«И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. ...И вошедши в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его и, падши, поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 9, 11).

Тайну рождения в мире Божественной правды узнали волхвы. Высоко, на небе увидали они лучезарную звезду и пошли за ней и положили к ногам Младенца сокровища свои: золото, ладан и смирну.

Внутренний смысл евангельских событий не подчинён «времени», он *непреходящ*.

Внешнюю форму событий изучает *история*. Религиозное содержание их принадлежит *вечности*.

И эта вечная, непреходящая сущность Евангельских событий повторяется, переживается душой каждого человека.

Для каждого человека рано ли, поздно ли загорается Вифлеемская звезда, рано ли, поздно ли он приближается к тайне волхвов, ищет Божественную правду, приносит к подножию её все богатства свои: золото, ладан и смирну.

У всех нас жизнь наполнена грязью, мусором, пошлостью, суетой. Но перед лицом смерти, вспоминая весь прожитый путь, человек всегда *сознаёт*, что то, чем была наполнена почти вся его жизнь, и что он считал таким важным, — на самом деле ничтожная мишура, которая умрёт вместе с ним. А то, что он считал неважным, что делал между прочим — любовь к людям и добрые дела, — на самом деле есть самое важное, нетленное, вечное, ради чего и надо было жить. И захочется человеку снова начать свою жизнь, чтобы делать уже теперь только одно важное: любить и творить добро.

Все сокровища свои захочет он отдать Богу. Всю жизнь свою, всю душу свою.

Счастлив тот, кто *сознаёт* всё это не в конце, а в начале жизни. Счастлив тот, кто не на краю могилы впервые видит «звезду на востоке».

Праздник Рождества Христова ежегодно напоминает нам, погруженным в житейской суете, — о *великой тайне волхвов*.

Этот праздник зовёт нас хоть на один час оторваться от земного, поднять глаза свои к звёздному небу, увидеть там звезду Правды Божьей и пойти за ней, чтобы поучиться отдавать Христу все сокровища свои и самое драгоценное из них — *свою жизнь*.

---

Самое важное в жизни людей не то, что разъединяет их, а то, что их соединяет.

И в великий день Рождества Христова человечество должно вспоминать не о том, что внесло христианство в мир *разъединяющего*, — а о том, что соединяет всех, независимо от различия религиозных взглядов и верований.

Христос принёс на землю не мир, но меч.

Новое слово всегда объявляет войну *старой жизни*.

И новое божественное слово Христа — объявило войну обветшавшему язычеству.

Старый мир, языческий, и новый, христианский, вступили в ожесточённую борьбу.

Христианство одержало победу — оно покорило мир.

Но в самом сердце христианства разгорелась «междоусобная война». Началось «разъединение церквей», сотни всевозможных сект и толков, распри, преследования, жестокости инквизиции...

Христос говорил о «мече», который он принёс для борьбы со злом.

Люди подняли этот меч друг против друга и стали делить ризы Его, стали мучить друг друга. «Именем Христовым» началась вражда и разделение во имя догматов, во имя культа, во имя мёртвой буквы закона.

*Но всё это разделение не важно для людей.*

И оно совершенно исчезает перед одной всеобъединяющей идеей христианства:

*Человечество — одно целое!*

До Христа не существовало *религиозного* понятия *человечества*.

Были «государства», были «народы», но не было идеи, что *весь мир — одно божественное целое*.

Эта идея и положена в основу всей новой культуры. Она дала толчок и науке, и искусству, и общественности.

И вся мировая история последних двух тысяч лет есть не что иное, как медленная и мучительная реализация этой идеи.

Человечество создало, что оно — *одно*.

Но оно ещё *не может* стать на деле единым целым — одной братской семьёй. И всё-таки к этому идёт, в этом внутренний смысл *прогресса*.

Рождение Христа есть величайший праздник *человечества*. Ибо Христос дал людям новое откровение о *человечестве*. И только после Христа «люди» стали «человечеством» сознавать себя<sup>207</sup>.

Рождение Христа зажгло лучезарную звезду на Востоке. Эта звезда есть сознание людей, что мир — единое божественное целое.

И какое бы дальше ни приняла направление мировая история, в основу грядущей жизни всегда будут заложены принципы христианства.

Волхвы принесли младенцу Христу сокровища свои: золото, смирену и ладан.

Человечество когда-нибудь также принесёт Ему свои сокровища: *жизнь свою*.

И тогда звезда остановится над миром, как некогда она остановилась над домом Марии, — и жизнь *человечества* станет божественно прекрасной.

## НОВЫЙ ГОД

**Н**овый год, как и большинство наших «праздников», празднуется совершенно не так, как бы следовало его праздновать.

Мы вкладываем в наши праздники то содержание, которое носим в наших душах. И это содержание почти всегда глубоко не соответствует форме.

Возьмите Рождество Христово.

Родился Христос. На землю снизошла Божественная Правда. Миру открылось спасение...

Но у нас всё это «форма».

А *содержание* — то, что «от души», — это окорок, гусь с капустой, сумасшедшее разваживание по городу кусочков картона, именуемых «визитными карточками», ёлка, ряженые, вино и обжорство.

Спрашивается: какое всё это имеет отношение к Рождеству Христову?

Никакого, разумеется.

И это свидетельствует о том, что *душевная* жизнь нашей *сытой* городской *массы* никакого отношения к Божественной Правде не имеет.

Я не хочу этим сказать, что все люди в *отдельности* дальше гуся с капустой не идут. Я хочу сказать только, что в *общественной* своей жизни, в коллективных своих душевных переживаниях (а всякий «праздник» есть дело общественное) — сытые люди совершенно *не религиозны*.

Если всё это можно сказать о Рождестве Христове, то ещё в большей степени можно сказать о «новом годе», который и не есть, собственно, *религиозный* праздник. Но если бы и в него вкладывали *должное* содержание, и он был бы праздником *религиозным*.

Мы живём жизнью *внешней*. Она развивается в ущерб жизни духовной, поглощает её почти всю. Когда перед смертью человек вспоминает пройденный путь и чувствует *инстинктом*, что внешняя жизнь умрёт вместе с телом, а приобщится к вечности только *доброе*, только *духовное*, *главное*, скрытое в глубине души; когда человек чувствует всё это, ему становится неотразимо ясно, что то, чем была наполнена почти вся жизнь его, — *вздор*, а то, что он делал «между прочим», часто даже стыдясь этого, — дела любви — подлинно *важное* в жизни.

Внешним в нашей жизни должно быть названо всё то, что обычно разумеется под «счастьем».

«Счастье», в нашем смысле слова, на самом деле есть ни что иное, как внешние *условия* жизни, но не *сама жизнь*. Богатство, успех, почёт, всякое благополучие — это *внешние условия* нашего существования, лишь «форма» жизни. Бросаясь на эту «форму», люди бросаются за *пустышкой*, потому что в одну и ту же форму можно влить и счастливую, и несчастную жизнь. Ибо подлинное счастье зависит не от формы, а от *содержания* нашей жизни.

Между тем, поздравление с Новым годом, с *новым счастьем* — есть *общественное признание* за истину именно такого, *безумного*, *внешнего* отношения к жизни.

Новый год мог бы быть радостным днём. Но для этого люди должны видеть в нём символ молодой, обновлённой жизни.



Не о новом «счастье» должны думать люди в первый день «нового года» — они должны думать о своём *перерождении*.

Конечно, нельзя связывать такое перерождение с определённым «днём».

Но связывать с таким днём, как с символом, празднование известной *идеи*, в данном случае идеи перерождения, — разумеется, вполне возможно.

С Новым годом, читатели-друзья, с *новой жизнью!*

## НА НОВЫЙ ГОД

**Н**а «Новый год» принято подводить «итог».

Все газеты и журналы очень серьёзно, с деловым видом, дают «отчёт» своим читателям в том, что сделано человечеством за истекший год на пути «прогресса».

Так ведётся с незапамятных времен. Под Новый год солидные люди садятся за стол и пишут длинные и умные статьи о том, что пережила страна в экономическом отношении, каков был урожай и вывоз и ввоз, каково положение финансов. О том, что улучшились международные отношения, что Австрия настроена к России более дружественно, чем раньше, что «колониальная политика» Германии носит «агрессивный характер». Затем пишется: о внутреннем положении страны, о репрессиях, о штрафах, о тюрьмах. Затем о Думе, о том, что она ничего не сделала и всё время занимается руганью или вздором. Потом о литературе — ничего, мол, выдающегося не появилось. Потом о театре — «кризис», мол...

Довольны писатели: что им удалось подвести «итог».

Довольны читатели: всё «по-хорошему», как быть должно, «подытожено». И можно начинать новый год.

Великолепно! Главное — и «культурно», и «приятно».

Но «Новая земля», с первых же дней своего существования, решила не считаться ни с «привычками», ни с тем, что «принято», и идти своей дорогой<sup>208</sup>.

Пожалуйста, пожимайте плечами, сделайте ваше одолжение!

— Разве это газета! У вас нет «передовых статей», — возмущаются господа, привыкшие жить «как все».

— Это не журнал! Помилуйте! Вы печатаете фельетоны! — возмущаются другие.

- Это плохая литература, — с пренебрежением говорят одни — «настоящие» писатели.
- Это вовсе не литература! — говорят другие.
- Вы не касаетесь современных событий!..
- У вас нет ничего о Думе!..
- У вас нет обложки!
- У вас слишком маленький формат: журнал не имеет вида!..

И т. д., и т. д., и т. д.

Согласны, согласны! И передовых статей нет, и фельетоны пишем, и литература плохая, и обложки нет. А всё-таки слушать вы нас будете! И возмущайтесь, и пожимайте плечами, и всё у нас не так, как принято, и пишем мы совсем не как «настоящие литераторы», и всё-таки будете нас слушать. И потому это так, что *мы знаем, чего хотим.*

Теперь в России мало людей, которые *определённо* знают, чего они хотят. А человека, который знает, чего он хочет, нельзя не выслушать.

На «новый год» — «Новая земля» не будет «подводить итогов». Ах, это так хорошо и скучно сделают и без нас прочие газеты и журналы.

Нам хочется говорить не о прошлом, а о будущем. Не о том, что *было*, а о том, что *должно быть*. Не о старом, а о Новом годе.

На «новый год» нам бы хотелось сказать нашим читателям о том, *чего мы хотим.*

*Мы хотим, чтобы человек стал свободен!*

Вы скажете, пожалуй: только-то!.. Слыхали!.. И чего тут нового?.. Уж нам надоели эти разговоры о свободах!..

Нет. О *настоящем* свободном человеке у нас не говорят.

Да, лучшие люди всегда мечтали об «освобождении», но это «освобождение» не полное, однобокое, и оно одно не может удовлетворить нас. Человека хотят освободить от гнёта политического, экономического, хотят освободить его совесть, его литературу, его общественную жизнь. Прекрасно. И мы хотим всего этого. Но мы говорим: мало!

Мы стремимся к *полному* и окончательному освобождению человеческой личности.

Мы хотим, чтобы образ Божий в человеке, бессмертный дух его, скованный рабскими цепями греха, похоти, зла, всеми низ-

менными и пошлыми страстями, стряхнул бы прочь всю тягостную кору и стал, наконец, *свободным*<sup>209</sup>.

Мы хотим, чтобы *свободный* человек, т. е. человек, сознающий себя *сыном Божиим*, живущий *только* для вечности, вступил бы в братское, любовное единение с такими же, как он, *свободными людьми*. И чтобы в этом любовном единении они научились общению не только друг с другом, но и с Богом. Мы хотим, чтобы это *настоящее* общение людей дало бы новые, неизжитые, неизведанные силы, которые бы нашли новое проявление во всех областях человеческого духа: в литературе, в науке, в музыке, в театре, — и чтобы всё обновилось, вся жизнь, сверху донизу.

Мы хотим, чтобы эти новые люди, соединяющиеся, как братья, повели бы мир к окончательной победе и окончательному раскрепощению от греха и смерти.

Чтобы зло, отравляющее природу и вносящее в мир разрушение, было повержено в прах, и чтобы тленный мир стал нетленным, чтобы не было смерти, и вечная жизнь, — какую мы чувствуем теперь, углубляясь в свою душу, — стала бы *видимой* жизнью.

Мы хотим и верим в жизнь новую, на новой земле, под новыми небесами!

Желания наши последовательны и неотступны. И мы убеждены, что в глубине сердца каждый человек — сознательно или бессознательно — стремится к тому же, и что только *такая* конечная цель может дать покой человеку, дать ему силу, может осмыслить его жизнь.

Эти «желания» не висят в воздухе, они покоятся на законченном и непоколебимом фундаменте — на христианском миропонимании.

Мы знаем, разумеется, что «конечная цель» не будет достигнута в наступающем 1911 году, но мы верим, что наступающий год приблизит человечество на один новый шаг к этой конечной цели.

И поздравляя читателей с «новым годом», мы поздравляем их не с новыми успехами в финансовой политике и не со сближением с Австрией, мы поздравляем его с приближением того далёкого времени, мечтой о котором живёт человеческая душа. О том времени, когда не будет ни страдания, ни насилия, ни зла, ни смерти, преобразится мир и наступит жизнь *бесконечная!*

## НАШИ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

**В** статье «На Новый год» я говорил о том, *чего мы хотим*. Какая *конечная* цель освещает и определяет нашу деятельность и жизнь.

Эта цель ясна, определённа и всеобъемлюща: мы хотим полного и окончательного освобождения мира. Освобождения от рабства, греха, страдания и *смерти*.

В наше время определённость желаний, отчётливое представление о *конечной* цели — само по себе есть уже такая сила, которая даёт право верить в победу.

Особенно обессиливает людей именно то, что они не знают и не хотят знать самой *последней* цели всех своих действий, всей своей жизни.

Они думают, что это «не важно» для ближайших задач, что можно очень хорошо бороться за «народную свободу» или за «социальное равенство», *никак* не решив вопроса о том, зачем, в конце концов, нужен и народ, который хотят «освободить», и рабочие, которых хотят «уравнять».

Но отсутствие ясного знания конечной цели не только «важно» для ближайших задач, но без этого знания *невозможно* по-настоящему осуществлять хотя бы самые ближайшие из них.

Невозможно потому, что, не зная никакой определённой *конечной* цели, нельзя по-настоящему *хотеть* осуществления и задач ближайших.

Вот почему всякое движение, не видящее впереди *всеобъемлющего* конечного идеала, обречено на внутреннее бессилие, на роль *служебную*.

Мы *верим* в силу нашего движения, потому что мы *знаем* его конечную цель.

И мы по-настоящему *хотим* осуществления ближайших задач, потому что они внутренне связаны с конечною целью.

*Ближайшей задачей* мы считаем совсем не то, что обыкновенно выставляется политическими партиями и общественными группами в их «программах».

И не «свободы», и не восьмичасовой день, и не земельную реформу. Да, всё это мы считаем важным и нужным. Но всё это получает свой настоящий смысл при существовании ещё более

близкой задачи, о которой надо думать *прежде всего* и при достижении которой «реформы» будут внутренне неизбежным *процессом*, оформляющим жизнь.

Надо прежде всего создать *религиозно-общественное движение*.

Не «партию», не «общину», не законченную новую «секту» общественного христианства, а именно *движение*. В настоящее время религиозное сознание или спит сном расслабленного, или, при малейшем «движении», сейчас же замыкается в секту, и опять-таки спит, и сном, может быть, ещё более непробудным, потому что в нём есть «подобие» движения.

Надо всколыхнуть, пробудить спящее сознание *народа*. «Программа» сейчас нужна не для того, чтобы стать сектой или «партией», а только для того, чтобы провозгласить *новые основные религиозные идеи*. Они должны взволновать уснувшую религиозную мысль и религиозную совесть.

Идеи о *новой земле*, о *земном Христе*<sup>210</sup>, об общественном христианстве, о Царстве Божиим не только на «небеси», но и на «земли»<sup>211</sup>, — идеи голгофского христианства, когда они дойдут до религиозного сознания народа, вызовут в нём к жизни скрытые, уснувшие религиозные силы.

Они создадут *движение*<sup>212</sup>.

Они снова пробудят религиозное *творчество*.

Когда нас спрашивают, как нужно молиться, если, по-вашему, в старых церквах молитва мёртвая, как нужно веровать, если старые догматы перестали жить, — мы говорим: *сейчас*, по нашему мнению, каждый, *оставаясь в той церкви, к которой принадлежит*, или выйдя из неё, — если таково требование его совести, — должен проповедовать те новые идеи общественного христианства, которые сейчас уже стали ясны для отдельных людей.

Всё же *остальное* должно быть результатом *религиозного творчества*. Пробудите религиозную жизнь, и тогда *сообща*, *изнутри*, а не механически, путём внутреннего *роста*, а не путём внешних «вершений», создадите и новые догматы, и новую молитву<sup>213</sup>.

---

И догматы, и «богослужение» есть лишь внешние формы религиозной жизни<sup>214</sup>, и коль скоро будет *новая жизнь*, она обязательно выльется и в новые формы.

Мы хотим и добиваемся не «единомышленников», а *живых* людей. Нам нужны не только «союзники», но и «противники». Мы не боимся ни споров, ни разногласий. Так было и в первые века. Где жизнь — там и борьба идей, и споры, и искания. Мы хотим, чтобы кончился религиозный сон на подстилке найденной полуистины, мы хотим, чтобы всё ожило, пошло смело вперёд.

Верующая «интеллигенция» должна соединиться с народом, она должна дать ему то, к чему пришла умом, должна принести народу *религиозную мысль* — и взять у народа его религиозное сердце, его *религиозное чувство*.

И то и другое *совпадёт* и даст крепкий фундамент для нового религиозного строительства<sup>215</sup>.

*Народное религиозное движение* — вот чему принадлежит будущее<sup>216</sup>. Как некогда *первоначальное* христианство дало новый поворот всей мировой жизни, так и теперь роль эта принадлежит голгофскому христианству, понимаемому не как какая-то новая «секта», а как выражение новой, давно назревшей идеи о *Земном Христе*, в котором и небо, и земля соединены воедино<sup>217</sup>. Два естества — в единую сущность<sup>218</sup>.

Вы скажете: не слишком ли это «смело»?

Нет! Потому что я говорю не о том, что мир повернёт на новую дорогу Михаил, Валентин или Иона, не отдельные люди.

А новая *великая религиозная идея*.

Отдельные люди — лишь носители этой идеи. Маленькие служители великого дела.

И не они её выдумали, она дана Христом, и не они первые сознали.

Но в них и в сотнях других уже *жива* эта идея. И сила этой живой идеи непобедимая. Её не остановить и не задушить. И я верю всеми силами души своей, что именно ей предстоит обновить мир.

Религиозное народное движение возможно только на этой новой идейной основе.

И только *народное* религиозное движение может дать новое откровение и в науке, и в искусстве, и во всей нашей жизни. Только оно найдёт силы разбить вдребезги старую, мёртвую кору жизни, создать жизнь новую, достойную той конечной цели, которой мы веруем и которую *исповедуем*.

## ХРИСТОС ВОСКРЕС!

**К**то *по-настоящему* верит в жизнь, тот должен сказать:

— Воистину!

Если жизнь — бессмысленное мелькание дней, лет, веков, если весь смысл её в чередовании поколений: рождаются люди, страдают, мучаются, бьются над страшными загадками бытия, любят, ненавидят, грешат, свершают подвиги и, в конце концов, падают неизбежно в сырую яму — разлагаются, превращаются в прах, — если мир Божий чудовищный театр, в котором люди разыгрывают какой-то «дьявольский водевиль», — то *не воскрес* Христос!

Если *бессмыслицу* продолжать до бесконечности — от этого она не станет *разумней*. И если жизнь *одного* человека — вопиющая бессмыслица, какое-то кошунственное издевательство, — ибо как назвать иначе то, что человеку даётся жизнь на 20-30 лет; даётся ум, мечтающий о высших формах жизни, сердце, жаждущее вечного бытия, и через 20-30 лет с ужасающей неизбежностью бьёт последний час и «царь природы» превращается в отвратительный кусок гнилого мяса<sup>219</sup>, — если жизнь каждого *отдельного* человека побеждается смертью, то сколько бы миллионов лет в будущем эта бессмыслица ни продолжалась, сколько бы миллиардов людей ни умирало — от этого бессмысленная человеческая жизнь не станет разумной. И нечего обманывать себя. Надо прямо в глаза смотреть правде — и сказать: жизнь — безумная насмешка над здравым смыслом. Так пусть же она разобьётся вдребезги, и чем скорей, тем лучше. Смерть — сила непобедимая, — пусть же скорей всё забирает в свои лапы. Туда и дорога!.. Если всё это так — то *не воскрес* Христос...

Но для тех, кто *по-настоящему* верит в жизнь, не на словах, а всем сердцем своим, всею душою своею, — для тех слово *воистину* должно звучать победной силой.

Говорят: «воскресение» — бессмыслица; люди *не могут* воскресать.

Нет, *могут*. Не воскресают — но воскреснут.

Потому что Христос воскрес!

Бессмыслица!.. А не бессмыслица, что моё «я» — то, что я ощущаю в себе как *целое*, как *свою личность*, как нечто совершенно *другого порядка*, чем тело моё, что моя душа куда-то исчезнет,

превратится в *ничто*, — *это не бессмыслица*? Не бессмыслица, что вся жизнь только затем и существует, чтобы люди родились, а через несколько десятков лет их закапывали в землю?

Вл. Соловьёв в письме к Льву Толстому говорит, что *Воскресение есть победа смысла над бессмыслицей*<sup>692</sup>. И воскресение Христово — залог этой победы. Для тех, кто умеет прислушиваться к жизни, радость грядущего воскресения звучит во всём. Всё, что живёт, что не хочет подчиниться власти Смерти, — всё наполнено победным гимном воскресению.

Если вы почувствуете хоть раз *природу*, почувствуете *жизнь* в просыпающемся весеннем лесу, почувствуете то общее, что таинственно соединяет вашу живую душу с жизнью мира, с землёй, с животными, с цветами, со всем, что дышит и движется, — вы поймёте, что *это* умереть не может. Значит, непрерывное рождение и умирание новых форм должно в бесконечности завершиться чем-то положительным, чем-то таким, что сразу осмыслит весь долгий процесс *внешней бессмыслицы*. Это и будет — *воскресение*.

Но вера в Христа воскресшего, как и всякая вера, — *обязывает*.

Нельзя верить, что Христос воистину воскрес, и жить по-старому.

Если признать *смысл* — нельзя жить для бессмыслицы. А вся языческая жизнь нашего *мира* есть *жизнь для бессмыслицы*.

Все «ценности», все основные начала нашей общественной жизни, весь наш безбожный социальный строй — всё основано на неверии в воскресение Христово, на признании Смерти высшим законом. Но если высший смысл в торжестве жизни и в воскресении как конечном венце её, то душа человеческая — единственная подлинная драгоценность, и всё должно свершаться, чтобы возрастить, довести до полного расцвета эту драгоценность.

Неверие в жизнь создало материальную культуру.

Теперь должна наступить эпоха *культуры душ человеческих!*

В основу этой новой жизни должна быть положена вера, что Христос *воистину воскрес*. И тогда начнётся освобождение человеческой личности от всего, что поработало её во имя культуры материальной. Падут цепи духовного и физического рабства.

Как о позорном проклятии будут вспоминать о казнях, о тюрьмах, о войнах, о голоде, о домах терпимости, об униженных, искалеченных душах человеческих, обо всём, чем полна наша безумная жизнь. Будут вспоминать, как о временном торжестве смерти.



И не так, как теперь, — лишь концами уст, — а с великою радостью будут приветствовать друг друга словами:

— Христос воскрес!

---

Верую. Воистину воскрес!

Но нет ещё «праздника праздников, торжества из торжеств»... Нет настоящей, небесной радости и не может быть, пока земля — «тело Христово» — по-прежнему лежит «во гробе» опозоренное, измученное, не воскресшее.

Жизнь Христа — прообраз жизни *мира*. И как надлежало Христу — жить, страдать, взойти на лобное место, умереть и воскреснуть, так и миру надлежит пройти через Голгофу, через позор, через попрание высшей правды его и победить мировое зло — *воскресением земли*.

В этой надежде на грядущую радость люди должны черпать не только утешение в безмерных страданиях своих. Они должны находить силы <sup>220</sup>. Вера в воскресение земли несёт грозный суд нашему бессилию, отчаянию, пошлой повседневности — и стремление к жизни высшего порядка...

Нашу страну любят называть «святою Русью».

И воистину она *святая*. Святость её в глубине души народа, который в невежестве своём, в пьянстве своём сумел сохранить мечту о *праведной жизни* и, взятый в *целом*, знает высшую правду, как ни один из самых культурных народов <sup>221</sup>.

Но и его Христос лежит «препоясанный» во гробе, как Христос всей земли. И его Христос всё ещё не воскрес во всей славе Своей. И для него всё ещё не наступил *настоящий* день Христова воскресения. И тогда только воистину воскреснет его Христос, когда воскреснет сам *народ* <sup>222</sup>.

И «праздникам праздник» наступит только тогда, когда «святая Русь» не в глубине души народа будет таить свою святость, а воплотит её в жизнь. Лучезарную мечту сделает великой действительностью. Это может быть только тогда, когда он перестанет голодать, перестанет на плечах своих нести нечеловеческий, отупляющий труд, перестанет заливать своё горе страшным ядом водки, когда сгинут навсегда невежество, произвол, насилие и неправда. Когда душу народную перестанет калечить безумная, кошмарная жизнь городов, когда люди, предающиеся неистовым наслаждениям, разврату, роскоши, — поймут, что всё это высо-

сано из людей, умирающих по занесённым, заброшенным деревням от грязи, смрада, холода и голода. И когда над отечеством взойдёт, наконец, долгожданная «прекрасная заря» свободы! <sup>223</sup>

Тогда воскреснет народ <sup>224</sup>. Христос, недвижно пребывающий в душах человеческих, выйдет из гроба. И свершится чудо: начнётся новая, неведомая нам жизнь.

Христос воскрес!

Но с радостью великою только тогда скажут:

— Воистину!..

## ЦЕРКОВЬ БУДУЩЕГО

**К**огда люди сходятся вместе — и начинают «общаться», они старательно прячут вглубь всё самое интимное, самое для них дорогое, самое «настоящее» — и говорят о пустяках, о мелочах, о неважных, повседневных интересах.

Душевная жизнь у каждого человека остаётся при себе. С другими людьми он объединяется исключительно на почве *житейской*. Словом говоря, общение современных людей чисто *механическое*.

Такова *вся жизнь*. Такова и Церковь. Душевная жизнь Церкви, не только православной, не только католической и протестантской, но и всех видов раскола и сект, — спрятана в самую глубь. Ушла в таинство, в «молитву» — обычное же «церковное общение» так же мелко, так же поверхностно, так же не затрагивает главного.

В церкви, в молитвенном собрании в костёле, в баптистской молельне — всюду, где молятся люди, — они где-то внутри «мистически» объединяются на несколько часов, но душой всё же остаются чужими друг другу, а когда выходят, и вовсе теряют взаимную связь: после молитвы — на улицу, один идёт направо, другой налево.

Если бы в церкви за обедней вы серьёзно вздумали признать вашего соседа, усердно отсчитывающего поклоны, за «брата» — и как к *брату* обратились бы к нему с своей скорбью или нуждой, я уверен, вас приняли бы за сумасшедшего.

Благодаря такому поверхностному общению людей, жизнь наша бесцветна, уродлива, мертва. Ибо все силы души человеческой

так и остаются не выраженными, не воплотившимися. Человек уносит их с собой в гроб.

У нас люди делятся на учительниц, докторов, купцов, адвокатов и т. д., и т. д. Но все эти формы деятельности совершенно не могут дать выхода самой *сущности* человека. Всё это затрагивает неважное и поверхностное в его личности. Современные люди представляют из себя запертые драгоценности, ключ от которых потерян. Сколько теперь людей очень даровитых, чувствующих избыток каких-то смутных сил, которых некуда девать, которые так и не могут найти своего призвания, которым нет места в нашей жизни, ведь не всем же быть писателями, музыкантами, живописцами — для этого нужен специальный талант. Но только искусство сейчас даёт *подобие* выхода внутренним силам человека. И значит, если у кого нет специального художественного дарования, — он обречён всю жизнь находиться в бездействии. Ведь нельзя же проявить себя на службе в акцизе, или на телеграфе, или на железной дороге?

Отсюда может быть только один выход: надо раскрыть человеческую душу, дать ей простор, дать приложение всем силам её.

Эту задачу — *раскрыть человека* — и берёт на себя Церковь будущего.

Сейчас все люди без исключения *сидят в тюрьме*, в четырёх стенах собственного своего тела. Они чувствуют, что какая-то большая, скрытая жизнь просится наружу, но как выйти на свободу, где дверь, не знают. И бьётся, и мучает, и калечит человеческую жизнь. Спасение принесёт Церковь будущего<sup>225</sup>. *Религия свободного человека*.

Случалось ли вам когда-нибудь переживать в церкви сильное молитвенное настроение? И вот, когда после этого уходишь из церкви и видишь, как захлопываются тяжёлые железные двери, — является страстное желание остановить, помешать, не допустить, чтобы церковь закрывалась! Нет, пусть она *всегда* будет *открыта*. В самом буквальном смысле слова. Храм должен быть как бы главой религиозной жизни, Церковь должна расширяться и обнять все человеческие отношения. Всё должно стать *церковным, духовным, общим*, всё должно стать единой душой, единым сердцем. Вся жизнь должна объединиться вокруг храма, и то, что с храмом несовместимо, должно отпасть вовсе.

Бог и молитва должны из «тайны» стать *реальным действительным* и постоянным *началом жизни*. Молитва, то есть особое высшее духовное общение с Божеством, должна стать главным делом жизни. Она должна выражаться не в «песнопениях», а в живой деятельной любви, в постоянном восторге, в глубоких переживаниях каждого человека совместно с другими людьми.

Люди будут свободно сходитья в храм, будут *спешить* в храм, ибо здесь будет сосредотачиваться внутренняя жизнь общины, и здесь каждый в любовном общении с другим будет раскрывать свою душу и будет отдаваться главнейшему *делу* — будет жить.

Человеческая душа — неисчерпаемый источник сил, и как только силы эти найдут себе выход, найдутся и новые формы для их выражения. Явятся новые искусства, новая общественность, новая культура. Всё это обнимет собой Церковь будущего: она будет строиться из драгоценного материала — из живых душ человеческих.

## БУДЕТ ЛИ КОГДА-НИБУДЬ НА ЗЕМЛЕ «РАЙ»

**У** нас любят говорить о «всеобщем счастье», о некотором земном рае, который, видите ли, наступит в более или менее отдалённом будущем.

Об этом «рае» говорят и те, кто верит в него искренно, и те, которые ни во что не верят. Говорят и мечтатели-утописты, и представители «точной науки». Очень многие религиозные мыслители также любят утешать людей приятными картинками будущего — не только их жизни загробной, но и их жизни земной.

Так вот правда ли, что на земле будет когда-нибудь рай? И главное, требуется ли *вера* в этот рай, чтобы по-настоящему утешить страдающее сердце современного человека? Утописты, рисуящие «всеобщее счастье», делают ли дело серьёзное — или занимаются пустяками, ненужным «утешением», вроде того утешения, к которому прибегают, чтобы утешить избалованного ребёнка: «Не плачь, миленький, — конфетку дам?»

Нужна ли эта «конфетка»?

Для христиан во всяком случае *не нужна*.

Религиозное понимание жизни настолько *по-своему* освещает вопрос о «прогессе», что *христианская* мечта о всеобщем счастье была бы положительно *бессмыслицей*.

Обращали ли вы внимание на один поразительный факт: ожидание конца мира достигало в первые века особенной напряжённости в эпохи самых жестоких гонений.

Ведь если бы в христианстве жила мечта о всеобщем счастье, то должно бы быть как раз наоборот: гонимые христиане должны были думать, что *конец ещё очень нескоро*, раз на свете такое количество страданий и зла. Уж какое «всеобщее счастье» в царствование Нерона? Почему же ужас нероновских гонений вызывал такое страстное ощущение близости конца мировой истории?

Уж из одного этого факта можно видеть, что первоначальное, то есть самое чистое, христианство совершенно отвергало идею «земного рая», и признаки «конца мира» видны не в достигнутом людьми «всеобщем счастье», а, напротив, в *ужасе*, в безмерной жестокости, в безобразнейшем пороке.

Несомненно, что современное человечество впитало в плоть и в кровь свою *нерелигиозную идею прогресса*. И отдельные мыслители, и «массы», и даже религиозные люди — все в душе поработаны сознательной и бессознательной идеей, что на земле обязательно будет рай.

Может быть, ни в чём так ярко не выражается безрелигиозность Запада и нашей интеллигенции, как именно в этом безотчётном «уповании» на будущий рай.

На Западе учёные формулировали это безотчётное упование. Создали целое учение о прогрессе, и оно не только у них, но и у нас легло в основу всей современной жизни. Всё, что бы ни делалось, что бы ни писалось, — всё косвенно отправляется от одного и того же пункта: человечество идёт ко всеобщему счастью.

Переоценка всех ценностей, духовный переворот современной жизни должен начаться с коренного изменения взгляда на наше *будущее*.

Для того чтобы жизнь приняла религиозное направление, для того чтобы материальная культура, почти закончившая своё развитие, пошла по новому пути *культуры душ человеческих*, — должно в плоть и в кровь впитаться новое христианское представление о прогрессе, как сейчас впиталось языческое.

Оно всю жизнь перевернёт, все оценки переставит, и, поистине, то, что было справа, будет казаться слева, а то, что слева, станет справа.

Надо раз навсегда на мечте о земном рае поставить крест.

Не будет его. Никогда не будет. И не должно быть. Во имя *высшей правды* не должно быть. Всеобщее благополучие — мысль антихристианская. Ложная и вредная.

Последние дни мировой истории, по пророческому слову Христа, рисуются днями небывалой, невообразимой человеческим разумом скорби. В людях иссякнет любовь; обман, ложь, разврат дойдут до величайшей степени; восстанет народ на народ и царство на царство. Люди будут убивать друг друга, обманывать, насиловать, дойдут до самых последних пределов беззакония. Праведники будут гонимы, будут как в эпохи страшных гонений отдаваться на мученья, только ещё более жестокие, ещё более неистовые. Мерзость и запустение станут на святом месте — вся видимая победа будет на стороне зла<sup>226</sup>.

И несмотря на такую картину *конца*, христианство не отрицает «прогресса», не отрицает победы добра. Напротив, со всей силой его провозглашает.

Идея христианского прогресса не количественная, а качественная.

Не в том смысл мирового прогресса, что люди *постепенно* превратят землю в рай. А в том, что *всё доброе* отделится от *злого*. Не будет никакого «смешения»<sup>227</sup>. Зло разовьётся до последних пределов. И добро разовьётся до последних пределов. А так как зло основывается на материальном начале, то оно будет иметь все «видимые» черты превосходства. Сейчас в мире не совершается «постепенного улучшения», а совершается постепенное *отделение* — одного начала от другого. Это две линии, идущие рядом. Идёт вперёд добро. Идёт вперёд и зло<sup>228</sup>.

Для христиан будущее рисуется как последняя борьба за торжество добра. Христиан, может быть, будет горсть. Но они будут сильнее всего мирового зла.

Если двенадцать апостолов опрокинули зло языческой жизни...

То новые апостолы опрокинут зло всего мира.

Это и будет завершением исторического процесса.

И если мы говорим о великой радостной жизни будущего, то мы имеем в виду не мир, а *Церковь*, то есть тех, кто со Хрис-

том, их внутреннюю церковную жизнь. Но эта новая, гонимая Церковь не будет *по-земному* счастлива. Её ожидает кровавая борьба — великие мучения.

Но ожидает её и великая радость последней, окончательной победы.

## МАСКАРАД

**Н**ичто на свете не исчезает — всё видоизменяется<sup>229</sup>.

Эта истина приложима не только к миру физическому, но в полной мере и к миру психическому, духовному.

Человеческие предрассудки, человеческие заблуждения, проистекающие из основных глубоких начал человеческого духа, не исчезают бесследно, а «преображаются» сообразно с «веком сим»<sup>230</sup>.

Ложь, которая две тысячи лет назад носила одну одежду, в наше время надевает другую, чтобы не быть узнанной, она закрывается маской, приличествующей в «двадцатом веке»; нельзя, в самом деле, в веке аэропланов надеть тот же костюм, что и в веке человеческих жертвоприношений.

Но суть не меняется, ложь истиной не делается, призраки — не исчезают, а только видоизменяются. Из христианского мира вышла ересь о разделении плоти и духа в личности Иисуса Христа. Ересь осудили Соборы, прокляли, «окрестили», — но ложь очень быстро «переделалась» и вошла в нашу жизнь не в форме учения о личности Иисуса Христа, а в форме учения обо *всей жизни*. Мы всю жизнь нашу разделили на «плоть» и «дух», разделение это положили в основу всей цивилизации, не сумели *отвлечённую* истину о *Богочеловеке-Христе* претворить в *реальную* действительность<sup>231</sup>.

Другая ложь вышла из язычества — это ложь многобожия.

«Многобожие» давно уже стало достоянием диких народов. Никто не станет серьёзно говорить об истинности поклонения идолам.

И в то же время, ложь многобожия, переодетая, устраивает наглый маскарад из нашей жизни. Ни один современный человек не молится *одному* Богу, не живёт для *одного* Бога.

У каждого есть бесчисленное количество идолов, которым он поклоняется и служит. Ложь «многобожия» делает из современ-

ного «христианина» человека с «*двоящимися мыслями*», лишает волю его *силы*, дух его — *цельности*. Для того, чтобы наглый маскарад превратить в жизнь, надо, прежде всего, сорвать маски со всех замаскированных предрассудков, и прежде всего — маску со лжи.

## ЧЕЛОВЕК — СЫН БОЖИЙ

**В** предисловии к исследованию 4-х Евангелий Лев Толстой пишет:

«Книга эта была писана мною в период незабвенного для меня восторга сознания того, что христианское учение, выраженное в Евангелиях, не есть то странное, мучившее меня своими противоречиями, учение, которое преподаётся церковью, а есть ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека»<sup>232</sup>.

Лев Толстой испытывал *восторг*, потому что перед ним раскрывалось *новое* понимание жизни, дававшее этой жизни и смысл, и содержание.

Всякий современный человек, живущий высшими интересами, должен находиться в постоянном состоянии такого же *восторга*. Ибо со всей ясностью уже определилось, что *старое* осталось позади. Мы прошли его. Старое понимание жизни, старая мораль, старые идеи, старая общественность, старое искусство. *Старая психика человечества*.

Всё позади. И хотя по-прежнему «стоит перед глазами», но уже *кончилось*. Пережито.

И *новое* чувствуется с такой покоряющей силой, что действительно иногда охватывает радость, граничащая с восторгом.

И хочет, чтобы то грядущее наступило как можно скорей. Должно бы. Только бы дожить. Уже видишь главнейшие черты этого нового. Того храма, в который войдут *все творческие силы жизни*.

Я верю всеми силами сердца своего, что обновление миру даст новая религия *свободного* человека.

Она провозгласит *новое жизненное начало*. Если хотите, забытое, непонятое, извращённое, но, во всяком случае, никак не *изжитое* человечеством.



Она провозгласит *человека* — сыном *Божиим*.

Люди испугались божественного своего достоинства. Отреклись от него. Это отречение — хула на Духа Святого. Величайший грех, за который земля заплатила одичанием и безумием. Ибо, как безумные, люди жизнь превратили в ад. Спутали все понятия. Выродились в зверей, воображая, что идут куда-то по пути совершенства.

Кто виновники?

Ложное *христианство* и ложное *безбожие*.

*Человек* — сын *Божий*. Безбожие отсеклось от *Божества*, христианство — от *человека*. Безбожие задушило *божественность* и создало мёртвую, механическую культуру. Христианство задушило *человека* — и создало мёртвую «духовность».

Теперь наступает время, когда эти два слова должны слиться воедино. *Человек*, как блудный сын, должен вернуться к *Отцу* своему. Принять от него божественное достоинство, отвергнутое им. Это будет раскрепощением человечества от рабства лжи христианской и лжи безбожия<sup>233</sup>.

Небо и Земля, в соединении которых весь смысл мирового процесса, — будут соединены в *человеческой личности*, как только она по-настоящему положит себя в основу всего<sup>234</sup>. Ибо личность и есть самое полное, самое реальное, самое несомненное соединение Земли и Неба, не как двух противоположностей, а как высшей гармонии. Как *прах*, в который вдунут дух *Божий*, как *сын земли*, ставший *сыном Божиим*.

До сих пор «индивидуализм» заключался не только в отречении от «толпы», но и от *Божества* своего. То есть от *самого себя*.

Потому и кончался самоуничтожением.

Он воздвигался во имя «сильной «личности», но кончался полнейшим бессилием и безумием. Индивидуализм религиозный до сих пор (отшельничество) провозглашал удаление в пустыню во имя отречения от *человека*. То есть от *самого себя*. И потому кончался, если можно так выразиться, «духовным безумием».

Новый индивидуализм «свободного человека», индивидуализм сынов *Божиих*, будет провозглашён во имя личности во всём её объёме, без отречения от своей божественности или своей человечности, и потому даст несокрушимую основу жизни.

Это перевернёт всё, все понятия<sup>235</sup>. И прежде всего — *мораль* и *общественность*.

## НАУЧИТЕСЬ ЛЮБИТЬ СЕБЯ

Христос дал миру новую заповедь: «люби ближнего твоего, как самого себя»<sup>236</sup>.

Это было целое *откровение*. Перед человечеством открывался совершенно новый путь моральной жизни.

Но очень скоро люди решили, что заповедь эта *неосуществима*. И превратили свою жизнь в нелепую смесь полужычества, полухристианства<sup>237</sup>.

Они спросили себя: «Можно ли так же заботиться о еде, о питье, об одежде, о жилище своего ближнего, как о своём собственном?»

И ответили: «Это невозможно».

Но как же быть? А очень просто: устраиваться в своих квартирах, для «ближних» открыть благотворительные учреждения, заповедь о любви отнести к далёким будущим временам, к которым мы придвигаемся путём медленного «прогресса» и который завершится всеобщим земным раем. И сытно, и на душе хорошо, и о будущем подумать приятно!

Почему же произошло такое странное извращение христианства?

Потому что мир не вместил всей полноты истины. Заповедь о любви к ближнему имеет смысл только тогда, когда будет понято *откровение о свободной человеческой личности*.

Для того чтобы полюбить ближнего, *как самого себя*, надо научиться *любить себя*<sup>238</sup>.

Мы очень любим наших деток, иногда жён, мы любим хорошие, тёплые квартиры, вкусные кушанья и старое вино. Но *себя* мы совершенно не любим. Подменяем любовь к *себе* любовью к шампанскому и красивым женщинам. Но любовь к себе *есть любовь человека к Богу*<sup>239</sup>. А любовь усладить себя есть любовь человека к идолам. И потому *настоящая* любовь к себе есть необходимая основа морали, достойной человека — сына Божия.

Что же значит любить себя?

Ведь в любви всегда должно быть *двое*. Один, *который* любит (субъект), и другой, *которого* любят (объект). Как же можно любить самого себя? Как же можно в себе совмещать *два лица*? Быть в одно и то же время и субъектом, и объектом?

В человеке и есть *два начала*: человеческое и Божеское. Соединение двух этих начал даёт цельную *личность* — сына Божия.

Божественное начало (любовь) должно обратиться *на себя*, на человека в себе. *Надо полюбить в себе человека до конца*. Это будет соединением в одно целое двух начал: Божеского и человеческого. Это будет создание настоящей свободной *личности*. Полюбить себя, воистину полюбить в себе человека — это значит стать *богочеловеком, сыном Божиим*<sup>240</sup>.

Любить ближнего, *как самого себя*, не только не «невозможно», а, напротив, — иначе нельзя, для всякого, кто полюбит себя по-настоящему.

В основу новой морали должна быть положена свободная человеческая личность, но она может создаться только при полной любви к себе. А потому в основу этой морали будет положена *любовь к себе*.

Этим решится бесконечный спор между «эгоизмом» и «альтруизмом».

*Эгоизм христианский* — не только не противоположен альтруизму, но *обязательно* должен ему предшествовать. Ибо полюбить ближнего можно, только полюбив себя, то есть соединив в себе Бога и человека в одно целое<sup>241</sup>.

*Эгоизм же нехристианский*, вот тот самый эгоизм, который противоположен альтруизму, не есть в собственном смысле «эгоизм» — это есть «животизм», к понятию «личности», к понятию «я» никакого отношения не имеющий.

Если человек *любит себя* (эгоизм) так, что это противоположно его любви к ближнему, то это значит, что он любит свой живот или иную часть тела, — но вовсе не *себя*, не свою *личность*, не человека.

«Животизм», царствующий в нашей жизни и на зло подменивший собой «эгоизм», превращает человека в животного. Любовь к себе, напротив, — один из труднейших подвигов, это есть создание настоящего человека.

*Полюбите себя!* — вот новая заповедь, которая теперь должна быть обращена к миру.

В ней спасение людей от бессмысленной, тупой современной жизни. Она подымет на достойную высоту человеческую личность. Из праха вознесёт его на тот царственный престол, который он должен занимать по праву. Она вернёт ему божественное

достоинство, даст ему неисчерпаемые творческие силы для обновления мира<sup>242</sup>.

Не смешивайте эгоизм, о котором я говорю, с «эгоизмом», который обычно разумеют под этим словом<sup>243</sup>, и не упрекайте меня в том, что я проповедую «безнравственные» вещи<sup>244</sup>.

«Животизм» даётся без всяких усилий, это есть животная, естественная потребность. Любовь к себе есть труднейший и необходимейший подвиг. Ибо для этого именно и надо освободить себя прежде всего от «животизма»<sup>245</sup>. Надо освободить свою волю, своё сердце, свою душу от всех пут, от всей мерзости, делающих её бессильной, — надо путём колоссальных нравственных усилий увидеть в себе человека и *тогда уже* полюбить его.

Для жизни последствия отсюда неисчислимы.

Это будет вторым воскресением. Люди, заколотившие души свои в гроба, — сломают их. Жалкий *раб* — станет *человеком*.

---

Р. С. Во избежание недоразумений, я должен сделать одну важную оговорку. Рассуждениями моими о людях — сынах Божиих — я совершенно не решаю вопроса об Иисусе Христе. Учение о Божестве Иисуса Христа нуждается в особом изложении.

## ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Когда Христа спросили, почему его ученики не «постятся», он ответил, что не постятся они потому, что сейчас с ними «Жених», а когда не будет Его, будут поститься<sup>246</sup>.

Смысл тот:

Радость непосредственного общения с Сыном Божиим так велика, что нет места печали.

Но когда люди убьют, распнут своего Бога, — будут дни, специально посвящённые религиозной скорби.

Церковное христианство, замкнувшее «религию» в высокие церковные стены, отгородившее религию от жизни<sup>247</sup>, невольно извратило жизненный смысл всех основных христианских заветов<sup>248</sup>.

В жизнь вошли они бессильные, сила их, окаменевшая, осталась в золочёных храмах, а жизнь переработала их по-своему, переделала на свой лад.

В храме праздник. Поют радостные песнопения, служат молебны, надевают блестящие ризы.

В жизни праздничное пьянство — безделье, ругань, разухабистые песни, «гармоника».

В храме пост. Поют покаянные молитвы, скорбные церковные напевы — всё одето в торжественный религиозный траур.

В жизни — постные пироги, селянка с осетриной, постное масло, постные лица.

Жизнь, оторванная от религии, извратила «праздник», «радость», не поняла и не приняла её<sup>249</sup>. Извратив радость — она извратила и скорбь: дни «великого поста».

Пост — это дни, посвящённые воспоминаниям того, что было скорбного в жизни Иисуса, Божьей Матери или святых<sup>250</sup>.

Точно так же, как «праздники», есть дни, посвящённые воспоминаниям радостного в их жизни.

Для нашей «психики», для нашей души — это две стороны одного целого.

Голгофа невозможна без Воскресения. И Воскресение невозможно без Голгофы.

«Пост» не есть «житейская скорбь» — это скорбь религиозная, в которую уже заложена радость «победы». Если бы «пост» из храма перешёл в жизнь, он выразился бы не селянкой с осетриной, а полным перерождением всего нашего душевного строя<sup>251</sup>. Человек мысленно, в психике своей переживал бы весь крестный путь своего Бога, восходил бы с ним на Голгофу, вся мировая трагедия, пережитая Христом, переживалась бы нами до ран гвоздных, до последнего вздоха, до последней черты. И тогда, пережив эту скорбь, этот «пост», — мы имели бы право и на радостную весть:

Христос воскрес!

Мы выходили бы сами очищенными, «воскрешёнными». Мы «разговлялись» бы как люди, которые не могли принимать еду от неустанной душевной боли, и вот теперь, когда «всё прошло», могут с радостью вкушать пищу.

«Великий пост» у нас превращён в мёртвый обряд, и мы почти забыли его великий внутренний смысл, его живую религиозную правду. И потому надо как можно чаще друг другу напоминать о ней.

## КТО СПАСЁТСЯ?

(Отрывок из введения к «Религии свободного человека»)

**П**редставьте себе такой спор:

*Магометанин.* Пророк завещал мечом покорять неверных. Такова воля Аллаха.

*Буддист.* Насилие — зло. Борьба — зло. Пусть жизнь течёт по своим законам. Ты-то уйди от всего. Соединяйся с единым Духом.

*Православный.* Не мечом бороться надо, а любовью. И врагов любить надо — такова заповедь сына Божия.

*Магометанин.* Ни один из вас не спасётся: я один спасусь.

*Буддист.* Ни один из вас не спасётся: я один спасусь.

*Православный.* Ни один из вас не спасётся: я один спасусь.

И вот к этим спорящим людям пришёл бы Господь и сказал: — Я открою вам будущее: все трое спасётесь вы, потому что все трое исполняли заповеди своей веры...

Как вы думаете, возможен ли был дальнейший спор?

И магометанин, и буддист, и православный, узнав *главное*, братски обнялись бы, и кончилось бы их разделение, и каждый пошёл бы жить как *свободный* человек, не порабащивший свою душу *отрицанием всех остальных верований*.

Признание *всех* — есть первая ступень к свободе.

Но возможно ли такое «признание»? Не есть ли это «духовный нигилизм»? Не есть ли это «свобода» от всяких «принципов», от всяких законов, то есть, в конечном счёте, полнейшее «*ничто*»?

Никогда! Сознание того, о чём сейчас говорю, не есть «нигилизм», — это есть необходимое условие *полноты жизни*. Ибо, *отрицая* других, делаю их «мёртвыми», и только «признав», делаю соучастниками *общей жизни*.

Какое же миропонимание даёт основание для такого всеобщего признания?

Я называю его: *религией свободного человека*.

Конечной цели бытия всего мира, всей вселенной я *не знаю*, как не может знать «часть» назначения «целого». Такое незнание не огорчает меня, а радует, как внутреннее свидетельство, что «я» не есть «всё». Ведь «знание» цели есть результат самопознания, и потому совершенно очевидно, что знание конечной цели *всего* может быть результатом только самопознания *всего*. Мне же, как части целого,

эта конечная цель «всего» может быть открыта только постольку, поскольку это внутренне необходимо для связи моей с «целым». И вот каждый сознаёт как непреложную истину и основу своего существования, что в общем потоке жизни он занимает некоторое *определённое место*, имеет некоторое определённое назначение.

Какой смысл будет иметь моя жизнь для общей мировой жизни, я не знаю, но я знаю, что выполню своё назначение, выявив в период своего земного существования *все* душевные свои силы.

Другими словами: я *должен довести до полного развития свою личность*, это мой единственный долг перед жизнью, это то единственное, что я *знаю*. И если я выполню это — всё будет хорошо.

Представьте себе: строится здание, я знаю, что я один из кирпичей этого здания, — моя цель *найти своё место*; для этого я должен стать таким, как это мне свойственно, найти себя, свою личность — и тогда сейчас же я найду и то место, которое в здании мне предназначено.

В здании камни разные, требуются всевозможные материалы для постройки — потому и люди разные.

Все идейные, религиозные и всякие иные различия есть не что иное, как разные формы для создания различных индивидуальностей.

В основу всего должен быть положен только один закон, выраженный апостолом так: «Всё, что не по вере, грех» (Рим. 14, 23).

Или другими словами: всё, что *по вере, не грех*.

*Вера* — это тот психический показатель, который даёт знать человеку, служит ли данный путь его жизни к выявлению и развитию его личности.

Магометанин *по вере*, буддист *по вере*, христианин *по вере* — имеют *общим* то, что тот, другой и третий выражают вполне данную свою личность, и потому *вполне* выполняют то жизненное назначение, которое им предназначено.

«Истинно» в магометанине не его «магометанство», а его *вера*, то есть то состояние его духа, которое свидетельствует о полном, доступном для него в данный исторический момент, выражении его личности.

Хаджи-Мурат — не может быть христианином. И Сергей Радонежский не может быть магометанином. Но и тот и другой *по-своему* выполняют общемировое назначение, поскольку выражают свою *личность*.

Я знаю, на это скажут:

— Но тогда можно сделать всякую гадость и объяснять, что это «по вере».

Скажу на это: и прикрываясь христианством, можно гадостей делать сколько угодно. Мы говорим не о «злоупотреблении» той или иной теорией. И речь не о том, что, «прикрываясь» тем, что будто бы делаешь «по вере», можно устраивать мерзости, но о том, чтобы это было *в действительности верой*. И тогда: да, всё сделанное человеком по вере — как выражающее *личность* его — будет *правдой*.

Необходимо заметить ещё следующее:

Рассматривая мировую жизнь как «строительство», надо различать отдельные «периоды» работы.

Вот почему я настойчиво подчёркиваю, что «вера» магометанина и буддиста одинаково истинна, поскольку она выражает *личность в данный момент* мирового развития.

Но есть некоторые общие *основы* человеческой личности, требующие общечеловеческих усилий для своего обнаружения, — существует некоторая, скажем, *абсолютная* личность, которая, если бы она была выражена у всех людей, обусловила бы собой *единую религию*, которая, давая простор для выражения индивидуальных различий, объединяла бы всех, потому что выражала бы основные начала *всех людей*.

Эта оговорка необходима, чтобы опровергнуть самое сильное возражение:

— Если всякая вера хороша, то не надо стремиться к высшему.

Стремление к высшему будет заключаться в стремлении всё полней и совершенней выразить свою личность. По мере достижения большей полноты для выражения личности будет изменяться и религия. И так будет до тех пор, покауда часть людей не раскроют личность свою до абсолютной полноты и тем не создадут абсолютной религии.

А покауда «спасётся» не тот, кто верит в Талмуд, в Будду или в Магомета, а тот, кто «верит», кто всеми наличными силами своими выражает личность свою в магометанстве, или в буддизме, или в иудействе <sup>252</sup>.

Зачем же, спросят тогда, *религия свободного человека*? Вот в том-то и дело, что, по моему глубокому убеждению, в христианстве дано откровение *абсолютной религии*. Той всечелове-



ской религии, которая может служить *для выражения абсолютной личности*.

Католицизм, лютеранство, православие и все бесконечные их секты — всё это такие же отдельные «исповедания», как и магометанство, и иудейство, и буддизм, такие же «веры», способные служить выражением личности лишь для большей или меньшей группы людей. То, что они не «всечеловечны», можно видеть из того, что в основу свою каждая из них кладёт *отрицание других*.

Излагая свою «религию свободного человека», я хочу показать такую религию, такое понимание христианства, которое может служить выражением абсолютных начал человеческой личности.

Этим я не отрицаю всех остальных *верований*. Напротив, я начинаю с утверждения их подлинной *святости*, но центр тяжести при оценке их переносу с «объективной истины» на субъективное переживание<sup>253</sup>.

Прежде всего — *вера*. Прежде всего — *личность*.

## ОСНОВНОЕ НАЧАЛО «РЕЛИГИИ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Всё мне позволительно,  
но ничто не должно обладать мною.

1 Кор. 6, 12

**Р**елигия *заповедей* — младенческая религия «*ветхого*» завета.

Не сотвори себе кумира. Не говори зря о Боге. Не лги. Почитай родителей. Не воруй. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не завидуй.

Всё это правила для *детей*, чтобы они научились быть *людьми* — христианами<sup>254</sup>.

Каждый человек проходит все этапы не только физического развития от клеточки до полного организма, но и духовного — от греха Адама до воскресения из мёртвых. Проходит и детский ветхозаветный возраст. Потому Христос и не отверг детских религиозных правил, выраженных в заповедях Моисея.

Но он дал детям и новое откровение:

*О свободном человеке.*

Он сказал не только о том, каков *путь*, чтобы стать человеком (заповеди), но и каков *человек*, до которого приводит этот путь (Сын Божий).

Христианство не есть религия заповедей, это — религия окончательного и абсолютного *перерождения*, это — религия *человека*, ставшего *свободным*<sup>255</sup>.

«*Всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною*».

Вот основной и краеугольный камень, на который впервые встаёт взрослый человек, вышедший из детского возраста.

Уже нет:

Не сотвори себе кумира. Не говори зря о Боге. Не лги. Почитай родителей. Не воруй. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не завидуй.

Уже нет этих *правил* — не потому, что можно воровать, убивать и прелюбодействовать, — а потому, что *не в этом дело*. Потому что это «пелёнки», а у взрослого мужа *другие задачи, другие пути, другая жизнь*.

«Пелёнки» сами по себе ни плохи, ни хороши, они *нужны*. И заповеди: не воруй, не убивай, не прелюбодействуй — *нужны* в известный возраст *человека и человечества*. Для взрослого же они ни плохи и ни хороши — а *не нужны*, как не нужно взрослому пеленать рук и ног.

Взрослый в духовном отношении человек становится *свободным*. *Свободному человеку* всё позволительно, но ничто не должно обладать им.

И если ребёнок, испуганный таким произволом, спросит:

— Значит, и воровать, и убивать можно?

Взрослый человек должен успокоить испуганного ребёнка:

— Нет-нет, убивать не надо. *Но когда будешь большой — всё узнаешь*.

Ребёнку не понять всей наивности своего вопроса. Не понять потому, что только *взрослый* человек может понять человеческую *свободу*.

Человечество избрало два взаимно противоположных пути для достижения свободы: аскетический и языческий, думая, что так будет *скорее*. Так думал каждый отдельный человек, думало и всё человечество.

Аскетизм решил добиться свободы, умертвив поработавшую дух плоть. Но это была *междоусобная война*. Борьба себя — против себя же.

Аскетизм рассуждал так: *личность* находится в плену у страстей, страсти живут в теле, буду умерщвлять тело, это обуздает страсти, и дух мой станет *свободен*.

Задача в корне своём нелепая, потому что неосуществимая. Тело нельзя *уничтожить*, значит, и страсти нельзя *уничтожить*. А потому и свободы достигнуть *невозможно*. Предел — смерть. И действительно, аскетизм в смерти стал видеть единственный путь к окончательной свободе.

Таким образом, «умерщвление тела» — при жизни давало призрачную свободу, тонкий самообман, подделку подлинной свободы Христовой. Это была не *свобода человеческой личности*, а *бегство* от самого себя *без оглядки*. Человек старался «не оглядываться» на «страсти» свои, старался смотреть «прямо перед собой» — и ему *иногда* казалось, что он «убежал» окончательно, что сзади никого нет, что он, наконец, *свободен*. Но ложь мстила за себя, и девятидесятилетним старцам являлись в пещеру обнажённые женщины и мучили святых Антониев так же, как и юношей в расцвете сил. Очевидно, и в девятидесяти лет старец не мог бы сказать: «всё мне позволительно». И это не потому, что он плохо боролся и «тихо бежал», — а потому, что то, от чего он бежал, *бежало вместе с ним*.

Аскетическое начало породило нашу «духовную культуру».

Культуру внешнюю, механическую — ту, которой живёт большинство людей, породило другое основное направление — языческое.

Здесь тоже стремление к свободе. Но здесь её хотят достигнуть ещё проще, ещё скорее. Потребность тела, «наслаждение жизнью» провозглашается *законной* потребностью человеческой личности: *делай, что нравится*, — и будешь свободен. Такое решение вопроса очень похоже на свободу. И главное, так изумительно легко осуществимо: воистину какая-то «мораль для всех». Но здесь лжи ещё больше, чем в аскетизме, и свободы ещё меньше, чем у Антония. Плоть оказывается *ненасытимой*. Она не ограничивается никакими «подачками», никакими жертвоприношениями. Она всё тучнеет, делается всё требовательнее, и думать, что когда-нибудь можно её «насытить» и стать свободным — мысль *безумная*. Человек мало-помалу отдаёт свой дух в *рабство* своей плоти, становится не свободным, а *рабом*. Да, ему «кажется», что он делает, «что хочет», — но ведь и алкоголику «кажется», что

он пьёт по своей свободной воле, и только со стороны видно, что он раб своей страсти. Человек, отдавшийся *свободно* своим страстям, не может сказать: «Всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною».

И потому он не может быть назван свободным человеком.

Таким образом, ни аскетическое, ни языческое решение вопроса не даёт выхода.

Где же надо искать его?

## ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА «РЕЛИГИИ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА»

(Смысл жизни)

**В** чём же выход?

В каком направлении лежит тот путь, который может осмыслить человеческую жизнь и дать ей новое содержание?

Наиболее глубоким увлечением последнего времени, безусловно, является увлечение «аморализмом» — отрицанием нравственности как самостоятельной и безусловной нормы жизни. Целый ряд идейных течений с разных точек зрения отрицали «безусловную мораль». Теория из учёных трактатов перешла *на улицу*, в публику и оказала могущественное влияние на нашу современную духовную жизнь.

Понадобилось «оправдание Добра».

Но на этом не остановились. Мораль слишком тесно связана с жизнью, *отрицание морали* влечёт за собой — как внутренне неизбежный процесс — *отрицание жизни*. И мы, по-видимому, действительно вступаем в страшную полосу самоубийств, в которой лишение себя жизни является не «отдельным случаем», а *основой общественной психологии*, — понимая под «самоубийством» не только прекращение физического существования, а всю сумму душевных переживаний человека. Многие «самоубийцы» живут, не делая того *механического* шага, который бы прекратил их физическое бытие: не берут револьвер, не покупают уксусной эссенции, — но душа их, вся внутренняя жизнь их, всё их мироощущение — *мёртвое*, умерщвлённое ими самими.

Вот почему более чем своевременно появление теперь *оправдания жизни*.

Нельзя, разумеется, сделать это в небольшой статье, но принятый мною большой труд, под заглавием «Религия свободного человека», в основе своей и будет иметь *всестороннее оправдание жизни*. Здесь же, говоря о «*выходе*», который может дать смысл человеческой жизни, я буду говорить только об одной основной черте.

Я должен оговориться:

Отрицание заповедей, или, точнее, признание их за форму младенческой жизни человечества, и «отрицание морали» — совершенно не одно и то же.

Первое отрицает их как *недостаточное*. Второе отрицает их как *ненужное*.

Отрицать мораль — это значит проповедовать неизбежное духовное самоубийство, это не может быть выходом ни для отдельного человека, ни для целого человечества.

Проповедь духовной смерти не может оправдать жизни.

Но признать мораль «детством», провозгласить некоторую *большую полноту*, в которую мораль входит, как часть в целое, — это значит указать новые пути, более достойные взрослого человека. Это значит призывать к высшей форме жизни.

Во главу угла всего религиозного миропонимания должно быть положено:

*Творческое раскрытие человеческой личности.*

Для того чтобы правильно понять, что это обозначает, почему это может дать смысл жизни и почему должно произвести коренной переворот в наших религиозных понятиях, надо начать издалека, — с рассмотрения того, что мы имеем *сейчас* в нашем детском религиозном сознании.

---

Общее и самое основное религиозное начало всех современных верований — противопоставление *себя высшему началу*. Я и Бог — и между мной и Богом *зависимое* отношение. Церкви всех толков приучили нас к *внешнему* отношению с Божеством, отсюда и в области морали *внешние* рамки. Даже величайшие аскеты-созерцатели в своей религиозной психике носили это скрытое *противопоставление* «человеческой личности» и Божества.

В православии этот центральный нерв всех религиозных систем выразился с поразительной ясностью в понимании Голгофы — искупления мира. В душе каждого истинно-православного

звучат такие слова: «Принеси все свои грехи, все свои страдания к подножию креста Господня, и ты уйдёшь успокоенный, потому что Спаситель уплатил за тебя твой долг, по бесконечной любви к тебе».

*Сваливание* всего на голгофский крест Христов — это высшее проявление *отказа от своей личности*<sup>256</sup>.

Ребёнок не может ходить без поддержки. И вот, отдавая всё, даже грехи и горе своё, взваливая всё на *взрослого*, на Богочеловека, — люди-дети стали возводить эту слабость в принцип, в религиозное правило<sup>257</sup>.

Такое отношение создало то, что человек попал в положение *ищущего* Бога, но *не имеющего* Его. То есть в положение ребёнка, который *просит*. По этому поводу один очень глубокий человек писал мне: «Новый завет возглашает, что Бог дал человеку сознание Божия бытия, но не дал средств познать бытие Его. Будто бы человек поставлен Танталом жаждать Бога и не получать Его иначе, как насмешливо случайно».

70 лет (жизнь человеческая) человек стоит с протянутой рукой, выпрашивая хотя соринку откровения, аскетствуя и непрестанно молясь, и он не получает ничего и за 70 лет неудачного аскетизма идёт в ад на вечность, т. е. на миллионы миллионов лет.

«Выпрашивание» откровения есть результат детского состояния. Для того чтобы человечество могло «взять» откровение, оно должно *встать* и *идти*, как взрослый, а не *ползти*, как ребёнок. Для того чтобы не стоять с протянутой рукой, надо сознать себя *личностью*, и только тогда получишь то, что нельзя дать «маленькому», потому что ему ещё *рано*.

Должен сказать ещё: громадное значение Льва Толстого в том и состоит, что он с колоссальной силой, вопреки стремлений и языческого, и христианского направления к внешнему, призывал к Царствию Божию *внутри* нас, — этим он не открывал что-либо «новое»<sup>258</sup>, но напоминал людям, что пора им становиться *взрослыми*.

Но Толстой указал лишь самое общее направление пути. В остальном же он шёл также по старому руслу отказа от себя, дойдя здесь до самого крайнего предела — до полного отказа от своей личности как самостоятельной и самобытной единицы. Потому и «заповеди» (т. е. *внешняя мораль*) оставались для него в силе.

Сознание себя взрослым должно начаться с сознания себя сыном Божиим.

Когда ребёнку говорят: пора тебе ходить одному, ты не маленький, — ребёнок пугается, оглядывается по сторонам и отвечает: страшно... как же это я?

Не бойтесь. Людям слишком долго твердили, что они совсем ещё малые дети, что они Бога недостойные *рабы*, что они грешники, слабые немощные дети, которые должны всю тяжесть свою взваливать на Христовы плечи, — так долго твердили о всём этом, что слова «вы *взрослые*, вы *сыны Божии*» звучат почти кощунством<sup>259</sup>.

А между тем, не Бог ли сказал человечеству, устами лучших своих людей, что в каждом должны быть *те же чувствования*, что и во Христе Иисусе!<sup>81</sup>

Признание себя не чем-то «зависимым», «маленьким», а сыном Божиим сразу выдвигает человеческую личность на то высокое, *центральное* место, которое она *должна* занять по праву своего божественного достоинства.

Теперь уже важным является не уметь быть *послушным* и «нравственным». Теперь этого *мало*. Надо стать *богочеловеком*. До сих пор люди, определяя свою жизнь *извне*, давали себе *ограниченный* круг для выражения своей личности.

Теперь же, сознав себя сынами Божьими, они должны поставить себе задачей полное выражение божественного своего начала. Содержание Божества безгранично, и содержание человеческой личности так же безгранично.

Выражение этого содержания я и называю: *творческим раскрытием человеческой личности*. В этом и заключается *смысл жизни*.

Я убеждён, что такое понимание может осмыслить человеческую жизнь как для людей верующих, так и для неверующих, — хотя, разумеется, по-разному.

Неверующий должен рассуждать так:

Для чего создана вселенная, я *не знаю*, чем кончится мировой процесс, я *не знаю*, — но я *несомненно* знаю, что смысл *моей* жизни, моего земного существования — для чего бы в общем мировом процессе не предназначался, — может быть только в одном: стать *вполне* человеком, раскрыть содержание всей своей личности.

Верующий человек будет рассуждать иначе, он скажет:

Спрашивать о *смысле* чего-нибудь можно только тогда, когда то, о чём спрашиваешь, имеет *конец*. *Смысл* даёт тогда то, что наступает *потом*, после этого конца. Бесконечное же имеет смысл *само в себе*. Значит, можно спрашивать о смысле не *вечной* жизни, которая сама есть и смысл, и оправдание, а только о смысле *конечной* земной жизни. Смысл её лежит в творческом раскрытии моей божественной личности. Потому что то единое вечное здание, которое будет создаваться в мире нетленном, должно слагаться из *цельных*, а не расколотых камней. Здание это не может быть окончено, пока *вся тварь* не услышит Евангелия (благой вести) о спасении, т. е. пока вся материя не станет новой и нетленной, — а это будет тогда, когда человечество станет богочеловечеством, а люди — сынами Божиими.

Потому все, кто хочет жить для вечности, для храма нетленного, должны от детства перейти к мужеству, от отречения и унижения себя — до сознания божественного своего достоинства.

---

Какие же религиозные последствия от такого миропонимания? Они неисчислимы, но прежде всего коснутся морали:

Мораль переносится в новую плоскость. По-новому понимается «грех».

Вопросы: можно ли красть, прелюбодействовать, убивать, лгать, — теряют свой смысл.

*Надо думать не об этом.*

Эти вопросы решаются *сами и по-своему*, коль скоро будет *решено главное*<sup>260</sup>.

Искупление и Голгофа уже не являются *чужим делом* — все становятся участниками искупления, все восходят на лобное место, все *освобождают землю*<sup>261</sup>.

Отсюда получает особый смысл учение об *общей ответственности*<sup>262</sup>. По-новому решается и вопрос о *плоти* — о соединении «земли и неба».

Но всё это не относится непосредственно к теме настоящей статьи.

Скажу только, что всё будущее земли рисуется в совершенно новых формах.

Черты языческие и аскетические должны совершенно исчезнуть с лица человечества. А вместе с тем, должны исчезнуть и те безобразные «рубцы», которые превращают божественный



образ человечества в страшный образ зверя. Об этой новой жизни можно не только «мечтать» — её можно *провидеть*. Её нельзя называть «фантастической сказкой» — ибо это есть неизбежная правда, которая утверждается религиозным *сознанием*, религиозной *верой* и религиозной *совестью*.

## О СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА

**П**о мнению громадного большинства современных людей, способ стать свободным чрезвычайно прост: *надо делать то, что хочется*.

Вот и свобода!..

Так живут почти все. Одни тайно, другие явно. Одни гордо поднимают голову, другие трусливо прячут хвост. Одни говорят: так должно, другие — так приятно.

Казалось бы, какое громадное количество свободных людей должно было бы быть на свете!

А на самом деле, как раз наоборот. Никаких «свободных людей» у нас нет. И что ни час, то их меньше. Люди превращаются в жалких рабов. Тем более жалких, что они даже потеряли способность чувствовать своё рабство.

Сами заковали себя в уродливые, чудовищные цепи и, задыхаясь в них, кричат, как иступлённые:

— Смотрите, мы, наконец, свободны!..

Раб не только тот, кто закован в цепи железные, есть цепи гораздо более крепкие и ещё более рабские<sup>263</sup>.

И алкоголик, отравляющий себя водкой, пьёт потому, что ему «хочется», — но неужели можно назвать его свободным? И человек, погибающий в разврате, считает себя свободным, но сколько бы он ни говорил, что он развратничает потому, что «так хочет», — мы ему не поверим.

Он раб своей похоти, пресмыкающийся, отравленный, бесильный раб.

Человек, делающий всё напоказ, из самолюбия, из тщеславия, из желания быть «признанным», — раб.

Наслаждающийся чувством власти — раб.

Боящийся смерти — раб.

И много, много видов рабства — всех не перечтёшь.

Пусть цепи скованы из вожделения, гордости, трусости, себялюбия, пусть они — невидимые цепи, — всё же они сковывают человека по рукам и по ногам и делают рабом<sup>264</sup>.

И как бы человеку ни казалось, что он делает всё «по своему желанию», — если бы у него открылись духовные очи, он с ужасом увидел бы, что к нему со всех сторон присосались отвратительные чудовища и он рабски повинуетя им.

Но было бы страшной ошибкой думать, что *освободить человека* может исполнение заповедей. Опять-таки нет. Можно исполнить все заповеди — и остаться рабом.

Христианские заповеди взяты целиком из Ветхого Завета, кроме того, они есть почти во всех восточных вероисповеданиях. И не в том заключалось Голгофское дело Христово на земле, что Он повторил не раз сказанное раньше. Христос пришёл дать людям новую жизнь, а вовсе не для того, чтобы повторить старые правила нравственности.

Христианство не есть религия заповедей — это религия окончательного перерождения. Христос даровал людям свободу потому, что принёс им благую весть о том, что человек — сын Божий. Стать свободным — это и значит стать сыном Божиим<sup>265</sup>.

Вопросы: можно ли красть, прелюбодействовать, убивать, лгать — теряют всякий смысл.

Надо думать не об этом. Эти вопросы решаются сами и по-своему, коль скоро будет решено главное. Задача человека — сознать себя сыном Божиим. И сознав себя таким, стремиться стать сыном Божиим, то есть вполне и до конца раскрыть свою личность<sup>266</sup>.

Людям слишком долго твердили, что они совсем ещё малые дети, что они Бога недостойные рабы, что они грешники, слабые, немощные, что они должны всю тяжесть свою взваливать на Христовы плечи, — так долго твердили о всём этом, что слова «вы взрослые, вы сыны Божии» звучат почти кощунством.

А между тем, не Бог ли сказал человечеству, устами лучших своих людей, что в каждом должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе!

Признание себя не чем-то «зависимым», «маленьким», а сыном Божиим сразу выдвигает человеческую личность на то высокое, центральное место, которое она должна занять по праву своего божественного достоинства.

Теперь уже важным является не меньше быть послушным и «нравственным». Теперь этого мало. Надо стать богочеловеком. До сих пор люди определяли свою жизнь извне, давали себе тесный, маленький круг для выражения своей личности.

Теперь же, сознав себя сынами Божьими, они должны поставить себе задачей полное выражение божественного начала, заключённого в каждом человеке. Это даёт беспредельный простор духовной жизни человека, ибо содержание Божества безгранично, и содержание человеческой личности так же безгранично.

Выражение этого божественного содержания условимся называть: *творческим раскрытием человеческой личности*.

Итак, свободный человек не есть ветхозаветный, подзаконный человек, подпирающий себя со всех сторон палками «в виде всевозможных заповедей». Но это не есть и разнузданный современный человек, который отрицает заповеди, чтобы дать простор своим желаньям, и который, сбросив рабские цепи заповедей, надевает на себя ещё более рабские узы своих страстей.

Свободный человек — это «свыше родившийся», это новое существо, прикоснувшееся к источнику воды живой, сознавшее себя *богочеловеком*<sup>267</sup>. Для свободного человека Бог не есть *Бог морали*, Бог заповедей, Бог внешних правил — это есть *Бог бытия*, Бог жизни. Свободный человек порывает навсегда с ветхозаветным подзаконием; ставит перед собой совсем другие духовные задачи, устремляется совсем к иному. Силы его уходят не на то, чтобы, оставаясь рабом, не нарушать тех или иных запретов своего Господина-Бога. А на то, чтобы вместить в себя *полноту бытия*, полноту жизни, и тогда всё в его жизни станет иным: ибо «дух дышит где хочет». И словами апостола может тогда сказать свободный человек: «Всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною». «Всё позволительно», и чтобы при этом человек не поработался, — может быть, только если человек родится свыше. Только тогда дела его не будут делами смерти, а делами Божьими, достойными богочеловека. Как Господь сотворил мир, так и человек — сын Божий — будет творить жизнь вокруг себя, жизнь прекрасную, как мир Божий, новую, достойную божественного призвания человека.

К такой свободе надо стремиться. Но достигнуть её нельзя *одному*, ибо человек, живя своей отдельной жизнью, в то же время является частью *великого целого*<sup>268</sup>. И не может человек стать

*вполне* свободным, *вполне* сыном Божиим, пока земля «лежит во зле», в «страдании», в смерти. Для того чтобы освободиться вполне, надо освободить мир от греха и смерти. Надо искупить его. Путь к этому окончательному искуплению — Голгофский путь земли. Искупление, освобождение вполне свершится только тогда, когда благую весть услышит не только человек, — *когда услышит её вся тварь, которая «мучается до срока»*<sup>269</sup>. Сознавшие себя сынами Божиими достигают наибольшей свободы, которая доступна при *теперешнем* состоянии мира<sup>270</sup>. Это есть агнцы, которые очищают жизнь и двигают *весь мир* к свободе Христовой, к богосыновству.

Но таких агнцев ещё много, очень много должно быть принесено в жертву, прежде чем распятый на кресте мир, предчувствуя близость воскресения, произнесёт: совершилось!



# ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

## И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

«Меньшинство всегда право», — говорит Ибсен<sup>271</sup>.

Но кто прав, тот всегда в конце концов побеждает.

Мировая история — это триумфальное шествие гонимого меньшинства, от которого шаг за шагом отступают те, кто считает себя непобедимыми всемогущими владыками, ослеплённые количественным своим превосходством.

Не горсть ли учеников Сократа опрокинула торжествовавший, «признанный всеми» философский нигилизм софистов?

И тот же самый народ, который подал Сократу чашу, наполненную ядом, через несколько десятков лет не признал ли Платона национальным гением?

Кто победил языческую жизнь? Кто потряс до основания разлагавшийся, но всё ещё могущественный строй Римской Империи? Кто совершил одну из величайших, а может быть, и величайшую революцию «человеческого духа»? Не горсть ли «фанатиков», «безумцев», распинаемых и гонимых, над которыми большинство издевалось на протяжении нескольких столетий? Не перед несколькими ли рыцарями Господа покорно склонились непобедимые римские легионы.

А дальше. В средние века. Когда у отдельных борцов за истину проснулась творческая мысль и дух свободного исследования и запылали костры святой инквизиции, — кто вышел победителем из этой страшной тяжбы? Огонь ли, который разжигало в диком фанатизме «большинство» духовных рабов, или кровь отдельных воинов, которая лилась на этот огонь? Не бежала ли в ужасе позорная инквизиция перед отдельными рыцарями свободного человеческого творчества.

Новые века. С их борьбой за политическое освобождение. Вспомните историю последних двухсот лет: не всюду ли подтверждение великого закона, по которому побеждает не сила, а правда. И если до сих пор не всюду одержана победа меньшинством, — то пусть большинство вдумается в прошлое мировой истории и ждёт в будущем грозного суда над собой.

Всегда большинство распинает меньшинство, возводит отдельных воинов на лобное место, повторяет страшные дни Голгофы. И всегда само падает побеждённым.

Почему до сих пор оно так упивается временным торжеством своим и почему до сих пор сознание человеческое отравлено кощунственной мыслью, что «один в поле не воин», почему воля отдельных борцов так обессиливается от сознания одиночества? Куда ушли герои с опустевшего поля? Пусть они пристально всмотрятся в прошлое, и тогда радостно и смело пойдут вперёд.

И один в поле воин!

Пусть не тогда вспыхивает вдохновенье, когда всё шумит и движется вокруг нас, а тогда, когда тяжёлый сон пошлости, трусости и рабской покорности сковал человеческие души. Всё погружается в пошлость, задыхается в бесцветной, отупевшей жизни, — но вы-то, живые люди, живые души, не бросайте ваших славных постов. Правда за меньшинством, и победа за теми, кто прав! Можно ли было бы жить, если не эта вера, подтверждённая всей кровавой историей земли, — вера в то, что торжествующее большинство обратится в бегство перед правдой; что невежество, суеверие, пред-рассудки — всё, как тяжёлый мрак, исчезнет перед светом, который *по-настоящему* вспыхнет хоть в одной человеческой душе.

Нельзя в это не верить — и жить нельзя без этой веры.

Пусть же всякий, в ком не умерло стремление к лучшему, со всей силой поймёт, что один в поле воин, что один *человек* с душой живой сильнее тысяч бездушных марионеток, — пусть поймёт это, и тогда над всей страшной неправдой жизни свершится Божий суд!

## ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

**В** одном из своих писем Мадзини говорит<sup>272</sup>:

*«Стыдитесь русских за то, что они спят, что они забыли своё достоинство людей».*

Как часто, с чувством жгучего стыда нам, русским, приходится повторять эти слова:

— Стыдно! Забыли достоинство людей...

И тогда не веришь в Россию — в великую Россию. Не ждёшь грядущего обновления. Начинаешь сомневаться, что когда-нибудь придёт «настоящий день». Жизнь представляется тупой, однообразной, серой, как бесконечная, унылая степь в осенний день... Уж какая там «великая Россия»! Одна слякоть. Да холодное, свинцовое небо. Да голые поля без конца и краю...

Легко произнести приговор над русским народом: слишком для этого много внешних «достаточных оснований». Но надо глубже заглянуть в душу народную, и тогда поймёшь, что казавшееся «сном» его — на самом деле *великое терпение*. А «забытое достоинство людей» — *великое страдание*.

И не только не «осудишь», не только «простишь», — но *преклонишься* и перед его терпением, и перед его страданием и уверуешь свято в подлинную, великую Россию.

Недавно пришлось мне ехать по Волге. День был пасмурный, ветреный. На корме парохода какой-то лавочник собрал вокруг себя целую толпу. Чуть ли не весь «третий класс». Ругал Россию. Толстый, с заплывшим, обрюзгшим лицом, маленькими острыми глазками, хриплым голосом, не торопясь, он говорил:

— Разве в России люди? Прохвосты. С голоду поддыхает, а работать нейдёт... Ни тебе торговля, ни тебе ремёсла... Жид да немец на нашем брате едет. Ни к чему не пригодны. Грязь, необразованность, лень да водка... Самая последняя страна... Другая собака лучше. Я так крестьянина и за человека не почитаю...

Публика слушала молча, сосредоточенно. Вздыхали. А толстый лавочник хрипел:

— Тёмный народ. Только кнута и слушается. Кабы не вешали да не пороли, давно бы друг друга пожрали: звери!.. Сын у меня ответственный в остроге сидит — и поделом. Пьяница, безобразник. Перепились на Троицу. Парню кухонным ножом брюхо распорол. Вот и сидит. Зверь-народ... Я бы всех драл — живо бы в разум пришли...

Лавочник всё хрипел, и было такое чувство, как будто бы расползается липкая грязь и затягивает всех — и говорившего, и слушателей, и пароход, и Волгу. Однотонный, размерный, хриплый голос выпускал одну мерзость за другой, нагоняя какую-то тупую тоску, и, видимо, совсем покори́л слушателей.

И вдруг, неожиданно из задних рядов раздался голос. Точно солнце взошло. Угрюмые лица засветились. Улыбнулись. Мёртвое оцепенение рассыпалось в прах... Всё ожило.

Говорил старик:

— А ты постой... Ишь заколотил нашего брата. Со скотиной грешно человека равнять. Грешно. Я ещё в турецкую войну солдатом был — народ не хуже тебя знаю. Водку пьёт — да и Бога не забывает. Да. Надо понять. Понять надо. А ты «собака», говоришь! Слушать тошно. Сын, говоришь, в остроге — жалко мне его: верно, в отца пошёл.

Публика засмеялась.

— Главное — понять надо. И снисхождение иметь. Всё бить да бить. Или души в тебе нет? И то нет. Ишь разъялся, а у нашего брата душа есть. Понять это надо...

И лавочника больше никто уже не слушал.

Чтобы понять великую Россию — надо понять душу народа.

Слов нет — «отсталая страна». И «торговля», и «ремёсла» отстали. И грубость страшная, и темнота, и грязь, и невежество, и пьянство, и вот тот самый «сон», который даёт право бросить упрёк в том, что народ забыл своё достоинство.

И всё-таки прав старик: надо *понять*, надо «снисхождение иметь», и тогда за невежеством и пьянством увидишь *душу*, способную на великое, заключающую в себе непочатые богатства творческих сил. Почувствуешь святость *народной совести* и поймёшь её великое призвание.

Недаром же отсталая страна, как только получила возможность произнести своё слово, потребовала отмены смертной казни.

И не ясно ли для всякого, что если бы России дать парламент, выражающий волю народа настолько же, насколько, положим, выражает он её во Франции, — то отсталая Россия дала бы самое радикальное законодательство в мире.

И это так потому, что русский народ в *целом* обладает особой нравственной силой решать вопросы «по совести», с точки зрения *высшей справедливости*.

Вот в этой способности, в этой нравственной силе — его оправдание.

В ней же залог грядущего обновления и вера в будущую славу великой России.



## ПИСАННЫЕ «ЗАКОНЫ» И АДМИНИСТРАТИВНАЯ «ТЕХНИКА»

Можно ли издать такой закон, который нельзя было бы перехитрить при известной административной «технике»?

Я думаю, что в России, по крайней мере, такого закона издать нельзя.

В России не существует плохих и хороших законов — существуют «лёгкие» и «трудные». То есть законы, которые всякий перехитрит, и законы, которые требуют для этого некоторой виртуозности.

Чем закон «труднее», тем большей «талантливости» он требует от администратора.

Совсем как на скрипке: попробуйте-ка сыграйте концерт Паганини?

Один из самых «трудных» законов последнего времени — бесспорно, закон о «свободе совести»<sup>273</sup>.

Из всех других «свобод» он, как никак, более всех перешёл в практику, — потому ли, что эта «свобода» оказалась наиболее назревшей или наименее опасной для «дальнейших видов России», как выражался Манилов<sup>274</sup>, — но, во всяком случае, это несомненно.

В старообрядческих церквях зазвонили в колокола.

Это — факт.

Тем более должна быть отмечена та администрация, которая «обходит» даже этот самый «трудный» закон. И при этом без всякой «грубости», без всяких отживших приемов «доконституционного» строя.

Нет, обходит с такой джентльменской чистотой, что невольно думаешь: «Красота!»

Дело касается многострадальной так называемой «Симбирской общины».

О ней много писали, и подробностей рассказывать я не буду. Суть в том, что ещё 9 сентября 1908 года в г. Симбирске группа лиц, с неким Абрамовым<sup>275</sup> во главе, подала заявление в губернское правление. Подписавшиеся в этом заявлении, ссылаясь на Высочайше утверждённые правила от 17 октября 1906 г., просят разрешить им устройство в г. Симбирске общины «свободных

христиан», «во внутреннем управлении независимой от существующих церквей».

Конечную цель своей общины они формулировали так:

«Община попытается создать жизнь на началах книги Деяния IV главы, когда люди имели сердце едино и душу едину».

Такая цель ничего доброго не предвещала для просителей.

И действительно, придравшись к каким-то формальным причинам, администрация ответила отказом.

Но «общинники» не успокоились. Выполнили все формальности и снова возбудили ходатайство.

«Теперь уже дело общины затормозить нельзя», — радовались они, заранее уверенные в успехе.

Ну и ошиблись, конечно.

Закон «трудный», слов нет. Так ведь и концерт Паганини трудный. Играют же!

В самом деле, казалось, как не утвердить? Всё сделано. До последней чёрточки всё. А утвердить нельзя.

Как же быть-то?

А вот как.

Для ускорения в регистрации по отношению справок полиции члены предполагаемой общины были записаны только в двух местах: в Симбирске 44 и в с. Ключишах 20. Итого 64 человека. По закону, требуется для самостоятельной общины не менее 50, здесь же более 50! Отсюда ясно, что административная задача сводилась к следующему: как сделать из «более» — «менее»?

Обычно администрация в таких случаях прибегает к вычитанию.

В данном случае такой способ оказался неудобен. Во-первых, не евреи, во-вторых, народ смирный, в-третьих, вообще как-то грубо.

Задача!

Думали, думали и решили.

Пристав через городского отдаёт распоряжение — явиться всем подписавшимся в часть, к 8 ч. вечера.

«А если которые» не явятся, будут выключены из числа подписавших заявление.

Общинники заявляют, что, мол, одна женщина есть безногая, есть старик 80 лет. Кое-кто, наконец, временно уехал. И что вообще это требование незаконно.

Да, трудная задача.

Но ведь и Паганини — не лёгкая вещь.

И вот придумывается чудо административной виртуозности.

Весь концерт сыгран на одной струне.

Приглашают «члена общины» в полицию. Спрашивают: какого ты вероисповедания.

Отвечает, ничего не подозревая: православный.

— Так вот, — любезно говорит джентльмен-пристав, — подпишите эту бумажку. Нам нужна справка о вашем вероисповедании.

Подписал.

Другого вызвали. Та же история:

— Вероисповедание?

— Православное.

— Подпишите.

И задача решена была блестяще. Из «более» стало «менее». Ввиду заявления о православном вероисповедании, все эти лица как раскаявшиеся в желании образовать «сектантскую общину» были вычеркнуты из числа подписавших заявление.

А ввиду того, что подписавших заявление об организации самостоятельной общины насчитывается менее пятидесяти человек, «согласно Высочайше утверждённых правил» от такого-то числа, такого-то года, в ходатайстве таким-то лицам отказать.

Ну, разве не виртуозно? Да ведь это верх административной техники.

Закон? Я немею перед законом!

И в то же время всё по-старому.

Бедная «Симбирская община»! Дождётся ли она когда-нибудь, что в этой оригинальной тяжбе поставят, наконец, перед администрацией такую «задачу», которую она будет бессильна «решить», и даст, наконец, возможность этим «странным» в наше время людям «попытаться создать жизнь на началах книги Деяний IV главы, когда люди имели сердце едино и душу едину».

Едва ли <sup>276</sup>.

Уж где там «едина душа и едино сердце», когда столько кругом джентльменов-городовых, джентльменов-стражников, околодочных, приставов и пр., и пр., и пр.

Конечно, есть закон.

Ну, а смекалки-то разве нет?

## ОБ ОДНОМ СТРАННОМ СВОЙСТВЕ КАНОНОВ

С детства у меня сохранилось воспоминание об одном, теперь уже давно умершем, смешном старике — Апакове<sup>277</sup>.

У него были больные ноги, и ходил он на костылях. Усы и бороду стриг. Лицо имел умное и хитрое. Был несколько туговат на ухо. Большой делец, коммерсант, до смерти не любивший платить долгов.

Бывало, сидит Апаков и разговаривает, острит, смеётся. Слышит плоховато, но слышит, — и вот кто-нибудь скажет:

— Это всё так, да вот деловой-то разговор мы не кончили.

— Что? — спрашивает Апаков.

— Деловой разговор, говорю, не кончили. Как вы насчёт денег?

— Ась? Что вы?..

— Насчёт денег...

— Что? А?.. Погромче бы?..

Не слышит Апаков! Ему и так, и сяк. Не слышит, приставляет рупором кулак к уху. Нет. Точно занавесило. А сам всё спрашивает:

— Ась? Как вы?

И лицо отражает полнейшую невинность: не слышит, т. е. так-таки ни одного слова и не разберёт.

Нечто подобное случилось и с нашей высшей церковной бюрократией<sup>278</sup>.

— Конечно, предстоящий церковный Собор... автономия Церкви и прочее... Но мы ещё насчёт государственного контроля денежных сумм не кончили...

— Ась? Что такое?.. Сумм? Нельзя ли погромче...

— Подчинить, говорю, духовное ведомство общегосударственному контролю следовало бы...

— Ась?.. Как вы говорите?..

Не слышит. Хоть что ты хочешь делай.

Почему же «не слышит» духовная бюрократия? Мешают каноны.

— Мы и знать, и слышать ничего не хотим ни о каком контроле, — говорят иерархи, — потому что на основании священных канонов не может светская власть вторгаться в дела Церкви.

Прекрасно.

Но вот что никак не поймёшь: почему одни каноны обладают этим свойством и прекрасно предохраняют духовное ведомство от неприятных слов, а другие, как раз наоборот, сами не доходят до слуха высших иерархов.

30-е Апостольское правило, например, гласит: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть: да будет извержен и отлучен, и все сообщаящиеся с ним».

Так вот: деньги духовного ведомства контролировать нельзя. Каноны мешают. Не слышим.

Ну, а тут-то как же? Найдите хоть одного архиерея, который без «светской власти» занял свою кафедру. Что же, признать их «отлучёнными»? А как же «и всех сообщаящихся с ним»? Тоже?

Едва ли еп. Евлогий<sup>279</sup> согласится «отлучить от Церкви» всех епископов, священников и мирян!

Другой канон: 15-е правило Первого Вселенского Собора воспрещает «переводить» епископов с одного места их служения на другое.

Но ведь этот канон нисколько не мешает иерархам «слышать», когда какой-нибудь епископ «тульский» (имярек) назначается архиепископом «казанским» и т. д., и т. д.<sup>280</sup>

А как быть с канонами, воспрещающим приглашать к больному «врача жидовина», также под угрозой отлучения от Церкви?<sup>281</sup>

Разве мало иерархов пользовалось, пользуются и будут пользоваться услугами «жидовинов» для исцеления своих «телесных немощей».

Очевидно, канон, только потому, что он канон, ещё не гарантирует безусловность исполнения. Стало быть, надо входить в обсуждение вопроса по существу. И решать, сообразуясь с убедительностью этого канона, а не только с тем, что он указан в постановлении того или иного Собора.

Что-нибудь из двух одно: или все каноны одинаково обязательны, — тогда отлучайте епископов, назначенных светской властью, перемещённых с кафедры на кафедру, пригласивших врача-еврея, — будьте последовательны до конца. Или признайте, что канон может не исполняться в связи с изменившимися историческими условиями, — и тогда признайте ссылку на канон, как таковой, недостаточной<sup>282</sup>.

Но в этой парламентской борьбе Церкви с государством есть ещё другая сторона. Более знаменательная:

Церковь запротестовала против вмешательства в её дела светской власти, против вмешательства государства.

О, если бы это было не по вопросу о денежном контроле!

Непривычную, странную роль взяла на себя духовная власть, защищая прерогативы Церкви перед государством.

Государство не вправе вмешиваться в церковные дела!

Но кто систематически, упорно втягивал светскую власть в «дела церковные»? Не духовная ли бюрократия? Кто обращался за содействием к администрации в борьбе с «инославными» вероисповеданиями? Кто обращался к полиции с требованием запечатывать молельни, разгонять сектантов? Кто к делу христианской миссии привлёк государственную власть?

Не духовная ли бюрократия создала целую теорию, по которой слияние Церкви с государством — не величайший исторический грех Церкви, а нечто святое, чуть ли не самим Богом предуказанное?

Веками сеяли представители духовной власти идею необходимости слияния Церкви с государством и теперь должны пожинать то, что посеяли.

Они были бы правы, протестуя против вмешательства государства в церковные дела, если бы протестовали против этого вмешательства сверху донизу, от первого слова до последнего, если бы имели мужество провозгласить отделение Церкви от государства.

А то, что за картина получилась?

Контроль денежным сумм — нельзя! Вмешательство в дело Церкви.

А силой, при помощи светской администрации, занять польский костёл — это можно<sup>283</sup>. Здесь полнейший союз двух ведомств.

Что же, и здесь канон?

## «ПРОПОВЕДУЕМ ХРИСТА РАСПЯТОГО»

Эти слова ап. Павла написаны громадными буквами на полотне, у кафедры, в молитвенном собрании баптистов в петербургском Тенишевском училище.

Сейчас заканчивается баптистский съезд<sup>284</sup>. Делегатов при-  
слали общины почти всех главнейших городов России. Съезд  
усиленно подчёркивает разрастающуюся миссионерскую дея-  
тельность баптизма.

Открываются новые приходы, воскресные школы, «церковь»  
расширяет свои пределы, десятками принимает новых членов,  
новые «спасённые души», издаются новые брошюры, листки, воз-  
звания, ко времени Петербургского съезда приурочена закладка  
своего собственного молитвенного дома.

«Проповедуем Христа распятого».

Работа кипит повсю.

И неутомимый Фетлер, этот современный «апостол», в чёрном  
сюртуке и крахмальных воротничках, привычно-восторженным  
тоном говорит:

— Я радуюсь, что Господь обильно изливает на нас свои мило-  
сти. Радуюсь, что привлекает ко спасению столько душ. Радуюсь,  
что не оставляет сестёр и братьев своей благодатью...

И, взмахивая Евангелием, поёт вместе со всем собранием:

— Венчает!.. Венчает!..

Но на самом-то деле есть ли чему радоваться? Положитель-  
ное или отрицательное явление «баптизм», не с внешней точки  
зрения «народной трезвости», а в более глубоком, религиозном  
смысле? Что в конце концов проповедуют его вожди: «Христа  
распятого» или что-нибудь другое?

---

Русский народ — пьяный, грубый, невежественный народ<sup>285</sup>.  
Тупость, жестокость, грязь и ложь душат человеческую жизнь.

И если мир не превратился в сплошное безумие, то это — не  
потому, что много праведников на земле, а потому, что в чело-  
вечестве как в едином целом живёт великая идея о прекрасной,  
божественной жизни.

Люди грешат, падают, задыхаются во лжи.

Но они знают в каждом акте своего греха, своего падения,  
что это — их *грех*, что это — их *зло*, что тёмная жизнь их суть  
ложь и неправда.

*Это сознание греха — есть религиозное сознание человечества.*

Все люди измельчали, озверели, изолгались. Один сознаёт это  
в большей степени, другой — в меньшей. Но всё человечество в *це-  
лом* сознаёт, в полном объёме, что жизнь не такова, какую долж-

на быть. Делами, жизнью своей, злою своей волей человечество утверждает на земле царство греха.

Религиозным сознанием своим — отвергает собственную свою безобразную жизнь.

За чудовищной *реальной*, действительной жизнью стоит великая мечта о жизни иной.

И чем ярче сознаётся эта мечта, тем ближе человечество к перерождению. Если же мечту эту уничтожить вовсе или подменить другой, — вся жизнь полетит в пропасть.

И подлинными вождями человечества должны быть названы те, кто приближал к нему мечту о божественной жизни, в которой Истина, Добро и Красота сливаются в единое целое. Кто делал более ярким образ вечной правды? Кто раскрывал новые скрытые черты прекрасного, кто всем этим до жгучей боли доводил сознание греха и ужаса действительной жизни и побуждал человеческую совесть разрывать цепи, сковывающие душу?

Вот почему есть глубокая внутренняя связь между пророками, поэтами и героями. Как бы ни *жил* поэт, его творения имеют для человечества пророческий смысл, ибо в своих произведениях он показывает людям *красоту*, незримую для обыкновенных глаз. Показывая красоту, он учит тому, какую жизнь должна быть.

Ибо жизнь должна быть прекрасной.

Какою бы ни была жизнь героя в целом, *один* его героический поступок имеет пророческий смысл, потому что новая жизнь должна переродить волю, должна сделать её бесстрашной, беспрерывно устремлённой к добру.

И в героическом подвиге раскрывается — какую должна быть человеческая воля.

Ближе к спасению не тот человек, который «чутьочку» добродетельнее, чутьочку «почище», кто ворует не миллионы, а гроши, кто пьёт не бутылками, а рюмками, кто имеет одну любовницу, а не десяток, — ближе к спасению тот, в ком ярче горит любовь к подлинной жизни, более жгучее сознание греха, кто — во зле сильнее — всем существом своим этого зла «не принимает».

Добродетель и Истина меряются не вершками и гириями, они меряются кровавыми слезами человеческими.

Как отдельный человек — так и весь народ.

Моё глубочайшее убеждение, что русский народ — «богоносец» именно в том смысле, что в нём, как ни в одном другом на-



роде, сильно это сознание, что люди живут не «по правде», и, как ни в одном народе, ярко горит мечта о новой жизни.

Пусть он пьёт, пусть до невероятной, нелепой, тупой жестокости доходит подчас в своей озлобленной тупой жизни.

Но найдите мне народ, в котором была бы такая трогательная мечта о праведной жизни<sup>286</sup>.

Найдите страну, в которой бы литература до такой степени была бы проникнута думой о Вечном, о добре, с такой нестерпимой мукой совести останавливалась бы перед неразгаданным фактом — человеческого страдания!

Найдите в XIX столетии другое великое сердце, которое бы с такой же пророческой силой жаждало «вечной гармонии», как великое сердце Достоевского!

Русский народ бессознательно живёт идеей вселенского христианства. «Учить» его можно только одному: углублять, раскрывать, помогать осуществлять в жизни это христианство.

Учить так — это и значит: «проповедовать Христа распятого».

---

Баптисты — хорошие люди.

Баптизм — крайне вредное явление.

Баптисты и многие другие опростители христианства не пьют, воздерживаются от пищи, целомудренны, не говорят скверных ругательств — это хорошо.

Они собираются в молитвенные дома, читают Евангелие, слушают проповеди — это тоже хорошо.

Но они называют *это*: проповедью «Христа распятого».

И это так плохо, что вся их трезвость, и вегетарианство, и целомудрие — ничто по сравнению с тем злом, которое они приносят, подменяя вегетарианством «Христа распятого».

Поймите, наконец: христианство — не попечительство о народном здравии, и дом молитвы — не чайная общества трезвости!

Поймите, что люди распяли своего Бога!

Не осмыслишь этого, не примешь своей совестью, если всё дело в воздержании от водки и в пении «песней Сиона».

Не пейте, не развратничайте — это очень хорошо и полезно для здоровья, но при чём тут Распятый?

Оставьте Его.

Вы хотите сказать: посмотрите на нас: мы *осуществляем* то, о чём вы только учите; значит, мы — христиане, а вы — нет.

Нет, неправда! Ужаснейшая ложь! Вы осуществляете совсем не то, о чём мы учим. И если бы той *мечтой*, о которой я говорил, было бы то, что в *жизни* осуществляется баптизмом, то не стоило бы осуществление этой мечты и капли человеческой крови.

Хорошо. Допустим, что все приняли баптизм. Все стали такими, как члены ваших общин. Вместо баранины едят рыбу, помогают ближним, не пьют вина, распевают духовные песни — ну, ещё что? Живут только со своими жёнами, не ругаются и не обманывают и пр., и пр.

Словом, по-вашему, на земле наступил рай.

И вот я представляю себе Голгофу и Христа на кресте.

И если бы Он с креста увидел этот ваш баптистский рай, ужели вы думаете, что распятый Богочеловек благословил бы ваше «мирное житие»? И ужели же радостью наполнился бы дух Его? И Он бы сказал, что Его жертва была ненапрасной? Ужели надо было входить на лобное место, чтобы вы теперь вместо щей ели гороховую похлёбку?

Нет. Это — клевета, и то, чему учил Распятый, смысл Его ученья и Его дела не укладываются в ваши рамки.

И надо на деле Иисуса поставить крест, если действительно ваша проповедь — есть проповедь Христа распятого.

Но, к счастью, это не так.

Вы не пьянствуете — это хорошо.

Но называя вашу трезвость христианством, вы делаете то, что делают и все гасители духа:

Вы гасите подлинный христианский идеал народа и заменяете его бессильной подделкой<sup>286</sup>.

## «ПОКАЯНИЕ» И «РАЗЛОЖЕНИЕ»

**Е**сли бы меня спросили, какой грех я считаю самым тяжёлым, самым непростительным, — я, ни минуты не задумываясь, ответил бы:

— Грех покаяния.

В христианстве существует таинство покаяния. И мне думается, смысл этого таинства в том и лежит, чтобы предотвратить величайший из грехов — грех покаяния.

У Верхарна есть замечательная пьеса «Монастырь»...

«Убийца» Балтазар десять лет живёт в монастыре. Десять лет «кается». Напрасно приор убеждает ревностного монаха, что грех его заглажен подвигами благочестия. Балтазару нужна публичная исповедь, публичное покаяние.

И вот на монастырском собрании он кричит:

Я своего отца убил! Я своего отца убил!  
Я грех свершил великий...

Глубоким гневом встречает собрание эту «публичную» исповедь. Приор говорит:

О Балтазар-монах!  
Ты над Самим Христом свершаешь поруганье,  
От тех, кто кается, Он требует молчанья;  
А ты нарушил всё, презрев Господень страх...

Из братии раздаются голоса:

Палач Христа!  
Вор покаянья!..

Балтазара изгоняют из монастыря.

У кого в жизни не было хоть одного дня, когда он подобно Балтазару не «воровал» покаяния? У каждого.

Покаяние необходимо. Без него немислимо духовное движение вперёд.

Покаяние одной чертой отделяется от величайшего преступления.

Где же выход?

Для тех, кто верует в церковное таинство, выход дан: исповедь.

Для тех, кто не верует в церковное таинство, но верует в Бога, выход в покаянии только перед Богом.

Для тех, кто не верует ни в таинство, ни в Бога, выход в покаянии только перед своей совестью<sup>287</sup>.

Перед людьми допустим один вид покаяния: жить по-новому.

Никаких словесных «деклараций» — просто стать другим.

В покаянии перед людьми — всегда или величайшая гордость, граничащая с окончательной духовной смертью, как у Балтазара, или величайшая слабость, окончательное, почти безнадежное бессилие: человек упал под ношею своих грехов, грехи придавили его, и вот, вместо того чтобы стряхнуть их, он кричит о них, и ему

кажется, что он «освобождается», в то время когда он просто ими раздавлен.

Так, после горького и тяжёлого опыта, я думаю о покаянии<sup>288</sup>.

Надо перестать «каяться», надо по-новому жить.

Между тем, в современной, чрезвычайно сложной общественной атмосфере всё сильнее и сильнее даёт себя чувствовать эта больная струя «покаянья».

Началось года два тому назад. Появились «публичные» исповеди в печати. Все мало-мальски видные писатели были, буквально, завалены письмами-исповедями.

Люди каются в своих личных грехах.

Затем робко, один за другим стали раздаваться покаянные голоса от имени целых групп, целых «течений». Особенно много каются так называемые декаденты и, переходя к ясному, более сознательному и реалистическому творчеству, считали своим долгом принести покаяние в прежних заблуждениях.

Но вот появились знаменитые «Вехи»...

Это уж был не робкий голосок, а какой-то покаянный вопль.

Люди не плакали и «рыдали», не говорили, а «кричали»:

Я своего отца убил! Я своего отца убил!

Я грех свершил великий...

Это уж было самое настоящее покаяние. И не только за себя, а за всех, за всю интеллигенцию. Полномочий в таком «великом» деле, разумеется, не спрашивают. Если кто «упорствует», за него, мол, ещё больше просить нужно:

— Не судите его, он «бессознательный», — виновато говорили «кающиеся».

Каются писатели, до Бурнакина включительно, этой едва ли не самой юмористической фигуры в русской литературе<sup>289</sup>, каются «кадеты», всевозможные общественные деятели, интеллигенция, и старики, и учащаяся молодёжь...

Есть что-то глубоко антипатичное в этом всеобщем покаянии.

Было время на Руси, когда тоже вдруг захотелось всем «покаяться».

Но какая громадная разница с теперешним бессильным «причитаньем».

Тогда каются и шли в народ. Хотели делом, сейчас же, не откладывая, искупить перед ним вековые «барские» грехи.

Было что-то молодое, радостное, подлинное в этом деятельном покаянии.

Люди каялись перед своей совестью.

В народ же шли не каяться, а искуплять свою вину. Вы нам служили — теперь мы вам хотим служить. Может быть, наивно. Но молодо, смело, с искренним моральным пафосом.

А теперь? Какое-то «истерическое», «слезливое» хныканье.

— Обманули мы вас, братцы... не интеллигенты мы... прохвосты... Простите, Христа ради... Кабы не правительство, дай Бог ему доброго здоровья, погубили бы мы вашу душу. Окаянные мы...

Кадеты — те прямо говорят:

— Виноваты!..

Каются, причитают, издают вопли, а сами ни с места.

Наше современное «покаяние» — это симптом общественного разложения. И не из этой бессильной психологии можно ждать великого, обновляющего движения.

В больном организме начался процесс гноения. Умершие части должны отпасть. И чем скорей отпадут, тем лучше. Они только тормозят, как ненужный балласт, и не дают простора новым молодым всходам.

Довольно каяться. Надо жить по-новому. И, главное, не откладывая. Сегодня же. Сейчас же. Не ждать «движения» — тогда, мол, и мы задвигаемся. Нет, пусть «двигается» каждый за себя и поможет двигаться вперёд другим — будет тогда и «движение».

А крики: «Я своего отца убил!» — противны. Грешен? Иди в церковь, кайся перед лицом Божиим, проси прощения у своей совести, а сам, чем грешней, тем с большим воодушевлением начинай новую жизнь.

## «ЭКСКУРСАНТЫ»

**Ч**то все люди лгут и что вся наша жизнь соткана из фальши, притворства и обмана, — я думаю, признают все, если не открыто, то в глубине собственной своей совести.

Один лжёт тоньше, другой грубее, один лжёт, как артист, другой — как сапожник, один лжёт, наряжаясь во фрак и смокинг, другой — в «косоворотку» и стоптанные сапоги.

Отношения людей — это сплошной и систематический обман. Обман не только подлый, но и глупый, потому что *все* отлично знают, что они лгут, и никто в глубине души друг другу не верит. Лгут учёные, притворяясь, что они решили *все* вопросы и очень «спокойны», когда на самом деле ничего не «решили» и так же боятся смерти, как и «ничего не решавший»; лгут атеисты, что они «всё отрицают»; лгут «христиане», что они «веруют», ибо «кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец»<sup>290</sup>. Лгут и дети, и взрослые, и старики. И самое большое в жизни — *любовь* — превращено в какой-то торжествующий апофеоз фальши. Все мужчины лгут женщинам без исключения. И те, которые, ухаживая, говорят пошлости, и те, которые ведут умные разговоры, и те, которые рассказывают двусмысленные анекдоты, и те, которые говорят о философии. Каждое наше слово направлено ложью. Мы выработали особый «язык» — фальшивый, слащавый, пересыпанный сотнями условных фраз, деликатных, благовоспитанных, на «вы», которым никто не верит, но за попытку выбросить которые обижаются.

И может быть, никто во всём мире с такой силой не почувствовал этой стороны жизни, как Лев Толстой. Недаром вся наша культурная жизнь, лишённая своего лживого, мишурного покрова, рисуется ему как какое-то нелепое зрелище, где «оскотинившиеся люди носятся по земле на экспрессах и при свете электрических фонарей показывают, как они оскотинились».

Но если общечеловеческая ложь стыдливо прикрывается громкими идеями, то в международных отношениях она уже до такой степени беззастенчива, до такой степени всеми «признана», что трудно решить, более ли она смешна или отвратительна. Надо изумляться, для кого пишут все эти «ноты», говорятся все эти «приветствия»? Ужели же есть хоть один человек на свете, который после стольких тысячелетий верит в «дружеские» чувства дипломатов и серьёзно думает, что сильнейший сосед при первой удобной возможности не готов разорвать на куски слабейшего? Ужели до сих пор есть хоть один такой Манилов, который бы думал, что Турцию до сих пор не поделили не потому, что боялись подраться друг с другом, а потому, что все дожидались, не провозгласят ли там конституцию?

Ещё так недавно перед лицом всего мира была разыграна чудовищная комедия: взаимный обмен приветствиями двух виновни-

ков насильственного захвата Боснии — императоров Вильгельма и Франца Иосифа<sup>291</sup>.

И вот новый фарс. «Экскурсия» наших «депутатов» в Англию<sup>292</sup>. Фарс тем более изумительный, что он разыгрывается если не «лучшими», то, во всяком случае, вполне образованными и лично, может быть, довольно правдивыми: такова сила международной лжи.

«Экскурсанты» вот уже два года разыгрывают перед лицом мира комедию в Таврическом дворце. Пишут законы, которые не одобряет Государственный совет, а те, которые «одобряет», отменяют исключительные положения.

И после двух лет такого коллективного вычёрпывания воды решето наши «представители» двинулись в Англию. Зачем? Решительно недоумеваю!

Говорят, «экскурсанты» посетили Палату общин. Очень полезная, разумеется, экскурсия. Но какое дело Гучкову до Палаты общин?

Маклакову был устроен торжественный банкет, и он ответил «блестящей речью на английском языке». О чём он говорил в своей речи и, вообще, кому и зачем нужна его «блестящая» речь «на английском языке»?

Русские «депутаты» устроили ребяческую комедию какого-то «сближения между русским парламентом и английскими политическими деятелями». Ну, русских я ещё понимаю: положим, это «дети». Но как не стыдно англичанам говорить весь этот напыщенный вздор, которым они встречают русских «чудаков». Ведь трудно не принять всего, что они наговорили, за самое откровенное издевательство. Неужели они так-таки и не знают, что за «депутаты» к ним приехали?

Не могут не знать. Англичане слишком умные люди. Но умные люди превращаются в заводные говорящие куклы, как только дело касается «интересов международного мира» и «искренних чувств к дружественной державе».

И эти заводные куклы, пожилые, образованные, серьёзные, начинают выкрикивать бездушные слова, всегда одни и те же: о высоких качествах своих гостей, великих задачах международного сближения и пр., пр., пр.

Встают, улыбаются, запивают своё враньё шампанским и, очевидно, очень довольные расходятся по домам. И ложась спать,

я думаю, каждый дипломат говорит своей жене: ну и наврался же я сегодня.

«Экспедиция» русских войск в Персию, направленная к ликвидации персидского освободительного движения, кажется, кончится неудачно: под давлением Англии «экспедицантам» предложено возвратиться в Россию<sup>293</sup>.

## «ПОТЕШНЫЕ»...

«Потешные» входят в моду...<sup>294</sup>

По всем городам, от Петербурга до сибирского захолустья, организуются всевозможные «потешные» отряды — отряды маленьких детей-солдат, которые, как настоящие большие солдаты, проделывают всевозможные военные упражнения: и лагерные сборы, и солдатскую гимнастику, даже свои «большие» манёвры...

Так хотят воспитать в детях воинственный дух, чтобы ребёнок со школьной скамьи готовился быть в будущем храбрым воином. Из «потешного» гимназистика превратился бы в бесстрашного рыцаря.

До того «потешные» входят в моду, что появилась даже «потешная» карамель. Тоненькие, маленькие конфетки, действительно очень хорошенькие и очень «потешные».

Скоро соберутся в Петербурге законодатели: третья Государственная дума<sup>295</sup>.

«Маленькие» депутаты откроют «высокое» собрание, как взрослые, и начнутся «потешные» законодательные манёвры.

Прежде всего произойдёт скандал по вопросу о том: встать или не встать оттого, что умер Муромцев<sup>296</sup>.

Скажут одни «потешные»:

— Это был величайший герой русской жизни — надо встать.

— Нет, — закричат другие, — это был величайший преступник, сидеть!

Потом всё смешается в хаос, председатель позвонит, и «потешные» законодатели успокоятся. Потом начнут свою «спокойную» работу...<sup>297</sup>

А в это время многомиллионный русский народ, состоящий не из «потешных», а из настоящих, страдающих, живых людей, будет ждать, томиться, изнемогая от своих ожиданий...



Будут ждать по деревням, когда кончатся голод, холод, темнота, пьянство, зверство.... Когда дадут учителей, докторов, когда вместо кабака и трактира — в каждом селе будет читальня, библиотека, театр...

«Потешные» законодатели будут и «вставать», и «сидеть», и собираться в комиссии, и, совсем как взрослые, всходить на кафедру «высокого собрания», — а живые люди, по своим тёмным деревенским углам, будут медленно гибнуть от невежества, нищеты и пьянства.

Из потешных-школьников, может быть, когда-нибудь и вырастут великие воины, но «потешный» депутат никогда не станет великим законодателем!

Когда-то «потешные» отряды Петра Великого реформировали всю русскую армию.

Но я глубоко убеждён, что не сможет реформировать русскую жизнь «потешный» парламент.

## ЛЕНТЫ КОНФИСКОВАНЫ...

**Н**а могиле Муромцева полиция отрезала 30 лент...

О событии этом газеты рассказывают так:

«19 октября, поздно вечером, в монастырь<sup>298</sup> прибыл усиленный наряд полиции, во главе с приставом, который потребовал провести явившихся к месту хранения венков. Были заложены фонари, и полиция принялась тщательно рассматривать ленты венков, перечитывая надписи на каждой. В результате продолжительного осмотра полицией было срезано свыше 30 лент, содержащих, по мнению полицейских чинов, противоправительственные надписи».

В этом факте много своеобразной поэзии! Так сказать, «полицейской» поэзии. Кладбище. Ночь. Фонари. Пристав. Противоправительственные надписи. Ножницы. Ленты...

Но я не буду критиковать действие администрации: где уж! что уж! Муромцев, несомненно, виноват. Но в чём же его вина? Человек он был сравнительно умеренный, даже не самый левый из кадетов: какой уж это революционер!

А вот в чём.

Давно-давно, до начала в России «событий», в Петербурге было частное совещание земских и городских деятелей. На-

шёлся среди собравшихся ярый славянофил. Он рисовал картину идеального монархического строя, рисовал в том патриархальном стиле, в каком это обычно делают славянофилы.

Покойный граф Гейден<sup>299</sup>, когда очередь говорить дошла до него, сказал по этому поводу следующее:

— Всё это прекрасно. Но ведь такой строй возможен только при одном царе — при царе Горохе...

Муромцев не верил в легендарного царя Гороха. А потому глу-боко верил в конституцию.

В этом его вина.

Вот и всё.

И за эту маленькую вину он так жестоко наказан. Я не шучу, не иронизирую: да — жестоко наказан:

На его могиле ленты конфискованы...

Есть учение, что после смерти человека душа его посещает те местности, с которыми связывают её земные воспоминания. А потом душу ведут по мытарствам.

Пусть это «достояние». Но несомненно, если бессмертен человеческий дух, если с последним ударом сердца не угасает человеческое сознание, — какая-то связь с оставленной жизнью должна сохраняться...

Перешедши за грань тленного мира, дух человеческий видит «что-то вечное, что-то неразлучное»<sup>300</sup>, — и земную жизнь нашу созерцает в полноте, нам недоступной.

И вот покойный Муромцев, перешагнувший эту грань, увидал *по-новому* нашу землю, *по-новому* увидал всю свою прожитую жизнь.

Что испытывал дух его — тайна, которую не разгадает никто. Но каким бы величием ни было исполнено его состояние, как бы ни страдал он от сознания своих личных грехов и ошибок, каким бы ничтожным, пред лицом вечности, ни казалось ему теперь многое из того, что считал он великим на земле, — ему, наверное, стало мучительно больно за нашу грустную жизнь, когда он видел, как на его могиле «наряд полиции, с приставом во главе, срезал противоправительственные надписи».

Может быть, неверие в Царя Гороха и большое преступление. Но надо быть снисходительным к мёртвым и не наказывать их так жестоко!

## ВСЁ РАВНО!

**В**ыбрали председателем третьей Государственной думы А. И. Гучкова. Ну и великолепно!

Он поблагодарил за честь. Поклонился. На крайней левой кто-то свистнул. В центре захлопали.

Какая скука. Какая тоска. До чего всё это не нужно, не важно, никчёмно!

Ну Гучков, ну Капустин, ну Сидоров, Карпов, Задирихин — не всё ли равно<sup>301</sup>.

Всё равно! Решительно всё равно!

У Гучкова борода и усы, роста среднего. Задирихин брюнет и бороду бреет. Сидоров в очках, а Карпов без очков. Капустин ходит в таком пиджаке, а Задирихин в эдаком, у Гучкова тенор, а у Карпова бас...

Всё равно! Решительно всё равно!

О Думе писать, в конце концов, не стоит. Не следует. Самое лучшее, что могли бы сделать журналисты, это сговориться вовсе не писать об этом «потешном» учреждении. Так-таки ничего и не писать.

Пусть себе заседают, если это им не опротивело.

Ведь надо же иметь такое удивительное терпение, чтобы сидеть три года, высидеть два «новых» закона: о местном суде и народном образовании, из коих один забракован Государственным советом, а другой — министром народного просвещения, — и всё-таки продолжают сидеть и своё сиденье считать для кого-то нужным.

И вот «выбирается» новый председатель, который будет руководить этим «собранием»; так разве не всё равно, кто будет руководить им?

Каждый одинаково хорош и одинаково никуда не годится — потому что тот и другой одинаково не нужны.

Читая отчёты о разных думских заседаниях и газетные статьи о Думе, я всегда спрашиваю себя: неужели они верят, что всё это так важно и серьёзно? Неужели в самом деле они так себя загнипотизировали?

До чего люди привыкли морочить и друг друга, и себя!

Поймите же, господа, что здесь сплошное недоразумение. И право, вы только себя обманываете.

Недоразумение и совершенно неважный вздор всё, что вы говорите там, в «высоком собрании», и с пафосом, и без пафоса, и правые, и левые, и умные, и глупые.

Не важно и то, кого вы выбрали своим председателем.

А. И. Гучкова?

Ну что же, очень приятно.

Поздравляем вас!

## ПОСТЫДИТЕСЬ ЗВЕРЕЙ

**Е**щё один позорный день в 3-й Государственной думе.

И может быть, самый позорный за всё трёхлетнее бесславное её существование.

До тех пор говорилось там многое такое, за что «избранникам народа» должно было бы быть стыдно перед людьми. Но 29 ноября в Гос. думе произошло нечто, за что стыдно не только перед людьми, но и перед животными, которые неспособны ни на такое бесстыдство, ни на такое зверство.

Я имею в виду поведение правых при запросе о телесных наказаниях в каторжных тюрьмах.

Телесные наказания — отвратительный, жестокий и унижительный вид пытки. Русское законодательство, не решившееся совсем и навсегда изгнать его из употребления, всё же нашло возможным до последней степени сузить её применение. Оставив для тюрем розги, оно имеет в виду применение их только в силу крайней необходимости.

И действительно, если вообще бить людей *гадко*, то бить их в тюрьмах *преступно*.

Человек на свободе может защищаться. Человек в тюрьме совершенно *беззащитен*, и потому всякое незаконное насилие над ним — преступление не только перед «гуманностью», но и перед основным духом всякого закона: защищать не только сильных и слабых, не только полноправных, но и лишённых прав.

Разве недостаточно, что людей отделили от близких, от общества, от жизни каменной стеной, заперли на замки, заковали цепями, — чтобы требовалось ещё бить их? Разве мало иных способов в руках тюремной администрации, чтобы справиться

с несколькими сотнями закованных, запертых людей, чтобы было *необходимо* ещё сечь их розгами.

Говорят, в исключительных случаях закон допускает. И вот, пользуясь растяжимостью понятия «исключительный случай», люди готовы оправдать всякое истязание.

Казалось бы, ясно, что незакономерность может выражаться именно в том, что «всякий» случай будет возводиться на степень «исключительного».

Ясно для всякого, кто сознательно не хочет истязать и издеваться над людьми, и потому неясно для депутатов 3-й Гос. думы.

29 ноября в Гос. думе был поднят вопрос о телесных наказаниях в вологодской и зерентуйской тюрьмах<sup>302</sup>. Допустим, неправда, что в тюрьмах бьют и запарывают до смерти людей, добивают до чахотки, до психического расстройства, до самоубийства, наконец. Допустим, всё это выдуманно.

Но всякий, в ком есть хоть капля живого человеческого чувства, содрогнётся от этих обвинений и будет требовать, чтобы факты были проверены.

Будет требовать одинаково как представитель «оппозиции», так и представитель «полиции», будет требовать всякий уважающий человеческое достоинство и достоинство власти.

Вот почему рассказ о событиях в вологодской и зерентуйской тюрьмах должен был бы одинаково взволновать всех.

Нужна тщательная проверка? Согласен. Но неужели можно считать «проверкой» официальный запрос правительства начальникам тюрем? Ведь они *обвиняемые*, на них жалуются, их считают виновниками тех ужасов, которые творились в этих тюрьмах. Спрашивается: может ли их ответ успокоить совесть кого бы то ни было, совесть хотя бы Хрулёва, главного начальника тюремного управления?<sup>303</sup>

Неужели же можно думать, что люди, способные истязать закованных в кандалы людей, так-таки и ответят на запрос из министерства: «Истязатели ли они?» — «Да, мы истязатели».

Ведь для всякого очевидно, что, *какие бы факты* в вологодской тюрьме ни произошли, официальный ответ начальника тюрьмы может быть только оправдывающий его деяния.

Да, проверка должна быть тщательной. И тем более осторожной и внимательной, что арестантам, дающим показание,

приходится дальше продолжать жить, в большинстве случаев, под властью тех же начальников. Отсюда понятная боязнь показывать правду. Разве мало ужасов творится в тюрьмах только потому, что об них не решаются говорить заключённые. Вот почему расследование должно было быть произведено так, чтобы гарантировать свидетелям безопасность, избавить их от возможной мести. Так должны были бы к запросу относиться в Гос. думе — без различия политических партий, без различия, кто представитель народа и кто представитель правительства.

Но нашёлся в Думе некто, недостойный звания не только человека, но даже зверя (потому что звери неспособны на такую жестокость), и этот некто — позор для нашего парламента, способного и слушать, и смеяться над его беспримерным цинизмом.

Марков 2-й<sup>304</sup> сказал следующее: «Ещё недавно полагалось пороть за маловажные проступки не только розгами, но и плетью. Но это в 1906 году отменено, о чём я весьма сожалею. (*Продолжительный смех справа.*) Под влиянием иудейского страха многие начальники тюрем, действительно, отделяли политических от каторжников обыкновенных и не применяли к политическим каторжникам тех мер, которые рекомендует закон. К счастью, нашёлся начальник тюрьмы, который в надлежащем случае выпорол надлежащее количество негодяев. Если окажется, что дали 102 удара вместо 100, тогда вы можете говорить о незакономерности, а ведь пока говорят, что вообще пороли. Может быть, даже и 100 ударов не дали, к моему глубочайшему сожалению, ограничились 20-ю ударами. (*Смех справа.*)».

Звери бывают очень кровожадны, но до такой жестокости им далеко.

Стыдно! Стыдно перед зверями должно вам быть! Они лучше вас. Чище. Добрее. Если забыли, что вы люди, поучитесь хотя бы у зверей. Не додумывается самый жестокий из зверей до такого ужаса, чтобы запирать себе подобных в каменные стены, связывать, бить, мучить и потом ещё хохотать над этим. Стыдно тем, кто слушал спокойно и эти слова, и этот смех. Стыдно парламенту, в котором можно говорить такой ужас, стыдно стране, которая может посылать такого депутата.

## «СТРАНА АНАФЕМ»

Преосвященный Гермоген внёс в Святейший синод предложение предать анафеме целый ряд наиболее известных русских писателей: Леонида Андреева, Арцыбашева, Д. Мережковского и др.<sup>305</sup>

Точного списка газеты не сообщают.

Об этом замысле преосвящённого Гермогена писалось уже давно. Тогда же и называлась цифра будущих анафем: 132!

Может быть, цифра эта и была преувеличена; может быть, проклятию предадут не всех наиболее выдающихся писателей, а несколько десятков, — но несомненным является то, что собираются проклинать современную *литературу*.

За «известными» стоят менее «известные», за менее известными — совсем неизвестные, но все они спаяны в одно *внутреннее целое*. И совершенно ясно, что, «проклиная» одних, а не проклиная других, будут руководствоваться не тем, что одни грешны, а другие не грешны, — будут руководствоваться чисто внешним признаком: одни «знамениты», другие не «знамениты».

Итак, «анафематствовать» будут не писателей, а *литературу*, и не «учительную» литературу, не «еретическую», а *художественную*. Иначе не сваливали бы в одну кучу своеобразного религиозного мыслителя Мережковского с Леонидом Андреевым, не написавшим ни одной теоретической статьи по религиозным вопросам.

Но что такое художественная литература? Не есть ли это отображение духовной жизни общества данной эпохи? Возможен ли был Леонид Андреев в эпоху «Бедной Лизы»? И могут ли волновать кого-нибудь сейчас оды Державина?

Писатели говорят *вслух о том, о чём общество думает про себя*.

Таким образом, кто бы «формально» не провозглашался «анафемой» — по существу, проклятию будет предаваться вся русская литература, а с нею и всё русское общество.

Церковь, вступившая на такой путь, не должна останавливаться на этом.

Проклиная одних *по духу*, она должна других проклясть по точному смыслу *канонов*.

Основываясь на точном смысле постановлений Апостольских и Вселенских Соборов, она должна отлучить от Церкви всех пользующихся услугами «врача жидовина»<sup>281</sup>. То есть весь чиновный Петербург, всех «сановников», не раз, конечно, пользовавшихся услугами профессоров «жидовинов».

Далее дойдёт очередь и до самих иерархов: «Непозволительно епископу оставлять свою епархию и во иную переходить».

А так как все епископы без исключения не раз и не два за время своего служения «оставляют» и «переходят» в иную епархию, — то и они должны быть «извержены».

Те немногие, которые умирают, не успев побывать в другой епархии, — тоже не спасаются от «анафем» по другому правилу: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и *все сообщающиеся с ним*»<sup>306</sup>.

Но ведь все епископы утверждают у нас светскую власть, и потому все они должны быть «извержены». Остаются «миряне», благоденствующие, не читающие Леонида Андреева. Но их ждёт та же участь. Сказано: «*и все сообщающиеся с ним*». Так как *все* верующие сообщаются с архиереем через своих духовных отцов, то и все миряне — «анафемы».

Что же в конце концов получится?

Да то, что наше государство из «Святой Руси» превратится в какое-то «проклятое царство», в страну анафем.

## РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И САРАТОВСКИЙ АРХИЕРЕЙ

**Н**а днях ехал я по железной дороге. Вагон почти пустой. Тихо. Только в соседнем отделении без умолку болтает маленькая гимназистка — она едет с мамашей.

Девочке скучно, и она болтает «для развлечения», а потому прыгает с предмета на предмет.

Только что говорила про какие-то «хорошенькие-хорошенькие яблоки», то вдруг заявляет:

- Терпеть я не могу Закона Божия.
- Вот! Почему это? — смеётся мамаша.
- Такой скучный, такой скучный этот «катехиз»!..



— Катехизис, — поправляет мамаша.

— Ску-чиша! — от всей души восклицает девочка. — Стихи люблю, историю люблю, читать люблю. А «катехиз» — пра-ативный. И зачем это, мамаша, «катехиз» учат?

— Катехизис, — поправляет мамаша.

Бедная, милая девочка! От всей души сочувствую её горю. И так понимаю, что она упорно не хочет называть то, чему её учат, «катехизисом», а зовёт «катехизом»: так гораздо выходит «пра-ативнее».

Всё скучное, неизвестно зачем нужное, что зовётся в гимназии «Законом Божиим», — действительно, не «катехизис», а «катехиз»<sup>307</sup>.

«Стихи люблю, историю люблю, читать люблю. Закон Божий не могу терпеть».

Но разве уж такая «противоположность»?

И да, и нет.

Если бы до детской души дошло то, что говорится в «Законе Божьем», так же, как доходят отрывки из произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, — этот «пра-ативный катехиз» стал бы любимым предметом.

Девочка «любит читать» потому, что это волнует её душу, будит мысль, вызывает чувство радости, горя, сострадания, умиления. Дети так легко смеются и плачут над книгой.

Но в «Законе Божьем» больше, чем во всех произведениях вместе взятых, содержится то, что может пробуждать радость, сострадание, умиление: будить и чувство, и мысль.

Надо только уметь передать это детской душе!

А для этого надо перестать преподавать «катехиз», надо попытаться раскрыть детям *религию*.

И тогда не будет никакого «противоположения» между «чтением», любовью к поэзии, к литературе и «Законом Божиим». Потому что религия и искусство по духу бесконечно близки друг к другу.

Девочка любит стихи и терпеть не может катехиз.

А саратовский епископ Гермоген очень любит «катехиз» и терпеть не может стихов.

Так не любит, что предполагает предать анафеме *132 русских писателя!*

То есть, можно сказать, почти всю современную русскую литературу.

Саратовский архиерей, наверное, как девочка думает: «Катехиз люблю, а писателей — нет... пра-ативные!..»

Пока неизвестны ещё имена будущих ста тридцати двух анафем, но ясно, что всё это люди, занимающиеся именно тем самым делом, которое так по душе милой девочке, ненавидящей «катехиз». Не «еретиков», в узком смысле слова, хочет отлучить от Церкви саратовский епископ, а «язычников». «Языческую литературу», то есть, в конце концов, всю русскую интеллигенцию, ибо наша литература есть самое полное, самое лучшее выражение всей духовной сущности русской интеллигенции.

Девочка за «катехизисом» не чувствует религии.

Саратовский архиерей за «катехизисом» не чувствует русской литературы.

И там и здесь мешает этот ужасный «катехиз»!

Если бы девочка почувствовала религию, она бы полюбила её. И если бы саратовский епископ *по-настоящему* почувствовал христианство, он полюбил бы русскую литературу.

И для того, и для другого — выход в одном: надо махнуть рукой на «катехиз» и обратиться к религии.

Я верю, что маленькая гимназистка, когда станет взрослой девушкой, когда переживёт много тяжёлых разочарований, измучится, исстрадается, — она узнает, что такое *религия*.

Но узнает ли, что такое русская литература, маститый саратовский архиерей, я сомневаюсь.

Религию от детских глаз не может долго заслонять «катехиз», потому что девочка его *ненавидит*.

Литературу же, я думаю, он будет для архиерея заслонять навсегда, потому что архиерей «катехиз» *любит*.

Акт отлучения русских писателей, по образцу отлучения Льва Толстого, будет полным торжеством «катехиза» в Русской Церкви.

Это будет не отлучение «язычников» или «еретиков», это будет отлучение и предание анафеме всего живого, подлинного, святого в русской жизни.

Христианский Бог не есть Бог мёртвых, но — живых. А тот бог, от имени которого хотят проклясть русскую литературу, — бог мертвецов, подменивших живую творческую религию бездушным «катехизом».

Как бы ни были «безбожны» русские писатели — Христос всегда с ними. Ибо ни в одной литературе нет такой скорби, таких

напряжённых исканий, как в литературе русской. И отлучая литературу, в лице 132 современных писателей, Церковь тем самым *отлучит* себя от живой жизни.

Было бы великим счастьем для православной Церкви, если бы она нашла в себе силы вместо проклинаящих слов, которые подсказывает ей саратовский архиерей, сказать слова любви: понять и принять то, что в современной жизни, в литературе, в культуре есть подлинно христианского. Но для этого надо исповедовать не мёртвую религию «катехиза», а творческую религию Бога живого!

### «БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ»<sup>308</sup>

Недавно отпразднованный юбилей В. Короленко (25-летие возвращения из ссылки) и только что исполнившаяся тридцатилетняя годовщина со дня смерти Достоевского, почти юношей приговорённого к смертной казни и потом помилованного и сосланного на каторгу, — невольно приковывают внимание к одному изумительному явлению русской жизни, давно уже ставшему «бытовым»: почти все лучшие русские писатели, т. е. лучшие люди страны, гордость и утешение России, в большей или меньшей степени, переносили на себе тяжесть правительственной репрессии:

Пушкин, Лермонтов, Чернышевский, Герцен, Салтыков, Тургенев, Достоевский. Аксаков, Мельшин, Вл. Короленко, Максим Горький и пр., и пр., и пр.<sup>309</sup>

Толстой едва не был заключён в Суздальский монастырь, Вл. Соловьёву на долгие годы запрещено было чтение публичных лекций.

Может быть, ни в чём другом с такой силой не обнаруживается пропасть, отделяющая русское общество от русской бюрократии, как в этой, поистине трагической судьбе русского писателя.

Всякий большой писатель потому и делается «признанным», что общество видит в нём выразителя своих дум, своих надежд, своих мучений. Истина общепризнанная и общеизвестная, что по литературе, по лучшим её представителям, всегда можно судить о духовном состоянии общества, — в великих произведениях отражаются главнейшие черты переживаемой эпохи.

Не признавая писателя, считая его «вредным», изгоняя для «безопасности» на окраину, бюрократия тем самым провозгласила вредным, достойным «изгнания» и всё общество.

Общество преклонялось перед своими писателями-вождями.

Бюрократия считала их опасными.

Общество говорило: вы наши пророки, потому что говорите нам о той грядущей правде, которую мы смутно сознаём в своём сердце.

Бюрократия удаляет этих людей, считая их деятельность угрожающей спокойствию государства.

Точно два разных языка, два народа, два совершенно различных мира.

Бюрократия, не понимавшая писателей, тем самым расписывалась и в том, что она не в силах понять общества.

Общество, видя непонимание бюрократии, теряло всякое к ней уважение.

И замечательно, что никому из *современных* бюрократов не придёт в голову сослать теперь за то, за что были сосланы когда-то Пушкин, Лермонтов и Достоевский. Письмо Белинского к Гоголю, чтение которого было поставлено в вину Достоевскому, переиздано теперь много раз несколькими издательствами. «Вредные» произведения Пушкина и Лермонтова изучаются теперь в гимназии. Стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина», за которое он сослан был на Кавказ, заучивают наизусть гимназисты пятого-шестого класса.

Таким образом, то, чем общество жило в тридцатых, сороковых, пятидесятих годах, бюрократия перестала считать вредным лишь в начале двадцатого столетия.

Другими словами, сознание бюрократии отстаёт от общественного сознания приблизительно на полстолетия.

Вот к каким неизбежным выводам приводят размышления над тяжёлым «бытовым» явлением русской жизни.

А размышление над тем фактом, что бюрократия отстаёт от общества на пятьдесят лет, вызывает ещё более грустные думы:

Бюрократия для общества, а не общество для бюрократии. Но могут ли быть на высоте положения люди, когда они отстают от жизни на пятьдесят лет?<sup>310</sup> И может ли быть «взаимное доверие и понимание», когда люди говорят на разных языках, и то, что одни считают величием и славой, другие карают как «преступление».

## СТАРОЕ И НОВОЕ

**В**еличайшая гордость России — её литература.

Во всех других областях человеческого творчества и жизни — Россия одна из самых отсталых стран.

Гордиться литературой мы можем не потому только, что у нас было много великих писателей, а потому, что в литературе отражается *душа народа*. И по литературе, по этой «душе», можно судить не о том, каков народ *есть*, а о том, каким он *может быть*.

И вот на вопрос «каким может быть русский народ?» литература наша с гордостью могла бы ответить: может быть великим народом.

Но если Россия вправе гордиться литературой, то русская интеллигенция — своими *писателями*.

Светлые образы русских писателей — это лучшее, что дала интеллигенция. Не только *писались* великие произведения, — жили великие *люди*.

Русское общество привыкло смотреть на своих писателей как на светочей, моральных и духовных вождей.

И это было действительно так.

Пушкин, Толстой, Тургенев, Достоевский, Гаршин, Успенский, Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов — всё это *люди* не только первоклассных талантов, это *люди* с великою совестью. Писатели-мученики. Люди-апостолы.

Вот почему ни в одной стране не создался такой культ писателю, как в России. Этот культ в основе своей имел не «оценку» деятельности писателя, а любовь, поклонение, благодарность за всю его *жизнь*, за его страдания, за его великое сердце. Так было.

Современная литература катится вниз.

Это факт общепризнанный.

Отдельные вспышки таланта тонут в общей массе безнадёжных серых «общих мест»!

Падение русской литературы — зловещий признак. За ним стоит упадок и разложение если не всего народа, то, во всяком случае, русской интеллигенции<sup>311</sup>.

Всего ярче это сказывается в другом несомненном факте: угас прежний яркий образ русского писателя.

Кто прислушивается к личности Леонида Андреева, Куприна, Чирикова, Ценского и пр., и пр., и пр.? Кому дорог духовный их облик не как писателей, а как людей?

О Гаршине, об Успенском, о Достоевском знали, что это — вожди своего народа. На них радовались, ими гордились, ими жили.

А теперь?

Известно, что у Андреева моторная лодка, а Куприн летал на воздушном шаре, а какая-то группа литераторов травила кошек собаками в Петербурге...

Вот и всё.

Страшно мало!

Русскому читателю *некого любить*. Потому что писатели, которых он возводит на пьедестал, оказываются не пророками, а какими-то коммерческими дельцами.

Раньше читателей благоговейно умиляло, что их вожди — мученики, что они страдали на каторге, сходили с ума от ужаса жизни.

Теперь поражает, кажется, только одно: величина гонораров.

Андреев продал «Просвещению» свои сочинения за столько-то тысяч. А Куприн за столько-то. А этому предложили столько-то, но он отказался потому, что в другом месте дали столько-то...

«Признанные» писатели начинают писать «пьесы», явно не имея драматического таланта. Просто потому, что театр больше даёт «авторского дохода». Другими словами, торгуют своим именем оптом и в розницу.

И читатель не любит современного писателя.

Напрасно он по традиции толкует о проклятых вопросах. Его не любят, потому что ему не верят.

Между прежним творчеством и теперешним — целая пропасть. Дело не в величине талантов. Дело в том, что прежде писали, *имея на это право*, а право писать покупается ценой страдания.

Теперь право писать покупается «популярностью».

То, что выстрадано, всегда *народно*.

Вот почему, как ни велика отчуждённость интеллигенции от народа, прежние писатели всё же народны. Теперешние — нет.

Пушкина, Тургенева, Достоевского народ «не понимает» только потому, что он неграмотен, неразвит, тёмнен.

Но дайте ему хоть самую первую ступень образования, и он поймёт и полюбит их. Он узнает в них свою душу, свои боли, свои сомненья.

Но Андреевы, Чириковы, Куприны, не говоря уже о тех, кто «поменьше», никогда не будут «понятны» народу.

И спасение их в том, что по невежеству своему народ их не понимает.

Если когда-нибудь и поймёт, то и отвергнет. Как грубую подделку.

## ДВА СЛОВА О ПИНКЕРТОНОВЩИНЕ

«Хороший человек» живёт в очень скверном городе. Больше: в самом отвратительном городе в России, где вместо улиц — песок и дохлые кошки, а вместо людей — какое-то сплошное «недоразумение»!..

«Хороший человек» пытается кого-то «просвещать» в этом удивительном городе. Продаёт он газеты и книги.

Недавно, по поводу одного народного журнала, посланного мною ему, он пишет:

«Журнал мне нравится, да и все одобряют, кто читал его, но очень забывает лубочная литература; не только молодёжь, но совершеннолетние питаются этой бездушной духовной пищей».

«Забывает лубочная литература»!

Милый «хороший человек», не лубочная литература виновата, что ею питаются, а люди, что у них есть потребность в этой «бездушной духовной» пище.

Говорят: скажи мне, с кем ты знаком, я скажу тебе, кто ты.

Вдвойне это применимо к литературе: скажи, что ты читаешь, что тебе в литературе нравится, и выдашь себя с головой.

«Потребность» в пинкертоновщине — явление глубоко знаменательное. Это поистине может быть названо «общественным бедствием».

Вы только вдумайтесь: кем нужно быть, чтобы получать удовлетворение от этих безграмотных лубочных изданий.

Я бы хотел когда-нибудь посмотреть «автора» «Палачей Берлина»<sup>312</sup> и прочей мерзости. Ведь такой безвкусицы нарочно не

выдумашь — это «от души»; каков же должен быть духовный облик «творца»?

Думать жутко.

Поразительно, что чтения пинкертоновщины даже не «стыдятся»! Очевидно, совершенно не понимают, в чём они расписываются, покупая такую книгу. А то, если не иное что, так хоть самолюбие заставило бы читать пинкертонов «тайно».

Разве кто-нибудь согласится выйти на улицу и заявить: «Посмотрите, милостивые государи, какое я представляю из себя духовное убожество, — ни мыслей, ни чувств, ни вкуса, ни сколько-нибудь живого человеческого переживания нет в моей душе, — одно сплошное свинство».

Едва ли найдётся хоть один столь откровенный господин в России.

А ехать на трамвае, по железной дороге, сидеть на вокзале, углубившись в «Палача Берлина», — это сколько угодно!

Но разве здесь не одно и то же?

Уверяю вас — никакой разницы. Спрашивается, какую надо иметь душу, чем должен человек «жить», каков у него должен быть «вкус», если ему могут нравиться все эти расквашенные носы, электрические стулья, все эти герои из сыскного отделения, убийства, грабежи, петли... Каков должен быть «мозг», если его может «заинтересовать» самый ход «событий» всех этих «таинственных пещер». А ведь читают с «захватывающим интересом»! Каков, наконец, должен быть «вкус», если не тошнит читателя от одной обложки лубочных изданий!

Не ясно ли, что только полнейшее умственное и духовное убожество может «упиваться» этой дрянью. И «углубляясь» в неё, всякий публично признаётся в своём нравственном вырождении.

Я пинкертоновщину называю «общественным бедствием» потому, что чтение её свидетельствует о разложении известных слоёв общества, о каком-то внутреннем гниении. Ибо мало-мальски духовно здоровый человек от пинкертонов ничего, кроме отвращения, получить не может.

Бороться с лубочной «литературой» — занятие праздное. Надо бороться с душевной пустотой, которая её обуславливает.

Мой «хороший человек» — человек «неучёный». Но сам любит хорошую книгу. Бороться ему приходится в одиночку, да и какая



борьба с «пустым местом»? Ибо в скверном городе, в котором он живёт, даже и чертей настоящих нет — так, «мелкие бесы» одни.

Но всё-таки от души говорю: дай Бог успеха. Если всюду будут «хорошие люди» бороться «в одиночку», то скоро, очень скоро перестанет общество питаться «бездушной духовной пищей», и весь этот кошмар пошлых и кровавых «Палачей Берлина» исчезнет, как тяжёлый туман.

## ПИШИТЕ ДЛЯ НАРОДА

**У** нас любят возмущаться лубочной литературой.

И действительно, здесь есть чем возмущаться. Но странно слышать упрёки по адресу простых людей, читающих копеечную лубочную литературу, из уст «признанных» писателей.

А между тем, кто у нас в литературе только не иронизировал над пинкертоновщиной!

Казалось бы, лучшим средством борьбы с уличными бездарными, грубыми и вредными изданиями — могло бы быть создание *настоящей* народной литературы.

А для этого *настоящие* писатели должны начать писать для народа.

Теперь это не принято. Даже слегка роняет «денежный престиж» писателя, его «рыночную» стоимость. Помилуйте, он пишет в «захудалом», «бедном», «грошовом» издании!

Разве *настоящий* писатель будет там сотрудничать?

И действительно, как только заходит речь об изданиях для народа, так сейчас же препятствие: некому сотрудничать.

Я понимаю, есть много тем, переживаний, идей — чуждых простому народу, недоступных, а иногда и ненужных ему.

Они нужны и понятны интеллигенции.

Но неужели в душевном и литературном багаже *любого* русского писателя не найдётся ничего «подходящего» для простых читателей. Почему бы каждому пишущему не обязать бы себя хотя бы один час из десяти, занятых работой, отдавать народу. Один печатный лист из десяти писать для тех, кто отравляется лубочной литературой.

Книжный рынок завален всевозможными изданиями с мудрейшими издательскими марками. Каких слов тут нет. И Апол-

лоны, и Сфинксы, и Скорпионы, и Мусагеты, и пр., и пр., и пр. И хотя бы что-нибудь для рабочего и мужика.

В нашей «интеллигентской» литературе появился даже особый вид писателей, которых *все* знают и *никто* не читает.

Найдите мне такое ископаемое, которое было бы знакомо с произведениями Георгия Чулкова?

Наверное не найдёте, кроме редакторов и специалистов рецензентов.

Но найдите хотя бы одного интеллигентного читателя, который не знал бы, что такой писатель существует.

Тоже не найдёте.

Причина проста.

Раньше писателей сначала *читали*, потом они делались «известными».

Теперь «писатель» вращается в литературных кругах и начинает «перечисляться» в числе сотрудников всех журналов.

Получается «имя»!

А произведения не читаются, потому что бездарны. Если читаются, то сейчас же забываются.

Так появляются Чулковы, Архиповы и многие другие.

Другими словами — имя! Во что бы то ни стало — имя!

Ради «имени» люди, не имеющие таланта, втираются в литературу, «печатаются» во всевозможных модных издательствах.

Из боязни «скомпрометировать» своё «литературное имя» люди, имеющие талант, не пишут для народа.

Пора, наконец, бросить этот предрассудок, пора понять, что писать для народа не может унижить ничьё самое прославленное писательское имя, ибо нет более отзывчивой, более благодарной и более нуждающейся аудитории, как аудитория народная.

Пишите в своих «Аполлонах» на «веленовой» бумаге, если это вам нравится, но хоть раз в месяц говорите с народом на серой, копеечной бумаге.

Пусть там — для «славы», для «деньги», для «святого» искусства, наконец, если уж вам необходимо, чтобы за вами признали «возвышенную цель».

А здесь — для души, для совести.

Пишите для народа! И поверьте — вся лубочная мерзость исчезнет.

Дайте хорошую книгу, газету, журнал, и через год провалится сквозь землю Пинкертон.

## ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО ДОЛЖНОСТИ

Гоголь дал великий завет писателям всех поколений: он сказал им, что со словом надо обращаться честно и что горе писателю, если он непродуманное, ложное слово выпустит из-под своего пера в широкую массу читателей<sup>313</sup>.

Этот великий завет современными писателями забыт совершенно.

У них исчезло сознание *ответственности* за каждое написанное слово.

Но грех «ложного слова», пущенного в обращение, гораздо глубже *личного* греха.

За личную жизнь человек ответственен перед своей совестью, но когда писатель свой грех, свою ложь выпускает на соблазн многим, — он принимает на свою душу ответственность перед тысячами людей, которых выучил неправде.

Писатель, который пользуется своим талантом для того, чтобы отравлять человеческое сердце, свершает в своём роде «преступление по должности». Русская современная литература последних лет приняла грубо-эротическое направление. Целый ряд известных имён привлекался к суду за порнографию. Появлялись целые альманахи («Жизнь»), где *все* рассказы до одного включали в себя описание изнасилования<sup>314</sup>. Русская литература как бы стремилась *наверстать прошлое*. От Гоголя до Чехова весь свой славный путь литература прошла, не замавав себя ни одним грязным пятном. Целомудрию русской литературы удивлялся весь мир. И действительно, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Толстой, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Лесков, Писемский, Гаршин, Успенский, Чехов, Короленко — все лучшие писатели со словом обращались честно!

Зато наверстали сразу! И начали писать нечто такое, что стало вызывать отвращение даже в наших соседях.

«Преступление по должности» — легкомысленное, непростительное отношение к своему писательскому долгу — даёт достойные плоды. Писатели в столицах очень красиво и со вкусом рисовали всевозможные сладострастные картины, какие рисовались их нездоровому воображению, а в глухой провинции средние люди захлёбываясь читали, что пишут «властители дум».

Писатели — пописывали. Читатели — почитывали.

Но вот читателям захотелось дать отчёт в том, как они «усвоили» себе «пикантные» произведения современных писателей. И они этот отчёт дали.

На конкурсе имени Островского со всех концов из провинции были присланы «произведения» средних обывателей<sup>315</sup>. Все они бездарны. И это в данном случае хорошо: значит, писали не «писатели», а обыватели. Именно те самые «читатели-обыватели», которые воспитывались на модных альманахах.

Теперь столичные учителя могут с удовольствием лицезреть успех своих учеников! В пьесах, присланных на конкурс, по словам газет: «студенческая молодёжь выводится только как пьющая, кутящая, орущая песни, с плоскими разговорами. Вводится в пьесах грубое обличение в скотстве. В одной пьесе босяки по очереди насилуют девушку. Другая драма написана под влиянием Арцыбашева: выведен тип растлителя, растлевающего 17 невинных девушек» и т. д., и т. д.

Ведь все эти «драмы» есть не что иное, как домашние сочинения провинциальных учеников на тему: «Чему мы научились у современных писателей».

И прочтя эти «сочинения» — «учителям» должно сделаться стыдно. Стыдно за то, что они ничего не дали своему читателю, ничему его не научили и только ещё более загрязнили и развратили и без того грязную и развращённую душу современных представителей расшатанной эпохи.

## ТОСКА О ПРОРОКЕ

**З**адумывались ли вы когда-нибудь над вопросом: почему наши современные писатели не покажут нам ни одного настоящего *героя*?

Пусть жизнь мало даёт «героических» примеров, но, казалось бы, тем с большей силой должны тосковать люди о настоящим *человеке*, и если действительность сера, тускла, бессильна, то тем напряжённее в *творчестве* своём они должны стремиться к пророку.

Присмотритесь к «героям» нашей литературы за последние двадцать пять лет. Без различия «направлений», и у декадентов, и у реалистов, и у талантливых, и у бездарных, и в стихах,

и в романах, и в драмах — сплошное «нытье», ни одного смелого, яркого, определённого призыва. Ни одного образа, который бы захватил душу, как несбыточная мечта. Ни одного героя, про которого можно было бы сказать: это пророк!

Безлюдье, скажете, безвременье.

Нет, не то.

Есть писатели, несомненно, талантливые, и если бесцветная жизнь не даёт им ярких красок для создания настоящего героя, они могли бы найти их в собственной душе, и если нельзя описать пророка «с натуры», они могли бы и должны были показать его как свою задушевную мечту.

Очевидно, пророка нет ни в действительности, ни в мечтах...

И в то же время несомненно, что наша эпоха — канун перед какими-то великими историческими событиями, и что современное человечество полно напряжённого ожидания подлинного пророка, что никогда ещё во всех областях жизни не чувствовался такой тупик, не чувствовалось, что старое изжито, и не ожидалось новых слов, новых призывов пророческой силы.

Почему же такое бессилие творчества? Почему писатели явно не могут дать того, чего от них хотят? Почему они не покажут в своих произведениях тот образ нового человека, о котором истосковались все?

Причина в том, что *пишут те, кто ни о каких пророках не тоскует, а те, кто тоскует и ждёт, не пишут.*

Ждёт — народ.

Пишут — писатели-интеллигенты.

Пишут те, кто изжил жизнь. Упёрся в стену. Стоит и ноет.

Ждут те, кто чувствует неиссякаемый источник сил для нового, великого жизненного пути.

Только тогда литература наша сможет дать творческий образ настоящего героя, нового человека, грядущего пророка, когда народные силы, народная вера, вся духовная мощь его, его пламенное упование на новую жизнь на новой праведной земле, — дойдут до души современных писателей.

А для этого они должны *соединиться с народом.*

Не внешним «опрощением». И тем более не подделкой под народный «тон», и не тем, что писать рассказы из «народного быта».

Нет. Надо душой, сердцем своим, всей своей внутренней сущностью подойти и слиться с народом. Этого нельзя сделать «на-

сильно». Но это случится *неизбежно*, если писатели, как и все люди, перестанут обманывать себя, что они куда-то ушли вперёд и знают какие-то великие научные истины. Надо, чтобы каждый, как некогда Толстой, задал себе серьёзно вопрос «зачем жить и как жить?». И тогда он решит эти вопросы так, как решает их религиозное сознание народа. Обязательно решит так, ибо это единственное возможное решение.

Тогда произойдёт и внутреннее слияние «интеллигенции» с народом. И обновится творчество. И придёт и в литературу, и в жизнь образ подлинного пророка.

## ОНИ БОЛЬШЕ НЕ ВЕРЯТ...

**Е**сли бы наши писатели, и особенно публицисты, почаще общались с своими читателями, но только не с читателями «интеллигентными», которые, из требований «высшей деликатности», никогда не скажут в лицо писателю правды, — а с читателями *из народа*, по захолустным провинциальным углам, много бы им пришлось услышать горькой и поучительной правды.

Я, по крайней мере, в своих скитаниях понаслышался многого, совершенно по-иному осветившего мне смысл и значение «публицистической деятельности»! И если писатель не хочет заниматься самообольщением, не хочет обманываясь себя, что, мол, делает «важное дело», в то время как вся его «деятельность» сводится или к прославлению своего имени в кучке так называемых «интеллигентных людей» (если у него есть талант), или к заполнению необходимого количества строк в «периодический печати» (если таланта нет), словом, если он не хочет заниматься деятельностью, по виду чрезвычайно полезной, а на самом деле совершенно ни для кого не нужной, для собственной же личности писателя вредной и развращённой, — он должен чутко прислушаться к думе своего читателя.

И в большинстве случаев серьёзный и честный человек должен будет тогда сознаться, что пишет он — меньше всего о том, что ждёт от него читатель. И что наиболее важного и нужного для самого писателя в большинстве случаев он не затрагивает. И это потому так, что пишут у нас по «инерции». Решив, что больше всего люди интересуются «злобами дня».

Но поезжайте по России — прислушайтесь, о чём говорят и *спрашивают* читатели, и вы увидите, что Пуришкевичи, Марковы, кадеты, политика, Австрия и Персия — всё это надоело до тошноты.

Настоящий читатель, который читает не для того, чтобы не было скучно ехать в трамвае, т. е., в конце концов, именно тот читатель, для которого имеет смысл писать, — хочет совсем другого: во-первых, он хочет указаний, как относиться к текущим событиям с точки зрения *правды*; и во-вторых, хочет в написанном почувствовать *живую душу писателя*, чтобы вместе с ним поболеть душой и в этой *общности* переживаний найти облегчение своему горю и своему одиночеству.

Ведь о том, о чём больше всего болит сердце, говорить друг с другом не принято! Ну а писатели уж такой народ, это их «специальность» о болях человеческих писать. И вот напишет он, а тысячи прочтут.

И точно душа в душу с кем-то побеседуют.

Таким образом, писатель должен: *учить и утешать*<sup>316</sup>.

И вот тут-то обнаруживается целая трагедия, которая начинается между современным русским писателем и читателем. Трагедия, мало ещё для большинства заметная.

Она состоит в том, что *читатель больше не верит писателю*.

Недавно мне пришлось разговаривать о литературе с несколькими такими «не верящими» людьми. Из простых. Не избалованными «хорошей книгой».

— Не верим мы тому, что пишут, — с искренней горечью говорили мне, — пишут нынче все складно. А живут плохо. Мы раньше думали, что складно писать может только тот, кто всё это переживал. А теперь видим, что нет. И не знаем, кому можно верить, кому нет. И всем потому не верим, пока лично не узнаем... Не влияет уж на нас так хорошее слово, как раньше...

Вдумываясь в их слова, я вижу, что они во многом правы. Поскольку писатель должен *учить*, не имеет значения, как он живёт. Если вор скажет «не укради», это не перестанет быть истинной. Но писатель, который живёт не как учит, лишается главного своего назначения — *утешать* людей. Если читатель *не верит*, что писатель *пережил* то, о чём пишет, уж он не может искать в его писаниях отраду *совместного переживания*. И литература перестаёт быть великим средством для общения людей<sup>317</sup>.

Толстому многие не верили, и потому интересовались только его «учением». Но когда *поверили*, пошли к его произведениям, как истерзанные дети к любящему отцу. И влияние его удес-терилось. И если читатель изверится в писателе окончательно, изверится не в святости его, а в том, что в самом страшном падении своём писатель остаётся искренним, — русская, и без того одинокая, жизнь осиротеет ещё больше.

## «НИЧЕГО НЕ ХОТИМ И НИЧЕГО НЕ ЖЕЛАЕМ»

У Горького в «На дне» один пьяный малый всё время твердит:  
— Ничего не хочу, ничего не желаю!

Глупая, бестолковая и надоедливая фраза.

Не так давно молодой талантливый критик-публицист, по словам «Русской мысли», признался, что все современные интеллигенты в глубине души повторяют эту фразу<sup>318</sup>.

Только раньше делали это с *лихостью*.

А теперь — с *тихостью*.

Я лично убеждён, что отсутствие *определённых желаний* есть самая основная духовная болезнь нашего времени.

«Простится то тебе, чего не сможешь, — говорил Бранд. — Чего не захотел ты — никогда!»<sup>319</sup>

Можно ошибаться, можно падать нравственно, можно не раз и не два, а много раз коренным образом менять свою жизнь, можно, наконец, мучительно переживать разлад своей жизни со своим «учением», по слабости воли не иметь «силы» осуществлять то, что *хочешь*.

Всё это простится, потому что без этого невысказанно человеческая *жизнь*.

Там, где люди живут *по-настоящему*, они и мучаются, и падают, и поднимаются вновь.

Но обязательно надо *хотеть*. Надо каждый час своей жизни к чему бы то ни было *стремиться*, куда-то *идти*, что-то *искать*.

Хотение — это пульс жизни. *Не хотят* только те, в ком нет горячей крови, у кого остановилось сердце.

«Ничего не хочу, ничего не желаю» — не как нелепую фразу в пьяном виде, а как серьёзную душевную исповедь может сказать только *духовный мертвец*.



И между тем русская интеллигенция в глубине души уже почти готова расписаться под этой фразой.

Правда, ещё делается вид, что всё идёт «по-прежнему». По стенам интеллигентных квартир висят портреты Герцена, Добролюбова, Михайловского, «по-прежнему» говорят о высоких общественных идеалах, но в застывшем сердце невнятно, но неотступно звучит одна мысль: «Ничего не хочу, ничего не желаю!»

Если бы захотеть! Я знаю, вы скажете: режим, правительство, штрафы, положение печати и пр., и пр., и пр.

Верно, тысячу раз верно! Но, Боже мой, неужели в эпоху Нерона было лучше? Неужели в эпоху инквизиции было свободней?

А ведь *хотели*. И как хотели!

«Времена великого ужаса бывают временами великих надежд», — говорил Сабатьё<sup>320</sup>.

Вы толкуете всё о «великих ужасах». Так покажите же нам и великие *надежды*!

Чтобы спасти дух свой от окончательной гибели, интеллигенция должна перестать лгать, должна перестать делать вид, что она чего-то *хочет*.

Должна искренне признать смертельную опасность своей болезни и обратиться туда, где умеют *хотеть* без трескучих фраз, но с великой, неотступной надеждой и ещё более великим терпением — к *народу*.

## КОГДА ЖЕ ПРИДЁТ НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ?

Этот вопрос был поставлен Добролюбовым по поводу романа Тургенева «Накануне». Но если взять всю историю русской общественности и русской мысли, — вся она от начала до конца проникнута тоской о грядущем «настоящем дне». Спрашивали о нём и великие выразители национальной совести — русские писатели-пророки, писатели-граждане, нёсшие на своих измученных плечах непосильную ношу народного и всечеловеческого горя. Спрашивали русские публицисты, властители дум молодых поколений. Спрашивали лучшие представители интеллигенции, с непоколебимой верой шедшие за своими вождями.

Как будто бы надо всей русской жизнью поднялся «красный цветок», приковал к себе больную совесть многострадального

русского писателя и зажёг в нём восторженную мечту Гаршина, что надо вырвать с корнем красный цветок, и тогда погибнет мировое зло и придёт, наконец, настоящий день.

В наши тяжёлые, беспросветные дни почти насмешкой звучит этот вопрос, серьёзно и искренно его не задают; звучит он бес- сильно, по традиции, не столько с надеждой на будущее, сколько в память давно минувшего.

Но большинство всегда не право, говорит Ибсен<sup>321</sup>.

Позвольте же мне, случайному фельетонисту, наперекор всему и всем, без всякой надежды на успех, поднять мой слабый голос в защиту близости грядущего возрождения. Ведь величайшие исторические события редко предвиделись современниками, и только впоследствии наука устанавливала их неизбежность. Только не подумайте, что я хочу пропеть какой-нибудь «бравур- ный марш»: смотрите, мол, вы все в унынии, а я вот какой моло- дец! Нет, где уж мне. Я, может быть, склонен к унынию больше вашего. И всё же я непоколебимо и глубоко верю, что настоящий день близок. Не думайте также, что я идеализирую действитель- ность и усматриваю, что где-то что-то «осуществлено». Нет, нигде ничего не «осуществляется». Вера моя родилась от сознания, что дошли мы до *последней черты*<sup>322</sup>.

Была ли когда-нибудь так бесцветна, так пуста политическая жизнь России, как сейчас? Никогда. Мы знаем эпохи ужасные, помним Аракчеева, Муравьёва, Плеве, — пусть это было зло, но это всё же была *определённая активная сила*, по-своему яр- кая. А теперь — бессильное топтание на месте, безликий октя- бризм, нечто худшее, чем зло, какое-то торжествующее пустое место.

Общественная жизнь сведена на нет. Пресекается малейшая попытка выйти из безнадежно застывшего состояния, заботли- во устраняется всё, что может нарушить обывательский покой. Пусть гуляют по скверу, или Невскому проспекту, или устраивают пикники на Воробьёвых горах.

А какой тупик в литературе, в искусстве, в журналистике.

Есть недурные беллетристы — но нет никакой литературной школы. Есть писатели, но сами они признаются, что ничему не учат и никуда не ведут. Благороднейший тип русского писателя поплёк, распылится на какие-то мелкие неузнаваемые оскол- ки. По старой памяти хотели были Горького возвести на пьеде-

стал — упал. Попытались Л. Андреева — падает. Руководящей критики нет: есть частное мнение отдельных писателей. Каждая эпоха имела своего выразителя в публицистике, своё «лицо» — были Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский. Теперь у безличной эпохи нет и не может быть никакого определённого выразителя, определённого «лица».

В искусстве кризис. В театре все пути пройдены. Станиславский признал, что Художественный театр описал полный круг и пришёл на прежнее место<sup>323</sup>. Торжествует кинематограф с короткими в трико, с тещами, с расквашенными носами.

Русская жизнь дошла до последней черты.

Но что же за этой чертой? Или *окончательное* разложение, или *настоящий* день! Я не хочу лгать и говорить, что вижу то, что я не вижу; никакой зари и пр. видеть я не могу. Но я никогда не поверю, чтобы напрасны были все вековечные, беспримерные страдания русского народа; чтобы могла бесследно исчезнуть земля, которую пропитали человеческие слёзы; чтобы погиб великий народ, давший общечеловеческой культуре Гоголя, Толстого и Достоевского.

Но жить дальше так — он не может.

Не жизнерадостный оптимизм, а напротив, сознание всей безысходности и непроглядности окружающей ночи заставляет меня на вопрос «когда же придёт настоящий день?» со всей серьёзностью ответить: скоро! Мы живём воистину «накануне».

## ДВА ПРАЗДНИКА

**В** Москве состоялось торжественное открытие памятника Гоголю. Невольно напрашивается сравнение гоголевских дней с незабвенным пушкинским праздником<sup>324</sup>. И какие безнадёжные и до осязательности ясные выводы подсказывает это сравнение.

Пушкинский праздник стоит на рубеже двух эпох общественной жизни России. «Эпоха великих реформ» закончилась, реакция одержала полную победу над освободительным движением шестидесятых и начала семидесятых годов, «ликвидация» недавнего великого прошлого шла по всей линии. Пушкинский праздник был как бы лебединою песнью пробуждённой и вновь

скованной России. Но что это была за песнь! Её пропели люди, созданные недолгой эпохой свободы, великаны русского национального гения. Все самые противоположные течения русской жизни имели здесь своих блестящих представителей, от западника Тургенева до редактора «Московских ведомостей» Каткова. Объединил ли их пушкинский праздник? Во всяком случае, ненадолго. Уже на банкете после знаменитой речи Достоевского сказалась вся непримиримая рознь Тургенева и Каткова. Катков протянул бокал Тургеневу в знак примирения, но тот не ответил на это приветствие и, когда друзья стали упрекать его, сказал: «Я старый воробей, меня на шампанском не проведёшь!»<sup>325</sup> И оказался прав: не прошло трёх дней, как Катков возобновил свою травлю либерализма. Но как бы ни было, пушкинский праздник, на пороге новой эпохи русской жизни, показал обществу лучших представителей враждующих между собой идейных течений.

И вот потянулись беспросветные, монотонные восьмидесятилетние годы, потом девяностые, наступило двадцатое столетие, как ураган пронеслась русская революция и перед нами новое торжество и на нём новые люди. Гоголевские дни — это смотр. Пусть же русская жизнь покажет, что могла она дать, каких людей создала в политической и общественной атмосфере последних тридцати лет.

Кто придёт на праздник, как представитель реакции вместо Каткова? Поэт Пуришкевич? Или обвиняемый в подстрекательстве к убийству Герценштейна Дубровин? И какому Тургеневу протянут они свой бокал в знак примирения? Приват-доценту Сакулину?<sup>326</sup> Или писателю Куприну? Кто пойдёт на кафедру вместо Достоевского и перед кем упадёт в обморок потрясённый молодой человек, как упал он перед Достоевским на пушкинском празднике? Очевидно, Леонид Андреев...

Тридцать лет удушливой, отупляющей общественной жизни не могли пройти бесследно. И враги, и друзья свободы — все одинаково измельчали, поблёкли, посерели.

Но может быть, и гоголевские дни также стоят на рубеже новой русской жизни. Может быть, на них подводится итог старой России. И как за пушкинскими днями открывалась эпоха безнадёжного застоя, так за днями Гоголя откроется эпоха свободы и возрождения.

## О «ПОТЕШНЫХ»

Говорят, Азеф любил детей.

Чудовище в человеческом образе, чья рука не дрогнула предавать людей десятками на неизбежную смерть, — любил играть, «возиться», «дурачиться» с маленькими детьми.

Может быть, и в его мёртвой душе что-нибудь светило в эти часы. Недаром же говорят, и дети его любили. Чувствовали же они в нём проблески чего-то для себя родного?

Как бы низко не пал человек, в душе его всегда найдётся *хорошее* для ребёнка. Как бы ни был угрюм — улыбнётся. Как бы ни был жесток — смягчится. «Любить детей» — нет никакой заслуги. Это общечеловеческая *потребность*. Почти инстинкт.

И детей все *любят*.

Но для детей общество почти ничего *не делает*.

Я не говорю о детях улицы. Здесь возникают вопросы о благотворительности, о социальных реформах... Сейчас не о том речь.

Я говорю вот о тех самых детях, которых «все любят», на которых все «радуются» и которых вовсе не надо спасать от голодной смерти.

Недавно мне рассказывали о прогулке детей за город.

Дело происходило в одном отвратительнейшем, пыльном, грязном поволжском городе. На десятки вёрст кругом — ни деревца.

— Куда же, — спрашиваю, — вы ходили?

— На гору.

— Да ведь жарко: ни леса, ни сада...

— Там на горе ручей есть.

— Что же, довольны дети?

— Уж так довольны: расспрашивали, когда ещё пойдём.

Рассказывал мне это человек, который ходил с ними, — простой крестьянин. Дети были (человек двести) по преимуществу бедного населения, но не нищие. И в благотворительности не нуждающиеся. И вот прогулка «на гору», где вся прелесть в каком-то «ручье», привела их в восторг.

Я понимаю этот восторг. Слава Богу — не забыл ещё, как сам был ребёнком. Детская душа хрупкая, нежная, — она изнемогает от городских впечатлений. Как цветок без воды сохнет — так душа

ребёнка без природы. Обязательно надо, чтобы хоть маленький ручеёк был. Хоть какая-нибудь «гора». И, главное, настоящая зелёная, душистая трава.

Надо *заняться детьми* — это сознали теперь все. И вот, многие официальные учреждения и всевозможные общества «занялись».

От слов перешли к «делу».

Началась игра в «потешные»...

Взрослые люди принялись «воспитывать» молодёжь. И сразу же обнаружили, что они не понимают, что детям нужно. Вот почему то, что продельвается теперь по всем концам России над ребятишками, — до глубины души обидно и больно.

Скажут: физическое воспитание необходимо, а «потешные» игры детей и преследуют цель физического развития.

Не спору. Но не потому больно за потешные упражнения детей, что их физически развивают. Это хорошо. Но сам дух, само направление — вредно. Какие мускулы ни развейте у «потешных», — всё это ничто перед тем, что к отравляющим впечатлениям города на детскую душу наваливают ещё пускай «потешные», но всё же «казарменные» впечатления. За строем и военными упражнениями — дети не увидят ни травы, ни ручья, ни горы, ни лесной тени, — в каких бы райских местах ни происходили эти упражнения, — потому что душа-то их загнана в строй.

Не то детям нужно. Им нужно облагораживающее, благотворное влияние природы, простоты, полей и лесов. Им надо от города, от его душных впечатлений уйти. Городские дети — слишком мало дети, их нужно заставлять быть не маленькими солдатами, а *настоящими* детьми. На то и зелёная трава, и голубое небо.

В наши дни это нужно *особенно*.

Ведь в то время как организуются «потешные» игры в солдаты, дети сами организуют игры в потешные преступления. Почитайте газеты: сообщается об игре «в виселицу», «в расстрелы», в «телесное наказание», и это не в одном каком-нибудь месте, а в разных концах России. Значит, явление не случайное, а общественное, и среди детей не «уличных», а гимназистов и реаллистов, — значит, уже класса более или менее интеллигентного.

О, я отлично понимаю, что эти страшные детские игры создала наша жестокая, безумная современная жизнь и что одними «прогулками» не спасёшь детей. Но, во всяком случае, помочь детям стряхнуть с плеч кошмарные впечатления — священный

долг общества. Против «потешных» виселиц нельзя бороться «потешными» военными упражнениями, надо бороться чем-либо таким, что гнало бы прочь мрачные впечатления, что умиляло бы детскую душу, вызывало в ней светлые, радостные чувства.

Для этого усилия общества должны быть направлены на то, чтобы приблизить детей к *природе*, а не к *казарме*, — чтобы сделать из них настоящих *людей*, а не храбрых *солдат*.

## РУССКИЕ ДЕТИ

Общеземский съезд по народному образованию высказался против «потешных».

Слава Богу! Хотя одно авторитетное слово против опасности, надвигающейся на русских детей.

Отдельные голоса раздавались, но они странными мотивами обуславливали своё отрицательное отношение к игре в солдатики.

А. И. Гучков сказал: «Не нравится мне эта шагистика и ружистика, потому что по спинам детей кто-то карабкается, чтобы сделать себе карьеру».

Г. Петров против потешных, потому что этому делу придали националистический характер.

Нет, дело и не в карьеризме, и не в национализме.

А дело в том, что военный дух органически чужд русским детям. И не может быть правильного воспитания там, где воспитательные приёмы идут явно вразрез с духовными свойствами детей.

Русские люди умеют умирать на войне. Россия вела много победоносных войн. Но в глубине народного сознания живёт глубокое отвращение к войне. Она всегда для народа русского страшное несчастье, неизбежное зло.

В русском мужике нет «воинственного» духа. Никакого стремления нет в нём «бряцать оружием». Мир — он всегда предпочтёт самой выгодной ссоре.

Каков весь народ — таковы и его дети.

Среди русских студентов никогда не будет считаться доблестью иметь бесконечное количество шрамов от дуэлей, как это считается в Германии. И никогда не будут волновать душу русского ребёнка военные подвиги так, как волнуют народные сказки.

Но дети всё же дети. И с ними можно сделать многое. Привить совершенно чуждое и развить то, что с годами исчезло бы само собой.

Жестокое, мрачное время, которое мы переживаем, и без того слишком чёрною тенью легло на светлую детскую душу, слишком рано заставляет детей страдать, задумываться, бояться и, главное, слишком рано делает их «горожанами».

Город шумом своим давно уже отравляет и деревню. И там мало-помалу дети становятся не детьми.

Очередная задача воспитания именно в том, чтобы парализовать жестокие черты современности, научить детей быть настоящими детьми.

И вдруг вместо таковых задач выдвигается почти явно противоположное:

Школа превращается в «потешную» казарму, а школьники — в «потешных» солдат.

Не карьеризм тех или иных личностей и не националистическое направление принесёт здесь главнейший вред, — а то, что из школ улетучится последний остаток живой непосредственности. И мёртвый «строй» будет накладывать свою печать на чуткие души русских детей ещё раньше, чем они начнут жить.

## ОТРАВА СОВЕСТИ <sup>327</sup>

Давно уже газеты отмечали как «курьёзный» факт, что дети в разных концах России стали играть «в виселицу».

Несколько лет тому назад играли «в забастовку». Теперь игра переменялась...

И вот на днях мне самому пришлось, собственными глазами, видеть эту ужасную игру.

Три маленьких карапуза «вешали» худенького, бледенького мальчика, «преступника». Двое карапузов изображали «стражу» с деревянными ружьями на плечах, а третий — «палача».

Около забора была сделана настоящая «виселица» из тонких досок, и к ней была привязана грязная мочальная верёвка.

Лица у мальчиков были серьёзные, не похожие на лица «играющих» детей. Не радостные. Но всё же чувствовалось в них своё «возбуждение»: очевидно, они по-своему сильно переживали «игру». Особенно выразительно было лицо «преступника».



Он положительно *страдал*, и не знаю — от холода или от нервного состояния, но то и дело вздрагивал худеньким телом.

Я остановился и стал смотреть.

— Арестант Санька, — провозгласил один из стражников, — вешается за кражу белья. Он не повинился, и судья велел его повесить.

— Теперь прощайся с народом, — сказал другой стражник.

Худенький мальчик поклонился на все стороны и, заикаясь, сказал:

— Прощайте... помру я... маменьке поклонитесь... прощайте...

Затем «палач» надел на горло мальчика верёвку, тот слегка поджал ноги и закрыл глаза.

— Готов! — провозгласил «палач».

Игра кончилась...

Недавно В. Короленко назвал смертную казнь «бытовым явлением»<sup>308</sup>. Вот это — больше чем бытовое явление.

И пусть задумаются защитники смертной казни, до чего может дойти народ, дети которого начинают «играть в виселицу».

Маленький факт. Почти смешной. Глупые дети, глупая игра. Но вдумайтесь в глубь этого факта, и вы ужаснётесь. Вы увидите за ним страшную, тёмную силу, которая угрожает России полным моральным разложением. В этой «игре» симптом страшной болезни, которая угрожает гибелью стране.

Сколько писалось всевозможных теоретических рассуждений за и против смертной казни. Писали и учёные, и богословы, и художники, и публицисты. Обсуждали вопрос со всех точек зрения — и с государственной, и с моральной, и с религиозной.

А здесь, в этой детской игре, не «рассуждение», а *живой факт*. Я не хочу спорить и «доказывать». Не хочу разбираться в «текстах» и углубляться в дебри юридических, политических или богословских теорий.

Пусть правы те, кто утверждает, что смертная казнь позволительна, что она *заслуженное* наказание преступникам. Что есть такие испорченные люди, которых сам Бог повелел казнить мечом.

Пусть так. Я *сейчас* не об этом хочу говорить.

Но пора понять — и может быть, задумавшись над таким «пустяком», как детская игра «в виселицу», понять это легче всего, — пора понять, что смертная казнь ужасна не только потому, что она убивает людей, но потому, что она развращает живых.

Все схоластические тонкости, объясняющие разницу между убийством *просто* и убийством *по закону*, не усваиваются народом. Он воспринимает только один голый факт. Правительство *тоже* допускает убийство. Значит, убийство *возможно*. Лишь бы оно было «за дело». Стирается психологическая черта, делавшая *всякое* убийство преступным, недопустимым. И так как человек склонен считать себя непогрешимым судьёй, то достаточно ему при случае *решить*, что человек «заслуживает» убийства, — чтобы он и убил его, если в глубине души убийство считает «допустимым».

Каждый день народ читает в газетах о смертных казнях, и если даже были бы правы те, которые думают, что каждый день вешают «за дело» и что общество «очищается» от вредных элементов, — то не ясно ли, что избавляются люди от *одного* преступника, а десятки тысяч людей *приучаются* к мысли о *допустимости* убийства, и потому становятся ближе к преступлению.

Убийство раньше казалось *ужасным*. Чтобы перешагнуть эту черту, требовалось состояние невменяемости или полное озверение души. Сейчас к убийству так привыкли, что в него «играют» дети. И вот, когда вырастут эти маленькие «стражники», этот маленький «палач», вешавший бледного мальчика на грязной верёвке, — они вырастут в атмосфере «допустимого» убийства, и не много надо будет «наталкивающих» сил, чтобы детская игра принесла страшный плод.

Я никогда не забуду этих детей, игравших «в виселицу», потому что, когда я смотрел на них, мне до осязательности ясно чувствовалось, как смертельный яд «законных» убийств вливается в душу народа, и за этой смешной игрой, точно кровавый кошмар, вставал призрак будущих преступлений<sup>328</sup>.

## ОТ «ИГРЫ» К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

**В**ремя от времени в литературе и в обществе с новой силой вспыхивают споры по вопросу о смертной казни. Одни смертную казнь считают «преступлением», другие — страшной, но необходимой мерой наказания.

Много в этих спорах приводится всяких соображений, и богословских, и юридических, и моральных.

Но иногда небольшое жизненное явление, если в него пристально всмотреться, решает вопрос глубже и правильней, чем самые тонкие отвлечённые рассуждения.

Мне уже приходилось говорить в печати, что таким *решающим* явлением в вопросе о смертной казни является так называемая «игра в виселицу». Газеты неоднократно указывали, что в различных углах России появилась страшная игра, в которую играют дети.

Маленькие мальчики творят форменный «суд» над одним из своих товарищей, возводят его на «эшафот» и потом или «вешают», или «расстреливают» из деревянных палок.

Я указывал, что явление это с несомненностью свидетельствует о том, что постоянные казни, о которых сообщают газеты, *приучают* мысль к тому, что *можно* убивать людей, лишь бы это было по «закону», а так как слово *закон* в общежитии, под влиянием возбуждения, легко превращается в слово «за дело», а «за дело» ли, каждый считает себя вправе решать сам, то смертная казнь, устрашающая десятки, сотни тысяч, приучает к мысли о допустимости «законного» лишения человека жизни — и потому уменьшает, но увеличивает преступность.

«Игра в виселицу» детей — была чудовищной иллюстрацией к тому, до какой степени далеко зашла эта привычка.

Ведь если дети могут *забавляться* виселицей — значит, они совершенно *свыклись* с мыслью о ней, то есть стали воспринимать лишь *внешнюю* сторону казни. Сделали её своей игрой.

Не ясно ли, что все, как бы ни были различны их религиозные и политические взгляды, должны признать *злом* ту форму наказания, главнейший смысл которой в устрашении оставшихся, — если жизнь доказывает, что вместо *устрашения* она, как раз наоборот, создаёт *привычку*.

Но всё же там была речь об «игре», грубой игре, по преимуществу уличных детей.

И вот недавно произошло нечто до того поразительное, после чего даже для смелых должно стать ясно, насколько отравляет общество, а не предохраняет его смертная казнь.

«Игра» — перешла в *преступление*.

«Царицынская мысль» рассказывает следующее:

«Третьего дня во дворе одного царицынского домовладельца произошла такая история. В этом дворе, в отдельном флигеле, квартируют, вместе с пожилой родственницей, трое учеников од-

ного из местных средних учебных заведений. Старшему — лет 13, а младшему — лет 10. В указанный день ученики играли вместе с пришедшим к ним товарищем, тоже учеником среднего учебного заведения, в садике двора и во время игры поссорились с самым младшим. Тотчас после этого трое учеников составили “суд”, разобрали все проступки “обвиняемого” и вынесли приговор: повесить. Моментально один из “судей” достал из кармана верёвку, набросил её на “осуждённого” и, опутав его со всех сторон, поволок к столбам устроенной в садике детской качели. Остальные двое помогли тащить виновного к “виселице”. Для того чтобы “преступник” не кричал, его той же верёвкой “взнуздали”, заставив взять верёвку в рот и крепко стянув её сзади узлом. После этого один конец верёвки был заброшен на крюк столба, и все трое “судей” подтянули “преступника” на столб, с аршин от земли. Повешенный закачался на столбе и посинел. К счастью, в этот момент вошёл во двор домовладелец, увидел необычайную картину и, быстро подбежав к столбу, вырвал конец верёвки из рук злых проказников. Опустившийся на землю мальчик некоторое время не понимал, что с ним случилось, а потом залился слезами. На родственницу это происшествие произвело потрясающее впечатление»<sup>329</sup>.

«На родственницу»? Но не должно ли это произвести «потрясающего впечатления» и на всех, кто защищает смертную казнь и считает её «страшным, но неизбежным» злом?

Ведь и защитники, и противники не отрицают, что казнь — наказание *ужасное*. Но этот ужас считается неизбежным для спасения всего организма, то есть для общества.

Так всмотритесь в жизнь этого общества! И если вы увидите там, что ваша мера ведёт не к тому, чего вы хотели достигнуть, то откажитесь от неё.

Вы хотели, чтобы из боязни казни люди перестали убивать друг друга. А достигли того, что дети на улицах «играют» в виселицу и 13-летние гимназисты «казнят» своего десятилетнего товарища.

## ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

**И**з всех «итогов», подведённых за истекший год, самый страшный — «итог самоубийств»<sup>330</sup>.

И не потому он страшен, что много людей умерло. А потому, что это грозный суд надо всей нашей жизнью.

Самоубийство принято *осуждать*.

Одни осуждают с точки зрения «сильных людей». Говорят: трусость перед жизнью — покончить с собой.

Другие — с точки зрения «общественных педагогов». Вредно, мол, восхвалять самоубийство, окружать его «ореолом», это наталкивает людей на самоубийство.

Я не хочу ни хвалить, ни порицать. Я хочу *понять*. Я хочу, чтобы люди, поняв, *пожалели*, но не словом, а *делом*.

«Бравурным маршем» не заглушить марш похоронный. И пустыми, риторическими криками «да здравствует жизнь!» — не рассеешь ту тоску и мрак, который охватывает душу, обрекающую себя на смерть.

Всё это и глубже, и серьёзней.

Громадное большинство самоубийств совершается потому, что «незачем жить»<sup>331</sup>.

Неужели эта фраза не жжёт вашей совести?

«Незачем жить». А разве вы, оставшиеся, *большинство* оставшихся, живёте потому, что *знаете, зачем жить?*

Ничего подобного.

Большинство живёт спокойно не потому, что они «сильны» и «победили жизнь», а потому, что они стали её *рабами*. Живут изо дня в день. «Служат», обедают, ложатся спать, делают детей и снова едят, пьют, «служат».

Они не потому живут, что знают, «зачем», а потому, что и не спрашивают об этом *по-настоящему*.

Неотступно, до пота кровавого, добиваться ответа на этот вопрос — это значит или найти его в религиозном отношении к миру и жизни, или покончить с собой. «Соглашаться» жить и не верить в бесконечное бытие — это значит быть мертвецом или трусом.

Вы хотите помочь «самоубийцам»? Вам хочется спасти жизнь от страшной опасности? Так не кричите тогда «гордых» слов о том, что человек царь и жизнь прекрасна, — это не дойдёт ни до чьих сердец, — вместо всей этой трескотни пусть вам станет безумно стыдно, что *они* умерли, а *вы* живёте как ни в чём не бывало, ни разу *по-настоящему* не подойдя к вопросу «зачем жить».

Помочь *жизни* вы можете только одним: так же, как они, *всей силой* души своей *захотев* решить вопрос *зачем* жить и *как* жить. И тогда человечество очень скоро примет давно уже открытое

ему решение. А приняв его, *покажет*, что жизнь прекрасна, потому что она должна соответствовать своему *вечному назначению*. Сейчас *большинство* верит, что всё кончится гнилым мясом и червями, и потому жизнь превратилась в разлагающийся труп.

Вечная память мученикам жизни — одиноким, не нашедшим *настоящей* дороги, и потому ушедшим!

Вечная память — не потому, что *хорошо* убивать себя. А потому, что хорошо так мучительно искать выхода, как искали они. А нам, оставшимся, смертью своей они завещали найти ту «зелёную палочку»<sup>332</sup>, которая так близко от каждого из нас, и найдя которую, можно оживить исстрадавшуюся человеческую душу.

## «СМЕШНОЕ» САМОУБИЙСТВО

«В Харькове, в частной мужской гимназии Давыденко<sup>333</sup>, на уроке географии, покушался на самоубийство ученик *1-го класса* Кавалевский.

По окончании общей молитвы, когда начался урок, мальчик неожиданно выхватил из кармана пузырёк с какой-то жидкостью и, крикнув: “Прощайте!”, начал пить. Произошла суматоха. Все бросились к мальчику. В бессознательном состоянии его отправили в больницу. *Причина покушения пока не выяснена*. При Кавалевском оказалась записка».

Многим это самоубийство «первоклашки» покажется «смешным». Теперь в газетах часто мелькают такие «смешные» самоубийства. На меня они производят какое-то особенное впечатление... всю душу переворачивают. И жалко, и жутко, и, главное, стыдно и стыдно. Точно *ты* виноват во всём. Точно *мог и не захотел* спасти этого милого, больного, может быть, но, уж конечно, несчастного, страшно несчастного мальчика.

«При Кавалевском оказалась записка». Но о содержании записки не сообщается, и потому «причина покушения пока неизвестна».

Нет, известна!

На неё, с силой истинного пророка Божия, указывал Толстой. Но его плохо слушали. Потому что в данном случае «слушать» — значит «исполнять». А «исполнять» — это значит пе-

ревернуть всю жизнь по-новому. Люди предпочитают жить «кое-как», в полусне, изо дня в день увязая всё глубже и глубже в бессмысленной пошлости житейских «мелочей».

Причина самоубийства, говорил Толстой, *безумие современной жизни*<sup>334</sup>.

Если это правда по отношению взрослых, то ещё более правда по отношению детей, здесь до полной осязательности чувствуется, что наша жизнь виною их смерти.

Перед детским сознанием гораздо раньше, чем принято думать, встаёт вопрос о «смысле жизни». У ребёнка слишком мало «знаний», чтобы отвечать на этот вопрос «теоретически». *Его мог бы удовлетворить ответ только самой жизни*. Но что ему отвечает окружающая жизнь?

Она даёт ответ явно *безумный*. Внешняя трескотня «культуры». Автомобили, трамваи, аэропланы. Тупая, мёртвая жизнь провинции. А на газетных столбцах: убийства, грабежи, насилия, казни...

На больной вопрос «зачем жить?», так рано проснувшийся в детской душе, всё кругом грубо и нагло кричит: незачем! незачем! незачем!

Нужно много *пережить*, чтобы за безумием окружающей жизни увидеть высший смысл бытия. А для этого надо *дожить*.

Вот почему убийцами детей являемся *все мы, участники безумия современной жизни*. Мы виноваты, наш грех.

Надо начинать *жить по-новому*, и тогда не будет «смешных» самоубийств.

## КЛУБ САМОУБИЙЦ

**В** Петербурге обнаружен «клуб самоубийц» — целая организация, поставившая себе безумную цель — *самоистребление*<sup>335</sup>.

Читаются рефераты, вербуются новые члены, издаётся своя литература — и всё это для убийства, во имя убийства.

Ужас и безумие такой «организации» — очевидны для всякого нормального человека.

Но если глубже вдуматься в нашу жизнь — вся она почти сплошной «клуб самоубийц», хотя и прикрытый декорациями внешней культуры.

У нас тоже читаются и рефераты, и лекции, организуются и кружки, и «общества» — всё, как у живых людей, — но скрытая цель всего — *самоубийство*.

Наша культурная жизнь как бы нарочно придумана для того, чтобы не давать жить людям, мучить их, душить их.

Начать с того, что внешняя культура, внешняя роскошь требует каторжного труда фабричных рабочих. И наши изящные дамы, и высокообразованные кавалеры весь жизненный путь свой проходят по трупам миллионов людей, убивающих свою жизнь в рудниках, в шахтах, в чаду отравленной фабричной атмосферы.

Эти рабы-рабочие — те же «самоубийцы», отдающие свою жизнь за право есть чёрствый хлеб и одеваться в лохмотья.

А те, кто идёт по этим трупам, разве они не самоубийцы? Разве не вырождается их потомство? Разве сами они не падают жертвами собственного своего безволия, собственной своей изнеженности, нездоровой пищи, нездоровой жизни.

Они в роскоши своей топчут людей. И сами задыхаются и гибнут от разрушительных последствий своей работы.

И «рабы», и «господа» — одинаково виноваты. Первые — в том, что они «рабы», вторые — в том, что они «господа». Виноваты *перед жизнью*, которую превратили в *клуб самоубийц!*

## В ТИХОМ ОМУТЕ

**В** Саратове гимназистка 3-го класса бросилась под поезд.

В кармане её была найдена записка: «Догорели огни, облетели цветы, непроглядная ночь, как могила темна. Люся»...<sup>336</sup> Бедная, милая девочка! И огней-то настоящих она не могла ещё видеть, и цветов настоящих не могла знать, — и уж «догорели», «облетели»...

Легко сказать: вырождение, непригодность к жизни, «туда и дорога»! Но разве легче от того, что страшный факт обзовём каким-нибудь жёстким словом?

Да. За девочкой 14-ти лет нельзя признать *права* добровольно уходить из жизни. И не способен нести жизненный подвиг тот, чьи плечи подогнулись под крестом в самом начале жизненного пути. Это не глубокое и сознательное «неприятие» мира, как



у Ивана Карамазова. Саратовская гимназистка производит впечатление жалкого, больного ребёнка.

Пусть всё это так.

И всё-таки — нисколько не легче. И никуда не спрячешься от кровавого призрака... «Положение девочки признано тяжёлым, у неё оказалась проломленной голова и выбит глаз. Если она и поправится, то на всю жизнь останется уродом».

Это не саратовский поезд изуродовал её, а всероссийский «тихий омут»...

Тихий омут — всегда самый страшный. Если вода кипит, ревет и пенится — бояться нечего. В такой воде не утонешь. Побросает из стороны в сторону. Может быть, ушибёт. Может быть, захлебнёшься немного. Но выйдешь цел.

Беда — если омут стоит неподвижно. Чёрный и тихий. Так и потянет ко дну. И никакими силами не спасёшься. Точно железные руки протянутся из воды. Из тихого омута — немногие выходят на свет Божий.

Так и жизнь: когда исполнена она движений, борьбы, — бояться её нечего.

А когда затихает, как чёрный тихий омут, — жди великих несчастий.

Такое затишье покрыло и нашу страну<sup>337</sup>.

И чувствуешь весь ужас этого затишья только по временам, когда на поверхности покажется вот такая же изуродованная девочка с «проломленной головой» и «выбитым глазом».

Что же создало тихий омут, в котором гибнут человеческие души?

Политика?

Да, и политика. Но глубокое заблуждение искать «виновников» только на стороне.

Не «в политике» дело. И не во внешних условиях.

Когда я говорю: «такое затишье покрыло нашу страну», — я имею в виду то, что принято разуметь под «обществом», т. е. городской интеллигентный класс.

Но никакое затишье не коснулось *народа*.

В нём идёт своя глубокая жизнь. Идёт своим великим путём, как река многоводная.

И страшный тихий омут среди городской интеллигенции создался потому, что кучка людей отрезала себя от движения этой многоводной реки.

Оторвавшись от народа, общество изжило самое себя. Обессилело, изолгалось, развратилось, создался *моральный и духовный застой*. И в этой мёртвой атмосфере тления — огни не горят, и цветы вянут, не распустившись. А слабые как былинка детские души предпочитают *такой жизни* — поезд и проломленную голову. Дотянуться до живой воды народной — у них не хватает сил.

И много, много погибнет ещё в тихом омуте и чистых девушек, и честных юношей! Но должно наступить время, когда все поймут, что подлинная правда жизни сохранилась в душе народной.

И тогда исчезнет «тихий омут», и загорятся огни победные, и зацветут цветы, в которые теперь почти уже никто не верит!

## В ПУТЬ-ДОРОГУ!

**К**аждый год, в середине лета перед молодёжью встаёт вопрос: по какой дороге идти?

Делать выбор приходится сразу на всю жизнь. В зависимости от того, по какому адресу послано «прошение», человеку суждено быть доктором, инженером, агрономом, учителем или адвокатом.

Очень немногие определённо сознают своё «призвание», большинство в выборе своём руководствуется всевозможными внешними соображениями.

Ведь «призвания» все наперечёт: доктор, учитель, математик, естествовед, агроном, техник, адвокат. Вот и всё. Но в эти определённые рамки могут укладываться очень немногие человеческие души. Для большинства людей вся сложность, все разнообразные оттенки их внутреннего мира, все скрытые духовные силы их — не могут найти никакой «определённой» формы для своего приложения. И им остаётся «выбирать» деятельность, сообразуясь с целым рядом внешних обстоятельств: семейных, экономических и т. д., оставляя вопрос о «призвании» в стороне.

Особенно беден выбор для женщины. Здесь «призвание» ограничивается почти исключительно медициной и педагогикой, всё же остальное — «для заработка или для себя».

У Бунина в «Деревне» есть очень хорошее выражение: «жизнь проходит, как вода между пальцев»<sup>338</sup>. Именно так проходит она у большинства. И опять-таки не по вине отдельного человека.

Вы подумайте только: учится человек в гимназии. Ему говорят, что жизнь его *впереди*. И сам он гимназические годы ещё не считает «настоящей» жизнью. Оканчивает гимназию, поступает в высшее учебное заведение. Теперь ему говорят, что вот он кончит и *начнёт* жить. Сам он спешит, чтобы поскорее прошли четыре года, чтобы получить диплом, стать самостоятельным и начать жить. Кончает, женится, поступает на службу и через два-три года начинает с грустью вспоминать свою «молодость», которая была «так прекрасна»; ему уже кажется, что «жизнь» прошла, что впереди ряд тяжёлых однообразных дней... Подрастают дети, их отдают в гимназию и опять так же говорят им, что «жизнь впереди».

Так и проходит она, как вода между пальцев. Течёт незаметно — и ничего не остаётся.

Кто же, в конце концов, виноват?

Вся суть в том, что общественная жизнь наша застыла в неподвижных, однообразных рамках и не даёт выхода живым, творческим силам человеческой души. Человек учится, развивается, чувствует избыток сил, они просятся наружу, он готов отдать всего себя, только бы знать — как, в какой *форме*. Но оказывается, что у нашей общественности ничего, кроме «адвоката» и «доктора», в запасе не имеется.

Отсюда «разочарование» и такой излюбленный теперь выход, как самоубийство.

Жить — это значит расти внутренне и проявлять свои духовные силы вовне.

Но если мой внутренний рост скован определёнными, чуждыми мне рамками, а силы мои не находят себе выхода, — я перестаю жить. Мелькают дни, мелькают люди, я хожу на службу, рождаю детей, но не живу вовсе.

И оказывается, в конце концов, что всё сводится к «заработку», всё, что обещали под словом «начнёшь жить», — сводится к той или иной «службе».

Для того, чтобы жизнь не уходила, как вода, она должна реформироваться сверху донизу. Из механической, застывшей, безнадёжно-консервативной (не в политическом, разумеется, а в духовном смысле) она должна стать *истинно общественной*. Не замкнуто-индивидуальной, а коллегиальной в высшем смысле этого слова.

Тогда понадобятся *люди*. Понадобятся не акушерки и учительницы, а *все силы души человеческой*. И будет дана им работа, будет дан выход. Каждый человек со всей сложностью своей найдёт иное определённое место, своё истинное призвание.

И будет *жить*. Он будет *замечать*, что живёт. Потому что «деятельность» и «жизнь» сольются у него воедино.

Тогда, выходя в путь-дорогу, молодые люди не будут ломать голову, куда «лучше» послать прошение. Они будут смело идти вперёд, потому что будут верить, что всегда найдут возможность отдать свои силы на благо общества. Тогда перед молодёжью будет стоять только одна задача: до конца развить свою личность, сделать из себя *вполне человека*. А какое «место» придётся занять, — это будет зависеть уже от того, кто каким человеком станет.

Вот почему в путь-дорогу будут люди выходить тогда радостные и смелые, а не узко-расчётливые, как сейчас. И вся жизнь будет не однотонной серой, а живой и яркой.

И мне хотелось бы всем выходящим в путь-дорогу пожелать не «успеха», как это принято, а твёрдой решимости *повести жизнь совершенно по новому пути* и увлечь за собой грядущие поколения!..

## ЛУЧШЕ ХОТЬ КОГДА-НИБУДЬ

**Л**юдей, отрицающих суды и тюрьмы, общество называет утопистами, правительство — преступниками.

Я не хочу быть — в данной статье — ни тем, ни другим. И буду рассматривать тюрьму как *факт*.

Хорошо ли, нет ли, справедливо или несправедливо, но *факт*, что людей, которых считают преступниками, для изоляции от остального общества заперли в каменное здание, обнесённое, как крепость, стеною, разместили по камерам, к железным дверям приставили часовых.

Изолировали.

Но найдётся ли хоть один юрист, хоть один администратор, хоть один человек на свете, который сказал бы *открыто*, что люди, посаженные в тюрьмы, перестают быть людьми, что человек делается вне закона, когда он охраняется часовым, что большой тифом «преступник» не нуждается в лечении, что здоровые товарищи его по заключению не вправе требовать изолирования от

них больного, что тюрьма даёт право не щадить здоровье и жизнь заключённых.

Ни один не скажет.

Но мало ли, что «не щадить». Это утопия, а я хочу говорить о *факте*.

Факт же, что только теперь «Главное тюремное управление разослало циркуляр губернаторам, градоначальникам и начальникам областей с предложением принять меры к изоляции тифозных больных в особые помещения. Если же таких помещений при тюрьмах не имеется, то принять меры к размещению больных арестованных в городских и земских больницах».

Это *только* теперь. Когда тюрьмы, как чёрные факелы, зажглись эпидемией сыпного тифа по всей России, когда зараза из тюрем хлынула за высокие каменные стены, и смерть косит не только преступников, которым «туда и дорога», но и тюремную администрацию, и врачей, и свободных российских граждан<sup>339</sup>.

Неужели же только страх мог заставить сделать то, что должно было заставить сделать самое элементарное сознание долга. Неужели, чтобы «министерство разослало циркуляр», требовалось столько человеческих жизней, требовался тот ужас, который переживает наша тюрьма.

Я не утопист. Я не хочу быть преступником. Ну, заперли, изолировали. Ну, пусть тюрьма факт. Но не увеличивает ли этот факт нашу ответственность за *жизнь* тех, кого мы заперли. Подумайте только: лишить людей свободы, отнять у них и возможность, и право спастись от страшной заразы собственными средствами, а самим не сделать ничего, чтобы избавить здоровых от заражения и смерти.

Неужели же надо быть утопистом или преступником, чтобы страдать от всего этого!

## К ВОПРОСУ ОБ УЖАСАХ В КАТОРЖНЫХ ТЮРЬМАХ

**В** Московской пересыльной тюрьме арестантами убито четыре надзирателя<sup>340</sup>.

Это кровавое событие с новой силой выдвигает вопрос об ужасах наших каторжных тюрем.

Вполне понятно, что общественная совесть с особой болезненностью реагирует на страшные слухи об истязаниях, которым подвергают арестантов. Во-первых, у десятков тысяч заключённых в тюрьмах десятки и сотни тысяч родственников, друзей, живущих на воле. Судьба заключённых не может не волновать их. Во-вторых, вообще из всех видов насилия самый ужасный, самый непростительный и *преступный* — это насилие над заключёнными. Ибо люди, сидящие в тюрьме, лишены *прав*, лишены возможности защищаться, они отданы в полное распоряжение своего начальства. Бить и мучить закованного, запертого человека, пользуясь своей над ним властью, — самая чудовищная несправедливость, какую только можно себе представить.

С этими общими положениями согласятся все: и правые, и левые, и «террористы», и представители правительства.

Недаром губернатор Джунковский<sup>341</sup>, на выраженное убившими надзирателей арестантами опасение, что их будут истязать, сказал: *об истязании не должно быть и речи, так как их и по закону в тюрьме не может быть.*

Не место в настоящей статье доказывать, бывают или не бывают нарушения этого закона.

Я хочу говорить только о *бесспорном*, о том, что не может не быть признано *всеми*.

Таким *бесспорным* является тот факт, что слухи об ужасах наших тюрем *волнуют общество*. Не дают покою *общественной совести*.

И долг всякого правительства *разобрать, насколько основательны эти слухи.*

И если основательны — подвергнуть строжайшему наказанию виновных.

Если *неосновательны*, и в тюрьмах никаких истязаний, избиений и других беззаконий нет, — *успокоить* общество.

*Проверка* слухов не должна быть простым запросом центрального правительства начальникам тюрем: всё ли у них благополучно? Начальники тюрем в данном случае сами являются обвиняемыми, и ответ их никого успокоить не может. Успокоить может только одно:

*Беспристрастная и всесторонняя ревизия всех тюрем.*

Если правительство нашло нужным ревизовать интендантское ведомство, где злоупотребления касались власти *материальной*,

то тем более оно обязано назначить ревизию учреждений, которым вверена *человеческая жизнь* и вверена не для *уничтожения*, а для *исправления* и временной изоляции.

Беспристрастной ревизией будет только та, при которой арестантам будет гарантирована защита от возможной *мести* со стороны начальников, против которых будут даваться свидетельские показания.

Опросив поодиночке всех заключённых, легко устранить возможность клеветы со стороны арестантов.

Насколько велика боязнь истязаний и какое она должна иметь значение при показаниях, можно судить опять-таки по разговору арестантов, убивших надзирателей московской тюрьмы, с губернатором Джунковским.

Люди, только что убившие своих начальников, уверенные, что за это им предстоит смертная казнь, боятся не смерти, а возможных *истязаний*.

— Выдайте оружие убитых, — потребовал губернатор.

— Не выдадим, нас будут истязать.

Арестантам обещают, что их истязать не будут.

— Обещайте отправить нас немедленно в Таганскую тюрьму.

Мы здесь всё-таки боимся оставаться...

Арестантам обещают.

Очевидно, истязания — страшнее самой смерти.

Итак, невыносимое положение, созданное в обществе странными слухами из каторжных тюрем, может быть ликвидировано правительством только одним путём — *путём неотложной, беспристрастной ревизии*.

И хочется верить, что правительство на этот путь вступит. Ибо *ни одно* правительство не может желать бессмысленных жестокостей над обезоруженными и скованными людьми. И ни одно правительство не может желать той напряжённой общественной тревоги, которая всё сильнее и сильнее охватывает русскую молодёжь и вообще всю интеллигенцию.

Телеграф принёс известие, что в Вологде «уволен начальник временной каторжной тюрьмы Воронеж, за время начальствования которого заключённые были подвергнуты массовой экзекуции, послужившей поводом к запросу в Госуд. думе»<sup>342</sup>.

Но ведь *отдельный* случай наказания виновного ещё не меняет дела. Важно не наказание начальника Вологодской тюрьмы, а пе-

ремена всей *системы*. Тюремная администрация должна понять, что тюрьма не превращает людей в *животных*. Что тюрьма есть тяжёлое, но чаще всего временное наказание. И что всякое нарушение прав арестанта со стороны начальников должно быть вдвое строже наказуемо, чем нарушение прав свободных граждан, ибо арестант — не только *человек*, но и человек *беззащитный*.

## ТЮРЬМА И РОЗГИ

Министр юстиции утвердил новую «тюремную инструкцию»<sup>343</sup>.

Некоторые параграфы её подсказаны гуманным чувством: например, для евреев, магометан, раскольников и сектантов, содержащихся в местах заключений, допускается приготовление особой пищи, требуемой их обрядами. Для арестантов инославного вероисповедания, если их содержится значительное число, допускается приглашать духовных лиц для совершения богослужения по обрядам их веры.

Нельзя не приветствовать «новые» правила этой инструкции.

Но есть там одно очень старое правило, хотя, надо правду сказать, несколько по-новому изложенное:

«Телесное наказание применяется к арестованным в случаях совершения ими выдающихся проступков против тюремной дисциплины и по закону не освобождённых от этого наказания, причём по соображению не только с тяжестью вины арестанта, но и с его личными особенностями, уровнем его образования и умственного развития, степенью его нравственной чувствительности, принадлежностью к тому или другому классу населения, предшествующим поведением во время заключения» и т. п. При этом, кроме лишь исключительных случаев, к провинившемуся арестанту предлагается предварительно применять другие меры «исправления».

Итак, *телесное наказание*, т. е. «розги» остаются *по-старому*. Правда, дважды делается оговорка об «исключительных случаях», и начальству вменяется в обязанность считаться с «нравственной чувствительностью арестанта», — но всё это очень немного меняет дело.

*Положительное* значение эти оговорки могут иметь только для тех начальников, которые бьют арестантов не за совесть, а за



«страх», думая, что чем строже, тем приятнее начальству. Теперь такие начальники могут усмотреть в новой инструкции указания, что центральное правительство вовсе не склонно усиливать жестокость.

Для всех же остальных *желающих* быть «строгими» и применять «розги» — простор остаётся полный. Во-первых, само собой ясно, для всякого мало-мальски знакомого с тюремным режимом, что «начальник» не очень-то компетентен в определении «нравственной чувствительности» уж по одному тому, что начальники тюрем вербуются не из педагогов... А во-вторых, другая оговорка об «исключительных случаях» так растяжима, что при *желании* начальник может любой проступок прозвать «исключительным» и применить телесное наказание с соблюдением всех необходимых формальностей.

Таким образом, на практике простор произволу остаётся полный.

Старая розга перешла в новую инструкцию.

И вот невольно рождается вопрос: зачем нужна эта бесчеловечная жестокость? Зачем к ужасному наказанию — лишению свободы — прибавлять ещё более ужасное — истязание человека? Кому и зачем это нужно?

«Исключительные случаи»? Но я просто представить себе не могу такого «исключительного случая», который бы осмысливал «розгу».

Ведь тюрьма обладает буквально *всеми* средствами «борьбы» с арестантом, зачем же ещё бить? Неужели без этого нельзя «сладить» с людьми, запертыми в каменном мешке.

Помимо розги, начальник обладает самыми разнообразными средствами воздействия: он может посадить в «одиночку», может посадить в «карцер», может лишить «прогулок», может, наконец, *заковать в кандалы*. Неужели всего этого недостаточно?

Человек лишён свободы, к нему приставлена стража, руки и ноги его скованы цепью, — зачем же бить ещё?

Как бы кто ни доказывал, что жестокости в тюрьмах преувеличены, отдельных фактов злоупотребления не отрицает и само правительство. Чтобы изгнать подобные злоупотребления из тюрьмы прочь, есть только одно средство: отменить телесное наказание без всяких оговорок совсем и навсегда.

## УЗАКОНЕННАЯ ПЫТКА

Опубликована новая «тюремная инструкция».

В общем, надо отметить её гуманное направление: магометанам, евреям, сектантам разрешено употреблять ту пищу, которую требует их религия, а инославным разрешается приглашать своё духовное лицо для совершения богослужений.

Но в «инструкции» есть один параграф, который сводит на нет всю эту «гуманность».

«Телесное наказание *применяется* к арестантам в случаях совершения ими выдающихся проступков против тюремной дисциплины».

Далее имеется ещё несколько оговорок, что начальник должен считаться с «умственным развитием» арестанта, с его «личными особенностями» и даже «нравственной чувствительностью». Несмотря на все эти гуманные оговорки, *суть* остаётся *та же*: бить можно.

Для всякого ясно, что «оговорки» практического значения иметь не будут, «исключительный случай» — понятие очень растяжимое, и всякий начальник *при желании* может признать «исключительным случаем» любое нарушение дисциплины.

Другими словами, если захочет — может бить, когда ему вздумается.

Таким образом, новая инструкция, несмотря на свои попытки быть «гуманной», узаконивает пытку.

В Тобольске, как раз против каторжной тюрьмы, есть музей 344. В одной из зал этого музея собраны тюремные реликвии: на стенах висят кандалы и плети. Начиная от железных палок и громадных ременных жгутов семнадцатого столетия до наших усовершенствованных «лёгких» наручников и розог.

«Новые инструкции» не прекратят дальнейшего пополнения этой позорной комнаты Тобольского музея: розга будет «развиваться» дальше...

Будет развиваться вопреки ясному моральному сознанию людей и вопреки простому здравому смыслу.

Моральное сознание говорит: розга — позорная, ужасная, преступная жестокость.

Здравый смысл говорит, что розга — вопиющая *бесмыслица*.

Нет такого «исключительного случая», который бы мог оправдать и осмыслить эту пытку в тюрьме.

Вы представьте только: человек заперт на замок, как зверь в клетке. У дверей его стража. За «нарушение дисциплины» его могут лишить прогулок, бросить в карцер, наконец, заковать в наручные и ножные кандалы... Неужели всех этих мер недостаточно для того, чтобы начальник мог *справиться* с арестантами?

Более чем достаточно!

И «узаконенную пытку» нельзя оправдать ничем, никакими «высшими» государственными соображениями.

## К 50-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

*(Христианский праздник)*

**19** февраля — крестьянский и *христианский* праздник по преимуществу.

В этот день, пятьдесят лет тому назад, крестьяне были освобождены от крепостной зависимости.

Рабы — стали свободными.

Все, в ком есть живое человеческое сердце, с радостью отпразднуют пятидесятилетний юбилей «освобождения».

Но ни в чьём сердце не отзовется «19 февраля» чувством такого великого счастья, как в сердце каждого крестьянина и каждого *христианина*.

Празднуя освобождение крестьян, все будут праздновать прекращение ужасов дореформенного порядка.

Людей продавали, как животных, распоряжались и жизнью, и смертью. Запарывали на конюшнях. Нет таких жестокостей, от самых грубых до самых утончённых, — каких бы не знало крепостное право. Поруганию предавались и душа, и тело, и честь человеческая.

И все честные люди, вспоминая 19 февраля, эту страшную страницу русской истории, — скажут: «Ныне отпущаеши»...

Но никто не может сказать этого с таким жгучим чувством и боли за прошлое, и радости за то, что прошлое миновало, как те, *кого били, кого мучили, кого бесчестили*, — как наши мученики-крестьяне.

Празднуя освобождение крестьян, люди будут праздновать победу «гуманных идей», новую ступень «прогресса», шаг на пути к общечеловеческому счастью...

*Христиане будут праздновать этот день как торжество высшей правды.*

Ибо только христианство провозглашает полную и окончательную свободу, и потому только оно одно может *ненавидеть рабство* во всём его объёме и значении.

Как ни велики были физические и нравственные страдания крепостных крестьян, самым ужасным злом всё же были не розги, не насилие над честью, не изнурительный труд, а самая *идея рабства*, царившая полновластно в сознании не только тех, *кто* владел рабами, но и в сознании тех, *которыми* владели.

Превращение человека в вещь или в животное, в «скотину», которую можно «выгнать» на базар и продать, — вот в чём *главный ужас*. И не в «гуманности» тут дело. Не в «жестокости». А в том, что кощунственная идея рабства отравляла свободную душу человека, лишала её сознания себя как носителя божественного начала, — а стало быть, систематически отравляла многомиллионный народ, лишая его жизнь *высшего смысла*.

Отмена крепостного права не «с неба упала», её подготовили сложные экономические и духовные причины. Ко времени освобождения сознание не только «образованных» людей, но и крестьян *внутренне* уже осудило рабство.

Но 19 февраля *это было признано всенародно* и окончательно. И с этого дня начинается новая жизнь русского крестьянина.

Празднуя великий день пятидесятилетия со дня освобождения, мы не хотим закрывать глаза на действительность. Пятьдесят лет «свободной жизни» своей крестьянин голодал, страдал и от бесправия, и от невежества, пил, умирал в грязи и холоде, и великая реформа освобождения ещё не сделала его «счастливым». И, радуясь крестьянскому и христианскому празднику, мы с тою же силой, с которой радуемся, — с той же страдаем, страдаем — что радость наша не может быть полной.

Мы дожили до того дня, о котором мечтал Пушкин, мы увидели: «Рабство, падшее по манию царя».

Но по-прежнему не видим ещё «народ не угнетённый» и по-прежнему, вместе с Пушкиным, можем спросить:

И над отечеством свободы просвещённой  
Взойдёт ли, наконец, прекрасная заря?

Празднуя 19 февраля, мы думаем о будущем...

Скоро ли народ перестанет быть угнетён невежеством, голодом, бесправием? Скоро ли к людям, которые нас поят и кормят, прекратится чрезмерное презрение? Скоро ли признают за мужчиной право быть *настоящим человеком*, который имеет право на кусок хлеба и на удовлетворение высших потребностей духа? Скоро ли? Скоро ли за все труды его и страдания — ему дадут хотя бы крохи того просвещения и благ культуры, которыми наслаждаются те, кто называет себя «высшим классом»? И надо всей страной нашей «взойдёт ли, наконец, прекрасная заря»?

Мы празднуем великий праздник, но ждём ещё более великого. Мы ждём его с надеждой и верою, как Светлое Христово Воскресение!

## ГРАЖДАНЕ, КОТОРЫХ «ИЩУТ»

**В** газетах появилось сообщение, что следователь по важнейшим делам «разыскивает» Максима Горького<sup>345</sup>.

Этот поистине изумительный факт обсуждался в целом ряде статей.

Было над чем посмеяться и над чем понегодовать: знаменитого писателя, о месте жительства которого на острове Капри знает каждый грамотный человек, — никак не может найти русское правосудие.

Всё это очень смешно. Но нам, простым русским гражданам, право, не до смеха.

Ведь «ищут такого-то» имеет вовсе не такой невинный смысл.

Это значит вот что: ищут, т. е. публикуют о поиске такого-то, и если человек будет найден после публикации, то его *арестовывают* как «*скрывавшегося*».

Как видите — смешного довольно мало.

Положение русских граждан совершенно безвыходное, прямо *отчаянное*.

Можете ли вы поручиться, что какой-либо следователь не «разыскивает» вас в данный момент? Можете ли вы поручиться, что вы не «скрываетесь»? И что в один прекрасный день, когда вы, ничего не подозревая, отправитесь на прогулку, «выследивший» вас господин приятной наружности не отправит в ближний участок?

Сейчас вы гражданин, а через полчаса — «находка» ревностного «агента».

Если вы *просто гражданин*, у вас всё же есть смутная надежда, что, если вы ничего не украли, никого не убили, вас никто «разыскивать» не будет, и вы можете гулять сравнительно спокойно.

Но если вы, сохрани Бог, имеете отношение к литературе, то ваше положение совершенно безнадежное. Вы решительно не можете поручиться, что та или иная ваша статья не найдена государственным преступлением<sup>346</sup>, и потому, выходя из дому на самую весёлую прогулку, каждый раз должны снаряжаться так, чтобы «агент» не застал вас врасплох.

Может быть, кому-нибудь это смешно, — мне, по крайней мере, совсем не смешно<sup>347</sup>.

## ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Сейчас два часа ночи. Я пришёл из театра и хотел писать «театральные заметки»<sup>348</sup>. Я написал бы о том, что здесь настоящие артисты, что у них есть талант, есть живая душа... Но я чувствую, что это будет «не про то», что сейчас душа слишком болит для театрального отчёта.

Дело не в достоинствах пьесы (здесь можно было бы много возразить) и не в искренней и талантливой игре артистов (хотя и это имеет некоторое значение), дело в самой теме, в совпадении этой темы с жизненными впечатлениями последних дней.

Вы читали в газетах, как недавно отравилась проститутка: сначала неудачно, её отвезли в больницу, она всё время просила «дать умереть», её «отходили», вернули в притон, и через несколько дней она снова отравилась, на этот раз «удачно» — умерла. Прочли, наверное, и «письмо проститутки». Оно было перепечатано в «Царицынской жизни»<sup>349</sup> и, может быть, даже покорило ваш благовоспитанный вкус: уж слишком открыто говорится о «таких» вещах. За этими фактами стоят тысячи им подобных, тысячи живых людей, тысячи искалеченных душ.

Есть вещи, о которых стыдно молчать, но не менее стыдно и говорить, потому что для обличения их надо говорить языком пророка. Но где же найти слова достаточно сильные, чтобы

прорвать ужасающую грудку лжи, лицемерия, равнодушия и всяческих предрассудков, связанных с этим вопросом. Лицемерие и ложь, несоответствие слов и дела нигде с таким цинизмом не прощается обществом, как здесь. Найдите мне хоть одного писателя, хоть одну газету, которые не считали бы проституцию одним из величайших преступлений, — не найдёте. Но найдите мне мужчину, который бы в большей или меньшей степени не был соучастником этого преступления, — найдёте одного из ста тысяч. Вы скажете: мира не переделаешь, все так живут, проституция всегда была и всегда будет. Гении и пророки выступали на борьбу с ней — и всё остаётся по-прежнему. Не в газетном же фельетоне исправлять человечество, — это, в лучшем случае, донкихотство. И пусть донкихотство! Я давно знаю, что общественное сознание отравлено подлейшей идеей: «все так делают», «один в поле не воин»! Вся гнусность, в которой мы живём, вся беспросветная пошлость, весь ад, в который мы превратили жизнь, — всё питается этой идеей.

Я мира не переделаю; но пусть кричит всякий, где может и как может, о том, что чувствует искреннюю боль и ужас от сознания, что десятки тысяч женщин — измученных, истерзанных, больных, пьяных — гибнет на наших глазах. Если может говорить — пусть говорит, если может писать — пусть пишет. И не потому, что сам уж очень хорош, но потому, что много страдал и много видел. Дойдёт же когда-нибудь этот крик до живых человеческих душ, до живой общественной совести.

Ведь весь ужас даже не в факте проституции, а в том, что общественная совесть совершенно притупилась и сжилась с ним. В глубине души люди приняли проституцию «неизбежным злом» и в громадном большинстве случаев говорят о ней между собой, как о чём-то «забавном».

Разве доктора не посылают к проституткам «для здоровья», разве студенты, врачи, адвокаты, журналисты и простые обыватели не делятся впечатлениями о своих «похождениях». Разве не извращение общественной совести — презрение к проституткам, которые жизнью своей заплатили за свой позор, и почти одобрение покупающим этот позор за деньги. Посадит ли кто-нибудь продажную женщину за стол вместе со своими дочерьми, и остановит ли хоть одного отца, отдающего свою дочь жениху, мысль, что будущий муж посетитель публичных домов.

Прежде чем бороться с проституцией, надо побороть вопиющие предрассудки, преступное легкомыслие и безобразнейшую ложь, которые усыпили нашу человеческую совесть.

## СТРАШНЫЙ ВОПРОС

**Е**сть один страшный вопрос не только русской, но и общемировой жизни, который до сих пор ещё лежит под каким-то «запретом». Говорить об нём считается «неловким», почти «безнравственным». Серьёзное, *деловое* его обсуждение — бесполезным. Он всецело предоставлен в ведение или моралистов и проповедников, или же, наоборот, в ведение бульварных писак, которые ужас его низводят на степень «пикантных сюжетов».

Вопрос этот — *борьба с проституцией*.

Для того чтобы понять ужас его, право, не надо быть ни проповедником, ни пророком — достаточно мало-мальски серьёзного отношения к жизни. Не надо тревожить ни «высоких идеалов», ни христианской морали — достаточно вдуматься в *чудовищные цифры*...

Среди молодёжи более 60% пользуются услугами публичных женщин. В Варшаве около 75% холостых мужчин больны венерическими болезнями, полученными по преимуществу от проституток. В Берлине насчитывается до 40 000 женщин, торгующих телом. И пр., и пр., и пр.

Проституция всего мира измеряется не десятками, а сотнями тысяч.

Таким образом, помимо требований «высшей морали», для всякой мало-мальски живой человеческой совести ясно, что вопрос об уничтожении проституции не есть нечто такое, что можно отложить до утопических времён, — это есть дело неотложное, дело сегодняшнего дня. Проституция разлагает человеческие души, человеческое тело — она превращает сотни тысяч женщин, матерей, сестёр, дочерей наших в животных, хуже, чем в животных. Это одно из самых позорных и самых страшных пятен на общественной совести.

У нас принято проституцию считать неизбежным злом нашего социального строя — и на этом успокаиваться. Раз «неизбежно» — и бороться нечего!

Но большинство, слава Богу, ещё верит в могущественное влияние *идей*, и потому не имеет права так легко складывать оружие.



Возьмите такой пример.

Требуется ли особенно высокая нравственность, чтобы чисто относиться к своей сестре или дочери? Ведь даже в нашем развращённом обществе половое влечение к сестре, матери, дочери считается чудовищным исключением. Почему? Не потому ли, что мы с молоком матери впитываем в наше *сознание* идею недопустимости таких влечений. Ведь дикарь сходится и с сестрой. Животное не различает ни матери, ни дочери.

И если не *отдельные люди*, а общество в *целом* усвоит себе недопустимость проституции, если проституция будет признана величайшим злом, а посещение домов терпимости — *общественной совестью* будет клеймиться как *преступление*, — тогда очень скоро факты проституции станут исключением. Сейчас осуждают публичные дома больше для «приличия». Но в глубине души — они для всякого «неизбежное зло». И вам не придёт в голову не подать руки человеку, который скажет, что он был в публичном доме. И если человек, живущий с своей дочерью, будет для вас отвратителен, то человек, пользующийся услугами проститутки, не будет вызывать в вас никакого отвращения.

Итак, надо, прежде всего, всеми силами, какие только имеются в распоряжении людей, перевоспитать сознание общества. Для этого надо начать с того, чтобы дома терпимости перестали быть «официальными» домами. Правительство не должно санкционировать проституцию. Не говоря про то, что прямая цель «официальных» публичных домов — предохранение от заразы — совершенно не достигается, факт допущения проституции *законом* мешает понять обществу, что проституция — *преступление*. Что было бы, если бы правительство отвело специальные районы, где разрешалось бы убийство? Разве не колебало бы это отношение к убийству как к преступлению? То же самое и здесь. Проституция не только *грех* — это *преступление*, и правительство не может брать его под защиту закона.

Недавно Ростов-на-Дону высказался за полное уничтожение в городе публичных домов. Это постановление Думы должно быть отмечено. Мы горячо его приветствуем. Пусть другие города сделают то же. Тогда правительство пойдёт навстречу общественной инициативе. А когда государство признает проституцию преступлением — будет уничтожена главная опора того страшного зла, которое отравляет общественную совесть.

## ЕЩЁ О РИТУАЛЬНОМ УБИЙСТВЕ

**Т**равля еврейского народа — одно из позорнейших пятен на чёрной совести продажной, «истинно-русской» печати.

Какие только проходимцы не делали себе «карьеру» на этом патриотическом спорте: ругани и издевательстве над измученным общей ненавистью и бесправием «жидов»! Какие только тёмные личности не «обеляли» себя патриотическим решением еврейского вопроса!

По отношению еврея всё позволено. Чёрная печать давно объявила еврея «вне закона». На него всё можно валить. Можно и лгать, и ругать, и оскорблять. И чем хлеще — тем лучше. Когда человек проворуется, попадётся в подлоге или в другой какой-либо подлости и затем пожелает вернуть себе доброе имя, а заодно «тёплое местечко», — он начинает писать по еврейскому вопросу. И через месяц превращается в «публициста» какого-нибудь патриотического издания. «Русские люди» за хорошую клевету на «жида» всё признают — и подлоги, и воровство, и шантаж...

Самой чудовищной клеветой, которая время от времени пускается в ход «патриотами», является, бесспорно, клевета о ритуальном убийстве.

Пользуясь тем, что в тёмных массах живёт дикая, ни на чём не основанная легенда об убийствах, совершаемых евреями во время пасхального богослужения, «патриоты» придираются ко всякому удобному и неудобному случаю, чтобы поддержать это нелепое суеверие.

Ненависть к евреям подсказала легенду о закалывании христианских детей евреями. И теперь, в свою очередь, легенда эта разжигает ненависть. Расчёт у «патриотов» правильный: поддерживая страшную сказку, они вместе с тем поддерживают и жгучую ненависть<sup>350</sup>.

Рассказы о ритуальных убийствах возникли в эпоху невежественную.

Никогда не было фактических подтверждений этих рассказов, одни лишь тёмные, зловещие, таинственные слухи, сильнее всяких фактов действующие на воображение.

Но то, что в средние века было результатом фанатизма и невежества, в наше время является вопиющей недобросовестностью, заведомой ложью, преступным расчётом.

Сейчас «патриоты» заговорили о ритуальном убийстве в связи с известным убийством в Киеве мальчика Ющинского<sup>351</sup>. Оснований для объяснения этого убийства ритуальными целями нет никаких. Да разве нужны основания для клеветы? Важно разжечь в тёмных людях ужасающую ненависть, а для этого за отсутствием «оснований» можно сослаться на профессора Оболенского, будто бы подтвердившего вскрытием, что убийство Ющинского было совершено с ритуальными целями. Правда, проф. Оболенский сейчас же опроверг нелепую ссылку на него и заявил, что ничего подобного никому не говорил. — Но и опять-таки неважно: разве все читают «опровержения»? А ложь пущена в оборот, что и требовалось доказать.

До сих пор всё же клевета дальше «печати» не шла, и потому почти никого не возмущала; слишком все свыклись с мыслью, что писатель-«патриот» за тридцать сребренников продаст кого хотите, напишет что угодно.

Но сейчас свершилось нечто беспрецедентное: вопрос об ритуальном убийстве стал предметом запроса правительству в Государственной думе.

Таким образом, чудовищная преступная клевета берётся как бы под защиту «представителей народа».

Правда, запрос правых признан не «спешным», и правый октябрист Шубинский<sup>352</sup> заявил, что никогда ещё не вносилось таких шатких и ни на чём не основанных запросов, как в данном случае, — но всё же факт остаётся фактом: нашлась группа «народных представителей», которая сочла возможным в законодательном учреждении говорить серьёзно о нелепой сказке, выдуманной невежественной массой, с явно преступной целью — натравливания доверчивых тёмных людей на несчастный еврейский народ.

Что бы сказали народные представители, если бы в Думу внесён был запрос социал-демократов в таком роде: известно ли правительству, что Пуришкевич превращается ночью в оборотня и в качестве такового разгуливает по Елагину острову около дворца Столыпина, и если известно, то что правительство намерено предпринять, дабы оградить председателя Совета министров от волшебных сил и возможной произойти «порчи»?

Но право, это было бы только смешно, ибо никому не вредно.

Здесь не смешно, а стыдно, больно, оскорбительно. Стыдно за русский народ, что он всё готов стерпеть. Больно за евреев,

на которых клеветают и которые лишены возможности защищаться. Оскорбительно, что такие люди могут называться представителями народа.

Тёмным, необразованным людям — грех их простится: они не ведают, что творят. Но вот этим сознательным лжецам, предателям, ведающим, что они творят, преступление их не должно быть прощено.

## «НАРОД» БЕЗ НАРОДА

**Я** никогда не забуду своих впечатлений от покойного Грингмута<sup>353</sup>.

Это было в Москве, во время выборов в первую Государственную думу<sup>354</sup>. «Публика» свободно допускалась в помещения, где происходили выборы. Я попал в «Арбатский участок».

В громадной прихожей столпилась масса народу. На широкой лестнице, по которой шли «избиратели», стояли представители партий и выкрикивали:

— Подавайте за партию народной свободы!..

— Подавайте за партию «Союза 17 октября»!..

Они раздавали бюллетени.

В углу прихожей, в стороне от всех, я заметил высокого, плотного старика с странным и неприятным лицом.

Довольно полный, но бледный, нездоровый. Мясистый нос горбом и громадные, полувыцветшие глаза навывкате. Болели ли они у него, или всегда так, — но в них был красноватый оттенок, это придавало лицу его какой-то особенный отталкивающий вид.

Старик стоял совершенно одиноко и пристально всматривался во входящих избирателей.

Настроение было приподнятое. «Любимцев» встречали аплодисментами. А старик всё стоял и не двигался.

Многие заметили его, и я услышал шёпот:

— Это Грингмут. Редактор «Московских ведомостей»...

Шёпот донёсся, очевидно, и до него. Он ушёл.

А в «Московских ведомостях» появился ряд статей, где доказывалось, что «выборы» — ерунда. Что голосуют «крамольники», а народ никаких выборов не желает, и потому в них не участвует.

Когда теперь я читаю о «Союзе русского народа», я всегда вспоминаю эту странную, одинокую фигуру Грингмута с крас-

ными неподвижными глазами. Представителя «русского народа» без народа, в уголке злобно посматривающего на радостную молодую Россию.

В самом деле, разве весь «Союз русского народа» не такой же «одиноким» Грингмут?

Кто верит в эти крики, что за нами, мол, миллионы стоят? Никто. Кто верит, что этих «представителей» действительно «уполномочил» говорить от своего имени *русский народ*? Да никто не верит, даже сами руководители. «Народ» никакого понятия о «союзе» не имеет. Это «организация» салонно-чиновно-дворянская. «Народ» здесь для декорации, для вывески. Нельзя же сказать «союз гр. Игнатъевой и К<sup>о</sup>»<sup>355</sup>. Гораздо лучше звучит «Союз русского народа». Так и завелось: народный союз без всякого участия народа.

Ведь если бы руководители искренно верили, что за ними «миллионы», что против них «кучка» интеллигенции, — чего же проще: дайте всеобщее избирательное право, и пусть ваши миллионы выберут своими представителями Дубровиных, Пуришкевичей и Никольских. Будьте уверены, что все тогда признают за вами право говорить от имени *народа* и преклонятся перед его волей.

Народ не будет участвовать в выборах...

Но, Боже мой, неужели ваши Минины и Пожарские не могут объяснить ему, что такое участие необходимо для спасения родины?!

Конечно, смешно, чтобы «Союз русского народа» добивался всеобщего избирательного права. Как смешно было бы, если бы Грингмут не пожелал тогда, на выборах, в Арбатском участке, чтобы ему аплодировали. Грингмут прекрасно знал, что он *один* с своими «Московскими ведомостями», — точно так же, как теперь Совет «Союза русского народа» прекрасно знает, что он один, без народа, с петербургскими салонами. При чём же тут «всеобщее избирательное право»?

Происходящий сейчас в Москве всероссийский съезд «Союза русского народа» почти совершенно бросил эту ненужную комедию игры в «народ». Он действует *начистоту*. В этом смысле его нельзя не приветствовать.

На съезде уже нет речи, мол, за нас «вся Россия» и пр.; речи вертятся вокруг влиятельных петербургских имён. Но провинция всегда отстаёт. В Москве и Петербурге уже признаются пря-

мо: нет у нас *народа*, а есть *барыни*. И только один неугомонный иер. Илиодор продолжает не в меру «усердствовать». «У нас тысячи», «только клич кликнете»... Организует, «записывает» и пр. Опоздали. Теперь уж этого не требуется...

## «ВСЁ ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО...»<sup>355</sup>

Один раз в своей жизни я видел Грингмута. Это было во время выборов в первую Государственную думу.

Он пришёл посмотреть, как идёт агитация «Союза русского народа».

На широкой лестнице, по которой шли избиратели, стояли молодые люди с бюллетенями и выкрикивали:

— Подавайте за партию народной свободы!..

— Подавайте за партию «Союза 17-го октября»!..

Изредка раздавался голос:

— Подавайте за «Союз русского народа»!..

И этот «призыв» вызывал дружный хохот возбуждённой, радостно настроенной молодёжи, собравшейся посмотреть, как идут выборы в первый русский парламент!<sup>357</sup>

Грингмут стоял в отдалении — и тяжёлым взглядом красноватых, выцветших глаз навывкате — наблюдал «выборы».

И смешно было — и жутко.

Такое же чувство вызывает во мне всякое выступление «Союза».

Возьмите хотя бы последний «всероссийский» съезд и новые их дебюты. С рассылкой по России лучших своих ораторов... Ведь это смех на всю Россию! Великолепен Пуришкевич с своим письмом о «тёмных деньгах» и подлинной распиской Дубровина<sup>358</sup>. Ещё того лучше Никольский, только что вернувшийся с побоища<sup>359</sup>. Замечательны речи духовенства. Самый факт «всероссийского» съезда, собравшегося вопреки постановлению главного совета, — сплошная юмористика<sup>360</sup>.

Подойдите к любому человеку на улице и заговорите о «союзниках», о Пуришкевиче, о съезде, — ни один не станет говорить серьёзно. Рассмеётся:

— Это о «таких-то» разговаривать! Ведь они только и существуют для «Сатирикона»<sup>361</sup> да смехотворных фельетонов.

Да, конечно, — всё это было бы смешно...

Но, как это ни ужасно, ни чудовищно, ни невероятно, — но ведь этим людям из «Сатирикона» принадлежит *руководящее значение в современной политической жизни страны*.

Уж какой тут смех! Из-за спины «юмористов» выглядывают страшные, неподвижные, кровавые глаза действительности.

Ведь подумайте только: собираются люди как будто бы сознательно для того, чтобы показать всё ничтожество своё: «Посмотрите, мол, какие мы клоуны».

А когда рассмешат, бросят вам в лицо:

— И всё-таки, что захотим — то и будет!..

И смех ваш застынет на устах. Станет больно до слёз за унижение великой страны, над которой издеваются шуты. Стыдно за себя и за других, что бессильны мы зажать рот оскорбителям, и невольно начинаешь терять веру в *ближайшее* счастливое будущее России<sup>51</sup>.

## ХРИСТИАНЕ И ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ

Несчастливая третья Дума доживает последние дни, и все партии мало-помалу начинают готовиться к выборам в новую, четвёртую Думу.

Будет ли новый состав «русского парламента» таким же жалким и бездарным, как нынешний, или, напротив, явится подлинным выражением воли народной — предугадать не трудно. Избирательный закон, предоставляющий на выборах все преимущества «цензу», и администрация, уже начавшая всячески способствовать выбору из господ наиболее чёрных, — всё это свидетельствует с непреложностью, что четвёртая Дума будет такой же серой, никчёмной, как и нынешняя.

Невольно является вопрос: как относиться к выборам христианам? Прежде всего: участвовать ли?

Безусловно: *да*.

Христианин меньше всего должен думать о *последствиях* своих действий, он должен руководствоваться сознанием *своего религиозного долга*, предоставляя высшей Воле направлять всё к благой цели. А религиозный долг каждого христианина — принимать *участие* в общественной жизни и всеми доступными ему средствами уменьшать существующее общественное зло.

Другой вопрос: кого выбирать в Думу?

Христиане не организованы в особую политическую партию, а по основному требованию христианства — безусловной свободе личности — едва ли могут быть организованы в политическую партию в современном смысле слова. Значит, христианам придётся «примыкать» на выборах к другим.

К кому же?

Этот вопрос находится в связи с другим вопросом. Что может *положительного* сделать четвёртая Государственная дума?

Реформировать страну она не может. Создать творческое, новое законодательство не в её силах и власти. *Лучшее*, что можно от неё ожидать, — это разъяснение народу, где его враги. То есть выполнение задачи чисто агитационной и оппозиционной.

И христиане должны поэтому поддерживать на выборах тех, от кого больше всего можно ожидать честного выполнения этой задачи.

Другими словами, и духовенство, и верующие миряне должны голосовать за кандидатов крайних левых партий.

## О ЧЁМ НЕЛЬЗЯ МОЛИТЬСЯ

**В**ы читали, конечно, о торжественном открытии вновь отстроенного помещения ресторана «Яр»?

Было много приветственных телеграмм. Ресторану желали успеха.

Я не осуждаю. Если кто любит цыганский хор и загородные рестораны — почему ему и не прислать приветственную телеграмму? К чему надевать на себя маску ханжества и, глядя на дом обжорства, пьянства и кутежей, делать «скорбную» физиономию, когда хочется крикнуть: да здравствует «Яр»!

Нет. Уж лучше откровенность и искренность.

Я не понимаю другого, я не понимаю, каким образом на торжестве открытия ресторана:

«В два часа дня, перед принесёнными из местных церквей иконами, в новом зимнем зале благочинный церковей 1-й гренадерской дивизии, протоиерей о. Орлов<sup>362</sup>, соборне с местным духовенством, при дивном пении хора певчих, совершил молебствие».

Вот это воистину удивительно!



Молебен был, очевидно, о даровании «успеха».

Чему?

Чтобы пили да не допивались до смерти? Или чтобы веселей пели цыганки? Или чтобы с большим удовольствием проводилось время в отдельных кабинетах?

А что если о. Орлову надо было сказать на этом молебствии «слово»? Что бы он сказал, в напутствие г-ну Судакову, хозяину «Яра»<sup>363</sup>? Я бы очень хотел послушать!

И ведь не один, а «соборне». Да ещё с иконами из местных церквей!

Ну, а что бы сказал отец Орлов, если бы недельки через две г. Судаков пригласил к себе в ресторан богомольного батюшку, часа в два ночи, посмотреть на успешные последствия «соборного» молебствия?

Пошёл ли бы о. Орлов смотреть, как поют голые шансонетки и пьют в отдельных кабинетах шампанское московские купцы?

Ведь не пошёл бы? Так почему же можно молиться за «успех» того, куда стыдно войти?

Ведь о. Орлов наместник Христа на земле. Дана ему власть «вязать» и «разрешать». Да, Христос бывал с мытарями и грешниками, но для чего? Неужели для того, чтобы желать «успеха» ихнему пьянству, разврату, прожиганию жизни! И апостол Иоанн проповедовал на острове Патмос, но он обличал оргии, и пьяные, разнузданные люди каялись и шли за Христом, — апостол не служил молебнов, чтобы оргия была веселей и чтобы устроитель её имел успех!

Неужели о. Орлов не понимает, какой страшный соблазн он вносит своим «молебствием»?

Я знаю, не прекратится разврат и торговля женским телом от того, что священник не придёт с иконами в загородный ресторан, — и не будет иметь Судаков больше успеха от того, что к его эстраде были прислонены иконы. Но поймите, что всё это — и ресторан, и пьянство, и мерзость открытых сцен и закрытых кабинетов, — всё это делается как зло, всё это осуждается как *недолжное*. Людей удерживает это *моральное сознание* от окончательного скотства. Но если вы понесёте в дома оргии и безобразного издевательства над образом Божиим в человеке иконы и начнёте *молиться* о ниспослании на всю эту грязь «благословения Божия», подумайте, что же будет в конце концов?

О. Орлов как представитель Церкви держится, очевидно, другого мнения.

Он полагает, что молиться обо всём этом *можно*.

Ну а вот о *театре* молиться нельзя!.. Ибо театр учреждение *языческое* и Священным Писанием осуждённое. И ни один священник не станет служить молебен *в театре*.

Языческое учреждение! Да, апостолы не осуждали французских шансонеток, потому что их тогда не было. И наша Церковь хочет следовать во всём *букве закона*.

И в конце концов, дело и не в «Яре», и не в «театре», — а в том, до чего мало в современной Церкви живой религиозной правды.

Точно слепые. Точно во сне или в бреду. Надо совершенно забыть Христа, совершенно потерять способность религиозного отношения *к жизни*, чтобы до такой степени потерять способность различать, о чём можно и о чём нельзя молиться!

## ПОРАБОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

**П**редставители высшего церковного управления снова взялись за охрану свободной религиозной мысли: целый ряд наиболее талантливых профессоров Академии подвергнуты дисциплинарным взысканиям «за вольнодумство»<sup>364</sup>, а блестящая диссертация Коновалова Синодом не утверждена<sup>365</sup>.

И здесь, как и всюду, поражает не столько «злая воля», сколько «неразумие»; не столько безнадёжная отсталость, сколько безнадёжная лживость. Лживость перед собственной своей совестью.

Кого охраняют блюстители «чистоты» религиозной мысли от вредоносных «протестантских» идей? Не русскую ли интеллигенцию? Но разве не знают они, лучше чем кто-нибудь другой, что громадное большинство интеллигенции к религии никакого отношения не имеет.

Или будущих пастырей? Но разве не общеизвестный факт, что нигде нет такого количества атеистов, как в наших семинариях и высшей духовной школе. Или, может быть, русского крестьянина? Но разве духовенство озаботилось, чтобы русский крестьянин читал научные диссертации?

Во имя чего и против кого направлены все эти порабощающие свободную мысль мероприятия? Не есть ли это простая де-

монстрация? Демонстрация победителей, готовых везде и всюду показать свою силу побеждённым.

Если вы хотите действительно служить религиозному возрождению, то вы прежде всего должны освободить от цепей религиозную совесть и религиозную мысль<sup>366</sup>. Не «вольномудство» отталкивает от религии, а религиозное невежество. Только в стране религиозного рабства сентиментальный Ренан мог стать «апостолом» и учителем жизни. Разрушительная, но истинно-научная критика Вельгаузена<sup>367</sup>, которую предают остракизму в духовных школах, никогда бы не принесла такого вреда. Страшны для религии не атеисты, а недоучки, не «отрицатели», а те, кто легкомысленно повторяет чужие слова и первые услышанные идеи.

Если вы болеете за упадок религиозных интересов, то шире распахните двери, за которыми скрыта свободная, научная — пуская разрушительная — мысль. Истина не боится честных врагов. И если вы верите, что истина религиозная — не обман и притворство, не охраняйте её насильем. Дайте ей лицом к лицу увидеть врага своего, она сумеет его покорить без вас.

## НАДО «СМОТРЕТЬ В КОРЕНЬ»

Недавно я получил от одной матери письмо. Между прочим она пишет:

«Особенно нужно обратить вниманье на школы и преподавание Закона Божия. Вы не можете себе представить, как сушит душу Закон Божий и как ненавидят его дети. И вот с детских лет зарождается или равнодушие, или отвращение ко всему духовному, религиозному. Нужно смотреть в корень, говорит Прутков, ну а корень-то сгнил уже давно»...

«Закон Божий» — безусловно, один из сгнивших «корней», обуславливающих неверие нашей интеллигенции.

«Вы не можете себе представить, как он сушит душу»... Нет, могу. Потому что сам учился и очень хорошо помню «впечатления» от этих уроков.

По отношению религии существуют у нас не столько серьёзные отрицания, сколько грубейшие недоразумения, наивные, но на всю жизнь усвоенные предрассудки — и вот в них-то действительно повинен «Закон Божий». Картина получается такая:

Приходит в класс батюшка. Читает молитву и усаживается на кафедру. Затем начинает рассказывать о чудесах в Ветхом или Новом Завете или догматах и учении православной Церкви.

Кто его слушает? Мальчики 10-16-ти лет, для которых вопрос о существовании Бога уже «давно» решён в отрицательном смысле.

Пусть это неверие наивное, детское, если хотите, смешное, — но для детей-то оно ведь вполне серьёзное. Они усвоили его в семье, от старших братьев и т. д., и т. д. Я утверждаю, что в гимназиях среди детей 99% «неверующих». И вот таким «непризнающим Бога» детям батюшка начинает рассказывать об Ионе во чреве кита и о воскрешении Лазаря, а позже о Троице и Богочеловеке.

Всё это рассказывается *так*, как будто бы вера самая детская, самая нетронутая, предполагается само собой.

На самом же деле всё как раз наоборот.

Чудеса никого не трогают. Кита с Ионой изображают мелом на доске. А тексты, подкрепляющие учение о триединстве, предаются проклятию, ибо они не волнуют ни ума, ни сердца и исключительно служат для отметки в «балльнике».

Повторяю, неверие гимназистов очень наивное, очень поверхностное, — но несомненно, что Иона во чреве кита поколебать его не может, и в результате люди *на всю жизнь* остаются с своим «гимназическим» атеизмом. И снова возвращаются к религиозным вопросам только тогда, когда внутренняя жизнь приведёт к ним тернистым путём страданий.

Вы скажете: что же мальчуганам десяти лет «доказывать» бытие Божье?

Не относитесь к «мальчуганам» так высокомерно. Поверьте, вопросы о Боге, о бессмертии и т. д. встают гораздо раньше перед сознанием, чем это принято думать взрослыми, которые удивительно быстро забывают, как они сами были детьми.

И на вопрос ваш я скажу: *да, Закон Божий должен преподаваться так, чтобы преподающий имел в виду детей неверующих.*

Это коренным образом реформирует всю систему преподавания.

Нельзя, разумеется, «научить» вере, но можно *так* рассказать об ней, что и дети поймут всю *серьёзность*, всю сложность религиозных вопросов, и если не научатся вере, то во всяком случае научатся уважению к ней и не будут рубить всё сплеча, научатся *задумываться* над религиозными вопросами, а не отбрасывать их, как уже «давно» решённые, вопросы о Боге перестанут считать

ясными как «дважды два четыре», — потому что поймут всю их трудность, важность, ибо над решением их бьются лучшие умы и в громадном большинстве случаев решают их в положительном смысле.

*Это можно передать и ребёнку.*

Тогда «Закон Божий» перестанет быть мёртвым, отвратительно трудным сборником смешных рассказов и непонятных текстов, а станет живым, любимым и самым *нужным* предметом в школе.

Не надо «веры», достаточно *неполной уверенности*, что всё *там* «вздор», чтобы христианская религия поучалась бы с величайшим интересом. Беда именно в том, что у гимназиста даже «сомнения» нет, что там всё вздор и что это «давно доказано».

Так вот, чтобы уничтожить одну из основных причин непроизвольно легкомысленного отношения к религии среди нашей интеллигенции, надо изгнать из школ теперешнюю систему преподавания «Закона Божия».

Но это не всё.

Одной «системы» — мало.

Надо ещё *людей*. Надо, чтобы люди сами *болели* религиозными вопросами и понимали всю *трагедию* неверующей души. Надо, чтобы для самих преподавателей «Закон Божий» перестал быть «катехизисом Филарета», а стал бы, наконец, «учением Христа».

Но вопрос о людях — вопрос не «публицистики», а «практики».

Я же хотел лишь сказать о том, что *должно быть*.

Я хотел лишь заглянуть «в корень».

## К МОНАШЕСКОМУ СЪЕЗДУ

Открылся монашеский съезд<sup>368</sup>. Чёрное духовенство обсуждает «внутренние», почти бытовые вопросы.

Состав съезда искусственно подтасован архиеп. Никоном, пригласившим представителей только от 39-ти монастырей. Председатель упрощает «смирненных» избегать разногласий.

Но слишком наболел в церковной среде «архиерейский» вопрос, слишком много за чёрной рясой скрыто неправды и зла, чтобы могло быть достигнуто какое-нибудь единство.

И всероссийский съезд монахов превращается во всероссийское демонстрирование бессилия и полного внутреннего разло-

жения тех, кто, по идее, призван стоять в первых рядах духовного возрождения.

«Церковь в параличе», — сказал Достоевский.

«Церковь в рабстве», — говорил Вл. Соловьёв.

Церковь и в рабстве, и в параличе.

В рабстве у тех, кто лишь как мёртвый культ признаёт омовение ног, в рабстве у забывших великую заповедь: кто хочет быть первым, пусть будет всем слугой<sup>369</sup>.

В рабстве у отцов, превративших себя во «владык», «начальников» белого духовенства, задушивших голос мирян.

Церковь в рабстве, потому что дух властолюбия ворвался в её святое святых и, гордо попирая слова Того, Кто заповедал быть всем слугою, куёт из года в год, из века в век свои кощунственные цепи.

Церковь в параличе, потому что с бессильною болью видит она своё унижение и нет у неё силы, нет соборного творчества, которое бы скинуло прочь поработителей религиозной мысли, и религиозной совести, и религиозной жизни.

Носители чёрных ряс, выродившиеся из великих подвижников и смиренных борцов с тёмными началами мира в сытых, обеспеченных «администраторов» в колясках, съехались решать свои монашеские дела.

У верующих только одна надежда. Надежда на то, что чаша гнева Господня переполнится когда-нибудь, надежда на то, что тайное станет наконец явным и духовные «владыки» будут извергнуты из святого храма, который они превратили в вертеп разбойников<sup>370</sup>.

## КУДА ДЕВАЛОСЬ ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ПЕРЕДОВОЕ ДУХОВЕНСТВО»?

«Общественная» реакция, ликвидировавшая немало всевозможных благих порывов и ещё более благих слов, нигде, кажется, до такой степени не свела на нет всё недавнее прошлое, как именно в сфере «церковной реформации».

Правда, не очень духовенство шумело. Но всё же шум этот был чрезвычайно знаменателен. Ведь он раздался с той стороны, где давно уже не только никто не шумел, но даже не говорил слышным человеческим голосом.

И вот, полнейшая ликвидация. Ни слуху, ни духу. Точно никогда и не было никаких «протестов», «призывов», «организаций» и пр., и пр., и пр.

Куда же это всё исчезло? И почему исчезло?

Но для ответа на эти вопросы надо ответить на другой вопрос:

Почему всё это было?

Церковное освободительное движение не было самостоятельным религиозным. Оно не имело никакой связи с тем народным религиозным движением, которое в настоящее время никакой реакции не подвержено и, напротив, растёт и вширь и вглубь.

Это явление было совершенно обособлено. Его породила общая освободительная волна, и потому в нём были какие угодно черты — политические, экономические, профессиональные, — только не религиозные.

Бастовали булочники, газетчики, железнодорожные служащие, бастовали трамваи, конки, водопроводы, собирались митинги студентов, рабочих, журналистов, общественных деятелей, дам, — и батюшки задвигались.

На митингах говорили своим языком — светским.

Батюшки заговорили своим — духовным.

Там говорили: всеобщее избирательное право, восьмичасовой рабочий день, хотим дышать свободно, свободно говорить, писать, думать...

Батюшки говорили: о Поместном Соборе, об оздоровлении прихода, о выборном духовенстве... И даже о «Вселенской Церкви».

И тогда было ясно, что, хотя слова все «духовные», «христианские», «церковные», но как-то странно они говорятся, совсем так же, как о восьмичасовом рабочем дне, только чуточку менее странно, более «благодично».

А теперь уже и вовсе нет никакого сомнения, что за всеми этими реформаторскими разговорами стояла не религиозная, всегда пламенная и непримиримая психология, а та же самая светская «свободная», только лишённая непосредственной силы. Одним словом, какое-то робкое эхо чужого мощного голоса.

Вот почему, когда этот мощный голос сам говорит шёпотом — эхо не слышно вовсе.

И право, так лучше. По крайней мере, никакой подделки.

Молчать и молчать.

Но хоть и лучше, а сколько в этом молчании трагедии! Ведь оно свидетельствует о полной оторванности от народа. Ведь это молчание в то время, когда народ, как никогда, может быть, раньше, весь охвачен религиозным брожением.

А оторванность от народа для духовенства — равносильна смертному приговору.

Сейчас Церковь не сознаёт этого. Живёт прошлым, питается той старой связью, которая крепко вошла в быт, и в понятия, и в мирозерцание. Но неужели не ясно, что с каждым годом и каждым днём эта связь рвётся по швам. Что тысячи бегут из старой церковной ограды.

И спасение не в том, чтобы «выше строить монастырские стены»<sup>247</sup> — жизнь ворвётся, хотя бы выстроили вы стены до небес, — а в том, чтобы шире распахнуть двери пробуждающейся народной религиозной жизни.

## НОВЫЙ ГОЛОС

Этот голос *новый* не потому, что он сказал что-нибудь *новое*, а потому, что он раздался в *третьей* Государственной думе из уст священника, где такие речи в диковинку.

По существу же высказанные депутатом-священником Титовым<sup>371</sup> мысли более чем старые. Они стали почти аксиомой, «истиной, не требующей доказательств». Теперь «не признают» их не те, кто с ними не согласен, а те, кто не хочет их *осуществления*. При таком положении «споры» излишни.

Священник Титов, «констатируя всё усиливающееся разобщение духовенства, крестьянства, рабочих и интеллигенции, видит причину его в установленном ещё петровским регламентом низведении Церкви на степень простого государственного учреждения. Это начало, постепенно развиваясь, привело к подчинению Церкви государству. Духовенство, воспитанное на отрешении от мира, живёт под страхом жестоких репрессий светской власти. Оратор говорит, что были употреблены огромные усилия, чтобы разъединить интеллигенцию в её работе на пользу народа от духовенства, вышедшего из народа, но живущего народом и для работы на пользу этого народа. Искусственно



понижался образовательный уровень духовенства. Лишив 20 лет назад духовенство муниципальных и избирательных прав, теперь правительство призвало его к законодательной работе для поднятия удельного веса духовенства в обществе. Религия стала для наших законодателей средством, а духовенство — орудием для достижения политических целей. Духовенство потеряло доверие в широких кругах общества, и первая отшатнулась от него интеллигенция. Евангельские истины оказались смешанными с политическими программами партий, проповедующих погромы. Отец Титов сравнивает позицию, занятую духовенством, с позицией французского духовенства времени Наполеона III. Об этом своевременно вспомнить, пока ещё большинство духовенства не стоит в рядах Союза русского народа. Для поднятия престижа духовенства необходим созыв церковного собора, который один только может разрушить стену между мирянами и духовенством».

Я нарочно привёл речь свящ. Титова почти дословно, как она сообщена по телеграфу, дабы не было сомнений в точности моей передачи. А речь эта настолько необычна, что сомнение было бы возможно. Ведь свящ. Титов сказал то самое, что говорили, писали, доказывали самые *радикальные* представители русской религиозной мысли<sup>372</sup>.

Позиция «голгофских христиан» по отношению к православной и всякой иной церкви известна. «Уход из церкви» — мы считаем делом *личной* религиозной совести. Мы считаем, что реформаторское движение может назревать и в формах *существующих* исповеданий, зарождение новых религиозных идей может идти путём *роста* из корней старых. А потому поддерживаем и приветствуем освободительный процесс во *всякой* церкви, видя в нём новый шаг к подлинному религиозному обновлению мира.

Вот почему мы с радостью приветствуем и речь свящ. Титова как показатель, что религиозная совесть просыпается даже в условиях работы третьей Гос. думы.

Это добрый знак.

«Новый голос» свящ. Титова, даст Бог, будет *первым* голосом священника после наступившего молчания, и за ним раздадутся другие голоса, может быть, ещё более уверенные и авторитетные.

## «ПРОГРАММА» НОВОГО ОБЕР-ПРОКУРОРА

У нас вошло в моду, что вновь назначенные сановники беседуют с корреспондентами о своих планах.

«Побеседовал» и вновь назначенный обер-прокурор.

Саблер — фигура слишком определённая, и, собственно говоря, незачем было ему отрекомендовываться обществу<sup>373</sup>.

Но, очевидно, сподвижник Победоносцева думает иначе, и потому счёл нужным ознакомить Россию с своей «программой» и «побеседовал».

Изумительная беседа! Всё в ней характерно. Но, кажется, больше всего — чисто русская способность: наговорить страшно много либеральных вещей, но сделать это как-то так, что в конце концов всё остаётся на прежнем месте. Эту способность русские сановники выработали в беседах с западными корреспондентами: для Европы колоссальные общие места, поражающие своим либерализмом, а для нас, русских — какая-нибудь маленькая «оговорка», которая имеет обыкновенно очень определённый смысл.

— Я всегда являлся сторонником созыва церковного собора, — сразу заявляет новый обер-прокурор.

Ну, слава Богу! Наконец-то назначили кого следует. А то все эти Извольские да Лукьяновы только тормозили дело<sup>374</sup>.

— Собор, без сомнения, осветит многие церковные нужды и вольёт свежую и чистую струю в жизнь духовенства.

Конечно, кто же теперь в этом сомневается! И почему это раньше не назначили обер-прокурором действительного тайного советника Саблера... Ведь есть же у нас чиновники с широким кругозором и настоящей либеральной программой.

— Я утверждаю, что собор в высшей степени желателен...

Ну, конечно, конечно! Никто и не спорит. И вам начинает казаться подозрительным, зачем это новый сановник, да ещё всем известный Саблер, так подчёркивает свой либерализм. Вы почувствуете недоброе.

И действительно. Это всё общее место. «Для Европы». Или «для печати». «Для общественного мнения».

А вот «настоящее»:

— Вопрос только во времени. Столь серьёзное дело нельзя начинать без определённой программы и достаточной подготовки.

И потому «точно определить срок созыва церковного собора не представляется возможным»<sup>431</sup>.

Святая истина. Но неужели до сих пор нет «определённой программы»? И неужели всё ещё не «подготовились»? Десятки томов написали, всех архиереев допросили, в особую комиссию даже «мирян» сведущих пригласили. Заседали-заседали, писали-писали, говорили-говорили, — наконец и программу выработали, и циркуляры благочинным разослали, и чуть ли не день собора назначили, — и вдруг через два года является новый обер-прокурор и говорит:

— Это всё они «так». У них и программы нет, и подготовки нет, а дело серьёзное. Надо повременить.

Что же, в конце концов: готовы или не готовы? Кому верить: архиереям или тайному советнику?

Архиереям верить трудно: ибо, если они «готовы», почему не «собираются»?

Но Саблеру верить ещё труднее после того, как выслушаешь дальнейшее изложение его программы.

Корреспондент очень резонно спрашивает поборника церковного собора:

— В обществе раздаются голоса, что с вашим назначением на пост обер-прокурора затормозится осуществление свободы совести. Насколько эти слухи верны?

— Должен сказать, что авторами этих слухов являются люди, недостаточно знакомые с моим политическим *credo*. Они знают меня лишь по моим выступлениям в Гос. совете, но в том-то и дело, что член Гос. совета — одно, а обер-прокурор Святейшего синода должен всегда помнить, что он стоит на страже церковных интересов.

Вот и скажите теперь, можно ли верить человеку, у которого такое оригинальное *credo*: член Гос. совета — одно, а обер-прокурор — другое. Так разве взгляды тайного советника меняются в зависимости от того, какую он должность занимает? В Гос. совете боролся против свободы совести, а через два дня в Синоде станет её защищать?

Да, мы не знали, что у нового обер-прокурора такое «политическое *credo*», хотя и догадывались об этом. Но знает ли он, как такое «*credo*» называется?

В заключение тайный советник впадает в лирику:

— Какою бы властью ни пользовался человек, он не может остановить течение времени. Попробуйте как-нибудь направить течение реки по обратному направлению. Это будет совершенно бесплодная работа.

Очень мило сказано. Но немного неожиданно для человека, который до действительного тайного советника дожил и всю жизни только тем и занимался, что направлял течение реки «по обратному направлению».

Очень поучительно, разумеется, если даже Саблер пришёл к заключению, что делать этого не следует.

Но я боюсь, что «лирика» эта «для Европы».

Ибо будь это искренним *credo* обер-прокурора, он бы имел совсем другую «программу».

Реку, действительно, нельзя повернуть назад. И потому Церковь, если она не хочет, чтобы река разбила в щепки обветшавшее здание, — должна не поворачивать её по «обратному направлению», а вести её за собой по новому жизненному руслу. Она должна перестать «готовиться» к Собору и немедленно, не откладывая ни дня, приступить к его осуществлению.

## ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЕПИСКОПУ ГЕРМОГЕНУ (О свободе Церкви)

**В**аше преосвященство!

Царицынские события, в которых Вы принимали ближайшее участие, закончились полнейшей Вашей победой. Иеромонах Илиодор вопреки постановлению Синода оставлен в прежнем месте, а по слухам, после посещения Саровской пустыни его ожидает в Петербурге посвящение в сан архимандрита. Обер-прокурор Синода Лукьянов подал в отставку, и на его место назначен Саблер, митрополит Антоний, заболевший от нервных потрясений, в недалёком будущем удаляется на покой, и кандидатом на кафедру Петербургского митрополита называют архиепископа Арсения<sup>375</sup>.

Я глубоко не сочувствую деятельности иеромонаха Илиодора, но я её понимаю.

Ваше же участие в царицынских событиях, когда Вы вместо исполнения поручения, данного Вам *Вашей церковной властью*<sup>376</sup>, вместо принятия неотложных мер к удалению о. Илиодора из

Царицына, занялись горячей агитацией за оставление его на прежнем месте служения, было бы совершенно непонятно, если бы Вам самим не угодно было объяснить внутренний смысл царицынских событий.

Вы заявили, что в Царицыне шла *борьба за свободу Церкви*.

Уже после Вашей победы Вы прислали из Саратова ответную телеграмму сторонникам о. Илиодора, в которой выражали радость по поводу того, что в Царицыне нашлось такое количество сотрудников в Вашей *борьбе за освобождение Церкви*.

Вы, епископ Русской Церкви, произнесли то слово, в котором заключается святое святых лучших представителей религиозной мысли. Вы лозунгом своей борьбы выставили то, что мы привыкли слышать от поборников свободы, в большей или меньшей степени всегда гонимых представителями церковной власти.

Свободу Церкви!

Мы привыкли произносить эти слова с чувством благоговения перед их громадным религиозным значением и с чувством стыда и боли от сознания ужасной церковной действительности.

Если бы Вы, епископ Русской Церкви, воистину возвысили свой голос во имя церковной свободы, это был бы день великой радости, день долгожданного чуда: параличная Церковь сделала бы первое движение *встать*. И поверьте, тысячи, не царицынские, а *настоящие*, со всех концов страны отозвались бы на Ваш призыв, ибо измучилось, исстрадалось русское сердце по живому религиозному слову.

Но то, что сделали Вы, — не торжество свободы, не торжество правды Христовой, а новое вящее её поругание. Сотни отрицателей свободы Церкви не принесли ей столько вреда, как Вы Вашей «защитой».

Высшая церковная власть в России принадлежит Св. синоду.

Государство давно уже превратило это учреждение в один из своих департаментов, и давно уже Синод не выражает собой голоса Церкви.

Церковь подчинена государству.

Факт этот можно по-разному оценивать, но нельзя не признать.

И вот в деле о. Илиодора *церковная власть* потребовала от Вас того, что шло наперекор Вашим желаниям. Вы не послушались и объявили войну. Кому? Светской власти? Можно ли воевать с тем, кто и не нападает, и не защищает? Неужели Вы серьёзно не

понимаете, что, если бы светская власть пожелала, она в полчаса могла бы разнести по кирпичу весь Ваш монастырь. Неужели Вы думаете, что сотни казаков не было бы достаточно, чтобы разогнать всех девиц и женщин, ночевавших на подворье? Ведь Ваша «крепость» была юмористическим укреплением. И если её не взяли, то не потому, что Вы её защищали, как Вы усиленно старались внушить народу, а просто потому, что её осаждали не казаки, а телеграммы митрополита Антония, над которыми Вы глумились.

Вы боролись за свободу Церкви! Но почему же в этой борьбе опирались не на Церковь, а на петербургские салоны?

Я понял бы, если бы Вы, борясь за церковную свободу, обратились за поддержкой ко всем епископам Русской Церкви, к восточным патриархам, наконец, к общинам верующих, я понял бы Вас, если бы Вы написали окружное послание, призывающее вселенских христиан к защите порабощённой Церкви<sup>377</sup>, но Вы вместо этого обращались к великосветским дамам, и в Вашей борьбе мы не слышали имён ни епископов, ни патриархов, но слышали очень много имён различных титулованных особ.

У Вас был самый ближайший путь: обратиться к духовенству и ко всей Церкви в пределах собственной своей епархии.

И Вы, по-видимому, к этому пути прибегли, но и здесь Ваше обращение больше походит на глумление, чем на великий религиозный акт.

Вы собрали священников не для того, чтобы призвать их бороться за свободу Церкви, а только затем, чтобы спросить их, *возьмутся ли они вывести о. Илиодора из алтаря!* Заведомо зная, что ни один священник не решится возвысить свой голос против о. Илиодора, ибо это было бы равносильно переходу в захолустный приход. И действительно, на Вашем совещании священники безмолвствовали или, желая выслужиться перед Вами, льстили о. Илиодору<sup>378</sup>.

Вы собрали запуганных Вашим управлением епархией людей, обременённых семьями, боящихся за свою судьбу, и, пользуясь их страхом и слабостью, вынуждали вопреки их совести хвалить перед Вами человека, которого в душе они ненавидят.

Вот как совещались Вы с пастырями о церковной свободе.

В своей борьбе — Вы не свободу Церкви защищали, Вы Церковь унижали.

Вы добивались, чтобы Церковь была подчинена не существующему правительству, а случайным и произвольным влияниям великосветских салонов. Власти чиновничества Вы предпочли диктатуру религиозно настроенных дам. И пожелали, чтобы высшим церковным учреждением руководили не обер-прокуроры, а «покровительницы».

И это Вы называете «свободой Церкви»! Неужели по совести, перед самим собой, Вы не понимаете, что Ваша победа была ужасающим *унижением Церкви*?<sup>379</sup> Что во всех, кто сколько-нибудь верил в самостоятельность Церкви, после царицынских событий явилась твёрдая уверенность, что с Церковью можно делать всё что вздумается, лишь бы привлечь на свою сторону какую-нибудь богомольную графиню.

Нет, пусть уж лучше Церковь будет в подчинении государству! Избавь её Христос от такой свободы. Там, по крайней мере, мы знаем, с кем имеем дело.

А здесь — сегодня графиня Игнатьева, завтра Лахтина, послезавтра ещё какая-нибудь дама или девица<sup>380</sup>. Пусть лучше будет один господин, который *ведёт Церковь туда, куда она не хочет*<sup>381</sup>, чем десятки барынь будут тащить её в разные стороны.

Мы по мере сил своих тоже боремся за свободу Церкви, но Вы не союзник наш. Вы нам злейший *враг*. И «свобода», которую Вы хотите дать, ничего общего не имеет с свободой, в которую мы верим, о которой мы молимся, во имя которой живём и на торжество которой надеемся.

*Наша свобода другая!*<sup>382</sup>

«Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так»<sup>383</sup>.

Вот основной закон Христов, определяющий внутренний смысл *церковных отношений* «начальствующих» и «подчинённых».

Никакой *внешней* принудительной власти, всё должно быть основано на внутреннем моральном авторитете<sup>384</sup>.

Это может быть только тогда, когда в Церкви, по примеру времён апостольских, будет проведено сверху донизу выборное начало.

Свободная церковная организация, где община группируется около выборного пастыря, где многие общины объединяются выборным из среды пастырей епископом, а епископы совместно с специально выбранными пастырями и мирянами составляют

*Собор*<sup>385</sup>, — такая свободная организация, основанная на чувстве братской любви, не может *зависеть* от государства. Глава Церкви — Христос, и Церковь свободна от каких бы то ни было внешних рамок, она связана лишь одним: внутренним духом Христовым<sup>386</sup>.

Признавая всякую власть от Бога как необходимую организующую силу для мира, ещё не ставшего Церковью, — во всех случаях конфликта с государством, то есть именно в тех случаях, когда внешняя языческая сила будет пытаться сковать свободный дух Христовой Церкви, — апостолы предписывают руководиться правилом: *аще праведно есть вас послушати, паче нежели Бога?*<sup>387</sup>

И апостолы мученической кончиной своей засвидетельствовали, что они именно *так* понимали свободу Церкви, если бы они понимали её иначе, их не казнили бы как мятежников.

Свобода Церкви — это первое условие *возрождения*, ибо только тогда верующие объединятся не внешне, как сейчас, а внутренне<sup>388</sup>.

Вся современная церковная организация, благодаря подчинению государству, соединяет верующих на светский лад, то есть *механически*. Дайте Церкви свободную внутреннюю организацию, и будет вызвано к жизни соборное единение людей в духе Христовом.

И тогда оживёт Церковь, снова пробудится религиозное творчество и даст людям то, что давала в золотой апостольский век: новое откровение.

Вот какой свободы Церкви добиваемся мы.

Но для достижения её ни при чём о. Илиодор, ни при чём знатные барыни, ни при чём вся та суетная, рекламная демонстрация, которая устроена была Вами в Царицыне.

Делайте своё дело, но, по крайней мере, не оскорбляйте религиозное чувство верующих своим глумлением над великой идеей свободной Церкви. И, будучи врагом свободы, не называйте себя её защитником.

## ТАК БЫЛО, НО — ДА НЕ БУДЕТ!<sup>356</sup>

«Русское слово» передаёт беседу с одним архимандритом, кандидатом в епископы<sup>390</sup>, по поводу известной жалобы прихожан на Макария Гневушева, настоятеля Московского Новоспасского монастыря<sup>391</sup>.



Беседа замечательная! Она отражает ужасающий упадок религиозного духа в современном высшем духовенстве. Архимандрит говорит вещи буквально кощунственные для всякого мало-мальски религиозного человека. Но он говорит их тоном: «Чего ж тут особенного», — и говорит так потому, что чувствует, что вместе с ним думает так же и большинство духовной бюрократии.

И весь ужас этой беседы в том заключается, что архимандрит прав: большинство действительно с ним.

«Всё то, о чём говорится в прошении, не представляет ничего особенного, — сказал о. архимандрит. — Судите сами, что неестественного и предосудительного в том, что настоятель распорядился о покупке для него вороных кровных рысаков. Разве один о. Макарий любит хороший выезд? Вы посмотрите, например, какой шикарный выезд у настоятеля Покровского монастыря о. Аристарха<sup>392</sup>. Поезжайте в Троицкую лавру — и вы увидите, какие рысаки имеются там для монастырских властей. “Лошадиный” вопрос обыкновенно сильно интересует всякого настоятеля. Он небезразличен не только для рядовых архимандритов, но, например, и для таких, как ректора академий и семинарий. Обыкновенно бюджеты этих учебных заведений скромные, а ведь и здесь лошади покупаются дорогие и кровные. Один из ректоров этой академии не постеснялся нарушить монастырские правила и сделал конюшни в стенах лавры, — и это для того, чтобы иметь своих лошадей, а не одолжаться каждый раз у монастырских властей. Можно было бы привести массу примеров, подтверждающих мысль о том, что покупка для архимандритов рысистых лошадей не представляет прихоти одного о. Макария. Было бы более удивительно, если бы он этого не сделал. Деньги есть, отчего же их не тратить, хотя бы и на такие нужды, как лошади: ведь это — монастырское дело, монастырская потребность.

Указывают, что о. Макарий завёл роскошь в своей квартире. Но, опять-таки, составители прошения не были, очевидно, в кельях других настоятелей московских монастырей. Несомненно, что у него не было ничего такого, чего нельзя было бы встретить у других архимандритов. Мраморные ванны — да ведь они есть почти у каждого настоятеля. Мраморные ванны так же, как лошади, почему-то, обращают на себя особенное внимание сторонних наблюдателей. Мраморная ванна, например, причинила немало неприятностей бывшему ректору академии еп. Евдокиму<sup>393</sup>. А что

в этом особенного? Эка важность: что стоит устройство её для общего расхода такого монастыря, как Новоспасский! Почти что ничего». И т. д., и т. д.

Положительно не знаешь, чему больше удивляться в этой изумительной речи о. архимандрита!

О. Макарий «не один» любит роскошный выезд, другие настоятели «тоже», а потому, по логике о. архимандрита, это «естественно» и «непредосудительно».

О. Макарий окружил себя роскошью. Чего тут особенного, пожимает плечами о. архимандрит: вероятно, жалобщики не были в кельях у таких-то и таких-то... И опять-таки, по логике защитника, если в других монастырях роскоши ещё больше, то жалоба на о. Макария неосновательна. Но спрашивается: если бы жалобщики *знали*, что в других монастырях есть кельи ещё роскошнее, — неужели они должны были бы признать жизнь о. Макария соответствующей монашескому быту?

Было время, когда деяние пастыря оценивалось ссылками на церковное прошлое, на жизнь святых, а теперь стали ссылаться на другие «примеры», на тех, у кого лошади ещё «породистее» и ковры ещё дороже.

Но верх совершенства фраза «Деньги есть — отчего же их не тратить».

Да, деньги есть! Но задумывался ли о. архимандрит когда-нибудь над вопросом, откуда эти деньги?

Если бы задумывался, у него язык бы не повернулся сказать такое кощунство: деньги есть — их можно тратить на лошадей.

Ведь эти деньги принесены в монастырь по грошам. Они пропитаны потом и кровью полуголодного простого народа. Они облиты слезами горькими людей, пришедшими сюда, в монастырь, как в последнее убежище с своим невысказанным народным горем.

А вы говорите «эка важность» — взял да купил себе ковры и мраморную ванну.

Неужели же до того потеряно религиозное — нет, просто человеческое чувство, — что так-таки совсем и не стыдно!

Люди приносили в монастырь грошковые, жёлтые восковые свечи, а о. Макарий освещал ими ёлку для своего «семейства». Я спрашиваю вас: если бы народ знал, куда идут его свечи, принёс ли бы он их в монастырь? Никогда! Значит, вы обманываете народ, вы торгуете святыней монастыря. Народ верит и чтит свя-

тынню, потому что его научили этому рассказы о великой жизни подвижников, — а вы, пользуясь верой народной, катаетесь на рысаках, покупаете ковры, купаетесь в мраморных ваннах.

В заключение «беседы» о. архимандрит сказал:

«Вообще, если судить о. Макария с точки зрения идеалов монашеских, то, конечно, он виноват во всём, что излагается в прошении. Если же судить с обычной человеческой точки зрения, то всё это дело ничего не стоит. Всё это обычно: так было, есть и, несомненно, будет».

Нет, отец, *обычной* точки зрения мы не хотим, — мы, ещё сохранившие в душе своей каплю религиозного чувства!

Да, мы все в грязи, во лжи, в роскоши, в блуде, во всякой мерзости, — но если ещё не погибли окончательно, то именно потому, что не хотим, *не можем* принять «обычной» точки зрения. Этим и живы. А если вы «приняли», согласились, то умерли вы, и все те, от имени которых вы говорите.

«Так было и, *несомненно, будет*». Нет, позвольте усомниться! Было — это так. Это *ваше*. Прошлое за *вами*. Но будущее *наше*, будущее принадлежит всем тем, кто, как бы низко ни пал, — никогда не *согласится* признать кощунственное осквернение святыни «естественным фактом».

*Было* — верно! Но — *да не будет!* Говорю это с чувством глубокой веры, по праву, данному всякому верующему христианину.

## МЕРЗОСТЬ И ЗАПУСТЕНИЕ

**М**ы живём накануне величайшей *духовной революции*.

Внешняя, дошедшая до последних пределов своего развития, *материальная культура* — при ужасающем нравственном и духовном падении общества — неминуемо подготавливает «мировой кризис», который разрешится полнейшей переоценкой всех ценностей, полнейшим перерождением всех чувств, всех понятий, всей жизни.

«То, что было слева, — станет справа, а то, что было справа, — станет слева»<sup>394</sup>. В основу новой исторической жизни будет положена идея *религиозная*. Культура примет иное направление — вместо задач *материальных* она обратится, наконец, на *человеческую душу*. Человеческая душа будет признана величай-

шей ценностью — и не на словах, не в «учениях», а в самой *психике* человеческого общества. *Культура душ человеческих* — вот новая задача, которая встаёт перед миром. И *религия свободного человека* — вот новый путь, который намечается перед людьми.

Но великим творческим эпохам всегда предшествуют эпохи упадка.

Не оживём, если не умрём<sup>395</sup>. Как в личной жизни великий подъём почти всегда связан с великим падением, так в жизни исторической перерождению мира, обновлению человечества — должна предшествовать эпоха упадка и разложения.

Две тысячи лет назад из иудейской, мёртвой, развращённой фарисеями церкви — вышел Христос.

Из современного мёртвого, развращённого фарисеями христианства — должно явиться новое религиозное откровение.

Тот, кто плохо верит в новую грядущую правду, пусть почувствует со всей силой ужас наступившего разложения. И в отчаянии своём, в боли своей — поймёт, что всякому беззаконию, всякой мерзости — должен быть *конец*. И что ужас наших дней — долго продолжаться не может.

Обо всей жизни говорить не буду. Я буду говорить о том, что ближе всего моему сердцу. Вот о том самом «святом месте», на котором, по пророческому слову Христа, «мерзость и запустение», — я буду говорить о жизни религиозной.

Что делается в современной Церкви?<sup>396</sup>

Умерла? Унижена? Развратилась? — Нет, хуже. В миллион раз хуже.

Она отдана в руки тех самых врагов Христа, которые не смогли победить Его две тысячи лет назад в качестве *открытых врагов*, и потому решили попробовать одержать победу, прикинувшись друзьями<sup>397</sup>.

Они не смогли обратить христианство в прах, и потому решили извратить его в самой основе. Не смогли победить распятием — решили отравить фарисейством.

Разве не узнаете вы в современных Илиодорах тех, которые некогда разрывали свои одежды в Синадриионе?

Правда, они не кричат: распни Его! О, они многому научились за две тысячи лет. Теперь они устраивают какие-то шествия с знамёнами, с флажками, с «значками», устраивают хоры «из девочек» и называют их «серафимами», из мальчиков — «херувима-

ми», они и впереди своих процессий — несут образ Христа в венце терновом.

Иудейские фарисеи надели этот венец на голову Христа.

Но разве эти жестокости можно сравнить с утончённой жестокостью фарисеев современных, которые разукрасили страдальческий Лик Его — разноцветными флагами?<sup>398</sup>

Там, где внешняя, показная, мишурная «религиозность» — там внутри гниение и смрад; и в самом деле, что творится *внутри*, под всеми этими флагами?

Я бы сказал: дружеское сближение «юродства» с развращёнными петербургскими салонами. Суетная церковная шумиха наших дней есть показная сторона петербургских вакханалий с участием «старцев».

Есть нечто глубоко отвратительное в этом хождении босых старцев Василиев, Григориев и прочих по петербургским великосветским гостиным<sup>399</sup>.

Развращённых аристократок «потянуло на юродивых». И вот начинается «отхожий религиозный промысел». Стекаются «юродивые», «святые», «прорицатели» — и их «показывают» по салонам, как раньше показывали итальянских теноров.

Это в «светской церкви»!

А в монастыре?

Давно ли Макарий Гневушев оправдывался в том, что тратил деньги богомольцев на рысаков, ковры и ванны, — тем, что другие настоятели «тратят ещё больше»<sup>400</sup>.

А вот ещё факт: «ревизией в Алатырском Троицком монастыре Симбирской губернии открыт между прочим подземный хорошо устроенный ход в торговые бани»!

Ведь это не анекдоты. И не «случайные» факты. Это *общий дух*<sup>401</sup>.

Было время, когда отшельники рыли себе пещеры, — теперь они роют «хорошо устроенные» ходы в торговые бани.

В этих словах — весь «путь», пройденный нашим монашеством от Сергия Радонежского до Макария Гневушева.

Разве же это не *близость конца*?

Поистине мерзость и запустение стали на святом месте. Развратились, изолгались, ни во что не верят, задыхаются в своём разврате, в своей мерзости — мёртвые души свои прикрывают «флажками»!

Торжествуют свою победу. Надеются на свою силу.

Но и фарисеи торжествовали. Не они ли распяли? Не они ли в гроб положили? И казённой печатью запечатали, и стражников поставили.

Но *воскрес*. Христос воскрес. Правда воскресла. Ни печати, ни стражники не помогли.

И теперь близок час Его воскресения.

Пока по петербургским салонам идёт отвратительное лобызание с «юродивыми», пока монахи роют свои ходы в торговые бани, а Илиодор занимает толпу зрелищами, шумом и треском, — в глубине народной, в глубине *живых* душ человеческих свершается великая работа религиозной мысли.

Уже веет над миром Животворящей Силой Духа Утешителя. И из гроба снова восстаёт Живой Христос!

## МЁРТВЫЙ ПРОЕКТ

**С**в. синод, по почину одного из иерархов, снова приступает к разрешению задачи, которую он никогда разрешить не сможет, потому что в тех рамках и с теми основными принципами, которые берутся за точку отправления, — задача эта неразрешима вовсе.

Речь идёт об «оживлении православного прихода».

О вопросе этом много говорилось и писалось года полтора назад, когда казался близким Всероссийский Церковный Собор. Приход, как живая клеточка церковного организма, рассматривался всесторонне. Все приходили к единогласному заключению, что приход умирает, что нужны какие-то экстренные и радикальные меры, чтобы сохранить его от окончательного разложения.

Священникам были даны инструкции. Поощрялись приходские совещания, привлечение мирян к внутреннему распорядку приходской жизни. И всё ни к чему. Разговоры остались разговорами, и как прежде никакой приходской жизни не было, так её нет и сейчас. В церквах идёт богослужение, влачат жалкое существование церковно-приходские школы. Старосты и благочинные пишут отчёты — вот и всё.

Приход — это в меньшем масштабе вся Церковь. И болезнь всей Церкви находит своё отражение в приходе. Воскрешать приход — это значит подымать вековечный вопрос о том, как исцелить расслабленного.

Церковь в параличе, сказал Достоевский. И приход — омертвевшая клеточка больного тела. Вопрос надо поставить или во всей полноте, не боясь всей грандиозной его сложности, или не ставить вовсе. Частичные меры к оживлению прихода так же бессильны, как ремонт крыши, когда готово рухнуть всё здание.

В народной массе, то затихая, то вновь вспыхивая, идёт громадное религиозное брожение. Церковный строй в своём настоящем виде — старые мехи.

Когда же, наконец, поймут это те, кто призван хранить дело Христово на земле!

Сейчас думать о реформе прихода несвоевременно. Это уже поздно. Сейчас надо думать об окончательном разрыве со всем старым, отжившим, умирающим. И о выходе на новую творческую религиозную дорогу.

## КИПИТ РАБОТА

**Л**етом, хотя все отдыхают, Синод решил «поработать»...

Реформируют школу... Реформируют приход...

Кипит работа!

«В заседание 2-го августа Синод неожиданно приступил к обсуждению вопроса о реформе прихода. Этому вопросу будет посвящено ещё одно экстренное заседание, на котором, по распоряжению В. К. Саблера, прения будут закончены. Такая спешка объясняется тем, что П. А. Столыпин предлагает внести соответствующий законопроект на обсуждение совета министров не позже трёх часов завтрашнего дня».

Итак, *завтра* у нас будет новый приход. Поздравляем. Как просто, оказывается! Люди десятки лет говорили-говорили, писали-писали, совещались-совещались, — наконец решили, что дело это несколькими архиереями не под силу, надо передать его Всероссийскому Церковному Собору...

И вдруг... в двадцать четыре часа!

Кипит работа...

Военный дух проник и в духовную среду: глазомер, быстрота и натиск<sup>402</sup>. И наши смиренные отцы, которые, бывало, семь раз примеривали и в конце концов предпочитали не отрезывать вовсе, — теперь так и режут, так и режут!

А что делает в это время «Церковь»?

Подойдите к любому среднему «прихожанину», «члену Церкви» и спросите его:

— Вы слышали? В Петербурге-то Церковь реформируют?

В лучшем случае он ответит:

— Да, читал что-то такое...

В Петербурге работают не покладая рук, а «Церковь» только из газет и знает, что её «обновляют». Неужели же можно верить в жизненную силу такого «обновления»? Разве можно реформировать Церковь, *не спросив* Церкви? Разве можно религиозному возрождению назначать сроки: «завтра к трём часам»?

Реформа Церкви — есть акт религиозного церковного (т. е. соборного) *творчества* и потому не может исходить откуда-то из Петербурга, а должен исходить из Церкви.

Вся беда в том, что у нас полнейшее отсутствие *церковной жизни*. С пробуждения этой жизни и надо начать «реформы» — остальное придёт.

Вы скажете, реформы Синода и направлены на пробуждение этой жизни. Надо, мол, с чего-нибудь начинать. Иначе получается заколдованный круг: чтобы пробудить Церковь, надо реформы, — а чтобы были реформы, надо, чтобы проснулась Церковь.

Нет уж, извините. Никакого заколдованного круга не получается.

Для того чтобы пробудить церковную жизнь, можно найти определённый и прямой путь. Возьмите хотя бы тот же вопрос о приходе.

Вместо того чтобы торопиться преобразовывать приход «к завтраму», гораздо правильнее было обратиться ко всем русским приходам с предложением обсудить этот вопрос и сказать: как, по мнению духовенства и мирян, должен быть приход реформирован.

Как ни замерла жизнь в нашей Церкви, всё же мы узнали бы тогда подобие церковного голоса, подобие церковного решения вопроса. И самый процесс обсуждения реформы прихода, невольно затронувший бы все живые религиозные силы на местах, — самый процесс этот бесконечно больше дал бы Церкви «возрождающего», чем вся бумажная работа, все бумажные реформы «в Петербурге», с какой бы головокружительной быстротой они там ни проводились.



И напрасно смиренные отцы утомляют себя в летнее время. Отдыхали бы по своим епархиям. А осенью предоставили бы эту работу *самой Церкви*. Куда было бы лучше.

А то ведь такая работа, выражаясь опять-таки военным языком, — «бег на месте»: движенья много, шуму ещё больше. Быстрота. А смотришь — ни с места.

## ИСТОРИЧЕСКИЕ КАНИКУЛЫ

**У** нас мало интересуются «церковными делами». Громадное общественное значение церковных дел признают все, независимо от религиозных взглядов, — и если не интересуются, то просто потому, что очень уж там «всё ясно»!

Но сейчас происходит нечто *исключительное*. Нечто такое, что не может не привлечь к себе общественного внимания.

За последние два года деятельность Синода вызывала какое-то недоумение: во всей стране реакция, а в самом консервативном учреждении Империи разговоры о реформах.

Назначение Саблера было полнейшей ликвидацией нового духа. Саблер — это именно та фигура, которая больше всего подходит к современному положению. Правда, он при назначении своём обмолвился что-то о церковном Соборе. Но никто, разумеется, всерьёз этого не принял.

Начинается изумительная работоспособность летнего «каникулярного» состава Синода.

Это поистине исторические каникулы.

В несколько заседаний, по классическому предписанию председателя Совета министров — представить проект реформы прихода «завтра к трём часам дня», — Синод в составе нескольких архиереев, без участия митрополитов, пользуясь своим формальным правом, решает важнейшие вопросы церковной жизни — о школе и приходе.

И не только решает новые вопросы, но отменяет проекты, только что одобренные Синодом и уже вошедшие в законную силу.

И всё это за три недели до окончания летней сессии!

Другими словами, явно «наспех», явно желая воспользоваться случайным составом Синода в каникулярное время.

Обер-прокурор Саблер при вступлении своём на новый пост обещал решение важнейших вопросов церковной жизни предо-

ставить церковному Собору, который «будет не так-то скоро, потому что дело серьёзное и надо подготовиться».

А теперь неожиданно оказались до того «готовы», что все реформы закончили «завтра к трём часам».

Но, однако, и это было бы не так ново. В таком роде бывало во времена Победоносцева.

А новое вот что: «Экзарх Грузии Иннокентий<sup>403</sup> отправил письмо Саблеру, в котором в прямых и смелых выражениях указывает последнему, что путь, на который толкают архиепископы Антоний волынский и Сергей финляндский, не примирит церковь, а внесёт в неё лишь новые раздоры и несогласия. Экзарх обращается, кроме того, с посланием к епархиальным епископам, приглашая их *сплотиться вокруг Петербургского владыки и выступить на защиту церкви, которую превратили в арену борьбы за карьеру*».

Самый факт такого выступления экзарха «с благословения митрополита Антония» — имеет громадное общественное значение.

Митрополит Антоний — трагическая фигура в Русской Церкви. Человек мягкий, просвещённый.

Один из любимейших передовых профессоров превращается, благодаря бесхарактерности и внешним обстоятельствам, в покровителя реакционной деятельности Синода.

Вероятно, он страдал, видя, что творится вокруг него. Много пережил, не будучи в силах делать по-своему. И вот теперь, больной, на краю могилы, не выдержал: благословил на борьбу за Церковь, превращённую в арену для достижения чинов и почёта.

Исход борьбы предугадать не трудно.

Но не *исход* сейчас важен. Важно *начало*. В Русской Церкви подготавливается великий раскол. Уже не по *букве*, а по *духу*. И общество не может оставаться безучастным к этому вопросу, ибо исторические последствия его неисчислимы...

## РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАГЕДИЯ

**М**итрополит Антоний унёс в могилу некую тайну: каким образом могла пройти так бесплодно, так обидно бесцветно святительская деятельность одного из благороднейших, даровитейших представителей официальной Церкви?

Казалось, всё было дано ему, чтобы сыграть выдающуюся историческую роль в эпоху зарождающейся церковной реформации: широкий идейный кругозор, глубокое понимание неотложных религиозных задач, смелое и свободное отношение к устаревшим традициям, настойчивость, выдержка, наконец, самая внешность и личное обаяние.

И в результате — пустое место; ничто, сосновый гроб, скорбь о погибшем прекрасном человеке, и только...

Митрополит Антоний *душой* был с передовым духовенством.

Один из самых деятельных священников «Союза 32-х» рассказывал мне о своих беседах с митрополитом.

— Намерения ваши святы. Пусть Господь вас благословит...

«В 1901, в 1903 и, наконец, в 1907 годах, — говорит о. Григорий Петров, — мне приходилось не раз иметь горячие, часто даже ожесточённые, несдержанные споры с покойным глаз на глаз в кабинете.

— Как вы терпите это? Как можно мириться с этим? Допускать, чтобы какой-то старый, выеденный молью вицмундир помыкал вами? — вырывалось, бывало, в пылу спора... а он только молчал, но чувствовалось, что ему дорого стоило это молчание.

Тяжёлое молчание его как бы говорило:

— Не хуже тебя знаю, сам всё понимаю, но что ж поделать? Не герой я. Одно скажу: зла не сделаю, а если и сделаю... то вынужденный к тому, не своею силой, не по доброй воле.

Приходила к нему дама жаловаться, что полиция запрещает читать Евангелие.

— Что могу я ей ответить? — пожимал плечами митрополит Антоний. — Погоревал вместе и с тем отпустил».

Но почему же благородный, честный, искренний иерарх был с теми, кто из политических целей лишал сана священника Петрова? Почему подписывал он явно бессмысленное заявление о японских миллионах? Зачем благословлял в 1907 году «дубровинский» съезд «Союза русского народа»?<sup>404</sup>

Что же: струсил? Боялся «отставки»? Слишком любил почёт, уважение, блага мира сего?

Нет! Вся жизнь его говорит, что — *нет*.

В молодости он был скромным учёным, профессором го- милетики в Казанской духовной академии. У него умерла же-

на и трое детей. Личная жизнь была разбита. Оставался один путь — монашество. Горе глубоко залегло в его душу и давало ему спокойствие и твёрдость в житейских столкновениях. «Запугать» Антония было трудно. Властолюбия он не знал. Помогал всем, кому мог. Такие люди не станут торговать своей совестью. Бояться им некого и нечего. Почему же он «не смел»? Почему сочувствие было только с глазу на глаз? Почему были у него силы заявлять даже в *Синоде*, на заседаниях, в комиссиях, в Совете министров — и о свободе совести, и о необходимости «устранить слишком бдительный контроль светской власти над жизнью Церкви», и, наконец, о том (при обсуждении 42-й и 43-й глав Основных Законов, где говорится о «господствующей Церкви» и о государе «блюстителе догматов»), что не следует настаивать, чтобы в законе оставалось выражение «господствующая Церковь», идея господства не христианская; достаточно, если в законе будет сказано, что «государь есть защитник православной Церкви». И почему не хватало смелости быть «героем», *общественным* вождём, не скромным подателем «особых мнений» в комиссиях, а пламенным церковным реформатором?

Разгадать эту тайну — значит разгадать религиозную трагедию всей его жизни. А это значит разгадать трагедию современной церковной эпохи.

Христос обратился к ап. Петру с пророческими словами: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведёт, куда не хочешь» (Ин. 21, 18). В этих словах усматривают указание на мученический венец апостола, казнённого в старости.

Но в них же раскрываются судьбы и всей Церкви.

На заре христианства, свободная духом, хотя и гонимая, униженная, поруганная светской, языческой властью, Церковь препоясывалась сама и победоносно шла туда, куда хотела: завоёвывать силою Креста одряхлевший языческий мир.

Теперь состарилась. Простёрла руки свои. *Другой* препоясал. И повёл, куда не хочет..

Митрополит Антоний был верным сыном Православной Церкви. И потому в нём отражалась вся судьба её. Мог ли он идти, куда хотел, когда *всю* Церковь ведут, куда она не хочет?

Трагедия нашей церковной жизни в том и состоит, что деятельность, внешнее проявление, *общественное* участие в жизни — прямо противоположно религиозным устремлениям «церковного народа». Религиозная совесть народа, *соборное* сознание верующих благословляет освобождение, — а кто-то сильнейший заставляет благословлять рабство. Не трусость, не бессилие, не корыстолюбие виноваты, — с мукой сердца идёт церковный народ туда, куда ведут. Но не идти не может, доколе не изживёт всю трагедию, которую ему надлежит изжить.

Митрополит Антоний «пожимал плечами» и беспомощно спрашивал «что же делать?». Когда к нему приходили жаловаться, что полиция запрещает чтение Евангелия, — «погоревал и отпустил».

Что делать митрополиту Петербургскому, первоприсутствующему Святейшего правительственного синода, когда околоточный запрещает чтение Евангелия?

Ужели «пожимать плечами», «погоревать и отпустить»?

*Запретить*, запретить властью, данной ему от Бога, издеваться над верной ему паствой.

— Что же я могу сделать?

И это спрашивает глава Церкви, облечённый громадной духовной властью.

Если бы митрополит не только *хотел*, но и *мог*, он бы не спрашивал, он бы *знал*. Он бы обращался не к «комиссиям», а к пастве, к народу, к *Церкви*, к *собранию верующих*. И каким пламенным восторгом отозвались бы эти призывы в исстрадавшихся сердцах его «духовных детей». Все «записки», все «особые мнения», вся бесплодная его «деятельность» — была бы искуплена одним таким общественным выступлением, это было бы фактом *историческим*.

Если бы Петербургский митрополит Антоний свои пожелания — честные, искренние, свободные — перенёс бы на свою деятельность: обратился бы с ними к Церкви, к народу — со всей авторитетностью первоиерарха Русской Церкви, — это был бы великий день, настоящее Светлое Христово Воскресение.

И мог бы, мог он это сделать! Хватило бы и умения, и силы, и смелости.

Но в том-то и дело, что личная трагедия его была лишь отзвуком общецерковной, «когда состареешься, то прострётся руки твои, и другой препояшет тебя и поведёт, куда не хочешь»...

## «СВОБОДА СОВЕСТИ»

Есть вещи до такой степени ясные, что их «глупо» доказывать. Но есть люди, которые не понимают такие ясные вещи, что приходится эту «глупость» делать и доказывать, что и без того ясно, как дважды два четыре.

К числу таких истин, «не требующих доказательств», принадлежит вопрос о *свободе совести*<sup>405</sup>.

Всякий может молиться Богу, как хочет и как верит. Это бесспорное положение «развивали» и «доказывали» сотни лет.

Наконец, все поняли и все согласились.

И России дарована «свобода совести».

Но у нас есть «ревнители христианства». Куда более благонадёжные, чем само правительство. И они остаются «при своём мнении», что дважды два пять. И что молиться надо обязательно по чину Иоанна Златоуста и Василия Великого.

На собрании баптистов в Москве в богослужение «сектантов» вмешалось «православное духовное лицо»<sup>406</sup>, а в Одессе молитвенные собрания баптистов срываются православными, поющими «Достойно есть».

Великолепный способ мешать людям молиться посредством церковного пения!

А что сказали бы «православные», если бы к ним на литургию явился бы «ревностный мулла» и во время Херувимской начал бы призывать во весь голос «правоверных», как он это делает с минарета? Или те же баптисты, наученные православными «свободе совести», — запели бы, в целях «сорвать обедню», какой-нибудь свой духовный гимн?

Воображаю, каким бы негодованием разразились «ревнители православия».

О, как скоро забывается история!

Если бы помнили её православные, и особенно «православное духовное лицо», им бы должно быть глубоко стыдно за свою «ревность». Не христианство ли больше всего страдало от религиозной нетерпимости?

Не религиозный ли фанатизм языческих императоров создал эпоху беспримерных в истории человеческих страданий. Не хри-

стианам ли больше всех помнить надлежит, как велики страдания «религиозных гонений».

Нет, видно, всё забыли и ничему не научились <sup>407</sup>.

## ДВЕ «МИССИИ»

С назначением Саблера явно усиливается «миссионерская» деятельность православной Церкви.

И понятно: Саблера выдвинул тот же «кружок», который выдвигает и Скворцова. Всероссийский миссионер почувствовал под ногами почву. А с ним вместе и все иерархи, объединившиеся вокруг петербургского салона, «ведающего дела церковные».

Миссионерская деятельность в епархии Гермогена саратовского получила особенно стремительный характер.

Епископ — ловит момент!

Миссионерствовать приказывается всем и всюду. И сельскому духовенству, и городскому, и подготовленным, и не подготовленным, и там, где есть сектанты, и где их нет <sup>408</sup>.

Миссионерская, то есть *апостольская*, проповедническая деятельность Церкви — одно из основных начал всякой религиозной организации. Это есть главнейший нерв её, свидетельствующий о жизненности и силе. Ни в чём, может быть, не выражается так полно внутреннее состояние Церкви, как именно в характере миссии.

В первые века «миссионерами» были апостолы. «Миссионер» апостол Павел выступал перед греческим ареопагом. Христианская миссия первоначального христианства была огненным подвигом служителей Христовых. Миссионеров впереди ожидала почти неизбежная мучительная смерть, на которую они шли, как Учитель их всходил на Голгофу. Современных «миссионеров» никто не «мучает»...

Проповедь «миссионеров»-апостолов разрушила языческий мир.

Проповедь миссионера Скворцова мирно и тихо заносится в консисторские отчёты. И не волнует ни раскольников, ни баптистов, ни свободных христиан.

Почему же такое явное бессилие церковной миссии?

Ответ ясен, конечно:

Потому что Скворцовы — не апостолы <sup>409</sup>.

Но есть и другая, так сказать, более непосредственная причина.

Ведь то, что современные миссионеры — не апостолы, ещё не объясняет такого *полного* неуспеха нашей миссии. Тогда и время было труднее нашего. Наконец, пусть бы результаты были меньше, но *какие-нибудь*. Есть же и среди современных проповедников люди верующие и способные.

В чём же дело?

А дело в том, что у нас *две миссии*, одна другую исключают.

Первая миссия — проповедь христианства официальными проповедниками — это проповедь *словами*.

Другая миссия — проповедь официального духовенства — *делами* <sup>410</sup>.

Слова *хорошие*, но старые и повторяющиеся, как затверженный урок. Эта миссия производит очень слабое впечатление.

Дела же очень *сильные*, настолько сильные, что не только на нет сводят первую миссию, но ещё остаётся очень значительный минус <sup>411</sup>.

В то время, когда Скворцов разъезжает по миссионерским съездам, а епископ Гермоген «предписывает» по своей епархии всюду бороться с еретиками, где они есть и где их нет, — свершается другая миссия: Илиодор мажет дёгтем прохожих, а Макарий Гневушев организует девичьи хоры и проч.

Спрашивается, что больше произведёт впечатление? Ловкое доказательство официального миссионера, что Дух Божий от Отца исходит, или всенародное признание, что православная Церковь, по выражению экзарха Грузии Иннокентия, «превращена в арену борьбы за карьеру»?

Что более убедительно, первая ли миссия, убеждающая сухими текстами, или вторая, смазывающая дёгтем?

И не ясно ли, что если официальный проповедник «спасёт» одну заблудшую овцу и вернёт её в лоно Церкви, — то «религиозный ураган» Илиодора и «девичий хор» Макария оттолкнёт тысячи <sup>412</sup>.

## СЕКТАНТЫ ПОНЕВОЛЕ

**Р**яд «сектантских» съездов свидетельствует о могучем росте религиозных исканий в нашем народе.

«Свобода совести» застала представителей официальной Церкви врасплох. И они решительно не знают, что делать им перед



несомненным и, главное, «свободно выражаемым» религиозным протестом народа.

Раньше всё было очень просто.

Имеются сектанты — как быть с ними?

— Упразднить!

И упраздняли всеми доступными и законом предоставленными способами.

И вдруг: упразднять нельзя!

Было от чего растеряться.

Но выход из «безвыходного» положения нашли очень оригинальный, хотя, надо правду сказать, по меньшей мере, неожиданный.

Миссионеры, с Скворцовым, Восторговым и Айвазовым<sup>413</sup> во главе, решили, что раз нельзя упразднить *существующих* сектантов, надо начать упразднять *несуществующих*.

Сектантами объявляются последователи *православного* трезвенника братца Иванушки, сектантами объявляются «голгофские христиане» и, наконец, вообще русские писатели.

Раньше было так:

Только та епархия благополучна, где *нет* сектантов.

А потому даже там, где они были, делали так, что их «как бы нет». Вся задача миссии заключалась в том, чтобы загнать в подполье, стереть с *лица земли*.

Теперь сделать этого нельзя. Настоящие сектанты «не стираются».

Остаётся объявлять сектантами кого вздумается, причислять к секте какой вздумается, разумеется, по возможности, к «особо вредной», — и затем уже *стирать и упразднять*.

Положение такого «сектанта» поневоле положительно отчаянное!

Его убеждают не в истинах православия, а прежде всего в том, что он *сектант*, и *вредный* сектант. А потом или сажают в тюрьму, или «пресекают» деятельность — это уже сообразно с мерою «*вины*».

В результате «новое» направление нашей «миссии» приведёт её к ужасающей путанице<sup>414</sup>.

«Сектантское» движение идёт своим порядком. Обилия «толков» бояться нечего. Всё, что в основе имеет искреннее искание правды, — хорошо. Когда-нибудь люди придут к этой единой все-

объемлющей правде. Но в этом большом и сложном народном движении официальная Церковь не сумела найти своего подобающего места. Айвазовы втянули её в опасную и неблагодарную игру в сектанты поневоле.

---

В «Колоколе» напечатана статья «Лжепророк (По поводу возобновившейся деятельности В. Свенцицкого)»<sup>415</sup>.

Эта статья во многих отношениях замечательна. В ней, как в капле воды, отразилась вся «суть» наших религиозно-чёрных органов печати.

Здесь всё, что угодно, — начиная от лжи и кончая доносом: «Мы призываем обратить внимание на эту искру зла, пока она не разгорелась в страшный пожар».

Всё то *лично*, что заключается в этой статье-доносе, я, разумеется, оставил бы без внимания. Для меня было ясно только одно, что снова появились охотники залезать в мою личную жизнь, охотники, которых, действительно, было достаточно много два-три года назад. Я думал, что меня оставили в *покое*. Оказывается — ошибся. Но запретить писать о себе всякий вздор я не могу, а потому заявляю наперёд, что ни «спорить», ни «опровергать», ни «привлекать к суду», какую бы мерзость обо мне ни написали, не буду.

Но в этой статье есть нечто другое, так сказать, *принципиальное*.

За последнее время в деятельности миссионеров наблюдается совершенно новая черта: *насильственное приобщение к сектантам*.

Было время, когда церковная «администрация» действовала как раз наоборот.

Конечно, сектантов преследовали, «выискивали», но не выискивали новых «сект», даже старались иногда делать вид, что *всё благополучно* там, где вовсе не было благополучно. Иногда сектанту очень трудно было «доказать», что он принадлежит к какой-либо новой секте. Возникновения нового лжеучения в «вверенной епархии» боялись, как огня. *Успех* миссии видели в *отсутствии лжеучений*. Самые преследования сектантов в корне своём носили идею сделать их *не видными*, загнать в подполье, с *глаз долой*.

Особенно резко бросалось в глаза отношение к интеллигенции. Старались «не замечать» её неверия. Смотрели сквозь пальцы. Лишь бы «свидетельство о говении» представили<sup>416</sup>. И больше ничего.

Теперь всё изменилось.

Образовался какой-то своеобразный миссионерский *спорт* по розыску новых лжеучений и лжеучителей. «Сектанты» упорно отмахиваются от такого «насильственного» образа действия, Христом Богом уверяют, что они настоящие православные и только что водку не пьют.

— Знаем мы, какая водка. Не водка, а «свальный» грех.

— Да побойтесь вы Бога, никакого свального греха нет — трезвость и жизнь по-Божьи.

— Знаем-знаем, все хлысты так говорят.

И несчастного «брatца Ивана» и его «трезвенников» тащит неутомимый современный «апостол» Айвазов по всяческим мытарствам.

Так поступают с «сектантами», которые упираются.

А с теми, которые не упираются, поступают ещё проще: их записывают в сектанты без всякой церемонии, не спросив и даже не зная их вероучения<sup>417</sup>.

Так теперь объявляет «Колокол» «иерархом» и меня. Так объявляют «сектантами» «голгофских христиан»<sup>418</sup>, так можно причислить к сектантам любого религиозного мыслителя.

Изменилось отношение и к интеллигенции. Гермоген предлагает подарить России 132 новых анафемы — современных русских писателей, а с ними, конечно, и всех «единомышленников», т. е. всю русскую интеллигенцию.

Что же это «новое направление» в нашей официальной Церкви доказывает? Может быть, возрождение? Может быть, Церковь почувствовала внутренние творческие силы и хочет «отмежеваться» от всего «чуждого»?

Нет, тогда бы не создавали сектантов поневоле.

Это свидетельствует совсем о другом. О том, что последние силы церковные, последнее влияние её люди, стоящие у церковного кормила, хотят использовать в *личных целях*.

— Церковь превращена в арену борьбы за карьеру, — сказал экзарх Грузии Иннокентий.

Теперь её хотят превратить ещё в арену личной мести.

---

Допустим, как сообщают газеты, так и есть: «голгофские христиане» и смертную казнь не признают, и национальность отрицают, и собственность отрицают, и существующий строй низвергают.

Может быть, это очень «вредное» учение, но при чём здесь «секта»?

Сектантство — это есть уклонение от Божественных истин, установленных Церковью. Их непреложность Церковь установила на Вселенских Соборах.

Теперь я спрашиваю, отрицая смертную казнь, какую божественную истину, *установленную Церковью*, отвергают «голгофские христиане»? Защита смертной казни есть частное мнение того или иного иерарха — не более<sup>419</sup>. Люди иного мнения могут быть, с точки зрения государства, очень вредными, но, с точки зрения церковной, это не сектанты, а просто идейные противники. Мало ли было разногласий по различным церковным вопросам, и если всякое разногласие было бы основанием для признания сектой, тогда сект было бы столько же, сколько писателей. Владимир Соловьёв не признавал смертную казнь — тоже сектант? Достоевский не признавал — тоже? Но так же, как и смертная казнь не есть Божественная истина, и существующий строй, и национализм, и прочее — нигде это не берётся под защиту соборной Церкви, а потому не может быть речи о нарушениях *Божественных истин*.

Итак, никаких *церковных* оснований для названия сектой нет. Остаётся «вред».

Но нельзя же всё, что вредно, обзывать сектой.

Очевидно: «голгофские христиане» — не секта. Это не «учение», это очевидно *религиозное движение народа*. Смысл его, «пафос» его в стремлении раскрыть и провести в жизнь то, что *окаменело* в церкви, и потому прежде всего вернуть апостольское христианство.

Я понимаю, почему спешат назвать его сектой. Но неужели не понимают, что истина не станет ложью оттого, что сделают о ней «постановление». «Постановлением» не убить то, что оживает в народе; и то, что умерло в официальной церкви, нельзя воскресить в административном порядке.

## НОВОЕ В СЕКТАНТСТВЕ

**Н**аступила весна. Всё оживает: оживает и «хождение» русского простого народа по монастырям, по «Божьим людям», в неустанных поисках праведной жизни. А вместе с этим «оживанием» напряжённее становится и сектантская жизнь. Время года игра-

ет большую роль. Удобные пути сообщения — больше «идуших» паломников, из которых очень и очень многие начинают Киево-Печерской лаврой, а кончают баптизмом. В деревнях для бесед уже не нужно забиваться в душные избы — можно говорить о вере всем и со всяким, знакомым и незнакомым.

За последние годы в своих путешествиях по России я больше всего присматривался к проявлениям религиозной, «сектантской» жизни народа. И мне бросилась в глаза одна совершенно новая черта сектантского движения, ещё не получившая «теоретически» выражения в том или ином сектантском «толке», но уже глубоко проникшая в «психологию», — не случайная и чреватая громадными религиозными последствиями.

Попросту говоря, её можно назвать: *терпимостью*.

Основная и общепризнанная черта сектантства до сих пор была: *исключительность*, вера, что спасёмся только мы — *баптисты*, мы — субботники, мы — молокане и т. д., а остальные все погибнут, остальные все «проклятые». Эта узость, эта исключительность права на спасение — была главнейшей причиной, обессилившей сектантское движение. Секты, замкнувшись в своё неумолимое отрицание всех остальных, чахли и, мало-помалу, *вырождались*. И вот, в народе началось стремление к *религиозному* раскрепощению. Сектанты, сохраняя свою собственность, почувствовали потребность освободиться от своего «сектантства» в смысле упорного отрицания всех остальных. Началось чрезвычайно глубокое народное движение к «объединению». Оно выразилось, прежде всего, в признании права на спасение в других — в низко верующих. Даже руководитель их, например, известный баптист Фетлер, идя навстречу этой нарождающейся потребности, публично заявил, что спасение не только в баптизме, что и во всех других могут быть настоящие проповедники, но что баптизм, как истинная вера, даёт спасение легче, скорее и для широких масс, а не только для натур исключительных<sup>420</sup>.

Какой это колоссальный шаг, поймёт всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с сектантским движением. Это «новое в сектантстве» свидетельствует о пробудившейся в народе настоящей религиозной жизни. В будущем это приведёт к слиянию раздробленных религиозных «сект» в единую, всеобщую народную веру, живую, творчески-вдохновенную. Этот вывод получает особое обоснование, когда всмотришься в современное православие,

где дух «сектантства» как раз увеличивается с каждым днём, где готовы проклинать всякого верующего по-своему, и где даже одни православные — илиодоровцы — готовы избивать других — иринарховцев<sup>421</sup>.

Там, где разделение, — там *смерть*. Там, где стремление к единству, — там *жизнь*.

## ЦЕРКОВНАЯ ДЕКОРАЦИЯ

**Е**сли верить слухам, со второй недели Великого поста в Синоде начинается «предварительное обсуждение» вопроса о созыве Церковного Собора<sup>422</sup>.

Вот уже три года, как время от времени начинаются эти «предварительные обсуждения», — доходит до того, что назначается и место, и время Собора, — но в конечном счёте момент оказывается неудобным, вопрос недостаточно «разработанным» — и созыв Собора откладывается на неопределённое время.

Как это ни странно, но на этот раз в близость Собора верится больше, чем когда-либо.

Помню, какое волнение вызвала первая весть о предстоящем Соборе. Заволновались все. Даже совершенно чуждые религии и церковным вопросам люди. Каждый по-своему возлагал надежды на крупнейшее и долгожданное событие церковной жизни.

В это время в Петербурге издавался популярный среди духовенства журнал «Век». За статью «Мёртвый собор» по специальному докладу Роговича журнал этот был закрыт<sup>423</sup>. Появился ряд «предсоборных сборников»<sup>424</sup>. Группа, объединившаяся вокруг проф. Булгакова, выпустила два тома «Вопросов религии», московское духовенство издало сборник, специально посвящённый предстоящему Собору. Известный петербургский союз «32-х священников» готовился с волнением к «борьбе». Волновались и профессора, и духовенство, и даже иерархи.

Всё это «оживление» заставляло с сомнением относиться к возможности Собора. И действительно, очень скоро выяснилось, что момент признан «неудобным».

Теперь совершенно не то.

Предстоящее обсуждение соборного вопроса в Св. синоде никого не задевает *за живое*. Всё тихо и смирно. Никому до него нет дела.

Вот потому-то почти с полной уверенностью можно сказать, что момент будет признан вполне своевременным, и Собор созовут.

Недавно еп. Гермоген вынес «сор из избы». И мы с изумлением узнали, что Россию хотят подарить «синодальным патриархом»<sup>425</sup>.

Не подлежит никакому сомнению, что нас ожидает теперь «Синодальный собор».

Вызовут для участия в соборе архиереев, «назначат» представителей от белого епархиального духовенства и не пустят мирян. Такой «безопасный собор» как раз ко времени.

И вот почему.

Последние события, связанные с выступлениями еп. Гермогена, иеромонаха Илиодора, как бы кто их ни оценивал, в результате потрясли до основания и без того расшатанный авторитет «Святейшего правительственного синода»<sup>426</sup>. Для того чтобы поддержать этот авторитет, «подкрепить» его чем-либо, нужна высшая инстанция, то есть Собор<sup>427</sup>. Для того чтобы постановления Собора не шли вразрез с деятельностью Синода, Собор должен быть тем же Синодом, но только «побольше».

Вот и всё.

За последнее время слишком много «обнаружилось» — необходимы «церковные ширмы»<sup>428</sup>.

Эту роль и выполнит предстоящий «Синодальный собор».

## СОЗОВУТ ЛИ СОБОР?

**Я** думаю, что созовут.

По крайней мере, никогда не верилось в это так, как верится теперь.

И не потому, что очень это «назрело» и все с волнением «ждут». А как раз наоборот: именно потому, что, хотя оно и «назрело», но никто и не волнуется, и не ждёт, и вообще давно уже махнули рукой<sup>429</sup>.

Это верный признак, что момент для созыва Собора найдут самым *подходящим*.

Возьмите Государственную думу.

Когда от Государственной думы чего-то ждали, с волнением следили за её деятельностью, — существование её признавалось

«не прочным», сомневались в «жизненности» нашего «законодательного» учреждения.

Теперь, когда все рукой махнули, — Государственную думу начинают признавать за учреждение, необходимое в общем государственном механизме.

То же и с Собором.

Четыре года тому назад, когда особенно много говорили о Соборе и особенно много ждали от него, я принимал ближайшее участие в издании очень популярного и влиятельного среди прогрессивного духовенства журнала «Век». И вот помню, какое оживление было. С какой страстностью обсуждался соборный вопрос, как волновалось духовенство и как *готовилось* к реформированию Церкви.

Журнал «Век» по специальному докладу Роговича был закрыт, а спор и все «толки» о Соборе прекратились...

Момент нашли несвоевременным<sup>430</sup>.

Несколько раз после этого снова заговаривали о Соборе, но всё тише, всё глуше.

В. К. Саблер при своём назначении на пост обер-прокурора не преминул тоже высказаться о Соборе.

Как полагается в таких случаях, выразил «сочувствие» *идее* Собора, но... «вопрос этот очень сложен и требует серьёзной подготовки»<sup>431</sup>.

Оказывалось, таким образом, что за четыре года всё ещё не подготовились!

Затем синодальная жизнь потекла обычным своим порядком — и что-то неслышно было, чтобы обер-прокурор «разрабатывал» вопрос о Соборе.

Но вот разразились события, закончившиеся ссылкой Гермогена и Илиодора.

Как бы к этим событиям кто ни относился, для всех ясно, что удар авторитету Синода нанесён почти смертельный...<sup>432</sup>

Где же выход?

Созвать Собор. И авторитетом *Собора* восстановить потерянный авторитет *Синода*. Для этого, разумеется, Собор должен быть «синодальным», должен представлять из себя не что иное, как расширенное заседание Св. синода.

И такой собор соберут.

Я, по крайней мере, верю в это более чем когда-либо!



## СОБОР И РЕФОРМАЦИЯ

На первый взгляд кажется чрезвычайно странной та «боязнь», с которой относятся к предстоящему Собору высшие руководители официальной Церкви. Ведь, как будто бы, созвать Собор *прямой расчёт*: авторитет Синода расшатан, церковная организация распадается, — почему же не вызвать в Синод лишних 10-20 архиереев, не назвать это «поместным собором» и, таким образом, не «подпереть» готовое рухнуть здание?

А боязнь существует несомненная.

С одной стороны — Предсоборное присутствие, заявление обер-прокурора о близости Собора, с другой — резкая статья в «России» с не менее определённым заявлением о несвоевременности Собора<sup>433</sup>. С одной стороны признаётся «необходимость» и «неотложность», с другой — «неподготовленность» и «преждевременность».

И хотят — и боятся.

Я думаю, обстоятельства вынудят и обер-прокурора, и Синод преодолеть на этот раз страх — и собор созовут.

Но я уверен также и в том, что эта нерешительность и робость имеет *пророческий* смысл, что внутренний «инстинкт» в данном случае верно подсказывает руководителям Церкви, что созыв Собора будет иметь *роковое* значение в истории нашей русской реформации.

Собор создаст лишь «самообман» церковного благополучия. Религиозного и нравственного авторитета народ за ним *не признает*<sup>434</sup>, потому что 30 архиереев, не имеющих такого авторитета, несколько не больше заслуживают доверия, чем 5 или 10. Когда *качество* остаётся то же — *количество* дела не меняет.

Но в деле реформации такой собор не будет только «безличен» — он явно *послужит ей на пользу*. Вот это-то и чувствуют бессознательно, этого-то и боятся, это-то и заставляет всё откладывать и откладывать его на неопределённое будущее.

Синодальный собор — будет экзаменом синодальной Церкви.

Пока «малоуспешность» правящей Церкви есть частное мнение тех или иных лиц. На упрёки говорят: «Вот подождите, созовут Собор — и всё обновится».

И вот, когда собор созовут, и будет очевидно, что ничего «обновить» он не в силах, экзамен окажется невыдержанным — тогда останется два выхода:

Или — навсегда отречься от всяких надежд на *обновление*. Или — смело выйти на путь церковной реформации<sup>435</sup>.

## «ЛЕТНИЕ АРХИЕРЕИ»

**Н**овый «летний» состав Синода приступил к занятиям. В газетах уже отмечалось, что в Синод на летнюю сессию не вызвано ни одного «авторитетного имени». Удивляться тут нечему: на то и лето, чтобы всё было «полегче».

Только я должен решительно опровергнуть заявление «Русского слова» о том, что пермский епископ Палладий<sup>436</sup>, бывший викарный епископ Саратовской епархии, «близок к Гермогену». На основании этого заявления некоторые газеты даже стали строить догадки: не свидетельствует ли вызов «гермогеновца» Палладия о перемене отношений к опальному епископу?

Но на самом деле тут полное недоразумение.

Правда, Палладий был викарием Саратовской епархии и служил вместе с Гермогеном, но всегда они были лютыми врагами, и всегда епископ Палладий, при одном упоминании епископа Гермогена, приходил в состояние крайнего возбуждения. Духовенство знало это и, обращаясь к Палладию, никогда не ссылалось на Гермогена, и наоборот.

Всё это я говорю не потому, чтобы был «поклонником» епископа Палладия, а так — «правды ради».

Несомненно, во всяком случае, что летние архиереи приглашены не для серьёзных дел, а для «отсидки», — чтобы дать время отдохнуть в своих епархиях своим серьёзным «коллегам»<sup>437</sup>.

Повторяю: всё это *понятно*. Но едва ли такое положение можно приветствовать. Больше того: в некоторых отношениях оно доказывает — *непростительное равнодушие к церковному вопросу*.

Как? По заявлению обер-прокурора, за наши церковные порядки «приходится краснеть», изменить их может «только церковный собор», к созыву церковного Собора архиереи ещё «не подготовлены», — и вдруг, вместо того чтобы вызывать в Синод людей *авторитетных*, — приглашаются *летние* архиереи и даётся отдых на несколько месяцев архиереям *настоящим*. Конечно, всякий нуждается в отдыхе, но «неприготовившиеся» до сих пор к Собору владыки могли бы и повременить с отдохновением.

Можно было бы летнее время употребить не на мирное житие на архиерейских дачах, а на неотложную работу по реформированию Церкви, за порядки в которой «приходится краснеть».

К Собору готовится не только «предсоборное присутствие» но и *вся Церковь* с своим высшим управлением во главе. «Состав Синода» в такое время должен определяться не *временами года*, а громадностью предстоящей исторической задачи.

## МУЧЕНИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

**П**ередо мной лежит удивительная «бумага». В ней говорится, что: «журнальным определением Епархиального училищного совета» от 12-го сентября за номером таким-то «на основании бывших рассуждений» и доклада «епархиального наблюдателя, содержание учителю церковно-приходской школы, такому-то, определено вместо 20 руб. в 10 рублей в месяц без квартиры и отопления»<sup>438</sup>.

Мне поясняют: это ещё что, у нас в церковно-приходской школе учительница получает 8 руб. 50 коп.

О том, как можно «жить» на 8 рублей в месяц, я думаю, распрстраняться нечего. Последняя судомойка, получающая 2-3 рубля в месяц, получает *больше*, потому что она получает, кроме того, стол, квартиру, отопление и освещение.

Меня интересует здесь другой вопрос: как *Церковь* может ставить «просветителей народа» в такое положение.

Средств нет?<sup>439</sup>

Но тогда зачем же руками и ногами цепляться за «школу», всячески стараться оттянуть её от земства.

О каком народном образовании может быть речь, когда учитель получает 10 рублей в месяц, а в школе вместе с учениками «воспитываются» телята и свиньи?

В связи с этой бумагой я спросил:

— Неужели учитель останется?

— Нет, уйдёт, вероятно. А вот в соседней деревне останется, потому что *параличом разбит*, деваться некуда.

Совершенно очевидно, что при таких «окладах» останутся в школах только «паралитики».

Мы только что «отпраздновали» Ломоносовский день<sup>440</sup>.

И мне захотелось вспомнить, как и по сие время просвещаются у нас «архангельские мужики». Много ли можно найти таких «мучеников», которые бы согласились *голодать и учить*? А если придётся искать «паралитиков» — многому ли они научат народ?

С человека, которому приходится жить с телятами, спрашивать много не приходится. Перед его *геройством* можно лишь преклоняться.

Вся ответственность падает на *Церковь*.

Какие богатства хранятся в *монастырях*, всем известно <sup>444</sup>. И потому, материальная вина за голодание учителей непростительна. А в «духовном» отношении Церковь сейчас больше всего занята, как бы не прошёл законопроект о *сокращении праздников* <sup>441</sup>, — большим она не интересуется.

И моральная вина Церкви перед голодающими учителями непростительнее вдвое.

## ГОЛОД И МОНАСТЫРИ

**Н**а Россию снова надвигается страшное бедствие — *голод*.

В губерниях Тобольской, Уфимской, Пермской, Симбирской, Казанской, Саратовской — солнце буквально выжгло дотла и траву, и хлеб, и даже лес, потому что благодаря засухе всюду начались лесные пожары. Всё это я видел собственными глазами.

Из Сибири, с сожжённых мест, люди буквально бегут в ужасе перед голодной смертью. Коров и лошадей кормить нечем. Сено дошло до 70 копеек за пуд. И чтобы скотина всё равно не подохла с голоду, её продают за бесценок, за 5-6 рублей! Телята идут по 80 коп., а овцы по 30 коп.

Людам грозит полное разорение. Если они даже могут перебиться до весны — всё равно весной им не справиться: нечем будет пахать землю. Голод выметет всё дочиста с мужицкого двора — и лошадей, и коров, и птицу. Кулаки скупают последние крестьянские наделы. Всё это грозит неисчислимыми бедствиями для России.

Одна из самых неоспоримых истин, что человеку надо есть. Человек не может жить без куска хлеба. Но русская жизнь упорно восстаёт против этой истины. И вынуждает вечно работающего и вечно недоедающего мужика — «жить» и не «есть» уж вовсе.

Россия и голод — стали словами нераздельными. И мы перестали понимать весь ужас «голода». Сытый голодного не понимает. И чем-то бесконечно «отвлечённым» рисуется нам картина «голодных губерний». Мы знать не хотим, что за словом «голод» стоит медленная страшная смерть, болезни, тупое безысходное горе. Что дети умирают на глазах матерей. И просят, и плачут, и кричат: «Мама, хлеба!» А у матери у самой пересохло во рту от голода и некуда пойти, не у кого просить. Люди с ума сходят от страдания, убивают детишек, не в силах видеть их мучений. Продают своих дочерей, как это было в Тетюшском уезде. Если бы картины голода не были от нас так далеко, если бы мы не читали об них равнодушно в газетах, а видели непосредственно своими глазами, — даже каменное сердце дрогнуло бы, и мы не смели бы спокойно спать, когда рядом творится такой ужас.

Но разве меняется что-нибудь от того, что не рядом, а за 500, за 1000 вёрст.

Голодным начинают организовывать помощь. Правительство, земство, частные лица. Но всё это капля в море. И такая помощь обычно не удовлетворяет и десятой доли нужды.

А между тем, в России есть полная возможность спасти голодных людей. На это хватило бы и средств, и работников: *если бы на путь борьбы с голодом вступили наши монастыри.*

Русские монастыри и богаты, и рассеяны по всем концам страны. Они могли бы организовать помощь, осветив дело *религиозно*. Это было бы самое благородное, самое достойное начинание людей, посвятивших себя Богу: накормить голодного. Это было бы делом поистине святым и *справедливым*, так как монастырь бы отдал средства тому же *народу*, который по крохам приносил их в обитель.

Это было бы делом творческим и живым, потому что русский монастырь тем самым вступал бы на путь *общественного служения*.

## ГОЛОД И ЦЕРКОВЬ

**В** борьбе с голодом правительство вступило на совершенно новый путь.

В самые мрачные времена реакции никогда оно не решалось воспрещать людям делать то, что есть не только неотъемлемое

его *право*, но и священнойшейшей *обязанность*, прямое исполнение одной из главнейших заповедей Божиих: *накормить голодного*.

Голодный просил у вас есть, и вы не дали: вы не дали не голодному, а Мне, *Христу* — и потому недостойны Царствия Божия<sup>442</sup>.

Русские граждане лишены возможности исполнить эту заповедь.

Просит Христос.

А правительство говорит: не давайте. Мы сами накормим.

И всё это потому, что предстоят выборы в четвёртую Государственную думу, и подающие голодному хлеб *«могут»* заняться агитацией...<sup>443</sup>

Но не будем спорить. Пусть с «высшей государственной» точки зрения — это необычайно «мудро». Пусть правы те, кто думает, что не так важно кормить голодных, как добиться избрания правых депутатов. Пусть так.

Но почему бездействует Церковь?

Неужели нашу Церковь, наши монастыри могли бы заподозрить в преступной агитации? Неужели и для Церкви убедительны слова представителей светской власти:

— Не давайте — мы сами накормим.

Неужели у Церкви хватит равнодушия отвернуться от Христа, когда Он, в образе нищего, просит есть, ибо «алчет»?

Ведь если бы все монастыри, все церкви отчислили на борьбу с голодом 5% своих доходов, то и тогда не осталось бы в России ни одного голодного<sup>444</sup>. Если бы все монастыри в голодающих местностях, все церкви в опустошённых сёлах организовали бы бесплатные столовые, то не было бы ни одного случая смерти от недоедания на «святой» Руси.

Давно ли *епископ* опубликовал в газетах, что голодные просят отслужить последнюю литургию, чтобы встретить голодную смерть<sup>445</sup>.

Почему Церковь *только «служит»*? Почему только *литургия*?

Не о *едином* хлебе жив человек. Но нигде не сказано, что он может жить *без хлеба* одной молитвой!

В годину, когда правительство по своим «высшим» соображениям не позволяет «посторонним лицам» кормить голодных, бездействие Церкви — не простое «равнодушие», а страшный, непроситительный *грех*.

## СТЫДНО ЛИ ПИСАТЬ О ГОЛОДЕ

Газеты полны «публицистических статей» о голоде.

Некоторые литераторы считают при этом своим «нравственным долгом» пококетничать:

— Ах, нам стыдно писать о голоде...

— Да почему же?

— А потому, что мы пишем и читаем свои статьи, запивая их кофе и заедая филипповскими калачами с маслом.

Так вот: стыдно ли, в самом деле, писать о голоде?

Я лично в такой «чуткой совести» не вижу ничего, кроме кокетства перед собой и перед своими читателями.

Если стыдно *писать* — то несколько не стыднее, чем *жить*.

Если можно вообще *жить*, когда люди «дохнут с голоду», когда крестьяне обращаются к священникам с просьбой «отслужить последнюю литургию перед голодной смертью», если можно не только жить, но и пить вино и есть несколько блюд за обедом, — можно и *писать*. Даже *должно* писать, чтобы хоть сколько-нибудь *уменьшить* свою вину перед народом. Сам, мол, по слабости, по духовному ничтожеству своему, живу, как ни в чём не бывало, так вы хоть помогите.

И если уж писателю стало *искренно* стыдно писать, то он обязательно сейчас же по-иному начнёт *жить*, а потому и стыдиться ему не придётся.

Но я верю всё же, что русским литераторам *действительно чего-то стыдно*. И я думаю, что причина этого смутного чувства лежит очень глубоко, в *общем сознании вины перед народом*. Это сознание вины обостряется в период страшного народного бедствия. Кроме этой основной причины, есть другая, более внешняя, если так можно выразиться, «профессиональная».

И в самом деле: писатель пишет о *голоде* — и получает за это деньги!

Если собрать всю сумму уплаченных в России гонораров за «голодные статьи», получится сумма, на которую можно прокормить не одну сотню, а может быть, тысячу крестьянских семей.

Это, действительно, — *стыдно!*

Но выход отсюда очень прост: всем русским литераторам отказать в пользу голодающих от гонораров за статьи о голоде.

## НОВЫЙ ГОД

**Н**овый год принято считать «праздником».

С новым годом «поздравляют», пьют шампанское и желают торжественно «нового счастья».

Полно, есть ли чему радоваться? И с каким «новым счастьем» мы можем поздравлять друг друга?

Вы скажете: зачем же так серьёзно. Почему не повеселиться один раз в год, хотя бы придравшись к новому году?

Но в том-то и дело, что мы живём вовсе несерьёзно, и потому веселимся вовсе не весело.

Мы живём не серьёзно, а *скучно*, мрачно, нудно.

И веселимся — легкомысленно, не радостно, с явным оттенком пошлости.

«Новый год» в этом отношении действительно подводит *итог* и нашей скуке, и нашему легкомыслию.

Дальше питья и обжорства вообще наши праздники не идут.

Но нынешний год чувствуется с особой силой, как всё это *некстати*.

Во втором томе посмертных произведений Льва Николаевича Толстого есть замечательный «Рассказ для детей»<sup>446</sup>. Этот «детский рассказ» следовало бы прочесть вслух всем взрослым перед ужином «на Новый год».

Господские дети с няней ехали через деревню. Сломалось колесо. Они зашли в крестьянскую избу. Там плакали голодные крестьянские ребята.

«Соня спросила:

— Отчего она кричит?

— Есть хочет, — сказала мать.

— Так дайте же ей.

— И дала бы, да нету».

Няня стала кормить господских деток.

«Но Соня не стала есть, отодвинула от себя стакан. То же, посмотрев на неё, сделал и Петя.

— Разве это правда, что у неё молока нет? — сказала Соня.

— Кто её знает, не наше это с вами дело, а вы кушайте.

— Не стану, — сказала Соня.

— Не стану и я, — сказал Петя.



— Ей отдай, — сказала Соня, не спуская глаз с девочки.

— Ну, будет вам пустое говорить, — сказала няня, — кушайте, а то простынет.

— Не буду кушать, не буду, — вдруг закричала Соня, — и дома не буду, если ей не дашь.

— Кушайте вы сначала, а останется — и ей дам.

— Не станем, пока ей не дашь».

Дети не стали есть. А взрослые, как ни в чём не бывало, будут пить шампанское. И ещё поздравлять друг друга «с новым счастьем».

Надо бы поздравлять ещё с большим *позором*. Ибо ни о каком счастье не может быть речи, когда люди до того зачерствели, что в дни голода, на глазах у детей, которые плачут, потому что нет «молока», — могут и опиваться, и объедаться.

## ГОЛОД И «ПАТРИОТИЗМ»

**Ч**то такое «патриотизм»?

Патриотизм — это шампанское.

Когда народ питается тюрей из картофеля и опилок, умирает от цинги и тифа — это называется *голодом*. Когда на рауте у графа Бобринского<sup>447</sup> пьют за славу России — это называется «*патриотизмом*».

Права на исключительное пользование «патриотизмом» предъявляют в наши дни националисты во главе с Меньшиковым и «вдовствующим братом» А. Столыпиным (выражение кн. Мещерского<sup>448</sup>).

Вопрос о национализме — старый и больной вопрос русской жизни. Казалось одно время, после знаменитой полемики Вл. Соловьёва с славянофилами<sup>449</sup>, что «национальный вопрос в России» решён окончательно и бесповоротно.

По существу, оно так и было.

*Теоретическое* славянофильство рухнуло. И если теперь снова выплывают на свет Божий «национальные вопросы», то вовсе не как «идейное возрождение», а как *практика жизни*. «Философия» — перешла в «политику». Искренний пафос Аксакова — в шампанское графа Бобринского.

Что же общего между голодом и «патриотизмом»?

Очень много.

Если бы *все* были одинаково сыты, *не на что* было бы пить шампанское. Другими словами, если бы не было голода, не было бы «патриотизма».

Таким образом, те, кто говорят: «Диета помогает», — правы. Очень даже помогает: она даёт «жизнь» современному патриотизму и веселит сердце человеческое...

Надо правду сказать, такое взаимоотношение голода и патриотизма — совершенно новое. Русское общество таких вещей ещё не слыхивало.

Всяко бывало. Ставили патриотизм в связь с бородами, с каф-танам, с париками, с борзыми собаками и даже с лакейскими ливреями. Но теперешняя связь его с голодом — это *наше*, собственное, над этим можно плакать или утешаться — уж это у кого какой вкус. Но признать за последнее слово современности неизбежно должен всякий.

---

«Патриотам» на Руси живётся прекрасно.

Они управляют страной, ведут её к «славе» и «счастью». Земли у них много. Их окружает почёт и уважение. В благодарность за всё это народ они не забывают: как только выдаётся случай, сейчас же пьют шампанское и говорят восторженные речи о терпении, трудолюбии и покорности русского мужика.

Такая идиллия продолжается до тех пор, пока губернаторы доносят, что в деревне всё благополучно.

— Святая Русь, — умиляются патриоты, — ах, славянофилы! Как они правы...

Но когда в министерство внутренних дел начинают поступать «тревожные сведения», настроение на патриотических раутах меняется, и хотя шампанское пьют по-прежнему, но говорят уже совсем другие речи:

— Мужик — дармоед, лентяй, вор... Прочтите «Наше преступление» Родионова — замечательно!..<sup>450</sup>

Особую ненависть в патриотах возбуждает слово: Голод!..

— Неправда! Ложь! Обман! Жидовские газеты!.. Нет голода... Урожай необычайный...

В этом почти стихийном стремлении «патриотов» открыться от голода — вскрывается вся подлинная сущность нашего «шампанского патриотизма».

Если народ по-настоящему любили бы, по-настоящему бы любили страну, то весть о страшном несчастье, на неё надвинувшемся, заставила бы чутко отзываться и душой, и сердцем. Когда с любимым человеком случается несчастье, мы склонны скорей преувеличивать опасность. Так и здесь. Если бы любили «святую Русь», «покорных» мужиков, — скорее преувеличили бы ужасы голода.

А теперь:

Оренбургский епископ печатает: во многих селениях крестьяне обращались к священнику с просьбой отслужить последнюю литургию перед голодной смертью. Помогите!..

— Ложь! — кричит «Колокол»<sup>451</sup>, — не было этого. Неправда. Запросить губернатора. Запросить министра. Запросить!.. Клевета!

Из Глушицы, Николаевского уезда, Самарской губернии, телеграфируют: тысячи голодных со слезами просили священника разрешить им резать лошадей и есть конину.

— Жидовская интрига! Революция!.. Подкуп!..

Отчего же такая боязнь признать факт голода?

При настоящем патриотизме — это было бы необъяснимо. Но при нашем «патриотизме» — это ясно как день.

Если правда, что люди умирают от голода, то:

1) *Всё-таки* стыдно пить шампанское.

2) Непокойно на душе: а вдруг «терпения» у русского мужика не хватит.

3) Надо «принимать меры» к оказанию помощи.

Правительству самому сделать это трудно, а общество допустить «опасно». Что же остаётся?

Да только и остаётся кричать:

— Ложь! Жиды! Клевета!..

## ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ

**У** Джонсона есть замечательный афоризм: «*Последнее прибежище негодяя — патриотизм*»<sup>452</sup>.

Джонсон едва ли имел в виду Россию. И, уж конечно, не знал, что слова эти ни к одной стране не могут быть применены с таким правом, как к нашей.

Процесс Герценштейна, убийство Караваева, споры о «тёмных» и «светлых» днях<sup>453</sup> — всё это засвидетельствовало непреложно: когда человек дошёл до последней черты, потерял последние остатки образа и подобия Божия, когда всё в жизни пройдено, не осталось ни стыда, ни совести, ни чести — терять больше нечего, идти некуда, тогда остаётся последнее прибежище — *патриотизм*.

Было время, когда с «патриотами» можно было спорить, не соглашаться, но *разговаривать*, как с людьми. «Самодержавие, православие и народность» — было некоторой *идейной формулой*.

С теперешними «патриотами» разговаривать не о чем и незачем. За старой «формулой» давно уже стоит: «произвол, ханжество и шампанское». Эта *новая* основа патриотизма ничего общего с идеями не имеет, и потому её можно только *заклеймить*.

«Патриоты», заплёвывающие праведника-мученика Толстого, публично называющие его «вором» и «мошенником», позволяющие себе писать о благороднейшем русском писателе Короленко «маститый каторжник», «жидовский батька», «продажный человек»... Это не только не *патриоты*, но даже *не люди*.

Это *выродки*, дошедшие в своём духовном падении до последних пределов безумия, оскверняющие, заплёвывающие не только свою страну, не только лучших граждан, праведников наших, утешение наше, людей, за жизнь которых Бог прощает нам нашу мерзкую жизнь, — но и самих себя, точно и вправду безумные, испуганные.

Таким людям действительно прибежище одно — *патриотизм*.

## «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»

**У** нас любят свалить всё на «точку зрения».

Поставьте перед любым человеком вопрос ребром: хорошо или плохо?

Он обязательно ответит:

— Как вам сказать? Всё зависит от точки зрения...

Однажды в поезде шёл деловой разговор о покупке крестьянами земли у какого-то помещика. Подвыпивший мужичок слушал-слушал да и говорит:

— Не покупайте... верно вам говорю... придёт и на их землю своя точка зрения: даром получите...

Это было шесть лет тому назад. «Мужичок ошибся» — своя точка зрения на помещичьи земли не пришла... И не только не пришла, а самым неожиданным образом перевернула всё шиворот-навыворот, и там, где ожидалось наделение крестьян землёй, — очутилось нечто весьма далёкое и от земли, и от крестьян, и вообще от народа:

Наш современный *национализм*.

Конечно, это тоже «своя точка зрения», если не идейная, то «сердечная». Если в теории возрождающийся национализм представляет из себя сплошной сумбур, сплошную путаницу без всяких руководящих начал и «точек зрения», — то в «сердцах», в «вождедениях» — это нечто вполне определённое, законченное и твёрдое.

Деятельность националистов в Думе, публицистика Меншикова, теперешний «всероссийский съезд националистов»<sup>454</sup> — всё это объединяется некоторым единым внутренним *нафосом* и по определённости своей стоит любой «точки зрения»!

После знаменитой полемики Вл. Соловьёва с славянофилами, после его «Национального вопроса в России», казалось бы, национализм можно считать похороненным навсегда.

Теоретически оно так и есть.

Но «реальные интересы» настолько могущественны, что сколько бы «теоретических похорон» ни справляли, национализм будет «воскрешаться» и по временам даже играть руководящую роль.

В статье «Что же нам делать?» Меншиков, вспомнив слова из завещания великого князя Симеона Гордого: «Блюдите, чтобы свеча не погасла», — говорит: «Ещё много-много нужно работы, чтобы собрать растерянную национальную силу и сосредоточить её до неугасимого горения».

Это очень красиво сказано<sup>455</sup>.

Но «национализм» можно сравнивать с такой всеразгорающейся свечой только в переносном смысле: сколько, мол, его ни опровергай, сколько ни доказывай, сколько ни «туши», — всё равно он выплывет наружу, ибо суть его не в «теории» и не в «истине», а в тех реальных интересах, которые убедительнее для многих всяких логических доводов.

«Неугасимая свеча» меншиковского национализма никому не светит и никого не греет. Тепло от неё только «хозяевам»...

Но ведающих, что они творят, публицистов это не смущает. И Меньшиков делает следующее, поистине классическое заявление:

«Враги национализма злорадствуют, подсчитывая скромные силы нашей партии. Но они делают при этом комическую ошибку. Национально-русская партия вовсе не исчерпывается теми членами, которые значатся в списках, ни даже теми, которые сочувствуют нам, вступая в союз. Истинным и действительным националистом следует считать каждого русского подданного, кто честно трудится на честном деле, увеличивая этим общий капитал нации, общее её могущество. Они могут даже и не знать, что они националисты, они могут даже не разделять наших теорий, но по самому существу их деятельности они работают для России, для неё одной».

При такой всеобъемлющей «точке зрения», разумеется, очень легко расширить рамки своей партии:

Все «честные» — наши члены, даже сами того не зная.

Все прохвосты — принадлежат к другим партиям, хотя бы и считали себя «националистами».

Националист Меньшиков разумеет, конечно, «бессознательную» народную массу. Уж такова судьба нашего многострадального народа: каждый вербует из него себе «недостающих» членов, без всякой церемонии и без всякого спроса. Когда на выборах «Союз русского народа» получает два-три голоса, и его спрашивают: «Кто же уполномочивает вас говорить от имени народных масс?», — Союз отвечает: «А разве вы не знаете, что все не участвовавшие в выборах — наши сочлены?»

Теперь, когда «враги национализма злорадствуют, подсчитывая скромные силы партии», — выход опять тот же:

— А разве вы не знаете, что все честные люди «бессознательные националисты»?

Но о бессознательных говорить не приходится.

Посмотрим на лучших, на «сознательных».

---

Съезд — это «смотреть» партии.

И вот начался смотр.

Во-первых, послали две телеграммы: одну вдове П. А. Столыпина, с выражением скорби по поводу трагической смерти министра; другую Долиной, по случаю 25-летия её артистической деятельности<sup>456</sup>.

Затем постановили ходатайствовать о канонизации патриарха Гермогена.

Подсчитали кассу — в наличности оказалось 59 рублей.

Занялись выяснением программы.

«Программа» должна вытекать из каких-либо основных начал. Но когда их нет, какая может быть программа? Просто — кто во что горазд. И прежде всего, разумеется, о евреях.

1) Права евреев ни в каком случае расширены быть не могут.

2) Следует изыскать средства активной борьбы с еврейским засильем.

Это одно из первых постановлений съезда, и едва ли не самое определённое. Националисты путаются, как школьники, по всем основным политическим вопросам. Они не знают, что «требовать», потому что не знают, чего «хотят». И только одно знают твёрдо: евреев надо стереть с лица земли.

Новым является здесь только одно: «изыскать средства активной борьбы».

Это зловещий пункт программы. Мы хорошо знаем, что на патриотическом языке означает приискание средств «активной борьбы».

Лишение прав, черта оседлости, систематическая и неустанная травля евреев везде и всюду — это, по мнению националистов, ещё не есть «активная борьба». Не ясно ли, что речь идёт о «*физическом воздействии*».

Вот единственное постановление съезда, которое, по-видимому, вылилось «от души».

Дальше идут «мелочи», политическая «риторика». «Содействие всеми доступными средствами величию и достоинству православной Церкви». Созыв Церковного Собора. «Усиление военной мощи Империи». Совершенно одиноко звучит: «подготовка *армии* народных учителей», и особенно: «широкое развитие крестьянского и мелкого ремесленного кредита». А под конец опять «от души»:

«Недопущение расширения прав евреев. Пересмотр устарелого законодательства в смысле действительной борьбы с евреями».

Евреем начали — евреем кончили. Дальше — ни с места!

И это понятно.

Благосостояние народа, «армия учителей» и даже дела церковные — всё это «так», а внутри *настоящее* — ненависть к иностранцам и забота о собственном благополучии.

Все пункты «программы» служебные, кроме этих скрытых «платформ»: ненависти и себялюбия. Даже канонизация Гермогена — явно не религиозное требование. Всё принесено в жертву, даже уважение к народным святыням.

Съезд «националистов» имеет громадное значение не тем только, что дал возможность с «злорадством» подсчитать незначительное количество «сознательных» членов партии, — гораздо важнее другое: перед всей Россией было продемонстрировано, что современный, выродившийся до последней черты национализм ничего, кроме ненависти, за душой не имеет, что сказать ему нечего, обещать народу нечего, ждать от этой партии нечего — что вся эта заносчивая компания оторвана не только от народа, но даже и от русского общества, что это, в конце концов, даже не *партия*, а просто собрание злых людей, устраивающих своё личное благополучие.

Но в то время, когда в Петербурге горит эта «неугасимая свеча» господского «национализма», — в народе действительно разгорается *неугасимая лампада* национального самосознания.

---

Зарождающийся «народный национализм» будет прямо противоположен современному человеконенавистническому национализму.

В основе своей он *религиозен*, а потому *любовен*. Не разъединяющий, а *соединяющий*. Источник его — не столько сознание своих «прав», сколько сознание своего *долга*.

Далеко ещё до «политической платформы», но рост национального самосознания не подлежит никакому сомнению. Народ начинает сознавать себя *единым целым*. Первые неудачи народного «движения» лишь углубили общественное чувство, с внешних, часто пафосных, «платформ» перенесли его вглубь, в самую душу народную, пробудили в нём жажду *самобытного* национального самоопределения.

Неугасимая лампада народной совести до сих пор горела жаждой только *личного* подвига, после освободительного движения в ней загорелось новое, большое народное чувство: жажда общественной справедливости.

Личное и общественное в нём начинают сливаться в *единое стремление*. И как личный вопрос жизни всегда народ стремился решать «по совести», «по-Божьи» — так захочет он решить и общественный вопрос.



В какую бы форму это стремление ни вылилось, несомненно одно, что не будет там места тому, что даёт «жизнь» современному национализму: *ненависти к инородцам*.

То есть народный национализм будет в корне отрицать современный.

Народ, «сознавший себя», не будет духовным нигилистом, как ни во что неверующий, а потому всех ненавидящий Меньшиков, — напротив, он весь будет проникнут сознанием великих своих сил и великой ответственности своей перед жизнью. Вера эта не может питать ненависти, потому что тому, кто верит в свои *силы*, нечего бояться инородческого «засилья»<sup>457</sup>. Напротив: народ всех призовет к себе как *братьев*, чтобы вместе, с любовью, с радостью свершать своё дело и выполнять своё великое мировое назначение.

## МОЖНО ЛИ ЛЮБИТЬ СВОЁ ОТЕЧЕСТВО?

**М**ожно ли быть христианином и любить своё отечество, быть «патриотом»?

Не теми патриотами, имя которых употребляется почти как бранное слово, — о тех и говорить нечего. Дело так ясно и просто: люди живут, поживают и добра наживают. При чём тут «патриотизм»? Такое «мирное накопление богатств» можно называть, конечно, «иносказательно» каким угодно словом — и «консерватизмом», и патриотизмом, — но, когда ставится *вопрос* о совмещении любви к родине с религией, разумеют нечто иное.

Настоящую любовь. Самоотверженную и бескорыстную. Любовь, которая может вылиться в подвиг, которая заставляет человека положить душу свою за свою страну, подобно заповеди Христовой: положить её за *други своя*.

Вот эта-та любовь может ли «ужиться» с христианством?

Новому религиозному движению придётся *по-своему* отвечать на все вопросы жизни. Придётся по-своему ответить и на этот вопрос. Разумеется, не все вопросы придётся решать заново. Громадная работа мысли предшествовала современному движению. Не с неба оно упало. Главнейшим его вдохновителем был, бесспорно, Вл. Соловьёв, — поскольку речь идёт об *идейной* основе движения. И здесь часто придётся быть только «популяризатором».

ром», доводить до сведения масс то, что давно уже решено в недоступных большинству его религиозно-философских трактатах.

Вопрос о «патриотизме» как будто бы и прост для решения. В самом деле, можно ли задавать его по отношению учения Христа, учения, которое проповедует, что надо *всех* ближних и *всех* врагов любить, как самого себя, что нет ни эллинов, ни иудеев? Раз человек будет немцев, французов, русских — любить, как самого себя, т. е. *одинаково*, не ясно ли, что ни о каком «патриотизме», т. е. *исключительной* любви к данному народу, — не может быть и речи.

И всё-таки вопрос этот считался, считается и долго, вероятно, ещё будет считаться спорным.

Причина этого *психологическая*.

Умом очень легко «доказать себе», что любить свой народ *больше* всякого другого народа противоречит учению Христа.

Но *чувству* доказать это гораздо труднее.

Всякий, всматриваясь в своё *чувство любви* к родине, видит, что это *настоящая любовь*. И вдруг ему говорят: надо от этой любви *отказаться*. Она — *ложь*.

Трудно человеку принять это и вырвать из своего сердца *настоящую любовь*. Он не может не чувствовать её правды.

Но в том-то и дело, что вырывать ничего и не надо.

Правы те, которые скажут, что подлинная правда в их любви к своей стране.

И правы те, которые скажут, что любовь к своей стране несовместима с *полной* правдой христианской.

Христианство всегда отрицает *низшую* ступень во имя *вышей*. Но никогда не говорит: просто выбрось ступень, на которой стоишь.

И любовь к *своему сыну* есть некоторая правда. Но *лучше* любить всю свою *семью*, чем одного её члена. И когда человек полюбит всю свою семью, любви к одному уже не останется, она *сольётся* с любовью ко всей семье.

Но лучше, чем любить *свою* семью, любить *весь свой народ*. В эту широкую и самоотверженную любовь войдёт и любовь к семье. Здесь уже личный эгоизм расширяется до таких пределов, когда в любом является *подвиг и самоотречение*.

*Но ещё лучше* любить *всех* людей, *весь* мир, и тогда не будет ни эллина, ни иудея, ни своих, ни чужих, человек станет «всемирным патриотом».

Таким образом, *полнота* христианской правды несовместима с «патриотизмом», ибо меньшее всегда будет поглощено большим. «Патриотизм» — это капля любви, и если разольётся море любви всечеловеческой, оно поглотит эту каплю, не потому, что она «противоположна» морю, а потому что она *однородна* с ним по существу, но бесконечно меньше его, и войдёт в него, как *часть целого*.

Достижение высших степеней совершенства в христианстве всегда должно идти изнутри. Хорошо отказаться от любви к своей семье *во имя* любви к отечеству. Но если человек не любит семью, потому что «так учил Христос», а вместо этого неспособен и на любовь к родине, — то он опускается ещё ниже, ибо отказывается от всякой любви.

Так и в вопросе о любви к своему отечеству.

Если человек «заменяет» свой патриотизм любовью «вселенской», он прав. Это именно то, чему учил Христос.

Но если он, основываясь на *словах* Христа, просто «отказывается» от любви к родине, то он не выполняет и большей любви и отказывается от меньшей.

Любящий *весь мир* больше христианин, чем любящий только свой народ. Но не любящий ни мира, ни своего народа — не христианин вовсе, совсем!

## ОТ ИМЕНИ НАРОДА

**В** Государственной думе, при обсуждении бюджета, председатель Совета министров Коковцов, обращаясь к любым партиям, между прочим сказал:

— Не говорите от имени народа — он вам не дал никаких прав, у вас нет этих мандатов...<sup>458</sup>

И на этом основании министр *от имени народа* заявил, что народ пойдёт за правительством, за теми, кто ведёт его «к труду, порядку и славе».

Я согласен, что русский народ не дал права депутатам третьей Государственной думы говорить от его имени<sup>459</sup>. Но интересно было бы знать, какими путями получил этот «мандат» — говорить от имени народа — сам председатель Совета министров? Почему депутаты, которых народ *не выбирал*, не могут говорить от народного имени, а министр, которого также не выбирал народ, может

говорить, да ещё тот самый министр, который немало в своё время потрудился, чтобы лишить народ возможности послать в Думу своих представителей.

Да, у депутатов нет прав говорить от имени народа, им народ не вручил этих мандатов.

Но почему?

Не потому ведь, что он передал эти мандаты кому-то *другому*, а потому, что его лишили избирательных прав, т. е. лишили возможности передать мандаты кому бы то ни было <sup>460</sup>.

В устах председателя Совета министров всё это звучало бы беспощадной насмешкой над народом и нашими «депутатами», если бы не говорилось так серьёзно и с таким «патриотическим подъёмом»!

В самом деле, лишить народ, ввиду его недостаточного «политического развития», избирательных прав, издать новый закон о выборах, на основании которого в Думе обеспечивается большинство из «господ», крупных помещиков и капиталистов, — а потом с патриотическим пафосом провозглашать:

— Не говорите от имени народа — он вам не дал никаких прав.

Святая истина: «не дал». Но ведь благодаря *вам* не дал!

Если председатель Совета министров *искренно* думает, что *народ* за левыми партиями не пойдёт, а пойдёт за представителями правительства, которые поведут его к «труду, порядку и славе», — так чего же проще: дайте немедленно всеобщее прямое избирательное право, чтобы народ мог поскорей вручить свои «мандаты» Коковцову и тем публично осрамить левых лгунов, которые обманным образом говорят от народного имени.

Но я боюсь, что Коковцов плохо верит в народные симпатии и в глубине души очень сомневается, что ему бы вручил народ свои права, если бы народ действительно об этом спросили.

Я сомневаюсь не «так себе», а на основании фактов.

Во время тех же общих прений о бюджете тот же Коковцов заявил по поводу стеснения общественной помощи голодающим, что «Красный Крест» не пользуется симпатиями, потому что через него «неудобно распространять вместе с мукой и врачебной помощью предвыборную литературу» <sup>461</sup>. Таким образом, оказывается, частная помощь воспрещена из боязни, что в муке будут прокламации. Но где же торжественное заявление Коковцова о русском народе, который знает, за кем идти?

Если *знает* — то чего же бояться «мучных» прокламаций?

А если есть чего бояться, то уж, значит, плоха вера в то, что народ передаст свои «мандаты» людям, ведущим его к «порядку».

Да, от имени народа говорить очень легко! Народ молчит — и лишён возможности сказать своё слово. При таком условии всякий может приписывать ему что угодно, какие угодно «мандаты», какие угодно идеалы, какие угодно направления и пути.

Но если бы к народу была действительная любовь и действительное уважение, не стали бы так легко *говорить* от его имени, а со всей любовью и со всем уважением обратились бы к нему и предоставили бы говорить народу самому от своего имени.

### «КОЛОС РЖИ»

(Письма из Петербурга)

День «колоса ржи»<sup>462</sup> — настоящий праздник:

Вспомнили о мужике.

Внешняя картинка та же, что и в день «белой ромашки». Только хорошо, что вместо белого цветка — не искусственный, а настоящий колос ржи, тот самый колос, над которым трудился голодающий теперь мужик. Остальное всё то же: те же автомобили, те же барышни, те же кавалеры с «кружками» и плакаты с надписями «Колос ржи».

Всё это внешнее, больше похожее на забаву, на весёлый карнавал.

Но в сегодняшнем празднике всё же чувствуется и другая какая-то нота.

Должно быть, «колос ржи» многим напомнил о наших грехах перед народом, у многих, должно быть, шевельнулась совесть: вспомнили, что весь сытый Петербург создан теми, кто добывает ржаные колосья, как крот всю жизнь свою живёт в землянках, в сырости, в холоде, — и в благодарность за весь труд свой, за всё страдание своё не имеет даже куска хлеба.

Барышни подходили и говорили: пожертвуйте на голодающих! И я не видел никого, кто бы «отвернулся».

Я видел несколько лиц, очень взволнованных. Один господин, очень седой и почтенный, шёл по Невскому с «колосом ржи» в руках. Уронил его и сначала не заметил, — но потом быстро вернулся, поднял и стал бережно очищать от грязи. Носится в воздухе

какая-то серьёзная дума, к «колосу ржи» отношение как к символу. Точно этот маленький колос выражает собой страдание народное, и к нему подходят с уважением и с чувством вины своей.

На плакатах надписи: «Каждый, кто опустил хотя бы 5 коп., накормит одного голодного, пострадавшего от неурожая».

Эта надпись придаёт особый, «обязательный» смысл каждому опускаемому пятаку. И Петербург, видимо, спешит, несмотря на всю холодность свою, оплатить хоть маленькую часть своего долга голодному «мужику».

---

Петербург — вспомнил о мужике. Слава Богу!

«Каждый купивший хотя бы на 5 коп. — накормит одного голодного».

Слова эти огненными буквами должны были бы гореть на нашей совести всегда, *каждый день*, а не только в день «праздника» колоса ржи.

Ведь как немного надо? Всего 5 коп. — и один *голодный* — сыт.

И спросите по совести любого петербуржца: жалко ли ему этих 5-ти копеек, даже если бы давать их *каждый день*. Я уверен, что почти все ответят:

— Не жалко.

Почему же не дают?

Не по злости, не по скупости, а по страшной русской халатности: покуда не укажут *как*, не подойдут с *кружкой* — сам по себе никто пальцем не пошевелинёт.

— Не стоит возиться — и без нас сделают. Велики ли деньги — 5 копеек. Всё равно всех не накормишь.

И вот оказывается, что *накормишь*.

Если бы все, кому *не жалко*, — а таких громадное большинство, — ежедневно бы вносили по 5-10-20 к. на голодающих, т. е. ту сумму, которую каждый, *не замечая*, тратит на папиросы, на газеты, — если бы *все* сделали так — в России давно бы уж не осталось ни одного голодного.

Чтобы облегчить забывчивым вносить эту плату, можно было бы городским управлениям (разумеется, с разрешения «высшего начальства») обложить население: добровольным *ежедневным налогом в пользу голодающих*.

Пока этого нет, приходится радоваться хотя бы одному дню, когда сытый, утопающий в роскоши Петербург вспомнил о «коло-

се ржи» и о тех, кто, сам голодая, кормит нас, праздных, нас, развратных, нас, сытых — этим колосом.

Народ-мученик терпит нас, прощает нам. Простит он и «колос ржи» — и с благодарными слезами, которых мы не стоим, за помощь скажет: *спасибо*.

---

День «колоса ржи» прошёл, как говорится, «блестяще». Судя по тому, что на улицах не было ни одного человека — от расфранчённой барыни до последнего дворника, — у которого не красовался бы на груди «колос ржи», денег соберут много. Даже городовые и околоточные признали, что голод *есть*, и вставили в свои петлицы ржаной колос.

Таким образом, ближайшая задача «праздника» — материальная помощь голодным — будет достигнута.

Уже одному этому можно порадоваться.

Но кроме «ближайшей цели» «праздника», можно порадоваться и другому — внутренней его стороне: день «колоса ржи» во многом и к лучшему отличался от дня «белой ромашки»!

Не знаю, потому ли, что «голод» всем «понятен», или потому, что вина наша перед голодными уж очень очевидна, — но день «колоса ржи» не был в такой степени похож *по настроению своему* на «барскую забаву», как день «белой ромашки». Было много серьёзного, хорошего и подлинно *народного*.

Был большой соблазн *осудить* «праздник» за некоторые внешние черты. В самом деле, разодетые барышни, продающие по «пятакку» ржаные колосья! Собирать на «голодных» и в то же время надеть на себя шубу, за один воротник которой «голодного» можно кормить целый год. «Ржаной колос», как живой укор, безусловно, «резал глаз» на фоне меховых муфт и бархатных туалетов.

Но все эти черты доказывают, что желание помочь — *лицемерие*. Господская жизнь так далеко ушла от мужицкой, что нет уже непосредственного сознания и чувства, что сеятель наш и кормилец действительно есть *мужик*, что все мы его хлеб едим, его труд «присваиваем». Дни идут за днём, и мы *привыкаем* к мысли, что вся наша просвещённая жизнь откуда-то с неба сваливается и что живём мы на «свои средства», а вовсе не на мужицкой шее.

В глубине души у каждого остаётся всё же смутное чувство какой-то несправедливости, какой-то вины *перед народом*.

Но чувство это вспыхивает с большей или меньшей силой только на минуты исключительные.

И прежде всего, разумеется, в эпоху *народного горя*.

У отдельных людей иногда свершаются неожиданные «перевороты» — они раздают «всё имение своё» и начинают жить с народом и как народ.

Господская масса на такой подвиг, разумеется, неспособна.

Слишком одряхла она духовно, слишком изнежилась, развратилась, обессовестилась.

Осудить за это очень легко. Но это уже общий грех, грех *всей жизни*, а не специально для «колоса ржи».

Вот почему ржаные колосья рядом с блестящими туалетами, как бы это по внешности ни резало глаз, — в общем, свидетельствовали о *хорошем*. Не о перерождении душ, конечно, — уж какое там перерождение, — а об искреннем чувстве «стыда» перед голодным народом и об искреннем желании помочь ему.

Многое было поистине трогательно. Особенно глубокое впечатление производило то, что колос ржи был не искусственный, как белая ромашка, — а *настоящий*. Я уверен, что многие петербуржцы *впервые* сегодня увидели настоящий колос ржи, — до сих пор знали его только по картинкам. И вот, этот колос у каждого в руках. У каждого в руках было именно *то самое*, над чем для нашей роскошной, праздной жизни всю жизнь свою трудится мужик и что мы отнимаем у него, заставляя умирать с голоду.

Скрытая мысль эта чувствовалась во всём.

И когда продавцы «ржаного колоса» подходили и говорили: «Пожертвуйте на голодающих!» — «жертвовали» не только те, у кого ещё не было в руках колоса, но и те, у которых были целые пучки. И не потому, что «неловко перед барышней», а потому, что *стыдно* перед теми, во *имя* которых просили «жертвовать».

Празднику помогла и погода.

Не было ни дождя, ни тумана. Оттепель. Хороший день ранней весны. В воздухе ещё чувствуется зимний холод, а солнце уже греет по-новому.

И порядку в «праздник» больше, чем в день «белой ромашки»; говорят, продавцов около 4000. Колос ржи разнесён по всему Петербургу.

Меня интересовало, чувствуется ли «праздник» на окраине. Я прошёлся по узким переулкам Новой Деревни <sup>463</sup>.



Это было около 12 часов дня, и здесь у всех уже на груди были приколоты колосья.

Я видел такую сцену. Два подростка спорили:

— Настоящий колос?

— Где настоящий.... Дурак ты... Разве настоящий будут покупать?

— А ты ковырни.

— И ковырну.

— Ну и ковырни.

Мальчик растёр колос и торжествуя сказал:

— Видишь, настоящий? Ага!

Другой мальчик захохотал:

— Вот и остался без колоса!

Тот понял, видимо, что действительно остался без колоса, и начал плакать навзрыд. Колоса было *жалко* — не одному этому мальчику. Его было жалко *всем*. Все относились к ржаным колосьям в этот день так, как должны бы относиться всегда: серьёзно, бережно, с сознанием, что за ними стоит многострадальный русский народ.

В день «колоса ржи» собрали много денег. Это хорошо.

В этот день многое *пережили* — и это тоже не пропадёт даром!

## ГОЛГОФСКИЙ КРЕСТ

Л. Н. Толстой в одном из писем к своей двоюродной тётке, фрейлине А. А. Толстой, говорит:

«Я не так понимаю, как вы, слово *крест*, который мы несём. ...“Возьми крест свой и иди за Мной” — это одно нераздельное слово. “Возьми крест свой” — отдельно не имеет, по-моему, смысла, потому что крест брать и не брать не в нашей воле; он лежит на нас, только не надо нести ничего лишнего — всё то, что не крест. И нести крест надо не куда-нибудь, а за Христом, то есть, исполняя его закон любви к Богу и ближнему. Ваш крест — двор, мой — работа мысли — скверная, горделивая, полная соблазнов»<sup>464</sup>.

Крест нельзя «взять» — он уже лежит на *каждом*. Но можно нести его за Христом, исполняя закон любви, можно нести его за «отцом лжи», можно упасть под ним, как под непосильной ношей, — но «бросить» нельзя. И если некоторым людям кажется, что они живут очень «легко», без всякой тяжести, то это вовсе не

значит, что они освободились от креста своего, а значит только, что несут они его не в *гору*, не к Истине и Добру, — куда его нести *тяжело*, — а падают с ним *под гору*, в чёрную пропасть зла и лжи, куда падать очень *«легко»*.

Каждый несёт свой крест. У каждого есть свой период *страстной седмицы*. У каждого есть своя Голгофа, и каждый, бесстрашно идущий вперёд и не утрашающийся голгофских страданий, — доходит и до *воскресения...*

Но Голгофский крест ложится не только на жизнь отдельных людей, он ложится на целый *народ*, на целую *страну*.

И я думаю, что ни один народ не несёт столь тяжёлого Голгофского креста, не несёт его так долго и терпеливо, как народ *русский*.

Его называют *Богоносцем*.

Неверное название!

*Крестоносцем...*<sup>465</sup>

«Страстная седмица» затянулась для него на долгие века. А он всё ждёт, всё терпит, всё верит в своё воскресение.

«Нести крест надо не куда-нибудь, а за Христом».

Исполнил ли этот завет русский народ?

Исполнил. Избрал самый трудный путь — *в гору*.

У всех в памяти, как на одном недавнем процессе об истязаниях крестьян урядником<sup>466</sup>, без всякой ненависти, без всякого чувства *мести* — мученики-крестьяне не давали свои показания. Надо было только изумляться и *преклоняться* силе народного *всепрощения* и «любви к врагам».

Никакие вспышки «народного гнева» с такой непреложностью не свидетельствуют, что время народного воскресения близко. Пусть проявления любви и прощения никого не «утрашают»: люди зла, в добро не верующие, добра не боятся. Но оно одно несёт им *настоящую* гибель.

И час, когда народ скажет «свершилось», — гораздо ближе, чем думают. Страстным дням скоро конец. Уже восходит звезда утренняя...

## ВОСКРЕСЕНИЕ НАРОДА

**Х**ристос пришёл не к богатым, знатным и счастливым — Он пришёл к бедным, униженным и несчастным. Никого не оттолкнул

Христос, не оттолкнул и богатых, — но Он сказал им: «Ступай, раздай имение своё».

Он взял под свою защиту всех «жаждующих и обремененных»<sup>467</sup> — принёс миру золотую весть *освобождения*.

И доньше Христос среди несчастных, грязных, оборванных. Невидим для глаз наших — но видим для нашей совести, когда мы не одурманиваем её житейской трескотнёй. Если бы мы могли *духовным зрением* видеть так же отчетливо, как видим нашими глазами, — мы в ужас пришли бы от того, что открылось бы перед нами.

Громадные роскошные дома, разукрашенные шёлком и золотом, — и пусто в них, смрадно, как в склепе.

Грязные, холодные, полутёмные домишки — и в них живёт вместе с измученным народом сам Господь Иисус Христос.

Христос не там, где в честь Его воскресения уставят роскошные столы заграничными винами.

Он — в голодных русских деревнях.

Мы гордимся своей пышностью и с презрением смотрим на всякого, кто ниже нас. Мы смотрим «властелинами» — 10-20 лет, покуда не заколотят в гроб.

Нищие, голодные мученики — жалкие «дикари», которых мы не пускаем к себе на порог, — они *избранные*, они идут на Царский пир Христов.

Мы всё переиначили на свой лад. Все понятия христианские, все оценки, все требования — вытравили из жизни. И купец первой гильдии или генерал со звездой — внушают нам гораздо больше благоговения, чем голодный мужик, который стоит *рядом со Христом*.

Но так не будет *всегда*.

Тайное должно стать *явным*. Скрытый в народе Христос — должен снова и окончательно победить жизнь. Пусть похоронили Его. Христос воскрес. Также *воскреснет и народ*.

Внешне мёртвая жизнь, нас ослепляющая, разлагается день ото дня.

Скрытая, высшая, духовная жизнь народа — разгорается всё лучезарней.

Мы жили в своё удовольствие, веселились, объедались, упивались, думали, что мы для того только и созданы. Считали себя избранными счастливыми. И в этом кошмарном, кладби-

щенском веселье потеряли своё сердце, свою совесть, иссушили душу свою.

Народ, презираемый всеми, шёл своей дорогой, терпел, трудился, голодал, издыхал — и всё, всё прощал нам: «так Богу угодно!» И в этой несчастной жизни нашёл высшее сокровище, высшее благо, — которое даст ему подлинное *могущество*.

Скоро наступит весна. Загорится небо яркими лучами, зазеленеют леса мягкими, душистыми листьями, зацветут поля, птицы запоют, земля станет тёплая, пахучая, ветер трепетный, ласковый...

Природа воскреснет.

Народ закован в ледяные цепи. Как на дальнем севере, долгая-долгая, глухая ночь. Холодно, жутко, пусто.

Но загорится небо яркими лучами.

Придёт *христианская* весна...

Воскреснет народ!

## ХРИСТОС И ИУДА

**В** пасхальные дни, в дни «красные», радостные, «праздника праздников» и «торжества из торжеств», не любят вспоминать чёрной тени самоубийцы-предателя.

Пусть дни нашей «Пасхи» далеки от подлинно *христианского праздника*, пусть «визиты», куличи, пасхи и окорока мало имеют общего с *воистину* воскресшим. Но всё же много хорошего есть и в той радости, которую из года в год приносит Пасха-красная; и заутреня с тёплыми свечами, и крашеные яйца, и радостное «Христос воскресе» — всё это сближает людей, волнует и умиляет душу.

Вот почему *забывают* об Иуде. Стараются сделать вид, что его вовсе и не было. Слишком много и так в нашей жизни печали и горя, чтобы омрачать счастливейший день в году.

А мне, напротив: никогда так неотступно не вспоминается Иуда, как именно в *пасхальные дни*.

*Тайна Иуды осталась до сих пор неразгаданной.*

Попытки разгадать её — до последней Леонида Андреева<sup>468</sup> — в общем должны быть признаны неудачными.

Все жгучие вопросы, связанные с страшным именем Иуды, до сих пор остаются в силе.

Зачем предал Иуда своего Учителя?

Зачем *тридцать сребреников*? Зачем плата, явно не могшая соблазнить Иуду, зачем плата — явно для «насмешки», для «издевательства»?

Зачем бросил Иуда сребреники к ногам фарисеев?

Зачем лишил себя жизни? Угрызения совести? Значит, любил? Значит, понимал, *Кого предаёт*? Но зачем тогда *предал*?

Здесь тайна не только *души Иуды*, его жизни, его *личной трагедии*. Здесь тайна мировая, *тайна какой-то изначальной связи добра и зла*<sup>469</sup>.

Пусть мы ещё не разгадали этой «мировой загадки», может быть, долго ещё не разгадаем её, может быть, не разгадаем никогда. Но с несомненностью мы знаем одно: связь добра со злом тесная, *роковая* и изначальная, вне всяких сомнений. Мы знаем страшную и таинственную истину: *у каждого святого дела есть свой Иуда-предатель*.

Если отрешиться от ближайших событий «дня», загораживающих общую картину жизни, и посмотреть на всё с высоты, не теряясь в мелочах, замечая лишь основные черты исторического движения, — то и в судьбах целых народов можно видеть ту же евангельскую трагедию. Нельзя думать об этом без трепета, без ужаса. Точно заглядываешь в какую-то запретную и страшную область, где всё тайна, где скрыты сокровенные нити *всего*.

В судьбах народов не только повторяется крестный путь Христа, Голгофа Его, и смерть, и воскресение, но и предательство *Иуды*, — выявляется страшный образ «проводителя добра». Не в виде отдельных *лиц*, а в виде особых *исторических сил*.

В судьбах русского народа с такой потрясающей силой выражен лик страдающего Христа, что мы, как за радостью Пасхи, не хотим видеть за этой скорбью страшного лица Иуды. Врагами России мы считаем ничтожных шутов в духе Пуришкевичей. Но *зло*, сопровождающее многострадального русского Христа, — Иуда-предатель русской жизни — и глубже, и страшней<sup>470</sup>.

Какая будущая судьба его?

В Евангелиях это раскрыто. Он ещё не завершил своего дела. Но когда завершит: бросит сребреники к ногам фарисеев. Уйдёт в чёрную пустоту небытия, как Иуда-предатель, и русский народ воскреснет, как воскрес Христос!

## ОПЯТЬ О ТОМ ЖЕ

**М**ы не устанем повторять, что самым достойным правительственным актом в день Воскресения Христова могла бы быть только *амнистия*.

Мы знаем, что прямого *практического* значения заявление наше иметь не может. Правительство с общественным мнением не считается, и было бы смешно думать, что статья в «Новой земле» — какие бы доводы в ней ни приводились, — могла бы убедить председателя Совета министров, что дарование амнистии — дело не только политически мудрое, но и нравственно необходимое.

Зная практическую бесплодность подобного обращения к правительству, мы всё же неукоснительно, из года в год, будем повторять его потому, что считаем для себя священной обязанностью вслух говорить *правду* — не предпреляя практических от этого последствий.

Мы полагаем, что, если бы все говорили *во весь свой голос*, не считаясь с тем, молчит или кричит его сосед, то у нас никогда не наступила бы такая чёрная общественная реакция. Как бы ни затихали вокруг нас, как бы странным и одиноким ни казался наш голос, мы будем говорить так, как велит наша совесть, не считаясь совершенно с тем, есть «движение» в стране или его нет.

И думаем, что, если бы все рассуждали так, — «движение» бы не прекращалось никогда.

Отношение наше к тюрьмам известно, взгляд на возможность «христианской власти» — тоже<sup>471</sup>. Но мы исходим из факта: тюрьма *есть* и власть *есть* — причём, по специальному акту этой власти, люди, содержащиеся в тюрьме, могут быть выпущены на свободу — акт этот называется *амнистией*.

И вот мы говорим:

Не только самый «подходящий» день, но неизбежно *требуемый* амнистии, — есть день воскресения Христа.

Две тысячи лет назад, когда судили и приговорили к смертной казни Христа, — согласно обычаю, по требованию народа, разбойника выпустили на свободу — даровали ему *амнистию*.

Через две тысячи лет, если не могут вовсе отказаться от тюрем, то в этот день должны сделать хотя бы то же, что сделали распинавшие Христа:

Выпустить «разбойника» на свободу — растворить тюрьмы.

В тот день, когда воскрес Христос, смертью смерть поправ, когда была дарована Богом миру *окончательная свобода*, люди, не могущие *всегда и во всём* следовать заветам Христа о всепрощении, — должны *прощать*.

Они должны прощать, если не на основании «учения», которое они понимают как-то по-своему, то на основании *радости*, которую признают *теоретически* все христиане (в этот день) *без исключения*.

Если радостные события временной земной жизни ознаменовывают помилованием заключённых, то радость вечная, праздник праздников и торжество из торжеств, должна ознаменовываться милостью ещё в большей степени.

Христос воскрес! Христос победил смерть: так даруйте жизнь живо погребённым!

## ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

**В**сякий поступок можно оценивать с двух сторон. Во-первых, с точки зрения *принципиальной*, общепризнанных нравственных начал, во-вторых, с точки зрения *условной*, условно встав на точку зрения совершающего тот или иной поступок, — тогда приходится говорить о *последовательности*, а не о *правоте*.

С принципиальной точки зрения можно не признавать государства, тюрем и наказаний как не соответствующих общеобязательным нравственным требованиям Евангелия (Лев Толстой). С точки зрения *условной* можно критиковать правительственные мероприятия как нелогичные, непоследовательные, и потому *вдвойне* несправедливые.

Допустим, что «преступление» должно влечь за собой «наказание». Но если это и так, всё же *нельзя за одно и то же преступление* одних подвергать *смертной казни*, других — двум неделям *ареста*.

Если это делается, то совершенно очевидно, что законодательство полно внутренних противоречий и несообразностей.

Беру факт:

«Ковна. 22 марта. Сегодня в окружном суде разбиралось дело по обвинению восьми надзирателей губернской тюрьмы в истязан-

ниях арестантов. Свидетельские показания нарисовали кошмарную картину избиения беззащитных арестантов. Надзиратели избивали их ключами, гирями, камнями, завёрнутыми в полотенца.

Окружной суд приговорил семерых обвиняемых к *двухнедельному аресту* при полиции, а одного — к заключению в тюрьму на *три месяца*».

Если бы арестант подверг своего начальника истязаниям при исполнении им служебных обязанностей — его бы ожидала, в лучшем случае, каторга. А когда тот же начальник, *при исполнении своих служебных обязанностей*, истязает арестанта, — начальника приговаривают к двум неделям ареста при полиции!

Между тем преступление начальника несравненно ужаснее, потому что он облечён особым доверием и особой властью.

Я оставляю в стороне «высшую» точку зрения, а встаю на условную точку зрения защитников тюрем и заявляю:

Необходимо *уравнять наказания* и наказывать совершившего преступление *во время исполнения своих служебных обязанностей с той же строгостью*, как наказываются у нас преступления против начальствующих лиц.

## ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

**Н**а Амурской железной дороге творится нечто беспрецедентное даже у нас в России <sup>472</sup>.

*Гучков* не выдержал!

И ему показалось *слишком*, и он представил доклад Столыпину.

Японцы недавно тоже строили железную дорогу на Востоке среди полудикого народа. Они начали с того, что объявили в местностях, прилегающих к новой линии, *обязательное обучение* — и выстроили ряд школ.

*Христианский* русский народ строит иначе!

Надзиратели изощраются в издевательстве и доводят каторжан и измученных рабочих до того, что они бегут в тундру. Бегут на верную голодную смерть. Как загнанные звери, блуждают по пустыням и мрут от истощения. Даже тундра кажется им облегчением. Даже смерть — радостной. До того, значит, довели, до такого исступления дотерзали, что в петлю, в тундру, к чорту — только бы прочь от истязателей.



Об этом пишут газеты. И какие газеты! «Новое время»... Министр юстиции назначил расследование. Расследование поручили тем же заправилам. И то сообщение *отчасти* подтвердилось, и половина надзирателей уволена. Из какой же «части» подтвердилось расследование? Истязают, но не до смерти?

Проклятая дорога!

Помните у Некрасова «Железную дорогу»? Что бы написал он теперь — если бы имел несчастье дожить до наших дней?

Помните:

Пряма дороженька: насыпи узкие,  
Столбики, рельсы, мосты;  
А по бокам-то всё косточки русские...  
Сколько их! Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!  
Топот и скрежет зубов;  
Тень набежала на стёкла морозные...  
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,  
То сторонами бегут.  
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную  
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,  
С вечно согнутой спиной,  
Жили в землянках, боролися с холодом,  
Мёрзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи десятники,  
Секло начальство, давила нужда...  
Всё претерпели мы...

Последние строки написаны как будто бы про наше проклятое время. И если есть в чём разница, то в самых последних словах: «всё претерпели мы»...

Нет, оказывается, тот ужас, до которого мы дожили, сломил терпение и всепокорного русского человека: не «вытерпели», бегут, бегут умирать, «дохнуть» в голодную сибирскую тундру<sup>473</sup>.

А остальное совсем «про нас». Но вот в чём вопрос. Встревожат ли такие образы «Ваню», когда он поедет через несколько

лет по Амурской дороге? Или он, прикрывшись спасительным «лес рубят — щепки летят», как ни в чём не бывало покатит по чугунным рельсам? <sup>474</sup> Я боюсь, что совесть русского человека отучится «мучиться», привыкнет буквально *ко всему*. И что теперь не услышит никто «песни мертвецов», как услышал её Некрасов.

А ведь Амурская дорога пройдёт не только по человеческим *костям* — она пройдёт по живым *душам* человеческим, которых заставляли так невыносимо страдать, что они *проклинали* жизнь и искали у смерти *защиты*.

Дай Бог, чтобы когда-нибудь «Ваня» почувствовал это *по-настоящему*. И хоть сколько-нибудь постарался искупить свой грех перед замученными людьми.

Некрасов говорит:

Да не робей за отчизну любезную..  
Вынес достаточно русский народ,  
Вынес и эту дорогу железную —  
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!

Мы знаем теперь, что Некрасов ошибся: Господь послал такое, что не смог вынести. Но всё же «не робей за отчизну!» Не может быть, чтобы Господь, который всё видит, не простил бы многострадальному русскому народу его «слабости», не простил бы того, что у него не хватило больше терпения. Не робей за отчизну — потому, что, если есть на свете хоть какое-нибудь подобие справедливости, — народ, столько терпевший, столько страдавший, не может не заслужить в будущем настоящего человеческого счастья.

## ПОХОРОННЫЙ МАРШ

**Н**а Ленских золотых приисках расстреляно более трехсот рабочих <sup>475</sup>.

За что?

За то, что они потребовали от хозяев *законного* удовлетворения своих экономических требований.

Терпели долго. Просили, убеждали. Доказывали, что и рабочий хочет есть, и у рабочих есть дети, которых надо поить, кормить и одевать. «Хозяевам», тратящим десятки и сотни тысяч

на шампанское, кокоток и роскошную развратную жизнь, плохо верится, что грязный рабочий, презираемый раб труда — не может жить без хлеба.

Но всякому терпению бывает конец, даже терпению русского рабочего!

Не выдержали они — и *потребовали* то, о чём *просили* раньше.  
— Бунтовщики! Злодеи! Арестовать «агитаторов»!..

Всегда виноваты «агитаторы», всегда преступны, кто кричит, не выдержав боли.

Что же оставалось делать? Собраться всем: вместе идти требовать своих *человеческих* прав.

Но разве рабочие — люди?

И храбрый ротмистр приказывает солдатам — стрелять. Толпа бросается на землю — снова стреляют в лежащих.

Убитых более двухсот. Раненых столько же. Победа полная.

Даже для нас, холодных, чёрстных, бессовестных, кровавая расправа эта невыносима. Кажется, ко всему привыкли. Отупели, опустили. Но и нашу совесть разбудил храбрый ротмистр. И русское общество болезненно содрогнулось и крикнуло:

— Мучители, убийцы, перестаньте же, перестаньте же!..

Но будем хладнокровны. Постараемся говорить спокойно. Надо же разобраться во всём случившемся.

Первый вопрос — холодный до цинизма, но неизбежный в наших политических условиях: «Закономерно ли это?»

Я знаю, вопрос звучит чудовищно... Закономерно ли убить триста человек безоружных людей? Но пусть, пусть такой вопрос возможен. Пусть *надо* спрашивать: закономерно ли поступил ротмистр, приказав стрелять в толпу?

Всё дело в *словах*. Мы всё, всю *правду*, всё человеческое свели к «словам».

Да, скажут, закон предоставляет право в *крайнем случае* прибегать к расстрелу. В бунтовщиков можно стрелять.

Извольте доказать, был или нет «крайний случай». Допустим, далее высшее начальство скажет:

— Не было.

Но разве ротмистр не может ответить:

— Ваше высокопревосходительство, по-моему, было-с!

И что ответит на это Его высокопревосходительство?

Защитники расстрелов скажут:

— Не бунтуйте — никто в мирных граждан не стреляет.

Но позвольте, какой же выход для рабочих? Жаловаться? — Жаловались. Просить? — Просили. Кричать? — Кричали, не слышат. Терпеть? Но доколе же, Господи? *Безвыходность* и беспомощность рабочих могла бы *оправдать* даже более резкую вспышку. А ведь они никакого насилия ни над кем не производили и не намеревались. Где же «крайний случай»? Где же закономерность?

Но допустим самое худшее: рабочие не правы. Они не могли собираться в толпу и требовать. Допустим. Так неужели отсюда вывод, что их можно за это лишать жизни?

У нас давно спутались представления о преступлении и наказании. И когда за «политическое преступление» ссылают на 20 лет каторги или вешают, законники говорят: не делай того-то и того-то. Но они должны были бы о другом подумать: не о том, был ли *виновен*, а о том, можно ли за такую вину отнимать у человека жизнь.

Так и здесь.

Лев Тихомиров пишет: ротмистр прав. Так и надо. Сначала залп боевой, а уж потом подгонять холостыми. У нас всегда наоборот делали: сначала холостые — потом с пулями. Но вы отрешились на минуту от гипноза: что, мол, если виноват — значит, можно стрелять. И постарайтесь сосредоточивать внимание не на том, «виноват ли», а в чём виноват, — и ужаснётесь.

Даже Вы, Ваше высокопревосходительство, ужаснётесь.

Ведь вина *только* в том, что требовали улучшить материальное положение. Ведь если за такой *грех* можно командовать «пли», — всех людей придётся перестрелять. Пусть спросит себя любой, от самых высоких особ до последнего нищего: нет ли у них на душе грехов и посерьёзнее? Уж конечно, есть. Так, стало быть, всех и расстреливать?

Закономерно ли?

Не знаю и знать не хочу, — потому что преступно, бесчеловечно, невыносимо жестоко!

Что за дьявольское время мы переживаем. Никогда ещё так не расцветал у нас в России клерикализм, внешняя показная церковность, никогда так не выдвигались вопросы «религии». Каждый год открываются новые мощи святых. Каждый год в разных концах России являются и блаженные, и прозорливцы, и старцы. Но никогда не проливалось столько братской крови, никогда не

казнилось столько людей, никогда так низко не падала цена человеческой жизни.

«Слава долготерпению Твоему, Господи!» — Пусть это дерзко, безумно, непростительно, но хочется крикнуть:

— Нет, не надо! Не надо долготерпения. Довольно. Будет!

Не терпение и прощение хочется призывать, а *гнев*. Не только на них, но и на *нас*, на *себя*. За бессилие, за бессовестность, за малодушие. Мрак так беспросветен, что осветить его может только *огненный меч гнева Господня*. Скоро ли, когда же подымет его Господь над землёй? <sup>476</sup>

## БЕЗДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ

**Р**елигиозное понимание жизни невольно заставляет к каждому крупному событию относиться с особой, высшей точки зрения.

Таким наиболее крупным событием последнего времени является расстрел рабочих на Ленских приисках.

О том, как оскорблено Ленскими событиями *религиозное* чувство, поймёт каждый, и верующий, и неверующий. В каждом *убийстве* — для религиозного сознания совершается акт величайшего преступления, ибо человек — сын Божий, носитель божественного начала, и убийство есть новое соучастие в Голгофской казни Богочеловека.

Но есть здесь и другая сторона, не религиозно-моральная, а религиозно-общественная. И на ней необходимо остановиться.

Я имею в виду *бездействие Церкви* в такие важные моменты общественной жизни, как Ленские события.

Церковь, очень охотно принимающая участие в политической жизни, до полицейского воздействия на избирателей, в частности, — прикрывается «невмешательством» в политику там, где речь вовсе не о «политике», — речь о прямой обязанности Церкви перед душами тех, кто считает себя «православными христианами».

Политическая сторона вопроса будет достаточно обсуждена Думой. Пусть правительство отвечает на запрос, пусть доказывает закономерность или незаконность массового убийства, пусть наказывает или прощает преступников. Это дело и обязанность государственной власти. Это «кесаревы». Но Богови? Кто, как

не Церковь, должен вступить за Божью Правду? Ведь те, кто совершил преступление, — не только «агенты власти», они ещё и «члены Церкви», — и Церковь должна обратиться к ним с грозными словами обличения. Пусть государство отрешает их от должности — Церковь может отлучить от Церкви. Почему «ересь» писателя вызывает отлучение, а кощунственное преступление людей не вызывает религиозного протеста? Бездействие власти карается судом человеческим. Бездействие Церкви заслуживает суда бесконечно более страшного — суда Божьего.

## ЗЕЛЁНЫЕ ЛИСТЬЯ

**М**онахи не могут совершать двух таинств: крещения и брака.

Не могут участвовать в «грязном деле». Не могут благословлять зачатие и приветствовать рождение.

Зачатие — грех, «грязь»... положим, родится ребёнок — «ангел», но — «лучше не надо».

Говорят: монашество ушло от мира.

От *мира* ли? Не от *жизни* ли? Не смешало ли «мир» с «жизнью». И, проклиная мир, не прокляло ли жизни<sup>477</sup>. А если жизнь проклята — что же остаётся?

Чёрный гроб чёрной схимы...

Монашество — высший чин православия. Говоря о «правде православия», должны иметь в виду не «слабость», не «уступки», а *высшее лучшее* — то есть *монашество*. Если неправда в монашестве — значит, неправда в самом «лучшем», в святая святых православия; а если неправда в святая святых, — то, значит, *ложь в основе. И всё во лжи*.

Православие, допуская брак как «слабость» людскую и крещение как невольный результат этой «слабости», говорит всей жизни: «лучше не надо»!

Говорит не прямыми словами, а *всей своей психикой*.

Подумайте только:

Брак и основа его, половое сношение, — грязь.

Но грязь — *всякое* общение полов, не только людей, но и животных. Недаром на старом Афоне изгнаны не только женщины, но и все *животные* женского пола. Грязь — самое *желание*, где бы и в ком бы оно ни было.

Но как же быть с *жизнью*, когда в основе её лежит это *желание*, и без него ничего не может быть, кроме чёрного гроба с изображением черепа и костей — кроме гроба, в котором хоронят схимников?

Вот наступила весна.

И на молодых деревьях показались радостные, зелёные листья... Как быть с ними афонским монахам? Ведь это *брак*, *крещение*. Ведь без *зачатия*, без *рождения* не было бы ни леса, ни зелёных листьев, ни весны.

Пусть «грязь» здесь едва заметна для человеческого глаза, но от этого она не перестаёт быть грязью. В основе *то же*. В основе то же и разделение полов, и совокупление, и зачатие, и рождение.

Что же: «лучше не надо»? Пусть стоят в лесу сухие мёртвые деревья?

А цветы? С ними как же? Растоптать, сжечь, проклясть? Зачем на грязи растут!

Афонские монахи не могут держать животных и птиц женского пола. Но как быть с теми, которые *сами* прилетают, не зная, что они оскверняют святую обитель. Как быть с ласточками, когда они носятся стаяй над святою горой и поют песни, как новобрачные, и рожают детей, и вьют свои гнезда. А животные? Те ещё ближе к человеку. Как с ними? Задушить? Чтобы не оскверняли, не рождались, не жили?

К счастью, это не во власти афонских монахов. Но если бы им дать эту власть, *по духу* своего учения они должны были бы истребить *всё* — начиная от «рождающихся из грязи» детей, кончая последним «рождающимся из грязи» зелёным листочком. Всё закрыть, задушить чёрным своим клобуком.

Святая святых монашеского православия — *отрицание жизни*. Этим оно само убивает себя. В этом залог его *осуждения*<sup>478</sup>.

Пусть это покажется почти нелепым, но мы утверждаем самым решительным образом, что *русский народ в религиозных переживаниях своих неправославен*<sup>479</sup>, что народ *душой* никогда не примет *религию смерти*, что живучесть некоторых языческих черт в русском народе, связанных большею частью с *браком*, свидетельствуют о том, что византийское монашество не могло вполне удовлетворить чаяний религиозной народной души.

И наконец, что народное *христианство* ещё не нашло своего полного исторического выражения.

## КАКОЙ «ПАРТИИ» ЦЕРКОВЬ?

**В**опрос, по меньшей мере, нелепый.

Но что поделаешь: вопросы ставим не мы, а жизнь, — нам волей-неволей приходится отвечать на них.

Да и вопрос этот нелеп только с идеальной точки зрения. А если исходить из «факта», то, напротив, он вполне логичен и более чем своевременен.

«Церковь» и «департамент духовных дел» — понятия у нас тождественные. Мне вспоминается по этому поводу один очень характерный случай.

Года четыре тому назад я был привлечён к ответственности за статью «Обращение верующего к Православной Церкви». Обвинение было предъявлено по 129 ст. Дело слушалось в Петербургской судебной палате. Прокурор доказывал, что я обращался не к церкви, а к войскам, так как если бы желал обратиться к Церкви, то представил бы докладную записку митрополиту Антонию или обер-прокурору.

И вот мне, тогда ещё студенту, пришлось объяснять прокурору палаты, что «Церковь» и «обер-прокурор» — не одно и то же<sup>480</sup>.

Но в известном смысле я был неправ — я рассуждал с «идеальной» точки зрения. Прокурор исходил из факта.

Если Церковь есть «департамент», то ясно, к какой партии она должна принадлежать. Ведь «департамент духовных дел» есть составная часть «правительства». А посему, как самое «управление» церковное, так и те общественные группы, которые к нему «примыкают», — должны принадлежать к партии правительственной.

Но вот новый обер-прокурор заявляет, что «церковь молится о мире всего мира». Что не следует возмущать её благодатной «тишины». Что политических демонстраций надо «всецело избегать», и прочее, и прочее.

С первого взгляда можно подумать, что речь идёт о какой-то высшей «беспартийности». Даже о некотором «вселенском» начале. Помилуйте: «О мире всего мира». Это уже «космополитизм» своего рода.

Но язык церковный — язык особенный: «сие надо понимать духовно».



Под словом «мир» надо разуметь департамент духовных дел, а под словом «благодатная тишина» надо разуметь то неподвижное состояние, в котором находится церковь в качестве правительственной партии. Таким образом, перекладывая пожелания обер-прокурора на общечеловеческий язык, получится: не надо устраивать таких демонстраций, которые бы шли вразрез с общим направлением департамента духовных дел.

Под словом «тишина» ничего иного и не может подразумеваться, так как никакой иной «тишины» в Церкви нет. «Покой» может быть от полноты жизни и от отсутствия жизни. Там, где жизнь, — там, прежде всего, борьба и движение вперёд. В делах церковных это обязательно выражается в стремлении к соборности<sup>481</sup>.

Недавно закончились съезды баптистов, беспоповцев и старообрядцев. Пусть общественная жизнь в этих общинах чуть теплится, но всё же она есть. А потому есть и стремление «собраться», «общаться». Церковь же наша и не хочет, и не нуждается в «соборе», — она вылилась в форму «правительственной партии» и наслаждается «благодатной тишиной»!

И только когда появляется слишком ревностный «член партии», который начинает нарушать тишину «необычными» демонстрациями, «церковь» тревожится и предлагает молиться «о мире всего мира».

## ВОЗМОЖНО ЛИ «ЛИБЕРАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ»?

Опять поднят старый и запутанный вопрос: возможно ли «либеральное православие» или неизбежно соединение православия с реакцией, с консерватизмом, с черносотенством?<sup>482</sup>

Вопрос так запутан потому, что редко ставят его на строго принципиальную почву. Обыкновенно поднимают его в целях *политических*, и тогда спор превращается в ряд более или менее недобросовестных упрёков.

Одни говорят: вы православные — значит, черносотенцы, а черносотенцы — значит, мерзавцы; значит, если не хотите быть мерзавцами, перестаньте быть православными.

В подтверждение приводят «имена» православных-черносотенцев.

Православные на это отвечают: нет, православие наше ни-сколько не мешает самым благонамеренным либеральным программам. Религия сама по себе, политика сама по себе.

В подтверждение такого взгляда тоже начинают перечислять «имена». Вот, мол, вам Сидор Сидорович или Пётр Петрович — и православный, и либерал: значит, можно!

Надо перестать ссылаться на «имена»! Перестать заниматься более или менее остроумным жонглёрством вроде сопоставлений Илиодора с Булгаковым и т. д. Что хорошо для газетного фельетона, то никуда не годится для серьёзного религиозного решения вопроса. Сравнить невера, нигилиста и религиозного хулигана с *убеждённым* православным Булгаковым можно только в погоне за дешёвым эффектом: посмотрите, какие мы глубокомысленные, даже в самых противоположных явлениях умеем найти сходство!

Надо перестать также ссылаться на либеральных православных. Действительно, были такие православные, даже нелиберальные, а самые что ни на есть «крайние левые», и всё-таки это решительно ничего не доказывает. Или, пожалуй, *доказывает*, что *плохие они православные*. Я сам долгое время считал такое противоестественное соединение возможным, но теперь убеждён, что всякий либерал постольку либерал, поскольку *неправославен*, и, напротив, постольку православен, поскольку *не либерал*. И это так потому, что *истинное православие неминуемо требует реакционной общественности*. Пора перестать на это «обижаться» и посмотреть правде в глаза прямо. Истина эта кажется такой «горькой» в силу того, что давно уже валят в одну кучу слова: «консерватор», «черносотенец», «интендант», «субсидия», «тёмные деньги» и пр., и пр. А так как интендантом никому быть не хочется, то все либеральные «православные христиане» отрещиваются от реакционной общественности. Словом, спор принимает самый неожиданный оборот: возможно ли быть православным и остаться порядочным человеком?!

Но откинем все эти предвходящие страхи и опасения — взаимные упрёки и всяческие заподозривания, поставим вопрос по существу: *возможно ли либеральное православие? И если невозможно, то почему?* Для выяснения этого надо вскрыть те мистические корни, которые делают православие нераздельным с реакционной общественностью.

Бесспорным и общественным может считаться то положение, что православие является выражением аскетического, монашеского уклона в христианстве.

Не только высшее церковное управление в православии в руках монахов, но и высшие религиозные идеалы. Святые православия — православные «угодники Божьи», «аскеты», схимники, затворники, молчалники. *Умерщвление плоти* — вот основа православной религиозной жизни, чёрный клубок — её завершение.

Всё это относится к жизни религиозной. Жизнь «светская», социальная, экономическая и политическая, обычно рассматривается «либеральными православными» как жизнь *мирская*. А раз православие, т. е. монашеское христианство, «не от мира сего», — значит, мол, в этой светской, «мирской», области можно быть «кем угодно», религия здесь ни при чём.

Но на самом деле — это глубокое заблуждение<sup>483</sup>.

Действительно, православие и монашество дают известное *право вовсе не участвовать в общественной жизни*, «уйти от мира», «от зла», «и сотворить благо», но если участвовать, *то обязательно в духе реакции*.

И вот почему.

Тело каждого отдельного человека должно, по учению аскетического христианства, «умерщвляться», подавляться, сводиться на нет. В этом религиозная задача личной религиозной жизни каждого православного, степенью приближения к ней меряется степень приближения к Богу.

Но в жизни *всего человечества* должно быть «умерщвлено» то, что *основывается на потребностях тела*. Телом в человечестве являются отношения экономические, социальные и политические, как непосредственное их следствие.

Православие, «умерщвляя» тело отдельных людей, неминуемо должно стремиться к умерщвлению тела *человечества*, т. е. того, что возникает на почве потребностей тела отдельных людей.

*Вот где корень православной реакционности.*

Общественный и политический консерватизм православия — это не что иное, как общественное и *политическое схимонашество*.

Не признать его, не признать «консерватизма» и остаться православным так же невозможно, как не признать за «святость» неподвижное стояние на камне Серафима Саровского.

Конечно, нелепо говорить, что *православие* неминуемо связано с неограниченным образом правления; важно то, что *православие* будет всегда на стороне наиболее консервативной политики данного исторического момента<sup>484</sup>.

Потому что оно будет всегда видеть перед собой одну и ту же религиозно-общественную задачу: «умерщвления» общественной и политической жизни.

Пусть на «православии» и «реакции» многие люди, ничего общего с верой не имеющие, делают себе карьеру, продажничают и лицемерят. Можно лицемерить и торговать и либерализмом, и чем угодно. Но речь не о них.

Речь о православии подлинном, как великой исторической силе.

И здесь вопрос должен быть решён без всяких оговорок:

«Либеральное православие» невозможно, ибо православие и реакция — два ствола, растущих из одного общего корня: аскетического христианства.



# СМЫСЛ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

## МЕЖДУНАРОДНОЕ КОМЕДИАНСТВО

**В**стреча германского императора Вильгельма в Вене носит торжественный, почти демонстративный характер: Франц Иосиф благодарил перед лицом всего мира того, кто был главным виновником успеха австрийской дипломатии на Балканах<sup>5</sup>.

Если бы Франц Иосиф был не «его апостолическое величество», а Вильгельм не был бы германским императором, то оба они сидели бы теперь на скамье подсудимых. Первый — за грабёж, под угрозой кровавой расправы, второй — за соучастие и пособничество.

Всякое насильственное присвоение чужого имущества, с оружием в руках, называется грабежом, и совершающий грабёж называется преступником.

Но достаточно грабёж назвать «аннексией», а в роли грабителей выступить двум союзным государствам, — и разбой становится «балканской политикой барона Эренталя»<sup>485</sup>.

Грабителей судит уголовный суд.

Апостолическое величество Франц Иосиф устраивает торжественный приём императору Вильгельму.

Грабителей обвиняет прокурор и требует строжайшее наказание, ибо грабёж был с заранее обдуманном намерением и без малейшей нужды.

Франц Иосиф при звуках оркестра поднимает бокал за дальнейший успех Германии в том же направлении.

Подсудимый униженно просит о снисхождении.

Император Вильгельм приносит величественную благодарность за радушный приём.

Присоединение Боснии и Герцеговины — дело прошлое. Люди совершили тёмное дело. Но, по крайней мере, имели бы достаточно совести сидеть после этого тихо и смиренно. Нет. Надо ещё устроить пир на весь мир. Смотрите, мол, какие мы молодцы!

Если бы только эти блестящие господа могли посмотреть на себя со стороны и отрешиться хоть на одну минуту от сознания своего величия, какими смешными и гадкими они бы сами себе показались!

В самом деле, перенесите действие из блестящих дворцов Вены в грязный загородный ресторан. Тут вместо Франца Иосифа будет обыкновенный смертный — какой-нибудь опустившийся, бывший человек Франц, похитивший у купца Абдула часы, отданные Францу на хранение; и пусть вместо императора Вильгельма будет тоже обыкновенный смертный — какой-нибудь силач Вильгельм, помогавший Францу запугать Абдула. Ведь, по существу, в моральном отношении это именно то самое, что случилось на Балканах.

И вот тут Франц встанет с бокалом пива и, обращаясь к Вильгельму, произнесёт следующую напыщенную тираду.

«Мне дана возможность приветствовать вас, постоянного ревнителя всех мирных начинаний, именно в эту минуту, когда мир, подвергшийся в истекшую зиму всем опасностям, вновь представляется обеспеченным. С чувством глубокой и искренней благодарности вспоминаю столь блестящее проявление союзной верности, поддержка которой в столь высокой степени облегчила осуществление моего искреннего желания разрешить все возникшие затруднения без военных осложнений. Но, главным образом, лишь благодаря непоколебимой союзной верности, мы сегодня с полным удовлетворением можем оглянуться на достигнутые успехи».

Поверьте — в грязном, загородном кабаке к этой речи иначе и не отнеслись бы, как к грубой шутке, и встретили бы её всеобщим хохотом.

Неужели же венские вельможи в самом деле до того исполнены собственного величия, что не понимают, какая бездна лжи во всех их речах? Неужели власть может до такой степени извращать человеческую душу?

## «СВОБОДНЫЕ» ДИКАРИ

**В** освобождённом Константинополе турецкий парламент, превратившийся почти в учредительное собрание, вырабатывает

основные законы, обеспечивающие гражданскую свободу всем гражданам молодой Турции.

Народ деспотов и рабов становится одним из самых свободных народов мира.

Военный Константинопольский суд ежедневно выносит всё новые смертные приговоры, и защитников недавнего владыки всенародно душат палачи.

Виселица и парламент; свобода личности и публичное поруганье побеждённых врагов; молодая Турция и старые зверства — всё это плоды многовековой политики восточного деспотизма. Народ сознательно держался в невежестве, сознательно отравлялся фанатизмом и суеверием, запугивался систематическими погромами, повергался в нищету расхитителями народных денег — сознательно и упорно превращался в изувера и дикаря. И вот теперь перед лицом мира внешне облагороженная страна, на пороге новой жизни, неожиданно показала, с каким духовным багажом она начинает новый путь.

Когда-то передовое русское дворянство читало Вольтера и натравливало борзых собак на провинившихся крепостных.

Нечто подобное происходит сейчас в Турции, только крайность ещё более ужасная, потому что и история Турции ужаснее истории России. И если у нас до сих пор ещё, «слава Богу», нет настоящего парламента, то, слава Богу, не было никогда и Абдул-Гамида.

Дети рабской страны, верноподанные Кровавого султана, своему либерализму научились во Франции. Они усвоили себе все оттенки сложной парламентской жизни, научились искренно любить свободное слово, научились уважать чужую веру, зажглись искренней ненавистью к рабству и решили самоотверженно бороться за спасение погибающей родины. Но культура не могла осветить светом своим чёрных осадков — страшной истории деспотической Турции, передававшихся веками от поколения к поколению. И вот когда справедливый гнев к изменникам конституции снял последнюю узду, — офицеры, забыв всё, чему учила их истинная культура, подчиняясь голосу Башибузука, проснувшегося в душе, стали вешать на улицах среди бела дня своих врагов, в виде особой «милости» разрешая родственникам присутствовать на месте казни.

Во имя чего совершается это преступление? Во имя государственных интересов? Или, может быть, во имя справедливости?

Или, наконец, в педагогических целях? Не ясно ли, что здесь жестокость для жестокости, стихийное стремление дать выход варварским инстинктам.

И сколько ещё предстоит усилий турецкому народу, чтобы он мог заполнить бездонную пропасть, отделяющую его некультурную душу от внешней европеизации.

Ведь и парламент, и свободное слово, и социальная реформа — всё получает свой смысл и своё значение, только когда освещается конечной великой целью: созданием настоящего *человека*. И если бы человек оставался полудикарём, полужверем и при парламенте, и при деспотии, при рабстве и равноправии, при экономическом гнёте и при социальной свободе, — человечество не могло бы двинуться вперёд, и мировая история потеряла бы всякий смысл. Путь деспотии и рабство — если человек хочет остаться зверем. Но если он хочет стать личностью, он ни деспотии, ни рабства не примет. И если он провозглашает свободу, он не может принять зверства.

И погибнет турецкий народ и турецкая свобода, если свобода *дикарей* не станет свободой *человека*.

## СУД БОЖИЙ

«Шах обратился к Его Императорскому Величеству Государю Императору с телеграммой, в которой отдаёт себя и свою семью под покровительство Его Императорского Величества»<sup>486</sup>.

Народ низвергнул своего тирана. Стряхнул кровавый деспотизм. И что бы ни ожидало страну в будущем — новый великий урок истории свершился: он гласит, что всякому народному терпению бывает конец, рано ли и поздно ли, над насильниками свершится Божий Суд<sup>487</sup>.

Возможно ли безнаказанно десятки лет без пощады пить народную кровь? Возможно ли без возмездия в далёком или близком будущем измучить страну пытками, казнями, тюрьмами?

Возможно ли сковать её кандалами, бросить в невежество, в нищету, отдать во власть диких сатрапов, а самому укрыться во дворец, предаваться пирам и разврату?

Возможно ли, чтобы выстраданный гнев народа рано или поздно не поднял меч над тронном изменника отечества?

Великий урок снова подтверждён историей.



В какой бы стране, в каком бы веке, каким бы титулом ни прикрываясь, глава государства не издевался до кошмара над своим народом, — час возмездия придёт!

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧУМЕ

**В**л. Соловьёв незадолго до своей смерти предсказывал «жёлтую опасность»<sup>488</sup>.

Японская война была как бы первой страницей исполнившегося пророчества.

Восток — страна загадок. И трудно предвидеть ближайшие события, какими подарит он всемирную историю. Но что Китай и Япония ещё далеко не сказали своего последнего исторического слова, — это факт несомненный.

«Гром не грянет — русский мужик не перекрестится».

Я не знаю, какой гром должен грянуть, чтобы перекрестился китаец. Но я убеждён, что, если такой гром грянет когда-нибудь и Китай проснётся, — мир ожидает колоссальный переворот.

И, кажется, такой гром приближается.

*В Китае вспыхнула чума*<sup>489</sup>.

Сама по себе чума для окаменевшего Китая не слишком большое потрясение. Китайцы совсем не по-европейски относятся к смерти. Но дело не в чуме. А в удивительной «гуманности» европейских держав...

Я не политик. Но и не политика поражала в газетных сообщениях о китайской чуме одна черта: небывалая забота европейских держав о своих подданных. Если обычный «деликатный» язык Западной Европы перевести на наш грубый русский, то будет ясно, почему современные события в Китае можно считать первыми ударами приближающегося грома, которому, быть может, суждено разбудить Китай.

В самом деле, когда в Европе учиняют международный грабёж и, пользуясь грубой силой, присваивают чужое имущество, — там называют это «изящным» словом *аннексия* и рассматривают уже не как *преступление*, а как высококультурный «политический акт».

Но мы переведём слово «аннексия» на грубый русский язык словом «грабёж» и очень хорошо знаем, что оно обозначает.

Когда европейские страны захватывают колонии и потом спаивают местное население водкой и опиумом, они не делают это прямо и открыто. Они по соседству с кабаками ставят «миссию», посылают «христианского проповедника». И, таким образом, получается захват колонии во имя высших культурных целей!

Вот почему и теперь, когда газеты приносят известие, что английские и германские войска двинуты во внутренний Китай, для *предупреждения заноса чумы в Европу*, — мы, давно уже наученные деликатному языку цивилизованных стран, понимаем, что чума — это «иносказание», а суть совсем в другом...

Несомненно, готовится распад Китая.

Может быть, через год, может быть, через три, через десять — но события идут к этому. Возможно, что падение старого Китая открывает простор для молодых сил, и Китай обновится; возможно, что он разделится на отдельные глыбы, и эти глыбы задавят те самые народы, которые протягивают теперь к ним свои жадные руки.

Я не политик и не пророк.

Но, несомненно, что заботливая посылка европейских войск в Китай для *борьбы с чумой* — знаменует собой начало каких-то великих событий на Дальнем Востоке.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ «ЛОШАДКА»

Счастливым родителям захотелось подшутить над своим маленьким сыном, и они задали ему щекотливый вопрос:

— Кого ты больше любишь: папу или маму?

Мальчик очень наивно, но совершенно искренно ответил:

— Лошадку!

Если бы взрослые люди могли отвечать так же искренно, как дети, то по поводу «китайских событий» на вопрос:

— Чего вы больше хотите: войны с Китаем или мира?

Каждый должен был бы ответить:

— Конституции!

Во всём, что сейчас пишется о возможной войне с Китаем<sup>490</sup>, мне чувствуется изумительная неискренность: люди говорят об одном, а думают совершенно о другом.

Цензурные условия? — Но, Боже мой, нельзя же сваливать всё на цензуру!

«Война с Китаем необходима: *Китай угрожает Европе*, нарушен торговый договор, необходимо учреждение консульств», и прочее, и прочее, и прочее...

Так пишет часть правой и часть левой печати.

Они говорят про «папу» и про «маму» — и думают, каждый по-своему, разумеется, о «лошадке».

Левые думают: китайцы разобьют вдребезги русских, а после неудачной войны можно снова ждать освободительного движения. Без освободительного движения — нам не дожидаться настоящей конституции.

Правые думают: мы китайцев шапками закидаем — и загладим впечатление от японской войны. Победоносная война — несёт подъём патриотического чувства. Она может упрочить реакцию. А нормальным порядком Думу совсем не упразднишь.

Другая часть и правой, и левой печати пишет, наоборот, что война не нужна и тоже разбирает всевозможные «доводы», вроде консульств и торговых договоров. А сами так же думают о «лошадке», только в обратном порядке: правым кажется, что китайцы нас победят, и потому возможна новая революция; а левым кажется, что мы победим — и наступит реакция.

Почему бы так прямо о «лошадке» и не говорить?

Ведь несомненно же, что война, если обсуждать исключительно «китайские» поводы, — явная бессмыслица.

Учреждение нескольких новых консульств — сущие пустяки, да и китайское правительство на это уже согласилось. А торговый договор, если и имеет значение, то до того ничтожное, что само русское правительство указывает не на реальный ущерб русской промышленности от его нарушения, а на вопрос «принципиальный».

Но ведь, если воевать из-за всякого «принципиального вопроса», так это ни одного дня мирной жизни не будет.

Итак, все пишут о «папе» и «маме», — а думают о «лошадке»!

Но в этом-то и всё несчастье.

Надо бы писать и не о «папе», и не о «маме», и думать не о «лошадке», а об *человеке*. А *человека-то, народ-то* и забыли. Надо думать, прежде всего, о *народном благосостоянии*. И тогда весь «китайский вопрос» осветится по-новому.

Война принесёт народу новое разорение, новые слёзы, может быть, новые унижения и, во всяком случае, вырвет из среды его десятки, а то и сотни тысяч молодых рабочих сил. Она ляжет страш-

ным гнётом на обедневшее, голодающее крестьянство, в виде новых налогов, она снова отравит его душу картинами смерти и ужаса.

Достаточно вспомнить всё это, чтобы не поднялась рука призывать к войне не только ради каких-то никому не нужных консульств и «принципиальных» вопросов, — но и ради тайных мыслей о политической «лошадке».

Достаточно вспомнить *человека*, чтобы понять безумие *войны*.

## НАКАНУНЕ

Давно уже Россия не переживала такого сложного исторического момента, как сейчас.

Китайские события, улаженные на бумаге месяц тому назад, снова встают во всём своём грозном значении. И становится всё ясней и ясней, что война с Востока неизбежна: слишком много глубоких внутренних причин её обуславливают, чтобы можно было надеяться на мирное разрешение вопроса, путём «дипломатической переписки».

Причины эти лежат не в русской политике *данного* момента, а в давнишнем, хроническом непонимании и русскими, и всеми вообще иностранцами своих *подлинных интересов* по отношению к Китаю.

Для всех европейцев Китай — место, где всё позволено, Китайская империя — страна, у которой надо по мере сил захватывать, что плохо лежит. Плоды этой политики налицо: могучая, общенародная ненависть к иностранцам.

Другая, ещё более глубокая причина, лежит в самом китайском народе. Китай пережил десятки, сотни всевозможных государств. Он пережил падение Вавилонского царства, Египта, Греции, Рима. Китайский народ слишком стар, чтобы делать что бы то ни было «сгоряча», — все процессы свершаются в нём медленно, но движение их настойчивое и упорное. Явный развал государства и нашествие иностранцев пробудили в народе национальное чувство. Не отдельные люди, а народная масса поняла, что стране грозит гибель — отсюда освободительное движение, направленное против тирании богдыхана, чиновников и иностранцев. А отсюда война на два фронта: против правительства за новый строй и против иностранцев за целостность империи.

Наконец, третья причина — экономическая.

Громадное население Китая голодает, потому что колоссальные богатства страны лежат нетронутыми.

Иностранцы парализуют всякую попытку экономического возрождения Китая — попытка, например, постройки железных дорог всегда встречает грозный отпор держав, торговля стеснена беспощинными товарами иностранцев и пр., и пр., и пр.

Словом, отчасти благодаря внутреннему застою, отчасти благодаря давлению соседей — Китай накануне полнейшего разорения.

Вот эти три причины — отношение со стороны иностранцев, возрождение страны и экономические условия — толкают Китай на борьбу с Европой и прежде всего на войну с ближайшей по соседству Россией.

Итак, Россия несомненно накануне войны<sup>491</sup>.

Но этим не исчерпывается сложность данного исторического момента. Россия переживает внутренний кризис.

Если освободительное движение «не удалось» и русское общество не сумело обновить свою родину, то в той же мере «не удалась» и реакция. Реакция не сумела воспользоваться своей победой, как несколько лет назад освободители не сумели воспользоваться своей.

Вместо того, чтобы воспользоваться «успокоением» и смело провести реформы, предотвратив тем возможность внутренних потрясений, бюрократия потратила это время на упоение своей победой<sup>492</sup>.

Результаты сказались с поразительной ясностью в последних событиях в связи с применением статьи 87<sup>493</sup>.

Оказалось, что этот акт, по мнению самого Столыпина, выражающий основные идеалы правительства, — встречен с негодованием не только рабочей партией и революционными журналами, но и престарелыми сановниками, и богатыми помещиками, представителями промышленности, аристократии — в буквальном смысле слова, всем обществом.

Полнейшее банкротство внутренней политики и неизбежная война на Дальнем Востоке — вот те два начала, которые неминуемо вызовут в ближайшее время ряд событий, долженствующих коренным образом изменить нашу жизнь.

Такое положение принято называть «тревожным».

Может быть, это и так, но мы относимся к делу иначе.

Мёртвый, недвижный застой мы считаем злом самым страшным. Мы верим в жизнь — и потому не боимся никаких потрясений. Какие угодно ошибки, бедствия, падения, — лишь бы было движение, ибо за ошибками и падениями — наступит торжество и возрождение. И только в мёртвом бездействии — безнадежность смерти <sup>494</sup>.

Мы не раз говорили и повторяем снова: надо расшевелить «успокоившихся», разбудить спящих, надо встряхнуть остановившуюся жизнь, надо в загнившее болото пустить бурный поток воды живой. И в религиозной, и в общественной жизни, и в области идей, — словом, сверху донизу, — когда всё придёт в движение, творческие силы сами создадут новые формы.

Вот почему современное сложное положение России нас не страшит, мы видим в нём приближение новых, лучших дней.

## ЧЕТВЁРТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

**Р**еволюция охватила почти всю Китайскую империю. С каждым днём положение правительства становится всё безнадежней. И теперь уже почти с несомненностью можно сказать, что мы живём накануне четвёртого по счёту ниспровержения существующего строя: Турция, Персия, Португалия и Китай <sup>495</sup>.

Китайский переворот, по своим историческим последствиям, не сравним ни с одним из предшествующих переворотов: он окажет колоссальное влияние не только на Азию, но и на Европу и на Америку. Возрождение Китая перетасует веками создавшиеся международные отношения.

Европейцы плохо знают Китай, и потому победоносная революция явилась полнейшей неожиданностью. Мы думали все, что китайцы едят крыс и торгуют чесучой, а оказалось, что загадочная страна упорно подготавливалась к освободительному движению.

Вот почему трудно предугадать нам, в какие формы выльется теперь внутренняя жизнь Китая <sup>496</sup>: сможет ли революционное правительство создать единую республику или Империя расколется на отдельные куски, связанные между собою по образцу Североамериканских Соединённых Штатов, или, наконец, оно сумеет лишь разрушить старое, но не сумеет создать нового, и Китай ожидает многолетняя анархия, в предвидении которой некоторые державы уже спешат послать свои эскадры в китайские воды.

Грядущие события скоро ответят на все эти вопросы.

Но, не загадывая о будущем и пристально вглядываясь в настоящее, много можно вынести поучительного.

Четвёртая, китайская революции поражает своим внутренним сходством с предшествующими тремя революциями: турецкой, персидской и португальской.

Разумеется, каждая из них имеет свои особенности, своё «лицо». Причина этих различий — в национальном складе и историческом прошлом народов. Но, несмотря на всё это различие, *самая основа* событий остаётся одинаковой.

И в Турции, и в Персии, и в Португалии, и теперь в Китае правление было *деспотическое*. Власть не считалась с материальными интересами и духовной свободой народа. Правительства всех четырёх стран думали не о том, чтобы форма управления соответствовала желаниям народа, а лишь об усилении своей власти<sup>497</sup>.

Вот это несоответствие внутреннего развития страны и внешних форм управления и обуславливало революционное движение и в Турции, и в Португалии, и в Китае.

Неудовольствие, сначала глухое и робкое, всё крепнет, всё растёт.

И турецкий султан, и китайский богдыхан борются с ними одними и теми же мерами, они не хотят считаться с желаниями народа, они предпочитают подавлять его голос пытками, казнями, конфискацией имущества. Они переоценивают свои силы и не хотят видеть грядущей опасности.

А на помощь к проясняющемуся сознанию народа, который ясно начинает видеть, кто его враг, на помощь этому всеобщему неудовольствию правительством является *голод*, необходимый спутник политики, которая мешает народу свободно развиваться.

И в результате «неожиданная революция» в Турции, в Персии, ещё более неожиданная в Португалии и совершенно неожиданная в Китае.

Эта кажущаяся неожиданность имеет за собой упорный эгоизм власти и, главное, неумение понять смысл исторического момента.

Ведь совершенно ясно, что если бы Абдул-Гамид двадцать лет тому назад дал Турции ту конституцию, которую младотурки получили путём междоусобной войны, то Турция не дождала бы до унижительной итальянской войны, не было бы резни на улицах Константинополя, и свергнутый теперь султан был бы любимейшим вождём народа<sup>498</sup>. Всё это было бы непременно так. И именно

потому, что тогда, двадцать лет назад, народ дорос до конституции, и конституционный образ правления вполне бы соответствовал внутреннему состоянию страны. Китайское правительство расплачивается теперь за такое же *опоздание*. За ту же историческую и государственную близорукость. Урок китайской революции гласит всё то же, что и урок трёх предшествующих революций: правительство не может безнаказанно останавливать движение народа вперёд.

## ВОЗМОЖЕН ЛИ «РАЗДЕЛ» КИТАЯ?

**З**а несколько лет мы переживаем уже четвёртую революцию: Турция, Персия, Португалия, Китай.

Каждый из этих переворотов сопровождается слухами о вмешательстве держав и о возможном разделе страны, охваченной революционным движением<sup>499</sup>.

Слухи такие вполне понятны. Всем известно, что в международных отношениях «моральных норм» не существует; что плохо лежит — то и моё. Государственный переворот всегда сопровождается временным ослаблением страны: старая власть уже рухнет, новая ещё не окрепла. «Культурные» соседи при таких условиях всегда не прочь если не поделить всю страну, то вырвать клоч побольше. Если их и удерживает от такой операции что-либо, то уж, конечно, менее всего вопросы «справедливости». Удерживает или боязнь быть побитыми, или, и это чаще, боязнь самим перессориться при делёжке.

Нечего удивляться поэтому, что и китайская революция сопровождается слухами о «разделе».

Ещё бы: такой лакомый кусок для культурной Европы и ещё более культурной Америки.

Оснований для прикрытия такого грабежа можно найти сколько угодно: дабы не грабить открыто, а прикрыться ширмами, достойными «цивилизованного народа», можно грабёж назвать «аннексией» — это звучит гораздо благороднее; а во-вторых, можно с чувством не менее благородным заявить, что высокообразованным европейцам грозит гибель от дикарей-китайцев. И на этом основании перерезать несколько десятков тысяч этих самых дикарей, по всем правилам военного искусства высококультурных стран<sup>500</sup>.

Всё это так.



Но «мечта» о разделе Китая одна из самых несбыточных.

Единодушие китайского народа свидетельствует о полнейшей его подготовленности к самостоятельной политической и общественной жизни. Правда, «регулярные войска», перешедшие на сторону революционеров, — плохая армия, и если этим войскам легко было свергнуть пятилетнего богдыхана и его бездарного регента, то далеко не так легко им будет бороться с японским, английским или германским войском. Но европейским войскам придётся сражаться не с китайской *армией*, а с китайским *народом*. При таком условии ни одна армия не сможет рассчитывать на победу.

Если у китайцев было такое единодушие в борьбе за новый образ правления, то каково же должно быть это единодушие, когда речь пойдёт о борьбе за самое *существование* государства?

*Раздел Китая — это длительная, грандиознейшая мировая война.*

Кто же из современных народов рискнёт начать такую войну?

Делить можно только то, что бессильно, нежизненно. Почти «неодушевлённый предмет». Китай же нельзя «делить» — с ним можно только *воевать*.

Кроме того, интересы держав в Китае не равны, и потому «делёж» не может быть *всем* выгоден одинаково. Только Россия, Япония и Америка могли бы удержать за собой, хотя бы временно, *части* Китая. Но разве на такое усиление России и Японии согласятся другие державы?

Скорее можно допустить «аннексию» незначительных частей Китайской империи. Проворная Япония, воспользовавшись «общим замешательством», может быть, оторвёт «кусочек» Северного Китая, может быть, втянет в эту «невыгодную сделку» и Россию, — но если это и случится, то как мера временная. И когда Китай окрепнет, что случится, надо думать, так же быстро, как недавно с Японией, — за эту опасную игру в «захватное право» не придётся ли... расплачиваться?

## ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Недавно я перечитывал «Дневник писателя».

Мне захотелось вспомнить слова Достоевского о восточном вопросе — его знаменитое «утопическое понимание истории»<sup>501</sup>.

Прошло тридцать пять лет, восточный вопрос по-прежнему «злоба дня», но взволнованная, страстная речь Достоевского

уже не производит того впечатления, которое производила на его современников.

Много пережили. Много узнали мы за эти годы.

«Константинополь должен быть наш!» — вот основа его мечтаний. И он в эту мечту верил, почти как фанатик, доказывал её со всей горячностью великого своего сердца, со всей силой своего убеждения.

Для него Константинополь не только *должен* быть наш. Но и *будет* наш.

«Золотой Рог и Константинополь — всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия... это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло ещё и теперь, то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы».

Под «естественный выходом» Достоевский понимает не экономические или политические причины, а ту самую *мечту*, которую он сам назвал «утопическим пониманием истории».

Восточный вопрос должен быть решён взятием Константинополя потому, что это необходимое условие объединения балканских славян под «крылом России», а объединение это — необходимое условие для выполнения Россией своего всечеловеческого назначения в мировой истории: принести братство всем народам.

«Смейтесь над этой утопией, — говорит Достоевский, — но увидите, она сбудется неизбежно».

Никто теперь над заблуждениями Достоевского смеяться, разумеется, не станет. Но и «опровергать» их незачем: до такой степени ясно для всякого, что Константинополь и не может, и *не должен* быть наш.

«Мечта» Достоевского замечательна только как показатель того, как много пережито Россией за последние тридцать пять лет.

Даже *внешняя* сторона восточного вопроса неузнаваема. Так, например, предвидя одно из самых серьёзных возражений в смысле внешней неосуществимости своей утопии, Достоевский говорит, что «Россия сильна и, может быть, даже гораздо сильнее, чем сама о себе полагает», а потому Европа не сможет «не позволить» занять столицу Турции.

Сказал ли бы что-нибудь подобное Достоевский после японской войны, после захвата Австрией Боснии, после последней турецкой ноты русскому правительству?

Когда-то Биконсфильд очень хитроумно помешал усилению Болгарии, дабы ни один народ на Балканах не мог единолично противостоять Турции<sup>502</sup>. Тем устанавливался на Балканах постоянно тлеющий костёр, дававший повод к постоянному вмешательству Европы.

Но Англии не пришлось воспользоваться остроумием Биконсфильда, выиграла больше всех Австрия.

Последние события в Турции, когда Австрия подтолкнула турецкое правительство на резкий ответ России, а затем сейчас же, как только Россия отступила, заняла её позиции и получила руководящую роль в урегулировании вопросов, связанных с албанским вопросом, — события эти со всей ясностью показали, что не только не может быть речи о «взятии Константинополя», но даже вообще «влиянию России» на Балканах наступил конец, если не навсегда, то, во всяком случае, очень надолго.

Но всё это политика!..

Оставим её, ведь речь собственно не «о политике», а о самом смысле исторических событий.

Оставим дипломатию и всех этих остроумных Биконсфильдов и Эренталей.

Достоевский свою *веру* основывал не на успехах русской дипломатии. Смысл восточного вопроса лежал для него далеко за пределами политических интересов. И восточный вопрос действительно должен быть решён во всём объёме.

Вспомните слова Достоевского: «Этот страшный восточный вопрос — это чуть не вся судьба наша в будущем. В нём заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нём и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах»<sup>503</sup>.

Вот о чём речь. О «полноте истории». Такие вопросы не Эренталями решаются. Их решает *история*. А *провидят* их не политики, а *мыслители*.

Так прав ли Достоевский, что восточный вопрос, вновь надвинувшийся на Россию, действительно заключает в себе такой роковой для неё смысл?

---

Несколько лет тому назад в России опять заговорили об «объединении славян».

Возникло несколько специальных обществ. Прочли несколько хороших лекций. Устроили несколько банкетов. Съездили к славянам в гости, славяне побывали в гостях у нас.

Всё это было очень мило. Даже трогательно. И очень культурно.

Но, Боже мой, какая разница с тем, что переживало *общество* вот в то самое время, когда Достоевский писал о своей мечте! Тогда это было дело *народное*. «Освобождение болгар» создало небывалый подъём *морального чувства*. На войну добровольцы шли, как *паломники* к «святым местам».

В наши дни «общество», собственно говоря, никакого участия в «славянских делах» не принимает и «славянскими гостями» интересовалось не больше, чем японскими или американскими. Не только никакого «энтузиазма» не обнаружилось, а даже самого скромного «увлечения» не было.

Что же такое произошло?

Прежде всего, изменилась Турция.

На совесть русского общества, как капли раскалённого свинца, падали чудовищные зверства турок в начале семидесятых годов. Несчастные болгары, которых мучили, жгли, насиловали, избивали тысячами, — стояли живым укором перед русским народом. И легко было пробудить *братские* чувства к ним в отзывчивом русском сердце.

Современные «интриги Эренталья» и «ноты Турции» слишком мало производят непосредственного живого впечатления. Слишком непохожи на яркие, мучительные впечатления прежних зверств. И потому, естественно, не очень-то волнуют общество. Конечно, Эренталь — Бог с ним — порядочная bestия, но, в конце концов, какое до него дело русскому обывателю?

Вторая причина равнодушия общества к «славянскому объединению» глубже: русское общество в это объединение *не верит*. Да и как можно верить, когда у нас в России существуют: «польский вопрос», «еврейский вопрос», «финляндский вопрос»? Плохие мы объединители. Дай Бог самим управиться! Вот это неверие, что мы сможем кого-то объединить на Балканах, принести нашим братьям какое-то «освобождение», осуществить на деле «славянскую идею», — и лишает все современные попытки «увлечь» общество славянами всякой внутренней силы.

Но всё же главная причина и не в турецкой конституции, и не в нашем неверии.

Суть вся в том, что восточный вопрос не представляется уже больше таким «страшным» для России, *теперь уже определилось с несомненностью, что никакого «выхода в полноту истории» здесь нет.*

Достоевский исходил из того, что «больной человек» — Турция — умрёт<sup>504</sup>. Славяне объединятся и «посчитаются» с Европой. То есть в моральном и духовном отношении посчитаются. И тогда произойдёт окончательное примирение России и Запада.

Но «больной человек» взял да и выздоровел. А славяне и не подумали объединяться. И восточный вопрос, оставаясь очень жгучим *политическим* вопросом, потерял весь свой всемирно-исторический смысл.

Пусть у России есть своя особая историческая миссия, как есть она и у всякого другого народа, не будем касаться сейчас вопроса, какова эта миссия, допустим условно, что она именно такова, как утверждал Достоевский, — принести братство всем народам, — но даже и тогда, ясно теперь для всякого *пережившего сознательно* освободительное движение последних лет, — ясно, что успешное выполнение «миссии» и «выход в полноту истории» — не в том, чтобы «объединиться со славянами» и завоевать Константинополь, а в том, чтобы самим-то «объединиться», самим-то стать чем-то *цельным*. Ведь всё ползёт. Всё валится. «Выход» не в восточном вопросе, а в собственном своём возрождении.

Теперь не Турция, а мы «больной человек», и нам нужно выздороветь, а не идти куда-то на Восток. Когда выздоровеем, тогда и без всякого «единения со славянами» сделаем для них и для «братства народов» своё великое историческое дело.

Восточный вопрос — большой вопрос. Но он теперь спустился совершенно в другую плоскость. Его значение для России чисто политическое. И не об его решении должна прежде всего думать Россия: она должна думать о решении русского вопроса.

## ЦАРСТВО ИЛИ ИМПЕРИЯ?

**В** «Новом времени» А. Столыпин снова поднимает национальный вопрос.

По его мнению, Россия уже пережила ту эпоху, когда государство во имя своего национального эгоизма и может, и должно «поработать» завоёванные народы.

Пережила эпоху «царства».

Теперь пора ей вступить на путь иной национальной политики, которая есть необходимое свойство «империи»: политики не «порабощения», а «водительства». Русский народ должен лишь «главенствовать» и вести объединённые народы к единой общегосударственной цели.

Такой взгляд, как «теоретическая» схема, может быть принят любым представителем даже самой крайней оппозиции.

Для «практики» же всегда найдётся лазейка в какой угодно теории.

«Водительство» — термин слишком неопределённый.

Возьмите финляндский вопрос. Что это: «водительство» или стремление к «порабощению»? Что это: «царство» или «империя»? Для октябриста А. Столыпина, очевидно, здесь Россия хочет «вести» Финляндию к единой великой «общегосударственной» цели. Для меня, положим, налицо стремление поработить и обезличить целый народ.

Но, несмотря на такой простор для «практики», даже «теоретическая» широта не могла не задеть Меньшикова.

И разгорелась полемика.

Я вовсе не хочу вмешиваться в эту полемику.

Спорить с Меньшиковым — задача неблагоприятная. Он принадлежит к числу «ведающих», что они творят. При заведомой неискренности человека всякий спор лично с ним теряет смысл. Но дело в том, что Меньшиков высказывает почти «официальные» взгляды по данному вопросу. И потому с ними приходится считаться.

О некоторых основных вопросах национальной политики как-то странно и говорить теперь. До того исчерпывающую формулировку дал им Вл. Соловьёв в своей знаменитой полемике с Данилевским и славянофилами.

Доказательства Вл. Соловьёва можно назвать классическими — и только при явной недобросовестности возможно по-прежнему оставаться теперь при явно националистических взглядах.

Широте «теоретической» схемы А. Столыпина Меньшиков противопоставляет свой взгляд, сущность которого давно известна. Но, кажется, никогда Меньшиков не высказывался так определённо.

Не «вести» свои народы должна Россия, по его мнению, а «бороться», довести дело покорения народностей «до конца», покуда они совершенно не растворятся в среде своих завоевателей. Если

же какой-нибудь народ на окраине окажется неспособным «раствориться», то Меньшиков предлагает лучше совсем вышвырнуть его за пределы Российской империи, вместо того чтобы нянчиться с ним и куда-то вести его.

«Империя» для него — не пустой звук только при условии, если она в то же время и «царство».

Мысль о «водительстве» кажется ему невыполнимой и сантиментальной. Все народы, по мнению Меньшикова, Россию ненавидят, и потому их можно «поработить», но нельзя совместно с ними идти.

Национальная политика должна быть деспотической, потому что мирного развития национальностей совместно со всей Российской империей быть не может. Все народности Россию ненавидят, стало быть, ни о каком «водительстве» не может быть речи.

Пусть так.

Но, спрашивается, знают ли покорённые народы какую-нибудь иную политику бюрократического центра, кроме этой «деспотической»?

Какое отношение русской власти к полякам, евреям, грузинам, армянам и т. д.?

Не всегда ли мыслью администрации в отношении народностей — была мысль о насильственном «обрусении».

А если так, то каким образом из факта ненависти к русским можно выводить необходимость «деспотической» политики?

Ведь ненависть если и есть, то не к русскому народу, а к русскому чиновничеству, об этом не раз заявляли представители всех народностей, входящих в состав Российской империи. Эта ненависть есть следствие обычной политики нашей бюрократии, и потому сослаться на неё — по меньшей мере, логический круг. Людей теснят — они за это ненавидят. Вам говорят: перестаньте их притеснять. Вы отвечаете: нельзя, потому что они ненавидят нас.

Измумительная, поистине «государственная» логика!

Меньшиков сделал большую публицистическую неосторожность, что обратился к «факту»: пока спор идёт в сфере отвлечённых идей, откуда анализируются понятия «царство» и «империя», — словом, пока вопрос обсуждается в плоскости «умозрения», — здесь трудно сделать решение его «очевидным». А потому, при известном желании, можно всегда остаться при своём мнении.

Другое дело факт.

Что Финляндия фактически ничего против России не злоупотребила, когда Империя ограничивалась «водительством», — это факт. Что русских администраторов, пытавшихся проводить деспотическую политику «царства», ненавидели — это тоже факт.

Если обращаться к истории, здесь «ненависть» и «деспотическая политика» всегда соединяются друг с другом. И не только в истории России, а и во все времена, у всех народов. Деспотия, вызывающая ненависть, создавала лишь бутафорское единство страны, единство для официальных докладов. Но она медленно подготовляла внутреннее разъединение, которое при первом серьёзном потрясении раскалывало государство на куски<sup>505</sup>.

Декоративное единство не есть решение национального вопроса.

Если вы хотите создать царство или империю, всё равно, но если вы хотите из разноплеменных народов создать единое могучее государство, думайте о том, чтобы *все* граждане чувствовали себя его детьми. Не создавайте «пасынков».

Народная ненависть, как бы глубоко под влиянием страха она ни пряталась, — самая разрушительная сила, и не на ней можно строить какое бы то ни было «единство». Эта же сила делает бессмысленную и основную цель всякого узкого национального обрушения: нельзя обрушить народность, которая ненавидит всё русское.

«И погромче нас были витии, да не сделали пользы пером». Но сейчас «витией» выступает сама жизнь.

Мало вам нынешнего бессилия России, мало потрачено сил на борьбу с «русскими» внутренними врагами. Вы снова толкаете её на обессиливающую, на ненужную, чреватую большими последствиями борьбу с национальностями.

## НЕСКОЛЬКО ЛИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Когда приходится читать и слышать призыв «усмирить» Финляндию, совершить по ней «хорошую военную прогулку», как выразился один из дворян на съезде, — невольно вспоминаешь те впечатления, которые пришлось вынести от непосредственного общения с этим своеобразным и в высшей степени симпатичным народом.

Финляндский вопрос с правовой точки зрения совершенно ясен. Двух «искренних» мнений здесь быть не может.



И сторонники нового государственного переворота, с большей или меньшей откровенностью, оправдывают политику правительства мотивами не принципиальными, а «исторической необходимостью». Апеллируют не к праву, а к высшим «государственным» соображениям.

«Историческая необходимость» — в воинственных и сепаратистских стремлениях финского народа: если Финляндию не обрусить, она всегда готова «отторгнуться»...

С год тому назад в «Новом времени» определённо сообщалось, что каждый финн уже обзавёлся ружьём, якобы для охоты «за лисицами»...

Конечно, лучший способ «решить» финляндский вопрос — это, по моему мнению, поехать и самому наблюдать, как живёт этот народ. При малейшей беспристрастности, я убеждён глубоко, результат такого наблюдения может быть только один: признание совершеннейшей несообразностью все упреки в какой-то «воинственности» финнов.

Только надо ехать не в город, а в деревню.

Полная корректность и лояльность финских властей признаётся чуть ли не всеми. Под подозрение берётся главным образом простой народ — эти загадочные «охотники на лисиц».

К простому народу и надо ехать.

Жил я в Финляндии летом 1908 года. В замечательно красивой местности между Выборгом и Иматрой, на берегу реки Вуоксы, недалеко от станции Антреа.

Местность эта дачная, но я снимал простой крестьянский дом, вернее, только одну его половину, а в другой жили сами хозяева, простые крестьяне-земледельцы.

Старик, почти не выпускавший изо рта трубки, Хейка, жена его, два сына, три дочери, одна большая параличом, два работника, работница, а с приходящими соседями иногда набиралось человек 10-15.

Время было предвыборное. К обеду, когда собирались все вместе, с почты приносили газету, — читали вслух и часто горячо о чём-то спорили.

Очевидно, их очень волновали предстоящие выборы.

Однажды, когда я наблюдал их спор, не понимая ни одного слова, ко мне подошёл старый финн с трубкой и на ломаном русском языке, показывая на себя пальцем, сказал:

— Мы... хотят... социалист...

И очень обрадовался, что я понял.

Присматриваясь к их жизни, я невольно сравнивал её с нашей русской деревенской жизнью. И всегда думал: возможно ли «обрусить» народ, до такой степени обогнавший нас в своей «культурности».

Мой хозяин Хейка был не «кулак», а обыкновенный зажиточный крестьянин. Но он следил за «усовершенствованиями» в области сельского хозяйства и даже выписывал какой-то сельскохозяйственный еженедельник.

Вечером в субботу, после работы, они все отправлялись в баню, которая стояла поодаль, ближе к лесу. А потом вместе с соседями собирались на дворе и занимались «спортом».

Продельывали гимнастику, просто и с играми, поднимали тяжести, — всё это под несмолкаемый хохот и шутки. «Угрюмые финны», оказывается, умеют веселиться. И такой хорошей, «трезвой» весёлостью. Нечего говорить, что о «пьянстве» не было и помина.

В праздники они почти целые дни распевали псалмы. И в кухне, и во дворе, и за какой-нибудь мелкой работой «по хозяйству» — всё время слышались протяжные церковные мотивы.

О воровстве, каких-нибудь хулиганствах там, можно сказать, не слыхали, — и я ни разу не запирал своей «квартиры», и мои хозяева, уходя в поле, оставляли кухню с открытой настежь дверью.

Чувство «законности» до того вошло им в плоть и кровь, что они даже «представить» себе не могут такого «незаконного» покушения на чужую собственность.

Должен сказать ещё, что страшно бросается в глаза действительное равноправие мужчин и женщин. У финнов равноправие — не теория, которая путём «постановлений» стала фактом, — у них это совершенно естественное, нечто такое, что иначе «быть не может», вещь столь сама собой разумеющаяся, как, например, ношение женщинами платья, а мужчинами пиджака. Там даже «решать» вопрос о равноправии нечего. Самого вопроса-то не существует. Одна из причин такого явления лежит в удивительной их нравственной чистоте, чистоте не отдельных людей, а какой-то особенной, я бы сказал, «национальной». В мужских банях, например, женская прислуга. И ни одному финну не придёт в голову видеть в этом какую бы то ни было пакость. Я сам наблюдал, как работники через весь

двор раздетые идут в баню и, встретившись с женщинами, разговаривают с ними, — и опять-таки без малейшей тени какой бы то ни было «половой», хулиганской окраски.

Это у них совершенно просто. Потому что безупречно в моральном отношении.

Я прожил всё лето, много гулял, заходил в другие крестьянские «фермы», встречал старых и молодых финнов, женщин и детей, — и всегда меня поражала необыкновенная приветливость, с которой они относились ко мне, русскому и совершенно чужому для них человеку.

Если бы этих финнов кто-нибудь стал «обличать» в ненависти к «русскому», я думаю, они приняли бы такого «обличителя» за сумасшедшего.

Ещё в большей степени поразился мой добродушный Хейка, если бы у него потребовали объяснения, зачем он держит ружьё, — и стали уличать его в военных замыслах против Российской империи.

Финский народ трудолюбивый, упорный, не любит никакого «треска», никаких «авантюр», — и его от сетей и пашень разве силой можно вынудить взяться за «оружие»...

«Военная прогулка!»

Конечно, есть у нас и войско, и сила, и мы можем разорить Финляндию.

Но «обрусить» её — не в нашей власти.

## ДВЕ КУЛЬТУРЫ

**Я** два года не был в Финляндии. И вот теперь снова, только что побывав в знакомых местах, не могу отделаться от новых впечатлений.

Въезжая в Финляндию, немислимо освободиться от «политических» размышлений. Нельзя впечатления от «природы» не смешивать с политическими воспоминаниями о только что свершённых Россией несправедливостях. «Финляндский вопрос» почти заслоняет собой финляндскую природу. И когда хочется наслаждаться видами Саймского озера — невольно воскрешаешь перед собой образ покойного Столыпина и, глядя на сосновые леса, думаешь о будущих карательных экспедициях в «непокор-

ном» крае<sup>506</sup>. Политические думы особенно яркими делаются от обилия петербургских бюрократических физиономий.

Петербург выезжает в Финляндию «на дачу». Он привык смотреть на свою соседку, как на «дачную местность», а не как на самостоятельную *страну*. Финляндия создана, по мнению его, для отдыха уставшим петербургским чиновникам, а вовсе не для своей особой *национальной жизни*.

И вот начался сезон — всюду русские «хозяйские» лица. Это символ русской политики — и потому их особенно неприятно видеть. Они же подчёркивают и другое: всю невозможность соединить воедино Финляндию и Россию. Потому что это два различных *народов*, две национальности, две страны, две *культуры*.

Можно, пользуясь случайным составом Думы, случайным соотношением политических сил в стране, провести тот или иной «финляндский закон», можно *силой* нарушить финляндскую конституцию, можно переименовать Випури в Выборг и даже совсем включить Финляндию в состав Российской империи, превратив целую страну в какую-нибудь «Глуповскую губернию»<sup>507</sup>, — но нельзя слить *две культуры* путём насилия и административного распоряжения.

Различие культуры чувствуется во всём, от крупного до мелкого. От своеобразной *народной литературы* до последней черты костюма. Я подолгу жил в финляндских *деревнях* и видел *народ*, значит, не книжную культуру, а то, что вошло уже в *плоть и кровь*, — и мог воочию убедиться, что «русская политика в Финляндии» — это один из тех продуктов петербургских канцелярий, в котором таится много несчастья, но который не принесёт никому ни славы, ни пользы.

## КТО НАС ЛЮБИТ?

«Новое время» недавно удивлялось, за что это *нас* «не любят». Люди мы русские, хорошие, и — нас не любят.

На вопрос этот ответить очень легко, но, к сожалению... нельзя...

Но задаться другим вопросом: «кто нас любит?» — можно.

Во-первых, за границей.

В Персии нас одно время очень любили, но мы послали туда полковника Ляхова, и стали на нас коситься. Потом мы, со свойст-

венным нам гостеприимством, приняли у себя «беглого» шаха, и нас разлюбили. Наконец, мы послали в Персию отряды для водворения «порядка», и нас возненавидели<sup>293</sup>.

В Китае нас тоже любили, но мы «усмиряли» «боксёров», и нас разлюбили<sup>508</sup>. Теперь мы защищаем наши «интересы» в Монголии, и нас терпеть не могут.

Франция предлагала нам свою деликатную дружбу, но мы оказались такими неисправимыми, грубыми рабами, что Франция от нас отвернулась.

Австро-Венгрия не любит нас, потому что видит в нас помеху для своей политики на Балканах. Турция — за прошлое. Германия потому, что никого вообще, кроме себя, не любит. Англия далека от нас. Любили балканские народы, но и они охладели после провала по вопросу о присоединении Боснии<sup>5</sup>.

Теперь у себя дома.

Поляки? Финляндцы? Евреи? Татары? Черемисы? Башкиры?

Кого мы заставили полюбить себя? Нас *боятся*, а кого боятся, того не любят.

Но сами «мы»-то, кто такие? И любим ли *мы* друг друга?

«Мы» — это русский народ. Но русский народ состоит из разных элементов, которые также не любят друг друга.

«Народ» не доверяет интеллигенции. Интеллигенция — народу. Правительство ни во что ставит интеллигенцию и не прислушивается к голосу народа.

Кто же «нас» любит?

Нас *никто* не любит. И сами мы ненавидим друг друга.



# ОТРЕЗВЛЕНИЕ РОССИИ

## ОТРЕЗВЛЕНИЕ РОССИИ

**П**ьянство — одно из ужаснейших бедствий русского народа. Водка разоряет и без того полуголодного крестьянина, она вливает в народную душу злобу, разврат, безумие, нравственное и физическое вырождение. Она превращает живых людей в немощных рабов.

Всё это факты, всем известные и всеми признанные.

За последнее время в обществе замечается повышенный интерес к страшному «пьяному вопросу». Даже наша несчастная Государственная дума, и та принялась за «борьбу» с водкой<sup>509</sup>.

Позиция правительства в этой борьбе неопределённа: с одной стороны, оно считает невозможным не поддерживать общества трезвости; с другой — опасаясь уменьшения водочной операции, то есть уменьшения доходов одной из главнейших отраслей государственного хозяйства, оно не решается слишком энергично проводить идею «трезвости»!<sup>510</sup>

Опасения в данном случае малодалековидные, даже с чисто экономической точки зрения: если русский народ перестанет пить, его благосостояние настолько улучшится, что доходы государства, в *общем*, не уменьшатся, а возрастут, не говоря уже о том, что никакое правительство не может в своих мероприятиях основываться исключительно на экономических соображениях.

Но особенно недалекovidны эти опасения для тех, кто видит, что величие народа, как и истинное величие отдельного человека, зависит от нравственного и духовного роста.

Если ужасно опустошение, которое производит водка в народном кармане, то опустошение, которое она производит в душе народной, вдвое ужаснее.

И «отрезвление» необходимо именно для нравственного и духовного роста. То есть для самой главной основы народного величия.

Недавно мне пришлось быть на торжественном заседании одного общества трезвости<sup>550</sup>. Общество молодое, и во главе его стоят люди простые и религиозные. Познакомился с несколькими «трезвенниками». И вот здесь пришлось наблюдать одну любопытную черту, ярко характеризующую *духовное* значение «отрезвления». Люди едва лишь приступили к осуществлению *непосредственной* своей задачи — не пить водку — и уже говорят:

— Мало нам от водки отрезвиться. Водка — большое зло, она душу нашу в плену держит. Теперь трезвыми от водки стали, надо от душевных пороков отрезвляться.

И среди «трезвенников» оживает мысль о новой, духовной жизни.

Общество трезвости, о котором я говорю, — капля в море. Но в этой капле отразилось то, что могло бы свершиться и во всём море. Если бы схлынули страшные волны пьянства, затопляющие и одурманивающие, и оупляющие русский народ, — он быстро бы захотел «отрезвиться» от своих грехов, быстро бы разобрался в жизни, его окружающей, и быстро бы вышел на ту великую дорогу, на которой его ожидает новая, великая жизнь.

## НАШИ ЗАДАЧИ

**Д**ля того чтобы дело имело успех, надо ясно сознать, какие задачи мы себе ставим, чего мы хотим, к чему стремимся.

С Божьей помощью начиная большое и трудное дело, издание «Царицынского трезвенника», мы также считаем необходимым прежде всего выяснить *наши задачи*, рассказать о своих стремлениях читателям-друзьям.

Говоря кратко и просто, задача «Царицынского трезвенника» — *борьба с пьянством*.

Но если вникнуть в эти слова — они окажутся далеко не такими простыми.

Отчего бывает пьянство?

Во-первых, от нужды: всего, мол, один двугривенный в кармане, куда его девать — пропить!

Во-вторых, от темноты: в праздник, в часы отдыха не находит человек, чем бы занять свою душу, — идёт в кабак — там весело.

В-третьих, от невежества: люди пьют, не сознавая, какой страшный яд, разрушающий и тело и душу, глотают они вместе с водкой.

В-четвёртых, «от горя»: не находят в себе силы перенести несчастье и заливают его вином.

И наконец, больше всего и прежде всего потому, что забыли Бога. — Не сердцем, а концами уст исповедуют Христа.

Если бы веровали, то нашли бы и силы переносить страдания, нашли бы, куда идти в праздник и в часы отдыха, нашли бы, чем занять свою душу, и не отдавали бы последних грошей в кабаки.

Вот почему борьба с пьянством — это есть борьба с нуждой, с темнотой, с невежеством; *это есть проповедь учения Христова.*

Мы не можем без ужаса видеть, как водка заливает несчастную страну нашу; одурманивает мозг, превращает людей хуже чем в диких зверей. Мы не можем видеть без ужаса, как пьянство толкает людей на разврат, на убийства, на самые тяжкие, самые беспросветные преступления. Не можем видеть, как ни в чём не повинные дети гибнут от грехов отцов своих, рождаются больными, чахоточными, сумасшедшими. Как разорение, зверство, побои превращают жизнь простого русского человека в сплошной пьяный кошмар.

И мы всеми силами души своей будем бороться с нашим врагом — водкой.

Мы будем проповедовать *трезвость*. Мы будем напоминать людям, что они *христиане*. Что жизнь их должна стать совершенно иной: чистой и трезвой. Что пьяный, валяющийся в грязи, окверняет образ Божий в себе. Пусть Общество трезвости облегчает людям материальную нужду, заботится о детях, о хороших, человеческих развлечениях, — мы будем помогать ему прямым, убеждённым словом.

Довольно были люди в рабстве у чудовища — пьянства. Пора им стряхнуть прочь пьяные цепи, начинать новую жизнь, светлую, Божию!



«Царицынский трезвенник» видит в своих читателях одну общую семью, где все должны помогать друг другу, где каждое дело — дело общее.

Наши задачи — задачи и наших читателей. Наши стремления пусть будут и вашими стремлениями.

Выйдем вместе на трудную работу Господню.

С верой в Его помощь, с надеждой на торжество нашего святого дела, с любовью к падающим братьям нашим!

## НЕ НАДО ОТКЛАДЫВАТЬ!

**Б**ог дал людям жизнь, это величайшее благо, для того, чтобы мы исполняли Его волю.

Жить по-Божьи — это значит прежде всего совершенствоваться в любви к людям.

Человек, достигший этого совершенства, достигает тем и *личного счастья*: и при бедности он чувствует себя счастливым и радостным. Разве, в самом деле, в богатых домах не льются слёзы? Ещё как льются-то, не меньше, чем в землянках.

Полюбить людей не легко. Апостол говорит, что любовь есть «совокупность совершенств» (Кол. 3, 14), — значит, чтобы любить людей, надо самому стать лучше. Много и упорно работать над своей душой.

Человеку дана жизнь в 50-60 лет. А некоторым гораздо меньше. Кто из людей знает, что он доживёт до следующего дня? Никто! Не ясно ли поэтому, что каждый час, каждая минута человеческой жизни не должны растрачиваться даром, на пустяки, — а как величайшая драгоценность употребляться на главное дело жизни — на совершенствование, на добро, на любовь.

Мы же в большинстве случаев почти *всё* время тратим на суету, на мелочи, на житейские дразги, на пьянство и грубые плотские удовольствия. И вспоминаем о правде и добре только по «воскресеньям», когда идём «молиться Богу», а иногда и целые годы не вспоминаем ни разу.

Почему же это так?

Почему мысль о смерти, о том, что от могилы, от «земли» никуда не убежишь, и рано ли, поздно, придётся дать отчёт во всей прожитой жизни, — почему мысль эта не спасает нас от нашего безумия?

Одна из главнейших причин лежит в том, что почти все люди отравлены ложной безбожной мыслью: ещё успеем покаяться, добро и правду можно «отложить», а пока что — жить в своё удовольствие.

Для того чтобы начать новую, хорошую жизнь, надо прежде всего отогнать эту ложную мысль и всем сердцем сознать, что *не надо откладывать* своего перерождения.

Возьмите хотя бы грех пьянства, эту самую болезную, самую всеобщую нашу язву.

Почему многие не могут отделаться от этого страшного порока?

Да потому, что «откладывают», сначала на день, а потом на месяц, а потом на годы.

Рассуждают так: вот придёт «Рождество», попьанствую — и тогда уж брошу. Или: вот сыграю свадьбу — и брошу тогда. Это уж будет в последний раз.

А время идёт, яд всё глубже впивается в душу, — и человек день за днём падает всё глубже, и нет ему возврата на новую дорогу.

Пусть бы не откладывал до «Рождества», пусть бы сегодня же, сейчас же принимался за своё спасение — и не погубил бы своей жизни, а иногда и жизни своей семьи, жены, детей, братьев.

«Не надо откладывать» — вот слова, которые каждый всегда должен носить в своём сердце.

Пусть каждый, как бы низко ни пал, как бы безнадежным ему ни казалась грязь, его окружающая, — не откладывая ни минуты, принимается за новую жизнь.

Бог поможет ему. Бог даст ему силы.

Пусть пьяные, *сейчас же*, в тот же самый день, как проснётся в них трезвая совесть, бросают страшный яд. Пусть развратники, не откладывая, бросают своё чувственное наслаждение. Пусть падшие, умирающие духовно, подымаются, воскресают. Пусть «откладыванием» они не ослабляют и без того слабых сил своих.

Чем дальше в лес — тем больше дров. Если не хватит сил сегодня, завтра их будет ещё меньше!

А потому *не откладывай*. Жизнь не ждёт. Не бойся «трудности». Кто верит в Бога — тому всё легко, лишь бы силы были направлены *на добро*.

## ЗАЧЕМ НУЖНЫ ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ

Очень немногие решаются защищать водку открыто и прямо — зло слишком очевидно, и защищать его невозможно. Но защитить его многим хочется, потому что многие втянулись в преступное наслаждение пьянством.

И тогда избирают окольный путь — нападают на общества трезвости, доказывают их *ненужность*.

Борьба с пьянством в настоящее время почти исключительно принадлежит обществам трезвости, — вот почему люди, доказывающие ненужность обществ трезвости, тем самым косвенно доказывают и ненужность *борьбы с пьянством*. Если бы их доказательства имели успех и общества трезвости закрылись бы по всей России, — защитники пьянства торжествовали бы, потому что некому было бы бороться с водкой и разливанное море страшного яда могло бы беспрепятственно затоплять нашу несчастную родину.

Против обществ трезвости всегда говорят одно и то же:

— Если я захочу бросить водку, возьму и брошу. Зачем мне нужно записываться ещё в какое-то общество?

Неосновательность *таких* слов очевидна, но многих почему-то они всё же смущают.

Думают: в самом деле, зачем всё это? Брошу водку, и довольно. А общества всякие ни к чему!

Но пусть подумают так говорящие вот над чем: хорошо, я *сознал*, что водка зло, и бросил. Мне разъяснили, как отравляет она моё тело и душу. Я прожил почти всю свою жизнь и по опыту вижу, сколько несчастий несёт с собой пьянство. Я понял всё это и бросил.

Но какая масса людей молодых, неопытных, не учёных. Эти люди пьют, часто не подозревая всего зла алкоголя. Они не погибнут, если им объяснить вовремя всё это и остановить, предостеречь.

И вот каждый отдельный человек, сознавший зло пьянства, может рассказать об этом своим близким и знакомым. Но ведь этого мало. Надо рассказать об этом *всем людям*.

*Для этого и необходимы общества трезвости*. То, что не под силу одному человеку, могут сделать люди, когда они объединяются.

Разве может отдельный человек устраивать беседы о вреде пьянства, издавать книги, журналы, оказывать материальную помощь бросившим пьянство, но ещё не окрепшим?

Разумеется, нет.

Цельное *общество трезвых людей*, соединённых в «Общество трезвости», это сделать может.

Таким образом, общества трезвости необходимы для того, чтобы спасти людей от пьянства.

Если ты не пьёшь — хорошо. Но всё же иди в общество трезвости, чтобы не самому только быть трезвым, но помочь отрезвиться своим братьям.

Я не говорю уже про то, что многие, даже сознавшие вред пьянства, втягиваются в водку до такой степени, что бросить этот яд в одиночку им не под силу. Им нужно братское сочувствие, братская помощь. Им нужно найти трезвых людей, уйти от пьяной компании.

Куда он пойдёт?

Когда есть общество трезвости — он знает, куда ему идти.

Так не слушайтесь, когда вам говорят о ненужности обществ трезвости.

Вступая в общество, поддерживая его, вы служите делу великому и святому — делу не своего личного спасения, а Божьему делу спасения падающих братьев.

Пусть говорят вам, что общества трезвости пустая забава. Вы знаете, что не пустая забава борьба с пьянством, что это необходимое условие спасения души, очищения совести. А в этом очищении весь смысл человеческой жизни.

## КТО ВИНОВАТ?

*(На пароме)*

**М**аленький буксирный пароход еле тащит «перевоз». Баржа широкая, неуклюжая, вся заставлена телегами, лошадьми, верблюдами.

На скамейке сидит «публика».

Холодно. Ветер так и режет лицо. Все ёжатся и бранят погоду:

— Отроду такой осени не было.

Со мной рядом сидит человек в картузе и с большим узлом.

— Вы куда едете? — спрашивает он меня.

Я говорю.

— А с вами кто сейчас разговаривал?

— Трезвенник один.

Смеётся.

— Вы что смеётесь?

— Да так... Я тоже было в трезвенники записался...

— Ну?

— Пришёл домой — жена мне такого задала.

— Жена? Вот странно — обыкновенно жёны мужей за водку ругают.

— Оно правда, — смеётся человек в картузе, — да тут статья особая. Я и так не пьяница. Жена и говорит: как же теперь в случае — свадьба или «кстины» — тоже пить не будешь? Иди, говорит, отпишись.

— Что же вы, отписались?

— Нет, неловко уж. А так понемножку допущаю...

В наш разговор вмешивается татарин. Борода у него рыжая, зубы чёрные и гнилые. Он часто улыбается и скалит чёрный рот.

— Водка во всём виновата, — говорит он.

— Нет, не водка, — убеждённо говорит человек в картузе, — а люди.

— Знамо, люди! — слышится несколько голосов.

— Водка! — улыбается рыжий татарин. — Ты себе ничего. Человек как надо. Выпил — пошёл! Крутился-крутился: не человек стал, скот стал.

— Само собой, водка виновата, — солидно говорит старичок.

— Водка! — подтверждает какая-то женщина.

— А я вам скажу: человек! — настаивает картуз.

— Водка! — улыбается татарин.

Всем спор кажется смешным, и все улыбаются.

— Как же, господа, решайте, — говорю я, — кто виноват — водка или человек? Виноватых, говорят, бьют, — вот и надо знать, кого нам бить нужно.

— Я вот что скажу, — горячится картуз. — Я выпью, и вот князь выпьет. Один в драку полезет. А другой ничего, тихий; бывает так?

— Бывает, — отвечает татарин.

— Хорошо. Я водку пил и ты пил. Так?

— Так?  
— Водка одна?  
— Одна.  
— А мы напились одной водкой — и разные?  
— Разные.  
— Значит, безобразия не от водки, а от человека, — торжествует картуз. — Кабы от водки было, всякий одинаково бы безобразничал. Понял?

Татарин некоторое время молчит, потом расплывается в улыбку:

— Понял!

Все смеются.

— Кто же виноват: водка или человек?

— Теперь понял! — повторяет татарин.

— А вы как думаете? — спрашивают меня.

— По-моему, оба виноваты.

— Это ещё лучше! — говорит кто-то.

— Конечно, оба: и водка, и человек. Человек виноват тем, что пьёт, а водка тем, что одуряет человека. Но так как водка ничего понимать не может, а человек и может, и должен, — то больше всего виноват человек, с него и спросится.

— Значит, бить-то человека надо, — смеётся кто-то.

— Очевидно! — говорю я.

Но вот и пристань. Дождь, теплее.

— Хотел выпить, теперь боюсь, — шутит за мной чей-то голос...

— Ладно поговорили, — улыбается татарин, — очень ладно...

Прощайте теперь...

## ПЬЯНСТВО И ГОЛОД

**Н**а Россию снова надвинулась страшная беда — *голод*. В губерниях Уфимской, Пермской, Казанской, Симбирской, Самарской — люди мрут от голодного тифа и цинги, продают последнюю скотину, бегут в города искать заработка.

Сытый голодного не разумеет — и нам, сытым, трудно понять весь ужас того положения, когда в доме нет ни одной корки хлеба и не к кому пойти, не у кого просить, когда матерям приходится видеть, как на глазах их умирают их дети, и плачут, и просят «поесть», а в избе пусто и голодно, точно выжжено всё пожаром.

Голод — всё чаще и чаще начинает посещать Россию.

Первая и главнейшая причина — *неурожай*. Но в других странах неурожай тоже бывает — а голода не бывает почти никогда.

Это объясняется тем, что всё хозяйство, всё имущественное состояние тамошнего крестьянина гораздо выше нашего, — и ему легко пережить и один, и два неурожайных года без разорения.

Наш крестьянин вполне зависит от урожая. Даст Бог урожай — проживёт. Не даст — голодать будет.

Причин такого положения много. Во многих губерниях земли мало. Землю обрабатывают плохо, не умеют взять с неё всего, что бы она могла дать; но одна из самых главных причин голода — *водка*.

Увеличить наделы не во власти каждого отдельного крестьянина, научиться обрабатывать землю улучшенным способом тоже не так легко: для этого требуются время и деньги.

Но устранить третью причину голода — пьянство — во власти каждого человека, который захочет это сделать.

Пьянство поглощает последние крохи, которые могли бы сберегаться в урожайные годы. Всё то, что посылает Бог для улучшения материального состояния мужика, — всё тащит он в кабак. Потребление водки в урожайные годы увеличивается чуть не вдвое<sup>511</sup>. И голод застаёт крестьянина таким же беспомощным, каким он был и до урожая.

Вино опустошает не только мужицкие карманы, но и мужицкие *головы*. Разве большинство дел на сельских сходах решает не водка? Разве мало сделали себе крестьяне зла, продавая свои «приговоры» кулакам за несколько вёдер водки?

Водка — это медленный пожар, который опустошает русские деревни.

В городах зависимость голода от пьянства ещё очевидней. Пропил свой заработок — вот и «голод». Напился пьяным, остался без места — вот и голод.

Голод и водка — родные братья. Крепко взявшись за руки, движутся они по нашей стране, и всюду, где вступят, — жизнь превращается в ад. Голодный тиф, цинга, смерть, убийства, насилие — безумный, кровавый кошмар.

Доколь, Господи!

Хотя бы теперь, перед страшным лицом голода — сознали и ужаснулись и дали клятву отныне отрезвиться, прийти в себя, начинать новую жизнь.

Если бы это случилось — какое бы счастье открылось великому русскому народу. Не будет пьянства — не будет голода. Не будет голода — сознает народ свою темноту. В нём проснётся стремление к истинному просвещению. А просвещение, соединённое с великим сердцем русского человека, вечно тоскующего о праведной жизни, о Боге, — укажет ему и новые пути жизни.

## ЗА СТЕНОЙ

Странная вещь: иногда какое-нибудь маленькое событие так западает в душу, что потом всю жизнь не забудешь его. И чего бы, кажется? Пустяк! Так вот нет же: стоит перед глазами, точно вчера случилось, и болит сердце нисколько не меньше, чем когда-то давно-давно...

Вот о таком «маленьком событии» мне и хочется рассказать вам.

Это было далеко отсюда. На Севере. В одном большом и шумном городе. Я перебивался кое-как с хлеба на воду и жил на окраине города, в маленькой грязной каморке, за которую платил 4 рубля.

Перегородки были дощатые, дырявые, обклеенные рваными газетами, они не доходили до потолка, чтобы чад из кухни расплывался по всем комнатам равномерно, — и в моей каморке было слышно каждое слово, каждый шорох, раздававшийся даже в самом дальнем углу «квартиры».

Я любил тишину — и мечтал об ней, как о недоступном счастье. Только по ночам я мог чувствовать себя по-человечески, и то если «хозяин», Андрей Никитич, сапожник, не приходил домой пьяный. А случалось это не очень часто, два-три раза в неделю. Остальные дни мне приходилось или целую ночь слушать неистовую его брань, или убегать и ходить по пустынным улицам до рассвета.

И вот в одну из таких пьяных ночей случилось то самое, о чём я хочу рассказать. Андрей Никитич пришёл часов в восемь вечера пьяный и злой. Я сразу понял это по резкому стуку в дверь.

— Самовар!.. — глухо сказал он, вваливаясь в кухню.

Я слышал, как жена его, Анна Петровна, наскоро стала укладывать дочку свою Зиночку. Она знала, что, если муж заметит, что дочь не спит, привяжется к девочке, — а она боялась этого больше всего. Больше побоев и брани.



Но Андрей Никитич, видимо, догадался.

— Не прячь! — крикнул он. — Отец я или нет...

— Начал, — проворчала Анна Петровна.

Зиночка спрыгнула с лавки и подошла к столу. Я услышал её тихий голосок:

— Дай карандашик...

Зиночка любила чертить на бумаге фигурки, и карандашик всегда лежал у них на столе. Очевидно, отец взял его.

— Так просят, а?.. Чего молчишь, просят так, я тебя спрашиваю!..

Зиночка молчала.

— Отец я, а? Проси, как следует: папочка, дайте, пожалуйста... карандашик, ну?

Опять молчание.

— Говори, гадина! — заорал Андрей Никитич.

— Да отвяжись ты, — вступилась жена.

— Молчать!.. Говори: папочка... дайте, пожалуйста, карандашик...

Зиночка молчала.

— Не скажешь!.. Не скажешь!..

Я чувствовал, что к горлу моему подступает что-то тяжёлое, и руки и ноги делаются холодные.

— Не скажешь!.. — хрипел за стеной голос.

И вдруг я услышал за стеной шум. И глухие удары по телу.

— Раз... два... три... — хрипел голос.

— Папка... папочка... я не буду... я не буду... — лепетала, задыхаясь, Зиночка.

Я вскочил с постели и, не помня себя, вбежал к ним в комнату. Андрей Никитич зажал коленями девочку и бил её по лицу:

— Шесть... семь... восемь... — хрипел он.

Я схватил Зиночку за плечи, вырвал её и закричал:

— Не смейте... не смейте!.. Или я убью...

Я задыхался... Я сам не знал, что говорю... Зиночка была у меня в руках. Я отнёс её к себе в комнату. Она плакала, судорожно обхватив мою шею. И сам я рыдал, как обезумевший...

Впрочем, это уже к делу не относится.

Так вот — то маленькое происшествие, которое по временам почему-то встаёт в моей памяти и с прежней силой мучает меня.

А ведь прошло лет не мало — не меньше десяти.

## ГИМН ТРЕЗВЕННИКОВ

**У** трезвенников, как у людей, обеспеченных общими жизненными задачами, есть свой *гимн*.

В нём кратко изложены самые задушевные стремления работников «трезвого дела». Все трезвенники знают его наизусть, но все ли вникают в самую сущность его содержания?

Думаю, что *не все*: иначе не было бы среди семьи трезвенников равнодушных, недеятельных членов. «К счастью вместе мы станем идти», — говорится в гимне. Все люди стремятся к счастью. Но громадное большинство людей за счастье принимает обманчивый призрак личного своего благополучия: побольше бы накопить денег, повыше бы подняться в своём служебном положении, — всё это для того, чтобы побольше насладиться материальными благами жизни. Но все материальные блага умирают вместе со смертью человека, сгнивают в могиле, которой не избежит никто, — а потому и «счастье», основанное на такой призрачной почве, также рассыпается в прах.

Призывая идти к счастью, трезвенники имеют в виду не личное счастье, не благополучие только *для себя* — а счастье всего народа. Путь к такому общему счастью обязательно в *общей работе*. «Будем поддерживать честно друг друга», — вот в чём заключается этот путь. Его в сердце своём должен носить каждый человек — не забывать его никогда: *честно поддерживать друг друга*.

Если все трезвенники проникнутся этой мыслью, разве у них когда-нибудь зародится сомнение: нужно ли Обществу трезвости, недостаточно ли, мол, просто бросить пить. Никогда! Потому что бросить пить — это *меньше половины дела*, это только личное благополучие, личное *спасение*. А главное-то — *честно поддерживать друг друга*, т. е. помогать *другим*.

Те трезвенники, которые *не сомневаются* в полезности Общества трезвости, если проникнутся теми чувствами и мыслями, которые изложены в «гимне», — по-иному станут относиться к своему званию «члена общества». Ни один трезвенник не должен думать, что он выполнил *все* обязательства перед обществом, если сам бросил пить и внёс «членский взнос», — да, «формальные» обязательства он выполнил, но это *не всё*. Каждый должен

работать, поддерживать честно дело трезвости всеми доступными ему путями. Он должен проповедовать трезвость среди людей окружающих, среди своей семьи, сослуживцев, знакомых, должен распространять трезвую литературу, должен участвовать в работе не только материально, но и духовно. Он должен помнить, что, вступая в ряды трезвенников, берёт на свою совесть обязательства и перед Богом, и перед людьми: перед Богом — жить трезвою, Божиею жизнью; перед людьми — помогать им, «поддерживать честно друг друга».

Только тогда трезвенник может без стыда, без укора своей совести произносить слова гимна: «Будем хранить мы святыню зарока, трезвости *сеять вокруг семена*».

Итак, путь «общей работы» — ведёт к счастью. Перед ступенью, которую необходимо пройти народу, чтобы достигнуть счастья, — *отрезвление*. Трезвенники и призывают людей в своём гимне сделать именно этот первый шаг:

Будем же верить, пора недалёка.  
Мир отрешится от власти вина;  
Сгинет похмельное зло роковое,  
Станет и трезв, и разумен народ.

Одной трезвости для счастья недостаточно. Учение Спасителя раскрыло миру, в чём *истинное счастье*. Но без *трезвости* ни о каком счастье не может быть речи. С трезвости *надо начинать*. Вот почему:

Смело, товарищи, тесной семьёю  
К счастью трезвой дорогой вперёд..

## «ДОМ ТРЕЗВОСТИ»

Сегодня, 4 декабря — праздник трезвенников: открывается «Дом трезвости».

Все внешние данные для успешной работы налицо: свой Дом, где превосходная аудитория для чтений, собраний, концертов.

При Обществе похоронная касса, ссудо-сберегательное товарищество, воскресная школа, наконец, свой журнал, который даёт возможность проповедовать идеи трезвости далеко за пределами аудитории. В будущем ряд новых планов расширения деятель-

ности Общества: своя хлебопекарня, врачебная помощь, детские приюты и пр. и пр.

«Дом трезвости» даст возможность внешне объединить все эти начинания. Такое объединение необходимо для прочной и широкой постановки дела.

Вот почему сегодняшний праздник — радостный день для трезвенников.

Радость это неложная. Она вытекает из глубокого сознания, что не все люди живут *для себя*, для своих мелких будничных интересов. Что, хоть немножко, и они делают общественную работу, — что по мере сил осуществляют заповедь Христову о служении ближним.

Сегодняшний праздник трезвенников — это праздник людей, видящих некоторое торжество того дела, которое по совести, перед Богом — считают они *святым*.

И вот в этот светлый день хочется сказать о тех *чаяниях*, которые возлагаются нами на «Дом трезвости», чтобы все глубже сознали свои обязанности перед собой и людьми, — и чтобы сознание это сделало радость ещё более полной. Чтобы радовались не только на то, что «сделано», — но ещё более на то, что *должно* быть сделано и будет — если будут приложены общие, братские усилия.

В фундаменте «Дома трезвости» заложена великая истина: будь трезв. Это краеугольный камень всего. Мы не устанем повторять, что русский народ только тогда может думать о чём-нибудь высшем, духовном в жизни, когда перестанет пить. Пьяный человек — полуживотное. Для того чтобы жить по-Божьи — надо прежде всего стать *человеком*.

«Дом трезвости» — должен бы охватить собой не «за Царицу», и не город Царицын, и не Саратовскую губернию, а *всю Россию*.

Но трезвенники, вступая на первую ступень, не должны забывать, что вступили они на неё не для того, чтобы на ней успокоиться. Что дело трезвости приобретает всё своё громадное значение только тогда, когда отрезвляются для *дальнейшего*, для того, чтобы всю жизнь свою из бессмысленной, пустой и распутной — сделать истинно-человеческой, осмысленной и Божьей.

Если трезвенники проникнутся этим чувством и этим сознанием, то и самая *борьба за трезвость* будет вестись ими иначе. Они будут видеть в ней не нечто «случайное», не нечто такое, что можно делать «между прочим», — они увидят в этом *главное*

*дело жизни*. Собираясь в «Дом трезвости», они будут собираться как *братья*, а не как чужие люди. Как братья, видящие перед собой одного страшного врага: пьянство, озверение и неизбежно связанное с ними распутство, насилие, преступность, одичание и вырождение великого русского народа. Трезвенники не будут стыдиться своей работы. Они смело будут призывать на борьбу всех. Ибо дело их правое, Христово дело.

В борьбе своей они будут неустанны и непреклонны.

Ибо всеми силами души своей сознают, что враг должен быть побеждён *во что бы то ни стало*. Что кабаки русские должны опустеть. Что народ должен, как от чумы, бежать от проклятого яда. Что в этом его спасение, что это необходимое условие его счастья, его великого назначения стать не на словах, а на деле *святою Русью*.

Вот наши думы по поводу открытия «Дома трезвости».

Даст Господь — из мечты они станут действительностью. Мы верим, что поможет Бог святому делу, и потому от всего сердца приветствуем наших читателей-друзей:

— С праздником Трезвости!

## ПРАЗДНИК И БУДНИ

**П**раздник кончился.

Торжественное открытие «Дома трезвости» состоялось. Начинаются *будни* упорной, трудной работы по борьбе с пьянством.

Но главнейший успех делу дают *не праздники*, а именно эти *будни*.

Хорошо оглянуться назад, порадоваться достигнутым успехам: отпраздновать ту или иную «годовщину» обязательности. Хорошо порадоваться расширению своего святого дела: отпраздновать переход в свой «Дом». Но надо не забывать этих праздничных дум и чувств, когда наступают серые будни. В праздничной радости надо черпать терпение для трудной работы Господней.

Пусть же редкие праздники Трезвости будут днями *итогов*, что сделано за долгие дни честного, неустанного труда. И пусть каждый живёт так, чтобы иметь право идти на праздник с *чистой совестью*, с глубоким сознанием *исполненного долга*. Пусть среди трезвенников не будет таких, которые вспоминали бы об Обществе трезвости только по торжественным дням.

Как часто люди вспоминают заветы Христа только по воскресным дням и даже не по целым дням, а по утрам от 7 до 9 часов, пока стоят в церкви. А придя домой, напиваются до потери образа человеческого. Разве люди эти могут быть названы честными работниками Божьего дела? Разве можно два часа «праздновать», два часа отдавать молитве и Богу, а всё остальное время — водке, распутству, злобе, житейским дразгам?

Точно так же и здесь.

Нельзя раз в год на торжественном молебствии, на празднике Трезвости вспоминать о заветах трезвости. А потом, придя домой, ничего не делать для торжества трезвого дела.

Праздник только для тех, кто работает в будни.

А для тех, кто не знает труда, праздник — только лишний укор их совести за праздную жизнь.

И праздник Трезвости — праздник только для тех, кто борется по мере сил с нашим общим врагом — водкой. Кто по совести выполняет назначение члена общества трезвости: не пить самому и научать не пить других.

Пусть же праздники трезвости будут днями радости для честных работников. Днями радости, которая подкрепит их на дальнейшую борьбу.

И пусть для нерадивых они будут днями укора, днями, вызывающими в них раскаяние и твёрдую решимость начать жизнь *будничного* труда на благо ближним.

## МОЖНО ЛИ «УЧИТЬ» ДРУГИХ

По поводу «Царицынского трезвенника» было получено очень интересное письмо от одного из читателей.

Мысли, высказанные в этом письме, или, вернее, *заблуждения*, высказанные в нём, имеют громадный *общий* интерес.

Ведь работникам трезвого дела приходится бороться не только с равнодушием, но и с убеждёнными *противниками*, с людьми, которые против борьбы с пьянством путём обществ и литературы, — не в силу своего равнодушия, а в силу своего несогласия, что нужно бороться именно этими путями.

Мы уже говорили о значении Обществ трезвости и доказывали несправедливость тех, кто считает *бесполезными* эти Обще-

ства, т. к. пить можно бросить и без всяких «членских взносов». Мы указывали, что недостаточно бросить *самому*, надо научить трезвости других, — а для этого и необходимо сплотиться в одну общую организацию «Трезвенников».

Теперь нам делают совсем новое возражение, тоже очень распространённое, и уже с точки зрения «религиозной» нам говорят, что борьба с пьянством не имеет смысла потому, что вообще *не надо учить других*, а каждый должен перерождаться *сам*.

Читатель пишет:

«Никому не дано спасти других. Всякому человеку дана во власть только одна его собственная жизнь. Спасение и гибель — зависят от самого. Кто чего ищет, тот того и находит. В рай за волосы не тянут, а по доброй воле, своими усилиями берётся царство небесное. Точно так же и спасти тебя, хотя бы, к примеру сказать, от пьянства, никто и ничто из вас не может до тех пор, пока сам не выразится разумом и не поймёт, что это безумие, грех, вред для души и тела, и не начнёт бороться с этим грехом всеми своими духовными силами. Очень ошибочно для начала хорошей, живой жизни ждать помощи, прежде всего от каких бы то ни было, хотя бы и от святых людей, а не от самого себя. В день исправления и отрезвления жизни, человеку не нужна ничьей помощи, кроме как только своей собственной. Искать, кроме своего усилия, в чём-либо спасения от пьянства — это своего рода вредное суеверие, что губит духовные силы человека».

Так вот, правда ли, что нельзя и не надо учить и спасать других?  
*Глубокая неправда.*

Христос сказал: шедше научите (Мф. 28, 19)...

Одно дело *спасать других, учить других*; другое дело — *ждать спасения от других*.

Никто не должен ждать спасения от пьянства *за вас*, всякий должен спастись сам с помощью Божьей.

Но из этого совершенно не следует, что уже отрезвившиеся не могут помочь спастись от пьянства *другим*.

Я не могу «за волосы тянуть» к спасению, но я могу *помочь* другому *прийти к сознанию*, что пьянство — безумие и грех.

Неужели не поможет человеку одуматься, если я на основании опыта и науки *покажу* ему, что делает алкоголь с его *телом и душой*.

Не я буду «спасать» его душу «за него», но я помогу его душе скорей сознать весь ужас пьянства. Возьмите человека, только на-

чавшего жить; *по личному* опыту он ещё не знает, до чего доводит пьянство. Он ещё молод, здоров, полон сил. И вот этому человеку я покажу, что будет через десять лет с его сердцем, лёгкими, желудком, я расскажу ему, сколько гибнет людей от этого яда, сколько совершается преступлений, я расскажу ему, как повлияет это на его потомство, — *сам* задумавшись, *сам* начав внутреннюю работу перерождения, разве он скажет потом: бесполезно было мне всё рассказывать! Неужели надо «знающим» равнодушно смотреть, как гибнут незнающие на том основании, что и они когда-нибудь узнают *сами*.

Нет: шедше научите!

Не надо смешивать двух вещей: когда человек *сознал* грех и надеется, что ему извне «помогут» спастись, — он делает неправильно.

Но когда человек видит перед собой *несознающего* свой грех, он и может, и должен *научить* его и, научая, он исполнит прямую заповедь Христову о служении ближнему.

## РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

**В**еликий, радостный день!

К несчастным исстрадавшимся людям, погрязшим в безумной лжи, в кровавых преступлениях, сошёл Искупитель.

Волхвы увидели звезду Его на Востоке и пошли поклониться Ему.

«И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и вошедши в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и падши, поклонились Ему; и открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 9–11).

Волхвы принесли к ногам Христа сокровища свои. Потому что они знали, что родился Царь иудейский, Господь Иисус.

И если бы в наши дни люди по-настоящему веровали всем сердцем своим, всею душою своею в Искупителя мира, — они также приносили бы Ему все сокровища свои: свою жизнь, свои силы, все помыслы свои.



И тогда праздник Рождества Христова был бы *настоящим праздником*.

В этот день люди старались бы особенно много делать добра, старались бы молиться с наибольшей радостью, к людям старались бы относиться с наибольшей любовью.

Потому что они подобно древним волхвам видели бы звезду Его на востоке и подобно волхвам понесли бы Христу сокровища свои. Но нет больших сокровищ, как добро и любовь.

У нас тоже празднуют Рождество, но как празднуют. Благословляет ли, принимает ли Христос от нас то, что мы приносим Ему в рождественские дни?

Родился Господь Иисус Христос.

И ради этого дня вдруг человек начинает глотать отвратительный яд — водку, и глотает её до тех пор, пока не озвереет окончательно, окончательно не потеряет образ человеческий.

Древние пришли к Божественному Младенцу поклониться Ему.

А у нас «христиане» валяются под забором или орут безобразные пьяные песни, бьют спяна своих жён и детей.

Такое «празднование» Рождества Христова — кошунство.

Если бы мы жили две тысячи лет назад и были бы, когда родился Христос, в Вифлееме, разве осмелился кто-нибудь из нас прийти к Пресвятой Деве Марии с водкой и с безобразными песнями?

Не безумие ли было бы даже подумать сделать это.

Почему же теперь, когда мы *вспоминаем* это событие, нам не кажется таким же безумием наше праздничное пьянство и безобразиие.

Пусть все задумаются над этим. Пусть не слушают тех, кто говорит, что праздники для того и сделаны, чтобы пить водку, — и пусть каждый, подобно волхвам, принесёт в этот день ко Христу всё лучшее, все сокровища своей души.

## НОВЫЙ ГОД

«С Новым годом, с новым счастьем!»

Так будут поздравлять друг друга люди всех слоёв общества — и богатые, и бедные, и знакомые, и незнакомые, и в роскошных дворцах, и в жалких лачужках.

Все будут запивать свои поздравления вином (или водкой): старый год прошёл — родился Новый год, «молодой», который непременно принесёт счастье...

И этому желанному, грядущему счастью радуются заранее и спешат «встретить» его как можно «веселее». Но у нас под словом «веселье» прежде всего разумеется «выпивка», — а потому все спешат «выпить».

Какое счастье разумеют люди?

То счастье, которое «само приходит», которое зависит «от судьбы», «счастье» материальное, личного успеха, личного благополучия. За этим счастьем как за призрачным огнём рвутся люди, давя и толкая друг друга, и никогда его не достигая ни в старый год, ни в Новый год. Ибо настоящее *счастье* зависит от *душевного состояния* человека и достигается не внешним благополучием и от «судьбы» не зависит. Разве мало «богатых» людей [пропущено слово], и разве мало бедняков живут радостно и благодарят Бога за жизнь? Значит, «несчастье» первого и «счастье» второго зависят от того, что в *душах* их, а не в их *карманах*.

То, что обычно разумеется под счастьем, т. е. материальное и житейское благополучие, — «действительно достойно», чтобы его встречали вином и водкой. Ибо само это «счастье» есть зло — а зло подходит встречать *злом*.

Но *христиане* счастье понимают совершенно иначе, и потому ждать и встречать своё «счастье» должны не водкой, не отравой, *злом*, а совершенно иначе.

Счастье христианина — *его душа, пребывающая в любви, его радости от сознания исполненной в жизни воли Божией*.

Это счастье не может отнять ни грабитель, ни голод, ни житейские неудачи. Оно зависит прежде всего от Бога и от самого человека.

Оно не может быть связано ни с каким определением в году, ибо должно достигаться *ежедневно*. Но если уж раз в году, в определённый день установлено *вспоминать, праздновать* такую великую задачу, — то надо «праздновать» по-христиански.

Праздник «Нового года» — это праздник идеи *перерождения человеческой личности*, стряхивающей всё ветхое, греховное (старый год) для радостной *новой жизни* (молодой год). А «счастье», с которым поздравляют при этом, это то «сча-

стве», которое человек начинает испытывать, встав твёрдо на христианский путь.

Радость светлая — здесь неизбежна. Но водка, отравы, *тёмное* безумие, опьянение здесь ни при чём. И в этот день все люди должны с удвоенной силой отстраняться и убегать от него прочь.

## ТЯЖЁЛОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Нами получено следующее возражение на статью «Можно ли “учить” других»:

«Пусть и сказал Христос: “шедше научите” — я всё-таки стою на том, что каждому надо верить в свои духовные силы и постоянно делать усилия жить разумно. А будет человек верить в свои духовные силы и будет стараться жить разумно, само собою он будет и других учить всему хорошему. И вопрос: “Можно ли учить других?” — является праздным. Дело не в том, чтобы доказать необходимость “учить других”, — в это и так слишком уж много верят. Всем хочется учить, но никому не хочется учиться. Хотя об этом тоже *Христос сказал*: “приидите ко Мне и научитесь от Меня”. Об этой необходимости учиться каждому от Христа, обыкновенно, все самозванные учителя стараются умалчивать и обращают внимание людей не на Бога, познаваемого каждым в своей душе, а на какое-нибудь человеческое учреждение, где они председательствуют и говорят речи. Отправляют ради своих практических соображений всякого рода “мирские службы” и воображают, что они взяли крест Христа, отреклись от своей личной жизни и, ушедше, других научите. Но ведь теперешних учителей в крахмалках даже и сравнивать нельзя с теми, которых Христос посылал на проповедь Своего учения. Ну, скажите Бога ради, положи руку на сердце, можно ли сравнивать с этими первыми проповедниками христианства современных любителей заниматься учительством и руководством других? Никак нельзя. Как Христу, так и его ученикам не нужно было никаких организаций, искусственных объединений масс, а нужна лишь только любовь к Богу и людям и готовность ради Бога и людей отдать всю свою жизнь. Дойдя до такой высоты духовного совершенства, до полной готовности душу свою положить за други своя, им ничего иного в жизни

не остаётся, как: “шедше научите”. Они употребили все данные им Богом силы на своё духовное перерождение, и для них открылось Царство Божие, как внутри, так и вовне, им открылось и то, что людям знать не дано, и что есть в людях, и чем люди живы. И таких учителей нельзя не признавать, потому что, само собою, свет их жизни и учения во тьме светит и тьма не может его объять. Такие учителя всегда были и будут, и только ими и держится всё высшее и святое в человеческой жизни. Что же касается тех, которые учат тому, что своему разуму нельзя верить, что в деле улучшения себя и жизни не нужно надеяться на свои нравственные усилия, а надо искать помощи от какой-нибудь организации, — это обман на Святого Духа. Каждому надо жить и спасать себя от грехов прежде всего своими духовными силами и своими усилиями. А без этого никакое учение, никакое просвещение не может дать пользы».

---

Мы печатаем это возражение потому, что многие думают так же, и, разъяснив заблуждение автора этой статьи, мы тем самым разъясним заблуждение очень многих.

Всё, что говорится в этом письме об апостольском служении, о том, что таких учителей сейчас очень мало, о том, что надо самому стараться достигнуть перерождения, а не полагаться всецело на внешние организации, — всё это совершенно верно, против этого никто возражать не станет, и потому совершенно непонятно, зачем обо всём этом говорится в «ответ» на нашу статью, как будто бы мы по этому вопросу думаем иначе.

Вопрос стоял гораздо проще и уже: издаётся журнал «Трезвенник», он ставит себе задачей борьбу с пьянством, ставит себе задачей разъяснение людям всего вреда алкоголя для души и тела.

По поводу этого журнала нам пишут: «журналу вашему не сочувствуем, потому что “всё в тебе”, и вы, *уча* других, занимаетесь делом *бесполезным*».

Мы возражаем: «Надо ли учить других». В этой статье мы говорим: нет, дело наше не бесполезное. Хотя человек и должен своими силами идти к совершенству, но люди-братия и могут, и должны *помогать* ему прийти к сознанию необходимости этого совершенства.

Они могут молодым, неопытным людям помочь тем, например, что рассказать о вреде алкоголя и о всех последствиях упо-

требления этого яда, до передачи своему потомству страшных болезней включительно.

И вдруг на эту статью нам пишут: вы не апостолы!

Прекрасно, мы себя апостолами и не называем. «Трезвенник» ставит себе гораздо более скромную задачу.

И позвольте же нам, *появшим* весь ужас пьянства, разъяснить это тем, кто ещё не понимает. Неужели, если я не апостол, и на моих глазах человек хочет проглотить стакан яду — водки, — я должен рассуждать так: буду молчать, пусть его пьёт, когда-нибудь *сам* поймёт, что это зло, — «всё в тебе».

Едва ли решится кто-нибудь рассуждать так. Но ведь весь журнал «Трезвенник», вся деятельность Общества трезвости есть ни что иное, как обращение: не пейте водку, — но обращение не к одному человеку, а ко многим.

И если не следует говорить этим многим, то значит, надо было бы молчать и в том случае, когда собирается пить на ваших глазах *один*.

Но это было бы преступление, попустительство перед *братом* своим. И не примыкать трезвым людям к обществам борьбы с пьянством — преступление перед *братьями нашими*.

## ДЕТИ — НАШЕ БУДУЩЕЕ

**П**роповедь трезвости, проповедь обновления жизни — в громадном большинстве случаев направлена на *взрослых*.

Это и понятно.

Человек видит перед собой погибающего брата своего, и у него является желание спасти его, помочь ему.

Проповедь при таких обстоятельствах является непосредственным удовлетворением чувства жалости к человеку.

Но когда люди объединяются в целую организацию, в целое общество *трезвых людей*, — они в своей деятельности не могут руководствоваться только одними непосредственными чувствами, они должны смотреть дальше и шире, обращать внимание не только на *ближайшее*, — но и на *дальнейшее*, должны бороться с тем злом, которое, по тем или иным соображениям, можно ожидать в далёком будущем.

Вот почему одной из неотложнейших задач всякого общества трезвости должна быть забота о *брошенных*.

Возьмите такой пример. Вы идёте по улице. К вам подходит маленький оборванный мальчик и просит милостыню.

Вы даёте ему несколько копеек, и совесть ваша успокаивается.

Она успокаивается потому, что вы рассуждаете так: «Этот ребёнок хочет есть, я дал ему денег, он купит хлеба и насытится; я насытил, я сделал доброе дело».

Да, вы сделали доброе дело. Накормили голодного. Но вы сделали *не всё доброе дело*, вы не сделали *главного*.

Вы должны были бы рассуждать так: «Я накормил этого мальчика, но он остался жить *на улице*, он будет ночевать по притонам. И из этого ребёнка к двадцати годам вырастет преступник. Его обучат воровать, пьянствовать, развратничать. Он кончит тюрьмой, убийством, полным нравственным падением».

Вот если каждый к уличному ребёнку будет относиться, как к *жертве*, которую жизнь исковеркает и превратит в преступника, — тогда каждому станет ясно, что мало ребёнка *накормить*, надо *изменить всю его жизнь*. Как же это сделать? Взять ребёнка к себе на воспитание?

Конечно, это хорошо. Но многим не под силу. Выход из этого один: *организация детских приютов*.

Здесь не один человек, а целое общество берёт на себя дело призрения брошенных детей.

Дети — наше будущее. Мы не должны забывать это.

Брошенные дети — *наш грех*. И мы должны смыть его с нашей совести, не «милостыней» только, а *спасением детей*.

## ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Кончилась «масленица» — попили, поели, попросили друг у друга «прощение» и начали «поститься»...

Настоящие «праздники» и настоящий «пост» у нас давно уже только в *храмах*.

А в *жизни* всё идёт своим, совершенно нерелигиозным путём.

«Праздники», т. е. дни, посвящённые Богу, Церковь празднует радостными песнопениями, торжественным богослужением.

А жизнь наша в праздники посвящается не Богу, а вину и веселию, и вместо церковных песнопений народ поёт под «гармошку» полупьяные песни.

То же и в Великий пост.

Божий смысл поста остаётся в храме.

В жизни мы дальше постной пищи не идём.

Конечно, хорошо хоть и то, что не пьянствуют в пост так, как в праздники. Но было бы лучше, если бы жизнью своей приняли пост во всём его великом значении.

Пост — это воспоминание о скорбных событиях из жизни Иисуса Христа, Божьей Матери и святых. Человек должен был бы в душе своей пережить все те события, которые он вспоминает постом. Всю скорбь, всю боль, всё страдание.

Для этого, прежде всего, он должен был бы очистить свою совесть *покаянием*. Такая душевная работа положила бы отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека.

Мы постимся, чтобы после поста разговеться: постную пищу переменить на скоромную — и затем начать жить совершенно так же, как жили и до поста.

После настоящего *поста*, поста не только телесного, но и духовного, после настоящего *покаяния* и воспоминаний о скорбях Христовых, человек достойно встречал бы дни христианской радости, дни праздничные — и начинал бы жить *по-новому*.

Мы привыкли и почти уже не замечаем, что каждый год *одинаково* постимся, потом одинаково *«разговляемся»* и, постясь и разговляясь, знаем, что совершенно так же повторим это и на следующий год. У нас и в голове нет, что после поста и покаяния мы бы должны начинать не старую жизнь, а новую, достойную и нашего поста, и нашего покаяния.

Если применить это всё к вопросу о пьянстве, получится такая картина:

Человек постом пьёт меньше или вовсе не пьёт — и мечтает о том, как кончится пост и он «наверстает» дни воздержания на «праздниках». Пост не пил — на Пасху напьётся до потери сознания.

Такое воздержание — ложь и мерзость пред Господом.

Пусть наш пост будет иной.

Пусть это не будет подготовлением для усиленного праздничного пьянства — пусть это будет началом нашей трезвости.

Не будем лгать и обманывать Бога нашим покаянием. Подтвердим его нашей новой, просветлённой жизнью!

## ГОЛОДНЫЙ ХРИСТОС

«Христос воскрес!»

«Воистину воскрес!»

Смертию Своей, голгофским страданием Своим, Своим воскресением — даровав миру источник жизни вечной.

Праздникам праздник — ибо здесь торжество жизни над смертью, добра над злом, любви над насилием.

Но мы не хотим принять этой великой радости. Не хотим *воистину* воскресения Христова, и жизнь громадного большинства людей есть не что иное, как ряд безумных усилий восстановить смерть, зло, снова положить во гроб воскресшего Христа, привалить камень ко гробу Его и приложить печать.

Но сделать это — не в нашей власти.

Тогда мы делаем другое — не менее безумное: мы начинаем *мучить* Христа и снова и снова возводить Его на лобное место.

Христос сказал: если не накормите голодного, не напоите жаждущего, *Меня* не накормите, *Меня* не напоите. «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф. 25, 42–43).

Заставляя голодать людей — мы заставляем голодать Христа.

Говорят, в России голод, голодают крестьяне, мучаются крестьяне. Нет — Христос голодает, Христос мучается.

Мы будем праздновать величайший праздник: Воскресение Христово.

Но многие ли из нас вспомнят о *голодном Христе!*

В городах будет весело, радостно, празднично. Каждый для пасхальных дней постарается побольше закупить провизии, по-лучше поесть, много попить, повеселиться.

А в деревнях, пусть не во всех, но в сотнях, в тысячах — будет голод, слёзы, горе, и там будет Христос, оттолкнутый нами.

Пусть в минуты праздничной радости, в пасхальную ночь вам представится заброшенная, разорённая голодающая русская деревня. Одинокая, пустынная... Собаки воют. В избах темно. Тихо, как на кладбище. Нет ни радости, ни света. Только небо такое же звёздное, такое же прекрасное, как и над нами. Пусть, говоря «воистину воскрес», каждый вспомнит, что в разорённых



избах плачут больные дети и не плачут потому, что выплакали все слёзы, несчастные матери их, не знающие куда идти, у кого просить кусок хлеба, чтобы спасти своих детей. Пусть вспоминающие *воскресшего* Христа — вспомнят Христа *голодного*.

Только тогда можно с чистою совестью сказать:

— *Воистину воскрес!*

## ПУСТОЙ КОЛОС

**В** день «Колоса ржи» я проходил по улицам Царицына. Мне предложили купить колос. Я взял несколько колосьев, перевязанных голубой ленточкой, — оказались *пустые*.

Это неважное обстоятельство навело меня на целый ряд размышлений.

Я только что был за Волгой. Как ни старался затянувшийся холод, а жизнь взяла своё, весна всё же раскинула на деревьях пахучие, блестящие листья, трава покрыла все бугры, не залитые водой, всюду ландыши, птицы, а горячее солнце жжёт до боли. Радостно, счастливо. Дышишь — не надышишься!

А в городе уныло, враждебно, душно, — как в склепе. Но город вспомнил голодную деревню. Устроил «праздник Колоса ржи».

И роздал своим хмурым обывателям пустые колосья.

Я не хочу никого «осуждать» — я рассказываю лишь свои *думы*.

Думы, пришедшие мне в голову, когда я смотрел на пустые колосья.

Играл оркестр музыки. Платья на дамах очень нарядные. Очевидно, о внешней стороне «праздника» думали. Но очень хорошо было бы то, что соответствовало бы внутреннему содержанию. Почему же *чувство* не подсказало, что, продавая колосья в пользу *голодных крестьян*, — надо как можно *проще одеться!* Это мелочь, знаю. Но мелочь очень важная, мелочь, показывающая, что не было надлежащего *чувства*. Придёт ли в голову искренно огорчённому человеку на похороны идти в бальном платье? И придёт ли в голову страдающему за голодных идти на «голодный праздник» в таких туалетах, которые дали бы возможность — если перевести их на деньги — содержать голодную семью в течение целого года!

Неравенство — вещь неизбежная. Знаю. Но обычно мы её стыдимся. Считаем недолжной, несоответствующей идеалу, и потому

в *такой* день особенно должны были бы стыдиться. А уж никак не подчёркивать: в руках, мол, пустой колос, — а на голове страусовые перья.

Значит, внешняя форма — была неудачной.

Не было главного: *простоты*.

Другие думы мои были о другом...

Думы о том, как люди умеют губить жизнь. Умеют всё отравлять дыханием смерти.

Отравлен и колос ржи.

«Хлеб насущный» — необходимое условие бытия. Материальная основа всей человеческой жизни.

Но во что превратил её человек?

Прежде всего, одних он вовсе лишил этого блага. Создал *голод*. Других ради «хлеба» заставил забыть духовную потребность души. И наконец, самый хлеб этот из продукта «питания» превратил в страшный яд.

«Колос ржи» — источник жизни.

Колос ржи — источник водки.

Говорят, в день «Колоса ржи» в Царицыне не было «подъёма». Да откуда и быть ему? Чему особенно радоваться? Соберут несколько тысяч голодным. Помогут — это хорошо.

Но всё же: колос «пустой». И как бы весело ни играл военный оркестр — он не разгонит печальных дум...

Печальных дум о том, что страусовые перья вознесены слишком высоко, слишком велика нужда нашей деревни, слишком редко мы вспоминаем о ней, а главное, о том, что люди жестоки, тёмны и жадны и, как хлеб превратили в яд — водку, так и всю жизнь из радостного Божьего дела — в сплошной кровавый ужас.

Может ли все эти мучительные думы успокоить пустой колос ржи?

# ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦАРИЦЫН!

## О ЧЁМ НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ

(Сон)

Редактор «Обновления» ждал нового сотрудника в кабинете, куда пригласил его для беседы.

«Надо его ободрить... дать этакое направление... вдохновить...», — думал редактор, расхаживая по кабинету.

Наконец новый сотрудник пришёл.

Это был человек очень худой, очень робкий, очень бледный, в длинном чёрном сюртуке.

Редактор, видимо, предвкушая долгую, приятную беседу, плотно уселся в мягкое кресло и усадил сотрудника против себя.

— Курите?

— Нет.

— Так значит, будем работать... Народная нива, так сказать...

Помолчали.

— Я бы хотел спросить вас, — запинаясь, начал сотрудник, — насчёт тем... не найдёте ли возможным дать указания...

Редактор, видимо, только и ждал этого вопроса.

— Указаний... — многозначительно проговорил он, — вот что: я лучше дам вам указания, о чём не писать, представляя остальное вашему свободному, так сказать, творчеству... Прежде всего, конечно, относительно, ну вы понимаете?.. относительно... как это принято называть, «смертных казней»... ни одного слова... Строжайше... понимаете... Ни-ни! Инструкция, так сказать...

— Но о тюрьмах вообще можно? — спросил сотрудник.

— Ни Боже мой!.. Ни о тюрьмах, ни о тифе, ни относительно, как это принято называть, истязаний... ни полслова. Инструкция. Рекомендовано, так сказать...

— Я бы хотел коснуться вопроса об администрации... — неуверенно выговорил сотрудник.

Редактор замахал руками:

— Именно этого-то и нельзя! О чём угодно, только не об администрации! Мало ли насущных тем. Нет, вообще министерство, так сказать, внутренних дел забудьте навсегда. Пусть как бы его и не было.

— Но тогда я обращаю внимание на судебное ведомство, — довольно решительно заявил сотрудник.

Редактор подумал.

— Видите ли, — не без колебаний проговорил он, — границы-то, так сказать, не установишь... смежные министерства. Соприкасаются, так сказать... Осторожнее будет насчёт суда... не того...

Помолчали.

— Ну само собой, — начал редактор, — придержитесь от политических тем. На Балканах теперь путаница невозможная... Ну и как раз не туда и направишь стрелу-то... вы понимаете... Вообще, политика — рискованная штука... Немцы особенно... Тут, так сказать, косвенно... вы понимаете?.. Одним словом, о немцах молчок, ни гу-гу...

— Я сам не люблю политических тем, — сказал сотрудник, — и всегда предпочитаю вопросы общественные.

— Да, конечно, — с расстановкой проговорил редактор, — но и на общественные темы повремените... Время, знаете, такое... Ликвидация, так сказать... Затишье эдакое... Всякий шум вроде как бы марсельеза представляется. Повремените. А там, Бог даст, и того...

— В таком случае я сосредоточу своё внимание на местной жизни, — совершенно решительно заявил сотрудник.

— Да что вы, батюшка! — даже рассмеялся редактор, — на местные темы! Да вы меня со всем городом перессорить хотите. Нет уж, о чём хотите, только от местных тем избавьте...

Помолчали. Редактор встал.

— Ну, так вот-с. Поработаем, значит, — сказал он, горячо пожимая руку новому сотруднику. — Народная нива созрела, так сказать. Пишите горячо, сильно, искренно, и общество вас оценит. О чём нельзя писать, я вам сказал. Остальное предоставляется вашему свободному творчеству.

Сотрудник ушёл. Через два дня в «Обновлении» появился фельетон под заглавием «О чём нельзя писать», и в тот же день газета была закрыта в административном порядке навсегда...

Не всё же серьёзным людям писать о вещах серьёзных. Можно иногда писать и о смешных. Я считаю себя очень серьёзным человеком, но вот приснился же мне такой странный и смешной сон. Я никогда не имел такого разговора с редактором, у меня нет чёрного сюртука и человек я, хотя и бледный, но совершенно не робкий, — и всё-таки, как это ни странно, у меня есть совершенно бессмысленная уверенность, что всё это случилось со мной и на самом деле. Ведь знаю, что просто смешной сон. А больно от него, как наяву<sup>512</sup>.

## КАК Я ИСКАЛ КВАРТИРУ

Но лучше я расскажу вам сначала совсем о другом: о том, как посещал каторжную тюрьму.

Это было в Сибири, в одном отвратительнейшем захолустном городе.

Пожалуй, не менее отвратительном, чем Царицын. Только здесь всё покрыла серая пыль — и людей, и улицы, и небо, — а там тяжёлый холодный туман. Но тюрьма стоит на высокой горе, и туман до неё не доходит.

Я приехал «на свидание» с близким мне человеком<sup>513</sup>.

Исполнил все формальности и в определённый назначенный час подошёл к громадным железным воротам. Говорят, они весят четыреста пудов.

Часовой за решёткой оглядел меня с ног до головы и спросил: — Вы к кому?

Я сказал.

Он снова оглядел меня с ног до головы и стал докладывать по телефону в контору<sup>514</sup>.

Потом отпер ворота и впустил меня. Контора во втором этаже. Я стал подниматься по грязной каменной лестнице, а часовой всё время стоял внизу и смотрел мне в спину — пока я не отворил дверь и не вошёл в контору.

В конторе какой-то человек в форме спросил меня:

— Вы к кому?

И он так же, как часовой, осмотрел меня с ног до головы.

Я сказал.

— Сейчас доложу начальнику.

И вот, наконец, я встретился с своим другом.

Начальник — очень любезный человек. Мы сидим у него в кабинете, в креслах и разговариваем. Около нас стоит чиновник. Он держит себя очень деликатно. Стараются показать, что не слушает. Но мне всё время кажется, что и он, и начальник следят за каждым моим движением.

Мимо тюрьмы идёт крестный ход.

Начальник говорит мне:

— Не хотите ли посмотреть наше торжество. Сегодня принесли в город чудотворную икону из монастыря и служит архиерей<sup>515</sup>.

Мы все подходим к окну. И мой друг, арестант, тоже подходит. Мы смотрим в окно на длинную торжественную процессию. Слышно сквозь закрытые окна, как поют певчие. Мы стоим с моим другом совсем рядом, плечо в плечо. И я вижу, как начальник изредка, боком взглядывает на нас. Я невольно отодвигаюсь, чтобы он не подумал, что я хочу воспользоваться моментом и передать что-нибудь арестанту.

Через полчаса свидание кончилось. Чиновник любезно проводил меня до двери и смотрел мне в спину, покуда я не сошёл вниз, там встретил меня часовой и довёл до железных ворот. Я шёл впереди — он сзади.

Много пережил я в тюрьме в этот день. Но самое сильное и тяжёлое было вот именно это всеобщее, упорное *недоверие*. Все смотрят, точно ощупывая, обыскивая, подозревая. И начальник, и служащий были очень корректны, предупредительны и вежливы, но за всей этой любезностью я видел, что «по долгу службы» во всяком посетителе, а в том числе и во мне, видят человека немного «подозрительного».

Мне кажется, если бы я попал в тюрьму, то больше всего страдал бы именно от этого. Так и хочется сказать: ну обыщите, осмотрите и перестаньте же, наконец, смотреть...

Конечно, на то и тюрьма. Уж какое там «доверие».

А теперь о квартире.

Я хочу «созерцать» Царицын издали, потому решил переехать за Волгу<sup>516</sup>.

Отправляюсь искать «квартиру».

Вхожу в первый дом. Со всего двора сбегаются ребятишки и безмолвно осматривают меня со всех сторон. Какая-то баба несла воду. Она останавливается и замирает, как статуя. Наконец, является хозяйка.

— Вам квартиру?

— Да, квартиру.

— Та-ак...

И она смотрит на мою шапку, на рукава пальто, а особенно долго на башмаки.

Мне делается неловко, и я говорю:

— Можно посмотреть?..

— Можно... отчего же... — тянет она, не спуская с меня испытующего взгляда. — А семейство большое у вас?

— Никакого семейства нет... я один.

— Та-ак... — тянет баба и ещё упорнее разглядывает мои ботинки.

Я уже вижу, что она «сомневается» во мне. И чтобы хоть немного успокоить её, говорю:

— Ко мне будет прислуга ходить...

— А сами-то вы здешний?..

— Нет... то есть собственно я живу здесь... но родился не здесь, — путаюсь я.

— Та-ак, — зловеще тянет баба. Я совсем теряюсь и чувствую, что я «подозрителен» — в высшей степени «подозрителен»

Баба пропускает меня вперёд, сама идёт сзади, и я чувствую на спине её взгляд.

«Квартира» оказывается грязная, скверная и неудобная.

Говорю: «не подходящая». Выхожу на улицу и начинаю «искать» дальше.

Из ворот выбегает баба и кричит:

— Вам квартиру что ли, а?

— Да, да! — говорю я обрадованно.

Подхожу. Баба молча выжидает моего приближения.

«Господи, — думаю я, — неужели опять то же?»

А баба, точно по команде, опускает свой взгляд на ботинки, и начинается:

— Вы здешний?.. А семейство большое?.. Одинокий?.. Та-ак!..

Но всякой пытке бывает конец. Наступил конец и этой. Нашёл новенький хорошенький дом, кругом ни души: как раз для «одинокого». Хозяин живёт в городе, сапожник.

Еду в город.

У меня есть некоторый «козырь». Я знаком с здешним батюшкой. Разумеется, пускаю свой «козырь» в ход с первых же слов.

— Мне батюшка советовал снять вашу квартиру, — важно говорю я.

Сапожник одобрительно кивает головой.

— Я буду хороший жилец, — спешу я на всех парах заслужить его «доверие», — тихий, одинокий, стряпать не буду.

— Не будете?.. — подозрительно косится на меня хозяин.

— То есть буду... только у меня керосинка. Понимаете, эдакая небольшая керосинка... Потом к батюшке буду ходить... Батюшка — мой хороший знакомый, я у него остановился... То есть, собственно, ещё не остановился... но хочу остановиться...

Я путаюсь. Хозяин поматывает головой...

— Вы чем же занимаетесь?

— Я писатель...

— Та-ак...

— Я в газетах пишу!.. — стараюсь я изо всех сил.

Наконец, с грехом пополам, всовываю ему задаток и ухожу...

Снял!

На следующий день с возом, нагруженным всяким скарбом, переезжаю в свой особняк.

Переехали на перевозе. Вязнем в песке. Впереди медленно тащится воз, сзади иду я.

И вдруг навстречу хозяин.

— А я вас поджидаю. Получите-с задаток назад. Не согласен-с. Я столбенею...

— Но как же вещи? И вообще... Это безобразие!.. — бормочу я.

— Не могу-с!

— Да почему же?

Он начинает рассказывать про какую-то телеграмму. Но я вижу, что просто я кажусь ему подозрительным.

— Я не жулик, право же, не жулик, — начинаю я с жаром убеждать его, — и батюшка меня знает. Я литератор. И сочинения у меня свои есть. Вот приедем, я вам покажу... Я буду очень тихий



жилец... И потом, это чорт знает что такое... Куда же теперь мне деваться с вещами?!

Мало-помалу хозяин «входит в моё положение», и мы едем. Вот и особняк.

Начинаем разбирать вещи. Лицо хозяина проясняется. Он умильно смотрит на три моих стула, стол и две кастрюли и говорит:

— У вас и обстановочка есть... А я думал, вы одинокий!

Я расставляю свою «обстановочку» и, чтобы придать себе ещё больше весу, говорю:

— Кровати у меня нет, но мне её привезёт батюшка.

Хозяин отнесится к этому с видимым недоверием. И спрашивает:

— А вы давно в царицынских газетах пишете?

— Я не пишу, но буду писать<sup>517</sup>.

— Будете ещё! — с явной иронией говорит он.

— Ну да... Я раньше писал... В другой газете писал. А теперь буду в этой.

— В другой писали...

— И в журналах... И у меня есть несколько отдельно изданных книг...

Хозяин смотрит на меня в упор. И в глазах его я читаю: «Знаем мы, что ты за птица!»

Положение моё становится невыносимым.

— Давно здесь живёте-то? — доканывает он меня.

— Третий год... То есть я не живу. Но бываю...

— Бываете?..

— Да, бываю. Я был в Москве и Петербурге. А здесь у меня друзья... даже родственники. Я одинокий человек...

Я чувствую, что пропал. Совершенно пропал. Что хозяин мне не верит ни на грош. И что впечатление от моей «обстановочки» рассеялось, как дым.

Но в эту самую минуту случилось почти чудо.

От батюшки привезли кровать. А через несколько минут и сам он показался собственной своей персоной.

Хозяин посмотрел на меня с уважением. И сам я приосанился, как настоящий литератор.

Батюшка задал ему несколько хозяйственных вопросов и спросил меня, не хочу ли я ехать кататься в лес. Я согласился. Батюшка пошёл за лошадей. Хозяин совсем примирился со мной.

— Так вы, значит, с бабушкой в приятельских отношениях? — сказал он.

И я почувствовал, что наконец-то он мне верит. И что теперь уж мы будем с ним приятели.

---

Я заговорил о тюрьме недаром. Всё время, пока я искал квартиру, — я вспоминал своё посещение каторжной тюрьмы: то же оглядывание с головы до ног, то же ощупывание глазами, то же тяжёлое, упорное недоверие и скрытая мысль, что ты «подозрительный».

Полно, уж не превратилась ли вся русская жизнь, в смысле этого взаимного недоверия, — в каторжную тюрьму?

Ведь «реакция» заключается в недоверии к обществу. Ну а *общественная* реакция — не заключается ли она в недоверии друг к другу? И когда теперь человек подходит к другому, его обязательно осмотрят от шапки до ботинок и подумают: ой, жулик!

А более испуганные обыватели, вот те самые, которые живут в «особняках», за Волгой, подумают другое: уж не беглый ли?

Суть одна: не верят друг другу. Потому и «разделились», потому и стали все «сами по себе».

Но ведь это философия!

Как никак, квартиру, с Божией помощью, снял. И теперь начну наблюдать Царицын. О том, что я в нём «издали» увижу, — буду рассказывать вам без прикрас.

## СОЛЬ ЗЕМЛИ

**В** собрании Благовещенского братства<sup>518</sup> произошёл очень характерный обмен любезностями между «прихожанами» и «духовенством».

— Вы — соль земли, — сказал один из прихожан, обращаясь к благочинному.

— Нет, вы — соль земли, — ответил благочинный «прихожанину».

Истинно христианская скромность!

Как бы ни было, вопрос об этой самой «соли» очень серьёзный. Для верующих людей — это вопрос жизни и смерти. Для неверующих, но *живых* людей — это вопрос громадного обще-

ственного значения. Ведь духовенства в России с лишком сорок тысяч, не считая монахов<sup>519</sup>. В силу бытовых условий русской жизни оно близко соприкасается с «деревней», с народом. Это есть *сила*, которая может служить и свету, и тьме в зависимости от того, куда будет направлена.

Обе стороны — и духовенство, и «миряне» — так упорно отказываются называться «солью земли» по той простой причине, что не хотят брать на себя «вину», так как понимают, что в Церкви творится нечто недоброе. А кто «соль» — тот и виноват<sup>520</sup>.

Так вот кто же виноват, что сорок тысяч священников, которые могли бы являться руководителями и просветителями народа во всех тёмных углах России, вместо того являются простыми «требоисполнителями», «чиновниками», почти никакого влияния на народ не имеющими? Возможно ли то «сближение», о котором шла речь на заседании братства? И что надо, чтобы это «сближение» было не на словах, а на деле?

Вопрос такой большой и такой сложный, что на него, разумеется, сразу не ответить.

Его надо поставить не так широко, а применительно к Саратовской епархии. Вот к тому самому, о чём говорилось на заседании братства.

Отцы вдруг заговорили о сближении с приходом. И спрашивают «что для этого нужно?».

Очень много и очень немного: *быть пастырями*.

С кем может сейчас «сближаться» «член Церкви» и на какой почве?

Батюшка придёт на Рождество, на Пасху. Его позовут венчать, хоронить, крестить. Вот и всё «сближение». Он даже в лицо своих «пасомых» не знает.

Это во-первых. Причина «общая».

А вот и частная, царицынская:

Благодаря деятельности о. Илиодора, опирающегося на известные «связи», уважение к духовенству уменьшилось.

Фактически, о. Илиодор «командует» духовенством гор. Царицына. Ему обязан своим удалением о. Мраморнов<sup>521</sup>. По его указанию о. Михаил, над которым назначено следствие по весьма серьёзным обвинениям, с Французского завода переходит в «город» на лучший приход<sup>522</sup>. Ни один священник в городе Царицыне не знает, где он очутится завтра, т. к. оценка священ-

ника зависит не от его деятельности, а от степени сочувствия о. Илиодору<sup>523</sup>.

Священников нельзя судить слишком строго. У них дети — их учить нужно. Стоит ли «ссориться» с о. Илиодором и тем рисковать отправиться в захолустный приход? И батюшки «отмалчиваются», а более «предприимчивые» и с менее чуткой совестью уподобляются племяннику, который вышел в люди, держась за «тётькин хвостик»<sup>524</sup>, — так они держатся за Илиодоровскую рясу.

А в конечном итоге духовенство потеряло последний моральный авторитет, какой имело.

Возможно ли говорить о «сближении», когда «ревнители Церкви» *не верят* своим пастырям?

Даже больше: когда духовенство начинает толковать о сближении — так и кажется, что и *само-то оно* в свои слова не верит!

А если говорит эти «хорошие слова», то — так себе, «для отписки».

Кто же «соль земли»?

Да *должны* бы быть и *те, и другие*. И пастыри, и народ. Потому что каждый *человек* должен быть «солью».

А на самом деле, разумеется, — ни те, ни другие.

## «ПОСИДИТЕ ДОМА»

По распоряжению гимназического начальства воспитанники местных среднеучебных заведений не были допущены на публичные лекции Поссе<sup>525</sup>.

Очевидно, нашли «вредным». Особенно первую лекцию: помилуйте, «брак», «семья и школа», «невинность и наивность»... Мало ли что может случиться! Вдруг лектор скажет что-нибудь «неприличное»? Кто его знает? Приехал из Петербурга, там и Арцыбашев бывает, — долго ли до греха!

И вот «осторожное» начальство, денно и ночью пекущееся о «целомудрии» своих воспитанников, издало мудрый указ: сидеть дома и ни на какие лекции не ходить.

Словом: «педагогия» на всех парах!..

Бедная царицынская молодёжь. Не для «красного словца» говорю это — воистину бедная! Ведь подумать только: жить годы, долгие годы до университета, в скучном, полумёртвом городе,

где неоткуда услышать живое слово, негде увидеть живого человека, и вот, когда случай даёт возможность хоть один вечер провести по-человечески, испытать хоть какой-нибудь «духовный подъём», послушать, поволноваться, соприкоснуться с ярким миром идей — вдруг: стоп!.. «посидите дома».

Неужели «начальство» не понимает, что для «воспитания» одна такая лекция важнее, чем все неправильные глаголы, взятые вместе. Само бы, само оно должно было *посылать* на лекции своих воспитанников.

Ведь Царицын ваш — стоячее болото. Всюду плохо. Но ваш город — «всем городам город». Живые-то души задыхаются здесь. Молодёжи надо *развиваться*. Кем бы кто там после ни был — а уж образованным человеком надо стать непременно.

*Образование* не в том, чтобы знать, когда жил Рамзес II, — а в том, чтобы уметь разбираться в жизни окружающей и самому уметь жить, как следует. Для этого прежде всего надо научиться *мыслить и чувствовать*.

Вот почему живое слово мыслящего и чувствующего человека так необходимо в деле воспитания.

И чего, спрашивается, «испугалось» начальство? Ведь Поссе, слава Богу, не первый раз выступает перед публикой. Это — *известный публицист*. И всякий, кто хоть немного читал его, не имеет права бояться, что он скажет что-нибудь «неприличное».

Вообще, до чего смешны все эти попечения о целомудрии учащихся!

Слово «брак» пугает. А в любом книжном магазине можно купить произведения Арцыбашева, Соллогуба, Каменского и прочее, и прочее, и прочее, в которых сколько угодно самой настоящей порнографии. Так неужели же кто *захочет* не купит. Ещё как купит-то.

Неиспорченному мальчику всё это противно до отвращения. А испорченный, сколько ни оставляйте его дома, — прекрасно найдёт дорогу и в Конкордию, и куда-нибудь ещё похуже<sup>526</sup>. Надо жить с зажмуренными глазами, чтобы серьёзно думать, что молодёжь, читающая современную литературу, может быть наивна, как институтка. Теперь надо заботиться не о том, чтобы «ничего этого не знали», а о том, чтобы по-человечески, а не по-скотски к этому относились. Дети наши сплошь и рядом изучают «половой вопрос» по кухням, по дворницким — вот с чем надо

бороться. А бороться с этим можно только путём вот таких лекций и серьёзных научных книг.

Но у царицынских педагогов вообще удивительные взгляды на вещи. Недавно мне рассказывали, как одна «воспитательница» в местной женской гимназии объясняла, что неприлично сказать «у меня вспотел лоб», а надо говорить «я испаряюсь посредством лба». Это очень похоже на анекдот, но, к глубокому сожалению, — правда.

Такие «педагоги», разумеется, не поймут, что институтское «поведение» — грубый самообман, который ведёт на практике к настоящей испорченности.

Надо пробудить в людях высшие интересы, заставить их серьёзно относиться к жизни, надо сделать из них образованных людей, — и тогда сами они с отвращением отвернутся от всякой грязи.

И я думаю, что лучше бы всего сделали «педагоги», если бы они в такие вопросы не вмешивались вовсе, — а предоставили бы решать их родителям, которые лучше знают своих детей, и степень их развития, и степень их испорченности.

## НЕРВЫ И НРАВЫ

У каждого города есть своя «общественная физиономия».

У Царицына нет никакой «физиономии».

Это отсутствие определённой физиономии — самая характерная для него черта.

Город — без общественного мнения.

Иначе и быть не могло: Царицын вырос в несколько десятков лет, сразу «разбогател», из деревни превратился почти в «губернию»<sup>527</sup>.

Не успели сложиться свои особые формы общественной жизни, свои «традиции». А жизнь не ждёт. Жить надо. Вот и живут, как Бог на душу положит. Не считаясь ни с кем и ни с чем. Лишь бы до полиции дело не доходило. А то — всё можно!

Нет того, что в моральном отношении способно сдерживать людей сильнее всякой внешней силы: *общественного мнения*.

Всё же в Царицыне живут люди. Пусть не организованные в «общество», но существа чувствующие и мыслящие. И потому, казалось бы, когда кто-нибудь из «граждан» совершает вопиющую

мерзость, — то остальные невольно должны на это как-нибудь реагировать. Уж если не как *общество* — то, по крайней мере, просто, как люди. Пусть нет «общественного» негодования — могло бы быть просто «человеческое».

Но и этого нет.

Почему же?

Виноват о. Илиодор и *нервы*.

Я совершенно серьёзно говорю.

Деятельность о. Илиодора совершенно притупила *нервы* у обывателей. Нет теперь таких «сильных впечатлений», которые бы могли кого-нибудь «поразить». Всякий невольно думает: «Ну, на подворье и не то бывает!»<sup>528</sup>

Это всё равно, что холера. Раньше бывало один-два случая — общая паника. Теперь привыкли. Нервы притупились. И два-три десятка — ничего.

Раньше публично обругать людей «дураками» — это значило вызвать общее возмущение.

Теперь пустяки: «библейское выражение»!

«Рече безумец (т. е. дурак) в сердце своем: несть Бог».

И я уверен, что, если о. Илиодор, опираясь на другой текст: «зубы грешников сокрушил еси»<sup>529</sup>, — перейдёт от «библейских выражений» к «библейским действиям», это никого не поразит.

Нервы притупились. В самом деле, можно ли после черепов, сожжения гидр, квача, катакомб и, наконец, самого Антихриста «волноваться» от какой-нибудь житейской мерзости?<sup>530</sup>

И «царицынские граждане» не волнуются.

Раньше у них была мёртвая *общественная* жизнь. Теперь сами они превратились в полумёртвые существа.

Какое-то полупараличное состояние.

И когда жизнь ударит их, да так ударит, что в другом городе у человека вся душа перевернулась бы, — они только руками отмахиваются:

— На подворье и не то бывает!

---

В самом деле, разве где-нибудь в другом, «порядочном» городе могло бы случиться что-нибудь подобное тому, что случилось с царицынским музыкантом?

То есть оно могло бы, конечно. Такая мерзость всюду возможна. Но во всяком другом городе такой «музыкант» улетел

бы в двадцать четыре часа, потому что ни один порядочный человек не подал бы ему руки. И несомненно, что самое сильное негодование он вызвал бы у *ближайших своих товарищей*. Они не старались бы всеми правдами и неправдами замять дело, а первые вывели бы такого «артиста» на свежую воду.

Но что будешь делать: «на подворье и не то бывает!»...

С точки зрения «притупившихся нервов» — всё представляется так просто: учитель музыки целует и обнимает за талии четырнадцатилетних учениц. Когда его бьют по физиономии — удивляется:

— Разве это вам так неприятно?

Ну стоит ли из-за таких пустяков поднимать историю? Ведь поцелуй — не «Бог знает что». Очень может быть, что «товарищи» артиста, в «курилке», даже одобрили его: молодчага! Может быть, весело «пошутили»: почему, мол, и не поцеловать, если хорошенькая?

Я даже уверен, что почти так именно и было: потому что в таких вопросах можно или возмущаться, или сочувствовать. Раз не возмущаются — значит, сочувствуют. Очевидно, «нервы» так отупели, что люди даже понять не могут, что «поцелуй», «ухаживание», «флирт», по отношению ребёнка в четырнадцать лет, есть такая мерзость, которой и названия на языке человеческом не придумаешь. Ребёнка посылают *учиться*; музыка одно из величайших, поистине «святых» искусств; вам поручают детей, чтоб вы научили их этому «святому» искусству, которое для многих в будущем — единственная радость в жизни.

А вы лезете с своим «ухаживанием» да ещё удивляетесь:

— Неужели вам уж так неприятно?

Мало вам открытых сцен и «бульваров». Оставьте детей-то в покое.

Господи, всё это так ясно!

Но: «тупые нервы»!..

И в результате всё дело ограничивается тем, что на уроки сажают «классную даму».

О, верх мудрости!

Спрашивается: а что, если «музыкант» окажется так «проворен», что воспользуется «моментом», пока классная дама отвернётся?

Кроме того: что должны испытывать *порядочные* ученицы, когда их заставляют продолжать брать уроки у такого господина?



И наконец: с каким чувством *родители* могут отпускать на урок своих детей, когда они знают, на что способен «педагог-музыкант»?

«Классная дама» — это апофеоз о. Илиодора, доведшего царицынских обывателей до бесчувствия.

Я знаю, святых людей на свете немного.

Может быть, нельзя требовать с каждого чистоты и непорочности. Но есть всё-таки «минимум» нравственности, который нельзя нарушать безнаказанно. Такое «наименьшее» нравственности именно в том и заключается, что *дети неприкосновенны* и что нельзя смешивать два «ремесла»: ремесло учителя и совратителя. Когда дети станут взрослыми, тогда их дело: будут им нравиться ваши объятия — и прекрасно, они сами себе господа. Знают, что делают. Но всякий, прикасающийся своими грязными лапами к *ребёнку*, — должен быть изгнан прочь.

Впрочем, всё это я говорю о «живых людях». А для «полупаралитиков» довольно и «классной дамы»!

---

Я взял нарочно пример самый-самый *очевидный*, где сразу затрагиваются и учителя, и родители, и граждане.

И если здесь обнаруживается у царицынского «общества» такая «нервная» тупость, то надо ли удивляться, что событие более «частное» — отчёт о «деятельности» биржевой артели — проходит уж совсем в каком-то полусне.

Конечно, «пьяный акт» артели нельзя сравнивать ни с «гидрой», ни с Антихристом. Но на свежего человека он всё же может произвести сильное впечатление.

Как будто бы читаешь не акт ревизии биржевой артели, а отчёт буфетчика, в ресторане третьего разряда, своему хозяину:

«По счёту № 8 на угощение членов об-ва взаимного кредита  
6 р. 50 к.<sup>531</sup>

По счёту № 40 на угощение кого-то 2 р. 50 к.

По счёту от 6 июня — на водку и закуску 3 р.

По счёту от 9 июня — на водку и закуску 9 р. 65 к.

На водку и закуску 5 р. 40 к.

На водку и закуску 28 р. 80 к.

На водку и закуску 6 р. 20 к.

На водку и закуску 4 р. 00 к.

На водку и закуску 74 р. 75 к.

На водку и закуску 3 р. 30 к.»

И пр., и пр., и пр.

Не «биржевая» артель, а артель «зелёного змия»!

И вот, при обсуждении этого изумительного акта некто Покровский<sup>532</sup> обмолвился классической фразой:

— Это всюду бывает, без этого нельзя.

Ведь в этом «афоризме» весь Царицын, как на ладошке.

Люди занимались тем, что на чужие деньги «угощали» и «угощались», всю «деятельность» свою свели к водке и закуске, а полусонный, отупевший от «гидр» и «черепов» царицынский обыватель лепечет в полусне:

— ...Всюду бывает... без этого нельзя...

Да мало ли что бывает!

Разве не бьют купцы зеркала в пьяном виде, не устраивают себе ванны из шампанского? А один так вот недавно купил у Дурова учёную свинью за несколько тысяч, заморил её и съел<sup>533</sup>. Всякое бывает.

И что бы сказал г. Покровский, если бы ему представили счет: «На ванну из шампанского — 300 рублей.

На угощение такого-то учёной свиньей 1000 рублей».

Может быть, проснулся бы и закричал «караул, грабят»?

Проснулся бы потому, что это произвело бы на него впечатление более сильное, чем грядущее пришествие Антихриста.

А пока дело касается «водки и закуски на 3 р. 30 к.», все благодушно улыбаются.

Стоит ли возмущаться?

На подворье и не то бывает...

---

Можно было бы привести примеров великое множество для доказательства того, что «нервы» у царицынских жителей окончательно притупились и что «безличный» город стал «паралитичным» городом.

Но и приведённых достаточно.

Гораздо интереснее другой вопрос, чем же это в конце концов кончится?

А вот чем.

Вчера я ездил в лес, на озёра ловить рыбу. Места мне незнакомые, какие-то маленькие «хутора», землянка, вросшая в землю, и всюду грустный, облетевший осенний лес. Высоко над нами

пролетели два лебедя. И от этого почему-то всё кругом показалось ещё более грустным, «заброшенным» и одиноким.

— Какая глушь, — сказал я.

— Это ещё что, — возразил мой спутник. — Здесь всё-таки культура: часы есть!

— Часы?

— Да. А вот я жил подальше отсюда, так и часов нет. Купила одна крестьянка, богатая, приходит к моей родственнице в гости. И очень ей хочется сразу две вещи рассказать: и то, что часы купила, и то, что бессонницей страдает. Думала-думала, да и говорит:

— Всю ноченьку я вчера не спала... Легла этта... Слышу, пять часов бьёт — не сплю. Шесть — не сплю. Семь — не сплю... Нет-то, нет-то в восемь часов заснула.

Вот этим самым кончится дело и в Царицыне.

Часы уже куплены. «Культуры» хоть отбавляй. Теперь остаётся в пять часов ложиться спать и нет-то, нет-то к восьми погрузиться в сон.

А там и полнейшее одичание не за горами<sup>767</sup>.

Это непременно так будет.

Уж если общество сейчас так одичало, что как ни в чём не бывало терпит в своей среде царицынских «музыкантов» и с милой улыбкой читает отчёты о деятельности «артели Зелёного Змия», — то очень скоро ничего больше ему не останется, как спать, спать и спать.

Очевидно, и сейчас человеческая жизнь *высшего* порядка отсутствует. А если нет высшей жизни, то всё неминуемо сведётся к тому, чтобы пить, есть и спать. Изредка разве, при воспоминании о «человеческой» жизни, будет налетать «бессонница». И тогда, вместо пяти, царицынские обыватели будут засыпать в восемь часов.

Шутки шутками, господа, а, поверьте, свежему человеку душно у вас, тоскливо. А иногда и стыдно и больно.

## ЦАРИЦЫНСКИЙ МУЗЫКАНТ

Не успела утихнуть история с астраханским свящ. Строковым<sup>534</sup>, как новая история с «царицынским музыкантом» свидетельствует нам всё о той же страшной язве нашего времени: нравственном разложении и половой распущенности.

Правда, дело с «царицынским музыкантом» не так серьёзно. Пока что «педагог» не шёл дальше поцелуев, рукопожатий и объятий. Но, во-первых, и этого достаточно. А во-вторых, не шёл только благодаря разоблачениям газеты «Царицынская мысль» и благодаря дирекции Музыкального общества, которая после расследования предписала «музыканту» подать в отставку.

Но и здесь, и там пострадавшими оказываются *дети*. Газеты теперь почти ежедневно сообщают о гнусных насилиях опять-таки над *детьми*. Очевидно, мы дошли уже до последней ступени одичания, если начинаем осквернять даже детей своих<sup>535</sup>.

«Половой вопрос» — один из самых сложных и запутанных вопросов, как с точки зрения социальной, юридической и моральной, так даже и с точки зрения религиозной. Для многих здесь лежит страшная трагедия и *идейная*, и *жизненная*. Но есть один пункт в этом вопросе, на котором все сойдутся без исключения — и Толстой, и пропагандист многожёнства Розанов, и аскет Вл. Соловьёв, и арцыбашевский Санин, — этот пункт гласит: дети неприкосновенны.

Мы все в грязи, кто больше, кто меньше. У каждого есть что вспомнить с чувством жгучего стыда и раскаяния. Но все эти «падения» не безнадёжны, пока в них не перейдена какая-то грань. И мне кажется, что человек, у которого шевельнётся грязная мысль по отношению ребёнка, — тем самым свидетельствует, что он перешёл именно эту грань, за которой начинается беспросветное духовное озверение.

## ОБИДЕЛИСЬ

**И**з отчёта о расследовании истории с царицынским музыкантом, напечатанного в «Царицынской мысли», узнал, что директор Музыкального общества<sup>536</sup> «обиделись», что я назвал их «полупаралитиками».

На Руси всегда так, скажи: городничий Сквозник-Дмухановский взяточник — все городничие примут на свой счёт и обидятся.

Директоров Музыкального общества я не знаю и, вероятно, никогда не узнаю; паралитики они или нет, об этом ни слова не писал и вообще нравственной физиономии их не касался.

Речь шла, во-первых, о *царицынском обществе* и, во-вторых, о царицынском музыканте и его ближайших товарищах. Что некоторые из ближайших товарищей «всеми правдами и неправдами» стремились дело замять — это теперь уже факт несомненный.

А если некоторые товарищи в том укрывательстве не участвовали, то обвинение моё к ним и не относится и «обижаться» им решительно нечего. Я же, с своей стороны, могу только радоваться, что среди мёртвого царицынского общества оказались живые люди.

Но что общество мёртвое, на этом настаивал и настаиваю теперь с удвоенной силой.

Никогда я не поверю, что заметка «Царицынской мысли» о Маковском была «откровением» для царицынских граждан и что они из неё впервые узнали о «педагогической» деятельности царицынского музыканта.

Об этом говорилось в гимназиях, на уроках. Ученицы приходили домой и рассказывали родителям. Об этом знал весь город, кроме г. Орлова и «Царицынского вестника».

Почему же, спрашивается, помалкивали? Да потому, что никому не хочется в полумёртвом городе «начинать истории». Здесь до того перепутаны все понятия, что вывести на свежую воду такого господина считается «историей», а не *общественным делом*<sup>537</sup>.

Из отчёта видно, что Маковский и Орлов «умолили» некоторых воспитанниц замять дело.

Я хорошо понимаю, что можно под влиянием великодушия простить «личную» обиду. И что вообще жалость — вещь хорошая.

Но при данных обстоятельствах «прощение» опять-таки свидетельствует о полнейшей путанице понятий. Личную обиду прощать можно и должно. Но давать возможность человеку продолжать развращать детей — это уже не «прощение», а косвенное *соучастие*. Я смело говорю *развращать*, потому что то, что делал г. Маковский, заслуживает именно этого названия.

Очень может быть, что никаких «серьёзных» попыток оскорбить учениц он и не делал. И потому, может быть, они так склонны были к «прощению»! Но это доказывает только, что сами они не понимали, насколько преступно всё то, что позволял себе царицынский музыкант: привнесение в преподавание флирта. Самый дух, самая атмосфера «ухаживания», которую он создал на

уроках, есть уже преступление, потому что речь идёт о *детях*. Вот это-то и не могут, очевидно, понять. А потому не могут понять и того, что молчать, защищать, прощать — в данном случае значит расписываться в той же мерзости.

Мёртвый *город!* Только здесь возможны подобные истории. Только среди мёртвых людей возможно было появление Илиодора, только полнейшее разложение и чудовищная некультурность может порождать такую газету, как «Царицынский вестник». И великое множество больших и малых фактов — свидетельствуют всё о том же: о духовном одичании, об отсутствии общественной жизни и общественного мнения, о «полупараличном» состоянии людей.

Я был бы глубоко счастлив, если бы хоть немного мог содействовать «пробуждению».

Но, надо правду сказать, надеюсь только на молодёжь, которая не успела ещё покрыться грязью и пылью: только к ней и обращены мои *положительные* призывы. Со взрослыми речь о другом: когда в их среде делаются мерзости, стараться вывести их на свежую воду, когда хотят мерзость «затушевать», — беспощадно пригвоздить её к позорному столбу.

## «НА ОБЩУЮ ТЕМУ»

**Т**яжело писать на местные темы, о так называемой «местной жизни», потому что в Царицыне никакой местной *жизни* нет.

Я знаю, обыватели интересуются паразитами того болота, в котором они живут, но я бы хотел звать их совершенно прочь из него, я бы хотел не «освещать» им болото, а побуждать их вырваться наконец на вольный простор.

Найдутся люди, которые расскажут о том, кто и какую гнусность совершил из «граждан» г. Царицына. Вы прочтёте о том, кто обокрал городскую кассу, кто учинил мошенничество и пр., и пр. Ведь вы жадно ловите газетный листок, потому что вам недостаточно той пыли, в которой живёте сами, вам хочется видеть пыль и гнусность, в которой живут другие. Злорадствуют, смакуют, копаются, пачкают себя и других.

Но не лучше ли обличить этот смрад, сказав живое слово о том, какою жизнь *должна быть*.

И нет у меня других слов, других мыслей, других настроений, — кроме призывов прочь из болота совсем.

Ибсен в одном стихотворении говорит, что он не любитель переставлять фигуры, расположенные на доске, но переверните всю доску — «я ваш работник»<sup>25</sup>.

Только о том, что доска должна быть опрокинута, и хочется писать по-настоящему.

Не в докторе Вермане дело, не в Пятакове и не в Гусеве<sup>538</sup>. Сколько ни копайтесь в этом, всё останется на прежнем месте.

Надо всю жизнь перевернуть, всю доску выбросить вон, надо прорвать заколдованный круг, отделяющий нас от настоящей жизни, разорвать цепи, которые сковали нас.

Я помню, однажды Серошевский читал доклад об освобождении Польши<sup>539</sup>. Кто-то в прениях предложил обсудить вопрос и об освобождении польских женщин, об их равноправии.

Серошевский улыбнулся и сказал: освободите Польшу, а уж полек-то мы освободим.

Пусть же освободят люди свои порабощённые души, а уж всякие Пятаковы да Гусевы как чад рассеются от порыва свободного ветра. Освободите себя от болотных интересов, живите интересами высшего порядка, — а уж от Гусевых освободиться сумеете.

Нет у меня слов для обличения Пятаковых, когда хочется обличить всю жизнь, и нет призывов к освобождению от липкой паутины, когда хочется говорить о том, что цепи, сковавшие нашу полумёртвую жизнь, должны быть сорваны вовсе!

## ОСЕННЯЯ СКАЗКА

**П**режде всего, во избежание всяких недоразумений, заявляю: Речь идёт не о Царицыне, и даже не о России, а о некотором государстве, находящемся за тридесять земель, в тридесятom царстве.

Таким образом: прошу не обижаться, на свой счёт ничего не принимать и никаких опровержений в «Царицынском вестнике» не писать.

Я никого не обличаю, не разоблачаю, не уличаю — а просто рассказываю сказки.

Ничего не поделаешь: осень так действует на меня.

Слушаешь, слушаешь, как за окном поёт осенний ветер, а в окна барабанит холодный дождь, и загрустишь, и отдашь-ся фантастическим грёзам. Но, видно, все мы отравлены теперь «злободневностью». И сказки выходят у вас не весёлые, не радостные...

Однако, буду рассказывать по порядку.

Осенью я почему-то вижу сны из гимназической жизни. Как будто бы я ещё учусь в гимназии и мне предстоит держать трудный экзамен: просыпаешься с головной болью и долго не можешь успокоиться.

Гимназические воспоминания, очевидно, залегли в душу навсегда, как тяжёлый, мучительный кошмар.

И неудивительно, нас ведь просвещали не на шутку: задавали переводы с латинского на греческий!

А учителя — Боже, что это были за ископаемые! Такие экземпляры только и возможны за тридесять земель в тридесятom царстве.

Один, например, — звали его Пётр Константинович, а по прозвищу «Пёс Скотиныч», — взойдёт, бывало, на кафедру и безмолвно начинает ковырять в зубах. Операция эта длится минут десять и более.

Не выдержишь и начинаешь смеяться.

— В угол! — кратко говорит Пёс Скотиныч.

Покорно идёшь и из «угла» спрашиваешь:

— Лицом или затылком?

Боже мой, какой подымается скандал:

— Ты, аж, издеваешься, мошенник! Я, аж, тебе не болванчик... Лицом, лицом, мошенник!..

Великолепен был ещё законоучитель<sup>540</sup>. За необыкновенный светло-рыжий цвет волос мы прозвали его: «Жёлтый».

Его страсть была — остроумие.

В таком роде, например:

Спрашивает «Жёлтый» ученика о свойствах Бога-отца. Ученик путает и перечисляет свойства Бога-сына.

«Жёлтый» не перебивает, даёт ответить до конца, потом улыбается и говорит:

— Я тебя про Фому, а ты про Ерёму!

Вот как учили нас. И это было не так давно: лет двенадцать тому назад.



Но вот в чём вопрос: намного ли изменилось в некотором государстве школьное преподавание за эти годы?

Вопрос страшно серьёзен. Гораздо более серьёзен, чем думает большинство. Плохая школа может быть наполовину виной тому, что вырастают плохие люди.

Вы представьте себе какой-нибудь городишко за тридевять земель. Захолустье страшное. Жизни никакой. Изредка скандал в Думе, или в монастыре, или в каком-нибудь «обществе» — вот и все «события». Театр прозябает. Артисты объезжают это захолустье за сотни вёрст. А если, случится, по недоразумению, приедет, положим, Гофман<sup>541</sup>, — так всё равно будет играть перед пустым залом:

— Очень нам нужен Гофман! У нас свой «музыкант» есть.

Изредка наезжают «русские богатыри»<sup>542</sup>, и тогда жители, как настоящие дикари, приносят им в жертву быков.

И вот в таком городе школа.

Люди там интеллигентные, образованные, не то что мясники какие-нибудь. Казалось бы, молодёжь должна отдыхать там, стремиться всей душой и всем сердцем. Помилуйте! После мясников, дикарей, богатырей и музыкантов — вдруг прийти в класс, где «наука» и живые, образованные люди. Да ведь это оазис в пустыне. «Рай преподобный», как выражается одна старушка<sup>152</sup>. Учеников и домой-то не пригонишь, небось.

— Посидите, мол, с нами ещё — расскажите нам, научите нас.

Я уверен, что вот эти строки ни один гимназист без смеху не сможет прочесть:

— Это учителей-то просить посидеть ещё? Да провались они. Будет и того, что пять часов душу выматывают. Довольно, спасибо.

---

А вот и моя сказка.

Я окружён молодёжью. Наперебой друг перед дружкой мне рассказывают про «оазис».

— Не все разом, господа, не все разом.

— Анташа в новом парике пришла!

— Всех девочек выгнала!..

— Анташа манерам учила нас сегодня.

— Анташа...

— Да постойте же. Расскажите толком... Анташа... Антраша...

Ничего не понимаю!

— Мы и рассказываем... Сегодня Анташа объясняла нам, как сделать, чтобы волосы были длинные.

— Ну?

— Надо конец косичек на свечке поджечь.

— А у нас она спрашивала средство от угрей.

— Как, от угрей?

— Да мы говорим: не знаем. А она говорит: спросите у папаши.

— Всё-таки Анташа лучше Агишки.

— Это ещё что!

— Про Агишку песню даже сочинили:

Косоротая мартышка —

Это есть мадам Агишка!

— Она теперь как Вяльцева<sup>543</sup>, хвостиком делает. А сама длиннущая да худущая!

— Господа, будет вам про Анташу. Расскажите про что-нибудь другое.

— Ну про Порфишку.

— Он у нас гений: чернила изобрёл.

— Чернила?

— Да. Чернильный порошок.

— Чернила всем хороши: и не сохнут, и пера не портят; только пишут плохо.

— Порфишка молодец! Он во втором этаже спит.

— Как так?

— Кровать себе подвесил: он говорит, что так его никто не кусает.

— Ну, будет про него. Про кого-нибудь ещё.

— Про Арсяпыча, господа, про Арсяпыча!

— Фу, гадость!

— Он за всё зацепляется и вяло на ноги наступает.

— В прошлом году дурами нас обозвал.

— Он извинился.

— У меня, говорит, такой темперамент, как ученицу увижу, так выругаюсь.

— Про Ящерицу...

— Про Тимошку...

— Я Тимошкину губу без смеха не могу видеть.

— Начальница нам объясняла сегодня, что надо, когда стоишь, ногу выдвинуть вот так...

— Она говорит, что надо стоять в третьей позиции.

— Будет, господа, будет!

Я вижу теперь: оазис у вас несомненный. Вам есть где отдохнуть душой. В наше время не то было!

---

Здесь сказке конец. Начинается быль. Это убийство инспектора Саратовской духовной семинарии Целебровского<sup>544</sup>.

Кошмарное дело.

Целебровский — когда-то «либеральный» учитель. Любимец молодёжи. Они собирались в кружки под его руководством. Спорили, волновались. Шли к нему с своими запросами, болями, сомнениями.

И вдруг «перелом». Это часто бывает на Руси. В этом своеобразная трагедия русской жизни. Многие ли помнят, например, подобную же трагедию знаменитого Меньшикова?

А ведь было время, когда он был настоящий *герой*.

Он прославился своими статьями об одном диком земском начальнике. Время было тёмное, и статьи казались верхом дерзости. Но всё же ревизию назначили и земского начальника уволили.

Тогда тот явился в редакцию «Недели» и потребовал, чтобы Меньшиков напечатал опровержение. Меньшиков отказался.

— Ну, в таком случае я вас вызываю на дуэль, — говорит земский начальник.

— Я дуэли не признаю.

— В таком случае я вас просто застрелю.

— Стреляйте.

Меньшиков встал и ожидал выстрела. Земский начальник выстрелил и ранил его в плечо<sup>545</sup>.

«Толстовец» Меньшиков до последней степени довёл принцип «непротивления». Земского начальника судили и сослали, а русское общество преклонилось перед героем Меньшиковым.

А теперь?

То же и с Целебровским.

Всё перевернулось.

Началось шпионство, доносы, репрессии. К «любимцу»-учителю стали относиться почти с ненавистью. (Всё это данные судебного следствия.) И вот кошмарное дело об убийстве. Исключённый воспитанник вонзил финский нож Целебровскому в живот,

а потом в спину. В результате — каторжные работы и несколько десятков уволенных воспитанников, без права поступления в другие учебные заведения.

Сказка моя переплетается с этой былью, и получается какой-то сплошной сумбур, какой-то тяжёлый, безысходный хаос. Всё перепуталось. Воспитание и шпионство, наука и парики, «хороший тон» и «дуры», педагогика и угри, Анташа и Агишка, и Порфишка, и Ящерица, и «третья позиция»...

А в конце концов «русский богатырь» и мясники торжествуют<sup>546</sup>: французская борьба играет в воспитании большую роль, чем школа.

Вы скажете: «всё это очень мрачно».

Да, действительно, «рая преподобного» вокруг себя не вижу.

Когда-то был чуть ли не циркуляр, предписывающий публицистам находить в жизни «светлые явления»<sup>547</sup>. Может быть, такие явления и в самом деле есть. Только где-нибудь далеко от нас: за тридевять земель от нашего царства.

## УЧИТЕЛЬ И ТЕЛЯТА

**В**ы, вероятно, подумаете: сейчас прочтём какую-нибудь смешную историю. «Учитель и телята» — выдумают же эти фельетонисты! Вот же спасибо им: стараются развлечь и рассмешить нас, «деловых людей».

Нет, ошибаетесь: «история» очень грустная.

Не так далеко отсюда, можно сказать, совсем близко, хотя и в «Астраханской губернии», в глуши страшной живёт учитель *церковно-приходской* школы.

Батюшка, ближайший его начальник<sup>548</sup>, говорил мне:

— Можете себе представить «учительскую деятельность», когда учителю приходится преподавать в школе с телятами?

— Как так?

— Да так. Школа помещается в обыкновенной крестьянской мазанке. Народу битком набито. Тут же и телята зимой живут... Средств нет.

И вот, по странной иронии судьбы, через несколько дней после нашего разговора я ехал с батюшкой к этому самому учителю с телятами.

Батюшке предстояла очень тяжёлая обязанность: сообщить учителю изумительное распоряжение епархиального училищного совета.

В бумаге, написанной допотопным консисторским языком, значилось: «журнальным определением» от такого-то сентября за таким-то номером, «на *основании бывших* рассуждений и доклада епархиального наблюдателя, содержание учителю сокращается с 20 р. до 10 р. (без готовой квартиры)».

Причём записка в получении жалованья — 20 р. за сентябрь — возвращается и предписывается, взамен её, прислать две другие за сентябрь и октябрь — по 10 р. Другими словами, учитель обрекается на голодовку в течение октября и ноября месяца. Человек в двадцатых числах октября ждал жалованье — 20 рублей, а ему, «на основании бывших рассуждений», предлагают получать 10 руб. в *конце ноября*.

Вот с каким поручением мы ехали.

О том, что я там увидел, подробно рассказывать не буду. Видел и мазанку, где «просвещается» народ, с телятами, и учителя, у которого тряслись руки и с лица не сходила жалкая, растерянная улыбка, и растрёпанные учебники, по которым училось, видимо, уже «много поколений».

Но оставим всё это. Мне хочется разобраться в самом *факте*.

Церковь упорно добивается, чтобы народное образование перешло в её руки. О превосходстве «церковно-приходских школ», надрываясь, доказывают и все правые газеты, и все синодальные ораторы.

И вот сама жизнь.

Спрашивается: найдётся ли ещё в России другая какая-нибудь «должность» с «окладом» в 10 руб. без содержания и квартиры?<sup>633</sup>

Уверяю вас — не найдётся!

Последняя судомойка, получающая 3—4 рубля, получает *больше*, потому что она получает содержание, помещение, отопление и освещение.

И вот *Церковь* предлагает это нищенское жалованье учителю своих образцовых церковно-приходских школ, должествующих, как известно, чуть ли не спасти наше отечество. И заметьте: «на основании *бывших рассуждений*»!

Лучше бы уж без всяких рассуждений. А то ведь — «с заранее обдуманном намерением».

Потом: рассчитывая кухарку, всякий порядочный хозяин предупредит её, по крайней мере, за две недели.

С «учителями» церемониться нечего. Не только без всяких предупреждений вдвое уменьшают жалованье, не только не интересуются вопросом, согласится ли, мол, учитель *голодать* на 10 рублей в месяц, не только приурочивают своё «журнальное определение» к началу зимы, т. е. ко времени, когда человеку деваться некуда, — но ещё *задним числом* вычитают жалованье. Да ведь до этого ни один министр финансов не додумается.

Не правда ли, весёлого мало в моей истории?

Поставьте себя на место этого учителя (у него жена и ребёнок), и тогда поймёте, много ли во всём этом и «церковного», и просто «человеческого».

## ОТРЕЗВЛЕНИЕ ЦАРИЦЫНА

**И**так, в Царицыне будет новый журнал — «Царицынский трезвенник»<sup>549</sup>.

Таким образом, деятельность о. Строкова всё растёт и становится крупным общественным явлением. Если сравнить «Дом трезвости» с другим, монастырским «домом», находящимся на другом конце города (хотя, может быть, сравнивать и не следовало бы), разница получится громадная. Здесь — *очевидная* польза<sup>550</sup>.

Большое, нужное *дело*. Никакого «шума». Там — один шум. Пустышка. Бесконечное количество слов — и никакого *дела*.

О. Илиодор — чернокудрая Мария — трогательнейший евангельский образ, за две тысячи лет выродившийся в квач и гидру.

О. Строков — белокурая Марфа, которая неуступно и успешно «печётся о земном».

Нет, без шуток, деятельность Марфы всегда хороша. Деятельность Марии должна быть *прекрасной* — иначе она отвратительна.

Но я бы от души желал, чтобы общество трезвости служило не только *земному*, но и *небесному*. Только тогда ему обеспечен настоящий успех.

Конечно, хорошо «отрезвиться», хорошо перестать «пить», не тащить в кабак последнюю тряпку, не избивать в пьяном виде свою жену и детей. Хорошо встать на ноги. Но этого ещё слишком мало,

чтобы зажить *по-человечески*. Для этого надо просветить свой ум *настоящим* образованием, а совесть — нравственной работой.

«Царицынский трезвенник» будет, конечно, обслуживать по преимуществу класс малокультурный — то, что принято называть *народом*. И здесь он мог бы внести много добра и много света. Потому что в народе тьма страшная вообще, а в Царицыне в особенности, так как и «образованные» люди в нём сущие дикари.

Мне часто приходится «общаться» с простыми людьми, и я всегда поражаюсь одной черте: полному отсутствию *уважения* к образованию.

«Образованные люди — безбожники». «Наука — разврат». «Газеты всё врут». «Писатели всех обманывают» и т. д. Первый шаг на пути борьбы с духовным одичанием в том и должен заключаться, чтобы разрушать этот страшный, народом веками впитанный предрассудок. В этом смысле сам факт появления журнала, явно «хорошего», явно «полезного», — уже большое общественное дело.

Недавно я наблюдал такой факт.

Был концерт — с участием музыканта, которому много хлопали и которого освистали бы во всяком другом порядочном городе. Я с чувством боли и стыда наблюдал, как молодёжь демонстративно хлопала «обиженному» музыканту. *Молодёжь*, всегда чуткая, здесь «поддерживала» грязь, — а сзади меня стояли два почтенных *старика*, которые пытались свистать.

Мне для памяти надо было записать кое-что — я вынул карандаш и написал несколько строк на клочке бумаги.

Когда начали хлопать, раздалось несколько свистков, какие-то дамы «зашипели» на меня, думая, что свищу я. А один «интеллигент» — в золотых очках, видевший, что я пишу, злобно крикнул: — Газетчик!.. Сотрудник!..

В устах царицынского дикаря «газетчик», «сотрудник», «писатель» — ругательные слова!

Вот в какой непроглядной тьме придётся выступать «Царицынскому трезвеннику». Здесь не только тьма *пьянства*, а ещё больше тьма невежества, некультурности и полнейшего одичания, где стыдно не только за грубый «народ», но и за учащуюся молодёжь и за господ в золотых очках.

В народе темнота — в значительной степени от пьянства. Но и пьянство в значительной степени от темноты. Чтобы разрушить

этот заколдованный круг, надо бороться сразу по всей линии: и с водкой, и с невежеством.

От души желаю о. Строкову в этой трудной и благодарной работе и мужества, и энергии, и успеха!

## КУДА Я ПОПАЛ?

*(Впечатления человека из лесу)*

**В**ы никогда не были в Гор. думе?

Напрасно. Обязательно сходите. Это нечто изумительное! Я сам никогда не бывал раньше. Со словом «Дума» у меня связывалось представление о скучном-прескучном здании, с грязными каменными лестницами, где сидят скучные люди и говорят о базарах и мостовых. Я даже «отчётов» думских не читаю.

И вдруг попал!

Господи, Боже мой! Почти до тридцати дожил<sup>179</sup>, но такого... такого...

Впрочем, буду рассказывать по порядку. Смотрите на мои «впечатления» не как на «отчёт» какой-нибудь, а как на рассказ свежего человека, который вот уже несколько лет больше всего любит *лес* — и вдруг попал на самую «*вершину*» царицынской культуры. Помилуйте! «*Представители города, насчитывающего с лишком сто тысяч жителей*». Три десятка «*лучших людей*» из многих десятков тысяч!<sup>551</sup>

---

Первое, что я увидел, было вполне «ожиданно»: грязная каменная лестница, потом «зал заседаний», уставленный столами, большая икона, план собора, несколько стульев для «публики».

Усаживаемся. Я никого не знаю, и мне, как чужестранцу, объясняют — вот такой-то. А этот — такой-то.

Первое, что мне бросается в глаза, это то, что многие глазные останавливаются и крестятся на икону. «Это хорошо, — думаю я. — Они принимаются за дело, благословясь».

Гласные молятся, а соседи мои «рекомендуют» их:

— Вот это Фёдор Васильевич Башлаев<sup>552</sup>.

— Чем замечателен? — спрашиваю.

— Да тем, что «прилепился к городскому самоуправлению».

— То есть как «прилепился», — недоумеваю я.



- Да у него тут родственник служил один на базаре...
- А! понимаю.... Ну и что же?
- Когда эту историю раскрыли, он и говорит: «прилепился я»!..
- А вот Винокуров идёт, Иван Андреевич.
- Этот чем замечателен?

Соседи мои смеются.

— Тем, кажется, что, когда Башлаев признался в своих странных отношениях с самоуправлением («прилепился»), он поддержал его: «Мы, говорит, проникнуты с Фёдором Васильевичем благими порывами»!..

«Прилепился» и «благие порывы» — чудачки!

- А это кто, не Репин?
- Который?

Я показываю на господина с длинной шевелюрой, как две капли воды похожего на художника Репина.

— Какой там! Это рыбак! Яков Алексеевич Пирогов. У него все духовные власти останавливаются.

- Какая проза!
- А вот и сам Пятаков!
- Почему *сам*?

— Это у нас достопримечательность: первая — Илиодор, вторая — памятник Гоголю, третья — Пятаков.

— Чем же он замечателен?

— . . . . . !<sup>553</sup>

— А!

Вдруг двери в соседнюю комнату затворяются, и по залу проносится: «частное совещание»...

— О чём же они совещаться будут?

— Очевидно, о чём-нибудь неприличном, — отвечает чей-то голос.

Смеются.

Но смех смехом, а что если о неприличных вещах они «просовещаются» часа два. Мне ехать надо. Я не могу долго сидеть. В кои-то веки выбраться и не увидеть «богомольных» гласных «в деле».

А соседи рассказывают такие вещи, что тревога моя всё увеличивается, и я предчувствую недоброе.

— Наши гласные удивительно обстоятельный народ: начнут совещаться... и — Боже мой!.. Его же царствию не будет конца. На днях они совещались, как им ехать в Бекетовку осматривать лесотаску<sup>554</sup>.

Вот вы бы послушали. Один говорит:

— Мне кажется, лучше всего на поезде: и скоро, и дёшево.

— Но ведь и водный путь имеет свои преимущества, — говорит другой. — Я предлагаю моторную лодку.

— Господа гласные, я с своей стороны решительно предлагаю всем другим способам передвижения предпочесть автомобиль: во-первых, быстрота, во-вторых — с точки зрения...

— Позвольте, позвольте, я прошу слова!..

— Я ещё не кончил, господа!..

— Просим!.. Просим!..

— Ограничить ораторов пятью минутами!..

Больше часа совещались.

— Чем же решили?

— На поезде, кажется.

Но моё предчувствие не сбылось. Через десять минут дверь открывается. И «лучшие люди» гуськом входят в зал.

Тут опять всё «ожиданно»: голова — с цепью<sup>555</sup>, скучный протокол «предыдущего заседания» и швейцар с подносом, уставленным чаем.

Мне это понравилось: Богу помолились, чайку попили — и за дело. Великолепно!

Только — что такое! Чтение протокола прерывается, а *все* гласные начинают говорить сразу.

— Это что же, — наклоняюсь я к соседу, — общая молитва?

— Нет. Это прения.

— Почему же все сразу?

— Здесь так принято; чтобы скорее высказаться могли.

Я пожимаю плечами и стараюсь вслушаться. Но разобрать нет никаких сил. Всё слилось в какой-то воющий гул. Я вижу только слегка подпрыгивающего голову, который выкрикивает:

— Виноват-с!.. Виноват-с!..

И при этом раздаётся такой звук, точно песок сыпется.

— Это что такое?

— Это звонок, — объясняет мой спутник.

Наконец, из общего хаоса выясняется чей-то седой стриженный затылок, чьи-то поднимающиеся кверху руки, не то с недоумением, не то с мольбой. Очевидно, человек говорит. Но что — я не слышу, потому что его прерывают голоса:

— Г-н Серебряков не был на заседании... Какие же поправки?..

— Я оскорблён!.. — кричит седой затылок.

И опять общее смятение.

— Нельзя... не был... Берите свои слова обратно!.. А-а-а-а!..

О-о-о-о!.. Ух!..

И прыгающий голова:

— Виноват-с, виноват-с!..

Но «инцидент исчерпан». Переходят к «делам». Седой затылок всё ещё ворчит:

— В таком случае я отказываюсь участвовать в комиссиях...

Подымается какой-то гласный и говорит:

— Обратите внимание на взвоз... Не опасно ли?.. Потому что, если едут извозчики... там откос... Если, например...

— Виноват-с, — перебивает голова, — уже, так сказать, вопрос ваш... этого... разрешён, видите ли-с... этого... в том смысле что... именно-с... тумбы...

— Это незаконно! Мы не имеем права тумбы ставить.

— Как не имеем?

— Имеем!

— Конечно! Конечно!

Шум.

— Виноват-с, виноват-с... Заявление гласного, видите ли-с... мы... этого... примем к сведению...

— Просим!

Пятаков, не вставая, ленивым голосом:

— Обратите внимание *заодно* относительно жёлоба.

Общее недоумение.

Но Пятаков, заинтриговавший гласных, молчит. Маленькое замешательство.

— Почему перерасход на реальное училище? — неожиданно выпаливает другой гласный.

— Я полагаю...

— Виноват-с...

— Надо найти виновных. На реальное училище была ассигновка в одну сумму, а теперь мы платим совсем другую.

— Нас в министерстве не поняли.

— Как не поняли?

— Почему не поняли?

— Виноват-с... именно... в виду того, что этого... редакция была плохая...

Встаёт гласный и очень плавно, совсем как «интеллигент», говорит:

— Я делаю своё заявление, чтобы сделать новую *редакцию*. Чтобы нам не попасть бы в положение, которое...

— Кто это?

— Никонов.

— Чем замечателен?

— Говорят, бывший кадет.

— А теперь?

В ответ: пожимание плечами. Пятаков, опять с места, прежним голосом:

— Вы бы *кстати*, когда поедете в Петербург, узнали там, в чём, в самом деле, дело?

Я спрашиваю соседей:

— Что он, всегда «*кстати*» говорит?

— . . . . . !

— А!

— Виноват-с... этого... относительно реального училища... Видите ли, в Петербурге... именно-с этого... Одно из заданий нашей, так сказать, поездки... Мы, видите ли-с... поездки... этого... выяснить... Наше задание... этого... Именно-с лично переговорить, сказать, о всех возникших недоразумениях...

Встаёт гласный, кажется, единственный интеллигентный человек в собрании, и человеческим языком объясняет, что в городском реальном училище на дворе такая грязь, что даже директор сам жалуется.

— Посторонний вопрос, — кричит «Репин».

— Виноват-с... этого... я отвечу...

— При чём тут грязь?

— Нельзя посторонние вопросы.

— Господа...

— Нельзя...

— Господа!..

— Виноват-с... этого...

И опять голоса «лучших» людей сливаются в сплошной гул.

— А-а-а-а!.. О-о-о-о!.. Ух!..

И опять прыгает голова и выкрикивает:

— Виноват-с!.. Виноват-с!..

И странный звонок шипит, точно песок сыплется...

Но хорошенького понемногу. Мне пора ехать. Я прощаюсь со своим спутником и благодарю его «за доставленное удовольствие».

## ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Когда Ибсен написал «Нору»<sup>556</sup>, об ней было так много разговоров, что в Берлине, приглашая друг друга в гости, писали: «Просят о “Норе” не разговаривать».

Скоро у нас в России будут писать: «Просят не разговаривать об Илиодоре».

Действительно, страшно надоело. Сначала было интересно, потом забавно, потом мерзко, потом отвратительно. И, наконец, скучно до тошноты.

И всё-таки иеромонах Илиодор — *герой нашего времени*.

Уж не взъщитесь: каково время — таковы и «герои».

Не потому он «герой», что поднял вокруг себя неистовый шум. Нет: «популярность» Илиодора почти исключительно «газетная». «Влияние» его раздуто до смешного<sup>557</sup>.

Публицисты всё ломают голову: чем объяснить «громадное» влияние Илиодора на своих поклонников? Ума в нём особенного нет. Талантов тоже. «Оратор» он посредственный. Даже внешних данных никаких особенных нет. И всё-таки: «сила».

Но разгадка очень простая: и «влияния» никакого нет, и силы никакой нет.

Потому и загадки разгадать не могут, что никакой загадки не существует.

В самом деле: апофеоз «силы» Илиодора — теперешние его путешествия по волжским городам. И что же? 1500 поклонниц! Где же тут «громадное» влияние? Дайте такую свободу говорить и действовать любому заурядному агитатору, какую дали Илиодору, и посмотрите, что получится.

После такого шума, после таких «побед», после такой поддержки со стороны местных властей — 1500 баб, согласитесь, «сила» довольно скромная.

Да ещё и из этих-то полутора тысяч добрая половина пристала для времяпрепровождения. Недаром газеты отмечали факт, что в Саратове «паломницы» пытались вечером проникнуть в «летний сад», да их туда не пустили.

В Самаре Илиодор произвёл своим девицам настоящий «потешный смотр»:

— Девицы! Я люблю порядок! Марш вперёд! — повелительно крикнул Илиодор.

Хор «ангелов» на мотив «Ах ты, ноченька» запел какой-то кант, и пошли, а за ними стали спускаться другие отдельные дружины с белыми флагами. Каждая девица в руках имела палку, а некоторые из них дубинки с большой шишкой на конце.

— Марш вперёд! — кричал всё громче Илиодор. — Дружинники, поднимите палки и дубины!

Все разом подняли, и образовался целый лес палок. Вся площадь сразу притихла и присмирела.

— Ха, ха, ха! Испугались? — весёлым голосом проговорил о. Илиодор. — Не бойтесь, мы бить вас не будем.

Ну разве это не смотр «потешных»?

Толпа всё время кричит: «ура», «браво» и «с нами Бог».

Поёт псалмы на мотив светских песен. В одной руке несёт крест, в другой — дубину. Днём посещает собор — вечером рвётся в сад Очкина<sup>558</sup>.

Как не быть Илиодору «героем», когда ни в одном человеке сейчас не воплотилось так полно это изумительное сочетание воинского духа с юродством. «Юродивые» были, хотя бы тот же Григорий Распутин. «Военачальники» тоже, хотя бы архимандрит Виталий<sup>559</sup>. Но тут *вместе*, в одном лице, сразу и юродивый, и полководец.

Но «герой» был бы не вполне современен, если бы он не был прикосновенен к «половому вопросу».

И в этом отношении Илиодор недавно завершил свой портрет.

Растлителью ученицы в Астрахани, священнику Строкову — он послал демонстративную *сочувственную телеграмму*.

Так вот почему, как ни «надоел Илиодор», о нём говорить будут. И долго будут. Ведь нам очень многое надоело в жизни. Но куда это даёт жизни «тон» — приходится и говорить, и писать.

Глубокого, *хотя бы и вредного* влияния на народ Илиодор и не имеет, и никогда не будет иметь. Может быть, своей трескотнёй он оглушит ещё сотню-другую глупых баб. Вот и всё. Но «бороться» из-за Илиодора не перестанут до тех пор, пока он не перестанет быть «героем»...

## ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР

**И**лиодор задал российским публицистам загадку: Кто он? Чего он хочет? Куда «гнёт»?

Разгадать толком не могут. А всякое таинственное явление, хотя бы сумбурное, благодаря своей «таинственности» обязательно начинает казаться «значительным». И один из ничтожнейших людей нашего времени мало-помалу превращается в «червя».

Загадка на первый взгляд действительно трудноразрешима: нельзя подыскать такого понимания Илиодора, которое бы объясняло все его действия.

Карьерист? Да, много как будто бы «для карьеры». Но несомненно, что, идя против дружественных предостережений очень высокопоставленных лиц, он с точки зрения карьериста делает нечто несообразное. Ведь если бы он думал, что смазывание дёгтем *кому бы то ни было* в Петербурге понравится, он не стал бы и клястися и божитися, что этого не было. Раз отпирается — значит, не для «карьеры» допустил это.

Фанатик? Изувер? Да, многое, как будто бы, подходит. Но зато во многом такой холодный расчёт, такая «хитрость», такое «себе на уме», что на фанатика не похоже. Не станет фанатик сам себе телеграммы посылать. Не станет отпираться от своих «подвигов». А так и скажет: да, сшибал шапки, да, мазал дёгтем. Так им и надо!

Но он говорит это только царицынским девицам, а петербургским архиереям божится «ей-Богу, не я». Совсем как провинившийся школьник. И даже просит его «защитить» от клеветы. Слишком это трусливо для убеждённого изувера.

Психически больной? Но почему же «помешательство» начинается только в пределах «Поволжья», а в Петербурге буйный «больной» — тише травы и ниже воды? Почему он мажет дёгтем сотрудника «Саратовского вестника», а не редактора «Колокола»? Почему он сшибает шапки с мирных обывателей в Саратове и так низко снимает свою собственную перед петербургскими барынями? Лупить так лупить!

Вот и получается: как будто бы карьерист, но не карьерист. Как будто бы фанатик, но не фанатик. Как будто бы сумасшедший, но на самом деле в здравом уме.

Загадка, таким образом, и заключается в самом этом *сумбуре* илиодоровских действий.

Кто же он, в конце концов?

---

Я слышал один раз проповедь Илиодора в монастыре. Это было в период его «борьбы» с Синодом<sup>611</sup>. В одиннадцать часов ночи в громадном полутёмном храме, на середине, на возвышении, появился длинный, некрасивый монах в чёрном клобуке. Своды храма казались покрытыми синим туманом. Лампадки едва теплились. Народ стоял тесной стеной. Задышался. Возвышение, на которое взошёл монах Илиодор, окружало «духовенство». Откуда он достал такие лица? Точно на подбор. Я только у Леонардо да Винчи в его карикатурах видел такие физиономии<sup>560</sup>. По левую руку — два толстых с громадными копнами волос. Круглые, самодовольные. По правую — два худых. «Смирненных», с опущенными глазами. Жёстких и сладеньких в одно и то же время.

В полумраке фигуры эти производили жуткое впечатление.

И вот он начал...

Я буквально остолбенел.

Первая мысль, первое чувство было: увести его! Увести его из церкви!

*Так нельзя говорить* в церкви. Так кричат на базаре торговки. В самом голосе, в самой манере, в тоне что-то глубоко оскорбительное для церкви. Можно быть неверующим. Можно враждебно относиться к религии, — но всякий в церкви невольно соблюдает некоторое благочиние. Это скрытое, иногда бессознательное *уважение* к Церкви, хотя бы к её прошлому, к далёкому прошлому. К мученической истории христианства. Оно есть у всякого.

А тут полное попрание всякого уважения — не веришь себе, ушам своим: что можно взойти в церковь — и *так говорить*. Стоит, как на площади, как на базаре, и *орёт*, буквально *орёт*. Что-то разухабистое. Какое-то «на всех на вас наплевать» в каждом слове. И слушатели заражались этим «уличным» настроением. Самые молитвы становились «светскими» песнями. Что-то явно антирелигиозное было в храме.

А Илиодор всё кричал. Раскачивался. Махал руками. Странные леонардовские фигуры стояли: справа два худых, слева два толстых.

---



Недавно проезжая по Сибири, я купил одну маленькую местную газету. Меня заинтересовала статья «Сибирское хулиганство»<sup>561</sup>.

Корреспондент жалуется, что в Сибири появились странные люди, которых раньше не бывало. Эти люди ходят по улицам, по деревням и свершают ряд диких, бессмысленных и ненужных безобразий. Не пьяные, но *как будто бы пьяные*. Бьют стёкла. Срывают с прохожих шапки. Швыряют камнями и бутылками в витрины магазинов.

И вот я спрашиваю: найдётся ли такой мудрец, который разгадал бы загадку: *зачем* эти люди бьют стёкла бутылками? Уверяю вас, «загадочное» явление. Необъяснимое. Вражды к живущим за этими стёклами у них нет, потому что они их не знают. «Идей» никаких. «Цели» никакой. Так зачем же? А так:

— О-го-го-го!.. Русь идёт!..

На религиозном языке загадка эта давно разгадана.

«Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло»<sup>562</sup>.

Зачем свиньи бросились в море?

Дико, бессмысленно. «Таинственно».

Если религиозный язык переложить на общечеловеческий, можно сказать, что бывает такое особенное духовное состояние, когда человек теряет свою *внутреннюю личность*<sup>563</sup>. Он попадает во власть каких-то нелепых сил и совершает как автомат ряд несообразных, диких поступков. Это состояние есть результат полнейшего нравственного разложения и духовного одичания. Человек перерождается в «свинью», в него входят «бесы», и он бежит в море. Бросает бутылками в окна. Сшибает шапки.

— О-го-го-го!.. Русь идёт!..

«Религиозный ураган» Илиодора не есть действие «карьериста», «фанатика» или «больного», это есть *«одержимость»*. Здесь загадочного столько же, сколько во всякой «бесцельности». Необъяснимого столько же, сколько в битье стёкол камнями.

Можно ли искать «силы» и «влияния» у уличных безобразников? Можно ли их шум принимать за «движение»?

Нет ни силы, ни влияния и у Илиодора.

Его толпа — не толпа фанатиков. Это несколько сот женщин, грубых и ничтожных, которым вдруг сказали:

— Ребята! Делайте, что хотите... Всё можно... Ничего вам за это не будет.

И вот они одурманены своей воображаемой «властью». Потеряли последние черты образа человеческого и «несутся» по мирным улицам городов и швыряют бутылками в окна.

— Ого-го-го!..

«Умрём за батюшку» и прочее — всё это ложь и обман. Когда Илиодора убрали в Новосиль, в две недели всё затихло. И если бы он не явился снова — его забыли бы в два месяца.

Так вот какова разгадка Илиодоровской «загадки».

И уж если искать действительно таинственного, его надо искать не здесь, не в личности Илиодора, — а в *русской жизни*<sup>564</sup>.

Но и здесь загадка, кажется, решается не менее просто...

## «ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА»

**И**лиодор объявил, что скоро настанет конец мира. Чтобы Антихрист не застал его поклонников врасплох, он призывает их рыть за монастырской стеной *пещеры*: под каменным монастырём сделать другой монастырь, «подземный»<sup>565</sup>.

Женщины несут с собой калачи, арбузы, деньги — идут делать *святое дело*: рыть «катакомбы».

«Пещеры» рыли многие русские подвижники. Безмолвные, скорбные уходили они из мира в дремучие леса, в благостное уединение природы. Из городов их гнал ужас перед греховностью мира, страх перед его соблазнами. Они уходили, чтобы в тиши лесной лицом к лицу с совестью своей и Богом научиться *любить людей* по-настоящему, по-настоящему служить Богу.

Можно не согласиться с тем, что путь их правилен. Можно видеть лучшее служение людям в кипучей, страстной «мирской» борьбе со злом, — но нельзя не преклоняться перед красотой и величием духа этих одиноких «рыцарей духа».

И вот теперь выходит монах на базар и развязно кричит:

— Ко мне, ко мне!.. Пещеры рыть будем!.. Несите арбузы, калачи, свечи!.. Спасайтесь, пока есть время...

И за монастырской оградой одураченные женщины свершают комедию — роют «катакомбы».

Для всякого неодураченного ясно, что если даже и пришёл бы Антихрист, то он одинаково «достанет» как за монастырской оградой, так и под землёй. Ясно, что базарная площадь ничего общего с дремучим лесом не имеет и что ходы под монастырём, как бы «катакомбами» ни назывались, — так и останутся «кладовыми» для калачей и арбузов. Ясно для всякого, что эта новая выходка Илиодора, игра в «отшельники», — всё та же беспрецедентная реклама, которой он удивляет Россию уже несколько месяцев.

Он сказал: «Приходят последние времена».

Но если уж и видеть признаки этого, то в деятельности самого Илиодора.

Никто с такой «смелостью», как он, не превращал священнодействий в зрелища; не низводил самое дорогое для верующего человека — на степень простой рекламы.

Никто не доходил до того, чтобы «играть» в пещеры, в «сожжение идолов». Никто с таким явным презрением не относился к великому *прошлому* Церкви. Я не знаю, скоро ли наступят «последние времена», но убеждён, что Церковь тогда будет превращена именно в то, во что превращает её теперь Илиодор.

## НЕЧТО ОБ АНТИХРИСТЕ

О. Илиодор оправдывается:

— Я не Антихрист.

И в подтверждение своих слов уверяет, что у него нет ни рогов, ни копыт, ни хвоста.

Антихрист, по его словам, будет кто-либо из интеллигенции — скорее всего, «газетный стервятник».

Я, разумеется, далёк от мысли считать о. Илиодора Антихристом. Всё происходящее на подворье объясняется гораздо проще — к чему такие страшные слова!

Но всё же чрезвычайно интересен самый *факт* возникновения таких слухов, настолько, очевидно, упорных, что даже сам о. Илиодор выступает с опровержением:

— Я не Антихрист.

По этому поводу любопытно отметить, что о. Илиодор, видимо, совершенно не признаёт *церковного* учения об Антихристе, хотя и считает себя «специалистом» в этих вопросах. Здесь, как и во всей своей деятельности, о. Илиодор, провозглашая себя «защитником» Церкви, на самом деле *разрушает* церковность.

В «борьбе с Синодом о. Илиодор разрушал самую основу нашей монашескую церковь — послушание..»

Теперь, в борьбе с «Антихристом», — он разрушает церковное учение об Антихристе.

По учению Церкви, Антихрист вовсе не будет с рогами и хвостом.

*Напротив, он будет чрезвычайно похож на Христа.*

Отнюдь не будет он открыто объявлять себя безбожником. Тогда бы всякий узнал врага Христа. Нет. Он будет *обманывать своей наружной святостью*. Он выйдет, по словам апостола Павла, из той среды, где люди, «имеющие вид благочестия, силы же его отрёкшиеся».

Он так будет похож по внешнему виду на Христа, что даже чудеса будет творить, даже многих *святых победит* (см. Апокалипсис<sup>566</sup>).

Вот почему апостолы убеждают верующих зорко следить, как бы не обмануться. И когда скажут: вот, здесь Христос, или: вот, там Христос, — не верить...

По церковному учению, Антихрист от Христа будет отличаться *по духу*. При всём внешнем благочестии и святости и лжечудесах он будет «благочестия отрёкшимся», развратен, горд, клеветник, жесток, не любящий добра (2 Тим. 3, 2–5). Христос всё свершал во имя Отца Своего, Антихрист будет совершать *всё во имя своё*.

Вот в чём разница.

Таково церковное учение об Антихристе.

При чём же тут интеллигенция и «стервятники»? Разве они, в большинстве случаев, не открыто признают себя «неверующими», разве они имеют «вид благочестия»? Разве есть у них желание выдавать себя за Христа? В чём, в чём можно упрекать «интеллигенцию», а уж в этом она не грешна. Скорей, напротив, слишком спешит подчеркнуть своё неверие, даже больше показать его, чем есть на самом деле.

Если бы о. Илиодор считался с *церковным* учением об Антихристе, он не стал бы опровергать слухов отсутствием на голове

рогов, а на ногах копыт и не стал бы науськивать своих невежественных и *нецерковных* богомольцев на поиски Антихриста там, где его надо искать меньше всего.

## АНТИХРИСТ В ЦАРИЦЫНЕ

По случаю недавнего появления в городе Антихриста — было созвано экстренное заседание Гор. думы.

Взволнованные гласные собирались в этот раз без опоздания. И при входе особенно усердно молились перед иконой. Башлаев, Винокуров и Пятаков молились даже коленапреклоненно.

Городской голова окончательно лишился дара слова и всё повторял:

— Этого... этого...

И знаками приглашал гласных на частное совещание.

Когда затворили двери и городской голова занял место, на несколько мгновений воцарилась глубокая тишина.

— Этого... этого... — зашептал голова, — именно-с... явился, так сказать...

Больше он не мог произнести ни слова.

— В комиссию! — неожиданно для себя выпалил Пирогов.

Все замахали руками:

— Тихе, тихе! Разве теперь можно так громко говорить.

Перфилов<sup>567</sup> быстро развернул свод законов и на основании ряда статей и сенатских разъяснений объяснил гласным, что вопрос об Антихристе вообще не подлежит ведению городских самоуправлений.

— Как же этого?.. Как же этого... — всплёскивал руками голова.

— Запросить Розанова... Как в сферах... — пробормотал чей-то голос.

И опять воцарилась жуткая тишина.

Тут взоры всех, точно по команде, обратились на Пятакова.

Он сидел, как изваяние. Никто не решался нарушить глубокой думы его. Минута была торжественная. Башлаев и Винокуров, взявшись за руки, тихо плакали.

И вдруг Пятаков произнес:

— Приветствовать!

Вздых облегчения пронёсся по залу. Гласные зашумели, закашлялись, засморкались. Пожимали друг другу руки. Общий радостный гул сменил напряжённую зловещую тишину. Можно было разобрать только отдельные возгласы:

- Мудрее Соломона!..
- Хлеб-соль, разумеется, хлеб-соль!..
- Выбрать представителей...
- Пятакова!
- Просим! Просим!..

Частное совещание кончилось.

---

Антихрист явился ночью и направился в Приволжскую гостиницу.

— Есть свободные номера? — спросил он сонного швейцара.

Швейцар подозрительно осмотрел его странный костюм, но потом решил, что, должно быть, приезжий перс или насчёт цирка, и сказал:

— Пожалуйте. Только что дорого, может, для вас. У нас чистая публика останавливается...

— Ты разве узнал меня? — улыбнулся Антихрист.

— Где же вас всех знать.

— Почему же ты думаешь, что я «нечистый»?

— Да мне что... я так, к примеру.

Швейцар отпер дверь и ввёл незнакомца в номер.

— Послушай-ка, братец, — обратился Антихрист к швейцару, — а что, Гога и Магога здесь не останавливались?

— Какие?

— Гога и Магога?

— Откедова это?

— С Востока.

— И — нет, — протянул швейцар, — вот Мардашкопопуло останавливался, да уехал уже... Магогина не было... не помню.

— А до монастыря далеко отсюда?

— Не больно далеко.

— Ну, ступай.

— Документик-с.

— Какой документик?

— Паспорт-с.

— Убирайся, дурак.

— Никак нельзя-с. Беспаспортных не пушаем.

Антихрист вынул из кармана золотой и безмолвно протянул швейцару. Швейцар сжал его в своей руке и безмолвно удалился.

Рано утром Антихрист направился к монастырю.

День был праздничным, и богомольцев шло видимо-невидимо, тысяч семьдесят. Антихрист хотел пройти в ворота вместе со всеми, но привратник остановил.

— Ты кто такой?

— Я по своему делу.

— Газетчик?

Антихрист засмеялся:

— Разве я похож на газетчика?

— Нечего зубы-то скалить. Проваливай!

В это время юродивый Никита благим матом возопил:

— Антихрист!! Антихрист!!

Народ, давя друг друга, бросился во двор. Через несколько мгновений всё опустело.

Антихрист вошёл в ворота: ни души.

— Странно! — подумал Антихрист. — Что они, сквозь землю провалились, что ли?

В кельях тоже никого не было. Наконец, он заметил в углу двора яму, из которой выглядывала чья-то кудластая голова. Это был Савва.

Антихрист подошёл к яме. Голова спряталась, и из-под земли послышался грозный голос:

— Уйди! Убью!

И рука с деревянным пугачом высунулась из ямы.

Кто-то на длинном шесте выставлял квач<sup>568</sup>.

— Уйди от греха!

— Послушайте, — вежливо сказал Антихрист, — это недоразумение... Я бы хотел видеть батюшку Илиодора.

Снова появилась кудластая голова Саввы и громадный кулак, стиснувший пугач.

— Уйдёшь, стервятник?

— Ты не ори, — обозлился Антихрист, — привык на бахче озорничать...

Савва расплылся в улыбку:

— А тебе завидно?

Антихрист тоже улыбнулся:

— Разумеется, завидно.

— А ты лезь к нам, — добродушно сказал Савва, — там у нас все катакомбы девчатами набиты, весело! — И, спохватившись, заорал: — Молчать, жидовская морда!

— Да ты не ори... Чего в дыре-то сидишь, лезь ко мне.

— А зачем?

— Да уж я тебя ублажу.

— Ублажишь?

— Натурально ублажу.

— А батюшка Илиодор как же?

— Да он где?

— Сидит в катакомбе.

— Чего ж он сидит?

— Тебя боится.

— Чудак! — засмеялся Антихрист — Что я, съем его?

— Катакомбу опишешь.

— Чепуха! Ну, пусть его сидит. Идём.

— Пойтишь, разве?

— Конечно!

— А можно одну позвать тут?..

— Сестру? — засмеялся Антихрист.

— Сестру, — засмеялся Савва.

— Зови!

Кудластая голова скрылась. Под землёй послышался неясный гул, и через несколько мгновений из отверстия вылез Саваа в сопровождении «сестры».

Оба были выпачканы в земле и смущённо улыбались.

— Теперь вы мне всё расскажите, что делается в катакомбах, — весело сказал Антихрист. — Видите, вовсе я не такой страшный. Газеты всё врут.

— Всё врут, — поддакнул Савва.

— Нет у меня ни копыт, ни рогов, ни хвоста. И что за охота прятаться от меня под землю? Не понимаю!

— Ну пусть сидят, — шикарно помахивал пугачом Савва, — там тоже весело.

---

Весть о явлении Антихриста облетела весь город. Учебные заведения были закрыты. Гимназисткам строго-настрого было приказано снять с кос банты: мало ли что может случиться.



Ученицы спрашивали своих начальниц: надо ли при встрече с Антихристом делать реверанс.

— Разумеется — возмутилась Гермези, — приличия должны существовать до скончания века.

Народ запрудил все улицы. Конное движение прекратилось. На крышах разместились фотографии и кинематографы. Ровно в двенадцать часов на Соборной площади показался Антихрист в сопровождении Саввы и «сестры». В это же время со стороны сквера показалась депутация от Городской думы. Впереди шёл городской голова, сзади Пятаков с громадным караваем чёрного хлеба. За ним — Башлаев, Рысин, Серебряков и Никонов. Увидав депутацию, Савва остановился:

— Пропали! Заберут!

И хотел обратиться в бегство.

— Видишь, хлеб несут, — остановил его Антихрист.

Савва сразу приободрился и снова замахал пугачом. Между тем, гласные с городским головой приблизились к Антихристу.

Голова был бледен как полотно. Ноги его подкашивались. Башлаев «прилепился» к спине Пятакова. Рысин прятался за Башлаева, Серебряков прятался за Рысина. Никонов делал вид, что он «ничего», что он «сам по себе» и вовсе даже не гласный, а «так».

Городской голова остановился и начал прерывающимся голосом:

— Ваше... этого... Ваше сиятельство!..<sup>569</sup> Виноват-с... Задание видите ли-с... этого... Задание... нашей, так сказать, депутации — исполнить исторический долг, видите ли-с... Мы, собственно говоря... виноват-с... отцы города... мы этого... мы чувствуем... мы просим... мы этого.

Голос его пресёкся, и он молча тянул за рукав Пятакова.

Пятаков протянул хлеб и произнёс:

— На всякий случай, ваше сиятельство, примите от чистого сердца!

И шаркнул ножкой.

Башлаев за спиной перекрестился.

— Что ты делаешь! — испуганно шептал ему на ухо Рысин. — Ведь это Антихрист.

— Беру крестное знаменье обратно... беру обратно, ваше сиятельство, — лепетал перепуганный Башлаев.

Антихрист взял хлеб и сказал дружески:

— Благодарю. Я Царицыным доволен.  
— Доволен... доволен... доволен... — пронеслось по площади.  
Городской голова посмелел:  
— Мы счастливы... этого... Может быть, вам угодно... Именно-с...  
Какие-нибудь развлечения... Заседание Думы... и тому подобное.  
Из публики вынырнул бритый человек и улыбался и кланялся.  
— Это кто? — спросил Антихрист.  
— Я — директор музыкальных классов Орлов. Буду счастлив  
видеть вас, ваше сиятельство, в нашем четвёртом камерном со-  
брании.  
— Ах, вот как! Очень рад. Я кое-что об вас слышал.  
— У нас имеется знаменитый пианист, ваше сиятельство.  
— Очень, очень рад. Чем он знаменит?  
— Да он, видите ли...  
— Ну?  
Директор музыкальных классов осмотрелся и пробормотал:  
— При дамах неудобно...  
— А!.. Ну, вы мне после расскажете.  
И, взяв под руку улыбающегося директора, Антихрист дви-  
нулся дальше.  
Сзади шёл городской голова, Пятаков с блюдом, гласные...  
Народ ликовал.

## ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦАРИЦЫН!

И перед младшею столицей  
Главой склонилася Москва,  
Как перед новою царицей  
Порфироносная вдова...

А. С. Пушкин<sup>570</sup>

**П**о моему глубокому убеждению, столицей Российской Империи должен быть *Царицын*. Был Киев, была Москва, был Петербург — теперь самое время Царицыну.

Во-первых, здесь иеромонах Илиодор; во-вторых, Пятаков; в-третьих, Маковский; в-четвёртых, доктор Ефимов; в-пятых, памятник Гоголю; в-шестых, недостроенный собор...<sup>571</sup> Да мало ли ещё что.

— Столица!..<sup>572</sup>

Конечно, в Питере тоже хорошо. Невский... Адмиралтейская игла... И потом — «окно в Европу»...

Но Бог с ней, с Европой! Только одно беспокойство. Здесь, по крайней мере, до Персии рукой подать.

Нет, я решительно высказываюсь за Царицын.

И как бы это было хорошо! По скверу бы гуляли посланники, уланы, драгуны, гренадеры. По Соборной площади разъезжали бы министры в каретах; в «Конкордии» ставили бы балет «Дочь фараона»<sup>573</sup>. Тут бы тебе и Синод, и Сенат. А сколько бы генералов понаехало: что ни лавочка — генерал отдыхает...

— Красота...

Говорят, столица — факт «политический». А по-моему, нет, — это факт *психологический*. Столица должна быть там, где более благоприятные условия для полного отражения *национальной физиономии*.

В Киевский период — Киев больше всего отражал собой «Русь»; в эпоху московских царей — Москва была самым типичным городом; в последние два столетия — Петербург. *Теперь — Царицын*. Нужды нет, что здесь мостовые плохи да извозчики на допотопных пролётках. Это пустыки. Голове только глазом моргнуть... Эго-го-с... Сейчас торцовая мостовая будет. Идохлых поросят с улицы убрать недолго. И трамвай и фонари — всё это дело наживное.

Но вы спросите, пожалуй, почему же, всё-таки, нужно переносить столицу с севера, *почти* от самой Европы, на юг, в Царицын — чуть-чуть что не на границу с Персией? Что это за «психология» такая? Почему именно Царицын, а не Астрахань, не Чёрный Яр, не другое какое-нибудь место?

А вот почему...

---

Что бы вы сказали, если бы в один прекрасный день в Государственную думу был внесён такой запрос:

— Известно ли председателю Совета Министров, что член Госуд. думы Пуришкевич — оборотень? И что, пользуясь волшебной силой, депутат по ночам принимает вид пуделя и беспрепятственно проникает во двор Таврического дворца; и если известно, то что председатель совета министров думает предпринять, дабы оградить высокое собрание от незаконного вторжения нечистой силы?

Вы, вероятно, подумали бы, что «запрос» — или грубая шутка, или нечто психиатрическое.

Ничуть не бывало. Это просто «национальная физиономия» нашей северной столицы.

Ибо в Госуд. думе только что *совершенно серьёзно* обсуждался «запрос» о «ритуальном убийстве».

«Ритуальное убийство» — это область ведьм, оборотней, волшебства, нечистых сил и прочих прелестей средневековья.

Почему же в *столице* возможна была подобная дикость?

Очень просто: наша «физиономия» в том и заключается, что чем нелепее, тем «национальнее».

Всё это случилось в «младшей столице».

Посмотрим, что поделявает «порфиноносная вдова» — Москва.

Здесь тоже «национального» сколько угодно. Правда, насчёт оборотней запроса не предъявляли; но зато явился тип безграмотный, никогда ничего не печатавший, и вдруг — бряк:

— «Живой труп» мой<sup>574</sup>.

— Вы, собственно, кто же?..

— Я по части письмоводства...

— И «Живой труп» ваш?

— Беспременно...

Дико! Нелепо!.. Но ничего не поделаешь: национально. И вот совершенно серьёзно обсуждают, пишут, телеграфируют...

— Толстой — мошенник! Александра Львовна — мошенница!

Казалось бы, дело ясное, как дважды два четыре. Во-первых, Соловьёв безграмотен. Во-вторых, написал такую вещь, как «Живой труп», — вдруг на этом и остановился. В-третьих, *для чего* Толстому могло понадобиться это мошенничество? Слава? Так неужели автору «Войны и мира» надо было присваивать для славы «Живой труп»? — Деньги? Но ведь Толстой *при жизни* «Живой труп» не печатал, а если и напечатал бы, то всё равно ничего за него *не получил бы*, т. к. отказался от права получать деньги и за все произведения, написанные после 1881 года<sup>575</sup>.

А зачем это могло понадобиться Александрѣ Львовне? Ведь *все деньги*, вырученные за сочинения Толстого, пойдут не ей, а на благотворительные цели, указанные Толстым при жизни... Так во имя чего же эта мистификация? И при чём «10 000 Художественному театру», когда за каждый печатный лист толстовских сочинений любой издатель заплатил бы десятки тысяч.

Все это прекрасно знают, до Восторговых и Илиодоров, и всё-таки:

— Ага! Попался, мошенник!

Откуда же всё это?

Национальная физиономия! — Чем бессмысленней, нелепей — тем сильнее пахнет современною Русью.

Какой же вывод отсюда? А вывод тот, что в обеих столицах с наглядностью показано, что теперь «*всё можно*» и что это и есть самое для нас типичное.

Но, спрашивается, найдётся ли другой город в Российской империи, где бы *до такой степени* было «*всё можно*», как в Царицыне?

Найдётся ли другой город, где подобная дикость была бы встречена с таким общим восторгом?

Не найдётся.

А потому: да здравствует Царицын!

Именно здесь, у нас, и должна быть столица государства, потому что только здесь принцип «чем нелепее, тем лучше» мог бы получить полное своё выражение.

Петербургский период русской истории кончился. — Наступает царицынский.

---

Что всё это так, достаточно самого беглого взгляда на недавнее прошлое и настоящее царицынской общественной жизни.

Не успела замолкнуть история с Заморёновым, выплывает Грошенок с своей «биржевой артелью» и пьяными актами<sup>576</sup>. Не успели покончить с Грошеноквым, как на горизонте показался Маковский.

Эта история самая замечательная.

Маковского обвиняли не более не менее как в попытках оказывать развращающее влияние на учениц. Дирекция музыкальных классов нарядила целое следствие и постановила: просить Маковского подать в отставку на двухнедельный срок (по крайней мере, сообщение об этом в газете опровергнуто не было). Отсюда ясно, что на следствии факты, компрометирующие Маковского, подтвердились.

И вдруг начинают кричать: «газеты врут! Маковский невинен, как агнец». Собираются подписи, ему устраивают «овации».

Но позвольте: если невинен, то зачем было предлагать ему подать в отставку? А если велели подать в отставку, как можно допускать его до преподавания и до выступления в концертах?

Ошибка всегда возможна. И если газета «ошиблась», она с радостью бы отказалась от своих обвинений. Если факты, которые сообщались, оказались бы выдуманными или ложно истолкованными, я первый бы заявил об этом в печати. А то, подумайте, какая нелепость! *Само* Музыкальное общество выносит приговор: «Виновен. Подавайте в отставку». А через два дня концерт с участием «отставного музыканта». И девочки-подростки и гимназисты кричат:

— Bravo! Bravo!...

Нет — это может быть только в «столице», ибо «нелепость» дальше идти не может.

Говорят, Маковский останется. Верю. На то у нас и «столица».

Это по поговорке: на первый раз прощаю — больше *не попадйся!*

Да здравствует Царицын!..

Но не успели успокоиться после Маковского, новая «столичная» знаменитость — д-р Ефимов.

Может быть, тоже «газеты врут»? Бедные газеты! Но почему тогда не «опровергнуть» эту ложь. Конечно, сам Ефимов «выше этого». Что такое «печать»? — звук пустой. Легко встать в благородную позу негодования. Но почему бы знаменитому доктору не опровергнуть хотя бы для «малых сих», которые ещё не вполне прониклись «столичным духом» и немножко считаются с газетами.

Пока сообщение газет не опровергнуто, мы вправе относиться к ним как к достоверным.

Что же получается?

Земский врач «подрабатывает», то есть, попросту говоря, превращает высокое звание врача в мелочную лавочку, — а на земскую больницу смотрит, как на рекомендательную контору:

— Пожалуйте к д-ру Ефимову.

Чего тут особенного? «Столичные» знаменитости забыли даже приблизительное назначение врача. Такие слова, как «долг», «обязанность», «призвание», «служение народу», — всё это «провинциализмы», о которых в столичном граде Царицыне почти совершенно забыли. Так забыли, что, когда пишешь с искренним желанием напомнить «забытые слова», чувствуешь, что перед тобой глухая стена, что до такой степени они чужды всем, что как будто бы произносятся совсем на другом языке.

Ну разве д-р Ефимов не настоящая «столичная» знаменитость?  
Да здравствует Царицын!

Про Илиодора я уж не говорю. Совершенно очевидно, что только в Царицыне мог так «расцвести» смиренный инок. Представьте себе гидру, «библейские выражения», гору Фавор, катакомбы — в каком-либо другом городе. Это будет несообразность. Для Илиодора необходимы «Балканы» и «Вор-Гора»<sup>577</sup>, особый тип низкопробного мещанства, составляющего чуть ли не две трети всего населения города. Того мещанства, которое достаточно «образованно», чтобы «слышать» о Толстом, и достаточно невежественно, чтобы заплёвывать его портрет. Оно-то теперь и даёт тон всей русской жизни, но нигде не является столь могущественным элементом, как в Царицыне.

---

Я думаю, «похвальное слово» Царицыну достаточно убедительно. И едва ли кто-либо теперь усумнится в моём «патриотизме»<sup>578</sup>.

Скоро величие Царицына сознают все. Будет тогда у вас и Синод, и Сенат, и посланники, и «Дочь фараона». А пока не сбудутся эти блестящие мечты, вам придётся жить серыми буднями.

И мне жаль вас. Верьте, не верьте, — но глубоко жаль. Я-то вольная птица; вспорхнул и улетел. А вам в ожидании Синода и Сената придётся жить изо дня в день, кричать Маковскому «браво». Продолжайте, мол, в том же духе! Придётся ходить к «земскому врачу» Ефимову и по праздникам утешаться на горе Фавор.

Тяжело это.

И я хотел бы, чтобы моё *дружеское* сочувствие дошло до немногих живых людей и хоть сколько-нибудь порадовало их, как и всякое искреннее сочувствие.

## КОМУ ЖАЛОВАТЬСЯ?

**Н**а «семейном совещании» санитарного совета по вопросу о деятельности д-ра Ефимова П. Д. Тихомиров<sup>579</sup> между прочим заявил:

«Лицам, недовольным деятельностью заведующего больницей, следовало прежде сообщить о своём недовольстве Управе, а не ходить в газеты».

«Семейное совещание», разумеется, не могло встать ни на какую иную точку зрения, кроме как на «семейную».

П. Д. Тихомиров высказал положение, под которым подпишутся все люди, чуждые общественных интересов и даже приблизительно не понимающие назначения «печати».

Для всех этих «семейных людей» газеты — место для «публичного скандала», место для сведения личных счётов, место для «высмеивания», передёргивания и т. д.

При таком отношении к печати естественно «недовольство», что «жалуются» не ближайшему «начальству», а в газеты.

К чему, мол, «устраивать скандал», когда можно «уладить всё» семейным порядком?

Но мы придерживаемся принципиально иного взгляда на вещи.

Печать существует для того, чтобы «семейные» факты делать общественным достоянием и разъяснять обществу их *общественное значение*. Если какой-либо врач превращает *свою* деятельность в мелочную лавочку, и тем более деятельность *учреждения*, — недостаточно, чтобы «дело уладилось», — должно об этом узнать *общество*, не для «скандала», а для того, чтобы, реагируя на это в общественном смысле слова, тем самым гарантировать себя от подобных явлений в будущем.

Если бы все наши общественные проступки «улаживались» по-семейному, мы все давно бы превратились в дикарей, потеряли бы всякую способность к общественной жизни.

Вот почему на вопрос «кому жаловаться — Управе или газетам?» — надо ответить: и *Управе*, и *газетам*, т. к. одно другим «заменено» быть не может.

Управа ведает «деловую» часть всего этого.

Газета — *общественную*.

## НАШИ ПРИЕХАЛИ...

*(Впечатление человека из лесу)*

**Я** опять в Думе. Очень не хотелось. Но мне сказали:

— Городской голова будет докладывать о своей поездке.

— А! Это другое дело: я люблю хороший эпос. Надо пойти послушать...

Тем более, что ледокол отрезал меня от «лесной» жизни. Волей-неволей приходится «развлекаться» культурой.



Первые впечатления уже знакомы мне: швейцар в валенках, набожные гласные, на стене величественный план собора.

Но в воздухе чувствуется какая-то особенная торжественность: не то в доме именинник, не то — важный покойник. Сторож, например, принёс восемь лишних стульев для публики и поставил их почему-то не в ряд, а «врассыпную». Через пять минут вернулся и унёс стулья в другую комнату!.. И народу сегодня больше. Неподалёку от меня две дамы-блондинки, в грандиозных причёсках, даже по-французски говорят. До меня то и дело доносится:

— Docteur... n'est ce pas?..\*

Очень, очень мило! К дамам подошёл господин с благообразной физиономией офицера и раскланялся. Жаль, не поцеловал ручку: всё бы, как у людей.

Гласных — видимо-невидимо. Громадный процент лысых, с «брюшком». Сегодня в них тоже что-то особенное: они часто берут друг друга за руки, повыше локтя. Смотрят друг на друга ласково. И общий говор их очень мелодичен: точно мурлыкают.

Очень, очень мило!

Но, увы, «эпоса» всё же мне не пришлось слышать... А жаль. При яркости ораторского таланта головы, отчёт о впечатлениях столичной жизни должен бы произвести потрясающее впечатление.

Впрочем, и то, что мне пришлось видеть и слышать, — превзошло все самые смелые ожидания.

---

Торжественное настроение скоро для меня объяснилось: оказывается, я попал на «выборы» членов Управы.

Но самое интересное началось там, где его меньше всего можно было ожидать.

Не успел секретарь закончить протокол «предыдущего заседания», городской голова заикнулся было:

— Виноват-с... не имеет ли кто...

Тут поднялся человек с круглой физиономией. И я услышал неожиданное слово:

— Собаки...

Общий гул заглушил «оратора».

Знакомый мне уже седой, недоумевающий затылок Серебрякова и с мольбой поднятые руки его... Чей-то громкий голос:

---

\* Доктор... не правда ли?.. (фр.)

— Безобразие!..

Мелькающий голова, Пятаков, спокойно играющий карандашиком, — всё слилось в общий сумбур.

— Выслушайте меня!.. Выслушайте меня!.. — напрягалась изо всех сил круглая физиономия.

— Кто это? — спросил я.

— Антонов<sup>580</sup>.

Через полчаса зал успокоился, и взволнованный гласный прерывающимся голосом, но довольно плавно начал:

— В одном из отдалённых заседаний Думы... был поднят вопрос о бродячих собаках...

— Какое нам дело!..

— Сейчас протокол читают...

— При чём собаки?..

Круглая физиономия Антонова побагровела, и он заговорил отрывисто, почти с истерикой. Вопрос, видимо, у него «наболел»:

— Выслушайте меня!.. На глазах детей... на улицах... Собаки ходят... Собаки бегают... Собаки бесятся... Но что гнуснее всего — собаки проделывают... всякие эволюции... Да-да, господа гласные, э-во-люции! Собаки не должны ходить... Я требую... Вопрос важный... В смысле приличия, господа гласные... такие эволюции... на улицах недопустимы... Раз это нарушает приличие — вопрос должен быть передан в *санитарную комиссию*.

Я ждал грома аплодисментов. Ведь гласный Антонов «затмил» знаменитую речь одного кавказского гласного, который по этому же самому вопросу произнёс, как известно, такую речь:

— Милусти государи и Милусти государыни! Господа, хотя между нами ни одна нет женщины, но это усегда так говорится...

На основании последнего слова науки, спрашиваю вас: Куда мы идём? Зачем мы идём?.. Мы идём для того, чтобы наше юношество умёл жрать этих несчастных классических языков, надежды которых на оных возлагаются обществом и целым стаям куча родителей... Впрочем, зачем я вам читаю политический экономия. Лучше будэм вам рисовать красноречивый картинки. Представляйте себе — идёт мальчишка с книжками под мышками. Вдруг в вашей городской вонючий канави вискакивает целая стая разъярённых собак, и разрывают мальчишки на частички. Теперь возьмите ви положения эта куча родителей над трупом бездыхательного сына... И т. д., и т. д.

На основании всех этих соображений, кавказский гласный предлагает для уничтожения бродячих собак сдать «охоту» на них в аренду<sup>581</sup>.

Речь Антонова, по-моему, замечательнее.

Кавказскому гласному простительно — он русского языка не знает. И то всё-таки до «эволюции» не договорился и не предлагал, в виду нарушения собаками «приличий», сдавать вопрос в «санитарную комиссию»!

Бедный Дарвин — знал ли он, что у него будут такие последователи, как «эволюционист» Антонов?..

Но вот и выборы.

Прежде всего вопрос: избирать или не избирать новую «бюджетную» комиссию?..

Разумеется, шум, вопли, звонок шипит.

— Виноват-с, виноват-с... внимание, господа...

Я уже начинаю привыкать: всякий новый вопрос обсуждается сначала *всеми* гласными *единовременно*. Потом говорит Серебряков. Затем Пятаков «вспоминает» что-нибудь из далёкого прошлого. Ну, а дальше уж как по маслу.

Так и тут. Покричали. Серебряков говорил. Потом Пятаков вспоминал.

Но голова взмолился:

— Такая масса комиссий, собственно говоря, что не находишь времени... именно-с... собирать их... Каждый день комиссии... этого... я прошу не обременять... комиссии... Понимаете ли-с... каждый час комиссии...

Гласные сжалилась.

И вот наступила торжественная минута.

К избирательным «урнам» потянулись наши «отцы». Сухое пощёлкивание шаров. Вздохи. Шёпот.

«Точно перед исповедью», — думаю я.

Считают: Титовский... Избирательных: один, два, три... десять... двадцать... двадцать девять...

Голоса: избран...

Мишнин: избирательных: один, два... десять... двадцать шесть...

Я не в курсе «думских» дел и не знаю, хорошо ли, что «выбрали» Титовского и «прокатили» Мельникова<sup>582</sup>. Я — человек из лесу. Моё дело *описывать*.

Мишнину похлопали. Гласные зашумели свободнее. Видимо, напряжённое состояние требовало выхода.

Я думал, всё кончилось.

Но поднялся человек с желтоватой, пергаментной лысиной.

Пункт моих наблюдений таков, что видишь одни только лысины да затылки. Поневоле приходится умалчивать о физиономиях. Я не видел владельца жёлтой лысины, но ясно представлял себе его лицо: таким изображают деревенские иконописцы Николая Чудотворца.

— Кто это? — спросил я.

— Назаров.

Вслушиваюсь:

— Баллотировка неправильная...

— Почему?

— Как?

— Правильная! Правильная!..

— Виноват-с... внимание...

— Неправильная... Я подсчитал общую сумму шаров... У одних 47, у других 46...

Голова складывает.

Одинаково у всех.

— Нет, — протестует Назаров.

— 26 и 21 — 47, — говорит голова.

— Правильно! — кричат гласные.

— Виноват-с... 29 и 17 и один свой — 47.

— Правильно!

Назаров тихо садится. Кажется, всё теперь. Собираюсь идти.

— Понаблюдайте ещё, — говорят мне.

Бог мой! Да чего же тут наблюдать? Итак ясно всё как день.

Между прочим, около двери я заметил двух седых мужичков. Они сидели как раз рядом с дамами, умеющими говорить «n'est ce pas». Я видел, как они подавали городскому голове какую-то бумагу: должно быть, «прошение».

И вот, глядя на них, я думал.

А что, если бы в эту залу собрать вот таких мужиков, которые теперь робко жмутся к двери. Посадить бы их вместо всех этих господ с благолепными лысинами и великолепными брюшками — как было бы хорошо. Куда толковее сумели бы они делать своё дело. Конечно, не говорилось бы речей об «эволюции собак».

Но я глубоко убеждён, что не было бы и того сумбура, который бывает всегда, где люди «думают» только о себе, а не об общем «мирском» деле.

Невесёлые были мои думы. Но я утешал себя тем, что, вероятно, посещаю «муниципалитэт» в последний раз.

Мороз крепнет всё. Волга станет скоро. Снова можно будет забраться в лес. Подальше от культурных «развлечений»...

## ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И «ГОРА ФАВОР»

**Е**два ли можно найти двух интеллигентных людей, которые были бы *различных* мнений по вопросу об оценке таких явлений, как «илиодоровщина», взятых *во всём объёме*.

Для всякого мало-мальски просвещённого человека ясно, что заплёвывание портрета Толстого или сооружение горы Фавор есть результат не «злой воли», не «испорченности» людей, — а, напротив, безусловной *искренности*, направленной по несчастью на *зло*. Руководители могут направлять на такие деяния чуткое и глубоко гуманное русское сердце, исключительно только пользуясь беспросветной темнотой «Балкан», «Вор-Горы» и прочих захолустий.

На такое явление можно было бы не обращать внимания, но когда оно охватывает *тысячи*, становится *общественным*, — люди просвещённые, интеллигентные не вправе «отшучиваться». Одного смеха над всеми этими «Фаворами» недостаточно. Может быть, и достойны смеха те, кто *выдумывает*, — но надо понять, пожалеть, войти в положение тех, которые *верят*.

Ведь у них-то *нет* никаких задних целей. Они-то несут к подножию «Фаворов» свою душу, которую руководители натравливают и озлобляют, и свои последние материальные крохи, которые они жертвуют с радостью.

Но, спрашивается, сделало ли общество хоть что-нибудь для борьбы с этим злом?

Газетные статьи? Но это очень мало. С газетами считаются те, кто не нуждается, чтобы им «глаза открывали», — а те, кому их нужно открывать, отгораживаются от влияния «газет» давно уже готовой формулой: газеты всё врут (иногда с прибавкой: «жидовские»).

Я знаю, в Царицыне людей интеллигентных по пальцам перечесать можно. И всё-таки я убеждён, что они могли бы сделать много.

Надо лишь *захотеть* и понять, что это не «так себе», забава для своего собственного времяпрепровождения, — а *общественный долг*. Долг перед теми самыми людьми, которые дают нам возможность «просвещаться», а сами задыхаются в удушливом мраке «катакомб».

Что же могли бы сделать интеллигенты?

Отвечаю: они могли бы без всяких «капиталов» создать свой *народный университет*. И без всякой «Гор. думы», которая поглощена борьбой с собачьим развратом, и вообще, «без всякой помпы».

Недавно несколькими членами местного отделения Лиги борьбы с туберкулёзом были прочтены лекции. Народу битком набито. Мне о впечатлениях своих «простые люди» рассказывали с *восторгом*. Лекции были *бесплатные*.

Зачем этим лекциям носить случайный характер? Можно было бы устраивать их по определённой программе и регулярно.

Вы скажете, что общество борьбы с туберкулёзом стеснено узкими рамками? Прекрасно. Но почему нельзя было бы открыть новое общество, например, *литературное*, которое имело бы возможность расширить свои темы.

Местных сил мало?

Глубоко не согласен.

Здесь не требуется «творчества». Никто не просит в Царицыне открывать Америку. Но и никогда на поверю, чтобы врачи, адвокаты, чиновники, некоторые земские и городские деятели, если бы захотели поработать, не смогли сообщить слушателям сведений по истории, литературе, общественным наукам. Если они даже забыли, чему их «учили», — не трудно взять книги и «вспомнить»!

Вот такие лекции, бесплатные, для простого народа, по определённому плану, и были бы *народным университетом*<sup>583</sup>.

Для этого не требуется никаких «ассигновок»: небольшие расходы по организации легко бы покрылись «членскими взносами» и добровольными пожертвованиями. Наконец, можно было бы повесить кружки на лекциях, в которые в виде «платы» слушатели клали бы каждый сколько может!

Как ни мало здесь интеллигенции, но сидеть сложа руки и только подсмеиваться над «невежеством народа» — стыдно.

## «БЕСЕДА» О ГОЛОДЕ

*(Впечатление человека из лесу)*

**Я** продолжаю «развлекаться»... Ничего не поделаешь: за Волгу пробираются только «смельчаки», приходится полыньи «обходить», прыгать через воду. Я не чувствую себя «смельчаком», и кроме того, право же, жизнь моя «нужна отечеству».

А меня искушают, говорят:

— Обязательно сходите на земское собрание.

И показывают записку корреспондента: «Не могу уйти с земского собрания — ожидается скандал. А. П.».

Надо пойти.

Если нельзя перебраться за Волгу, усесться на маленькую смешную лошадку Малютку, запряжённую в санки, и помчаться в тихий серебряный лес, на хутора, на озёра; не видеть ничего перед собой, кроме снега, неба да неуклюжих возов с сеном, — если нельзя бросить вожжи, остановиться на дороге и задуматься, замечтаться, отдавшись ласковой, грустной тишине, — остаётся одно: наблюдать «скандалы».

Должно быть, я одичал в лесу: один не решаюсь посещать многолюдных собраний:

— Уж проводите.

— С удовольствием. Я и сам не прочь посмотреть, ведь это, пожалуй, почище Городской думы.

— Неужели?

— А вот сами увидите.

---

С первых же шагов я невольно начинаю сравнивать с Думой.

В Думе много вешалок. Здесь никак не найдёшь, где снять пальто. Зато швейцары не «пожирают» вас глазами, как в Думе, и не подсакивают с «любезностями», — а как ни в чём не бывало топят себе печки: разоблачайся, мол, как знаешь.

Это мне нравится: по-семейному.

Вхожу в залу и первое, что вижу, это фигуру о. Строкова.

На душе у меня сразу делается тепло и спокойно. Когда мне первый раз показали о. Строкова на улице, и потом я раза два мельком встречал его на извозчике, — всегда почему-то испытывал одно и то же чувство: «Слава Богу... ничего не случится... Всё будет хорошо».

Так и теперь, гляжу на него, на широкую рясу, крест, мягкие движения и ловлю себя на мысли: «Бояться нечего... Всё будет хорошо... Если такая ряса, такие движения... значит, можно быть спокойным».

Сажусь на стул и прямо перед собой, на председательском месте, вижу нечто необычайное.

Я так поражён, что слова выговорить не могу:

— Господи, спаси и помилуй!.. что же такое? — шепчу я.

— Предводитель дворянства Мельников! <sup>584</sup>

Я чувствую, что к горлу моему что-то подкатывает. И «беспричинный», неприличнейший смех готов вырваться наружу. Я стискиваю зубы, говорю себе:

— Глупо смеяться... Чего же особенного?.. Совсем нет ничего особенного...

Но смех так и бьётся наружу, даже ноги трястись начинают.

Господи, как я одичал, как одичал!

Но Бог спас меня от полнейшего срама, и я, по свойственной мне привычке, начинаю осматриваться.

Опять сравниваю с Думой.

И опять здесь лучше. По стенам развешаны образцовые хлеба: кукуруза, рожь, пшеница. «Землём» пахнет — полев: всё-таки «земство»!

Осматриваю людей. Ба! И здесь Пятаков! Но и он в «земстве» лучше. На нём министерский мундирчик. Это идёт к нему гораздо больше чёрного сюртука — прямо «сим-пом-пончик».

Тут же и голова — без цепи, запросто.

Вслушиваюсь.

Оказывается, беседуют о голоде. Меня сразу поражает этот *общий характер* собрания: *дружеская беседа*. В Думе даже о безнравственных собаках говорят торжественно — здесь мирный разговор друзей в уютной гостиной.

Обычно председатели руководят «прениями». Но тут нет никаких «прений» и никакого председателя, есть хозяин-хлебосол, который занимает гостей. И потому предводитель дворянства Мельников говорит больше всех сам.

Прежде всего я вслушиваюсь в тон его речи. Боже, какая ему лень, какая лень. И спать, должно быть, хочется ужасно, раза два я заметил, что он «щитком» закрыл рукою рот. Говорит медленно и точно рассуждает сам с собой.



— Я, господа, против закупки хлеба для продажи по заготовительной цене. Пусть себе правительство само купит — и привезёт...

— Оно и не купит, и не привезёт, — осторожно перебивают «хозяина».

— Оно и будет ви-но-вато, — растягивает предводитель.

— А население?

— То есть как население?..

— Ну, да: правительство не привезёт, а население будет страдать.

— Ну... знаете... все страда-ем... — лениво улыбается хозяин и незаметно зевает, прикрываясь ладонью: скучный гость!

Но «гость» не унимается: это В. А. Персидский.

Я с радостью чувствую в его речи нечто *человеческое*. Он говорит, явно нервничая, торопится, перебивает себя. Но он говорит потому, что ему *нужно* сказать. Он волнуется не потому, что его слушает собрание, это не «самолюбивое» волнение, а волнение *человека*, которого затрагивает самый обсуждаемый *вопрос*.

— Непременно надо организовать продажу по заготовительной цене, убытки Камышинского земства нам не указ. Это доказывает только, что там коммерческого таланта не хватило, — и больше ничего. Земство обязано помочь населению. Главное значение продажи по заготовительной цене — не дать возможности вздуть цены. Для этого достаточно вывезти на базар несколько возов дешёвого хлеба. И наконец: если земство потеряет от этой операции две-три тысячи убытку — не важно. Это с избытком вознаградится тем, что получит население. Что касается организации самого дела, то надо предоставить полный простор Управе — как Управа найдёт более выгодным, так пусть и организует.

Кончил.

Встаёт плотный гласный, из «простых»; по внешнему виду «деревенский кулак». Старшины бывают такие: упорные, немного бестолковые, но свои интересы знающие прекрасно.

— Вы хотите в кредит хлеб давать...

— Я этого не говорю, — нервничает Персидский.

— А по-моему, — «прёт» старшина, — народ настроен в таком положении, что едва ли достанет хлеба в кредит...

Учтивый хозяин находит своевременным вмешаться в разговор. В гостиной такие разговоры неприличны.

— Но, простите... я никак не могу понять, — рассуждает сам с собою Мельников, — откуда мы прежде все-го возьмём деньги. Это прежде все-го... Вот вы, — обращается он к чёрному господину в пенсне, — самый крупный землевладелец у нас... Ну, и много у вас хлеба?..

— У меня нет...

— И у меня нет, — расплывается в улыбку предводитель.

— У меня немного всё же найдётся...

— Да и у меня... Какая-нибудь тысяча пудов... такая мелочь, о которой не стоит разговаривать.

Я жду, что скажет Пятаков! Неужели и здесь начнёт «вспоминать», — как он «вспоминает» в Думе. — Неужели и здесь опять: «Как хороши, как свежи были розы»...

Он действительно просит слова.

Но Боже мой, я не узнаю Пятакова. И он подчинился общему «семейному» духу. Как и все в земском собрании, говорит сидя. В голосе появилась приятная модуляция, и, что всего поразительнее, с лица не сходит *улыбка*.

Пятаков улыбается!

Правда, это немножко не идёт к теме, немножко странно видеть эту улыбку, а слышать слова: «голод», «цинга», «скотинадохнет». Но зато милая улыбка так идёт к светлым пуговицам «землеустроительного» мундира и модулирующему голосу, что на Пятакова залюбоваться можно. И по содержанию речь его очень приятна. Он ничего не «вспоминает», никого не «поддевает».

— Да, — говорит он, — голодные кушать хотят, и потому их покормить можно. Деньги ассигновать надо. Тысяч пятнадцать — пустяки. При известной удаче можно сделать оборот и в сто тысяч.

— В миллион, — шепчет кто-то.

— В миллиард, — шутит с своим соседом Персидский.

В собрании делается опять семейно легко. И хлебосольный хозяин хочет, воспользовавшись настроением гостей, ликвидировать маленькую шероховатость предыдущих разговоров.

— Ну, господа... вы, я полагаю, достаточно наговорились... — улыбается он.

Я ждал: «а теперь прошу к столу». Но вместо этого он сказал:

— Пробаллотуруем.

Пробаллотировали. Деньги, 30 000 руб., ассигновали.

— А теперь, — игриво закончил предводитель, — довольно о голодающих: я по-ла-гаю, мы все сами проголодались.

— Ещё последний доклад, — спешит председатель Управы, — о прокормлении голодной скотины.

Любезный хозяин учтиво кланяется в знак согласия. Его вид говорит:

— Пора обедать... и отдохнуть, но для гостей я всегда рад...

Я не стал слушать последнего предобеденного доклада и ушёл.

---

Что же, хуже или лучше, чем в Думе? Бог их знает. Во всяком случае вот что: и в Думе, и здесь, несмотря на семейный характер беседы о голоде, меня поразило отсутствие *человеческого*. Горячая речь Персидского только ещё более подчёркивала это. Я не *постановление* критикую. Деньги голодным, слава Богу, дали. Я говорю как *наблюдатель*, о самом *тоне* всего происходящего.

Вы скажете: что же, плакать, что ли, на деловом заседании? Ведь здесь, мол, «земство», а не студенческая квартира, чтобы проливать слёзы о страдающем народе.

Нет, не плакать. А так говорить, чтобы чувствовалось, что вы *можете заплакать*. У нас вкоренился глубочайший предрассудок, что «дело» — одно, а «человек» — другое. И всякий, приходя «делать дело», из сил выбивается, чтобы дальше спрятать «человека». Оттого так бесцветны, нудны и мертвы все наши общественные дела! Вот здесь, в вопросе о голодающих, это отсутствие «человеческого» особенно резало ухо.

Да, нужно ассигновать деньги, нужно обсудить, решить, пробаллотировать. Но нужно к этому как-то иначе *относиться*, надо жить всем этим, болеть, *людей* помнить и самим быть людьми. Я не проповедь «морали» читаю. Я говорю об *общественной* деятельности. Вся *деятельность* будет иной, если *человек* будет выдвинут на первый план. Если даже сухие цифры для каждого станут *живыми цифрами*.

Лев Толстой говорит в одной статье о тех впечатлениях, которые он пережил, читая доклад в Московской городской думе о помощи голодающим: как он ясно видел, что всем было «неловко», что все *за него стыдились*, стыдились того, что он говорит «бестактности» в смысле обычных, «деловых» докладов<sup>585</sup>.

Эта неловкость потому и была, что в «официальном» месте раздался *человеческий* голос. Но только тогда деятельность мо-

жет быть подлинно *общественной*, когда все будут прежде всего людьми.

Я ушёл из земского собрания, как и после всякого «собрания», с тяжёлым чувством. И деньги ассигновали, и улыбались, и шутили, — но в *общем* не было *главного*. Там, где выступает нечто механическое, — исчезает вера в плодотворность самого хорошего, самого гуманного дела.

Впрочем, может быть, я в самом деле одичал. И просто отучился «бывать в обществе»? Может быть. Во всяком случае, после хлебосольной беседы о голоде ещё крепче захотел я в лес, в снег, в поле, на край света.

## «ДОМ ТРЕЗВОСТИ»

**В** воскресенье состоялось за Царицей открытие «Дома трезвости».

Царицынское общество трезвости — явление во многих отношениях замечательное.

В полумёртвом городе, где, по общему убеждению местной интеллигенции, невозможно никакое живое общественное дело, — возникает целая просветительная организация, и не в «центре» города, а в одной из наиболее тёмных его частей. Оказывается, если иметь желание, силы и талант, даже в Царицыне можно сделать *многое*. Председатель общества о. Строков сумел уберечься от главного соблазна: привнесения *личных* интересов, *личных* счётов, *личных* симпатий — в общественное дело. Он сумел дать своей деятельности *прямое* и *точное* направление — это и обеспечило ему успех. 99 из 100 на его месте превратили бы Общество или в арену для достижения карьеры, или для борьбы с *политическими* врагами. Задачи трезвости и просвещения превратились бы в декорации для деятельности «Союза русского народа» или другой какой партии, в зависимости от «вкусов» руководителя.

О. Строков с необычайным искусством выдвинул перед «трезвенниками» *главнейшую* задачу. Это сразу *всех объединило*, спаяло в одно целое.

В настоящее время «Дом трезвости» — едва ли не самое яркое общественное начинание в Царицыне. И прежде всего «сравне-

ние» напрашивается с другим «общественным делом», мрачным и шумным, воздвигнутым на другой окраине города, — с «монастырским подворьем».

Сравнение это *неизбежно*. Как бы ни отмахивались от него трезвенники — оно волей-неволей явится у каждого. И результаты его будут глубоко поучительны.

На подворье сооружается «гора Фавор».

В «Доме трезвости» открывается «Второе ссудо-сберегательное товарищество».

На подворье роют «катакомбы» и усыпальницы, чтобы прятаться от Антихриста.

В «Доме трезвости» организуется «похоронная касса», чтобы смерть не застала *семью* в полной нищете.

На подворье — патриотические беседы.

В «Доме трезвости» — воскресная школа.

Там — «Гром и молния»<sup>586</sup>.

Здесь — «Царицынский трезвенник».

На одной окраине ведут борьбу с Антихристом. На другой — с водкой.

У многих «одураченных» простых людей, сбитых с толку всеми этими «Фаворами», всей этой трескотнёй, — «Дом трезвости» откроет глаза: увидав настоящее *дело*, они поймут всю пустоту своего *безделья* на подворье.

Это второе важное значение самого *факта* возникновения «Дома трезвости».

Что же касается непосредственных задач *деятельности* Общества трезвости, то здесь, разумеется, не может быть двух мнений: русский народ, выпивающий миллионы вёдер водки, пропивающий последние свои крохи, последний свой разум, вырождается, звереет — и всякий, кто помогает ему «отрезвиться», делает великое общественное дело.

## БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Одной из характернейших черт нашего времени является необычайное развитие так называемых бытовых явлений.

Какая бы пакость ни случилась — глядишь, через неделю, месяц, год, — она становится «бытовым явлением», необходимым

придатком жизни; из случайного факта, который поражал всех, переходит в повседневность, в *быт*.

Очевидно, страна так ослабла, что не может справиться ни с какими язвами, ни с какими наростами на своём теле.

Нет внутренней силы *роста*, чтобы изгонять прочь «случайные» мерзости, нет духовной и моральной мощи, которая бы защищала народ от таких «случайностей». Нет этого потому, что и внутренний рост, и духовная мощь могут явиться только как результат *общей*, совместной жизни. Там, где жизнь общественная подавляется или сводится на нет, там сводится на нет и духовная сила народа<sup>587</sup>, — а это открывает самый широкий простор каким угодно «бытовым явлениям».

Примеров можно найти сколько угодно, от детских игр «в виселицу» и «экспроприации» до безобразного сквернословия в Гос. думе.

Раньше дети 10-12-ти лет, играя «в виселицу», приводили нас в ужас. Теперь это явление бытовое. Раньше площадная брань в Думе вызывала взрыв негодования — теперь это позорная «повседневность». Даже *физический* мир подчинился общему «закону», точно и в самом деле над Россией тяготеет какое-то проклятие.

Возьмите холеру. Бывали и раньше эпидемии — и даже более свирепые, но они *проходили*. Наша теперешняя холера положительно решила сделаться «бытовым явлением» и из эпидемии превратиться в повседневный факт. А чума?

В Одессе *даже* Толмачёв не мог изгнать её<sup>588</sup>. Правда, шутники говорили, что Толмачёв не предпринимал решительных мер потому, что никак не мог решить, какой *национальности* чума. Но шутка шуткой, а «бытовой» характер одесской чумы вне всяких сомнений.

Теперь такое же «явление» начинается по соседству с Царицыным — в астраханских степях. Устраивают для борьбы с чумой карантин, «исследуют», вызывают из Петербурга Малиновского, Заболотного<sup>589</sup>, а чума медленно, но упорно завоёвывает свои права на повседневность. И весной, вероятно, Царицын сведёт знакомство с новым «бытовым явлением». И нам придётся так же привыкать к чуме, как мы привыкли уже к детским «шалостям» и взрослым мерзостям, к жестокости, хулиганству и холере.

## КТО ДАЛЬШЕ ПЛЮНЕТ?

Однажды на улице я наблюдал оригинальнейшую игру мальчишек лет 10-13-ти.

Они плевали на стену. Задача заключалась в том, чтобы плюнуть как можно дальше.

Маленькие карапузы стояли, выстроившись в ряд, и, раздув щёки, напрягались изо всех сил переплевать друг друга.

— Во что вы играете? — спросил я.

— В плевки, — бойко отвечал один, видимо, «переплюнувший» других, потому что стоял он «kozyрем» и дальше всех от стены.

Передо мной лежат два документа: № 268 «Русского знамени»<sup>590</sup> и брошюра диакона В. Саввинского «Иеромонах Илиодор о гр. Л. Н. Толстом и о его “Живом трупе” (Речь, произнесённая иер. Илиодором 8 ноября в аудитории Св.-Дух. монастыря на собрании Царицынского православного Братского союза)»<sup>591</sup>.

Я читаю эти документы и не могу забыть игры в плевки. Передо мной не «литература», а состязание: кто дальше плюнет.

Разница с уличной игрой только в том, что там глупые дети — здесь «мудрые» мужи. Там плюют *на стену* — здесь на лучших людей страны. Остальное — всё, как «там». Та же дикая, уличная игра в плевки, то же старание во что бы ни стало «переплевать» друг друга.

— Я дальше плюнул.

— Нет, врёшь, я дальше...

— Врёшь, я!..

— Нет, я!..

Статья в «Русском знамени» написана по поводу предстоящего выступления В. Г. Короленко в качестве защитника по делу о «ритуальном» убийстве Ющинского.

«Защиту взял на себя, — плюет “Русское знамя”, — известный социал-революционный батька, маститый каторжник и редактор-издатель “Рус. богатства” В. Г. Короленко. Что же обещает внести в предстоящий процесс, при таких условиях, маститый жидолюб Короленко? На что рассчитывают жида, выдвигая этого шабесгоя в качестве центральной фигуры в защите? Догадаться не трудно. Это популярность его, которая сыграла свою роль десять лет назад в “Мултанском деле”. Но с тех пор много воды утекло, — стара-

ется изо всех сил переплывать “Рус. знамя”, — акции Короленко сильно понизились, особенно со времени его перевода из беспартийных беллетристов в сектантские руководители хулиганского революционного сброда, носящего определённую кличку эсеров, и затем после убийства, по его подстрекательству, советника Полтавского губ. правления Филонова. Теперь выступление Короленко ни к чему не приведёт, потому что русский народ относится к Короленке, поскольку знает об его существовании, с величайшим презрением, видя в этом продажном человеке олицетворение жидовской бессовестности».

Далеко плюнуто!

Взят один из честнейших, один из благороднейших русских литераторов, имя которого даже *порядочные* враги произносят с уважением, и плюнуто, со всего размаху, грязным «истинно-русским» плевком.

Но можно плюнуть и дальше!

Открываю брошюру «летописца»-диакона и читаю, в его передаче, речь о Илиодора:

«Из этого документа [письма об А. С. Соловьёве] вы, простые люди, можете понять, что Толстой — в . р и м . . . . . к , у . . . л у человека произведение, переправил “мертвец” на “труп” и сказал: “когда умру, — продайте”. Наследники Толстого — жена, дочь и сыновья — воспользовались этим правом и продали дьяволу душу Толстого за 10 000 рублей. На этом основании я имею право предполагать, что и остальные произведения Толстого у . . . . . у [взяты] у других лиц. Если это откроется, — Боже! — какую свистопляскою запляшут почитатели этого богохульника, в . . а и м . . . . . а! Толстой, быть может, и не написал ничего, а по . . . л всё у других»<sup>592</sup>.

Ругательства заменены здесь буквами и точками из естественного целомудрия о. диакона. Но если сопоставить газетные отчёты, скромные буквы легко разгадать: «вор» и «мошенник».

Да, этот плевком побил рекорд, дальше плюнуть едва ли сможет кто-либо на «святой» Руси!

О. Илиодор может праздновать полную победу: игра выиграна.  
— Я всех дальше!

И едва ли кто-нибудь осмелится «спорить с ним».

Игра в плевки наводит на глубокие размышления о «ведающих», что они творят, и «неведающих».



Кто плевал в Короленко, я не знаю. Может быть, ему неизвестно, что Короленко один из немногих современных писателей, сохранивший все лучшие традиции расцвета русской литературы. Что «жидовский батька», «маститый каторжник», «продажный человек» — на самом деле яркое воплощение чистых, идеальных, возвышенных стремлений русского общества. Может быть, заплёвывающий «маститого каторжника» — «неведающий». Но о. Илиодор, уж вне всяких сомнений, «ведающий». Нельзя кончить высшее учебное заведение и не знать того, что известно любому гимназисту первого класса.

О. Илиодор не может не знать следующих вещей:

1) Л. Н. Толстой отказался от права собственности на все свои сочинения, написанные после 1881 года, т. е. от миллионного состояния.

2) Никаких «наследников», «жены и сыновей», которые получили с Художественного театра 10 000 рублей, у Толстого нет. Наследница — одна дочь, которая и получила эти деньги.

3) На первой странице первого тома посмертных сочинений Л. Толстого, изданных его дочерью (того самого тома, в котором напечатан и «Живой труп»), имеется заявление об *отказе от права собственности* на новые произведения Толстого, с предоставлением права безвозмездно ставить пьесы его на всех сценах.

4) «Наследница» Толстого заявляет, кроме того, что все деньги, вырученные ею за первое издание художественных сочинений, и в том числе 10 000 р., полученные с Худож. театра, будут употреблены ею согласно указаниям покойного отца (ни для кого не тайна, что указания касаются покупки земли для яснополянских крестьян.)

Всё это не может быть неизвестно о. Илиодору, и потому его плевки есть нечто вполне *сознательное*, строго обдуманное и рассчитанное.

Он прекрасно знает, что в чём угодно можно обвинять Толстого: в «гордости», в «еретичестве», но в жажде наживы — смешно до дикости. Но тот же Илиодор знает, что такое обвинение всего «доступнее», всего грубее, а потому понятнее для обитателей Вор-Горы. Слушателей своих он явно не уважает, считает их такими «русскими дураками», которые всему поверят и так темны, что не смогут вывести его на свежую воду.

И потому, «ведая, что творит», он плюёт на лучшего человека мира:

— Вор! Мошенник!..

Как нужно относиться к «ведающим» — ясно для всякого.

Но к «неведающим» многие относятся неправильно. Большинство глумятся над ними.

Мне же, — говорю это от всего сердца, а не как «литературную фразу», — мучительно жаль их.

Это люди в громадном большинстве случаев глубоко искренние. В них разожгли злобу искусственно. Их одурачили.

Их довели до того, что они с отвращением рвут портреты Толстого, подвернувшиеся под руку. Воспользовались беспомощностью этих людей, невежеством. Соблазнили одного из «малых сих».

Их нельзя судить — их надо жалеть.

Но представьте себе какую-нибудь тихую старушку, которая слушает проповедь «батюшки о. Илиодора».

— Украл 10 000, — кричат ей.

— Деньги немалые, — качает головой старушка.

— Он и все сочинения свои украл.

— О, Господи! — вздыхает она.

— Из-за него стреляются юноши. Он кощунник! Безбожник!

Этого уж старушка простить не может. И при выходе от всей души плюёт на портрет «яснополянского Льва»<sup>593</sup>.

— Сподобилась, плюнула! — думает она и крестится.

Если бы этим людям объяснили, в кого они плюют, — они ужаснулись бы. Они всю жизнь не простили бы себе этого. Если бы они *знали* так, как *знает* это о. Илиодор, — они не только плевать не стали бы, а убежали в ужасе с подворья, где могут свершаться такие вещи.

Но войдите в положение их.

Что они знают о Толстом?

То, что у него большая седая борода и широкая блуза. То, что он «отлучён от Церкви» и писал какие-то книги.

И вдруг им говорят:

— Это мошенник, вор и дьявол.

— Вы люди учёные. Вам лучше известно.

И плюют. Плюют неведающие, обманутые вслед за «ведающими», прекрасно сознающими *цель* своей игры в плевки.

---

Недавно архиепископ Антоний Волынский прочёл в Петербурге доклад о Толстом<sup>594</sup>.

Он доказывал, что Толстой, несмотря на все свои теоретические и догматические заблуждения, до последних дней находился под влиянием Церкви в области морали. Толстой заблуждался — и потому отлучён. Но он настоящий христианин-аскет как моралист. Церковь, отлучившая его, не может за него молиться. Но *отдельные христиане могут*.

Вождь правых, архиепископ Антоний говорит: «Можно молиться».

О. Илиодор говорит: «Надо плевать».

Антоний Волынский много «плевал» — всем памятна его статья о Вл. Соловьёве, в которой он назвал «вселенского христианина» пьяницей и развратником<sup>706</sup>.

Но на Толстого у него не поднялась рука.

Вспомнил ли он свою молодость, когда был светским человеком и, по признанию, пошёл в монашество, чтобы «реформировать церковь»<sup>595</sup>; шевельнулись ли в душе его светлые порывы к беспристрастной правде, — судить не нам. Вне сомнения, что глава «правых» отказался плевать на Толстого.

Сам по себе этот факт не так уж важен. Но, может быть, он, хотя немного, заставит призадуматься тех, *кто не ведает, что творит*.

## ЗАБЫТЫЙ ДОЛГ

**Н**а совести каждого человека и на совести целого «общества» — всегда лежит много «забытых долгов».

Но едва ли не самый непростительный и всего чаще забываемый из них — это наш долг *перед народом*.

В нынешнем году Россия праздновала пятидесятилетие освобождения крестьян. Падение рабства было ознаменовано почти всюду обидно-бесцветно. Очевидно, до сих пор ещё плохо сознало русское общество всю вину свою перед «освобождённым» народом; вспоминая великий день избавления крестьян от власти помещиков, слишком мало переживали другой *забытый долг*: освобождение народа от власти «тёмного царства».

Царицынская Дума, чтобы не отставать от других, «для приличия» тоже решила отпраздновать 19 февраля: постановила ходатайствовать об открытии новой гимназии.

Дума «отписалась». Но есть «долги чести» — от них стыдно «отписываться».

Трудно придумать что-либо более *неудачное*, чем ознаменование освобождения крестьян — открытием среднеучебного заведения.

«Народный праздник» — требовал *народного* дела.

Разве гимназия — дело «народное»? Разве пускают гуда «кухаркиных детей»? Разве до сих пор «освобождённому» народу не так же закрыт доступ в среднеучебные заведения, как и пятьдесят лет назад?

Открывать «в честь народа» учебное заведение, в которое «народ» попасть не может, — можно только в насмешку.

Сейчас более чем своевременно указать на всю опрометчивость такого постановления Думы.

Конечно, почему не открыть новую гимназию — чем больше, тем лучше. Но пусть это не связывают с великим днём 19 февраля. В честь этого дня должны уплатить хотя бы часть «забытого долга».

Я говорю, что сейчас более чем своевременно указать на это потому, что перед нашими глазами, по частной инициативе, сделано большое народное дело: за Царицей открыт «Дом трезвости».

Это *событие* в царицынской общественной жизни поучительно в двух отношениях: оно засвидетельствовало *плодотворность* подобных народных учреждений и *недостаточность* одного за царицынского «Дома».

У «тёмных людей» так велика жажда света, что они *рвутся* на лекции, устраиваемые в «Доме трезвости». Это не фраза. Сходите, и вы убедитесь сами: громадная толпа народа остаётся *на улице* за недостатком мест. Те, которые вошли, свидетельствуют, что дело просвещения народа — живое, а не бумажное. Что его подсказывает жизнь, а не досужие «публицисты». А те, которые остаются за дверью, на морозе, — свидетельствуют о том, что сделано для просвещения бесконечно мало.

Этот *опыт* даёт право заявить, что *самым лучшим ознаменованием 19 февраля было бы сооружение в Царицыне, на средства города, «Народного дома».*

Сознать *недостаточность* уже сделанного постановления и дополнить его *новым* — никогда не поздно. И во всяком случае, население не осудило бы Думу, если бы она, вместо «гимназии для

господ», — открыла бы «дело» для народа. Сооружение это обошлось бы около семидесяти тысяч. Но если бы на эту постройку были ассигнованы хотя бы деньги, уплачиваемые Рысиным городу за свой магазин (10 000 р. в год)<sup>596</sup>, то и тогда легко было бы найти подрядчика, который согласился бы взять на себя работы с рассрочкой на 7 лет. Да кроме того, я убеждён, что нашлись бы капиталисты, которые частными пожертвованиями захотели бы хоть немного уплатить свой *личный* забытый долг народу — и помогли бы выстроить «Народный дом». О том, какое бы это имело *громадное* значение для Царицына, много говорить нечего.

Ведь в России не найти другого города, где бы чуть ли не 99% всего населения состояло из «тёмных людей». Глушь почти легендарная. И эту глушь эксплуатируют предприимчивые люди самых разнообразных профессий — от «пророков» до продажных литераторов!

Откройте «Народный дом», организуйте народные чтения, устройте народные спектакли, дайте возможность «тёмному человеку» прочесть хорошую книгу и посмотрите, как без всяких «постановлений Синода» развеется в прах вся эта илиодоровщина, а с нею и всё «тёмное царство» маленьких домиков царицынских окраин.

Городской думе представляется блестящая возможность показать, что гласные думают не о *себе*, а о населении. И люди, которых народ и поит, и кормит, — теперь могли бы вернуть ему хотя бы часть «забытого долга».

## В ЧЁМ ЖЕ ДЕЛО?

**П**ри обсуждении в Гор. думе «трамвайного вопроса» инженер Слатинцев<sup>597</sup> сказал:

— Я три недели уже здесь и не пойму, в чём тут дело?

Три недели — небольшой срок. Я три месяца здесь и понял только теперь.

Я убеждён, что всякий свежий человек, в силу тех или иных обстоятельств очутившийся в Царицыне в роли «наблюдателя», первое время обязательно будет недоумевать, пожимать плечами и спрашивать:

— В чём же тут дело, наконец?

Царицын — город совершенно исключительный. Здесь не только свои нравы, но и своя логика, своя мораль и даже свой собственный язык!

«Чужому человеку», «со стороны», не найти в окружающих событиях никакого *внутреннего смысла*. Ему всё будет представляться бестолковым, ненужным сумбуrom, и долго будет он беспомощно задавать один и тот же вопрос:

— В чём тут дело?

Пока, наконец, не найдёт *ключ ко всему* — и всё ему тогда станет *ясно* как день.

Я должен признаться откровенно: до царицынской *сути* дошёл не сам, мне помогли...

Вы ловили когда-нибудь рыбу на блесну?

Роскошь, что такое! По ту сторону Волги есть крутой песчаный обрыв. Когда стоишь высоко над самой водой и забрасываешь серебристую блесну, — видно, как крупная хищная рыба стремительно кидается на добычу, точно острый кинжал блеснёт... А сердце так и остановится.

Я шёл со своим новым знакомым к песчаному обрыву. День выдался чудесный: настоящий золотой день поздней осени. Всё радовало: и ковёр золотых листьев под ногами, и бронзовые стволы опавших деревьев, и дрожащие нити паутины, и холодная Волга, покрытая туманной синевой.

До слёз хорошо!

Я смотрю на широкую типично русскую фигуру своего спутника, на открытое, простое, доброе лицо его, с такими живыми и умными глазами, и мне хочется сказать ему что-нибудь совсем «от души».

— Ну как вы можете уезжать от такой роскоши, — говорю я ему, — неужели вас тянет в Москву, в Питер? Ведь там тоска! Ни неба нет, ни солнца нет... Остались бы!

— Я бы остался, — смеётся он, — кабы всё время удить можно было.

— А вы и удите.

Он задумался. Лицо у него стало серьёзное и грустное. И он сказал:

— Вам хорошо. Вы — свободный человек. Я должен работать. А здесь делать нечего.

— Как делать нечего! Вы тут по всему фронту борьбу начали.

— Ну, какая борьба! Здесь печать ни с чем бороться не может. Здесь всё основано на личностях. Такая борьба и скучная, и неинтересная, и слишком лёгкая, в конце концов. Вы долго здесь пробудете? — спросил он меня.

— Вероятно, до января.

— Так вот сами увидите.

И он «для иллюстрации» начал рассказывать мне действительно удивительные истории про грошенковскую артель, про местную «прессу», про Заморёнова, про Думу. Тут же в первый раз услышал я и про трамвайную станцию...

— Вот и боритесь тут, — улыбнулся он. — Разъяснять им нечего, они всё прекрасно понимают. Но нет другого города, где бы так откровенно, так «по праву», без малейшего сознания всей мерзости этого люди бы всё переносили на личную почву, личную выгоду, личные счёты. Да нет, сами увидите.

И я, действительно, очень скоро *увидел*.

---

Не прошло и недели после этого разговора, как началась знаменитая история с Маковским...

Это был своего рода «экзамен» для здешнего общества. Можно, разумеется, по-разному относиться к подобного рода фактам, можно даже вовсе отрицать их, — это я понимаю. Но нельзя было делать то, что не могло бы случиться ни в одном городе Российской империи, а что случилось в Царицыне, — нельзя было относиться к этому событию с точки зрения *личных* симпатий или антипатий.

Для меня не существовало никакого *Маковского*.

Для меня существовал преподаватель музыкальных классов, некое лицо, занимающее определённое *общественное положение*. Факты из его преподавательской деятельности не были для меня фактами его частной, личной жизни, — мне до неё нет никакого дела, — но это была не «интимная жизнь», а *общественное явление*, и только как общественного явления я и считал долгом касаться.

Если бы у защитников «Маковского» была такая же общественная точка зрения, то их защита была бы совершенно иной.

Прежде всего: *Дирекция опубликовала бы результаты расследования*.

Если это расследование *подтверждало* факты, Маковского удалили бы. Если *нельзя* почему-либо удалить, опять-таки гласно объяснила бы, почему нельзя и почему, несмотря на подтвердившиеся

факты, Маковский продолжает и преподавать, и выступать в концертах. Если факты не подтвердились — опять-таки опубликовать об этом, чтобы не вводить печать лишний раз в заблуждение.

А что происходит в Царицыне?!

Во-первых, ломают голову, почему «травят» г. Маковского?

Никто не травит. Я его не знаю, до него мне нет никакого дела. Если он прав, докажите. Если не прав — то с *этим общественным явлением* мы обязаны бороться.

И во-вторых, частные *люди* обращаются с просьбой:

— Не пишите про Маковского, потому-то и потому-то.

Господи, Боже мой! да разве «писать» — это нечто вроде «пожалуйте на чашку кофе»!

Поставьте в этом общественном деле *точку* — и никто писать не будет. А точку поставить может или дирекция музыкальных классов, или сам Маковский. И никак не печать. *Надо всё разъяснить до конца*. И тогда вопрос с точки зрения общественной будет исчерпан.

А теперь: в *чём же дело, наконец?*

В *личностях*: общество само не может пойти дальше «личных симпатий», и потому не может допустить в других никакой иной точки зрения.

Много раз после этого *первого* случая я убеждался, что собеседник мой, тогда, за Волгой, был глубоко прав. Но кажется, во всём объёме это определилось для меня теперь, после «исторических» думских прений по трамвайному вопросу: достраивать старую станцию или бросить её и строить новую<sup>598</sup>.

Вопрос этот в цифрах может быть выражен так: «Бросить в печку 118 тысяч рублей чужих денег или не бросать?»

Не кажется вам, что в самом этом вопросе есть что-то истинно царицынское?

Я говорю: своя логика, свой язык, своя мораль!

Во всяком другом городе такой вопрос приняли бы за шутку и, уж конечно, ответили бы:

— Разумеется, бросать не следует.

В Царицыне иначе. Здесь спросят:

— А кто внёс предложение?

— Да вам-то не всё ли равно? Вы *принципиально* ответьте: угодно собранию бросить в печку 118 тысяч чужих денег или не угодно?

— Мы так не можем-с! Если предлагает Павел Иванович — так нельзя. А если Василий Викторович — так можно.



Вот в этой «логике» весь Царицын, как на ладошке.

Гласный Н. С. Розанов берёт в руки карандаш и говорит:

— Если вы бросите старую станцию и начнёте строить новую, то вы бросите в печку: 36 тысяч на постройку станции (достроить стоит 22, а построить новую 58). Новое место стоит 25 тысяч. Для начала открытия станции надо истратить 10 тысяч, а не 22, — сохраняется ещё 12 тысяч. Далее: если ждать новой станции, придётся по займу уплатить лишних 36 тысяч<sup>599</sup>. Кроме того, куда бы старую станцию ни девать, достроить её придётся; значит, ещё тысяч 10. Итого  $36 + 25 + 11 + 36 + 10 = 118$ .

Кажется, арифметика.

— Мало ли что — арифметика! Ты нам скажи, строил кто старую станцию?

— Клёнов!<sup>600</sup>

— А!

И Никонов встаёт и начинает доказывать, что 36 тысяч — не 36 тысяч, что это только так «кажется». И что если к 36 прибавить 36, получится вовсе не 72, а нечто совсем другое. И что вообще арифметика — сплошное недоразумение.

Рысин присоединяется к этому мнению. Арифметика арифметикой, а чудеса чудесами. Раз старую станцию строил Клёнов, то дважды два ни в коем случае не будет четыре, а никак не больше двух с половиной.

— Жертвую на иконостас тысячу рублей, — провозглашает Пирогов.

— Тогда другое дело! — соглашается Рысин.

Инженер Слатинцев недоумевает:

— В чём тут дело? О чём спорят?

И, казалось бы, действительно так. Какой может быть спор про решение арифметической задачи на сложение и вычитание? Да, пойдите, вот! Но когда за цифрами стоят Клёновы, иконостасы, конкуренция в торговле, жёны, ужины, сплетни, приходится «открывать прения».

Что ж получается из всей этой безобразной «общественной» кутерьмы, где всё свелось к личным счетам и личным интересам?

Получаются жалкие до смешного общественные деятели.

Вся «высота» их общественных идеалов и общественного понимания выражается в следующем классическом диалоге, про-

исшедшем на суде при разборе дела А. А. Репникова и Е. Г. Жигмановской<sup>601</sup>.

Е. Д. Жигмановский (к Пятакову). Вы служили городским головой. Получали жалованье. Можно сказать, что вы кушали общественный пирог?

И. Я. Пятаков. Можно. Только это было законно.

Бог мой, да ведь это «Сатирикон» какой-то!

Или бывший городской голова Пятаков русского языка не знает или уж дошёл до последних границ «простосердечия»!

— Так-таки и «кушали»?

— Кушал, но законно.

Вот вам идеал царицынского общественного деятеля.

До сих пор под выражением «кушать общественный пирог» у нас разумелась забота городских деятелей не об общественных, а о своих личных интересах. Человек, хотя бы и «получающий жалованье», но служивший не себе, а обществу, — «увеличивал общественный пирог, а не «кусал его».

Но в Царицыне свой язык. Можно кушать «незаконно». Это уголовщина.

Можно кушать «законно» Это высший общественный идеал.

Вот до чего опустились деятели в атмосфере бесконечных личных дряг. Так *в чём же дело?* А вот в этом самом: вместо общественной жизни — живут *только* своей. Вместо служения городу — законное уничтожение «общественного пирога», вместо высших запросов жизни, вместо серьёзных стремлений, дающих смысл человеческому существованию, — ничтожное перетряхивание житейских дряг.

## БЕСЕДУЙТЕ — НО МОЛЧИТЕ!

**Ц**арицынские священники-миссионеры обратились к баптистам с предложением принять участие в религиозных спорах о вере.

Баптисты на это предложение ответили рядом условий, при соблюдении которых они только и считают возможным для себя участие в миссионерских беседах.

Я никогда не бывал в Царицыне на таких беседах и не знаю, какой характер они носили.

Но нельзя не изумляться, что «сектантам» *пришлось ставить такие условия.*

Что бы вы сказали, например, если бы письмом в редакцию одна из спорящих сторон заявила: *непременным условием наших споров считаем, чтобы нам разрешалось дышать.*

Я думаю, всякий сказал бы, что такое условие нелепо: разве может человек не дышать? «Право» дышать само собой *подразумевается.*

Но баптисты делают заявление совершенно аналогичное, они говорят:

1) Разрешите нам перед началом беседы помолиться по нашей вере.

2) Разрешите на беседе не только *слушать*, но и *говорить* на равных правах с православными миссионерами.

На религиозной миссионерской беседе право помолиться перед началом и право говорить во время самой «беседы» — столь же само собой подразумевающееся, как и право дышать.

Как, в самом деле, можно «спорить о вере» и в то же время молчать и *только* слушать?

Но несомненно: раз баптисты вынуждены говорить о таких «условиях», значит, раньше они *не соблюдались.*

Очевидно, раньше царицынские миссионеры, созывавшие сектантов на собеседования, обращались к ним с мудрым советом:

— Беседуйте — но молчите!

Дело «миссии» всюду поставлено из рук вон плохо. Но до «молчания» ещё не додумывались нигде. Замечательно, что такие «молчаливые» беседы происходят в самый разгар, в самый *расцвет* миссионерского дела в Царицыне. По обилию миссионеров и циркуляров, предписывающих священникам неукоснительно заниматься миссионерством, Саратовская епархия занимает *первое место.*

И вдруг баптисты просят:

— Позвольте нам *говорить.* А *молча* беседовать мы с вами не желаем!

Да, успех «миссии» поразительный.

Очень интересно, согласятся царицынские миссионеры на эти условия или так и останутся при своём мнении, что сектанты беседовать должны *молча.*

## ЧОРТ ПОВЕСИЛСЯ

(*Святочный рассказ*)

Истари ведётся: в ночь под Рождество на земле творится всякая чертовщина.

В эту ночь и в Царицыне случилось нечто из ряда вон выходящее: повесился чорт.

Но буду рассказывать по порядку.

В каждом городе, кроме жизни видимой, есть другая жизнь, невидимая. Она идёт своим порядком, по своим законам, с своими собственными радостями и печальями. У нас есть высшее и низшее начальство, общественные деятели, обыватели. И там, в жизни невидимой, есть главный Чорт, чорт поменьше и, наконец, совсем мелкие бесенята — обыватели.

Задача этой невидимой организации очень определённа: наталкивать людей на всякую мерзость.

Начальник «невидимого царства» города Царицына был престарелый Чорт, одинокий и замкнутый, так что даже ближайшие помощники не знали, что делается в его душе.

Знали они только, что глаза у него были печальные, на мохнатой спине заблестела уже серебряная проседь и что часто по целым часам сидел он в глубокой задумчивости.

В аду ценили его очень высоко и послали в Царицын ввиду совершенно особых обстоятельств, требовавших большой опытности и находчивости.

Дьявол, прощаясь с ним, три раза поцеловал его и сказал:

— Я надеюсь на тебя. Ухо держи востро. Не только на земле смотри, а и *под землю заглядывай*, — многозначительно подчеркнул Дьявол.

Чорт уехал.

И вот не прошло полгода, как в аду стали получаться от Чорта странные донесения:

«Делать нечего здесь, — писал он Дьяволу, — всё идёт как нельзя лучше без нашего вмешательства. Народ в нас не нуждается. Не нам их учить, а нам у них надо учиться».

Дьявол пожимал плечами и ждал, что будет дальше.

А дальше пошло ещё хуже.

«Умоляю вас, — писал Чорт, — переведите меня в другой город. Здесь силы мои от бездействия атрофируются. Я жажду рабо-

ты на пользу ада кромешного, я привык к труду и борьбе. Здесь бороться не с кем, трудиться не над чем. Ещё год такой жизни, и я разучусь соблазнять людей».

И наконец, совсем незадолго до Рождества в аду было получено письмо, над которым Дьявол серьёзно призадумался:

«Как вам угодно, — писал Чорт, — но дольше я жить так не в состоянии. От бездействия у меня началась мучительная тоска, и наш доктор, чорт весьма опытный, боится, что может развиться меланхолия. Или переведите меня, или я вынужден буду вернуться в ад, на покой. Моё глубокое убеждение, что вообще здесь надо совершенно прекратить деятельность нечистой силы, за полнейшею её ненадобностью. Повторяю: чертям делать здесь нечего, так как всё идёт блестяще без всякого нашего участия. У ада не так много сил — опытные черти нужны. Лучше послать их по тем городам, где ещё сохранились так называемые “праведники”».

«Странно! — думал Дьявол, — очень странно. Или старый Чорт рехнулся, или ослеп. Вот кончатся святки, отправлюсь посмотреть лично». А пока написал: «Предписываю найти праведника и совратить его неукоснительно».

---

Наступила и Рождественская ночь.

Люди не могут видеть, что делается в «царстве невидимом», — но, очевидно, невидимые события невольно отражаются и в мире видимом. По крайней мере, никогда не бывает на земле другой такой ночи, как ночь под Рождество.

Морозный воздух весь был пропитан мелким инеем и блеснул и переливался огненными иглами. Звёзды, казалось, ближе придвинулись к земле и светились торжественной радостью. Деревья, как в сказке, убраны были тяжёлыми серебряными кружевами. Земля притихла, прислушивалась, ждала — вот-вот подымется на востоке лучезарная звезда...

По пустынным улицам усталой походкой шёл Чорт. В ночь под Рождество всегда ему было не по себе. Но теперь острая, нестерпимая тоска гнала его прочь, подальше от людей — хоть на край света.

Плечи у него опустились, ноги с трудом волочились по обледеневшим тротуарам.

Попадались прохожие. Чорт знал их всех наизусть, все их тайные мысли — и скучно и противно было смотреть ему на людей, и при встрече он отворачивался. Вышел на площадь к скверу,

искоса взглянул на недостроенный собор, улыбнулся слабой бледной улыбкой, вошёл в сквер и сел отдохнуть. Устал он. Ноги ныли.

— Старость, что и говорить. Скорей бы уж ночь проходила. Какая тоска, какая тоска!

«Предписываю найти праведника и совратить его неукоснительно», — вспомнил он слова последнего циркуляра Дьявола.

И опять усмехнулся.

— Где это он здесь, праведник? Поищи-ка! «Совратить»!.. Кого это я здесь совращать буду?..

И Чорт почувствовал, как на грудь его надавливается что-то тяжёлое, как камень, а ноги и руки наливаются свинцом. Чорту стало страшно.

— Я умру так... умру... надо найти праведника... а то от тоски умру... Жить дальше нельзя так...

И он встал и пошёл быстро, точно за ним гналось что-то страшное и неизбежное.

Иней покрыл его мохнатую спину белым покрывалом, он нагнулся ещё ниже, дышал тяжело и усталыми ногами шёл странной широкой походкой.

Куда же идти? С кого начать?

«Не только на земле смотри, а и под землю заглядывай», — вспомнил он напутствие Дьявола.

...Пойду туда... Ходил много раз: всё ни к чему... Перед Рождеством, может быть...

Он неслышно взошёл в просторную келью.

«В новое помещение перешёл, — подумал Чорт, — вместо пустыни-то».

И тихо подошёл к столу, за которым сидел он.

— Думаешь? — спросил Чорт.

Он вздрогнул. Оглянулся. Никого нет.

— Нервы расстроил — собственные мысли слышать начинаю. Устал после службы.

— Доволен поездкой-то?

Он улыбнулся:

— Доволен... И всё-таки здесь лучше. Там кланяться приходится. Здесь мне все кланяются. Первый человек в городе.

— Ну, а дальше что?

— Дальше?.. Дальше ещё лучше будет. Русских дураков на мой век хватит. Боялся я, что меня с катакомбами-то раскусят. Ниче-

го. Роют, голубчики... Хе-хе-хе!.. За работу не плачу, за харчи не плачу... — И он подмигнул: — А за усыпальницы меньше радужной ни-ни!..<sup>602</sup> Не сею, не жну, а собираю в житницы...

— Завтра Рождество! — грозно сказал Чорт. Губы у него начинали трястись.

— Ну, так что же, что Рождество.

— Разве не страшно?

— А что? Я худого не делаю. С глупым народом нельзя иначе. Попробуй с ним попросту — он тебе... фють!.. — И он махнул рукой.

— А умирать будешь?

— Э! Это ещё не скоро. А теперь мне бы, вот, из Зацарицы выгнать его, а туда бы на его место своего... Филиальное отделение устроил бы, понимаешь?

Чорт поморщился в спросил:

— И ничего? Завтра Рождество, а ты о таком думаешь?

— О чём же мне думать? На весь мир прогреметь хочу! Коли без чужих спин нельзя — жалеть их нечего. Всех не пережалеешь. Дураки спину подставляют и — садись.

«Ну, чего мне делать здесь, — с тоской подумал Чорт, — он всё без меня знает».

И Чорт повернулся к выходу.

— Мне бы ещё двух-трёх прозорливцев, — услышал он за собой, но не обернулся и скорее вышел на улицу.

Надежда найти хоть какое-нибудь дело, хотя сколько-нибудь поработать исчезла окончательно. Но Чорт не мог бросить и уйти прочь из города. Для него с каждым часом становилось яснее, что в эту ночь решается вопрос: жить ему или умереть.

И Чорт стал заходить из дома в дом, без малейшей уверенности найти что-нибудь подходящее, и всё с большей и большей тоской.

. . . . .  
— Я и говорю им: у нас в Польше всегда так: как барышня хорошенькая, её целуют.

— Ха, ха, ха, ха!..

— Хо, хо, хо, хо!..

— Очень, говорю, мне было нужно такую целовать... я бы лучше нашёл...

— Ха, ха, ха, ха!

— Хо, хо, хо, хо!..

- Теперь осторожней будь: на уроках нельзя.
- Разумеется.
- Надо ж!
- Разумеется.
- Здесь тебе не Польша. Хо, хо, хо, хо!
- Ха, ха, ха, ха!..

. . . . .  
 – Дурачье этакое. Ну, можно ли спрашивать: кушал ли я общественный пирог. Разве без общественного пирога свои дома строятся? Пирог – это фундамент-с. Хе, хе, хе!..

- Законный фундамент, так сказать.
- Вот именно, законный. Я всегда по закону.
- Даст Бог, опять в головы проберётесь, почтеннейший.
- А там опять домик.
- По закону: с фундаментом.
- С фундаментом, хе, хе, хе!..

. . . . .  
 – Я сам себе больных делаю...  
 – Научите, дорогой мой! Ведь это золотое дно.  
 – Очень просто. Развожу больных, вроде как бы шампиньоны.  
 – Да ну!

– Уверяю вас. Моя специальность – глазные болезни. Ну-с, приходит какой-нибудь пациент – вижу, пустячок. Я говорю: дело серьёзное, у вас трахома или ещё какая-нибудь штука. Больной пугается. А я ему: ничего, вылечим, ходите недель шесть через день. Он ходит, я поковыриваю – через шесть недель глаз здоров. Больной благодарит. И я благодарю...

- Гениально! Вы прямо гений, дорогой мой!
- А то и на лекарствах можно тоже подрабатывать.
- Весь внимание, дорогой мой, весь внимание!
- Вхожу в соглашение с аптекарем, прописываю рублей на пять, на десять, – а потом процент...
- И вразумляет же Господь, даёт же таланты, дорогой мой!

. . . . .  
 Чорту стало противно, тошно. Голова стала кружиться. А он не обошёл ещё и четверти города...

...Не пойду больше: всё то же, всё то же!

Чему я буду учить их? Ни один чорт до такой пошлости не додумается, до таких поганых мыслей не дойдёт.



И всё одно и то же, одно и то же, без конца и краю. Точно гнусит кто-то в одну ноту тягучую, бессмысленную песню.

Там, на небе сияют звёзды, падает, сверкает иней бриллиантовой пылью... А в этом проклятом городе некому подсказать ни одной грязной мысли: все и без того уже в грязи, в пыли, в мерзости, в пошлости.

Куда идти?

Домой? Опять думать, тосковать... Нет!.. За город? В пустое холодное поле? Там Бог близко.

Там в Рождественскую ночь умереть от ужаса можно. К людям? Где они?.. Куда же? Куда?..

Лучше смерть — всё же покой, хоть какое-нибудь подобие сна и покоя. Всё равно умру, от тоски, от скуки. И он поднял верёвку, валявшуюся у ворот, сделал петлю, перекинул верёвку через забор и слабыми, отяжелевшими руками накинул на свою шею...

Чорт повесился.

А в это время на самом краю неба блеснули первые лучи Вифлеемской звезды.

## ПРАЗДНИКИ И НАРОД

Религиозный смысл праздников на нашу жизнь почти не оказывает влияния. Всё дело ограничивается «праздничными» церковными «службами». Социальные причины давно уже превратили дни праздничные, дни, посвящённые *Богу*, в дни *отдыха* для трудящихся масс. И, говоря о «праздниках» и народе, приходится прежде всего говорить о том, как *отдыхает* наш народ.

Скверно отдыхает!

Вы представьте себе трудовую, скорбную жизнь нашего городского «рабочего». Каторжная жизнь, каторжная работа по десяти, двенадцати, а то и четырнадцати часов в сутки, в душных мастерских, заводах, фабриках, с урывками на обед, с усталым «мёртвым» сном ночью. А наутро опять то же, опять мастерская, завод, фабрика... И так каждый день, каждый день!

И вдруг такому человеку говорят: праздник! *три дня праздник!*

О чём он прежде всего подумает при этих словах?

Уж конечно, не о Боге.

А о том, что он три дня может *отдыхать*. Три дня может спать сколько хочет, идти куда хочет, делать что хочет.

Вспомните, как ценили вы «воскресенье», когда учились в гимназии. У рабочего это чувство праздничной радости в десять, в сто раз сильнее, потому что жизнь его в десять, в сто раз тяжелей нашей.

И вот рабочий начинает «отдыхать».

Что же ему *делать* во время отдыха?

Ведь одной отрицательной стороны праздника недостаточно, недостаточно того, что он *не работает*. Ему нужно делать что-нибудь. Наполнить эти дни каким-либо *содержанием*. Выбирать здесь народу долго не приходится, только два способа «развлечений» доступны ему: водка и пиво.

Большинство выбирает *водку*: она скорее приводит человека к желанному концу<sup>603</sup>.

Я слышал, как в поезде разговаривали два мужика. Один спрашивает:

— И зачем это ты водку пьёшь?

Другой делает неопределённый жест в воздухе и говорит:

— Она, того... *развитие* даёт!..

Действительно, водка даёт «развитие» русскому человеку. Желанный *конец*, ради которого пьётся водка, — это то состояние пьянства, которое на несколько часов делает несчастного рабочего-раба человеком, почти царём, которому море по колено.

«Содержание» празднику найдено: *пьянство*.

И все ужасы, которые с ним связаны: и зверство, и преступления, и болезни, и нищета.

Кто же виноват в этом? *Общество*. И прежде всего его *представители*.

В Царицыне с лишком сто тысяч жителей. А что сделано для *народа*? Позаботились ли представители города о том, чтобы единственные «свободные» три дня в году трудящиеся могли *провести по-человечески*?<sup>604</sup> Что же удивительного после этого, что те, которые *не могут* идти в кабаки, едут развлекаться на подворье!

За все праздники я знаю только одно настоящее *народное* развлечение — это ёлка в «Доме трезвости», но и то развлечение было для *детей*.

Ещё и ещё раз скажу, что «Дом трезвости» — живой укор бездеятельности представителей города.

Слава Богу, теперь, кажется, нашлись люди, которые это поняли и серьёзно хотят заняться сооружением «Народного дома». Праздничные дни, когда народу деваться было некуда, особенно должны укрепить их в этой идее. Представители капитала не жалеют десятков тысяч рублей на колокола, на колокольни, на украшение храмов. Но бесконечно более угодное Богу сделают они, если подумают хотя немного о нашем измученном, тёмном народе. Если мысль о постройке «Дома» осуществится, народ можно будет от души поздравить: с праздником!

## ДЕТИ

На Рождество я много видел детей.

И вынес очень много поучительного. Начну с одного разговора:

— Я не люблю, когда у меня бывают подруги. Мне с ними делать нечего.

— А в гимназии?— спрашиваю я.

— В гимназии — другое дело. Здесь они совсем не такие.

— Хуже или лучше?

— Просто не такие. Их узнать нельзя. И после того, как я посмотрю их здесь, — мне и в гимназии видеть их неприятно.

Но подруги всё-таки приехали. На розвальнях. Озябли все. Дорогой весело, должно быть, было: ещё бы! Такая масса на одних санях!

Вошли шумно, напустили холоду, улыбаются, стучат галошами. Я смотрю на них с особым чувством радости, с каким всегда смотришь на детей. Так и хочется сказать:

— Ну, друзья мои, с вами-то можно без малейшего притворства, — по-хорошему, без всяких, подлых условностей, разделяющих людей взрослых непроходимую пропасть. С вами можно быть самим собой, потому что в вас ещё нет ни притворства, ни лжи.

Но я, разумеется, ничего не говорю (нельзя ж говорить такие вещи в прихожей) и ухожу в свою комнату.

Снова вижу я этих детей уже за обедом.

Что такое? Узнать нельзя!..

Чинно сидят за столом. Улыбаются натянуто, беспомощно и робко переглядываются друг с другом.

А взрослые «угощают» их:

— Кушайте, *не стесняйтесь*, пожалуйста!..

И чем больше говорят им «не стесняйтесь» — тем больше они «жмутся» и прячут своё подлинное лицо поглубже, а вместо этого «лица» выплывают какие-то мёртвые черты, пока ещё неясные, но которые через пять-шесть лет «определятся» окончательно и будут той привычной маской, которую они, как и все люди, будут надевать, выходя из дому, а иногда оставлять и для собственного своего дома.

Я гляжу на них и думаю: «Да, конечно, в гимназии “в перемену” они не такие... И особенно дома не такие... Вон, про эту я знаю, что в гимназии, как только отвернётся начальница, она пляшет “танец диких”, — а здесь, посмотрите, какая “пайнька” сидит, и только по неуловимой игре лица, внимательному глазу, привыкшему замечать каждую мелочь, видно, что ей бы хотелось захохотать, закружиться, всех своих чопорных соседок свалить в одну кучу. И как бы весело было».

И как бы хорошо было.

А тут:

— Не стесняйтесь... Кушайте, пожалуйста..

После обеда опять маленький разговор:

Х. Ну что, хорошо?

Я. Нет, не хорошо. А кто виноват?

Х. Не знаю.

Я. Взрослые.

Х. Как — взрослые?

Я. Так и взрослые. Взрослые не такие, как всегда. И эту мёртвую натянутость передают детям. Если бы взрослые попробовали хотя на одну минуту стать совсем такими, как они есть на самом деле, заговорили бы о том, о чём действительно хочется, и детям сразу стало бы и хорошо, и просто...

---

Через несколько дней другой «транспорт».

Это уж совсем «детёныши». Бог мой, какие смешные! Маленькие-премаленькие — и косички торчат, точно хвостики.

А здороваются — «приседают», по всем правилам искусства, как требует начальница.

Маленькая хозяйка, которая выше их всех на голову и кажется «классной дамой», делает им замечание:

— Господа, это нехорошо, мы условились не приседать...  
Но сейчас же после этого, здороваясь со мной, одна из «косичек» опять приседает.

— Не полагается, — смеюсь я.

«Косичка» смеётся тоже. И трясёт мою руку без «приседаний».

«Ну, с этими хорошо будет, — думаю я. — На них нельзя смотреть без улыбки. А когда весело, тогда и просто».

Сами они тоже все улыбаются, как будто бы им смешно, что их так много вместе.

Порознь не было бы смешно. А вдруг «сразу» так много, и у всех такие косички. И все попали в чужой дом и не знают, что им делать, — но чувствуют, что им хорошо и так тепло после мороза, — а «дело» уж, конечно, найдётся!

И потому они все ходят и улыбаются.

Сели обедать. Этих угощать не приходится. Им не говорят: «не стесняйтесь» — они и так не стесняются; только, вот, резать сами не умеют — и мне приходится резать моим милым соседкам.

Но их тоже всё-таки угощают:

— Сейчас колбасу принесут — кушайте!

Мне делается смешно, и я говорю:

— Странно, как можно «кушать колбасу», которую ещё «сейчас принесут».

Дети тоже покатываются. И торопятся есть изо всех сил.

Во-первых, проголодались; во-вторых, очень нужно сидеть за этим столом, за какими-то колбасами, когда можно побежать «на гору», кататься на салазках.

И, едва успев проглотить последние куски, уже вскакивают со своих мест и бегут в прихожую. Толкотня, смех. Все галоши перепутали, кто-то перчатку потерял, галоши на одну ногу не хватает... Да всё равно — скорей бы на воздух, на снег, на простор.

Вернулись через час. Шуму больше ещё. Говорят все разом:

— У Ленки нога под салазки попала...

— Оля катится, а ножками — вот так...

— Прямо ужас, что такое...

— Скользко... я кричу....

Со мной уж не церемонятся и тянут меня за рукава. Словом, чувствуют себя как дома.

Ответ на вопрос «почему те были “чужими”, а эти как свои?» — очень *прост*.

Те «полувзрослые» — потому «чужие»; эти «как дома», «свои» — потому что дети.

Но вдумайтесь в этот ответ — и получится:

Те уже инстинктивно стали впитывать ложь взрослых.

Эти этой лжи ещё не поддаются — и, ничего из себя не изображая, какие есть, такие и есть.

---

А вот и ещё дети. Но теперь уже незнакомые, и много их: я на ёлке в «Доме трезвости».

Дети здесь не в отдельности, а в *обществе*, а потому впечатления *общие*.

Народу много, тесновато, детям «играть» негде. Вокруг ёлки поёт хор. И, подымаясь на возвышение, дети говорят стихи. Сзади меня шумят, и слышно плохо. Тоненький голосок едва доносится. Но когда начинают петь наивные, детские, «ёлочные» мотивы — чувствуется, что все заражаются одним общим чувством.

Я наблюдаю детей, которые ко мне поближе. Вот какой-то маленький карапуз аплодирует, высоко подняв ручонки. Девочка тянет за платок свою мамашу: ей, видимо, очень хочется поближе пробраться к ёлке. А совсем рядом со мной мальчуган придумал очень оригинальный способ аплодисментов: он колотит не по своей ладони, а по голове своего соседа.

Очень практично: по крайней мере, одна рука остаётся в запасе.

На ёлке дети почти исключительно «простых» людей. И атмосфера в зале *простая*. Это придаёт, правда, некоторую «некультурную бестолковость» толпе — но в то же время и особую близость.

Попробуйте войти в «Общественное собрание», где «толпа» будет состоять из перетянутых дам и настоящих кавалеров. Едва ли вы «сольётесь» с этой толпой хотя бы на одну минуту. Трудно слиться с шёлковыми платьями и нафабранными усами. А вот в такой некультурной и бестолковой «толпе», хотя и чужих людей, чувствуешь себя *вместе*. И на тебя не смотрят, как на «чужого». И, если случится что-нибудь смешное, как, например, «аплодисмент» по голове, — сосед обязательно переглянется с вами или даже скажет вам что-нибудь, как «знакомец».

И в «Доме трезвости» на ёлке ясно чувствовалось одно: что дети нераздельны со взрослыми — потому что и те и другие

одинаково *просты*. Отделяет людей только ложь и притворство и мёртвые маски, которые они на себя надевают. Вот почему в нашем «обществе» на людей похожи только дети, и то пока у них маленькие косички болтаются, как смешные хвостики...

---

Вот мои впечатления от детей.

В Петербурге учёные филологи в то время, когда я получал эти впечатления, рассуждали о детях<sup>605</sup>.

Им и книги в руки!

Учёности не оберёшься, многие «Илиаду» чуть ли не наизусть знают. А уж ума палата!

И вот, учёные филологи пришли к заключению, что из детей вырастают плохие взрослые люди потому, что их в гимназиях не обучают греческому языку.

Оказывается, в них развивается «легкомысленное верхоглядство» и «глубокая неудовлетворённость жизнью» по той простой причине, что своевременно не преподавались им греческие неправильные глаголы и латинский синтаксис.

В целях спасения нашего юношества петербургские мудрецы предлагают:

Вернуть гимназии на двадцать пять лет назад!

О, конечно — если бы знать, что *consecutio temporum*\* может спасти детскую душу от «легкомыслия» и, особенно, от самоубийства, которое так ужасающе распространилось в наших средне-учебных заведениях, — куда ни шло, почему не подолбить эту тарабарщину.

Но в том-то и дело, что не только этого нельзя знать, а напротив, можно знать как раз обратное: «классическое» образование к отравленной ложью жизни нашей лишь прибавит новую ложь.

Не *мёртвым* знанием надо спасать детей от мёртвой маски, а пробуждением в них *живой жизни*. Надо развить в них сердце, разбудить совесть, научать их с ранних лет смотреть на жизнь как на подвиг, а для этого надо дать почувствовать весь глубокий её смысл, хотя бы краешек приподнять высших стремлений. При чём тут *consecutio temporum*?

Петербургские мудрецы много учились — так много, что за деревьями леса не видят, за «аористами» и «сослагательными

---

\* Правило согласования времён в придаточном предложении (лат.).

наклонениями» не видят ни подлинной жизни, ни живой детской души.

Кабы видели — поняли бы, что главная беда наша в том, что должно потребовать для своего исцеления не мёртвого классицизма, а живой правды. Эта *правда* прежде всего в нашей личной жизни.

Когда детям говорили:

— Не стесняйтесь, кушайте, пожалуйста.

Они стеснялись и превращались из весёлых детей в бездушных автоматов, потому что сами взрослые в эту минуту переставали быть самими собой, — сами переставали быть «живыми».

Для того, чтобы сделать нашу жизнь *человеческой*, для того, чтобы не было в ней мертвечины, от которой всё горе людское, — надо, чтобы сами взрослые стали людьми и не заражали детей вольною и невольною ложью, — а школа должна положить в основу свою не «Илиаду», не «смерть», не ложь, а тот метод и то содержание, которое согласовалось бы с главнейшей задачей всякой человеческой жизни — служением ближним и стремлением к совершенствованию.

И семья, и школа должны идти к одному, хотя и разными путями: одна — домашним *воспитанием*, другая — школьным образованием, но идти должны к тому, чтобы сделать из детей *живых, правдивых* людей, чувствующих всем существом своим величие жизни — и сознающих свой *долг* и перед Богом, и перед людьми.

## ЕЩЁ О ДЕТЯХ

**В** связи с своими беглыми святочными впечатлениями от «детей» я говорил уже об одной из серьёзнейших сторон нашей жизни — о *воспитании*. О том, что «механическое» воспитание, апофеоз которому хотят создать петербургские филологи введением классицизма в среднюю школу, — есть глубочайшая язва нового времени.

Бессилие наше от того и проистекает, что всё живое замкнулось, «уединилось», как говорил Достоевский, в мёртвую скорлупу внешней, а потому ложной жизни. Дети впитывают *ложь* отцов своих и, едва-едва перестают быть детьми, сейчас же научаются не походить на самих себя.



Всё это относится к детям «интеллигентным», к классу «состоятельному»; теперь мне приходится говорить совершенно о других детях и совершенно по другому поводу.

О детях *улицы*.

Здесь уже речь не о лжи, а о голоде.

Не о «ношении масок», а о будущей преступности.

Не об «идеале», плохо достигаемом, а о страшном падении, из которого, как из проклятого круга, нет выхода брошенному ребёнку.

Если у наших интеллигентных родителей вырастают дети-автоматы, то из детей улицы вырастают алкоголики, воры, убийцы и проститутки.

Говорю всё это я вот по какому поводу.

Среди «трезвенников» назревает мысль об организации детского приюта.

Один из них, хороший «простой» человек, на днях предполагает внести на обсуждение правления «Дома трезвости» соответствующий проект.

Факт этот поразил меня во многих отношениях.

Во-первых, лишний раз я мог убедиться в глубокой жизненной неспособности *народного* дела «Дома трезвости». Этот удивительный «Дом», что ни день, то расширяет свою деятельность. Не успели соорудить своё здание, как открывают ссудосберегательное товарищество, похоронную кассу, журнал, хлебопекарню, возникает мысль о своей типографии и теперь о детском приюте.

И во-вторых, проект открытия детского приюта поразил меня ещё потому, что возник в самой *среде простых людей*.

Таким образом, получается картина: заправила городской жизни занимаются личными дрызгами, бьются решить вопрос, выбрасывать или не выбрасывать чужие деньги на постройку ненужной «новой» электрической станции, вносят мудрые «законопроекты» о «целомудрии» собак, — а в промежутки оскорбляют друг друга, клеветают и сводят личные счёты, — в то время пока всё это делают «лучшие люди города», люди «простые» и «неучёные» думают действительно о нужном, о важном, о том, о чём не может не думать человек с совестью.

Не знаю, скоро ли осуществится эта мысль трезвенников. Но мы имеем основания верить, что осуществится она несом-

ненно. «Дом трезвости» — живое свидетельство, что люди, работающие там, умеют не только говорить, но и делать.

Не раз нам придётся ещё вернуться к «детской» теме. А пока от всей души пожелаем, чтобы мысль о детском приюте при «Доме трезвости» нашла себе поддержку и моральную, и *материальную* в царицынском обществе.

## ДУМА И ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

**В** Городской думе творится что-то из ряда вон выходящее.

Думские заседания посвящаются не обсуждению *городских дел*, а превращаются в «дружеские манифестации» в честь тех или иных «пострадавших» гласных.

Общая причина этого лежит в низком культурном уровне теперешнего состава Гор. думы.

Но *непосредственная* вина падает на городского голову.

Он слишком нелепо представляет себе взаимоотношение Управы и Думы. Желая опираться на Думу в таких вопросах, в которых городской голова должен опираться *только на себя*, — он тем самым ставит в шаткое положение и себя, и Думу.

Последнее думское заседание может служить разительным примером.

«Обиженные» за г. Рысина гласные решили поднять вопрос о неправильности действий секретаря Думы.

Я сейчас оставляю в стороне вопрос, правы или нет «обиженные», заступаясь за г. Рысина. Для всякого сколько-нибудь беспристрастного человека ясно одно: всё, что касалось в данном случае г. Маркова, должна ведать Управа и городской голова. Ясно также, что Дума твёрдо встала уже на такую точку зрения по вопросу о «городских служащих», когда речь шла о г. Попове.

И Дума была права.

Гласные выбирают Управу и городского голову, которым доверяют, и не дело Думы вмешиваться в то, что подлжит всецело компетенции Управы.

Повторяю: сама Городская дума твёрдо установила такой принцип.

И вдруг, группа гласных пытается его нарушить.

Что должен был сделать городской голова?

Он должен был своей властью снять вопрос с обсуждения.

Городской голова избрал другой путь. Он пожелал, чтобы Дума и здесь решила «сама» и дала ему соответствующие директивы. Но бывают такие положения, при которых человек, предоставляющий другим решать то, что он должен решать сам, роняет не только *своё* достоинство, но и достоинство того *учреждения*, которому предоставляет решающий голос.

Так было и на этот раз.

Городской голова был совершенно не на высоте своего положения, когда спрашивал у Думы, желает ли она или нет обсуждать инцидент г. Рысина с г. Марковым, — а Дума, устроившая по этому поводу «столпотворение вавилонское», превратилась на время из общественного собрания в частное совещание перессорившихся людей.

Городской голова должен твёрдо знать, что ведать надлежит ему, а что *Гор. думе* — только при таком условии может быть нечто твёрдое и определённое в сложном городском деле, а иначе оно всё больше и больше будет превращаться в хаос.

## ОПЯТЬ О. ИЛИОДОР...

Если бы не было о. Илиодора, вероятно, в России давно бы уже забыли о существовании Царицына.

В течение нескольких лет о. Илиодор непрерывно поддерживает интерес к себе.

В его положении это очень трудно. Слишком легко «приестся» — стать «однообразным». И надо отдать справедливость — о. Илиодор умеет «подогреть внимание».

То гидру сожжёт, то на Толстого плюнет, то гору Фавор воздвигает, а если ничего подходящего нет — начнёт рассылать такие телеграммы, что их даже не всякому можно дать прочесть<sup>606</sup>.

Но, в конце концов, всё дело не в *личности* о. Илиодора. Мне не раз приходилось говорить в печати, что личность о. Илиодора сама по себе не интересная, не сложная, не сильная и даже не оригинальная, и, если бы *внешние обстоятельства* не создали из него некоторой «фигуры», все эти гидры сами по себе не вызвали бы вокруг себя шума. Да вряд ли и появились бы на свет Божий.

Итак, о. Илиодора «создали» внешние обстоятельства, та борьба кружков, лиц и партий, которая сейчас разгорается около «церковных стен».

Понимать о. Илиодора — нечего. Он ясен, как дважды два четыре.

Но понять те *события*, которые его выдвигают, — дело далеко не настолько *простое*.

Увольнение из Св. синода епископа Гермогена, несомненно, является началом целого ряда новых «событий», в которых о. Илиодору придётся играть видную роль.

Постараемся разобраться, в чём же будет лежать их внутренний смысл?

---

Причину своего «ухода» епископ Гермоген указал очень определённо: 1) синодальный патриарх; 2) диакониссы; 3) панихиды по инославным и 4) ссора с Григорием Распутиным.

Осведомительное Бюро сначала, по заведённой раз навсегда привычке, «опровергло» сообщения газет об этих причинах, но потом, через два дня, само заявило, что причиной увольнения была телеграмма еп. Гермогена на высочайшее имя, в которой Св. синод неправильно обвинялся в посягательстве на антиканонические реформы<sup>607</sup>.

Итак, несомненно, что в основу начинающейся борьбы будет положено: 1) борьба против синодального патриарха; 2) борьба против диаконисс и панихид по инославным и, наконец, 3) борьба против Григория Распутина.

Не подлежит никакому сомнению, что русское общество в громадном своём большинстве отнеслось бы с полным сочувствием к такой «оппозиционной» точке зрения епископа Гермогена, если бы взять эту «точку зрения» безо всякой связи с общим направлением его деятельности.

В самом деле, восстановление патриаршества *без созыва церковного Собора* было бы завершением того «антисоборного направления», которое господствует в нашей Церкви. «Синодальный патриарх» не только не «возвеличил» бы Церковь, но ещё более подорвал её авторитет.

Восстановление патриаршества только тогда могло бы иметь какое-либо религиозное оправдание и церковный смысл, когда бы оно органически возникло из самой церковной среды.

Единый духовный глава Церкви, патриарх — должен избираться всем *церковным народом*. Вот почему эта реформа предполагает *коренную реформу всей современной системы* — иначе она создаст патриарший престол не как живой религиозный факт, а как более или менее красивую декорацию<sup>608</sup>.

Если будет создан *приход* как самостоятельная церковная единица, если в приходской жизни примут участие миряне, если священники будут избираться народом<sup>609</sup>, если выборное начало коснётся и высших иерархических ступеней, — и если, наконец, патриарх как глава Церкви будет избираться *всёю Церковью*, в лице *выборных* своих представителей, — тогда к «реформе» этой в обществе будет совсем иное отношение. А сейчас, повторяю, оппозиции еп. Гермогена нельзя не сочувствовать.

Другая причина — Григорий Распутин — вызовет, разумеется, ещё большее сочувствие особенно в Царицыне, где игривый «старец», хотя и не применил «банного способа» борьбы с «соблазнами», но всё же очень хорошо известен своим «ласковым» обхождением с богоносицами. Что касается «диаконалисс», то широкие круги мало заинтересованы этим «новшеством»<sup>610</sup>.

Итак, начинающаяся борьба, ради которой вызван в Петербург о. Илиодор, окрашена довольно неожиданным *цветом церковной оппозиции*. Борьба будет вестись во имя *свободы Церкви*, будут защищать Церковь от «реформ» внешнего, мирского происхождения.

И всё-таки, несмотря на такие благие «цели», можно наперёд сказать, что общество отнесётся к этой борьбе холодно, а может быть, даже враждебно.

В чём же дело?

---

Дело в *том*, ярким выразителем чего является о. Илиодор? О. Илиодора выдвинуло течение, которое выше всего ставит *личное усмотрение*.

В этом принципе разгадка всей деятельности о. Илиодора и, пожалуй, всего его «влияния».

«Личное усмотрение» — нечто до последней степени *заразительное*. И вся масса «илиодоровцев» поголовно заражена этим принципом. Его поклонники чувствуют себя *вне* каких-либо рамок. Вне закона, вне правил общежития, вне морали и, наконец, просто вне всякого приличия.

Если «илиодоровцу» захочется выругаться на суде — он выругается. Если ему придёт фантазия вымазать кого-либо дёгтем — он вымажет, плюнуть — плюнет. Начинаясь «в верхах», с батюшки, отца «личного усмотрения», — оно спускается в низы, к «поклонникам», в грубом, но очень характерном образе «квача» и «дубины».

Но «личное усмотрение», во-первых, возможно только при «власти», — отсюда судорожное стремление ухватиться за *власть*. Во-вторых, оно хорошо только для тех, кто его применяет, а не для тех, *над кем* его применяют. Отсюда требование *покорности* от других и полнейшая неспособность самому подчиняться кому-либо.

Вот эта-то «система» личного усмотрения и делает то, что самый что ни на есть «принципиальный» по форме спор — превращается в «личный» по существу.

Спорить о патриаршестве, о диакониссах — чего уж, кажется, «принципиальнее»?

Но «вызывается телеграммой» о. Илиодор — и сразу всё дело принимает личный характер.

Когда полгода тому назад о. Илиодора хотели убрать из Царицына и ему приходилось не «повелевать» по своему усмотрению, а *подчиняться* чужому усмотрению, — он сразу отбросил все «принципиальные» вопросы.

И когда ему говорили что-то такое об «обете послушания», о церковной дисциплине и о разных канонах, — он только рукой отмахивался и, закрывшись дамской шалью, преспокойно переехал с Французского завода в Царицынский монастырь — и через «обеты», и через дисциплину, и через каноны!<sup>611</sup>

«Личное усмотрение» — очень хорошая вещь, но только когда оно поддерживает власть и когда оно направлено на доброе.

Как только по «личному усмотрению» начинают творить несправедливость — личное усмотрение вызывает ропот и глухую вражду окружающих.

А как только власть начинает идти *против* носителя «личного усмотрения» — он превращается в бунтовщика.

---

Всякий раз, как о. Илиодор готовится к брани, надевает свои военные доспехи, — я с особенной силой чувствую, что он *не инок*. Нет в нём ни одной черты, столь характерной для своеобразного типа русских подвижников.

И досадно и больно, что простые и религиозные люди, истосковавшиеся по светлому образу легендарных «подвижников», не могут понять, что влечёт их на подворье пустой мираж, что в самом деле о. Илиодор совсем не то, за что все его «почитают».

В образе «русского святого» много благоуханной радости, много чистоты, света и *тепла*. Он рисуется на фоне тёмного бора, лесной глуши, у прозрачных святых колодцев. И всегда в личности святого — кротость, терпение и любовь. Даже звери лесные подчиняются их тихой ласке и сами становятся добрыми, тихими, ручными.

Бывали случаи, что исторические события воинов Христовых превращали в воинов на поле брани. Бывало, что жизнь призывала такого *отшельника по душе* к бурной политической борьбе, и тогда «святитель» загорался духом Или и дерзновенно говорил самому царю обличающую, грозную правду.

Но всегда, и в войске, и в политической борьбе, чувствовалось, что *душа*, самый центр жизни духовной не здесь, — а далеко от мира, в уединении, там, где птицы поют и бор шумит. Шум, борьба, дерзновенные речи — это «долг», «послушание», — так Богу угодно, но ему самому, если бы спросили его *сердца*, — уйти бы, уйти подальше от всего и в тёмной пещере или под ярким звёздным небом молиться Господу.

На то он и «монах», на то он «инок»...

О. Илиодор не носит в душе своей этих отзвуков лесной тиши.

Он скучает без шума. Он ищет «драки», когда даже её и нет. Ему нужен «треск», ему нужны люди, много людей, ему нужно над кем-нибудь проявлять своё «личное усмотрение»! Он — весь в «мире», и не в его «высшем» проявлении, а в его «повседневности», в его дрязгах, мелочах, личных «делах», в личном успехе, в газетной популярности, в властолюбии и прочее, и прочее...

Теперь о. Илиодор, вызванный в Петербург — не в качестве «монаха», а в качестве помощника в «борьбе», — будет на своём месте. Шум, говор, споры, интриги, салоны, телеграммы...

Шумим, братец, шумим!<sup>612</sup>

Чем кончится шум этот, предугадать трудно. Пойдёт ли «опала» дальше увольнения еп. Гермогена из Синода или на этом остановится, а о. Илиодор «уладит» распрю епископа Гермогена с Распутиным, — покажет ближайшее будущее, но несомненно одно: и победа, и поражение, когда в основе только «личное», — одинаково непрочны и недолговечны.

## УВОЛЬНЕНИЕ НА ПОКОЙ ЕПИСКОПА ГЕРМОГЕНА И ПЕРЕВОД ИЕРОМ. ИЛИОДОРА

**Е**пископ Гермоген за упорное сопротивление, дважды выраженное, воле Государя увольняется на покой в Жировицкий монастырь Гродненской епархии. Иеромонах Илиодор переводится в Фролищеву пустынь Владимирской епархии в число братии.

Событие это должно произвести не только в Царицыне, но во всей России — потрясающее впечатление.

Отношение наше к деятельности и епископа Гермогена в Саратовской епархии, и иеромонаха Илиодора в Царицыне всегда было глубоко отрицательное, и не нам «сочувствовать» им теперь.

Для Царицына и Саратовской епархии, по нашему крайнему разумению, удаление на покой епископа Гермогена и в пустынь иеромонаха Илиодора будет иметь положительное значение.

Но сейчас события принимают такой оборот, что их уже нельзя рассматривать с местной точки зрения.

Оппозиция епископа Гермогена синодальному патриаршеству и деятельности Григория Распутина, выраженная в столь определённой форме, борьба за самостоятельность Церкви от давления светской власти — всё это, не касаясь «личности» борющихся, должно вызвать горячее сочувствие русского общества.

Событие, ныне свершающееся в Петербурге, произведёт глубокое потрясение в жизни Церкви, — кто знает, может быть, ускорит час грядущей церковной реформации.

## ВЕЛИКОСВЕТСКАЯ «ХЛЫСТОВЩИНА»

**Н**едавно епископ Гермоген читал в Петербурге доклад о «хлыстовщине» русских писателей — главным образом, Д. Мережковского и В. Розанова<sup>613</sup>.

А через несколько недель после этого ему пришлось уйти «на покой» в значительной степени из-за столкновения с «хлыстом» Григорием Распутиным.

«Хлыстовщину» русских писателей епископ Гермоген усмотрел в стремлении их провозгласить «святость плоти». А Григория Распутина он «охарактеризовал» так: «Вреднейший религиоз-



ный веросовратитель и насадитель в России новой хлыстовщины. Он в своих действиях явно представляет собою, по словам апостола Павла, «пакостника плоти». Об этих делах мне как епископу срамно говорить. Это опаснейший и, повторяю, яростный хлыст. Будучи развратным, он свой разврат прикрывает кощунственно религиозностью»<sup>614</sup>.

Итак, Григорий Распутин, по компетентному заявлению еп. Гермогена, — хлыст.

Но, по его заявлению, и Мережковский — хлыст.

Чего же общего между Дмитрием Мережковским и Григорием Распутиным?!

Не ясно ли, что слово «хлыст» — просто «ругательное слово»<sup>615</sup>. Даже в устах епископа оно употребляется без всякой «определённости».

А про «публику» и говорить нечего. «Хлыстовством» называют просто всякую мерзость, всякую грязь, всякую половую разнузданность, прикрытую религиозным шарлатанством.

Значение слову, как видите, придаётся очень широкое, но благодаря этой широте теряется подлинный смысл слова, и всякий получает право называть «хлыстом» и выдающегося русского писателя, и распутного религиозного шарлатана<sup>616</sup>.

---

Секта «хлыстов» причисляется к так называемым «вреднейшим сектам». Сами сектанты не называют себя «хлыстами» — это просто народная «кличка», которую дали сектантам за то, что в богослужении их большую роль играет самобичевание.

«Сектанты» вообще изучены у нас плохо. Причин этому много — главная заключается в том, что исследователи обыкновенно бывают или миссионеры, т. е. люди пристрастные (как одна из заинтересованных сторон), или защитники сектантов, тоже люди пристрастные, но в другую сторону.

Но из всех сект *хлыстовщина изучена всех меньше*. Сведения об этой секте полны самых грубых противоречий и явной лжи. Это объясняется тем, что к «общим» причинам присоединяется ещё частная — хлысты *вменяют в обязанность* своим членам исполнять ревностно все православные обряды, дабы не внушать никаких подозрений духовной власти. Это одна из *заповедей* хлыстовщины, придающая сектантам характер «неуловимости».

Но всё же некоторые черты вероучения установлены *определённо*.

Громадное большинство миссионеров с особенной настойчивостью указывают на «свальный грех» как на признак хлыстовщины. С лёгкой руки миссионеров, это перешло в широкую публику — и «пошла писать губерния»<sup>617</sup>. «Хлыстовщина» и «свальный грех» слились почти в одно понятие. Отсюда рукой подать до превращения этого слова в «символ» всякой половой мерзости.

Но надо прямо сказать: здесь чудовищное *недоразумение*.

Во-первых, далеко не все исследователи считают «свальный грех» таким непреложным фактом.

Во-вторых, сами хлысты неоднократно и категорически опровергали его.

И в-третьих, *основа* их вероучения во всяком случае *не в этом*. По учению хлыстов, Христос может воплощаться в *каждом человеке*, и каждый должен стремиться *стать Христом*. Весь их молитвенный экстаз основан на этой жажде «перевоплощения».

Ставший «Христом» — получает и все «чувствования, как в Христе Иисусе»<sup>81</sup>.

Его слова — уже не его, а воплотившегося в нём Христа. Отсюда слепое повиновение воле перевоплотившегося человека. Очевидно, что при недобросовестности такого «Христа» он может легко злоупотреблять своей властью. Возможны и случаи разврата. Но это есть *уклонение*, если хотите, «личный грех» того или иного отдельного сектанта, но ни в коем случае не имеет отношения к *вероучению*.

Вероучение, взятое без этих практических злоупотреблений, содержит в себе одно из древнейших религиозных заблуждений о воплощении Христа во *многих*. — Мысль сама по себе очень глубокая, но на почве невежественной выродившаяся в большую «мистику»<sup>618</sup>. «Радения» хлыстов — факт несомненный и психологически понятный. Внешние манипуляции, как кружение, бичевание, выкрики, всё это опять-таки ещё с древнейших времён употреблялось, как известного рода «гашиш», помогающий тому психическому состоянию, которое, по мнению верующих, должно наступить для скорейшего воплощения Христа.

К «принятию» Христа верующие готовятся *постом, воздержанием, молитвой*.

Что касается «свального греха», которым будто бы кончается богослужение, то, повторяю, во-первых, факт этот нельзя счи-

тать строго научно установленным, а во-вторых, если бы он даже и подтвердился, то объяснение его следовало бы искать в той болезненной истеричности, которая всегда граничит с половой сферой, а никак не в сознательном стремлении к разврату.

Нельзя забывать, что *скопчество* считается одной из разновидностей хлыстовщины, а некоторые последователи прямо рассматривают эти секты как *одну*. Причём «хлысты» — это первая ступень «совершенства», скопцы — вторая, высшая; значит, в центре хлыстовщины стремление к *чистоте*, к «обожению» себя, а не половая распущенность.

---

Так вот: «хлыст» ли Григорий Распутин?

Отвечаю категорически: не хлыст, а самый обыкновенный блудник, каких в истории сектантства можно насчитать тысячи, — «хлыстом» его можно называть только в кавычках.

А то «движение», которое он «создал», может быть названо — если уже держаться за этот термин во что бы то ни стало — «*великосветской хлыстовщиной*».

Распутин усвоил в «хлыстовщине» только одно — «свальный грех», и пошёл его проповедовать великосветским дамам. Семья упало на добрую почву. «Банальный способ» оказался новым и оригинальным. И «успех» в салонах новый старец имел поразительный.

Учение Григория Распутина очень простое. Без воли Отца волос не упадёт с головы. Значит, всё добро зело. Зачем же отказываться от того, что приятно. Всё это «простое учение» декорируется загадочными изречениями, поклонением «святым местам», елейными словами.

Случай не новый.

Время от времени в великосветских салонах появляются «проповедники», и скучающие дамы начинают сходить с ума от восторга.

Новое здесь только то, в каком *направлении* пожелал «проповедник» использовать своё влияние на пресытившихся аристократок...

Однако какую же роль сыграли наши опальные владыки в судьбе Григория Распутина? Не повинны ли они в той великосветской хлыстовщине, жертвой которой сами теперь пали?

Вспомните первые «разоблачения» о Григории Распутине.

Начал их М. Новосёлов в «Московских ведомостях»<sup>619</sup>. Несколько архиереев подтвердило обличения Новосёлова. Знаменитый ректор петербургской академии Феофан<sup>620</sup>, которого называли современным Фотием, ранее поддерживавший Григория Распутина, — отшатнулся от него.

Положение Распутина покачнулось. Кто поддержал его? *Иеромонах Илиодор*.

Вспомните, какой телеграммой разразился он по адресу Новосёлова.

Он издевался над ним, он предлагал привязать его к позорному столбу и высечь баннным веником.

У всех в памяти трогательная карточка, на которой Григорий Распутин снят с еп. Гермогеном и иеромонахом Илиодором.

Григорий Распутин казался им «нужным».

Теперь они получают законное возмездие. Нельзя поддерживать злую *силу*, не считаясь с *последствиями*. Последствия эти рано или поздно *скажутся*.

Великосветская хлыстовщина — сама по себе не интересна. И копаться во всей этой мерзости не стоило бы. Факт и без того общеизвестный, что нигде нет такого разврата, как в «большом свете».

Но если русская, нелепая, сумасшедшая жизнь складывается так, что «частное дело» и даже интимная жизнь великосветских барынь начинает оказывать влияние на *дело* Церкви, — согласитесь, разобраться в этом явлении приходится поневоле.

Обер-прокурор Саблер о Григории Распутине сказал так:

— Это несомненно психически больной человек<sup>621</sup>.

По-моему, это сказано слишком мягко. «Болезнь» в данном случае скорей может служить к оправданию.

Пророк великосветской хлыстовщины, по характеристике Меньшикова, «мужичок себе на уме»<sup>622</sup>.

Опять слишком мягко. Григорий Распутин — типичнейший представитель самого беззастенчивого религиозного шарлатанства. К «хлыстовщине» как секте, как проявлению своеобразного религиозного, народного творчества, — он никакого отношения не имеет. И великосветская «секта» его, великосветская его «хлыстовщина» отнюдь не есть явление религиозного порядка.

Какой же можно сделать вывод из всех ныне происходящих событий?

В фактическом отношении события предсказать довольно трудно. Возможно, что о. Илиодор доберётся до Царицына, возможно, что опять одержит победу и получит «компенсацию» за пережитое, возможно, что еп. Гермоген получит другую епархию и архиепископский сан. Туда к нему переведут о. Илиодора, и «великосветская хлыстовщина» потерпит поражение. Возможно, напротив, что опальный владыка и иеромонах зайдут слишком далеко и их постигнут более суровые кары. Предположений здесь может быть сколько угодно самых противоречивых, но одинаково вероятных.

Но *внешние события* — меня всегда интересуют меньше внутренних. *Внешнее* проходит и сменяется, как кинематограф, — внутреннее остаётся неизменным.

И вот внутреннее значение происшедшей борьбы недавних защитников «хлыста» с великосветской хлыстовщиной и влиянием её на Церковь — очень велико.

Внутреннему авторитету духовной власти нанесён громадный удар. Обнаружилось многое такое, о чём только догадывались, а иные и вовсе не знали. Результатов всего пережитого учесть ещё нельзя. Но и сейчас уже можно сказать, что и в духовенстве, и в церковном народе формируется ясное сознание неизбежности коренных реформ Церкви.

## «ДОМ ТРЕЗВОСТИ» И ЕГО ВРАГИ

Удаление епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора — светлый праздник для Царицына.

Но, по моему глубокому убеждению, всех больше этому событию радоваться должно *Общество трезвости*.

И не потому, что о. Илиодор был «личный враг» о. Строкова, и не потому, что всеми правдами и неправдами стремился причинить ему «личные» неприятности, включительно до превращения хорошего прихода в нищенский, 600 домов на три штата.

Нет. Дело личное — дело их.

Но теперь только выясняется, что *Общество трезвости стояло на краю гибели*, — и почти наверное *погибло бы насильствен-*

ной смертью, не разыграйся петербургские события и не вызови еп. Гермоген Илиодора в Петербург.

В «Царицынской мысли» уже указывалось на «остроумный» план о. Ушакова и о. Благовидова<sup>623</sup> «найти» в Обществе трезвости «сектантов» и ходатайствовать на этом основании об его закрытии. План этот, несомненно, удался бы, потому что «ходатайство» исходило бы от Илиодора, и еп. Гермоген, конечно, утвердил бы его. Мог же еп. Гермоген, вопреки элементарной справедливости, совершить настоящую «экспроприацию», урезав Вознесенский приход и оставив на три штата 600 домов (из которых значительная часть татар), а 1500 домов на один штат отдать «собрату» о. Илиодора, священнику Егорову.

Если можно было *это* сделать — то и всё можно. Почему бы и не закрыть Общество трезвости — тем более, когда подвёртывалась под руку такая удобная причина: о. Строков, мол, «свил в Обществе трезвости» гнездо баптистов в адвентистов!

Но план не удался...

О. Илиодор не мог прибыть на это знаменитое «миссионерское» собрание, и без него «постановления» сделать не решились.

Не «мог» прибыть Илиодор потому, что его вызвали в Петербург: люди верующие должны усмотреть здесь *промысел Божий!*

Доброе, святое дело, которому грозила почти верная гибель, — спасено внезапным громом, грянувшим над головой безграничных саратово-царицынских владык.

Есть чему радоваться!

Теперь мне хочется остановиться на двух вопросах.

1) На вопросе о клевете о. Ушакова и 2) на том, что потерял бы Царицын с закрытием «Дома трезвости».

### І. КЛЕВЕТА О. УШАКОВА

О. Ушаков на миссионерском собрании бросил о. Строкову тяжкое для православного священника обвинение в том, что он в «Доме трезвости» «свил *сектантское гнездо*».

В подтверждение этого обвинения о. Ушаков указал на то, что у одного из прихожан, который оказался «трезвенником», он нашёл брошюру адвентистов и на полях усмотрел надпись: «верно».

Не ясно ли, что, только имея в виду определённый план «выискать» в обществе «сектантов», — можно на таком «факте» основывать обвинение в сектантстве.

Подумайте только: найдена брошюра, значит — сектант! Но неужели *всякий*, у кого есть сектантская брошюра, сектант? Можно найти сотни простых людей, интересующихся религиозными вопросами, у которых будут брошюры и «адвентистов», и, очевидно, «баптистов», и «молокан», и пр., и пр., и пр. По мнению о. Ушакова, это будет доказывать, что владелец брошюр в одно и то же время и баптист, и адвентист, и молоканин?

Говорит, была надпись: «верно». Но разве в *сектантской книге* не бывает отдельных мест, *вполне* совпадающих с православным вероучением. Почему же не допустить, что надпись «верно» относилась именно к такому месту.

Но допустим самое крайнее: «трезвенник» был, действительно, сектант.

Спрашивается теперь: на каком основании о. Ушаков думает, что «трезвенник» стал «сектантом» *не после* вступления в Общество, а до этого. Он мог вступить в общество в 1910 году, а сделаться сектантом в 1911 году!

Но пойдём ещё дальше. Пусть о. Ушаков прав: «трезвенник» сектант — давнишний и «закоренелый».

Теперь я спрошу о. Ушакова: *этот «трезвенник» является в то же время прихожанином о. Ушакова; почему же распадником сектантства надо считать Общество трезвости, а не приход о. Ушакова?* Почему же приход о. Ушакова, когда в нём «числится» сектант, никто не рискнёт называть «сектантским гнездом», а когда сектант «числится» членом Общества трезвости — можно бросать подобное обвинение?

Заявление о. Ушакова носит все признаки клеветы, потому что оно явно недобросовестно и явно имеет целью «опорочить» *православную организацию*.

Признаки клеветы и недобросовестности должны быть усмотрены в том, что о. Ушаков, *зная*, что Общество трезвости находится при *православной церкви*, что оно покровителем своим считает *православного* святого (Николая Чудотворца), что обет трезвости даётся православному священнику перед Евангелием и Крестом, — *зная всё это*, *зная*, что «сектант» никогда не пойдёт ни к ниспосланному священнику, ни в православный храм, — а если и сделает это, то тайно, обманным путём, — *зная всё это*, о. Ушаков позволил себе обвинить Общество трезвости в покровительстве сектантству.

Стремление же опорочить можно видеть в том, что о. Ушаков, зная отношение к сектантству еп. Гермогена, явно имел целью, бросая своё бездоказательное обвинение, — скомпрометировать Общество трезвости в глазах духовной власти.

## II. Что потерял бы Царицын с закрытием «Дома трезвости»

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо во всей полноте представить себе, что, собственно, представляет собой Общество трезвости, и не только в своём «настоящем», но и в планах своих на будущее.

Надо прямо сказать: «Дом трезвости» — явление замечательное, и я убеждён, что ему суждено сыграть роль не только царицынскую, но и *всероссийскую*, как живое свидетельство того, что можно сделать *при существующих условиях* для народа. В основании «Дома трезвости» положено не нечто «политическое», «личное» или «сектантское», а *общечеловеческое* — этот «дух» сразу обеспечил Обществу успех и поставил его на широкую творческую дорогу.

Посмотрите, какая картина получается в *настоящем*.

В Обществе с лишком 3000 членов. Свой дом с роскошной аудиторией. Свой журнал. Ссудо-сберегательное товарищество. Похоронная касса. Воскресная школа. В непродолжительном будущем открывается своя хлебопекарня. Своя дешёвая столовая. Общество организует ряд чтений и концертов.

Но это не всё. Планы руководителей расширяются. Уже возникла идея своего приюта, где бы детей не только *кормили*, но и *воспитывали*. «Дом трезвости» — организация религиозная, потому и воспитание будет религиозное. Из них будут воспитывать хороших людей, для этого необходимо пробудить в детях улицы всё доброе, светлое, незагрязнённое. Им нужно дать хорошие детские развлечения. Будут организованы детские экскурсии и свой детский оркестр.

Деятельность Общества стесняют две «силы»: 1) илиодоровщина; 2) безденежье.

Илиодоровщина, с переводом из Царицына Илиодора, очень скоро исчезнет. Тот яд, который вливал в души своих несчастных поклонников о. Илиодор, та нездоровая, истерическая религиозность, почти граничащая с беснованием, которую он искусно разжигал в богомольцах, — всё это рассеется как дым!.. Доверчи-



вые души, попавшие в плен, поймут, что на подворье их только эксплуатировали для своих целей, что их призывали лишь к одному: всё нести на подворье. Но что взамен, *для народа*, ничего, кроме «горы Фавор», не сделали. Они поймут, что жестоко обмануты, и захотят искупить свой невольный грех безделья на подворье творческим делом в Обществе трезвости.

Таким образом, первый тормоз — илиодоровщина — уже устранён. Остаётся второй — безденежье.

И вот, хочется верить, что найдутся в Царицыне люди, которые помогут и этому горю.

*Деньги* — необходимое «внешнее» условие всякого большого общественного дела. И организация, так блестяще доказавшая, что она умеет *работать*, заслуживает того, чтобы ей дали несводимый денежный средства.

В Царицыне есть капиталисты, есть люди, у которых деньги — «мёртвый капитал»; может быть, им захочется, хотя бы ради того, чтобы свою-то жизнь *осмыслить*, — примкнуть к делу, которое при благоприятных условиях может стать, повторяю, делом *всероссийским*. Участие капиталистов уничтожит последний тормоз. И в Обществе начнётся органический рост. Деятельность его может охватить весь город...

---

И вот, все эти начинания могли бы рухнуть от одной найденной о. Ушаковым брошюрки с надписью: «верно». Достаточно было приехать к ревностным «миссионерам» о. Илиодору. Достаточно было написать, разумеется, со ссылками на Священное Писание, «доклад» еп. Гермогену и отослать его в Петербург, а еп. Гермогену «одобрить» доклад — и в Царицыне не было бы «Дома трезвости». Не было бы единственного живого дела, у которого такое блестящее настоящее и такое светлое будущее.

Как же не радоваться «трезвенникам», что гроза миновала?

Они должны радоваться. Здесь речь не о «злорадном» чувстве, а о той радости, которая бывает всегда, когда минует опасность и всё тёмное останется позади.

Вместе с «трезвенниками» должны радоваться и все жители Царицына, ибо «Дом трезвости» — дело для всех общее: в нём заинтересованы все, без различия «партий», все, кому дороги интересы народа, и можно с уверенностью сказать, что скоро делу этому суждено стать гордостью Царицына.

## ОТВЕТ ДУХОВНЫМ ОТЦАМ

**В**чера была напечатана целая «литература» местных священников в опровержение моей статьи «“Дом трезвости” и его враги».

Признаюсь, меня несколько удивило, почему опровергается именно *моя* статья? Ведь *фактические* данные взяты мною из заметки Г. Х. «Как иногда пишутся опровержения», напечатанной в № 12 «Царицынской мысли». Коль скоро заметка эта не была опровергнута, я имел полное право, основываясь на ней, освещать факты так, как я их понимал.

Но оставим формальную сторону. Рассмотрим дело по существу. Что «опровергают» достойные отцы?

Они говорят, что о. Илиодор мог приехать на любое миссионерское совещание в качестве миссионера.

Согласен, но я писал о том, что на *данное* совещание он *ожидался с определённой целью*.

Они говорят: о. Ушаков прямо не говорил, что надо закрыть Общество трезвости.

Ещё бы! Он, слава Богу, не маленький мальчик и понимает, как такие дела делаются.

Важно, что о сектантстве в Обществе трезвости *заговорили*. И для всякого знакомого с делом ясно, *к чему это клонилось*. Я вправе был этим разговорам о сектантах придать такое освещение, по следующим соображениям.

Что о. Илиодор враждебно относился к о. Строкову — знал весь город. Что у о. Строкова отняли большую половину прихода с целью «выжать» его — также.

И вдруг начинают разговоры о сектантах... Отношение еп. Гермогена к сектантам известно — и куда клонилось всё это «тонкое» рассуждение о. Ушакова, до такой степени прозрачно, что, сколько бы опровержений ни писалось, факт останется фактом. Остаётся не опровергнутой фраза «священник Строков свил в Обществе трезвости сектантское гнездо». Хотя дело не менялось бы, если бы даже фраза эта этими самыми словами и не говорилась. Но всё же я категорически заявляю, что лицо, бывшее на собрании и сообщившее редакции все подробности, между прочим, указало на эту фразу как на *стенографически записанную им на миссионерском собрании*.

В заключение считаю необходимым отметить следующее: заметка «Как иногда пишутся опровержения», в которой были опубликованы факты, послужившие основанием для моей статьи, напечатана *16 января*, а опровержение царицынских отцов доставлено в редакцию *6 февраля, т. е. через двадцать два дня*.

Почему же так долго не появлялось никаких опровержений, если не со стороны о. Ушакова, то со стороны тех священников, которые выступают теперь на его защиту? Что такое произошло за это время?

А вот что:

1) Епископ Гермоген уволен на покой и иеромонах Илиодор — во Флорищеву пустынь.

2) Илиодоровцы свящ. Михаил Егоров и о. Тихонравов переведены из Царицына.

3) Монастырский храм закрыт, и *заведование подворьем поручено свящ. Строкову*.

4) *Священник Строков назначен о. благочинным царицынских церквей*.

Я думаю, что для тех, кто хотя сколько-нибудь знаком с нравами царицынского духовенства, комментарии излишни.

## «КАРТОЧНЫЙ ДОМИК»

Одно лицо, очень близкое к монастырскому подворью<sup>624</sup>, рассказывало мне о своих монастырских впечатлениях:

— Монастырь, оказывается, хорош только с виду. Он построен явно для декорации. Кельи маленькие, сырые, по стенам выступила плесень. И, что всего поразительнее, полное отсутствие вентиляции. «Катакомбы» под храмом явно угрожают зданию. Пол висит над пропастью в 5-6 саженей, и достаточно по нему быстро пройти одному человеку, чтобы почувствовать, как непрочное всё сооружение: пол дрожит так, что жутко становится. Внутри, в катакомбах, натекла вода и, если она начнёт подымать края, земля осыплется, и может произойти катастрофа.

— Как же живут монахи в таких кельях, в такой сырости? — спросил я.

— А так и живут: все больны. Лица у всех жёлтые, нездоровые...

Когда я слушал этот рассказ, я невольно вспоминал игру в «карточные домики».

Кто в детстве не строил «карточных домиков»!

Складываешь карты одну к другой, воздвигаешь целые пирамиды. «Здание» кажется «величественным», но достаточно малейшего дуновения ветра: дверь откроют, кашлянешь или просто вдохнёшь неосторожно, — и всё сооружение вздрагивает и рассыпается.

Вот такой же «карточный домик» и «величественное» Илиодоровское подворье.

Сравнение это выражает и внешнее его качество, и внутреннюю сущность.

До сих пор мы привыкли признавать, как нечто бесспорное, изумительную — при отсутствии денежных средств — постройку Илиодором монастырского здания. И когда говорили о всевозможных «подвигах» Илиодора, защитники, как на факт бесспорный, указывали:

— Да — вот такой и сякой он, а смотрите, какую громаду взгрехал.

Сам о. Илиодор с гордостью говорил не раз:

— Я без средств воздвиг здание, стоящее триста тысяч рублей!

Мы верили, пожимали плечами и говорили:

— Да, действительно, здание громадное...

И вдруг оказывается, что и этот последний «козырь» — карточный!

Оказывается, это простая декорация, вывеска, реклама, как и вся деятельность Илиодора. Оказывается, здание «величественно» только на фотографии да на рысинских кружках. Оказывается, что о «величии» его надо спросить желтолицых монахов, прозябающих в заплесневевших кельях, в спёртом сыром воздухе.

И тогда обнаружится, что «монастырь» не стоит не только трёхсот тысяч, но и гроша ломаного, — потому что этот монастырь рассчитан на скорое пришествие Антихриста и едва ли переживёт своего строителя.

«Карточный домик»!

И вся суть его «карточная».

Разница только в том, что «домик» падает от малейшего ветра, а монастырская деятельность Илиодора сошла на нет после того, как грянул «Гром и молния» над Саратовской епархией. Вот и вся разница.

Но пусть всякий беспристрастный наблюдатель ответит на вопрос: что оставил после себя о. Илиодор? Как ни раздували

«столичные корреспонденты» царицынских «событий», дальше нескольких телеграмм растерянных поклонников — дело не пошло.

И не пойдёт. Потому что всё движение — такой же «карточный домик», как и сырой, душный, готовый рухнуть монастырь.

## К ПРИЕЗДУ НОВОГО ЕПИСКОПА

**Н**овому епископу Алексию <sup>625</sup> в Царицыне предстоит трудное и сложное дело.

Я имею в виду не внешнее «умиротворение», т. е. совсем не то «дело», которое, по-видимому, считается самым трудным и важным как саратовской епархиальной властью, так и Синодом.

Нет, «умиротворить» — дело лёгкое, потому что и «бунта» никакого на самом деле нет. Корреспонденты столичных газет, отвечая требованиям «рынка», из сил выбивались превратить маленький царицынский шум в грандиозную «трагедию» — и обмануть жаждущую такого обмана столичную публику им удалось. Но мы-то, живущие в Царицыне и со смехом читавшие эти корреспонденции, отлично знаем, что у нас обошлось тихо, смирно, «по-хорошему». Никаких патриархов не было, и католикоса тоже, ни подземных ходов, ни молений по колено в «снегу», и свящ. Строкову вовсе не приходилось «спасаться» на извозчике от разъярённой толпы.

Несколько сот женщин, увидев монастырь закрытым, обратились к о. Протоклитову с просьбой отслужить обычный акафист в его церкви. Он отказал.

Вот и всё.

И потому, если еп. Алексей едет «успокаивать народ», он едет совершенно напрасно: «успокаивать» решительно некого.

Но дело для епископа есть — и большое дело!

Надо правду сказать, и теперь, к счастью, правду эту можно сказать вслух: еп. Гермоген испортил свою епархию, и больше всего и прежде всего испортил Царицын.

Деятельность «викарного» иеромонаха Илиодора имела развращающее влияние не только озлобляющими и натравляющими проповедями, гораздо больше вреда сделано им возведением принципа «чего моя нога хочет» в систему «управления».

Благодаря деятельности о. Илиодора и духовенство, и паства отучились от закона и вообще от всяких *руководящих принципов*. Начала впитываться развращающая идея *полнейшего личного произвола*.

Пастырь твёрдо знал, что в один прекрасный день он может очутиться в Вольске или в захудалом селе, или, наоборот, в хорошем царицынском приходе — и не за вину и не за заслуги, а просто «по распоряжению» с подворья.

Такое «управление» ставило духовенство в унижительное положение «прислуги», которую в любой момент могут «рассчитать» или перевести «на дачу».

Знала всё это и паства и теряла уважение к священнику, видя его «подлаживающимся», жалела или осуждала — но, во всяком случае, переставала признавать его духовный авторитет<sup>626</sup>.

Новому епископу и предстоит прежде всего восстановить *справедливость*, подменённую произволом. Новый епископ должен заявить и духовенству, и мирянам, что отныне «личное усмотрение» навсегда изгоняется из Саратовской епархии, — его заменит закон, право и справедливость<sup>627</sup>.

Дело еп. Алексия — внутреннего порядка, сложное, ответственное. Он должен сделать так, чтобы *ему поверили* и чтобы все почувствовали — и миряне, и духовенство, — что начинается *моральное оздоровление* Саратовской епархии. Сможет ли новый епископ выполнить этот *подвиг* архипастырского служения, покажет ближайшее будущее.

## ГОЛОД В ЦАРИЦЫНСКОМ УЕЗДЕ

**Ч**еловек ко всему привыкает. Нервы притупляются. Совесть притупляется. Это, можно сказать, *проклятое* свойство души человеческой.

Привыкли мы к смертным приговорам, привыкли к кровавым ужасам нашей жизни, начинаем привыкать к «голоду»...

Но иногда случается такое, что и притуплённые нервы заставит задрожать, и притуплённую совесть разбудит, и человек невольно похолодеет от ужаса.

Я лично испытал это чувство ужаса недавно, когда читал о голоде не «в газетах», а на большом листе бумаги, присланном из с. Солодчи крестьянами в редакцию «Царицынской мысли».

Меня поразило прежде всего *тон* этого письма. Оно начиналось так: «Его Высокоблагородию, господину Редактору крестьян села Солодчи *прошение*». Корреспонденция о голоде в Солодчи была напечатана в газете.

А вот теперь новый ужас. Пожалуй, ещё больший, чем тот. Снова живой рассказ, а не сухой газетный «отчёт» о том, как люди голодают.

Голодающее село это — Гавриловка, Отрадинской волости, Царицынского уезда<sup>628</sup>. Село стоит в глухой степи, на речке Червлёная. Люди живут в нём пришлые — из Таврической губернии. Ещё обстроиться как следует не успели. Попали под голодные годы и вконец разорились. Прислали в Гавриловку члена Управы открыть столовую для голодающих...

Куда же ехать? К старосте. Старосты нет — к «кандидату». Входит в избу. Мать, отец, два сына подростка лет 13-15, а на печке ещё шестеро детей — старшему 10 лет, в люльке совсем маленький.

— Есть у вас хлеб? — спрашивает у них.

— Ни... уже три дня никакой крошки не бачили...

Вынимают из печки шесть маленьких лепёшек, для самых маленьких приготовили; весу в них не больше  $\frac{1}{2}$  фунта, приготовлены из картофеля, с небольшой примесью муки.

И вот, когда принесли в избу «настоящий», привезённый членом управы хлеб, дети уставились на него, точно глазам своим не верили, — а самый маленький улыбнулся, потянулся к нему и, оглядываясь на мать, сказал:

— Мама... «папы»!..

В другой избе опять то же. Родители, едва передвигающие ноги. Голодные дети, покорно ждущие своей смерти.

Велели созвать людей. Из маленьких, в беспорядке разбросанных изб, как тени, потянулись измученные, голодные люди.

— Как живёте? — спрашивает их член Управы.

— Почти помираем, — тихо и покорно отвечают ему.

— Ну теперь не помрёте, я привез хлеба вам и открою столовую. Будем кормить.

И он стал раздавать хлеб.

Голодные брали этот хлеб молча и *плакали*. Да, плакали те самые «русские мужики», которые, кажется, всякое страдание переносят без слёз. А тут не выдержали. *Радости* не выдержали. Приготовились умирать: всё, мол, кончено. И вдруг говорят: нет,

можете жить ещё. Вот, хлеба привезли. Пойдите и детям вашим дайте. И они могут жить.

Есть от чего заплакать! Оказалось, что во всём селе только в *трёх дворах* есть немного хлеба, и то ненадолго, дней на пять! А всех их 32 двора — 171 человек, не считая грудных детей...

На обратном пути член Управы встретил старосту. Такой же измученный, полуголодный плетётся пешком в село: ходил покупать ломы для общественных работ, которые разрешены им по телеграфу.

---

Итак, можно «успокоиться» — 170 крестьян не умрут с голоду: земство открыло столовую. Но им грозит смерть от холода, потому что нет у них ни одежды, ни топлива, — впрочем, русский человек всё переносит, может быть, перенесёт и нетопленые избы...

В Госуд. думе идёт спор: есть голод или нет<sup>629</sup>. До Гавриловки споры эти не доходят, а то умирающие крестьяне рассказали бы депутатам, вернувшимся домой после встречи «английских гостей» и отдыхающим после шампанского и ужинов, о том, что голод в Саратовском крае *есть*.

Отдельному человеку бороться с этим ужасом нельзя. Можно страдать, плакать, с ума сходить от стыда и жалости. И только.

Ну да, дети умирают и просят:

— Хлеба... «папы»!..

Ну, ждут десятки, сотни людей, когда «всё кончится» и смерть успокоит их...

Что же делать-то? Что делать-то?..

Послать «пожертвование»? Куда? И люди, чтобы не волноваться зря, стараются совсем не думать и не «читать» о голоде.

Нельзя же биться головой об стену!

Возможно было бы одно: *общественная помощь*. Каждый чем может, кто деньгами, кто личным трудом. Но общественная помощь воспрещена по высшим политическим соображениям<sup>443</sup>.

И теперь в голодных сёлах из-за этих «высших соображений» ни в чём неповинные люди «ждут, когда кончится»... В селе Гавриловке голодные дождались «спасения» — им дали кусок хлеба, и с радостными слезами приняли они его. Но помощь могла опоздать на 2-3 дня, что бы тогда было?

Мало ли таких Гавриловок, куда ещё не успели привезти хлеба и где в холодных избах ждут люди, чтобы скорее успокоила их смерть, а дети плачут и кричат, надрываясь:



— Хлеба!.. «Папы»!..

Да будь она проклята, всякая политика и все эти «высшие соображения», если за ними стоят измученные люди, со слезами встречающие кусок хлеба.

Не надо её! Прочь её!.. Я вижу, я чувствую только одно: что человеку нельзя не есть. Ну, день можно... ну, два, три... Но надо же, надо дать ему кусок хлеба. Ведь если за ваш обеденный стол посадить мальчика 5-10-ти лет, который не ел три дня, и он со слезами будет смотреть, как вы едите и «суп», и «жаркое», и «сладкое», ведь не проглотите вы спокойно свой кусок, ведь не повернётся у вас язык сказать:

— Я не дам тебе есть из высших политических соображений!..

Какие там «высшие соображения», какая там политика. Человеку есть надо дать — и больше ничего. И дать сейчас же, не откладывая, иначе ему грозит голодная смерть.

Господа! Все мы и жадные, и эгоистичные, и испорченные, и, надо правду говорить, — *бессовестные*, — но есть же в нас «подобие» человеческое, сохранилось же в нас хотя какое-нибудь *живое чувство*. И если так, то не можем, не смеем мы пройти равнодушно мимо таких фактов.

Пусть *каждый* отложит хоть что-нибудь на таких гавриловских крестьян. И если не разрешено обществу кормить голодных, пусть отдаст *«пожертвование»* своё тем, кому разрешено кормить. Не мы, «пишущие», просим об этом, а дети голодные, и мужики голодные. Если *нам* не верите — *им* поверьте!

## «ГОСТИ»

(Посвящается детям «прозрачным, как воск»)

Потрясающие вести идут из селения Ягодная Поляна.  
Дети от голода стали прозрачны, как восковые.

*Из газет*

**З**има нынешнего года выдалась на славу!

Правда, погода скверная: то мороз, то слякоть, то снег, то гололедица.

Но зато давно не выпивали столько шампанского, давно так не веселились, так мило, по-европейски не проводили время.

Всё гости, гости и гости!..

Не успели проводить англичан — едут французы.

Мы, можно сказать, переходим из объятий в объятия и, склонив на грудь просвещённого «соседа» буйную голову, шепчем: «Да здравствует Франция» или «Да здравствует Англия» — смотря по обстоятельствам.

Столичные газеты, захлёбываясь от удовольствия, наперебой друг перед дружкой, оповещали российских граждан, где изволили кушать наши русские «парламентарии» с зарубежными гостями, что именно было съедено и что выпито и какие речи говорились.

О, эти речи — верх совершенства!

«Английский народ», «русский народ», «вековая дружба», «задачи культуры», «великая Англия», «бесподобная Россия», а один английский гость так-таки и ляпнул: «В Англии, говорите, хорошо? Чепуха!.. у вас лучше».

Словом поэтическим говоря, лобызание происходило «под сенью струй»<sup>630</sup> и шампанского.

Приезд английских гостей был какой-то весёлый карнавал, в котором сменялось и перепутывалось всё: Святейший синод и балет, епископы и «всем известные своей любезностью гренадёры», Саблер и дамы с букетами, достопримечательности столицы, ужины, художественные галереи и всеобъединяющее, всё уравнивающее шампанское!<sup>631</sup>

Так веселились с англичанами.

С французами будет ещё хуже.

Тонконогие французы попадут в Москву как раз к блинам<sup>632</sup>. То-то будут долго помнить русское гостеприимство.

Славная зима, весёлая зима!

Но русский человек уж так устроен. Какое бы свинство он ни делал, обязательно пристегнёт «высшие соображения». Болтовня и обжорство «парламентариев» тоже не обошлись без высших соображений, хотя и «политического свойства».

— Пётр прорубил окно в Европу, — торжественно сказал один из лордов, — вы прорубите *дверь*.

Хорошо сказано!

Оказывается, только глупым людям весь этот петербургский и московский «карнавал» казался болтовнёй и пьянством, а на самом деле тут «тонкая штука» — дверь в Европу прорубали.

Русские не отставали от своих соседей, но выражались менее образно. Они просто потирали руки и говорили:

— Ну, Персия теперь наша!..

Не знаю, что будут теперь говорить французы и мы — французским гостям? Кажется, все хорошие слова сказаны, а повторять их будет немножко стыдно.

Впрочем, как бы ни было, но я убеждён, что «высшие соображения» найдутся и для французов...

Да позволено будет мне обо всём этом «международном веселии» остаться при особом мнении.

Я считаю его позором.

Позором не для тех, кто приезжал, а для тех, кто считал этот приезд уместным.

То есть для наших «представителей народа».

И позор этот не может быть прикрыт никакими «дверями», никакими «высшими соображениями», до присвоения чужой собственности (Персии) включительно.

То, что *гадко*, всегда останется гадким. И всякий, кто вещи будет называть своими именами, легко поймёт это.

Какие бы «высшие соображения» ни приводились — весёлый карнавал в той стране, где «дети прозрачны, как воск», может вызывать только *мучительный стыд*.

Правда, лорды «пожертвовали» 300 фунтов стерлингов на голодающих, но этим они только подчеркнули всю неуместность блестящих ужинов и блестящих речей в годину народного горя, народного траура.

И если уж говорить о высших соображениях, то надо прямо сказать: то *моральное впечатление*, которое произвели на народ все эти всероссийские возлияния в Петербурге и Москве, бесконечно больше нанесут ущерба «единению», чем все торжественные речи, вместе взятые, принесут ему пользы.

В стране *голод*. Люди «последнюю литургию» служат, чтобы потом спокойно умереть голодной смертью, дети стали восковыми, а «представители народа» расшаркиваются перед гостями и пьют за народ шампанское, бросают сотни, а то и тысячи направо и налево.

Вы скажете: но разве все не так живут? Разве мы не «обжираемся», как ни в чём не бывало, прекрасно зная и о «последней литургии», и о «детях»?

Да, все мы так живём.

Но разница в том, что мы не делаем из этого *общественного*, т. е. *положительного*, факта.

Свою жизнь, часто бессовестную, часто тёмную, мы так и со-знаём как личный наш *грех*. Если же такое сознание есть — всегда есть возможность начать жить иначе. А такие *всероссийские грехи*, которые совершаются всенародно, с помпой и полнейшим сознанием, что всё это «очень хорошо», — такие грехи не могут иметь никакого оправдания.

Конечно, «восковые дети» не придут в Петербург.

Где им! Они не смогли бы дотащиться до первой станции. Да если бы и пришли они, дворник и швейцары живо препроводили бы их куда следует. Они не придут, и потому не смогут сказать веселящимся людям, вконец обезумевшим, об их преступлении.

Но к совести людской могут подойти они, и к тем, кто живёт в роскошных палатах, и к тем, кто заседает в Таврическом дворце, — подойти и сказать:

— Стыдно, стыдно, стыдно!

## «5 РУБЛЕЙ»

*(Живые цифры)*

**М**ожет быть, читатели помнят об учителе «с телятами»? Как-то осенью заехал я на «хутор» недалеко от Царицына, по ту сторону Волги. Знакомый мой представил мне этого «мученика просвещения», которому придется преподавать в школе, где зимой, помимо «школьников», по мере надобности, пускают и телят.

Учителю тогда предстояло сообщить неприятную новость: жалованье его сокращалось до 10 рублей в месяц (вместо 20 р.), причём уже полученное жалованье за прошлые месяцы предлагалось «разложить» на 10 р. и прислать новые расписки. Таким образом, несчастному учителю, и так живущему чуть не впроголодь, вместо ожидаемого текущего жалования, пришлось ограничиться отсылкой расписок, что, мол, десять рублей за такие-то месяцы «получил сполна».

И вот на днях узнаю:

Неустанно пекущееся о народном образовании и церковно-приходских школах духовное начальство «определило» жалава-

ные означенному учителю сократить, ассигновав на текущий год 60 рублей, т. е. по 5 рублей в месяц!

Я бы не поверил этому, если бы не «достоверный источник», из которого пришлось получить сведение.

5 рублей! Ведь это глумление какое-то!

У Глеба Успенского есть замечательные рассказы «Живые цифры», в которых измученный писатель показывал, какое страдание стоит за холодными статистическими данными.

Но и он не знал таких «цифр».

«Оживите» эту сметную «рубрику», которая красуется за всевозможными подписями и печатями в духовном ведомстве, — и вы ужаснётесь, до какой жестокости может дойти человек по отношению «маленьких людей».

«Расписывать», как может жить учитель, получающий 5 рублей жалованья, — прямо совестно. Это и так всякий должен понимать.

Но есть здесь другая сторона.

Не только о *жестокости* свидетельствуют эти «5 рублей», они свидетельствуют о *принципиальном отношении к народному образованию*.

То, что считается «важным», о том и заботятся. То, что любят, — то и ценят.

Недавно в газетах были опубликованы оклады вновь назначенных членов Государственного совета; точно не помню, но цифры колебались между 12 и 20 тысячами в год<sup>633</sup>.

То есть важность работы «члена Гос. совета» оценивается в двести-триста раз дороже, чем деятельность сельского учителя.

Жизнь и деятельность высшей бюрократии признаётся «драгоценной», об ней пекутся со всей предусмотрительностью и берут на содержание этих деятелей десятки тысяч народных денег.

А народ «не важен». Потому не важны и «просветители народа». Не важно, как они живут, что едят и даже едят ли что-нибудь. Вносится в смету в определённую «рубрику» «сумма» в 60 рублей в год; а о том, что цифра эта мертва только на бумаге, а на хуторе, потонувшем в снегу, это «живая цифра», — нет никому никакого дела.

Мёртвая цифра гласит: «5 рублей».

«Живая цифра» — голодный учитель, голодная семья.

## ВРАЧИ

Случалось ли вам когда-нибудь жить в уездном городе средней полосы России?

Улицы широкие и грязные, с одного конца воткнута палка для пешеходов, с другого тоже: перейдёшь улицу и воткнёшь палку в грязь для другого прохожего. Маленькие одноэтажные деревянные домики, бесконечные заборы, из-под которых вырываются кусты крапивы, яблоневые сады, заросшие лопухом, чёрной смородиной, крыжовником и бузиной. Посредине города «базар» — большая площадь, разукрашенная клочками сена, навозом и стаями сизых голубей.

Какова жизнь в таком городе? «Обывательская» жизнь! Скучная, серая, нудная. И в громадном большинстве случаев, если и есть что-либо живое, — так это связывается с именем «доктора».

«Любительские спектакли», «библиотека», «литературный вечер» — во всём этом почти всегда участвует прежде всего «доктор».

И «доктора» в уездном городе любят и *уважают*. Не только за то, что он «лечит», но и за то, что он почти единственный проводник «культуры» в уездном захолустье.

Это не фраза, что с понятием «доктора» в уезде связывается некоторое *идеальное* представление, и всякий интеллигентный человек, попавший в уездный город, прежде всего спрашивает: «Каков у вас доктор?» Спрашивают так потому, что от того, каков «доктор», в значительной степени зависит ответ на другой вопрос: какова уездная *жизнь*.

Для людей, век свой проживших в Царицыне, всё это должно казаться *диким*. Выражаясь мягко — фантазией публициста. А то так и просто — вздором и ложью.

Но уверяю вас — всё это именно так.

Мне не раз приходилось говорить, что Царицын — город совершенно *особенный*. Если хотите, «стильный» город. Потому что всё в нём *одно другого стоит* и как нельзя лучше одно другое дополняет. Городской голова, Дума, монастырь, музыкальная школа, духовенство, театр, учителя, биржевые деятели и, наконец, просто публика — всё, как на подбор.

Таковы же и врачи.

«Царицынский врач» — это тип совершенно особый.

И было бы глубочайшим и несправедливейшим недоразумением обобщать этот «тип» и светлый образ русского врача-интеллигента подменять сомнительной фигурой «царицынского доктора-специалиста».

Я в Царицыне человек «случайный» и по свойству своего характера избегающий «общения»: сижу в своей «келье», как сторонний наблюдатель. Врачей лично не знаю. Дел с ними, слава Богу, не имею.

Словом, смею уверить в полнейшем своём *беспристрастии*.

И вот в мою «келью» проникают такие сообщения «вышедших из терпения» обывателей, что я считаю себя вправе дать общую характеристику царицынского врача.

---

Начну с фактов.

Их множество. Но я возьму только несколько, и то таких, которые имею возможность подтвердить *документами*.

Прежде всего врач Ш[ульма]н<sup>634</sup>.

Это человек, который *специализировался* (в Царицыне все «специалисты»!) не только на «глазных болезнях», но именно на *трахоме*. Кто бы к нему ни обратился, как бы незначительна болезнь ни была, он обязательно находит *трахому*, назначает операцию и «продолжительное лечение».

Беру два случая.

6 июля 1911 года к Ш[ульм]ану обратилась за советом гимназистка К. У неё заболели глаза. Девочку К. привела к доктору сестра её, медичка<sup>635</sup>. Ш[ульм]ан нашёл «трахому» и заявил, что «необходима операция». Медичке 4 курса такой диагноз показался очень подозрительным.

Трахома — болезнь настолько характерная, что для определения её совершенно не нужно быть «специалистом»: любой фельдшер может определить безошибочно.

— Я хотела бы присутствовать при операции, — сказала сестра К.

— Это совершенно невозможно, — резко ответил доктор.

— Почему?

— Вы будете мешать.

— Я медичка и могу даже помочь вам.

Доктор, увидев, что попал впросак, брякнул:

— Если вы *боитесь* оставлять меня с вашей сестрой, я могу посадить во время операции горничную.

После такой пошлости сёстрам К. ничего другого не оставалось, как «уйти».

Они обратились к врачу Смирнову<sup>636</sup>. И когда сказали ему, что один врач (не называя фамилии Ш[ульм]ана) нашёл у К. *трахому*, врач Смирнов возмутился и заявил (цитирую точно): «*Такую вещь мог сказать только шарлатан*».

После девочку К. осматривал ещё врач Попов и заявил прилизительно то же самое.

Такая же «ошибка» произошла с доктором Ш[ульман]ом ещё раз. Осматривая в реальном училище глаза у воспитанников, он нашёл у мальчика Д. «трахому», предписал, разумеется, и «операцию», и «продолжительное лечение». Мать Д. случайно оказалась знакомой К. и, вспомнив её рассказ, как тот же г. Ш[ульм]ан лечил её дочь, — отнеслась к «трахоме» сына очень недоверчиво и повезла его в Ростов к специалисту. Результат получился блестящий: трахома оказалась «ш[ульман]ской»!

Другой врач — В[илен]ский.

Некто Н. Е. обратилась к этому врачу, захворав тяжкой формой маточных кровотечений. Доктор прописал горячие спринцевания и уколы. После таких операций больной приходилось по морозу делать 7 вёрст, из которых 1,5 версты *пешком*, причём врач знал это. От такого лечения тело Н. Е. покрылось болезненными прыщами и начался такой упадок сил, что стали опасаться за жизнь больной. Повезли её в Москву к профессору. Узнав, как лечили Н. Е. в Царицыне, он буквально пришёл в ужас и заявил, что всякий, хотя бы элементарно знакомый с медициной, знает, что такое лечение можно назначать только в больницах, т. к. недопустимо после горячих спринцеваний выходить на холод, и что надо удивляться, что Н. Е. осталась жива.

*Доктор Е[фим]ов.* Та же г-жа Н. Е. 21 октября 1911 года отправилась с сильнейшим кровотечением к Е[фим]ову. «Когда я приехала к нему, — пишет Н. Е., — у него уже начался приём. Я обратилась к нему с просьбой принять меня первую, потому что я чувствую, что промокаю, а мне ещё ехать домой 7 вёрст. После долгих уговоров он согласился. Когда стал меня осматривать, случилась небольшая беда: я не могу точно сказать, с руки у него капнула кровь или из меня вылилось, но только он на меня



грубо закричал: “Вас, *пакостниц*, здесь нельзя принимать, потому что простыни пачкаете, извольте являться в больницу!” И доктор успокоился только тогда, когда я положила три рубля на стол».

---

Место не позволяет мне более касаться «фактического» материала. Я привёл только факты, которые подтверждаются *письменными, передо мной лежащими свидетельствами*, которые могут иллюстрировать недобросовестность и грубость царицынских врачей.

Но всё это мелочи! *Крупное* — это то, что общий уровень царицынских врачей таков, что приходится и на грубость, и даже на «ухаживания» и на сребролюбие, на всё махать рукой — лишь бы, по крайней мере, *врач был бы хороший*.

Предъявлять «моральные» требования уж не приходится. Здесь так и говорят:

— *Все они* такие, этот хоть лечит хорошо.

«Все они такие» — вот общая характеристика царицынского врача. В таком городе, как Царицын, где несколько десятков врачей, — они, будь они на высоте своего призвания не только как «врачи», но и как интеллигентные *люди*, — они могли бы всей общественной жизни придать другой характер или, вернее, могли бы *создать её*. Но они не живут, а «зарабатывают», и зарабатывают не всегда добросовестно.

Вы скажете: нельзя на основании отдельных случаев бросать такой упрёк целой корпорации.

Нет, можно!

Потому что царицынские врачи, как *целое*, ни в чём себя не проявляют, значит, вся среда их состоит из таких «отдельных случаев».

Разве не характерно, что «общество врачей» в том городе, где полнейшее отсутствие общественной жизни, — закрывает свои двери для печати, т. е. добровольно обрекает себя на «безгласность». Это может сделать только та корпорация, которая состоит из людей, забывших своё общественное призвание.

Я не спору, «отдельные» хорошие люди, вероятно, есть. Даже наверное есть. Но чтобы поднять общий, до грязи опустившийся уровень царицынских «врачей-специалистов», им нужно долго и самоотверженно работать.

Врачи должны сознать, что погоня за «заработком» завела их слишком далеко, так далеко, что потерял всякий их моральный авторитет; что прежде всего надо поставить на должную высо-

ту корпоративную организацию, в которой бы общество видело нечто гарантирующее врачебную честность.

Общество должно поверить, что корпорация врачей служит не своим интересам, а общественным, что она не допустит в свою среду недобросовестных торгашей, что она вынесет публичное осуждение всякой измене делу служения ближнему, — что она не боится гласности, напротив, хочет, чтобы *все* знали, как врачи в «целом» осуждают товарищей, которые забыли свой долг и врачей, и людей.

Общество должно поверить этому. Но поверит оно только тогда, когда увидит не на словах, а на делах, что «не все они такие», что разница не в том только, что один «попался», а другой нет, про одного написали «в газетах», а про другого не написали. Пусть изменится «тип врача» — изменится и отношение к нему, изменится деятельность «общества врачей» — изменится в значительной степени и вся общественная царицынская жизнь.

## ЦАРИЦЫН — ЧЁРНОЕ МОРЕ — ПЕТЕРБУРГ

**Я** бываю в Царицыне «как гость», смотрю на него «из-за Волги». А издали многое виднее.

Но особенно яркими делаются общие впечатления, когда отойдёшь от предмета на очень далёкое расстояние.

И я смотрю на Царицын с Чёрного моря.

Обычно я проводил в Царицыне неделю-две.

Теперь прожил три месяца. Много видел, многое слышал. И ещё и ещё раз скажу:

Исключительный город.

Город — без *общества*. Город — без *общественного мнения*. Город — без *интеллигенции*. Какое-то серое безличие. Ей-Богу, Илиодор был его украшением, во всяком случае, колоритная фигура! Что теперь без него? В этой груде хлама, как бриллиант, блестит «Дом трезвости». Но с болью, с грустью скажу, что, оглядываясь *назад*, — я начинаю сомневаться, что ему дадут *жизнь* — не мытьём, так катаньем. Не доносами, так грязью, не грязью, так равнодушием, как-нибудь да доконают. Чует моё сердце.

Царицынская пыль ложится густым слоем на обывательские души *смолоду*. На каждом есть какой-то совершенно особый отпечаток.

Я наблюдал одного юношу. Его любили товарищи, он считался «подающим надежды», и действительно — милый, славный; но и в нём я видел отпечаток Царицына — что-то неряшливое, бессильное, видимо, воспитала среда, где нет ни общественного мнения, ни руководящего *тона* жизни. Этот милый мальчик уехал куда-то пробовать свои «литературные силы» и через месяц товарищам прислал визитную карточку, на которой значилось:

Имя, отчество и фамилия — а внизу: *литератор!*

Вот во что превращает царицынская пыль *лучших*. А худшие? Про них и говорить нечего: Царицын для них, как вода для рыбы. И понятно.

Это единственный город, где *всё можно*. И оклеветать, и оскорбить, и продать, и продаться — и все будут пожимать руки заведомому и признанному негодяю.

Царицын — рисуется мне издали каким-то мутным пятном, и не хочется думать об нём, тем более когда вокруг такая роскошь!

---

Пароход отошёл из Новороссийска ночью. Дул сильный ветер, пронизанный холодной дождевой пылью. Я постоял на палубе, посмотрел в тёмную туманную мглу, продрог и ушёл к себе в каюту.

И вот, утром выхожу и глазам своим не верю:

Положительно как в сказке. Безобразная старуха превратилась в лучезарную красавицу.

Раннее утро. Пароход стоит у Сочи. Море спокойное, нежно-голубое. У подножия гор трава светло-зелёная, на вершинах блестит серебряною нитью снег. Небо глубокое, весеннее! Неподальку от нашего парохода стоит парусная баржа — надводная часть её выкрашена ярко-красной краской, в воде она отражается, как вспыхивающее пламя. Господи, какая радость кругом! Какой простор! Слезы на глазах навёртываются не то от утреннего прохладного воздуха, не то от волненья.

И не хочется ничего разбирать в отдельности, хочется смотреть на всё *сразу*. Так и обнял бы всё. Кажется, увидев такую красоту, больше никогда ни одной чёрной мысли в голову придти не может — ни одного злого чувства: точно Бога увидал!

Пароход отходит. Последняя фелюга с выгруженным багажом отплывает от парохода к берегу, на руле турок в красной феске,

босиком на вёслах два загорелых гребца; они говорят что-то гортанным голосом и улыбаются, шурясь от солнца. Над ними с звенящим криком плавно носятся чайки, и фелюга тихо покачивается на светло-голубых волнах.

Я проехал до Сухуми, а потом назад до Новороссийска. То, что испытывал я, может быть выражено только одним словом: восторженное умиление. После Царицына, после зимы, после нудных, тяжёлых впечатлений — попасть в сказочно-прекрасную раннюю весну, видеть, как цветут цветы, слышать, как плещет море, и дышать ароматом фиалок и тёплого морского воздуха — всё это способно перевернуть человеческую душу! Но всему бывает конец. Наступил конец и моему путешествию по Чёрному морю.

---

Снова железная дорога. Снова «буфеты, отбивные котлеты», как говорит один герой Чехова<sup>637</sup>.

Снова Петербург!

Ну здесь всё — как водится.

Грязь, дождь, сырость. Трамвай звенит, автомобили стонут. Толкотня, все торопятся, все озабочены. На углах улиц газетчики с горами газет. Мальчики суют в руки какие-то книжечки:

— Только за 10 копеек!

Дуреешь и по близорукости того и гляди попадешь под какую-нибудь изящную карету.

Но всё же... всё же здесь есть нечто захватывающее.

Это не Чёрное море. Бога здесь не почувствуешь. Не улыбаешься, не растрогаешься.

Но всё же — это и не Царицын!

Как хотите, а *настоящая культура*.

Можно к ней отнести отрицательно. Можно даже страдать от неизбежности соприкоснуться с ней. Но нельзя не считаться с ней, так или иначе не подчиниться, хотя бы временно, её *настроению*.

Невольно делаешься частью этого целого. Частью шумного Невского, озабоченной толпы, повышенной культурной жизни — делаешься частью этого, потому что оно существует, как *целое* и как *громадное целое*.

Приходится братья за газету. В Петербурге *нельзя* не читать газету. Приходится забыть фиалки, и синее море, и снежные горы — и читать «дело Мацоха», передовую статью о последней

речи Кассо<sup>638</sup> и дипломатические переговоры держав по китайскому вопросу.

Ничего не поделаешь: назвался груздем — полезай в кузов. Приехал в Питер — изволь заниматься «дипломатией»!

---

Как всегда, хочется сделать «вывод из сказанного». Какой же вывод?

А вывод тот, что не может человек развиваться только «из себя»: надо, чтобы душа его подверглась известным *положительным впечатлениям*. Не видя вокруг себя прекрасного, личность человеческая становится «однобокой». Во всё время отдавая себя воздействию пыли, не подвергаясь воздействию морского ветра, — трудно быть *свежим человеком*.

Когда так быстро переменишь такие различные впечатления, как Царицын — Чёрное море — Петербург, с особенной силой чувствуешь, какое громадное значение имеет *среда*.

Не у всех, конечно, жизнь так складывается, что они имеют возможность «летать» с одного конца России на другой, — но есть ещё один выход: жить так, чтобы одним из обязательнейших насущнейших её условий, как вода, хлеб, воздух, — считалось *общение с природой*, чтобы в этом видели не «прихоть» и «развлечение», а одно из могущественнейших средств воспитания.

Если мы так жизнь нашу изгадили, что молодёжи нашей душой отдохнуть негде, то, по крайней мере, дайте за это возможность *каждому* хоть 2 месяца в году жить среди природы.

Если бы *семья и школа* в этом пункте пошли друг другу навстречу — они всегда могли бы осуществить это на практике.

## «РУБЛЁВОЕ ДОСТОИНСТВО»

Я получил «вырезки» «Царицынской мысли» (из которых узнал о шуме, разыгравшемся вокруг моей статьи) очень далеко от Царицына. И не столько далеко по расстоянию, *сколько психически*. В путешествии столько пришлось пережить, что просто *забыл* о существовании Царицына.

И вдруг напомнили!

Да ещё как напомнили-то: сразу предстал предо мной этот «столичный» уездный город во всей своей красе...

Врачи со мною «не разговаривают»: «считая несовместимым со своим достоинством вступать в полемику с печатным органом» и пр., и пр., и пр.

И я с *врачами* тоже не разговариваю.

Но осветить общественное значение *событий*, разыгравшихся в связи с моей статьей, считаю своим писательским долгом перед читателями.

Не знаешь, с чего и начать. Всё великолепно в своём роде.

Но начну с «коллежского советника» Николая Шульмана. «Специалист» по трахоме препроводил в редакцию весь свой послужной список. Но едва ли этим кого-нибудь убедил, что Вера К. была больна «хронической трахомой»! «Коллежский советник» настаивает на своём диагнозе и заявляет, что врачи Попов и Смирнов не авторитеты. Пусть так. Но, во-первых, определение хронической трахомы не требует «авторитетности», а требует *добросовестности*, а, во-вторых, то, что через несколько недель (точно не помню) Вера К. выздоровела от своей «трахомы» без всяких «выдавливаний», — яснее каких угодно авторитетов доказывает недобросовестность г. Шульмана. «Опровержение» «коллежского советника» убедило только в одном: что положение врача, пока дело не доходит до «криминала», совершенно неуправимое, и самую очевидную недобросовестность он легко может свести к «медицинскому разногласию».

Другой отклик на мою статью — статья врача Шапиро<sup>639</sup>.

Г-н Шапиро хочет говорить по-человечески, а не как «коллежский советник». Но что же он говорит?

Во-первых, упрекает, что я сравниваю Царицын с уездным захолустьем. По мнению г. Шапиро, Царицын — «столица», в своём роде. Но здесь он повторяет мои слова: в одном из своих фельетонов под заглавием «Да здравствует Царицын!» я так прямо и писал: «столицу Российской Империи следует перенести в Царицын, потому что нет другого города, который бы так полно воплощал общероссийскую мерзость».

Г-н Шапиро далее упрекает меня в том, что я на основании нескольких фактов делаю обобщение. Но ведь я не *следователь*, чтобы собирать факты. Если я и приводил их в своей статье, то потому, что г. Шапиро должно быть известно, что сослаться можно на такие факты, которые можем *документально засвидетельствовать*. Я привёл их несколько. Но как *писатель* я мог дать *тип*

царицынского врача на основании своих *наблюдений*, не приводя ни одного «документального» свидетельства. Своё обобщение я делал вовсе *не только* на основании этих фактов. Я *прекрасно знал, о чём пишу*, и основывался на всей *сумме* впечатлений, а не только на тех, которые имели юридический характер. И обвиняя *всю* корпорацию, я, разумеется, знал о *некоторых исключениях*. Эти «исключения» не могут претендовать на то, что их всех ставят «на одну доску», потому что сами они страдают и задыхаются в этой «корпорации» и с горечью должны признать, что правда сказана мной, может быть, несколько *резко*, но *честно*.

И я опять скажу, что *тип* царицынского врача — тип человека, забывшего бескорыстное общественное служение, недобросовестного в своей деятельности, слишком преследующего материальную выгоду и более чем бесцеремонного в отношении своих пациенток. Но если ещё и можно было сомневаться в справедливости моей статьи, то после знаменитого постановления общества врачей всякие сомнения должны исчезнуть!

Врачи, найдя «*ниже своего достоинства*» вступить со мной в полемику, придумали способ протеста, соответствующий, очевидно, «достоинству» царицынского врача: постановили снять объявления в «Царицынской мысли», то есть *оштрафовать издателя*.

Этим постановлением врачи расписались в том, чем измеряют они своё «достоинство»: *рублём*.

Я очень сожалею, что невольно ввёл издателей в «убытки». Но не раскаиваюсь, что написал свою статью. Теперь особенно ясно для меня её общественное значение.

В какую бы позу врачи ни вставали — в глубине души они не могут не чувствовать, что удар пришёлся по больному месту. А это никогда не проходит бесследно!

# ЛИЧНОСТИ

## КУДА УЕХАЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ?

Моё «Письмо о вегетарианской любви» было уже написано <sup>640</sup>, когда я прочёл телеграмму, что Толстой уехал из Ясной Поляны.

«Лев Толстой 28 октября велел заложить лошадей и вместе с доктором Маковицким уехал в Шокино, откуда по железной дороге отправился на юг. В оставленной на имя жены записке Толстой пишет, что его тяготит обстановка жизни, просит не делать попыток отыскивать его, трогательно прощается с своим семейством и говорит, что как чистый христианин он должен жить в мире и ни в каком случае не вернётся. Местопребывание Толстого неизвестно» <sup>641</sup>.

Куда уехал Толстой? И от *чего* он уехал?

Толстой уехал, убежал прочь от той *лжи*, которая мучила его, начиная с того дня, когда он допустил в основу своей «новой жизни» компромисс, слабость, уступку, отравлявшую каждый день, каждый час долгие годы его религиозной проповеди.

Об этой лжи или говорили злобно, и потому несправедливо, или молчали вовсе. Молчали, одни из рабского «благоговения» перед великим человеком, другие — из целомудренного, бережного отношения к его греху.

Теперь об этой лжи можно и должно сказать открыто.

Толстой провозгласил учение, в корне отрицающее все основы нашей современной жизни: собственность, деньги, суд, насилие, войска, власть, войны и пр., и пр., и пр.

Исповедание на деле, а не на словах этого учения логически несовместимо с прежней формой не только семейной, но просто сколько-нибудь «культурной» жизни. Но, уступая семье, привыч-



ке, подчиняясь слабости, жалости и другим «человеческим» чувствам, Толстой захотел сохранить всё по-прежнему. В результате «реформа» могла коснуться только одежды и обуви, и начался длинный ряд мучительных компромиссов. То, что делалось по «толстовски», или не доделывалось, или касалось мелочей: в результате получилась паутина, которая связывала Льва Толстого крепче железных цепей.

Так, Толстой отказался от собственности. Но это был странный отказ. Он не был проведён *до конца*, со всей *искренностью*, с безусловной *последовательностью*. Ведь собственность, которую человек перестаёт считать *своей*, в тот же момент перестаёт быть *его* собственностью. И потому ясно, что Толстой, отказывавшийся от своего имущества потому, что перестал его считать своим, не мог *передавать* его, ибо акт *передачи* есть уже действие *собственника*. Но вещь, которая для него была уже *не его*, передана быть не могла. Вещь «чужую» не передают.

Толстой остался жить в имении своей жены. Правда, он пахал, шил сапоги, рубил дрова. Но он ездил на велосипеде и по железной дороге и пр., и пр. А это всё требовало денег, и ему приходилось пользоваться тем же имуществом, которое он передал жене. Он жил в маленькой комнате, но лакеи подавали ему кашу в серебряных мисках. Одна ложь тянула за собой другую, один компромисс порождал другой — и в конце концов нельзя было разобрать, где кончается ложь и начинается правда.

«Известный толстовец» Бирюков на втором томе своей биографии Толстого сделал неприличнейшее посвящение графине Софье Андреевне Толстой<sup>642</sup>. Он сравнивает её с солнцем и посвящает ей книгу, в благодарность за то, что она заботливо охраняла Толстого.

Между тем именно она была главной виновницей той лжи, в которой задышался Толстой.

Вместо того, чтобы поддержать его на новом пути жизни и помочь жить по-новому, она, пользуясь нерешительностью, слабостью и недостатком сил у Толстого для коренной и окончательной ломки, — вынудила его вступить на путь компромиссов.

Толстой прежде всего бежал от этой семейной лжи. Лжи своего покоя, уютной жизни, довольства, сытого и мирного существования.

Но не от этого только.

В «Письме о вегетарианской любви» я говорю о разнице между Толстым и толстовством. И теперь утверждаю это с удвоенной силой:

Толстой бежал от *толстовства*.

Он бежал от своих «кардиналов», от этих господ, расхаживающих босиком в своих дворянских имениях. Они усвоили из всей его великой жизни только одну телесную сторону компромиссов. Лишённые его сердца, его гения, его жажды правды и его живой души, — они отразили образ Толстого в кривом зеркале, и получилась страшная карикатура.

*Толстой с ужасом бежал от этой карикатуры на самого себя.*

Куда же бежал Толстой? Куда бы ни бежал он: в Курск, Киев, Харьков — это безразлично: он бежал от *пустых слов* — к *живой жизни*. От лжи — к правде. От смерти — к воскресению.

Может быть, жизнь его выльется в такие формы, которым мы сочувствовать не будем. Но во всяком случае — это уже будет *действие*, не слова, а *дела*. Тут целый переворот. Тут человек перешагнул через бездонную пропасть, ибо слово и дело у Толстого были отделены друг от друга бездонной пропастью лжи и подделок.

Толстой во всяком случае начинает *новую жизнь*. Новая жизнь его является прежде всего *великим творческим актом человеческого духа*, и если вспомнить, что свершает этот акт восьмидесятидвухлетний старец — пред ним хочется преклониться с благоговением. Легко судить и бросать в человека грязью: и правы были те, кто ждал это делать, — хотя жизнь Толстого давала сколько угодно материала для того, чтобы в него бросать камнями.

Пока жизнь человеческая не кончилась, никто не вправе выносить над ней своего обвинительного приговора в окончательной форме.

Когда Толстой в статье «Не могу молчать» писал, что я больше так жить не могу и *не буду*, — то «не буду» многим показалось «фразой», и в этом числе мне<sup>643</sup>.

Но очевидно, Толстой имел право сказать так.

Громадное большинство людей живут «без перемен» не потому, что они находят твёрдый, не колеблющийся фундамент, а потому, что они «устают искать» и «засыпают» на первом попавшемся «сухом месте». Толстой велик прежде всего этой неусыпной жадой совершенства.

И если его отъезд есть начало такой жизнедеятельности, которую мы по существу будем считать ошибочной, — всё же «бегство

Толстого» будет великим делом уже по одному тому, что этим фактом он с новой пророческой силой провозглашает истину, что начинать новую жизнь никогда не поздно. Ибо для духа человеческого нет ни времён, ни сроков<sup>644</sup>.

## БОГ ПОСЕТИЛ НАРОД СВОЙ

**В** жизни отдельных людей и в жизни всего человечества бывают великие события, когда внешняя, мёртвая оболочка жизни разом обращается в прах и на несколько мгновений открывается таинственный образ вечности.

Всё, чем люди живы в серые дни пошлой повседневности, всё, чем одурманивают они свою душу, усыпляют совесть, — всё, что кажется им таким большим и нужным и ради чего они с остревением душат друг друга, — всё это исчезает, как дьявольское наваждение, принимает свой подлинный вид ничтожества и не заслоняет больше собой великого, далёкого.

Жажда власти, мечты о славе и «общем признании», самолюбие, жажда внешних почестей, упоение «успехом», мечты о богатстве, о роскошной жизни и наслаждениях плоти, разврат и ложь, пустословие и всяческая подделка, — вся подлость и рабская тупость нашей личной жизни, — а в жизни общественной всё лицемерие деятельности общественной, всех этих ненужных, злых и безбожных общественных учреждений<sup>645</sup>, — уступают место перед лицом великих событий глубокому сознанию, что подлинная сущность и смысл жизни так необъятно велики, так прекрасны, так возвышают человеческую душу, что стыдно и невозможно становится думать о своих маленьких делах.

И люди, «опомнившись», как бы приходят в себя и ощущают на мгновенье своё божественное призвание. Это Бог посещает народ Свой...<sup>646</sup>

Таким великим событием я считаю смерть Льва Николаевича Толстого.

И не самый факт смерти, а всю совокупность событий, предшествовавших и связанных с этой смертью.

Если бы Лев Толстой умер месяц тому назад в Ясной Поляне, сколько бы ни говорилось возвышенных слов, сколько бы ни присылали со всех концов сочувственных телеграмм «семье покойно-

го», сколько бы венков ни «возлагали» на его гроб, сколько бы ни почитали память его вставанием, — *великого события не было бы.*

Ибо не свершилось бы чуда. Не было бы среди нас особого исключительного ощущения близости духа Божия, явного для слепых. Несомненного для самых упорных и неверующих.

Смерть Толстого свершилась как *таинство*. И то безотчётное *благоговение*, которое пережил за эти дни весь мир, было не результатом уважения к «великому писателю», а нечто бесконечно большее, не просто человеческое, — это было трепетное умиление перед новым великим чудом<sup>647</sup>.

Люди почувствовали близость Божию.

Бог посетил народ Свой.

Долгие годы Толстой нёс свой крест — жил двойственной жизнью. Страдал от явного несоответствия своей проповеди со своею жизнью. Получал бранные и обличительные письма. Мучился сознанием невыполненной «воли Божьей».

И молчал. Ждал. Старился. С каждым годом ближе подходил к смерти и рос духовно. Малоозаметно для людей, для которых уже давно стал «великим» и «законченным». Для которых не жил, а доживал.

Толстой признавал справедливыми упрёки в роскоши, он не мог не знать, как *должен был бы* поступить сообразно со своим учением.

Но он продолжал жить по-прежнему, не «заставлял» себя жить по-иному, сознавая, что, внутренне не подготовив себя к окончательной правде, он не должен менять своей жизни, ибо внешнее соответствие поступка с духом учения будет «надрывом», ложью, подделкой, тем более страшной, чем больше будет в ней схождения с правдой.

И он терпеливо выслушивал упрёки. Жил в роскоши. Страдал. Нёс крест свой. И неустанно работал над собой<sup>648</sup>.

Никто из людей не мог знать этой работы. Только один Господь видит сердце человеческое.

И Бог видел великое сердце Толстого. И не отнимал у него земную жизнь, ибо не свершилось ещё в душе его всё то, ради чего он был послан в мир.

Лев Толстой неожиданно *для людей* уехал навсегда из Ясной Поляны. Уехал, чтобы остаток дней перед смертью прожить так, как веровал, подчиняясь исключительно «воле Божьей».

Свершилось великое<sup>649</sup>.

Для физических человеческих глаз, для ограниченного человеческого сознания, Толстой уехал из Ясной Поляны, побывал в Оптинской пустыни, на пути в Ростов-на-Дону захворал воспалением лёгких и слёг на станции Астапово.

Для очей духовных, отъездом из Ясной Поляны завершился внутренний рост души Толстого, после чего земная жизнь становилась ненужной, оконченной.

*Чудо*, о котором я говорю, и *величие* смерти Толстого в том заключается, что до осязательности ясно дали почувствовать людям — сознательно или бессознательно — промысел Божий. Близость духа Божия, непосредственное участие *Его воли* в событиях мира.

Если смерть Толстого не была *предсказана*, то после того, как она совершилась, с покоряющей силой чувствуется её внутренняя *неизбежность*. Её *правда*. И потому — её *красота*.

В смерти Толстого для нас открылся какой-то просвет из тьмы, к ослепительно яркому свету.

Чудо свершилось. Это с большей или меньшей силой чувствуют все<sup>650</sup>.

Но было бы бессмертно счастье человечества, если бы оно могло событие это и *сознать* как чудо. Великую силу никогда не опускаться в мёртвую, бездушную, греховную жизнь — почерпнуло бы оно в этом сознании, великую силу *жить только для вечности*.

## ЛЕВ ТОЛСТОЙ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

**З**а долгие годы своей жизни Лев Толстой неоднократно коренным образом менял свои убеждения. Менял свои религиозные взгляды, своё отношение к искусству, к науке, к народному образованию, к семье... Но был один пункт во взглядах Толстого, который не менялся никогда:

Это — *его отношение к смертной казни*.

Газеты сообщали, что, умирая, он диктовал свои мысли о смертной казни<sup>651</sup>. Перед лицом смерти Толстой думал об этом величайшем грехе человечества.

И пятьдесят лет назад вопрос о смертной казни так же мучил его, и с такой же силой, как в последние годы жизни, рассказывал

он и тогда весь ужас этого «законного убийства»<sup>652</sup>. Было много славных борцов против смертной казни. Но и в этой борьбе Лев Толстой обнаружил нечто новое, некоторые особые *национальные* черты.

Смертная казнь вызывала в западных гуманистах чувство негодования, стыда, это чувство заставляло обличать, писать памфлеты или умолять о помиловании осуждённых.

Но Толстой, выражая *совесть народную*, просил большего, просил о *неслыханном*: чтобы намыленную верёвку надели на *его старую шею*.

Это Толстой написал два с половиной года назад<sup>653</sup>.

А пятьдесят лет назад Толстой в «Войне и мире» вскрыл другую, тоже чисто русскую черту в нашем народном отношении к смертной казни.

Смертная казнь в Пьере вызывает не только отвращение, она отнимает у него веру в *смысл жизни*.

Толстой-мыслитель и проповедник написал много гениальных мыслей, обличающих смертную казнь.

Толстой-художник сделал это с не меньшей силой, не «обличая», а показывая весь её *внутренний ужас*.

В художественном изображении Толстой даёт как бы синтез всего того, что впоследствии говорил по этому вопросу. <...><sup>654</sup>

«С той минуты, как Пьер увидал это страшное убийство, совершённое людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой всё держалось и представлялось живым, и всё завалилось в кучу бессмысленного сора. В нём, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога»<sup>655</sup>.

В этих словах итог всего сказанного Толстым о смертной казни за всю жизнь. Смертная казнь несовместима ни с верой «в мир», ни с верой в человека, ни с верой в Бога.

## В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Года четыре тому назад мой друг И. А. Б[еневск]ий, хорошо знавший Толстого и близкий к толстовским кругам, горячо убеждал меня съездить с ним в Ясную Поляну<sup>656</sup>.

Я не поехал.

*Побоялся ехать...*

Из «любопытства» посещать Толстого для меня было невозможно. Поездка могла иметь только один смысл: встать перед ним лицом к лицу. Совесть к совести. А так как я исповедую другие религиозные и философские взгляды, то это значило, кроме того, — «исповедовать» свою веру и обличать веру Толстого...

Этого я и боялся.

Меня пугала не «мировая слава» Толстого. «Как, мол, он признанный гений, а я никому неведомый студент». И не преклонение перед ним (я скорей «не признавал» и не любил Толстого), наконец, не самолюбивая «трусость» быть при других разбитым и пристыженным...

Нет. Причины были и глубже, и лучше. Подробно говорить не к чему: скажу только, что вопреки доводам разума и всевозможным благоразумным соображениям — ехать к нему противопоставлять веру его вере было *стыдно*.

И вот теперь, через четыре года, мы ехали с тем же И. А. Б[ене-вск]им в Ясную Поляну на могилу Льва Николаевича. Всё изменилось:

Прежней «трусости» — нет. Вместо идейно-враждебного отношения — то неожиданное чувство любви, которое без всяких усилий, помимо воли пробудилось к нему в последнее время.

Впереди не каменная усадьба, а небольшой холм земли в зимнем лесу.

После этого, торжественно обвешанного каким-то чудом, перехода Льва Николаевича от одной низшей формы бытия, от нашей земной жизни — к другой, высшей форме, нашему познанию недоступной, — ощущение *продолжающейся* его жизни не только не уменьшается, но всё увеличивается. Бессмертие Толстого — не только «головное признание», это живое, непосредственное ощущение души. И оно не только пробудило радостное *чувство* бессмертия собственного духовного «я», — оно пробудило совершенно новое *чувство*: ощущение нетленности всего мира, всей материи. Толстой *ушёл*, но не *исчез* за этой тёмной чертой, которая зовётся смертью, а это ясное и радостное сознание, что он *там*, и «там» *наверное*, — приблизило к нашим слепым душам мир вечный, хотя и невидимый.

В вагоне было темно, тесно и душно...

Толкали. Курили. Кашляли. Сморкались...

Но это не раздражало, «не злило».

Да вообще теперь ничто никогда не будет ни раздражать, ни злить.

Раз «там жизнь наверное» — значит, всё, что может жить и раздражать *здесь*, — такое маленькое, ненужное, мелькающее, как кинематограф...

А подо мной, на нижней лавке, говорили о Толстом. И какой смешной и наивный разговор это был. И каким смешным языком.

И почему-то так хорошо и радостно было, что он такой смешной и наивный.

Теперь вообще всё как-то радует.

Мужик говорит с умилением, что Лев Николаевич поставил себе «памятник и в Туле, и в Москве, и в Петербурге» и что «всем надо заботиться, чтобы оставлять по себе памятники».

— А уж как жил, как жил: ходил, извините, в синих порточках и в рубашке... Всё равно как мужик.

Говорят про то, что миллионы оставил, и всё христианам, и что зелёную палочку, которую закопал он на кургане, не «источил червь», а так и лежит зелёная...<sup>332</sup>

И снова:

— Жил так — так и в гроб положили: извините, синие порточки надели, рубашку красную... Как у простого мужика порточки, извините вы меня, и рубашка, и больше ничего...

Приехали на станцию Щёкино рано утром. До Ясной Поляны вёрст восемь.

Взяли ямщика на розвальнях, с бубенчиками, он закутал нас овчинным тулупом, и поехали...

А уж непогода какая! Так и мятёт мятель. Прямо в лицо бьёт снежная пыль, с дороги смело почти весь снег, и сани прыгают по шершавой, замёрзшей земле...

И всё хорошо. И снег, и ветер, и вьюга, и бубенцы, и запах овчинного тулупа, и свежий воздух, и простор, и небо...

Хорошо, потому что «изнутри» хорошо. И теперь уж это навсегда. И никто отнять не может. И странная, радостная мысль приходит: «Пойду на могилу и там скажу ему об этом...»

Вот уже несколько недель мир живёт в атмосфере какого-то чуда. В атмосфере бессмертия, показанного тленному, зарыто-



му в мелочах миру. И стараешься не думать, а отдаваться этому чувству. Потому что от него свободно и радостно на душе, как бывало в редкие, «особенные» минуты в детстве... Когда сам для себя сочинял сказки, превращая все предметы в живые существа. И никто не знал об этом, и вот приводило в восторг, что один ты только видел и знаешь, что стол, лампа и стулья живут и разговаривают между собой.

Так и теперь. Точно во сне или в детстве, всё кругом оживало. Становилось большим и светлым. И чем дальше, в поле, в вьюгу увозил нас ящик, тем сильнее было то сказочное чувство жизни...

Живой снег крутился в воздухе, об живую землю стучали полозья саней, живые белые берёзы одна за другой бежали нам навстречу...

А когда мы въехали в яснополянскую аллею, сошли с ящика, бубенчики перестали звенеть и тихо зашумели деревья, — казалось, вот сейчас дойдём ещё немного, ещё перейдём какую-то чёрточку и увидим *настоящее*, с глаз рассыплется какая-то зелёная завеса, заволакивающая мир туманом.

И вдруг точно по сердцу ударил кто. Грубо толкнул: проснись, мол, эй!..

Перед глазами яснополянский дом...

Тюрьма.

Это не «символ», не «иносказание». Не «так себе», «публицистическая фраза».

Нет — тюрьма. Неуклюжее, тяжёлое двухэтажное белое здание с маленькими некрашеными окнами. И деревья точно отшатнулись от него, отодвинулись. А кругом какая-то пустота. Эта пустота — невидимые стены тюрьмы.

Поскорей прошли мимо. По узкой протоптанной дорожке. В лес, в поле. Это дорога к могиле.

Говорят, по этой дороге Лев Николаевич ходил купаться. А то место, где положили его в землю, — было его любимым местом уединённой молитвы.

Здесь он *жил*. Жил *один*. *Этой* жизни в нём не знали ни родные, ни друзья, никто из людей. Никто, кроме Бога. Это была *молитва*. Самое сокровенное и самое великое, что было в его жизни<sup>657</sup>.

Над могилой небольшой холм земли, зелёные ветки от венков, наполовину занесённые снегом, — и шумят, шумят дубы, тесно обступившие вокруг могилы.

Толстой молился здесь.

И тысячи людей будут теперь молиться на этом месте.

Странное, на первый взгляд, ощущение охватывает душу — точно один, невидимо встаёт какой-то таинственный *монастырь*. Скит.

И шум леса, и тишина, и дорога в лес, и встречные люди — всё производит какое-то «монастырское» впечатление<sup>658</sup>.

Когда мы с Б[еневск]им прошли дальше, вглубь леса, мне показалось даже, что я вижу высокую белую стену. Зубчатую стену монастыря. Казалось, что сквозь деревья виднеется дальний холм. Но если бы здесь, действительно, оказалась монастырская стена, — не было бы ничего по существу «удивительного»:

Так это «подходило» бы.

Мне думается, в те далёкие времена, когда умирали великие отшельники и около их могил ещё не было шумных «монастырей», вот так же чувствовалось, что «монастырь незримый», «святой» подымается над могилой.

Особенным, «монастырским», зовущим каким-то шумом шумел лес, по-«монастырски» мягко и тихо падал снег, на всём печатать тишины и радости.

И народ, чуткий к таким настроениям, понял уже это средство великих христианских отшельников с «отлучённым от церкви» Львом Толстым: ящик сказал И. А. дорогой:

— Скоро на святой могиле земли не останется — всю разберут.

«Святая могила», «святой колодец», «святой источник»... И надо всем этим невидимый святой монастырь...

«Монастырское» впечатление от толстовской могилы, неожиданное с первого взгляда, имеет своё глубокое основание.

Тут дело не во внешних вещах, а в самой *сущности*. И действительно, Толстой и христианские отшельники не есть нечто *противоположное*, а напротив, совершенно однородное *по духу*.

Но Церковь не поняла этого. За «вещами» не увидела души.

Если отбросить всё то, что Толстой в Церкви не признавал. И ясно представить себе, чем он жил, его душевное, внутреннее отношение к Богу, к миру, к жизни. Представить себе не его «учение», а его *психологию*, его переживания, то жизненное «ощущение», которое он носил в своей душе, — словом, уничтожить то, что *разделяло* его с христианством-отшельничеством, — самая духовная основа его «я» окажется ничем не отличающейся от признанных Церковью *святых*<sup>659</sup>.

Восприятие жизни как преходящего сна, постоянное напряжённое углубление в свою душу, дабы познать, что совершается в ней по воле Божьей и что по воле человеческой. Самоотречение, отдавание своей жизни — Его воле, и это постоянное тяготение *индивидуальной*, религиозной души к тихой, радостной жизни в Боге, среди природы, в лесу, куда не долетает ни шум, ни треск пустой мирской жизни... Всё это делает его братом великих пустынников.

Толстой *своим* путём, но пришёл к тому же, к чему приходили «старцы» «церковные», путём «выработанных» аскетических подвигов.

Для Толстого не существовало «времени», «прогресса», — поэтому не существовало никакого *особого* смысла в мировой истории; для него земная жизнь — случайность, непостижимая и временная, которая скоро кончается, — и хорошо, что скоро кончается, потому что она отрывает человеческую душу от главного источника жизни — от Бога. Жизнь земная — это *тяжёлый* сон, от которого будет так радостно проснуться к *настоящей* жизни.

Вот обо всех этих *мыслях* невольно говорит его могила. И то, что он носил в своей душе — этот невидимый людям *монастырь*, теперь над могилой его воздвигается среди тихого зимнего леса...

---

И. А. Б[еневск]ий уговорил меня зайти с ним в яснополянский дом к Д. П. Маковицкому<sup>660</sup>.

Очень не хотелось и казалось ненужным.

Но Б[еневск]ий удивительно умеет вытаскивать меня из «одиночества».

И как я ему благодарен, что на этот раз он настоял на своём!

Когда я увидел перед собой Д. П. Маковицкого, ставшего «знаменитым» в качестве спутника ночного бегства Толстого, — я сразу понял всю разницу между тем, что знает о Толстом *мир*, и тем, что знают эти *близкие*. Как будто вошёл в «келью».

И вот кругом, на весь свет шум, толки, «толстовские события»...

А здесь — тихий, безгранично добрый человек, такой простой и чистый, без всякой мишуры и треска, в глазах которого точно отразилось всё то, что видел он за последние дни. И столько было в них любви и ясности, что невольно хотелось плакать от умиления.

Он принёс маленький жестяной чайник. Дал нам чаю. И, весь сияя, совсем по-детски сказал:

— Вот этот чайник мы купили дорогой, у кондуктора, и Лев Николаевич пил из него чай.

Для него не было никакого «Льва Толстого», «великого писателя». Для него был безмерно любимый *человек*, который умер, ушёл, — и о котором он говорит с благоговением и любовью, как о чём-то неразрывно связанном с своей душой.

Б[еневск]ий, как хороший знакомый Маковицкого, сразу задал несколько интимных вопросов о последних событиях в Ясной Поляне и об отъезде в Шамординский монастырь.

Тяжёлые события. И когда-нибудь о них узнает весь мир и многое, очень многое иначе тогда поймёт в жизни Толстого.

Толстой, по словам Маковицкого, всю дорогу был молчалив. В Оптинской пустыни, у старцев, вопреки рассказам газет, не был.

— Не собирался ли? — спросил я.

— По моему *личному* мнению, — осторожно сказал Душан Петрович, — да, собирался...

Не поехал потому, что помешали внешние обстоятельства.

У Маковицкого пробыли недолго. К вечеру мы должны были быть у Черткова.

Душан Петрович попросил нас завезти ремингтон к Александре Львовне — живёт она рядом с усадьбой Черткова, а сам пошёл пешком.

У Александры Львовны ещё сильнее пришлось пережить это удивительное чувство «далёкости» от всяких «событий». Всё, что говорилось в маленькой комнате её маленького домика, как-то по особенному «приближало» Толстого. Мне, при жизни его не знавшего, и то начинало казаться, что вот сейчас он войдёт, рассмеётся, скажет что-нибудь.

Лев Толстой совсем исчезал. Вместо него был «отец», «дедушка». Говорили, какой он был «худой последнее время», как мучился... Это был любимый, бесценный человек, дух которого ещё жил в этих комнатах.

И когда Александра Львовна рассказывала, как ночью, перед отъездом, он постучал в её дверь, как она отворила и увидела отца со свечой в руках и лицо его точно светилось, и он сказал ей: «Помоги укладывать вещи».

— Во мне всё так и упало.

Когда она говорила это, оживал земной образ Толстого и становился бесконечно близким и любимым.

Александра Львовна сказала, между прочим, про одного корреспондента:

— Я говорила с ним как с человеком, а он напечатал в газетах, да ещё всё перепутал. С журналистами надо быть осторожной.

И вот теперь я тоже «пишу». А ведь со мной тоже говорили как с человеком. Да ещё как с другом близкого человека Б[еневск]ого.

Но видит Бог, что я пишу не как *журналист*, а как человек. Пишу потому, что мне хочется сказать о своих впечатлениях не «читателям», а людям.

То интимное, что нам рассказывали у Чертковых, и Маковицкий, и у Александры Львовны, — я передавать не могу. Пусть об этом когда-нибудь скажут они сами так, как найдут это нужным. Но я скажу только, что вся жизнь Толстого после этих рассказов получает совершенно новое освещение.

Буквально весь мир произнёс над последними событиями в Ясной Поляне такой приговор:

Толстой, уехав из Ясной Поляны, совершил великий подвиг, потому что совместил слово своё с делом.

И я теперь вижу, как видят это все близкие и родные Толстого и как увидит когда-нибудь весь мир, что жизнь Толстого в Ясной Поляне была не компромиссом, а величайшим подвигом, была самым глубоким соединением слова и дела.

Люди думали, что Толстой не уходил потому, что привязан к мягкой мебели, и он терпеливо сносил упрёки, — но он не уходил потому, что боялся поступить слишком *эгоистично*, слишком ему *хотелось* уйти, слишком было *легко*<sup>661</sup>.

Не «привязанность к роскоши», «обстановке», к «людям» и «привычной жизни» удерживала его, — а боязнь, что он изберёт слишком *лёгкий выход*.

Уйти из этого ада, в котором ему приходилось жить в своей интимной жизни, — это было слишком для него приятно и просто, и он жил, надеясь, что добро победит зло.

Он решил уже давно, что уйдёт тогда, когда почувствует, что делает это не из эгоистических побуждений, не из желания с трудного пути сойти на более лёгкий; тогда, когда почувствует в этом желании уйти — *голос Божий*.

И когда в ту великую ночь он это почувствовал — он и ушёл.

## ОТ КОГО «БЕЖАЛ» ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Год тому назад, в ночь с 27 на 28 октября, Лев Толстой «бежал» из Ясной Поляны.

Событие это имело *мировое значение*, потому что только после своего отъезда Лев Толстой встал перед миром во весь свой гигантский рост.

Что же такое случилось?

Немногочисленные, но злобные враги Толстого издевались:

— Убежал, как собака... Издох где-то на станции... Туда ему и дорога.

«Бегство» Толстого — это одна из величайших побед человеческого духа над житейской пошлостью.

Почти тридцать лет тому назад Лев Толстой отказался от своего имущества в пользу семьи. Хотел уйти — уехать к духоборам. Но остался. Стал жить в Ясной Поляне.

— Пишет одно — а живёт по-другому, — слышались упреки.

Упрекали не только невежественные враги, но такие «властители дум», как покойный Михайловский<sup>662</sup>.

Многие обращались к нему за материальной помощью.

Он отвечал: у меня ничего нет.

Ему не верили: ничего нет, а сам живёт, как граф. Даже друзья недоумевали: говорит, что жить в прежней обстановке невыносимо тяжело, а сам не уходит, остаётся в Ясной Поляне.

Люди не могли понять того, что стало ясно только после его смерти: Толстой не уходил потому, что ему было *легче* уйти, чем жить в прежних условиях, и он, несмотря на всеобщие упрёки, продолжал нести более *тяжёлый* крест «семейной жизни», чем «лёгкий» крест уединения, который ему со всех сторон подсказывали. И Толстой ушёл только тогда, когда почувствовал, что уходит не по «слабости», не потому, что это облегчает его жизнь, не потому, что ему этого «хочется», — а когда всем существом своим понял, что *такова воля Божья*. Всю жизнь свою Толстой прислушивался к голосу Божьему в себе и учил других и сам старался жить, руководствуясь не своей волей, а волей Того, Кто послал людей в мир. По его собственным словам, долгие годы ждал он, когда этот голос велит ему порвать, наконец, невыносимо тяжкие условия семейной жизни и уйти из мира. Это и случилось в ночь с 27 на 28 октября.

Прошлую зиму, уже после смерти Льва Толстого, я с И. А. Беневиным ездил в Ясную Поляну.

Могила в тихом, совсем «монастырском» лесу. И тихие «богомольцы», которые подходили к могиле, и узкие тропинки по рыхлому снегу, и серебряный иней на берёзах — всё так странно напоминало «скит»; не было только «старца»...

Какой-то мужичок подошёл к ограде. Перекрестился и сказал: — Да, пожил бы ещё *дедушка*, кабы не простудился...

И взял кусочек земли: «с святой могилы».

На обратном пути, уже совсем ночью, мы заехали к Александре Львовне.

Там была в гостях «старушка Шмидт»<sup>663</sup>, — недавно у неё случилось большое горе: сгорел дом и масса бумаг, собранных ею за тридцатилетнюю дружбу с Толстым, письма его, рукописи. А вот теперь новое, страшное горе — умер Лев Николаевич.

— Я забыть не могу, — тихо говорит она, — как он последний раз был у меня с Душаном Петровичем: такое измученное лицо было... Господи, думала ли я, что последний раз?..

В маленьком флигельке Александры Львовны тепло, уютно, тихо. Тоже как будто в келье, и всё полно воспоминанья о «милом дедушке», о дорогом, безмерно любимом *человеке*.

Александра Львовна рассказывает:

— Я спала внизу. Вдруг ночью стук в дверь. Отворяю, смотрю: отец со свечой в руках. Лицо его положительно светилось. «Я еду, — сказал он, — помоги уложить вещи». Когда мы пришли с Душаном Петровичем (доктором Маковицким, уехавшим вместе с Толстым), — всё было почти уложено. Мы ждали этого давно, но окончательное решение было очевидно внезапным. Софья Андреевна спала за три комнаты от отца и все двери держала открытыми настежь. Теперь двери были закрыты. Оказывается, отец закрыл их, и Софья Андреевна не проснулась.

— Куда же хотел Лев Николаевич ехать? — спросил я.

— Или в Болгарию, или на юг, в деревню к одному другу крестьянину.

— Неужели он думал, что его «не найдут» и к нему не начнётся ещё большее паломничество?

— Предполагалось обратиться через газеты с просьбой «искать».

— И с ним никого бы не было из друзей?

— Нет, я бы потом приехала и стала жить с ним.

Александра Львовна тихо улыбнулась и прибавила:

— Он очень меня отговаривал от этого: «Тебе будет трудно, ты со своим здоровьем не выдержишь такой жизни». А я спрашиваю его: «Ты в восемьдесят два года выдержишь, а я нет?» — Засмеялся...

Старушка Шмидт вздыхает и говорит:

— Вот уехал... И пожить не пришлось.

---

От кого же «бежал» Лев Толстой?

Разумеется, прежде всего от Софьи Андреевны и от той невыносимой для него жизни, которой она его окружила.

Когда-то Софья Андреевна была настоящая его «подруга жизни». Они вместе вели хозяйство, увлекались свиноводством, в экономике у Толстых было до 500 голов породистых свиней! Граф сам обходил хлевы и следил, чтобы каждый день их мыли. Графиня вела приходо-расходные книги, как редкий специалист приказчик.

Были дети. Было тихое «семейное счастье». Богатство, слава. Это ли ещё не «рай земной»?

Но Лев Николаевич опрокинул всё одним взмахом. Всё это счастье назвал ложью и обманом. Отрёкся от прежней жизни, сам пошёл пахать землю и сказал: смысл жизни не в славе, не в богатстве, не в семье, — а в том, чтобы исполнять волю Божию.

Софья Андреевна не пошла по новой дороге. И в Ясной Поляне началась двойственная жизнь. Медленная, мучительная трагедия. Внизу, к «дедушке» приходили люди «босиком», «братья» его, которых не пустят ни в один «порядочный дом».

Наверху лакеи в белых перчатках докладывали: «Ваше сиятельство, кушать подано».

Лев Толстой учил: вся земля Божия, грешно владеть ею. А черкесы, нанятые Софьей Андреевной, пороли крестьян за порубки в «барском лесу».

Софья Андреевна не переставала любить Льва Николаевича, но она не могла понять его и простить ему новой жизни. Для неё это была «блажь», «несчастье», обрушившееся на её семью, — и она буквально тиранила Льва Николаевича, сплошь и рядом доводя его до слёз и до обмороков.

Она по целым месяцам не допускала к нему Черткова. И довела Александру Львовну, любимую дочь Льва Николаевича,



единственную «последовательницу» его в семье, до того, что та вынуждена была уехать из Ясной Поляны.

Лев Толстой «бежал» от Софьи Андреевны только тогда, когда почувствовал в себе нравственные силы по-настоящему *всё простить*.

Во-вторых, Толстой «бежал» от *друзей*. Они очень любили его. Они проявляли трогательную заботливость. Но они «снимали» каждое его движение, за спиной друзей вечно стояли фотографии и кинематографы, скульпторы и живописцы. Толстой был на *исключительном положении*. А ему хотелось быть *как все*. Ему не хотелось быть чем-то особенным. Вся эту шумиху вокруг себя он считал суетной и смешной.

— Великий писатель *земли* русской; почему не *воды*? Я никогда не мог понять этого, — шутил Толстой.

А подписывая бесконечное количество своих портретов, смеялся:

— Кипит работа!

Бегство Толстого от Софьи Андреевны — было высшим проявлением его *примирения с людьми*.

Бегство от друзей — было высшим проявлением его стремления к *простоте*.

## ЛЕВ ТОЛСТОЙ

(К годовщине смерти)

**Л**ев Николаевич Толстой — самое полное, самое совершенное выражение духовной сущности великого русского народа<sup>664</sup>.

Не любить и не понимать Толстого — значит не любить и не понимать Россию.

Ещё Достоевский указывал на «всемирность» русского народа. На многогранность русского гения. На способность соединять в своём творчестве всё разнообразие отдельных национальностей<sup>665</sup>.

Это свойство я бы назвал: *способностью к полноте жизни*.

В Толстом было что-то *ненасытимое*, какая-то неугасающая жажда вместить *всё*, изжить *всё*. Охватить разумом, любовью всю Истину, всю *жизнь*.

И двадцатилетним юношей, и восьмидесятидвухлетним старцем — он одинаково был способен на *новое, творческое*: в пятьдесят с лишком лет, когда люди обыкновенно считают жизнь свою

оконченной, он, не задаваясь вопросом, сколько лет осталось ему жить, — начал перестраивать жизнь свою по-новому сверху донизу. И в восемьдесят два года — он с такой же смелостью и «молодостью» хотел начинать *новый* этап своего развития.

Недаром Толстой удивлялся: почему это люди относятся ко мне с уважением, как к «старцу», — когда я в душе чувствую, что как был мальчиком, так и остался.

Жажда жизни у Толстого — это не то, что принято понимать обычно под этим словом: желание испробовать все чувственные удовольствия. Правда, в молодости, до тридцати пяти лет, он вёл светскую жизнь: и кутил, и увлекался женщинами, — но даже и в этот тёмный период, о котором с чувством горького покаянного стыда вспоминал он всю жизнь, даже в этот период — подлинная жажда жизни не затихала в нём. По словам офицеров, служивших с ним в Севастополе, Толстой после кутежей делался мрачным и потом со слезами и безысходным горем каялся кому-нибудь из друзей в своих грехах.

Но дело не в этом. Жажда жизни Толстого была совершенно другого порядка.

---

Достоевский называл русский народ самым религиозным из всех народов<sup>666</sup>.

Белинский — самым атеистическим<sup>667</sup>.

Оба они были правы, но оба видели лишь одну сторону.

Достоевский видел устремление русского народа «к небесному», его «искание Бога», «града невидимого». Жажду покаяния, подвига...

Белинский видел *земную красоту его*, стремление к *справедливости*, трезвое, прямое отношение к жизни, в искусстве — его тяготение к реализму.

По моему глубокому убеждению, в душе русского народа земной рационализм и религиозность заложены в равной мере, без противоречий и без внутренней вражды.

Сам народ ещё не сознал этого, но это с поразительной яркостью видно на нашей интеллигенции. В ней нарушено *равновесие*, и потому составные элементы «психики» резко бросаются в глаза: ведь вся история нашей интеллигенции есть борьба двух начал — религиозного и рационалистического. То, что в народе «гармонично», в интеллигенции стало противоборствующими

стихиями. То, что в народе главный источник *силы*, в интеллигенции обусловило её *трагедию*.

Толстой всеобъемлющей личностью своей выражает *полноту народной души*.

Небесное отразилось в его религиозности.

Земное — в его стихийной любви к земле, к «чернозёму», к природе.

Первое выражается в его «религиозной системе».

Второе — в его художественном творчестве.

По своим религиозным идеям, Толстой — аскет:

«Жизнь есть сон, смерть — пробуждение»<sup>668</sup>, — вот основная черта его религиозных настроений, поскольку они выразились в философских схемах. Мы — странники, пришельцы. Чем скорей жизнь кончится — тем лучше.

Но Толстой сердцем своим любил земную жизнь, *не как сон*.

Прочтите воспоминания о нём близких людей. О его любви к природе, о его умении «всегда радоваться». Он не мог жить *без людей*. В художественном творчестве он необычайно *телесен*. Плоть земли — вот что понимал он больше всего. Отсюда его совершенный *реализм*.

В личной жизни Толстого небесное и земное также находило своё полное выражение.

Утром он шёл *один* — молиться Богу. В лес, на то самое место в густой берёзовой роще, где теперь находится его могила.

Молитва для Толстого была актом напряжённейшего самоуглубления, отчёт перед своей совестью в пережитом. Он приходил домой и *писал*. Его творчество было продолжением его молитвы. То, что открывалось ему в часы уединённого самоуглубления в лесу, — дома за работой принимало форму логической *мысли*.

А вечером он жил с людьми, не в *полусне*, а ярко, свободно, радостно, открытой русской душой.

Бывало, даже трепака плясал! Да-да! Не боясь быть уличённым «в противоречии» людьми в футляре, — заводил граммофон и под музыку Трояновского, под дружный хохот всех собравшихся, показывал, как пляшут «старика».

Русский человек умеет «разойтись», любит вольную волюшку, умеет сломя голову скакать на тройке.

Умеет и простаивать на одном камне по несколько лет, в посте и молитве.

Эти «эстетические» черты русского народа отразились в Толстом и его трогательном смирении, терпении, всепрощении.

Он искренно не понимал *своего величия*:

— Шумиха, которая меня окружает, — всё это пройдёт. А вот деятельность Фёдора Страхова — это вечное<sup>669</sup>.

Ниже Фёдора Страхова себя считал!

— Вас большинство высоко ставит, — говорили ему.

— Да, это *повальное*, — с грустью говорил Толстой.

А на прогулках верхом Толстой любил мчаться во весь дух, чтобы ветви били в лицо, любил перескакивать рвы и ездить по неведомым дорогам.

От самых вершин своего творчества до повседневных мелочей — он был цельный, гениальный *русский* человек.

---

Когда Толстой был совсем маленький, он любил сидеть, зажав колени руками — ему казалось, что если стиснуть колени изо всех сил, то можно *полететь по воздуху* и подняться на громадную высоту<sup>670</sup>.

Эта детская мечта — это стремление к небесам — во всей полноте осуществилась только в последние дни перед его смертью.

Бегство из Ясной Поляны, астаповские дни, последние минуты перед смертью — всё это засвидетельствовало перед миром, что дети иногда бывают мудрее взрослых: люди могут подыматься к небесам!

Правда, для этого мало стиснуть колени — надо прожить восемьдесят два года. Но и прожить восемьдесят два года недостаточно: надо сохранить до глубокой старости *детскую* веру.

И тогда детская мечта, над которой нельзя не улыбнуться, станет великой жизненной *правдой*, перед которой нельзя не преклониться.

## ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЦЕРКОВЬ

Синод запретил служить панихиды о Лье Толстом как об отлучённом от Церкви. Отлучение Толстого было актом величайшей несправедливости, несмотря на всю свою видимую обоснованность<sup>671</sup>.

Против *формальной* стороны нельзя было спорить, *несправедливость* нельзя было не чувствовать.

Толстой не признаёт Церкви, таинств, Символа веры — и для «формального» отлучения этого достаточно. До такой степени достаточно, что наши архипастыри всё превратили в бездушную формалистику, даже высказывают искреннее недоумение, почему так возмущает всех отлучение Толстого от Церкви:

— Помилуйте! Да как же Церковь иначе могла бы отнестись к Толстому? Не сам ли он отлучил себя от Церкви? Церковь лишь признала то, чего сам он добивался.

Пусть так.

И всё-таки отлучение его является актом величайшей несправедливости.

«Отлучение от Церкви» применялось с древнейших времён, с самых первых дней христианства. Начиная с Апостольского собора, Церковь в целом ряде «правил» устанавливала нормы, нарушение которых влекло за собой отлучение. Акт «отлучения» был суровой, но необходимой мерой, дабы спасти Церковь, неокрепшую ещё, от всевозможных уклонений, столь понятных в языческой среде, в которой приходилось ей действовать и развиваться.

Отлучение не было актом мести, вражды или иных каких-либо «человеческих» чувств — это был *соборный голос Церкви*, защищающей свою внутреннюю чистоту, дабы не потеряла Церковь внутреннюю Божественную силу, спасающую человеческие души.

Когда Церковь постепенно стала смешиваться с языческой средой, каноны мало-помалу теряли свой смысл и нарушались всё чаще и чаще. Ибо Церковь не могла уже ставить себе задачей ограждение от языческих влияний, так как они из внешних перешли в самую душу Церкви, стали не случайными явлениями, а постоянными, возведёнными в принцип формами её существования.

При таком положении применение апостольских правил привело бы к тому, что вся наша современная Церковь оказалась бы «отлучённой».

Достаточно вспомнить такие апостольские правила: «Неповолительно епископу оставлять свою епархию и в иную переходить». И особенно: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, через них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен и все сообщающиеся с ним».

Спрашивается, найдётся ли теперь хоть одна епархия с неотлучённым епископом? Найдётся ли хоть один епископ, не утверждённый в своей «должности» светской властью?<sup>306</sup>

Возьмите ещё правило: «Аще кто пригласит врача жидовина, да извержется»<sup>281</sup>. На основании этого канона не придётся ли отлучить почти всю русскую бюрократию?

Вывод отсюда ясен: формальное применение канонов и правил об отлучении фактически отсутствует. А потому и ссылка на формальную неизбежность отлучения Толстого от Церкви есть явное лицемерие.

Но если прежний внутренний религиозный смысл отлучения от Церкви при современном положении церковной жизни потерял всякий смысл, то остался смысл человеческий, политический и личный.

Пользуясь древней формой, в которой некогда было великое и святое *содержание*, люди заполнили эту форму содержанием не церковным, не святым, а личным и злобным.

Так происходит не только с отлучением от Церкви, но и со всеми древними канонами.

Эти каноны появляются на свет Божий — в большинстве случаев только тогда, когда надо сослаться на них для оправдания синодских распоряжений, диктуемых меньше всего — христианскими побуждениями. Но когда каноны обличают и идут вразрез с современной церковной практикой, их как будто бы и нет.

Вот почему и отлучение от Церкви Толстого, сделанное в полном согласии с каноническими требованиями, является глубоко несправедливым по существу. Несправедливым потому, что внутренние мотивы этого отлучения были и не церковны, и не христиански.

Толстой отлучён от Церкви потому, что не признаёт таинств, воскресения и прочее, и прочее, и прочее.

Но почему тогда не отлучают тысячи писателей, открыто проповедующих материалистическое миропонимание, почему не отлучают сотни тысяч интеллигенции, не верующих не только в таинства и воскресение, но и в Господа Бога?<sup>672</sup>

Они об этом не заявляют?

Но, во-первых, и заявляют. А во-вторых, неужели «отлучение» должно быть только при публичном исповедании своего неверия? Неужели для Церкви важно, чтобы по паспорту человек значился православным? Не ясно ли, что древняя апостольская Церковь не «отписывалась» таким образом, она *сама* обнаруживала и святых, и недостойных своих членов.

Высшее духовенство пытается объяснить отлучение Толстого желанием спасти людей от влияния его учения.

Но и это не может оправдать акт величайшей несправедливости.

В самом деле, «толстовцев», не только за границей, но и в России, чрезвычайно мало, буквально они «наперечёт», влияние же Толстого беспримерно: ни один писатель последних двух веков не имеет такого влияния на современников, как Лев Толстой. Это объясняется тем, что теоретический взгляд Толстого, его религиозно-философская система совершенно не захватывает людей и не может захватить как явно несостоятельная. Но «отлучение» и могло иметь в виду только предохранение от этих теоретических заблуждений. Ибо то, в чём сила Толстого и сущность его влияния, — с необычайной гениальностью выраженная проповедь христианской морали — ни в каком противоречии с церковным учением не стоит. Под проповедью Толстого любви к Богу, к людям, к животным, ко всему миру, под его страстными призывами жить, слушаясь и исполняя только волю Божию, — одинаково мог бы подписаться и любой толстовец, и любой епископ.

Отлучение Толстого — акт не только несправедливый, ненужный с точки зрения религиозной и явно злой даже с человеческой точки зрения, — он кроме того является неисчислимо вредным для самой Церкви. Теперь это чувствуется со всей ясностью.

Толстой внушает не только любовь, он внушает почти религиозное благоговение, — это чувство охватило теперь весь мир. Источник его — не только благодарность к проповеднику любви и правды, — это ещё изумление перед творческим духом того, кто до 83-х лет сохранил неустанную жажду исканий. Люди, живущие изо дня в день, оставляющие для высших запросов один день в неделю, а иногда и ни одного, преклонились перед человеком, который за них, за всех неустанно искал и мучился в поисках Истины.

И вот Церковь этого лучшего человека предаёт анафеме, продолжая считать в своём «лоне» всех этих Распутиных и сотни подобных ему, живущих жизнью пошлой, безумной, жизнью полудикарей или полузверей.

Это колеблет моральный авторитет Церкви и заставит отвернуться от неё многих — кто бы хотел её любить за ту внутреннюю правду, которую упорно заслоняет от верующих душ «земная церковь».

## ПРАВДА ЛЮБВИ

Сестра Льва Николаевича Толстого, монахиня Мария Николаевна, перед смертью приняла «схиму»<sup>673</sup>:

Окончательно ушла от жизни.

Лев Толстой перед смертью ночью уехал из Ясной Поляны:

Окончательно ушёл от мира.

Церковь предала Толстого анафеме.

Толстая приняла высший монашеский чин «схимонахини».

Но *сущность, религиозная основа* веры и у Льва Толстого, и у Марии Толстой — *одна и та же*<sup>674</sup>.

В одном из писем к Александре Андреевне Толстой Лев Николаевич писал:

«...Ваше исповедание веры есть исповедание веры нашей церкви. Я его знаю и не разделяю. Но не имею ни одного слова сказать против тех, которые верят так. Особенно, когда вы прибавляете о том, что сущность учения в Нагорной проповеди. Не только не отрицаю этого учения, но, если бы мне сказали: что я хочу, чтобы дети мои были неверующими, каким я был, или *верили* бы тому, чему учит церковь? я бы, не задумываясь, выбрал бы веру по церкви. Я знаю, например, весь народ, который *верит* не только тому, чему учит церковь, но примешивает ещё к тому бездну суеверий, и я себя (убеждённый, что я верю истинно) не разделяю от бабы, верящей Пятнице, и утверждаю, что мы с этой бабой совершенно равно (ни больше, ни меньше) знаем истину. <...> Всё это я говорю к тому, что бабу, верующую в Пятницу, я понимаю, и признаю в ней истинную веру, потому что знаю, что несообразность понятия Пятницы, как Бога, для неё не существует, и она смотрит во все свои глаза и больше видеть не может. Она смотрит туда, куда надо, ищет Бога, и Бог найдёт её. И между ею и мною нет пред Богом никакой разницы, потому что моё понятие о Боге, которое кажется мне таким высоким, в сравнении с истинным Богом так же мелко, уродливо, как и понятие бабы о Пятнице. <...> И как я чувствую себя в полном согласии с искренно верующими из народа, так точно я чувствую себя в согласии с верой по церкви и с вами, если вера искренна и вы смотрите на Бога во все глаза, не сквозь очки и не прищуриваясь»<sup>675</sup>.



И «проклятый» Лев, и благословенная Мария — одинаково смотрели на Бога «во все глаза». И Бог, веруем, нашёл их обоих. И то, что разделяли здесь, на земле, люди на «анафем» и «схимонахинь», — уже не сможет разделить их *там*<sup>676</sup>.

Жестокий «смиранный оптинский старец» Иосиф запретил Марье Николаевне не только *молиться* об умершем «окаянном» Льве, но даже *думать* о нём<sup>677</sup>.

Но он не мог запретить сердцу её *любить* и душе «веровать», смотреть «во все глаза» на единого Бога — и эта вера, и эта любовь сильнее запретов оптинских старцев; любовь и вера соединит их, разъединённых здесь, на земле, людьми и церковью — для вечной жизни в Боге — в любви<sup>678</sup>.

## ДВА СЛОВА О «ПРЕСТУПЛЕНИЯХ» В. Г. ЧЕРТКОВА

Родственники Л. Н. Толстого, от которых ускользнуло громадное наследство<sup>679</sup>, подняли над его «святой могилой» непристойную брань, — вынесли всю свою грязь на страницы газет. — Обо всём этом не может быть двух мнений. И разговаривать об этом не стоило бы.

Но новое выступление тех же родственников в «Новом времени», теперь уже от имени г. Берса<sup>680</sup>, обвиняющих В. Г. Черткова в том, что завещание Л. Н. Толстого было составлено не им лично, а под влиянием и чуть ли не под диктовку В. Г. Черткова, заставляет обратить внимание на одну изумительную сторону всех этих выступлений. Доказать «обделённым» людям, что они, печатая мерзости, оскорбляют память великого человека, очевидно, — невозможно. Так пусть поймут другое:

Допустим, они правы. Допустим, что Л. Толстой ушёл из Ясной Поляны и оставил завещание не в пользу семьи под «давлением» Черткова. Это нелепо, но допустим.

Что же из этого следует?

Уходу из Ясной Поляны изумился весь мир, поступок Толстого объединил людей, все признали, что в нём впервые окончательно слово своё Толстой соединил с делом.

И вот «враги» Черткова, желающие «опозорить» его, из всех сил доказывают, что «виновник» этого великого события был Чертков!

Л. Толстой оставил всё своё состояние Александре Львовне, которой поручил передать его обществу. За это «завещание» перед Толстым можно только преклоняться. И опять те же «враги Черткова» в исступлении каком-то твердят: «виноват Чертков».

Но позвольте! «Вина» Черткова, по-вашему, в том, что под его влиянием Толстой свершил два лучших поступка своей жизни?! Воистину оригинальное «обвинение»!

Я понимаю Черткова, который, не чувствуя за собой права признать себя «руководителем» Толстого, всячески старается доказать, что не он внушал Толстому то, что является лучшими лаврами в его венце. Так сказать, отстраняет от себя незаслуженную честь. Но я решительно отказываюсь понять «родственников», которые, желая «опозорить» Черткова, приписывают ему нечто такое, что одно могло бы прославить навсегда его имя. И если злобу «наследников» не может остановить уважение к великому покойнику, то пусть остановит, по крайней мере, сознание того, что все эти выходки, направленные к «низвержению врага», — могут служить только к его прославлению.

## ПОБЕДА НАД МИРОМ

Год тому назад, в ночь с 27 на 28 октября, совершалось великое событие: Лев Толстой тайно уехал из Ясной Поляны.

Уход этот принято называть «трагедией» — на самом деле это одна из величайших побед над миром.

Да, с точки зрения слишком человеческой, много трагического в «бегстве» Толстого от семьи, с которой жил почти пятьдесят лет, от условий жизни, которым подчинялся долгие годы. Видеть всё счастье в семье, уже стариком пойти по новой дороге и остаться почти одиноким. В течение двадцати лет жить, мучаясь непониманием своих близких, жены и детей. И, наконец, убежать от них. А через несколько дней умереть — всё это черты глубокой человеческой трагедии.

Но к Толстому неприменимы мерки житейские. Для того, чья жизнь была ежедневным, неустанным, неослабевающим исполнением воли Божией, — нужны другие оценки и другой язык.

Лев Толстой самую основную сущность своего поступка объяснил людям так: как истинный христианин под конец своей жизни я решил уйти от мира<sup>681</sup>.

«Уйти от мира» — вот загадочные слова, которые время от времени, с большей или меньшей силой повторяются в истории человечества.

И на жизни Льва Толстого с потрясающей силой подтверждается истина, которую до сих пор люди не могут понять во всей глубине:

Всякий воистину уходящий от мира — побеждает мир<sup>682</sup>.

Всякий уходящий от мира — возвращается в него победителем.

При жизни Толстого «в миру», несмотря на всю его «славу» и на всё «уважение» к нему, — между ним и людьми стояла такая перегородка. Перегородка «недоверия», «сомнений», скрытого «осуждения», снисходительного «прощения» и пр., и пр., и пр. Он был в миру и принадлежал миру не как победитель, а как «подчинённый».

И вот, 28 октября, когда весть о бегстве его разнеслась по всей земле, — свершилось поистине чудо. Препграда рухнула. И весь мир, всё живое в мире, всё чувствующее, всё страдающее болями совести, измученной грехами, — преклонилось перед Толстым, как перед праведником<sup>683</sup>.

С идеями Толстого можно не соглашаться, — но нельзя не быть учеником праведника.

И Толстой стал учителем всего мира<sup>684</sup>. Ушедший от нас «тайно» — вернулся к нам в славе, — не житейской, суетной, «мирской», а непреходящей, божественной.

## ВЕНОК НА МОГИЛУ ТОЛСТОГО

**П**ринято говорить: «Великого человека не стало — а жизнь идёт по-прежнему».

Да, конечно: по-прежнему светит солнце, по-прежнему рождаются и умирают люди, по-прежнему «кипит жизнь».

Но что жизнь «не изменилась» — это глубокая неправда, происходящая от нашей собственной духовной слепоты, лишаящей нас возможности созерцать жизнь *во всём её объёме*.

Внешними переменами Толстой дорожил меньше всего. Он требовал внутреннего перерождения. Вот почему сегодня,

в день годовщины смерти одного из величайших учителей жизни, я хотел бы отметить *внутреннее* значение его жизни и его смерти.

Это ложь, что жизнь после Толстого пошла дальше, по прежней дороге, как ни в чём не бывало!

Уход его из Ясной Поляны, беспримерная сила его религиозной воли и огненная жажда подлинной жизни «по-Божьи» — всё это осветило жизнь нашу тёмную и безумную таким ярким светом, что в сокровенной глубине нашей совести мы не могли не ужаснуться, «до чего дошли», — не могли хоть немного не начать жить по-новому<sup>685</sup>.

Призывы «помниться» пронесли над миром благодатным громом. И если по-прежнему идут войны, по-прежнему в жизни и кровь, и насилие, и разврат, — то это показывает лишь, что история мира — процесс мучительный и сложный и что «Царствие Божье» берётся упорным трудом человечества<sup>686</sup>.

Ведь когда на землю сошла сама Божественная Правда и люди, не приняв её, распяли на кресте своего Бога, — разве жизнь *сразу* стала другой?

Но если жизнь и смерть Сына Божия не изменила *сразу* человеческую жизнь, то можно ли спрашивать этого от жизни одного из достойнейших слугителей Божиих?

Но христианство постепенно перерождало мир.

И моральное учение Толстого медленно вольёт в жизнь страдающего от грехов своих человечества много света, тепла и сил для борьбы<sup>687</sup>.

Вот в годовщину смерти Толстого и хочется вспомнить с чувством глубокой любви и благоговения эту трудную работу Господню, которую он совершал как истинный апостол Божественной Правды<sup>688</sup>.

## ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВЛ. СОЛОВЬЁВ

**Л**ев Толстой не понимал и не любил Вл. Соловьёва. Вл. Соловьёв не понимал и не любил Толстого.

Толстой говорил: опять пришёл Вл. Соловьёв и, наверное, будет читать какую-нибудь философскую неразбериху; и зачем этот человек тратит свои громадные умственные силы на такой вздор?

Вл. Соловьёв сравнивал христианство Толстого с сектой «дыромоляев», которые всю религию свели к очень простой молитве: «Изда моя, дыра моя, спаси меня»<sup>689</sup>.

Не понимали, не любили, сходились и расходились всё резче и резче и, наконец, стали почти «врагами».

Так и общество привыкло думать: Толстой и Вл. Соловьёв — две непримиримые противоположности. «Толстовцы» и «соловьёвцы» также считают себя двумя враждебными лагерями.

Года три назад я, в качестве «соловьёвца», прочёл в Москве пять публичных лекций о Толстом. «Толстовец» Ив. Трегубов в ответ прочёл «разбор» моих лекций. И мы жестоко поспорили<sup>690</sup>.

Последние годы, и особенно последние дни Толстого, совершенно по-новому осветили его личность, и теперь «распря» двух величайших русских мыслителей представляется мне глубочайшим недоразумением, если хотите — трагедией современного религиозного сознания человечества.

Идея «вселенского христианства» слишком широка и всеобъемлюща, и многие служители *одной и той же идеи* считают себя *врагами* только потому, что с разных, иногда противоположных сторон видят одну и ту же истину.

Лев Толстой созерцал эту истину как *художник* даже в чисто философских своих произведениях.

Вл. Соловьёв созерцал её только как *философ* даже в своей поэзии.

Толстой всегда *изображает*. Его «учение» — это *описание* христианского *отношения* к жизни, к людям, к Богу. Вся сила Толстого в том, что он *показывает* христианскую психологию. О любви, о жизни во имя вечности, о проникновенном чувстве добра, о самоуглублении, о напряжённом искании Царствия Божия в своём сердце — вот о чём говорил Лев Толстой.

Всё его учение есть не что иное, как исповедь *христианского сердца*<sup>691</sup>.

Когда Толстой начинал подыскивать этим переживаниям философские схемы, он сразу становился беспомощен и путался в противоречиях.

Вл. Соловьёв — философ в настоящем смысле этого слова. Он наметил грандиозную, хотя и незаконченную и местами необработанную философскую систему. Он дал философское *оправдание* добра. Его произведение — это раскрытие христианского *сознания*.

Лев Толстой не мог простить Соловьёву, что он вместо религии занимается «философией», не учит, а пишет головоломный «вздор».

Вл. Соловьёв не мог простить Толстому плохой философии.

Великое христианское сердце Толстого и великий христианский ум Вл. Соловьёва не поняли и «не нашли» друг друга.

Замечательно, что главнейший пункт несогласия и идейной вражды — это учение о воскресении Христовом!

На это у нас мало обращали внимания в литературе. Когда-то в «Вопросах философии и психологии» был напечатан отрывок из письма Соловьёва к Толстому — в этом письме он по пунктам и ребром ставит вопрос о воскресении<sup>692</sup>. Что ответил на письмо Толстой, неизвестно. Я лично спрашивал В. Г. Черткова об этой переписке, и он также об ответе Толстого ничего сказать не мог. Но и так ясно, что Толстой мог ответить одно: воскресение Христово — легенда.

Соловьёв же доказывает, как видно из письма, теперь целиком изданного Радловым, что воскресение Христово — это победа смысла над бессмыслицей.

Разница, как видите, так велика, что трудно говорить о сродстве двух мыслителей.

Но и здесь Толстой, отрицая «как философ» воскресение, любил живой образ Христа, относился к нему не как просто к «учителю», а так же, как и Соловьёв, и никогда бы он не согласился в душе отречься от имени христианина, хотя бы всеми учёными мира было доказано, что Христос учил совершенно тому же, что и Будда, и Моисей, и т. д.<sup>693</sup>

И Толстой, «отрицавший» воскресение Христово, и Вл. Соловьёв, не проповедовавший то, что, по мнению Толстого, должен проповедовать каждый христианин, — были братьями по духу, разное мыслили, одно любили.

Оба они провозвестники вселенского христианства<sup>694</sup>.

## ВЕЛИКИЙ ФИЛОСОФ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

**В**еликим писателем земли русской — Тургенев назвал Льва Толстого<sup>695</sup>.

Великим философом земли русской по всей справедливости должен быть назван Владимир Соловьёв<sup>696</sup>.

Смешно сравнивать «известность» этих двух писателей: Толстого знает весь мир, Соловьёва плохо знают в России.

И всё-таки они и могут, и должны быть поставлены *рядом*. Оба по-разному, но *одинаково* великие.

Нынешней зимой мне пришлось слышать от В. Г. Черткова такую мысль: «Вл. Соловьёв не мог простить Толстому его популярности и влияния. Не мог простить, что оба они деятели религиозного направления, но к голосу Толстого прислушиваются все, а к голосу В. Соловьёва очень немногие. И вот поэтому-то Соловьёв и относился к Толстому с чувством раздражения, даже злобы».

Слова эти глубоко несправедливы. Оставлю в стороне «моральный вопрос». То есть способен ли был Соловьёв на такое мелочное чувство. Нет — они несправедливы по самому существу: Соловьёв не мог не понимать, что всё его дело жизни иное, чем дело Льва Толстого, и потому судьба их не может не быть различной.

Толстой весь принадлежит *настоящему*.

Вл. Соловьёв — *будущему*<sup>697</sup>.

Толстой дал колоссальный толчок *мировой совести*.

Вл. Соловьёв дал миру гениальные религиозные *идеи*.

Совість человеческая сразу поняла и приняла Толстого, хотя и не смогла призывы его претворить в *жизнь*.

Но ум, сознание человеческое не могло сразу впитать в себя религиозные идеи Соловьёва и даже просто «заинтересоваться» ими, понять их важность, — и потому прошло мимо них.

Дело усвоения *идей* — дело медленное. И потому дело, свершённое Соловьёвым, будет медленно *вырастать*. Оно будет продолжаться после жизни Соловьёва, расширяться с каждым годом и вширь, и вглубь.

Дело Толстого в главной своей части было свершено при жизни: никогда не будет иметь он такого влияния на людей, как в период астаповских дней.

Воздвигается Толстовский музей. Туда будет собрано всё, что имеет отношение к Льву Николаевичу. Разбуженная им совесть многих людей заставит неустанно идти к совершенству. Но уже ничего *нового* в Толстом они не откроют. Он является достоянием истории.

У сестры Вл. Соловьёва Надежды Сергеевны я видел замечательный портрет его мальчиком лет десяти: детское лицо

с необыкновенными глазами пророка. И несколько вещей его. Палку с смешным сучком, с которой любил ходить Соловьёв.

«Вот всё, что осталось после Володи, — грустно сказала Надежда Сергеевна, — всё разбросано по разным рукам». Долго ещё все эти вещи так и будут разбросаны. Долго ещё их не соберут в музей, не подадут в ведение истории. А будут хранить, как вещи *живого* любимого человека.

Соловьёв и Толстой не могли ссориться из-за «влияния» — прежде всего потому, что *им нечего было делить*. Они никогда не были и не могли быть «конкурентами». Один владел настоящим, другому принадлежало будущее.

Никто не «ниже», никто не менее «знаменит», никто не «обижен», — а просто у людей разная судьба, потому что совершенно различная сфера деятельности.

Толстой учил, как надо жить.

Соловьёв — как надо *понимать* жизнь.

Этот вопрос о *понимании жизни* заставил его изучить *все науки*, пройти весь трудный путь философской мысли и создать настоящую *христианскую философию*. Не новое учение, а, исходя из Евангельских начал, ответить на все основные вопросы, поставленные многовековой человеческой культурой.

Работа эта была колоссальной. Почти не верится, что её мог сделать человек, умерший ещё почти молодым, — и работу эту оценят только тогда, когда в процессе медленного развития впитают в себя всё её плодотворное содержание.

И тогда поймут, что Владимир Сергеевич Соловьёв — воистину великий философ земли русской.

## БЫЛ ЛИ АСКЕТОМ ВЛ. СОЛОВЬЁВ?

Одиннадцать лет назад — 31 июля 1900 г. — скончался Вл. Соловьёв.

За гробом его шли ближайшие друзья, несколько профессоров Московского университета, несколько литераторов.

*Русское общество* в похоронах не участвовало.

Было что-то глубоко несвоевременное, «неудачное» в смерти Вл. Соловьёва. И похороны были какие-то одинокие, неудачные. Чувство большой печали смешивалось с каким-то странным чув-



ством «неловкости», стыда. Это было инстинктивное чувство: *стыд за русское общество*. Что оно не пришло ко гробу одного из величайших своих мыслителей, одного из благороднейших своих граждан.

Если бы Вл. Соловьёв прожил еще десять лет и умер бы в наши дни, — смерть его была бы громадным общественным событием. При жизни его не заметили. В общественном сознании он вырос лишь за последние десять лет.

Проф. С. Булгаков рассказывал мне о своей встрече с Вл. Соловьёвым на журфиксах у покойного Гольцева<sup>698</sup>. Его поразила внешность Соловьёва и то, что он, здороваясь, целовал у дам руки, совсем как светский человек, а не как «аскет». Никакого *внутреннего интереса* к нему не было.

Ну, а что если бы С. Булгаков встретился с Вл. Соловьёвым теперь? Уж, конечно, он не обратил бы внимание на светские манеры Соловьёва, а подошёл бы к нему, чтобы заговорить о самых больных, самых задушевных, самых неотложных вопросах, которые ставит современная жизнь.

Нечто подобное произошло и со всем русским обществом.

Широкая публика его почти не знала. А тот, кто знал, поражался «внешностью». Его изумительными глазами, вдохновенным лицом пророка. Или несовместимостью ребячества с философией, вольных острот — с религиозностью, целования рук у дам — с аскетизмом. И только буквально единицы ближайших друзей и учеников видели в нём *другое*, — хотя и по отношению их во многом Соловьёв всё же оставался «*одиноким*».

Так было.

Но в наши дни Соловьёв становится всё ближе, всё дороже и, главное, всё понятнее русскому обществу. Пусть у него мало учеников и последователей. Но духовная красота и поразительное своеобразие личности его, глубина мысли и чувства, пророческая сила вдохновенья — всё это неотступно приковывает внимание каждого. И всё чаще начинают подходить к нему с своими духовными запросами. А вместе с тем начинают *понимать* — кого тогда хоронили!

---

Несколько лет тому назад я предполагал написать большую и, по возможности, полную биографию Вл. Соловьёва. Начал собирать материалы. Опубликовал о своём намерении в газетах

и журналах<sup>699</sup>. И вот кое-кто откликнулся. Пришлось видеть «документы» и вести личные переговоры и расспросы.

Меня поразила тогда одна черта: *полная противоположность некоторых свидетельств.*

Был ли Вл. Соловьёв аскет? Как он относился к женщинам? Г-жа С.<sup>700</sup>, одна из первых слушательниц его, когда он совсем ещё юношей читал лекции на Московских женских курсах, говорит:

— Владимир Сергеевич был близок с моим братом и постоянно бывал у нас. Он остался другом нашего дома до последних дней, и на ваш вопрос об увлечениях Владимира Сергеевича — я могу сказать только одно: Соловьёв и «влюблённость» представляются мне чем-то до нелепости несовместимым.

Но, по другим свидетельствам, в этот же юношеский период был влюблён в г-жу П., которая не разделяла его чувства. И Соловьёв однажды, взобравшись на колокольню, хотел броситься оттуда — и был спасён совершенно случайно<sup>701</sup>.

Г-н Бутурлин<sup>702</sup>, предупредивший меня, что в общем не симпатизирует Соловьёву, передавал мне один разговор, с несомненностью устанавливающий, что до тридцати лет Вл. Соловьёв был, безусловно, аскет. Речь шла о любви. Кто-то, говоря о страсти, подчёркивал её мистический момент:

— Я всегда переживаю такое чувство, как будто бы выходишь за грань эмпирического.

— Это правда? — спросил Соловьёв Бутурлина.

Бутурлин ответил:

— А разве вы сами не испытывали этого?

— Нет, я с женщинами в таких отношениях не был.

Г-н Н. пишет: «Я много раз видел Владимира Сергеевича и не могу представить себе его улыбающимся или смеющимся, он всегда был погружён в созерцание чего-то большого, нам недоступного».

А та же г-жа С. говорит:

— Приход Владимира Сергеевича был для нас всегда сплошной радостью. Он всех заражал своим смехом. Остроты так и сыпались. Смех не смолкал, и больше всех, кажется, смеялся он сам.

Даже лицо Соловьёва оценивалось по-разному. Одни замечали больше верхнюю часть лица и говорили: «у него лицо пророка». Других поражала нижняя часть лица — и они говорили, что в нём есть что-то от «обезьяны».

«Великий философ Вл. Соловьёв целовал дамам руки. Но это бы ещё ничего. Он делал гораздо хуже».

Г. Бутурлин много говорил об его отношении к спиритизму, вспомнил такой случай.

Был спиритический сеанс, народу собралось много, по преимуществу дам. Соловьёв — медиум. И вдруг медиум начинает писать на древнееврейском языке. Кроме Соловьёва языка этого никто не знает. Просят перевести. Владимир Сергеевич переводит. Дамы конфузятся. Но чем дальше медиум переводит — тем текст оказывается неприличнее. В конце концов все дамы разбежались.

Уж конечно, они ушли в тот вечер домой негодующие и разочарованные в «великом философе».

«Озорство» Вл. Соловьёва многих поражало. У него выработалась особенная шутовская манера говорить и обращаться с людьми, которой он пользовался, чтобы *отгородить* себя от них, когда ему это было нужно.

Вот иллюстрация:

Дело происходит в доме Льва Николаевича Толстого. Говорили о последней статье Владимира Сергеевича «Смысл любви»<sup>703</sup>. Спорили. Вдруг в разговор вмешивается графиня Софья Андреевна:

— Я не понимаю, Владимир Сергеевич, зачем только вы пишете такие статьи?

— Но, графиня, надо же мне что-нибудь кушать?

А вот ещё:

Одна дама слушала, как Соловьёв читал статью о Конте<sup>704</sup>, и нашла её «очень скучной». Через некоторое время у брата своего Михаила Сергеевича Владимир Сергеевич должен был читать «Три разговора».

Собрались. Свечи зажгли. Вдруг звонок. Оказывается, та самая дама, которая соскучилась на Конте.

Вл. Сергеевич страшно был недоволен и говорит:

— Скажите ей, что я опять о Конте буду читать.

Даже в кругу близких людей Соловьёв жил одинокой внутренней жизнью. Но это не была тяжёлая замкнутость, «скрытность», в обычном смысле слова, — это было свойство его творческой личности. Для окружающих Владимир Сергеевич был не столько мудрец, сколько ребёнок. Удивительный ребёнок, который восхищал, умилял и, главное, всюду нёс радость. Потому что сам

способен был радоваться, как ребёнок. Уже в последний период своей жизни, больным и усталым, приехал он к брату Михаилу Сергеевичу. В поле устроили фейерверки. Владимир Сергеевич чувствовал себя плохо и не мог пойти туда. Тогда к окну поставили кресло, и он мог видеть всю картину фейерверка, не выходя из дому. Когда зажгли ракеты — Владимир Сергеевич волновался и восторгался, как маленький мальчик.

Там же, у брата, над прудом повисла упавшая береза, и Соловьёв любил лежать на ней, вытянувшись на спине во весь рост и глядя на облака. Целые часы проводил он на этой берёзе в уединении и тиши...

Его, как ребёнка, «опасно» было пускать одного. Уйдёт, заблудится. Однажды он зашёл в лесную чащу, сбился с дороги. Назад пришлось переходить речку.

— Мне показалась она мелкой, — объяснял Владимир Сергеевич, возвратясь домой. — Я попробовал перейти вброд, не раздеваясь. Вижу — глубоко. Тогда я решил перейти её во что бы то ни стало — и перешёл по шейку!..

Пришёл совершенно мокрый и иззябший.

Вл. Соловьёв имел много друзей — и всё-таки был каким-то бездомным скитальцем. У многих для него был «дом». Но нигде не было «своего» дома.

Он увлекался женщинами. У него были «романы». Но ни одна женщина не стала для него *подругой жизни*. Не представляют исключения и известные отношения его с г-жой Х[итро]во<sup>705</sup>.

Чувство к ней Владимира Сергеевича было бесконечно сложное. Оно окрашивалось глубоким мистическим и религиозным светом. Со стороны же Х[итро]во было совершенно другое.

Родственник её, граф Салтыков, долго живший у неё в Петербурге и близко наблюдавший отношение её к Соловьёву, говорил мне очень определённо:

— Х[итро]во прежде всего смотрела на Владимира Сергеевича, как на украшение своего блестящего салона.

Владимир Соловьёв в области идей пережил несколько глубоких кризисов. Недаром под конец своей жизни он начал писать «Теоретическую философию», первые главы которой подвергали беспощадной критике основные предпосылки его гносеологии.

А в «Трёх разговорах» он явно по-новому представляет себе *христианскую идею прогресса*.

Точно так же и в жизни своей он пережил немало внутренних кризисов. И падал, и подымался.

Всем памятна мерзкая статья архиепископа Антония Волынского, в которой Соловьёв изображается пьяницей и развратником. Всё в ней или заведомая клевета, или искажение, равносильное клевете<sup>706</sup>.

Но несомненно, что были в его жизни периоды тёмные. Особенно начала девяностых годов. Последний же период, лет за шесть перед смертью, был наиболее просветлённым. Владимир Сергеевич был весь проникнут апокалиптическим чувством «конца», так ярко отразившемся в его «Повести об Антихристе». И это чувство «конца» делало его особенно серьёзным, особенно строгим к себе.

Жизнь человеческую нельзя разрезать на куски. Она представляет из себя органическое целое. И *подобие* правды Антония Волынского по отношению к двум-трём годам жизни — вопиющая ложь по отношению жизни, взятой в *целом*.

---

Что же было основным *тоном* в личности Владимира Соловьёва?

Один близкий родственник Владимира Сергеевича, на вопрос, что больше всего поражало его в Соловьёве, сказал так:

— *Роскошь жизни*. Когда приходил к нам «дядя Володя», мы, дети, сразу чувствовали, что теперь *всё позволено*. Что явилась какая-то *высшая полнота* жизни — и теперь больше обычные рамки недействительны.

«*Роскошь жизни*» — вот основной *тон* личности Владимира Соловьёва<sup>707</sup>.

Это было воплощённое христианское, а не ницшеанское «по ту сторону добра и зла». Если мирозерцание его больше всего поражает своей многогранностью, то личность ослепляла, прежде всего, именно своей «полнотой жизни».

Всё позволено! И дети начинали на несколько часов жить вне рамок, вне «закона». Это не был «хаос» — а какой-то «избыток», сверхзакон. Такая радость, такая полнота радости, что «смешно» было «слушаться». Владимиру Соловьёву всё было «можно». Потому что это сама *жизнь*. Сказочно прекрасная. Властно торжествующая. Не нуждающаяся ни в каких «законах», потому что в *чистом своём виде* — она сама и закон, и правда.

В этом же разгадка и недавнего нелепого спора: к какой церкви принадлежал Вл. Соловьёв — к униатской, к католической или к православной?

*К Христовой!*

Он видел *внутреннюю правду* и внешнюю односторонность и той, и другой, и третьей<sup>708</sup>. Вот почему мог принять причастие от униатского священника, а умирая — призвать священника православного.

Очень характерен такой факт: в Загребе, в период постоянного своего общения с католическим духовенством, Соловьёв исповедался и причастился в православной церкви, причём взял *свидетельство о говении* и оставил его в своих бумагах!

Владимир Сергеевич был «вегетарианец», потому что обычно не ел мяса. Но когда у хозяев ничего иного не было, он ел и мясо.

Аскетизм и страстность. Ребячество и почти беспримерная работоспособность. Детский смех и серьёзность настоящего мудреца. Житейская беспомощность и сила пророка — всё это находило себе выражение в сложной, красочной, многогранной личности Вл. Соловьёва.

У белого камня он видел видение: вереницей шли седые старцы, шли, чтобы создать великое дело — соединение церквей<sup>709</sup>.

## ПРОРОК ГРЯДУЩЕЙ РЕФОРМАЦИИ

*(К 30-летию со дня смерти  
Фёдора Михайловича Достоевского)*

«**П**ри полном реализме, — писал в своей записной книжке Достоевский, — найти в человеке человека — это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление моё истекает из глубины христианского духа народного), хотя и не известен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему»<sup>710</sup>.

Не «гордость» и «самомнение» подсказали эти слова Достоевскому, а глубокое сознание своей внутренней религиозной связи с народом и пророческое предчувствие, что народу нашему суждено дать миру новую религиозную правду.

И тогда народ будет знать Достоевского, ибо Достоевский один из первых дал людям новые откровения, положенные теперь

в основу той религиозной реформации, или, вернее, революции, накануне которой живёт человечество.

Достоевский считал себя православным!.. Но его религиозная *жизнь* была безгранично шире вмещающегося в православии — перед ним вставал незримый образ *новой Церкви*, в которой будет изречено «окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону». А это уже идея *вселенского христианства*.

Но не *учением* своим дал Достоевский пророческие откровения новой религиозной правды.

Он дал их в своих гениальных художественных произведениях.

Достоевский пережил в душе своей Голгофу. И Голгофу *новую*. Он перестрадал всеми новыми духовными болезнями, какими страдает современное человечество, и воплотил эти болезни в образы *живых людей*, в героев своих романов. Вглядитесь в них! И вы увидите, как из души Достоевского, точно в безумном кошмаре, встают страшные призраки всех современных соблазнов. Одни шипят в уши, что мир — «подполье», что ничего, кроме злобного плевка, не стоит вся человеческая жизнь; другие пробуждают гордую мысль, что человек — бог и царь жизни, надо лишь «осмелиться» и стать человекобогом; третьи отталкивают мир, проклинаят «вечную гармонию», не будучи в силах простить невинных детских слёз.

Но все они страдают безмерными страданиями человеческими.

Всё это пережил Достоевский в своей душе, донёс до конца свой страшный мученический крест: вот почему все герои его, все художественные образы, всё им написанное, если взять в *целом*, поёт победную хвалу Богу.

Ибо это — *душа Достоевского*.

«Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла», — писал Достоевский.

И он в *творчестве* своём показал тот мученический религиозный *путь*, который прошёл сам и который предстоит пройти миру, чтобы *по-новому* провозгласить осанну.

И тогда это не будет «Осанна», которую поют *небесными* голосами дети, — это будет осанна голгофского христианства, которая пройдёт «горнило сомненья» и в которой отразится вся безумная мука исстрадавшихся детей *земли* — Раскольникова и Ивана Карамазова.

Народ не знает Достоевского.

Но Достоевский сделал *за* народ громадное духовное дело. Он перестрадал *один*, за многих. *Один* прошёл тот путь страшных сомнений, падений и ужаса, который вывел его наконец к Христу подлинному, воскресшему.

И путь свой Достоевский *показал* в своих произведениях.

Когда народ научится читать их, он вместе с Достоевским переживёт этот путь, и из уст Достоевского научится *настоящей* религиозной правде.

Достоевский писал: «Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа... Которого утратил было в родительском доме ещё ребёнком и Которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”»<sup>711</sup>.

Таким образом, народ вернул Достоевскому веру в Христа.

А Достоевский оставил народу новые откровения, которые дал ему Христос в его страданиях. Достоевский понял народ. И когда народ также поймёт Достоевского, пророческая мечта его о все-ленском христианстве — сбудется!

## «СМИРИСЬ, ГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК»

**В** сборнике «Вехи» С. Н. Булгаков обращается ко всей русской интеллигенции с призывом, с которым время от времени, с давних пор, обращаются к ней русские писатели и публицисты, — с большей или меньшей силой, с большим или меньшим талантом. И всегда этот призыв вызывает в сердцах любящих свою родину людей одинаковое чувство боли, одинаковое чувство жгучего негодования. Величайший русский писатель Достоевский дал ему классическую формулировку: «Смирись, гордый человек!»

Впервые не от врага своего, а от духовного вождя услышало русское общество призыв к «смирению» в «Переписке с друзьями» Гоголя. И оно ответило на него жгучим гневом «неистового Виссариона» — Белинского. Эпоха шестидесятых годов, казалось, навсегда вырвала из сознания русского общества самую мысль о «смирении». Но в восьмидесятом году, на пушкинском празднике, Достоевский с новой и небывалой силой обратился к России и к человеку с призывом «смирить» свою «гордость».



Казалось, беспримерный успех речи Достоевского свидетельствовал о том, что на этот раз призыв нашёл свой отзвук в общественном сознании. Но как только слышавшие Достоевского разобрались в своих впечатлениях, они поняли, что не этот призыв вызвал всеобщий энтузиазм, что было нечто другое, звучащее истинно пророческой силой в речи Достоевского, — его властный призыв до конца отдаться служению народу.

Глеб Успенский в блестящей статье обнаружил всю несообразность обращения к русскому обществу со словами: «Смирись, гордый человек»<sup>712</sup>.

И вот теперь снова в полумёртвой общественной атмосфере прозвучал тот же лепет о смирении. Он исходит не от таких великанов, как Гоголь и Достоевский, а от маленького публициста Булгакова, он не гремит, как неожиданный гром, а бессильным шёпотом разносится по стороне, но шёпот вызывает шум потому, что звучит на тихом кладбище русской общественной жизни.

И не знаменательно ли, что грозная речь великого Достоевского была произнесена, когда сводились последние счёты с освободительным движением. И речь маленького Булгакова произнесена тоже в момент окончательной ликвидации.

«Русскую интеллигенцию, — говорит Булгаков, — в данный час истории нужно призвать к самокритике, к покаянию»<sup>713</sup>.

У нас нет Белинского, чтобы дать отпор Гоголю. Нет Г. Успенского, Михайловского, чтобы вступить в спор с Достоевским.

Но ведь нет ни Гоголя, ни Достоевского.

Неужели же не найдётся среди русских писателей-публицистов кого-нибудь, кто бы не с блеском остроумия, как Мережковский, а с всеочищающим пламенем негодованья объяснил всем этим «искренним» господам, каким словом должно быть названо их «искреннее» выступление. И сказал бы так, чтобы им было стыдно.

Призывать русскую интеллигенцию «к самокритике, к покаянию» — это было бы безумно смешно, если бы не было так отвратительно. Ведь рефлексия, гамлетовская «самокритика» есть та самая страшная язва, которая более всего обессиливает русскую интеллигенцию. Покаяние! Но кто не каялся на Руси? Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой — ужели мало выразили они собой постоянный уклон русской совести: вместо стремления к действию, к новой жизни — уклон в сторону бессильного плача о своих грехах. Смирись, гордый человек! Но по стойте. Ведь

вся русская история есть непрерывное смирение. Кто и что не смиряло в России русского человека. Смиряли татарские ханы, смирял Иоанн Грозный, смиряли опричники, смиряли помещики, смиряли розгами и нагайками. Не слыхала других живых слов изболевшая русская душа, а «смирись» она слышит от колыбели до последних своих мученических дней. И ещё подымается рука у русского писателя, от которой усталый, загнанный русский интеллигент ждёт бодрых призывов, — писать то же вечное, безысходное слово «смирись».

Но доколе, доколе, Господи!

«Гордый человек!» Но где же он в России, этот «гордый человек», покажите нам его? Покажите, кого вы призываете к покаению. Поезжайте в провинцию, в маленькие уездные города, взгляните на нашу печальную русскую жизнь. На затравленного русского интеллигента, который не доедает, не досыпает, бьётся, чтобы не задохнуться во всеобщей пошлости, каждый шаг которого выслежен, каждое слово подслушано. Тысячу раз прав Мережковский, уподобив русскую интеллигенцию жалкой клячонке, которую все бьют, все, кто хочет и у кого есть время<sup>714</sup>. И ей-то хватило у вас духу, у вас, русских писателей, сказать как напутствие только одно слово «покайся».

Нет, довольно каяться. Пора начинать новую жизнь. Мы ждём призывов не к «самокритике», а к творчеству. Не к смирению, а к вдохновению. Вы, семь «смиранных», предали нас, интеллигентов, анафеме. Так знайте же, что и мы отрекаемся от вас. Вы не вожди наши, не писатели русские, страдавшие всегда вместе с нами. Идите себе по своим «Вехам» в болото — мы пойдём своей, новой дорогой, пойдём на неприступную гору. У нас хватит на это и смелости, и любви. Найдутся и свои вожди, и свои мученики!

---

Тридцать лет назад Достоевский в знаменитой, пророческой речи своей на пушкинском празднике произнёс эту фразу: *смирись, гордый человек!*

Призыв Достоевского произвёл тогда потрясающее впечатление. Идеиные враги великого писателя — как, например, Тургенев, — жали ему руки и называли речь его гениальной...<sup>715</sup> «Смирись, гордый человек!» — произнесённое слабым, больным голосом<sup>716</sup>, пронеслось, как удары колокола, надо всей страной и трепетно отозвалось в чуткой душе русского человека.

В наши дни вырождения и упадка великий завет Достоевского подхвачен был кучкой писателей и интеллигенции, объединившейся вокруг «Вех». Снова услышало русское общество призыв «к смирению»<sup>717</sup>, но не восторгом встретило его, а насмешкой и негодованием: пусть русский человек обессилен и морально, и духовно, но всё же он сохранил достаточно живую душу, чтобы с отвращением отвернуться от проповедников *рабского смирения*<sup>718</sup>.

Достоевский *покорил* совесть своих современников.

Его «последователи» — возмутили совесть читателей, совесть, как жется, уже совсем отупевшую и привыкшую ничем не возмущаться.

Как видите, между тем и другим целая пропасть.

Такая же пропасть и между призывом к смирению Достоевского и призывом современных писателей.

Современные проповедники «смирения» приносят покаянную о гордыне освободительного движения и предлагают отречься от этой гордыни. Предлагают «мирно обновляться»<sup>719</sup>. Но спрашивается: повинны ли мы действительно в гордыне?

Найдите народ, который бы с такой покорностью и долготерпением только и делал на протяжении всей своей многострадальной истории, что *смирался*. За какую же «гордость» ещё наказывает его Господь? Разве не смиряли русский народ татарские ханы? Разве не смиряли опричники Иоанна Грозного? Разве не смиряли его помещики в эпоху крепостного права? Где же он, этот «гордый» человек, — покажите нам его? Кого вы призываете к смирению и к раскаянию?

Ваш современный призыв «смирись, гордый человек» был бы безумно смешон, если бы не был так жесток и отвратителен!

Не к тому призывал Достоевский.

На пушкинском празднике он сказал:

«Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве, — вот это решение по народной правде и народному разуму. Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою».

А правда народная, по Достоевскому, в том, чтобы стать *всечеловеком*, стать *братом всех людей*. В конце своей речи он воистину с силой пророка нарисовал перед русским обществом

вечные цели, к которым оно должно стремиться и которые оно одно может достигнуть.

«Будущие, грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечелочной и всеобъединяющей, вместить в неё с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону!»<sup>720</sup>

Вот для каких великих целей надо «смириться» человеку. Это «смирение» не что иное, как отказ от своего личного, маленького во имя великого, всечеловеческого.

За святое *вселенское* дело надо приниматься *чистыми руками*. И он призывал людей во имя любви к человечеству очистить свои руки от грязи нашей мелкой, повседневной жизни.

## ВПЕРЁД, К НАРОДУ!

Не так давно русскую интеллигенцию призывали к идеализму. Это выражалось формулой: «назад к Канту»<sup>721</sup>. Такой призыв был в своё время *нужен* и, несомненно, оказал на русскую молодёжь освежающее действие. «Назад к Канту», «назад к идеализму» — это значило: прочь от сухого, бездушного, «лженаучного», бесцветного отношения к жизни.

Но призыв к идеализму касался исключительно области *идей*, и потому не мог обновить всей *жизни*. Не затрагивалась совесть, сердце, не было призывов к творчеству, жизненному обновлению. Да и вряд ли призыв «назад», к чему бы то ни было, может быть источником такого обновления.

В наши дни всё сильнее и сильнее начинает звучать другой призыв: к *народу*.

В нём гораздо больше и содержания, и глубины, но гораздо больше и соблазна.

Звать к народу можно: *назад* и *вперёд*.

Назад к народу звало старое славянофильство Аксаковых и Киреевских, зовёт к нему новое «неославянофильство», объединившееся вокруг «Вех» и издательства «Путь».

Призыв *вперёд, к народу* — едва намечается, но, по моему глубокому убеждению, в нём залог действительного, творческого обновления России, не только политического — на народных основах религиозного демократизма, — но и духовного, нравственного и идейного.

Интеллигенция не должна закрывать глаза — должна смело и прямо признать, что в настоящем своём виде жить ей *нечем*. Она не должна обольщаться своим действительно прекрасным *прошлым*. Ссылаться на исторические заслуги интеллигенции, на Белинского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова и пр., и пр., и пр. — всё равно, что гордиться тем, что «наши предки Рим спасли»<sup>722</sup>. Да, спасли. Но *теперь-то* не только не спасают, но и спасти не могут. Теперь главное слово *за народом*. В котором неисчерпаемый запас *веры, любви, жизни*.

«Покаяние» интеллигенции в духе «Вех» есть бессильное вздыхание о своих грехах, такое «нытьё» никуда больше призывать и не может, как только «назад», к патриархальной идиллии, за которой незримо прячется рабство со всеми его ужасами.

Твёрдое сознание опасности своего положения является, напротив, необходимым условием подлинного обновления.

Оно побуждает искать спасения вовсе не в «возврате» и не в патриархальности, а в культурном «интеллигентном» раскрытии тех начал, которые заложены в *народной психологии*. Сам народ сделать этого не может. Здесь должен быть братский, общий труд. Если народные начала выразить в культурных формах законодательства, общественности, философии, искусства, получится нечто, если можно так выразиться, бесконечно более «западное», чем современное «западничество» с буржуазной и аристократической основой.

Призыв: *вперёд, к народу!* и значит: *вперёд, к новой всечеловеческой культуре*.

## МОСКОВСКИЙ «ПУТЬ»

**В**от уже несколько лет в Москве существует книгоиздательство «Путь»<sup>723</sup>.

Книги издаются очень хорошие: такие солидные, серьёзные, обстоятельные. И бумага хорошая, толстая, матовая. Печать крупная и изящная. Сброшюрованы книги не кое-как: аккуратно, крепко. Цены всё — 2 р., 3 р.

Такие книги хорошо переплетать в тёмные, хорошие переплётки, ставить в ореховые шкафы, под стекло, завешанное зелёной занавеской. В комнате обязательно должен быть большой мягкий ковёр, бронзовые подсвечники, гравюры в тяжёлых рамах и распятие из слоновой кости.

Авторы этих книг тоже люди хорошие — Булгаков, Флоренский, Эрн и др. Всё это люди безупречной нравственности, невинные, серьёзные, образованные. Народ сказал бы про них:

— *Смирные.*

Как говорит он про человека, который не пьёт, не курит, не гуляет, а живёт скромно, вернее, «поживает» и добра набирает.

— Дядя Иван хороший человек — *смирный*. Живёт слава Богу — третью лошадку осенью купил: ничего, добрый конь.

И всё было бы хорошо.

Но беда в том, что хорошие книги, на матовой бумаге, ценой в два с полтиной и три рубля, написаны о *Христе*.

Это уж совсем не хорошо.

Христианство под стеклом, за зелёными занавесками, в ореховом шкафу: барское, «для обстановки».

Я говорю не о внешней стороне — всё это мелочи. Но внешний образ как нельзя лучше обнаруживает, в данном случае, внутреннее содержание.

Разбирать отдельных авторов я не буду. Да и разбирать их нечего. Никто из них не говорит что-либо *новое*. Всё это повторение и популяризация очень старого.

В теоретической области они не идут дальше Вл. Соловьёва, в практической, «общественной» — дальше славянофильства, сантиментально любясь «русским народом», явно имея о нём самое отдалённое понятие. Дело, таким образом, не в разборе «авторов», а в выяснении религиозно-общественного значения всего *предприятия*, поскольку оно выражает своеобразное *направление* русской религиозной жизни.

Куда же ведёт московский «Путь»?

Ответ может быть очень короток: *никуда*.

Не думайте, что этим я хочу дать низкую оценку данного направления. Нет, слово «никуда» выражает самую его *сущность*.

Всякий истинно религиозный путь обязательно *нов*, он включает в себя обязательно момент *переворота*.

Московским «путём» можно «заниматься» без всяких переворотов и без всякого движения.

Ни к чему он не обязывает, никуда не призывает: он *изучает* христианство. Все силы его направлены на то, чтобы «оправдаться» перед учёными людьми, что, мол, христианством можно серьёзно интересоваться, не будучи ни дураком, ни неучем, ни мошенником. Отсюда стремление писать о христианстве, как пишут настоящие профессора о самых настоящих науках. В этой работе исчезает совершенно живая, творческая, обновляющая сторона христианства.

— Наше дело — не проповедничество, — солидно говорят учёные и прибавляют, с скромным вздохом: — Мы еще недостойны быть проповедниками. Наше дело научное, «Логос», просветить сознание...

Но оказывается совсем иное. Не вести *никуда* значит идти против *Христа*, который есть и путь и жизнь. И действительно, солидное, барское христианство волей-неволей имеет и общественную сторону. И в ней-то отражается вся внутренняя безжизненность этого направления.

Надо такую общественность, которая бы «ничему не мешала», чтобы можно было спокойно писать солидные книги. Поменьше *шума*, никаких «переворотов». Потихоньку, полегоньку.

Словом, нечто смирно-либеральное, бесцветно-бессильное.

Популяризация Вл. Соловьёва — дело хорошее. Но и оно делается для «студентов», которые и самого Соловьёва могли бы читать. Цель этой популяризации — дать слабосильным, тоскующим молодым людям возможность найти нечто вроде душевного покоя. Верующими они не делаются. Но делаются «допускающими», т. е. имеют «подпорку» ровно настолько, чтобы не пустить пулю в лоб от разочарования жизнью, — но отнюдь не настолько, чтобы *идти вперёд*: так и стоят, «пошатываясь», всю свою жизнь.

Отчего же, спрашивается, хорошие, образованные, по-своему искренние люди свели своё христианское дело к такой бесплодной, сомнительной затее, как украшение барских книжных шкафов своими изданиями или подписанием интеллигентов?

Да потому, что оторвали себя от народа окончательно.

*Христос жив*. А потому и христианство должно начинаться с *жизни*, и новое *познание* может быть лишь через жизнь же.

Московский путь не есть путь ко Христу *живому*, вера в Которого невозможна без полного переворота личной жизни, без *покаяния*, без страдания, без проповеди, без Голгофы, без народа.

Досадно, больно, что силы стольких людей тратятся напрасну.

Если бы все эти учёные люди отдали себя на проповедь евангельскую, на просветление сознания *народного*, на путь живой и творческий, если бы они могли *сердцем вспомнить*, что Христос не знал, где преклонить голову, велел оставить отца и мать и призыв свой обратил прежде всего к простым неучёным рыбакам, — не издавался бы солидный московский «Путь», но дело религиозного возрождения в России обогатилось бы неценёнными борцами.

А сейчас — один грех и перед своей личной жизнью, и перед общественным служением.

Имейте же мужество, смирение, искренность сознать это и направить «Путь» свой на служение народу!

## ТРАУРНЫЙ ПРАЗДНИК

**С**егодня празднуется двухсотлетняя годовщина рождения Ломоносова.

К участию в этом празднике будет призвана «вся страна» — все учебные заведения, общества, союзы, учреждения, печать... Словом, «мыслящая Россия».

Не будет участвовать во всём этом *народ*.

Вспоминая жизнь великого человека, будут с особой силой подчёркивать, что Ломоносов — «архангельский мужик». Об этом будут говорить с чувством гордости за величие России.

Да, есть чем гордиться.

Но есть и над чем задуматься.

Не знаменательно ли, что гордость страны, гениального архангельского «мужика» — не знает народ?

«Мужик» ушёл на вершину просвещения для того, чтобы показать всему миру, какие силы таятся в народной душе.

И все возрадовались: смотрите, какие у нас мужики!

Но, полно, есть ли чему радоваться?

Не является ли судьба Ломоносова самым грозным, самым неотразимым *обличением* нашей глубочайшей вины перед «мужиком».



«Ломоносовский праздник» говорит не только о величии *русского народа*, он свидетельствует о *нашем ничтожестве*.

«Радоваться» тому, что нашёлся один неустрашимый герой, который и из деревенской тьмы вырвался на свет Божий, — нечего.

Но пережить искреннюю скорбь и мучительный стыд — от сознания, что мы держим десятки миллионов «мужиков» в положении полузверей, — и можно, и должно.

Не ликование, а покаяние уместно в сегодняшний день, когда несколько сотен тысяч «интеллигенции» будут на все лады прославлять русский гений, а многомиллионный народ — будет безмолвствовать.

Сегодня с полнейшей очевидностью мы можем показать только одно: что за двести лет нисколько не изменилась ваша несчастная русская жизнь. И что «архангельскому мужику» и теперь так же трудно стать образованным человеком, как и два века назад.

Мы гордимся нашей литературой, нашей музыкой, нашими мыслителями, но часто ли думаем мы о том, каких бы вершин могли достигнуть, если бы вызвали к жизни скованные невежеством духовные силы народа?

Ведь «интеллигенции» в России едва ли можно насчитать два-три миллиона, а «мужиков» более ста миллионов. Если вера в гений русского народа — не пустая фраза, то спрашивается, какое количество не изжитых сил гибнет по голодным избам, под гнётом невыносимого труда и беспросветного невежества?

Если это понять и пережить всей душой, трудно прийти в «праздничное» настроение.

Уж очень стыдно, уж очень больно, чтобы можно было радоваться.

В память Ломоносова следовало бы установить *траур* — в знак скорби по загубленным силам народным.

## В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Умер один из замечательных учёных России — заслуженный профессор Московского университета В. О. Ключевский.

Он был уже старик. Давно страдал тяжкой болезнью. «Смерть его ожидалась». И всё-таки произвела потрясающее впечатление, не только как великая утрата, но и как смерть *живого человека*, кото-

рого знали и глубоко любили. А любили его как человека не только знавшие лично, но и десятки тысяч учеников, слушавших его по русской истории в различных учебных заведениях: в Университете, в Духовной академии, в школе живописи. — Ибо Ключевский читал не только как знаменитый профессор, но и как гениальный *человек*.

В исторических трудах Ключевский первым из русских историков дал не описание внешних исторических фактов, но показал их внутреннюю связь — создал поразительную по своей законченности картину постепенного роста русского государства, картину, в которой каждая отдельная черта является не «случайностью», а строгим и неизбежным следствием всех предыдущих.

Осуществить такую сложную и новую задачу, кроме замечательного таланта ученого, помогла ему кровная любовь его к России и подлинное художественное дарование: он не только умел как учёный найти и привести в порядок разрозненные факты, он умел любить исторических людей как живых деятелей и видел в жизни не частности, а *общее*, как художник.

История России Ключевского — великий вклад в русскую науку.

Но я уверен, что книга его никогда не даст того, что давали его лекции. Большое счастье выпало на долю тех, кто имел возможность их слышать.

Он был настоящий *оратор* в лучшем и почти забытом смысле этого слова.

У нас давно уже «испорчено» ораторское искусство, под «оратором» разумеют человека, умеющего гладко, быстро и красиво говорить. Но это не «ораторство».

Оратор — *художник устного слова*. Он может говорить очень «не скоро», и при этом «не находить слов», и в то же время быть оратором.

Ключевский не был быстрой говорильной машиной, но он обладал высшим даром оратора-художника — заставлять слушателя забыть аудиторию и забыть, что он на лекции, всецело подчиняя его себе. Ключевский говорил тихо, часто поправлялся, оговаривался, но он так владел интонацией, обладал такой поразительной мимикой, так умел вовремя рассмешить, вовремя ударить по самым душевным струнам, что слушатели испытывали настоящее *вдохновение*, какое может пробуждать только художник.

Умер великий учёный. И за его учёные труды — великая ему слава.

Умер замечательный художник. И за то, что он заставил нас пережить на своих лекциях, — великое ему спасибо!

## НАРОДНЫЙ ПОЭТ

(К пятидесятилетию со дня смерти Т. Г. Шевченко)

**Ш**евченко — поэт Украины. Его нельзя понять, полюбить, «оценить», не поняв и не полюбив того *народа*, из которого он вышел. Украина нашла в лице Шевченко своего настоящего певца, выразителя всех дум, молитв, своей особой красочной поэзии: поэзии украинских ночей, в которой так ослепительно прекрасно сочетаются грустные думы с брызжущим смехом; лунный свет — с чёрными тенями; таинственная сказка — с трезвою былью; тишина уснувших садов — с беспредельною далью степи...

Шевченко нельзя оторвать от народа — и плотью, и кровью, и душой своей он слился с ним. Из всех великих народных поэтов он, больше чем кто-либо другой, достоин названия *народного*. «Биография» Шевченко в значительной степени объясняет «народные» черты его гения.

Шевченко был простой «мужик»-крепостной, он перенёс на себе всю тяжесть крепостного права, перестрадал вместе с своим народом ужасы рабства и «по-мужицки», непосредственно, как сын народа, полюбил природу, единственную утешительницу измученного человеческого сердца.

В детстве, когда ещё Шевченко был «казачком» и должен был стаскивать шубы с барских плеч, — он почувствовал склонность к живописи.

Но «рабу», «лакею» не разрешалось «отвлекаться» от лакейских занятий. Ему оставалось потихоньку пользоваться свободой ночей. И вот однажды — «попался». Барин застал его за рисованием, он бросается на «казачка», «немилосердно рвёт его за уши и даёт несколько пощечин, внушая неосторожному художнику, что, сидя с зажжённой свечой среди бумаг, он мог бы сжечь не только дом, но и весь город». На следующий день кучер Сидорка выпорол его «с достодолжным усердием»<sup>724</sup>.

В унижении своём, в позоре своём, Шевченко пережил позор и унижение своего народа, — и потом, через много лет, когда друзья выкупили его из крепостной зависимости, и он стал уже знамени-

тым поэтом, не раз ему приходилось с негодованием протестовать против унижения в крепостных слугах человеческого достоинства.

Один помещик пригласил Шевченко на обед. «Мы пришли, — рассказывает Чужбинский <sup>725</sup>, — ещё довольно рано. В передней слуга дремал на скамейке. К несчастью, хозяин выглянул в дверь и, увидев дремавшего слугу, разбудил его собственноручно по-своему... не стесняясь нашим присутствием. Тарас покраснел, надел шапку и ушёл домой. Никакие просьбы не могли заставить его вернуться».

А другой раз, когда собиратель малороссийских песен Лукашевич прислал к Шевченко за каким-то неважным делом, за 30 вёрст, в жестокий мороз, своего крепостного человека, пешком, с требованием по получении ответа немедленно возвратиться, — не имея права удержать посланца, он написал Лукашевичу письмо, исполненное желчи и негодования, объявляя вместе с тем о прекращении всякого знакомства с ним. Тот не устыдился, однако, и отвечал, что у него 300 душ таких же олухов, как Шевченко. Рассказывая под свежим впечатлением Репниной <sup>726</sup> об этом случае, Шевченко рыдал, как ребёнок <sup>727</sup>.

Жизнь Шевченко и «на свободе» сложилась нерадостно. Безалаберное кочевание с места на место, потом ссылка в солдаты, неудачные попытки обзавестись семьей — всё это не дало ему «личного счастья».

И всю душу свою, все силы свои он отдал творчеству.

Жить тяжело на свете, а хочется жить!  
И хочется видеть, как солнце сияет,  
И хочется слушать, как море играет,  
Как птичка щебечет, как ветер шумит,  
Красавица-дева в лесу распевает...  
О, Боже мой милый, как весело жить!

Народ, как бы ни были велики его страдания, всегда найдёт в себе силы верить в счастье, молиться о лучшем будущем, любить и благословлять жизнь. И не был бы Шевченко певцом народным, если бы в его поэзии отразились только пережитые им страдания. Напротив, поэтому-то и народен он, потому-то и воплотил так в песнях своих Украину, что он в стихах своих выразил сокровенные мечты народные о счастье, рассказал о сокровенных думах, раскрыл задушевные молитвы.

Поэт Украины — всю жизнь свою отдал родине. И пред лицом смерти дума его всё о ней же — Шевченко написал «завещание»:

Когда умру, похороните  
Вы меня в могиле,  
Среди луга широкого.  
На Украине милой;  
Чтоб долины, степи, горы,  
Днепр и его кручи  
Были видны, было слышно,  
Как ревьёт могучий<sup>728</sup>.

## ПОЭТ МОЛОДЁЖИ

(По поводу 25-летия со дня смерти Надсона)

**Н**е много найдётся людей, которые бы не писали во дни своей ранней юности стихов.

И едва ли много найдётся юношей, которые не увлекались бы Надсоном.

Надсон — поэт молодёжи<sup>729</sup>.

Среди русских поэтов много имён несравненно более прославленных, более великих. Пушкин и Лермонтов стоят на высоте недостижимой.

Но более «любимого» поэта, чем Надсон, найти трудно.

Перед *теми* можно преклоняться, они могут вызывать восхищение, но они всё же немного «чужие».

*Этого* — можно только любить.

Надсон — *наш*. Совсем наш — до конца!

Как будто бы пришёл к нам наш милый, наш светлый друг и рассказал словами трогательными до слёз то, что мы никак не могли высказать сами.

Все поэты куда-то «отделялись» и оттуда уже «призывали».

Надсон стоял в самой толпе молодёжи, со всеми *вместе* и вслух говорил от её лица.

Когда в ранней юности является потребность «писать стихи» — это не «глупое» желание и не суетное стремление «прославиться», это глубокая *потребность* человеческого духа проявить себя в *форме прекрасного*.

В самом деле, какие формы для проявления человеческой личности даёт наша жизнь?

Покуда мальчик готовится в гимназию, он «не живёт» — ему говорят: ты должен поступить в гимназию.

Поступает, учится. Ему говорят: вот окончишь гимназию, поступишь в университет — тогда начнётся «жизнь», а пока учение. Кончает юноша 18–19-ти лет, поступает в высшее учебное заведение. Теперь ему говорят: ну не долго уж — ещё четыре года, ты закончишь образование и начнёшь жить.

Четыре года проходят, молодой человек заканчивает образование и... поступает на службу. На какую же службу? Или учителем, или доктором, или инженером, или податным инспектором, или адвокатом, или прокурором.

Теперь вместо «жизни» начинается «служба». Надо прежде всего думать о зарработке, чтобы кормить семью и учить в гимназии детей, которым в свою очередь будут повторять сказку про белого бычка: что надо учиться, кончить гимназию и т. д.

*Самое главное, самая суть души человеческой в жизни нашей не участвует, потому что нет надлежащих форм для выражения этой «сути».*

Но вытравить всё живое из своей души не так-то легко. И пока не удастся запрятать себя в какой-нибудь футляр, в какой-нибудь вицмундир — внутри всё протестует против мёртвых рамок нашей бесцветной жизни.

Этот протест всего ярче даёт себя знать в ранней юности. Каждый чувствует *инстинктивно*, что взрослые его обманывают. Что быть прокурором, адвокатом, доктором, податным инспектором — это вовсе не значит *жить*. Внутренний голос властно говорит о том, что в душе скрыто нечто такое, что не имеет ничего общего ни с адвокатурой, ни с докторской практикой, и что это «нечто» *есть самое главное*, и что, если бы в основу всей вашей жизни было бы положено это «главное», найди оно себе *выход*, — всё преобразилось бы, произошла бы полнейшая переоценка всех ценностей и вашу старую, нудную, неозарённую никаким внутренним смыслом жизнь узнать бы нельзя было.

Тревоги, «порывы» юношеские — всё это крик живой души, которую хотят зажать в мёртвые тиски.

Но как же быть? Выразить всё это может только художник. Быть художником — дано не всякому. Надо иметь особый *талант*. Что же остаётся?

Да только и остаётся: или мечтать, или «писать стихи». Стихи, конечно, выходят очень плохие. Но *чувство*, которое их подсказывает, обыкновенно остаётся на всю жизнь *лучшим воспоминанием*.

И вот, если юношеские чувства эти рассказать по-настоящему, не плохими, неумелыми и наивными стихами, а вдохновенно, ясными проникновенными словами подлинного художника, — мы и *получим поэзию Надсона*.

Надсон сам именно такой юноша, которому «хотелось писать стихи» — с той только разницей, что ему были даны громадные силы, громадный поэтический дар писать их.

*Содержание* его поэзии — нашло отзвук в *молодёжи*, почти без малейшего исключения. В стихах Надсона каждый узнал свои чувства, свои думы, иногда даже *свои слова*. И его сразу полюбили, как *родного*, как *своего*. Даже странно делается, когда его начинают «разбирать» и «критиковать», как других писателей.

Разве можно «разбирать» живую человеческую душу? Её можно любить, можно понимать или не понимать, радоваться её радостью, плакать вместе с ней, а «критиковать» нельзя!

Спросите любого юного читателя Надсона: хорошее или плохое то или иное его стихотворение?

На вас посмотрят с удивлением:

— То есть как, хорошее или дурное?

Человек плачет — разве можно спрашивать, «хорошо ли он плачет»?

Человек радуется — разве можно спрашивать, «плохо или хорошо он радуется»?

Можно быть в одинаковом настроении с ним и страдать с ним вместе — можно быть в неподходящем настроении и остаться равнодушным к его радости.

А «разбирать» — нельзя.

Надсон знал много разнообразных переживаний, но все они одинаково свойственны *молодости*, и потому в разный период, по-разному затрагивают молодое сердце: и любовь, и сомнение, и надежда, и отчаянье, и вера в торжество правды — и при этом всегда *изумительное, честное и чистое* отношение к жизни!

Надсон умел любить, он имел право спрашивать:

Любили ль вы, как я? Бессонными ночами

Страдали ль за неё с мучительной тоской?

Молились ли о ней с безумными слезами  
Всей силою любви, высокой и святой?  
С тех пор, когда она землёй была зарыта,  
Когда вы видели её в последний раз,  
С тех пор была ль для вас вся ваша жизнь разбита,  
И свет, последний свет, угаснул ли для вас?

Порой Надсон испытывал мучительное сознание своей слабости:

Милый друг, я знаю, я глубоко знаю,  
Что бессилён стих мой, бледный и больной;  
От его бессилья часто я страдаю,  
Часто тайно плачу в тишине ночной...  
Нет на свете мук сильнее муки слова:  
Тщетно с уст порой безумный рвётся крик,  
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:  
Холоден и жалок нищий наш язык!..

Он знал ужас отчаяния и светлую радость пробуждающейся надежды:

Я не щадил себя: мучительным сомненьям  
Я сам навстречу шёл, сам в душу их призывал...  
Я говорил «прости» всем светлым убежденьям,  
Все лучшие мечты с проклятьем погребал.  
Жить в мире призраков, жить грёзами и снами,  
Без думы плыть туда, куда несёт прилив,  
Беспечно ликовать с рабами и глупцами —  
Нет, я был слишком горд, и честен, и правдив.

И боги падали, и прежние светила  
Теряли навсегда сиянье и тепло,  
И ночь вокруг меня сдвигалась, как могила,  
Отравой жгучих дум обвеяв мне чело, —  
И скорбно я глядел потухшими очами,  
Как жизнь, ещё вчера сиявшая красой,  
Жизнь — этот пышный сад, пестреющий цветами, —  
Нагой пустынею лежала предо мной!..

Но первый вихрь затих, замолкнул в отдалении  
Глухой раскат громов — и ожил я опять:  
Я стал собирать вокруг обломки от крушенья



И на развалинах творить и созидать.  
Из уцелевших грёз, надежд и упований  
Я создал новый мир, воздвигнул новый храм  
И, отдохнув душой от бурь и испытаний,  
Вновь стал молиться в нём и жечь мой фимиам!..<sup>730</sup>

В хорошие минуты свои молодёжь и горда, и честна, как Надсон, и умеет любить, и умеет страдать от сомнений, умеет отдаваться надеждам и грёзам. И если бы это хорошее развивалось с той же заботливостью, с какой развивается у нас «житейская мудрость», необходимая для будущего «зарабатывания хлеба», а потом обучения той же «житейской мудрости» нашего потомства, — давно бы уж погиб «Ваал» и вернулась «на землю любовь».

А пока этого нет, пока жизнь идёт своим порядком, скучно и «никчёмно», — «поэты молодёжи», подобные Надсону, свершают своими песнями *великое общественное дело*: они не дают замереть смутным тревогам юности. Они вызывают их к жизни; они, вопреки «житейской мудрости», неотступно свидетельствуют людям: то, что принято считать «важным», — вздор, а то, в чём видят «юношеское увлечение» и о чём иногда стыдятся сказать вслух, — стремление к «лучезарному замку» — есть самое главное, самое святое в человеческой жизни.

## НОВЫЙ ПОЭТ

Только что вышли из печати стихи никому неизвестного, начинающего поэта Н. Клюева, под красивым названием «Сосен перезвон».

Если бы не предисловие Валерия Брюсова, на маленькую книжечку, да к тому же дорого изданную, по всей вероятности, немногие бы обратили внимание: мало ли, мол, у нас печатают бездарных «виршей».

Теперь, после блестящей «рекомендации» Брюсова, молодому таланту легче добиться «общего признания», и очень скоро русское общество узнает, что в наше безвременье на горизонте русской литературы вошла крупная, яркая звезда подлинного дарования.

Валерий Брюсов — не восторженный мальчик, а человек очень сдержанный, строгий и требовательный, и вот что пишет он в своём предисловии:

«Стихи Клюева выросли, как деревья в бору. Современному читателю иные стихотворения представляются похожими на искривлённые стволы, другие покажутся стоящими не на месте или вовсе лишними, но попробуйте исправить эти недостатки, — и вы невольно убьёте в этих стихах самую их сущность, их своеобразную свободную красоту.

Поэзия Клюева жива внутренним огнём, горевшим в душе поэта, когда он слагал свои песни. И этот огонь, прорываясь в отдельных строках, вспыхивает вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным. Почти в каждом стихотворении Клюева есть строки, которые изумляют».

Этот отзыв Валерия Брюсова не преувеличен.

В стихах Клюева не знаешь чем больше восхищаться: красотой формы, неожиданностью и яркостью поэтических образов или *новизной содержания*. Последнее качество особенно редкое в наше время.

«Доказывать» всю силу дарования Клюева очень трудно: стихи его надо прочесть. И тех читателей, для которых поэзия не звук пустой, — ожидает высокое эстетическое наслаждение.

Для примера приведу два его стихотворения:

В златотканые дни сентября —  
Мнится папертью бора опушка.  
Сосны молятся, ладан куря,  
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины  
Заметает листвою шелестящей.  
Из-за полога выглянь сосны,  
Промелькни за берёзовой чашей.

Я узнаю косынки кайму,  
Грудь и профиль задумчиво-кроткий...  
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,  
Про мерцание звезд за решёткой,

Про бубенчик в изгнанья пути,  
Про бегущие родины дали...  
Мир вам, сосны, вы думы мои,  
Как родимая мать — разгадали!

В поминальные дни сентября  
Вы сыновнюю тайну узнайте

И о той, что погибла любя,  
Небесам и земле передайте.

Одно из самых задушевных стихотворений, раскрывающих сокровенные думы поэта, — «Завещание».

В час зловещий, в час могильный,  
Об одном тебя молю:  
Не смотри с тоской бессильной  
На восходную зарю.

Но, верна словам завета,  
Слёзы робости утри,  
И на проблески рассвета  
Торжествуяще смотри.

Не забудь за далью мрачной,  
Средь волнующих забот,  
Что взошёл я новобранно  
По заре на эшафот;

Что, осилив злое горе,  
Ложью жизни не дыша,  
В заревое пала море  
Огнекрылая душа.

Изумление перед поэзией Клюева должно увеличиться особенно тогда, когда узнают его биографию. К сожалению, в предисловии Валерия Брюсова нет об этом ни слова. Н. Клюев — настоящий *крестьянин Вологодской губернии*. Самородок, самоучка — лишний раз свидетельствующий перед «интеллигенцией», какие духовные силы таятся в *народе* и как мы преступны в своём пренебрежительном отношении к «мужику».

## ПОЭТ ГОЛГОФСКОГО ХРИСТИАНСТВА

(*Николай Клюев*)

**В** области человеческого духа бывают явления, которые почти невозможно подвести под обычные общепринятые понятия.

Творчество Николая Клюева принадлежит именно к числу таких явлений.

Назвать его: «художником», «поэтом», «писателем», «певцом» — значит сказать правду и неправду. Правду — потому что он «художник», и «поэт», и «писатель», и «певец». Неправду — потому что он по своему содержанию бесконечно больше всех этих понятий.

Даже наиболее идущее к нему слово «религиозный» в *наше время* всяческих подделок и лжи звучит безнадежно-бесцветно.

«Песни» Николая Клюева — это *пророческий гимн Голгофе*.

Говорю «пророческий» — потому что в них раскрывается вся полнота нового «голгофского» религиозного сознания, не только мученичество, не только смерть, — но и победа, и *воскресение*.

В них звучит отклик тех песен, которые пели мученики Коллизея<sup>731</sup> и древние братья на испанских кострах, — но в них же слышится новый, вдохновенно-радостный голос *прощённой земли*, освобождённого мира.

Это не выдумка — это живой опыт, это творческое прозрение. Здесь уже не только литература, не только «стихи» — здесь новое религиозное *откровение*. Если хотите, «поэзия», — но в каком-то высшем смысле, когда поэт становится *пророком*.

«Песни» Клюева по содержанию своему имеют два основных начала:

*Вселенское* — в том смысле, что в них выражается не односторонняя правда того или иного «вероисповедания», а общечеловеческая правда полноты вселенского религиозного сознания.

И национальное — в том смысле, что раскрывается это вселенское начало в чертах глубоко русских, если можно так выразиться, плотяных, чернозёмных, подлинных, национальных.

В настоящей вступительной статье я ставлю себе задачей раскрыть *голгофское* содержание «Песен» Николая Клюева и показать, в чём лежит внутренний смысл его новых откровений.

Мировой процесс — это постепенное воплощение «Царствия Божия на земле», постепенное освобождение земли от рабства внешнего — господства одних над другими, и рабства внутренне-го — господства страдания, зла и *смерти*. «Освобождение земли» на языке религиозном должно быть названо *искуплением*. Путь к этому освобождению должен быть назван *голгофским*. Не дано «искупление» как подвиг единого Агнца — оно *дастся* как усилие *всей земли*. Голгофа же Христова — первое слово освобождения, первый Божественный призыв, обращённый к земле: взять крест и идти на распятие — не в муку вечную, а в жизнь вечную. История мира —

это восхождение на лобное место, это позорная казнь на кресте, это «Боже мой, Боже мой! вскую оставил Мя еси»<sup>732</sup>, это предсмертные муки Богочеловека и всепокоряющая радость Воскресения.

Понимание искупления как творческого усилия *всей земли* и мирового процесса — как Голгофы — ведёт к двум основным выводам:

Новому учению о всеобщей ответственности.

Новому учению о будущей жизни.

«Каждый из нас за всех виноват» (мысль Достоевского) — это лишь робкий намёк на правду.

Голгофское понимание жизни раскрывает больше: не *за всех* виноват, а *во всём* виноват<sup>733</sup>. Каждое позорное пятно на совести *человечества* — позорное пятно и на *моей совести*. Каждый постыдный поступок *мой* — постыден для *всей земли*. Если «освобождение» общее — «искупление» общее, то и грех и преступление — *общее дело*<sup>734</sup>.

Для голгофского сознания нет *чужих* грехов, *чужих* страданий. Я — убийца, я — растлитель, я — осквернил светлые ризы Божии. Но я же плачу кровавыми слезами раскаяния, я — свершаю великий подвиг любви, я — вхожу на костёр за Правду, я — приношу свою агнчую кровь во искупление опозоренной земли<sup>735</sup>.

Отныне уже нельзя наслаждаться своей «праведностью». Как бы ни был я «чист» — руки *мои* в крови, как бы ни был я «целомудрен» — это *я* втоптываю в грязь женщину в позорных домах, как бы ни был я «кроток» — это *я* покрыл землю тюрьмами и кандалами. И по осквернённой, окровавленной земле — я же иду с крестом в венце терновом, во имя *освобождения*.

В «песнях» Николая Клюева раскрывается с потрясающей глубиной этот голгофский путь земли. Поэту путём *созерцания* даётся то, что религиозному сознанию даётся *умозрением*.

Но ещё ближе для него *грядущее*.

То, что я назвал *«будущей жизнью»*.

Здесь особая новизна его и особая *сила*, которую — с сознанием всей ответственности этого слова — можно назвать *пророческой*. Николай Клюев как бы *живёт* уже этой новой жизнью, а не только «предчувствует» её, не только «догадывается» о ней.

Если бы в доисторические времена, когда зарождалась на земле жизнь, можно было бы рассказать «клеточке», что из неё

создастся человек и вся современная жизнь, — всё это представилось бы ей как сплошное безумие.

Таким же безумием представляются современному человеку «песни» о грядущем Царствии Божиим.

Обыкновенный, живущий «настоящим» человек может представлять себе будущее в знакомых ему формах, усложняя и видоизменяя их. Он может вообразить себе новые машины, летательные аппараты, новый флот, армию, общественный строй.

Представить себе новую *материю* и *совершенно* иную жизнь он не может.

Но это безумие как непреложная истина даётся в религиозном *опыте*, это будущее утверждается религиозным *сознанием* и раскрывается *религиозной поэзией*.

Я уже сказал, что понимание искупления как творческого усилия всей земли ведёт к новому учению об общей *ответственности*, к новому пониманию *Голгофы*.

Оно же даёт и новое понимание будущего как Царствия Божия *на земле*, как новой жизни — в новой *плоти*, не подчинённой законам тления и смерти.

Изменение материальных форм не есть только процесс *механический, внешний*, — это есть процесс *внутренний*, результат *нравственных усилий*, изменяющих самую сущность материальной основы, приближающий время *качественного* изменения материи. Вся *тварь* должна услышать Евангелие (благую весть). Вся *тварь* должна стать *свободной*, т. е. вся *материя* должна получить бессмертие как результат окончательного искупления.

Вот этой-то новой жизнью, в новых формах, и живёт Николай Клюев, о ней-то и поёт свои лучезарные песни...

Соберутся племена под смоковничные купы. Горние росы увлажят палящие лучи дня. Среброкрылые врачи братьям перевязуют раны. Воспоёт небесный хор.

«Жизни Царь Дориносимый, для сыновних видим глаз», восседет вечерять с людьми.

Дух животными крылами  
Прикоснётся к мертвецам,  
И завеса в пышном храме  
Раздерётся пополам<sup>736</sup>.

И вот всё стало новым — ибо «старого уже нет».

Стали плотью мы заката жарнее,  
Поднебесных облак-туч вольнее.  
Разделяют с нами брашна серафимы,  
Осеняют нас крылами легче дыма.  
Наши лица заряницы краше,  
Молоньи лучистой ризы наши.  
За спиной шесть крыльев легковейных,  
На кудрях венцы из звёзд вечерних <sup>737</sup>.

Явится новый «чудный храм», в котором свечи — зори, пред-  
алтарный фимиам — туманы дремлющих поречий... Роса напоит  
возжаждавшие травы, дымные дубравы оденутся в заревые пояса.  
«Продлится миг, как долгий век, — взойдут неведомые светы».  
И люди сойдутся «служить Заутреню любви, вкусить кровей жи-  
вого хлеба» <sup>738</sup>.

Венец же всего, венец славы, венец освобождения земли — *все-  
общее прощение*.

Был общий грех. Голгофа была всечеловеческая. Будет и все-  
мирная радость.

Гробовой избегнув клетки,  
Сопричастники живым,  
Мы убийц своих приветим  
Целованием святым...  
Мир вам странники-собратья,  
И в блаженстве равный пай,  
Муки нашего распятья  
Вам открыли светлый рай.  
И враги, дрожа, тоскуя,  
К нам на груди припадут, —  
Аллилуйя, аллилуйя —  
Камни гор возопиют... <sup>739</sup>

Пророческие «песни» Николая Клюева — навсегда изгоняют  
из человеческого сердца страх, слабость, уныние: кто видит перед  
собой новый нетленный храм, тому некого бояться, тот навсегда  
делается воином Христовым. Вот почему «песни» Клюева — это  
гимны братьев-воинов.

Их откинута забрала.  
На кольчугах крест горит,

И ни ад, ни смерти жало  
Духоборцев не страшит<sup>740</sup>.

Пусть «за непреклонные врата» проникают лишь те, «на ком голгофского креста печать высокая сияет»<sup>741</sup>. Мы не боимся Голгофы. Мы с радостью берём венец терновый, с радостью, как мученики Колизея, идём на арену жизни — идём завоевывать свободу, искупление, бессмертие — *святой*, но опозоренной *земле*.

## СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Крылатая фраза Л. Толстого о Л. Андрееве: «он пугает, а мне не страшно», — сказанная о «начинающем» ещё тогда писателе, была принята как некий афоризм великого писателя, всегда идущего наперекор всем<sup>742</sup>. Но писательская судьба Л. Андреева, и особенно последний её год, раскрывает всю пророческую глубину этой коротенькой, но убийственной характеристики.

Когда появился маленький томик первых рассказов мало кому ещё известного Л. Андреева, Михайловский приветствовал его в «Русском богатстве» горячей, почти восторженной статьёй<sup>743</sup>. И неудивительно, в этом томике был рассказ «Жили-были» — один из лучших рассказов Андреева. В молодом авторе поражала необыкновенная искренность и задушевность и, главное, умение в простых, повседневных вещах, в том, как люди играют в винт, показать страшную, таинственную сторону жизни.

В дальнейших произведениях, и чем дальше, тем больше, это основное свойство изменялось — так сказать, выворачивалось наизнанку. Не в простых обыденных явлениях он раскрывал силой своего творчества ужас жизни, нет, он стал создавать чудовищные *факты*, невозможные взаимоотношения людей; ужас из внутреннего содержания рассказа мало-помалу переходил на поверхность, на его «сюжет», и чем ужаснее становился этот сюжет, тем бледнее было впечатление от содержания. Он пугал, он говорил страшные слова. Люди нервные содрогались, но Толстой — не пугался. А с Толстым мало-помалу перестала пугаться и публика. «Рассказ о семи повешенных» был яркой вспышкой андреевского таланта, но после этой вспышки упадок его обнаружился ещё определённое. И если по инерции рассказы Андреева



будут ещё «обсуждаться» в печати и на несколько лет отстающая от столиц провинция будет ещё ждать «новых произведений Л. Андреева», — то уже совершенно ясно, что звезда Андреева закатилась и он принадлежит больше прошлому, чем настоящему. Трудно было верить, что «Мои записки» писал Андреев, и ещё трудней допустить, что «Сын человеческий» принадлежит ему. Можно с уверенностью сказать: принеси какой-нибудь писатель такую повесть в толстый журнал, ни один редактор не принял бы её к напечатанию. Здесь уже не только полное бессилие «ужасных» переживаний, но ходульность и бессилие самого сюжета, точно Л. Андреев перебрал всё возможное в этом направлении и вот договорился до сумасшедшего щенка, которого заставляют слушать граммофон.

Стыдно и больно за талантливого писателя, который унижается до такой безвкусицы, за несчастную русскую литературу, в которой после Чехова всё перепуталось и смешалось, как и вся русская жизнь. Больно за русское общество, которое измучилось, обессилело и не может дать прежних мощных выразителей лучших своих стремлений. Вспомните, как бился измученный Гоголь над вторым томом «Мёртвых душ», и вот в столетнюю годовщину его рождения «лучший» современный русский писатель, с лёгким сердцем и без малейшей нужды, выпускает ученический, наспех набросанный, бесцветный рассказ. Где же это страшное познание ответственности перед своим собственным талантом и перед людьми, которые будут читать это новое ненужное произведение?

Не упадок ли всей русской жизни выражается в этой маленькой, но воистину чудовищной параллели: Гоголь, сжигающий бессмертное творение, только потому, что не мог создать вполне то, что жаждала его душа, — Андреев, который выпускает в одном текущем году чуть не десятый рассказ, и совершенно бездарный, делаая огромную пометку о том, что право «перевода» закреплено за автором во всех странах!

Нет, нельзя по десяти раз в год спускаться, как ни в чём не бывало, в тёмную бездну человеческого падения, и если писатель для каждого нового выпуска альманаха готовит что-нибудь «ужасное», — значит, способность свою ужасаться он превратил в ремесло, страдания заменил писательской техникой, великую правду, которую должен возвещать писатель, подменил недостойной подделкой.

## УПАДОК «ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»

Есть такой писатель — В. Розанов.

Пишет он давно, много, обо всём и в разных изданиях.

Фигура замечательная. Писания его могли бы дать любопытнейший материал для изучения «идейного нигилизма». Полный беспринципности, самого беззастенчивого попраiania сегодня того, что только что защищалось вчера.

Меняются убеждения, меняются времена, события, настроения. И нельзя писателя упрекать за то, что он на протяжении десятков лет, может быть, и не раз, и не два, коренным образом менял свои убеждения.

Кто ищет, живёт и мыслит, тот не может не изменяться.

Но В. Розанов — нечто совсем другое.

Он пишет *единовременно* в нескольких изданиях и пишет совершенно разное.

Уж про то, что год или два назад он писал не то, что сейчас, — об этом даже и говорить не приходится.

Нет. Теперь, в один и тот же месяц, иногда день, в разных изданиях и разных городах, появляется нечто взаимно друг друга исключающее.

В каждом издании помещается то, что подходит под направление данного издания.

В «Русской мысли» — под «Русскую мысль». В «Московском еженедельнике» — под «Московский еженедельник» В «Новом времени» — под «Новое время». В «Русском слове» — под «Русское слово».

И что всего замечательнее, — что в каждом из этих изданий, помещая взаимно исключающие друг друга статьи, В. Розанов *искренен*.

Какое-то поистине сверхъестественное перевоплощение!

В самом деле.

В «Новом времени» — Розанов самый суровый консерватор, почти Меньшиков. До циничности беззастенчиво проповедует реакцию. В «Русском слове» — он защищает прогресс, обличает гасителей свободы на Руси, радикал, почти революционер. В «Русской мысли» — В. Розанов не только не христианин, он открыто вышучивает идею Божества и глумится над религиозным

мировоззрением, противопоставляя вере в промысел веру в «жёлтый рубль» (см. его статью о «Бранде») <sup>744</sup>. В «Московском еженедельнике» и, особенно, в «Русском слове» — он какой-то благочестивый церковный староста, в каждой почти статье осеняющий себя «крестным знамением».

Факт изумительный, в русской литературе беспримерный и в некоторых отношениях загадочный.

Не менее загадочным представляется и другой факт: отношение к В. Розанову русской печати.

Но здесь «загадочность» быстро рассеивается, если вдуматься в этот факт поглубже.

В самом деле, разве не странно, что В. Розанова, печатающего в «Новом времени» чудовищные вещи, как ни в чём не бывало пускают к себе «прогрессивные» издания? И странно, и нет.

Когда-то Вл. Соловьёв назвал В. Розанова за его статью о свободе совести — «Иудушкой» <sup>745</sup>.

Теперь этот «Иудушка» написал в «Новом времени» статью о революции, перед которой бледнеет всё написанное им двадцать лет назад.

За полной своей подписью В. Розанов пишет, что русские писатели — Чернышевский, Писарев, Добролюбов, гордость и утешение русского народа, — что вся молодёжь русская была гасительницей духа на Руси, что цензура и казни и всё, что пережила наша страна, — всё от них <sup>746</sup>.

Я спрашиваю, напиши что-либо подобное писатель двадцать пять — тридцать лет назад, — разве пустил его к себе хотя бы один уважающий себя журнал, хоть одна претендующая на влияние газета?

Никогда!

Мог ли бы «В. Розанов» появиться в «Русской мысли» рядом с именами Гольцева, Михайловского, Шелгунова, Глеба Успенского?

А с именами Струве и Кизеветтера <sup>747</sup> он появится как ни в чём не бывало!

Вы скажете: раньше было меньше терпимости к чужому мнению.

Нет! Было больше искреннего негодования при виде человеческой мерзости.

По поводу статьи В. Розанова пожимают плечами. «Оригинальный» Розанов, говорят они, напечатал возмутительную статью.

Вот и всё.

Но «оригинальный» Розанов присылает «прогрессивную» статью, и его печатают как ни в чём не бывало.

Вся суть не в широте, не в «терпимости», а в страшном упадке и разложении общественного мнения.

Нет в обществе живой силы негодования, и оно не может на мерзость ответить той силой презрения, которая была в нём раньше.

Скажете: «репрессии»?

Нет, тут дело не в репрессиях.

И раньше репрессий было столько же или почти столько же. Но общество умело любить своих вождей, выразителей народной мысли и народной совести. Умело любить и умело ненавидеть тех, кто осмеливался забрасывать их грязью.

А теперь «оригинальный» Розанов может плевать на них сколько ему вздумается, и все будут только пожимать плечами, а прогрессивные газеты и журналы печатают его статьи без малейшего опасения потерять доверие и уважение общества..

«Прогрессивным» органам бояться нечего! Они боятся только штрафов и общественного мнения.

Но за Розанова не штрафуют.

А общественного мнения в России сейчас нет.

## ХРИСТИАНСТВО И «ПОЛОВОЙ ВОПРОС»

(По поводу книги В. Розанова «Люди лунного света»)

### I

Никогда ещё Розанов не высказывался о «метафизике христианства» с такой определённой ненавистью.

Книга замечательная. Здесь однобокость и ложь доведены до последних пределов. Но, несмотря на эту однобокость и ложь, одно из самых больных мест в официальной церкви (не в христианстве) вскрыто с поразительной глубиной<sup>748</sup>.

Я разумею половой вопрос, двойственное учение о браке, отсутствие в современном христианстве твёрдого и правильного отношения к *физической* любви, к половому акту.

В. Розанов видит в христианстве — *иночество*. Отрицание брака. По его мнению, новое, что дало миру христианство, заключа-

ется в «бессеменности». Христианство задушило жизнь. Оно попрало основную заповедь Божию «плодитесь и размножайтесь». Оно превратило мир из чудесного райского сада в сухостой. В мире всё *пол*, потому что всё рождается из полового акта. Отрицая пол — христианство отрицает *мир*. Христианскому сухостю он противопоставляет жизнь древнееврейскую, исполненную постоянного полового напряжения. «Если “жёнство” хорошо, — говорит Розанов, — то многожёнство ещё лучше».

В чём заблуждение Розанова и каково подлинно христианское решение полового вопроса, об этом речь впереди, а пока нельзя не отметить правоты Розанова в той части, где он *критикует* существующее теперь отношение к половому акту.

С одной стороны, брак — «таинство», брак освящается Церковью. С другой стороны, половое отношение — нечто «грязное», что требует «очищения», как скверна.

Слова «могий вместити»<sup>749</sup> толкуются, по отношению *не могущих вместить*, как некоторое «неизбежное зло».

Отсюда заповедь святых (из Киевского Патерика): «Никогда в жизни ни с одной женщиной слова не говори»<sup>750</sup>.

«Нет супружества, семьи — и не надо», — это с одной стороны, а с другой — моление о том, чтобы потомство умножилось, как песок морской.

Полового акта стыдятся не только вне брака, но и в браке. И если бы кто-нибудь сказал бы, что новобрачных надо на первую ночь оставлять в храме, — это было бы принято как *кощунство*. Потому что, с точки зрения церковной, «Церковь» (святое) и половое сношение («грязное») ничего общего между собой не имеют.

А в результате, говорит Розанов: «У нас в старомосковскую пору новобрачных, даже незнакомых друг другу, укладывали в постель и они “делали”, — так и до сих пор русские “скидают сапоги” и проч., и, улёгшись, “делают” и затем засыпают без поэзии, без религии, без единого поцелуя, часто, без единого даже друг другу слова!»

То есть, другими словами, двойственное учение о половых отношениях фактически ведёт к *чудовищному разврату*, хотя бы брак и был «законный», и супруги были «верны друг другу».

---

Но что же из этого следует?

Только то, что современное учение *не право*, но никак не то, что *христианство* не право и что прав Василий Васильевич Розанов.

Допустим, что основное положение Розанова — *всё* есть проявление половой жизни — справедливо. При известном понимании слова «пол» оно даже несомненно справедливо. Но можно ли отсюда сделать вывод, что *половой акт* есть всё?

Разве *половая жизнь* (в высшем смысле слова) и физический половой акт — одно и то же?

Ведь пение соловья есть тоже проявление половой жизни, так же, как и спаривание его с самкой. Но следует ли из этого, что соловей должен перестать петь и *всю* свою половую энергию направить на физическое отношение с самкой?

Правильно чувствуя святость половых отношений, Розанов доводит это чувство до *лжи*, своей чудовищной односторонностью предлагая, чтобы вся половая сила уходила в деторождение, в многожёнство, в «физику». И, благодаря этой лжи, мерзость нашего современного двойственного отношения к браку заменяется мерзостью ещё большей, мерзостью розановской, кощунственной.

---

Для современного христианства жизнь есть «сон», от которого каждый должен стремиться как можно скорей «очнуться». Жизнь есть «испытание». Мы — странники. Земное существование — «необходимое зло», которое чем скорее кончится, тем лучше.

Современное христианство не любит *землю*. Не понимает её, не хочет её.

Отсюда — «нехотение» женщины. Презрение к самому яркому проявлению земной, плотской жизни — половому акту.

Если «отшельник», если современный официальный христианин взойдёт весной в лес и почувствует творческую, *физическую* жизнь природы, он должен почувствовать *ужас* — бежать в пустыню.

*Половая жизнь* природы для него — грязь и *бессмыслица*. Он почувствует, что и птицы, и травы, и цветы, и животные, и лес, и самое солнце, их согревающее, всё полно этого, заложенного в *душу земли*, стремления к единению мужского и женского начала, — почувствует и ужаснётся, что сам-то он часть этого леса, этих цветов и животных, часть *земли*, и потому и в нём есть это *земное*. Он готов будет не только отречься от этого: «не знаю сей земли», как Пётр отрёкся от Христа, но и проклясть её:

— Не хочу я этого. Не хочу *грязи*, будь она проклята!

Отсюда вывод: христианство, давшее идею *Бога-человека* (небо-земли), должно перестать «проклинать» землю, перестать отрёкаться от неё, признать, что она *святая*. Что лес свят, пение соловья свято, цветы святы и я, человек, желающий женщины, свят. Потому что я тоже земля и живу с нею единой жизнью.

Но я не только земля.

Если в природе жизнь небесная — бессознательная, «стихийная», выражающаяся в *красоте природы*, то в человеке она выражается в духовном *творчестве*.

Если еда и питьё есть *основа бытия*, то половое сношение есть *основа творчества*. Первая «физическая» ступень его. Человек не должен остановиться на этой ступени и уйти в «множёнство». Но он должен, приняв её как первую, святую ступень творческой жизни, восходить от неё дальше, восходить от земли-человека к небу-Богу.

Половой акт не есть необходимая «грязь». Из грязи «ангелы» не рождаются, а тем более дети Божии, — это есть великое и святое, но опозоренное, заплёванное, осмеянное и опошленное нами.

Всякий половой акт, когда он есть отказ от небесного, когда он исключительно материален, когда он «механическое соединение» двух тел, — он мерзок, хотя бы совершался с благословения какой бы то ни было Церкви и при полнейшей супружеской «верности».

Христианское решение полового вопроса гласит: половой акт есть *таинство*, потому что здесь не только соединение видимой физической природы, но и невидимой духовной индивидуальности<sup>751</sup>. На него имеет право только тот, для кого это не предмет «наслаждения», а первая ступень великого подвига: совместной творческой жизни. Тогда он свят *от начала до конца* — от самых интимных, «грязных» подробностей до самых возвышенных проявлений в духовном творчестве.

---

Современное отношение к браку как к «грязи» не уничтожило «разврата», оно его *породило*. Оно создало то подлое «подхихкивание», которое существует теперь по отношению женщины. Вся «холостяцкая» пошлость с гадкими анекдотами и страшной проституцией, всё питается идеей, что здесь «грязь».

Вместо благоговения получилось *глумление*. Все «стыдятся» и всё же «делают» с мерзким смешком, без тени сознания всей

ответственности, серьёзности и святости того, над чем они хихикают и о чём рассказывают в «курилках».

Унижена женщина, унижено творчество, самая цивилизация раздвоилась, и её видимая «духовность» бессильна и пуста, потому что не восприняла *основного* земного начала. Не восприняв основы, она «не дотянулась» и до небес, застыла «недоделанной» в полумёртвом бессилии.

Выход отсюда не розановский: это было бы равносильно возвращению к дикому состоянию, то есть отказу от всей мировой истории.

Выход в новом взгляде на половую жизнь, в новом взгляде на женщину, в новой *половой психике*, которая бы раскрыла всю святость, всё *религиозное значение* того, над чем до сих пор мы только издевались, что мы упорно втоптывали в грязь.

## II

Наш современный «брак» не только не «таинство», но нечто гораздо ниже стоящее, чем отношения полов в мире животных.

Там физическое соединение есть одно из звеньев животной жизни, инстинктивное стремление к продолжению *рода*. Но всё же есть нечто стоящее в той же плоскости, что и *вся жизнь* данного животного. Даже больше того. У животного в половой любви выражается наивысшая доступная ему творческая «духовная» способность. Ни в чём не выражается у животного такого количества *психических* свойств, как в отношении *потомства*, «гнезда», «детёныша».

И только у человека половой акт спускается на степень *ниже* — животную, *ниже* — природную.

Церковь, молясь о размножении, как песок морской, — как бы забывает, что размножение не с неба сваливается, что детей не аист приносит, а что ему предшествует физический акт. И твёрдо установив своё отношение к ребёнку, как к ангелу, она презрительно отвернулась от акта *зачатия*.

Она оставила своих «прихожан» в беспомощном религиозном состоянии по отношению к *основе* заповеди о размножении. Какое-то странное «благословение», за которым чувствуется «проклятие».

В Евангелии говорится, что всякий, смотрящий на женщину с вожделением, прелюбодействует с нею<sup>752</sup>. Отсюда, разумея под



вожделением *всякое* половое чувство к женщине, Церковь вывела заключение, что всякое половое чувство есть *прелюбодейство*. Если быть логичным, отсюда надо было сделать и последний вывод, что половое чувство к «законной» жене есть *тоже* прелюбодейство. Ведь ясно же, что, не имея к своей жене «вожделения», то есть не пожелав её как женщину, — мужчина не может иметь от неё детей.

Но сделать этот последний вывод Церковь не решилась. И в душе, скрыто, продолжая относиться ко всякому половому акту как к грязи, к «греху», к «прелюбодейству», — она в то же время *молится* о том, чтобы потомство умножилось, как песок морской.

В этом пункте обнаруживается до ужаса весь уклон исторического христианства от религии богочеловеческой (земли и неба) в сторону мёртвого аскетизма, землененавистничества.

Христианство должно сделать колоссальное усилие, чтобы творчески обновиться в этом пункте. По-новому, *религиозно* поняв брак, люди совершенно на новую дорогу поставят общее направление своей жизни. Брак — это не частный вопрос, а *центральный*. В нём сходятся как в центре, как в узле все нити, и, разрубив этот узел, сразу распутается большинство религиозных недоразумений.

«Половой вопрос», по-новому решённый, не на словах, не в «идее», а в жизни, путём создания новой *психики* брака, — обусловит коренное перерождение всей нашей жизни, ибо оно будет свидетельствовать, что изначальная ошибка исправлена и то *расхождение*, которое вследствие этой ошибки получилось, — окончилось.

В основе нашей культуры лежит христианско-аскетический идеал или животное-естественный, как реакция против «аскетизма».

«Культуру» создало творчество. Но наше творчество перешагнуло через *первую ступень*, через творчество физическое, оно начинает сразу со второй ступени, отвергнув единство с землёй, и потому оно всё отравлено ложью. Нет в нём плоти. Нет *богочеловечества*.

Оставляя пока вопрос о философском обосновании и *определении* того, что я разумею под новой христианской половой психикой, я укажу только на одну *внешнюю сторону*, только на ту плоскость, в которой должен быть решён этот вопрос.

Я утверждаю, что переживание современных людей при половом акте не имеет *ничего общего* с тем, что испытывают люди при деторождении (как мать, так и отец). Между тем, внутренне это должно было бы быть *единым процессом*:

Совокупление — начало его, рождение — конец.

«Половой акт» в нашей психике отделён какой-то *пропастью* от рождения ребёнка.

Ребёнок — это нечто «случайное». Мы, в половой психике нашей, совершенно не чувствуем его *неизбежность*.

Когда мужчина сходится с женщиной, в том «наслаждении», которое он испытывает, нет и тени, и зачатка того серьёзного чувства, которое испытывает к рождающей женщине каждый, даже самый легкомысленный мужчина.

Почему же это так?

Да потому, что половое переживание наше действительно «грязно», не религиозно — и ничего общего с рождением «ангела»-ребёнка не имеет. Но виною не «половой акт», а наши подлые души, которые от «аскетического идеала» усвоили только отрицательное, только то, что это «скверна», и, не став «аскетами», не улетев на небо, на самом деле попросту шлёпнулись в грязь.

Религиозное, святое половое чувство должно сделать это половое соединение таким, чтобы период беременности и затем рождение нового *человека* было бы чем-то психически последовательным, чтобы это было единым процессом, созданием новой индивидуальности.

Половой акт будет, повторяю, первой ступенью творчества. Здесь муж и жена, соединяясь *духом* и *плотью*, создают новое существо, в котором и душа, и тело пребывают нераздельно и неслиянно.

## ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

На последнем режиссёрском съезде в Москве одним из наиболее гучих был вопрос об отношении печати и театра<sup>753</sup>. Писатели, режиссёры, антрепренёры и артисты — все с полным единодушием признали ненормальность существующего положения, когда театр и пресса превращаются в два враждебных лагеря. Все

участники Союза сценических деятелей высказывали горячие пожелания, чтобы театр сблизился с литературой, чтобы ненужная распря, обессиливающая театр, и без того влачащий жалкое существование, наконец прекратилась.

Так обстоит дело в Москве, в Петербурге, а в провинции оно почти безнадежно: причиной тому, с одной стороны, положение провинциальной печати, с другой — провинциального театра.

В самом деле, что такое «театральная рецензия» в провинциальной газете? Десяток каких-то никому ненужных строк, которые печатаются потому, что полусонный обывательский глаз «привык» видеть отдел «Театральной хроники», привык читать фразы, которые уж он наизусть знает, которые ничего ему не говорят, но с которыми он сжился.

«Сидорова провела роль недурно», а «у Карповой были недостатки в интонации», а «Иванов, как всегда, имел успех». Для кого пишутся эти рецензии? — Решительно не понимаю! Не для артистов, потому что «недостаток интонации» ничего не говорит ни его уму, ни его сердцу. Не для читателей, потому что читатель наскоро пробегает об «низвержении Абдул-Гамида», потом о холере, потом о Цепелине<sup>754</sup>, потом о смертных казнях, дальше: аресты, самоубийства, сгорел синемаграф, задержание рецидивиста, кампания против Столыпина... Ну, а вот и «театральная хроника». Что там? Да... Карпова... успех... интонация... Всё в порядке, всё на своём месте. До завтра.

А положение театра? Ещё хуже. Публика требует почти ежедневно новых пьес. Артисты не могут не только вдуматься, но даже выучить своих ролей. Публика жаждет «сильных ощущений», и ей надо пьес с пальбой, с кровью, а если можно, то и с пожаром. Театр пустует. Настроение подавленное. И артист, вместо того чтобы развиваться, приучается к неряшливой, «ремесленной» игре.

И печать, и театр — эти две великие культурные силы — одинаково задыхаются в пыльных, душных, надолго заснувших провинциальных городах. Они должны сознать общность своих задач и громадную ответственность своей работы. Серьёзно и настойчиво делать своё *общее* дело.

Всё это я говорю как некоторое предисловие не к отчёту о позавчерашней пьесе «Белый ангел», а вообще к «театральным заметкам». Довольно «интонаций». Пора бросить священную охрану всех обывательских привычек: а то, мол, вдруг почует,

что тут что-то «по-новому» написано, — да и проснётся! Театр не «забава», и театральная критика не «виньетка», которую глаз привык встречать на определённом месте газеты.

Собственно о «Белом ангеле» скажу несколько слов. В художественном отношении пьеса ниже всякой критики. Девушка, уходящая из богатой семьи к рабочим, генерал, которого «обогнала жизнь», молодой человек с моноклем, — всё это избито, старо, захватано до последней степени. Мысли пьесы банальны, их в России знают наизусть — от сановника до волжского крючника, что «надо сочувствовать всем лучшим стремлениям народа», но что слова — одно, а дело — другое. Об этом надо или говорить с *новой* силой, или молчать. <...><sup>755</sup>

---

В отдельных формах искусства есть нечто, что в самой глубине соединяет их в один общий источник: имя ему — *красота*.

А в красоте всегда два лика, два идеала: «идеал Содомы и идеал Мадонны».

И в искусстве всегда отражается внутренняя борьба в душе художника, борьба Добра и Зла, Земли и Неба, Бога и Сатаны.

Но есть такая вершина созерцания, при которой борьба эта в искусстве разрешается высшей и окончательной гармонией: таковы в поэзии Данте, Гёте, Пушкин, в драме Шекспир, в живописи Рафаэль, в музыке Моцарт. Это гении *особого типа*.

Искусство пластики — самое древнее и самое спорное. Спорным его сделала наша «не солнечная» жизнь, лишённая красоты классической древности, заменившая Акрополь биржей, выкрашенной жёлтой краской. Искусство пластики превратилось в «похотливое» удовольствие, приуроченное для ослабевших «тайных советников», занимающихся «мелким развратцем». Дункан — явление исключительное. Почти невероятное. Она то же в пластике, что Пушкин в поэзии. И может быть, Дункан умрёт, не оставив ни «школы», ни достойных преемниц, но, сама по себе, она истинная служительница подлинной *классической* красоты.

Меня поражала в Дункан необычайная *серьёзность* зрительно-го зала. Ни малейшей поганой «игривости». Ни малейшего намёка на «балетное» отношение к танцам.

Дункан не красавица. Но у неё хорошее, умное, интересное лицо. Она не выставляет себя как «женщину», напротив, она даёт чувствовать «универсальную» красоту, выходя раскланиваться,

она не унижается до пошло-слащавых улыбок: всё в ней строго, правдиво, одухотворённо.

Такова Дункан.

Ну, а Артемис Колонна? Да одно слово — «наоборот»<sup>756</sup>. Досадно, что по новым путям, которые прокладывает Дункан, двинулись такие «дамы». Незачем им раздеваться и показывать перед «интеллигенцией» свою доморощенную грацию. Женщина и женщина! Таких тысячи. Движенья ничего не выражают, с музыкой никакого отношения не имеют. Так и хочется сказать: «Оденься, голубушка, и ступай себе домой, к мужу, к детям. Ведь стыдно же ходить полуголой». На то, чтобы обнажаться публично, надо иметь право, это право даётся сознанием своего таланта, который «голую» женщину превращает в «нагую», «пляску» — в танцы, «движения» — в пластику.

Царицынская интеллигенция чинно сидела и со вниманием рассматривала, как полная женщина бегала по сцене, довольно высоко поднимая ноги. Ноги, впрочем, довольно красивые, и, может быть, «интеллигенция» удовлетворена.

А после «всемирно известной» — шли «Бубны козыри»<sup>757</sup>. Спасибо от души артистам. Я прямо отдохнул после кривляний «знаменитости». Бойкая, смешная комедия. Конечно, в Афины с ней не поедешь, но, по крайней мере, без претензий.

---

Вчера был поставлен одноактный драматический этюд «Красный цветок» <...> Право же, все мы в жизни изолгались и искривлялись до последней степени. Хоть на сцене-то хочется увидеть что-нибудь правдивое. <...> В простоте и правдивости — вся сущность и вся сила артистического таланта. И актёры, как и все люди, конечно, и позируют, «изображаются» в жизни, — оставьте же это для своих добрых знакомых, а для нас, зрителей, будьте искренни до конца. Надо заставить зрителя поверить. И я поверил Надежде Модестовне, что ей тяжело жить с ограниченным, самодовольным мужем, что душа её изболелась по настоящей поэзии, что её пугает мысль, что всё сильное, смелое — в то же время и злое, а добро или бессильно и слащаво, или бесцветно. Я поверил, и потому «вошёл в её положение». Не было ничего сантиментального, никаких наивно-удивлённых глаз, а настоящая женщина, каких тысячи, тоскующая от пошлости и пустоты жизни. Поверил я и в душевную тоску Незнакомца, в его «исключе-

чительность», в то, что такой человек и мог, и должен был сойти с ума. Гаршин бросился в тёмный пролёт лестницы, и я верю, что Незнакомец в *жизни* обязательно кончил бы тем же.

И сам драматический этюд «Красный цветок» — вещь небольшая, не сложная, не Бог знает уж какой яркости, но искренняя и задушевная. Впрочем, я неравнодушен к Гаршину, и ко всему, что хотя бы косвенно его касается, не могу относиться беспристрастно.

Одно маленькое замечание. Нехорошо, что актёр приколол себе красный цветок на грудь, как какую-то бутоньерку. Для Незнакомца этот красный цветок слишком большая драгоценность, и слишком он ревниво его оберегает, чтобы выставлять напоказ.

## СТРАШНЫЙ ЦВЕТОК

Лопухин приговорён к пятилетней каторге, азефовщина ликвидирована<sup>758</sup>. Сенат оставит кассационную жалобу без последствий — и официально все счёты с ней будут кончены.

Но в общественном сознании никогда не умрёт имя Азефа как чудовищный символ той беспримерной эпохи, в которую мы живём. Даже больше. По мере того, как общество будет оживать, оправляться от кровавых кошмаров, образ Азефа всё с большей яркостью будет вставать перед нами во всём ужасающем своём безобразии. И может быть, много лет спустя, глядя на этот символ нашей эпохи, — мы не поверим, что у нас хватило сил пережить то, что мы, придавленные и отупевшие, переживаем сейчас.

Когда-то исстрадавшийся, полубезумный Гаршин увидел над всей человеческой жизнью красный цветок. Он был красным потому, что на него капля за каплей вытекала кровь из великого сердца Гаршина. И в этом цветке, пропитанном мученической кровью, — отразилось всё зло, все слёзы мира.

Если бы жив был Гаршин сейчас, какой цветок увидал бы он над нашей исстрадавшейся землёй? Красный цветок, подобный маховому маку? Нет, он увидал бы цветок-чудовище, который, как призрак, виден только в глухую ночь; увидал бы он отвисшие губы, толстую короткую шею, тяжёлые безжизненные глаза, лицо колдуна из «Страшной мести»<sup>759</sup>. И в этом цветке отразилось бы зло, о котором и не снилось великому писателю.

Торжествующее предательство, наглая, самодовольная, грубая сила, издевающаяся над правдой, коварство, беспримерная лживость, алчность Каина, продающего своих братьев и нанимающего на эти деньги кокоток. Он увидел бы, что цветок вырос на человеческих трупах, полит слезами матерей, у которых отняли детей их, вырос в нашей беспроектной общественной атмосфере. Увидел бы и силу творчества своего — показал бы страшный цветок нам<sup>760</sup>.

## БЕЗ ОГНЯ

Грязь, сплетня, клевета, заведомо ложная, но всегда достигающая своей цели, — орудие борьбы не новое в России. Но последние годы, когда в стоячем болоте русской жизни признаки страшного морального разложения становятся видимыми для слепых, — грязь и сплетня, как наилучшее средство покончить с ненавистным противником, вошли в моду.

И смерть Пергаменты<sup>761</sup>, которую, правильно или нет, поставили в связь с грязными обвинениями заведомых шантажистов, направленными против него, — должна заставить русское общество с ужасом оглянуться на ту духовную атмосферу, в которой мы живём и к которой незаметно привыкаем.

Пергамент сам по себе — величина сравнительно небольшая. Но смерть Пергаменты — явление громадное. Россия увидела в ней апофеоз безудержного клеветничества и лжи, которые являются чуть ли не главным содержанием всей тихой обывательской жизни, — Россия почувствовала в смерти Пергаменты грозный симптом общественного разложения, когда люди по горло увязли в тине и последние силы свои тратят не на то, чтобы вырваться прочь, а на то, чтобы с головой окунуть в грязь друг друга.

Есть что-то загадочное в психологии сплетничества. Какие-то могущественные и универсальные законы человеческого духа её обуславливают. Давно все по личному опыту убедились, что дым без огня *бывает*. Что отвратительный чад подымается без всякого огня из пустых человеческих душ. И всё-таки каждая пущенная в оборот гнусность, заведомо и явно недобросовестная и ни с чем несообразная, делает своё подлое дело. Ей не верят, а она идёт гулять по свету, или по грязному городу, или по небольшому кварталу, — ползёт, шепчет, передаётся по углам из одних уст

в другие, — и в результате комок грязи прилип к человеку. А ведь этого только и нужно. И за одним комом другой, за другим третий. И все стоят в грязи, и все не верят. И всё же плетут свои сплетни, в которых бессильно бьются и задыхаются сами.

Сплетня сильнее человека. Это давно поняли клеветники и действуют с верным расчётом. Они знают, что в человеке есть потребность верить дурному. Что есть потребность подвергать сомнению хорошее. Потому что хорошее обличает нашу совесть, тревожит, побуждает к деятельности. Усумниться в хорошем человеке — верное средство избавиться от стыда перед ним за свою грязь. Вот почему ловит человеческое ухо всякую грязную ложь, вот почему каждый ищет в действии другого грязных мотивов, своё предположение незаметно превращает в факт и тем становится прямым или косвенным участником клеветы и грязи. Отвлекитесь от своих мелких и сереньких сплетен, в которых не столько грязи, сколько пыли. И посмотрите на сплетни «всероссийские» — в них вы увидите чудовище во всём его безобразии.

Пушкин был облит грязью, измучен гнусными анонимными письмами и погиб от руки бездушного клеветника.

Гоголь, исстрадавшийся больной, умолял друзей своих не верить клевете, которую распустили о нём в Петербурге: будто бы «Переписку с друзьями» он написал для того, чтобы получить место воспитателя у великого князя.

Тургенева уличали в том, что у него есть глухонемая незаконная дочь, которую он бросил на произвол судьбы.

Достоевского — в том, что он нарочно добился закрытия «Эпохи», чтобы воспользоваться подписными деньгами, и хотя он из последних средств своих выплачивал долги умершего брата, клевета эта долго ещё отравляла его многострадальную жизнь.

Кому неизвестны бесчисленные сплетни, окружавшие имя Некрасова, в которых истина перемешивалась с самой дикою ложью.

Надсон погиб преждевременной смертью от злобной клеветы Буренина<sup>762</sup>. И хотя Буренин был за это публично избит на Невском палкой, но Надсона не стало. И ложь могла праздновать свою победу. А как травили всю жизнь Вл. Соловьёва, в чем только его не обвиняли, до увоза чужих жён включительно. Даже смерть не избавила его от клеветы. У еп. Антония Волынского поднялась рука бросить в покойника грязью и написать о том, что Вл. Соловьёв умер от пьянства.



Это всё прошлое. Это история.

Но и в настоящем слишком довольно.

Какой грязью обливаются в московских и петербургских кружках сложные, но безусловно чистые отношения Мережковского, Гиппиус и Философова. Вячеслава Иванова обвиняли в том, что он какой-то патриарх содомского греха и благословляет содомские браки. Свенцицкого — в систематическом соблазнении девиц и дам. У А. Белого будто бы была грязная история с женой А. Блока. И что будто бы Г. Чулков вызывал его на дуэль.

Не перечтёшь, не перескажешь всего, что говорят писатели друг про друга, не разорвёшь паутины, которая крепче металла, не вырвешься на воздух из духоты и пустоты. И это там, где живут передовые, лучшие, культурнейшие люди России. А что же провинция? Думать страшно. Здесь кишит в грязи и смраде, как миллионы паразитов, бесконечная сплетня, безудержная ложь.

Смерть Пергамента на миг осветила светом своим, куда мы зашли и как мы живём. Мы отупели, опустили, привыкли. Но ведь жить так дальше нельзя. Люди поймут это. Они понимают уже. Гниют наши души. Пустым становится сердце. Ещё несколько лет проклятой спячки, и в России начнётся такое разложение, такой смрад, что гибель будет неизбежной.

Когда душно, люди молят, чтобы Господь послал грозу.

О, если бы гроза! Если бы наконец гроза!

## ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ КРИСТИ

**В**ладимир Григорьевич Кристи убил кн. Трубецкого <sup>763</sup>.

Газеты будут писать об этом, строить догадки, судить и пересуживать.

Им дела нет до мучительной драмы души человеческой, лишь бы поскорей удовлетворить жадную до всяких «скандалов» публику.

Публика не только любит скандалы, но обязательно с некоторым оттенком «грязи», и потому газеты спешат приплести какие-то «денежные дела». Кристи, мол, был страшно богат. Опека и прочее...

И ещё какие-то «намёки», столь же прозрачные и столь же гадкие.

Для близких к Владимиру Григорьевичу лиц случившееся несчастье не только «неожиданно», но в нём есть нечто нелепое, дикое, невозможное.

Об этом ужасе я узнал только сейчас, в редакции, и не могу собраться с мыслями, опомниться не могу. Но газетные помои, которыми уже спешат облить бесконечно дорогого и близкого человека, так возмущают душу, что хочется хоть наспех, хоть разбросанно, но сказать *настоящую правду* об нём.

---

Владимир Григорьевич Кристи известен в московских кругах как один из самых горячих и искренних учеников Толстого.

В семье его считали «чудаком», фантазёром, который может «погубить» себя своими «увлечениями». В самом деле, разве не фантазёр — сын московского губернатора, аристократ, богач, стремящийся «раздать имения свои», жить по-мужицки, пахать землю?

Я познакомился с ним лет шесть тому назад, на заседании одного «учёного» общества. Ко мне подошёл мой друг И. А. Беневский, тоже «толстовец», но более счастливый, чем Кристи, потому что отец его «генерал» не помешал ему жить «по-новому».

Беневский сказал: вот с Вами хочет познакомиться мой друг Владимир Григорьевич Кристи. И он подвёл ко мне молодого человека с таким тихим, милым лицом.

Мы сошлись быстро. Часто виделись. О многом говорили <sup>764</sup>.

Я скоро узнал всю драму его жизни.

Она заключалась в непримиримом противоречии идеальных стремлений и внешних обстоятельств.

У него была жена, маленькие дети. Жена не хотела уходить из светской жизни. Она не разделяла его увлечений.

А он до самозабвения любил жену и уступал ей, страдая мучительно от своего «компромисса». Как он завидовал нам, что мы «свободны» и можем устраивать жизнь по-своему, как он трогательно, благоговейно относился к И. А. Беневскому, у которого слово не расходилось с делом.

Но как быть?

Разорвать с семьёй?

Сил нет. И любовь, и долг перед детьми мешают. Заставить переменить «убеждения» — не в его власти. Принудить насильно жить по-своему? Но это и противоречит его принципам, и на это он органически не способен.

Оставалось одно — *жить*. Терпеть, страдать молча и ждать, что когда-нибудь всё изменится.

Отец боялся, как бы сын не выкинул какую-нибудь «штуку», и, желая изолировать его от вредного влияния друзей, отправил за границу изучать «виноделие»! И через два года подарил ему в Бессарабии прекрасное имение в полную собственность в надежде, что сын «остепенится» и выбросит дурь из головы.

Но «дурь» засела слишком глубоко, и Кристи писал из-за границы письма, в которых ясно чувствовалось, как он тоскует и рвётся к трудовой, простой жизни, как душно ему в «свете», какой он чужой там человек...

И вот теперь Владимир Григорьевич — и убийца?!

Это кошмар какой-то. Кто угодно «убийца», *но не он*. Я не встречал человека более мягкого, тихого, всё и всех прощающего.

А уж говорить что-то о «деньгах» — прямо кошунство.

Я помню, как в голодный год пришлось обратиться к нему с просьбой оказать помощь крестьянам Тетюшского уезда<sup>765</sup>.

И вот он давал деньги. Много денег. И извинялся, страдал, стыдился, что «мало даёт», потому что деньги не его, надо брать у отца.

Я не знаю, что натолкнуло его на убийство.

Но знаю, что когда *такой* человек совершает преступление — страдание его бывает безмерным. У меня лично немного бывало друзей — Кристи едва ли не самый из них близкий. Вот почему я в данном случае могу по-настоящему отнестись к человеческому страданию.

Так бы надо всегда относиться. Да что поделаешь — не хватает любви к людям.

Как бы ни было, никогда я не соглашусь назвать его «преступником». И твёрдо верю, что, если ему суждено пойти на каторгу, всё же и оттуда он вернётся *человеком*, и жизнь его для общества не пройдёт незамеченной. Страшная драма сбросила его в пропасть. Но он принадлежит к числу настоящих искателей Бога.

Такие люди в конце концов всегда находят то, что ищут, и жизнь таких людей никогда не проходит бесследно.

## КТО ВИНОВАТ?

Никто так не позорит и не плюёт на русскую жизнь, как наши «патриоты». При этом обнаруживается какое-то изумительное извращение логики и даже простого здравого смысла. Состояние совершенно безнадежное; гораздо более безнадежное, чем самая очевидная и сознательная «лживость».

По поводу убийства кн. П. Н. Трубецкого в «Новом времени» А. Столыпин радуется, что наши отцы и матери не дожили до теперешних дней: «Какое для них счастье, что они не могли ни дожить до нашего времени, ни предвидеть тех ужасных форм, в которые выльется русская жизнь. Гнусное, преступное и сумасшедшее время, окутанное позором и бесславием»<sup>766</sup>.

Пусть так. Но кто же виноват?

И вот логика: «Дьявольская стихия интеллигентщины, толстовщины, революционной разнузданности».

Не сами ли патриоты считают «интеллигентщину» ничтожной каплей в море «русского народа», не по ихней ли патриотической дороге целые столетия шло русское государство? Не они ли охраняли всеми доступными «орудиями» русский народ и от «интеллигентщины», и от «революционной разнузданности». Казалось бы, для всякого здравого человека ясно, что виноват в гнусности нашего времени тот, кто *руководил жизнью*. С него и надо спрашивать. И не ясно ли, что «сумасшедшая» современная жизнь несёт осуждение, прежде всего, всем тем условиям русской жизни, которые действуют и по сие время. Не втискивайте жизнь в узкое русло, дайте ей свободный простор и тогда посмотрите, долго ли продлится «гнусность» нашего времени.

Возьмите пример из этой же драмы, из которой берёт его и Столыпин: убийство Трубецкого.

Я был очень близок с В. Г. Кристи и знаю, что его почти силой заставили жить в «обществе», всячески мешали жить по-«толстовски», сесть на землю. Даже за границу отправили учиться «виноделию», чтобы от друзей увести, а потом подарили имение, чтобы он «остепенился».

И вот спрашивается: случилось ли бы это страшное убийство, если бы душу Владимира Григорьевича не насильовали и дали бы ему свободно «самоопределиться»? Разумеется, нет. Он давно бы ушёл от всего этого, от всех этих прогулок на автомобиле, от всей сумасшедшей обстановки светской жизни.

Я никого не сужу, но убеждён, что в самой глубокой основе виновны в этом убийстве те, кто насильовал духовную жизнь *человека*.

Точно так же виновны в одичании нашего времени те, кто проповедовал насилие над духовными стремлениями *народа*<sup>767</sup>.

# КОММЕНТАРИИ И ТОЛКОВАНИЯ

## Великая разруха

МГК. 1911. 3 июня. № 126. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий. Эта и три следующие статьи имели общий надзаголовок «Письма ко всем».

<sup>1</sup> Ср.: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (*Достоевский*. 5, 174).

<sup>2</sup> Розанов в статье «Богатый и убогий» (1911) сказал «писатель», а не «критик».

<sup>3</sup> *Измайлов* Александр Александрович (1873—1921) — критик, автор пародий на писателей-современников.

<sup>4</sup> Ср. нынешние попытки правительства РФ обуздать коррупцию.

<sup>5</sup> 24 сентября 1908 Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, административное управление которой ей было предоставлено в 1878, а Россия, по настоянию П. А. Столыпина, 10 марта 1909 признала законность захвата. Эта постыдная капитуляция получила название «дипломатической Цусимы».

<sup>6</sup> Неточная цитата (*Толстой*. 26, 379), подр.: *С-И*. Прим. 538.

<sup>7</sup> В начале XX в. средняя продолжительность жизни человека в развитых странах приближалась к 50-ти годам (в России — 30, в основном за счёт детской смертности), а век спустя почти достигла 80-ти. Стало ли от этого больше праведников?

<sup>8</sup> «А ещё многие думают, что до революции всё было будто бы прекрасно... Нет и нет! Столбы уже подгнили... и никакие подпорки не могли исправить нашего дома» (*Вениамин (Федченков)*, митр. О вере, неверии и сомнении. М., 1992. С. 36).

<sup>9</sup> «...Вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать... Россию нельзя спасти без энергичного, деятельного народного участия» (*Солженицын* А. Россия в обвале. М., 1998. С. 187, 192).

<sup>10</sup> «Я ведь говорю не об истине догматов православия, об этом нет и спору, не о той единой Святой Церкви, Церкви живых и мёртвых, о которой писал Хомяков, но о церкви исторической, если можно

так выразиться, — церкви, в которую необходимо внести этого жизненного элемента... Если Запад грешит развитием личности, то мы, кажется, грешим безличностью, т. е. уничтожением личности всюду... и преимущественно в сословии духовном и в жизни церковной» (Аксаков. 2, 226).

### Война

МГК. 1911. 8 июня. № 130. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>11</sup> Во II Гаагской конференции 1907 участвовали 44 государства, их главной задачей была разработка мер по ограничению вооружений и обеспечению всеобщего мира.

<sup>12</sup> *Камаровский* Леонид Алексеевич (1846—1912) — заслуженный ординарный профессор ИМУ, в 1907 преподавал международное право на IV курсе, с 1909 декан юридического ф-та, чл.-кор. Академии наук (1910); лекции по вопросам сохранения мира читал во многих городах. В 1880-х правоведец и пацифист был куда трезвее: «Ничтожнейший повод будет достаточен для того, чтобы во всей Европе загорелся огонь всеобщей войны».

<sup>13</sup> Очередное, сбывшееся в 1914, пророчество Свенцицкого.

<sup>14</sup> Правила 8, 55 свт. Василия Великого. Указывая на них, еп. Агапит (Горачек) писал: «Так Церковь побуждала осмыслять пролитие крови, независимо от причины его, как нарушение Божией заповеди, потому что умирал человек — личность, сотворённая по образу Божию» (*Митрофанов Г.*, прот. Трагедия России. СПб., 2009. С. 4). См. о подвиге прощения: С-II. 260–262.

### Народ забыли...

МГК. 1911. 15 июня. № 136. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>15</sup> По примеру Шведской противотуберкулёзной ассоциации, проводившей схожий благотворительный праздник с 1908, Всероссийская лига борьбы с туберкулёзом организовала в крупных городах страны сбор средств на лечение больных: цветы продавались за символическую плату. В Москве 20 апреля 1911 было собрано около 140 тыс. руб., в Петербурге — более 100 тыс., в Казани — более 18 тыс. После долгих дебатов, 8 июня 1911 акция прошла и в Царицыне. В наши дни традиция возрождается.

<sup>16</sup> Ср. интеллигентские сетования: «траурная кайма не сходила с ногтей Свенцицкого, а где он ни сиделся, всюду стоял спёртый воздух» (*Вишняк*. С. 169); «запах немых ног — импрессия, чисто моральная» (*Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 299).

<sup>17</sup> Что же удивительного в резне, начавшейся в 1917? Она готовилась веками.

<sup>18</sup> Схоже отзывался об этом сщмч. Иларион (Троицкий) в статье «Об увеселительной благотворительности» (Христианин. 1911. Ноябрь. С. 634–640).

## Преступление и наказание

Трудовая копейка. 1911. 11 июля. № 29. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>19</sup> Свенцицкий несколько раз посещал А. С. Краснова в Тобольской каторжной тюрьме, подр. см.: Наст. изд. С. 420.

<sup>20</sup> «Административным дознанием подтверждается факт жестокого обращения с воспитанниками в приюте, которых, без ведома директора, почти ежедневно подвергали избиению... Часто били до потери сознания. Сажание воспитанников в голом виде в карцер с рубчатыми полами широко практиковалось воспитателями» (НЗ. 1911. № 20. С. 5).

<sup>21</sup> *Рукавищниковский приют* — исправительная школа в Москве для состоящих под следствием или судом детей до 14-ти лет. 18 января 1911 сторож приюта Савельев убил 14-летнего питомца Затевахина, нанеся ему три удара железной кочергой, и получил за это год (!) тюрьмы. Ср. события в подмосковном филиале: «В колонии при штате в 80 мест, находится всего 33 воспитанника. Из них 14 были посажены в карцер. [Остальные] освободили товарищей. ...20 воспитанников сбежали... В колонии дежурят стражники» (Новое время. 1911. 30 сентября).

## Маленькие письма

Пойдём за Ним. 1908. № 2. 27 апреля. С. 13–15. Подпись: Вал. Свенцицкий.

«Популярный народный журнал» издавался в Ростове-на-Дону И. П. Брихничёвым; о подготовке первого номера он извещал Ельчанинова 16 марта (ОР РГБ. Ф. 109, к. 13, ед. хр. 77), с апреля по июнь вышло 8 номеров.

## Надо ли поддерживать «висящее на ниточке»?

Новая Русь. 1910. 11 февраля. № 41. С. 6. Отдел «Звезда утренняя»; НЗ. 1910. № 5. Октябрь. С. 14–16. Подпись: Далёкий Друг.

«Письма одинокого человека» имели в «Новой Руси» и «Новой земле» разную нумерацию, в последнем случае она часто искажалась; порядок определён по хронологии.

13 октября 1910, через три дня после получения, МКДП наложил арест на НЗ. № 5 и 15 октября просил прокурора МСП привлечь к судебной ответственности редактора Алексея Павловича Готфрида за напечатание этой статьи, якобы «возбуждающей к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (ст. 129, п. 2 УУ). Редакция не замедлила оповестить об этом читателей (НЗ. 1910. № 6. С. 14). 23 октября МСП утвердила арест, хотя фактически он осуществлён не был, и отпечатанный в количестве 6000 экз. номер получил распространение. На допросе 8 марта 1911 Готфрид виновным себя не признал, т. к. «статья, в содержании которой он не находит ничего преступного, была перепечатана им целиком из газеты “Новая Русь”, редактор которой за эту статью никакому взысканию подвергнут не был». На том следствие и за-

вершилось (ЦИАМ. Ф. 31, оп. 3, д. 1208. л. 1, 5; Ф. 46, оп. 4, д. 16, л. 15; Ф. 131, оп. 77, д. 129. л. 2–4; Ф. 142, оп. 17, д. 2446).

<sup>22</sup> VI съезд земских и городских деятелей проходил 6–7 ноября 1905 в особняке Арсения Абрамовича Морозова (Москва, ул. Воздвиженка, д. 16). На открытии И. И. Петрункевич провозгласил: «Считаю себя и всех нас революционерами». Большинство делегатов проголосовало против созыва Учредительного собрания, но потребовало всеобщего, равного и тайного голосования на выборах в ГД и наделения её учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя. Надежды председателя Совета министров С. Ю. Витте на безоговорочную поддержку не оправдались, и он отказался принять делегацию съезда.

<sup>23</sup> *Щепкин* Николай Николаевич (1854–1919) — земский деятель, член «Союза освобождения», один из создателей и член ЦК кадетской партии, депутат III и IV ГД.

<sup>24</sup> См.: *С-П*. Прим. 487.

<sup>25</sup> Ср. пер. В. Г. Адмони стихотворения «К моему другу, революционному оратору» (1869): «К чему двигать пешками? Кулаком / Всю доску смахните — я ваш целиком» (*Ибсен Г.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1957. Т. 4. С. 560).

### «Ни Богу свечка — ни чорту кочерга»

Новая Русь. 1910. 25 февраля. № 55. С. 6. Отдел «Звезда утренняя». Подпись: Далёкий друг.

<sup>26</sup> *Булгаков С.* Революция и реакция (Неполитические размышления о политике) // Московский еженедельник. 1910. № 8. С. 23–36.

<sup>27</sup> Мк. 3, 17.

<sup>28</sup> Ср.: *Деян.* 26, 24.

### «Шалуны»

Новая Русь. 1910. 4 марта. № 61. С. 6. Отдел «Звезда утренняя»; *НЗ*. 1910. № 4. Октябрь. С. 7–10. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>29</sup> Сб. «Проблемы идеализма» вышел из печати 16 ноября 1902. В семинаре П. И. Новгородцева, где он обсуждался, Свенцицкий тогда не участвовал, т. к. поступил в ИМУ летом 1903 (ср. ошибочное свидетельство: *Вишняк*. С. 70). Рецензия литературного критика и переводчика Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) появилась в ж. «Вопросы философии и психологии» (1903. Кн. 67 (2). Отд. 3. С. 333–334).

<sup>30</sup> *Бердяев Н.* О новом религиозном сознании (Д. Мережковский) // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 147–188. В ответном открытом письме «О новом религиозном действии» Мережковский восклицал: «Главное, мы вместе. Вы полюбили не меня, а моё. Это великая радость... Вы подписали святой и страшный договор... Вы не отступите?» (Там же. № 10. С. 358–376)

<sup>31</sup> *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907; *Его же.* Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.



Ср.: «Он колеблется и сотрясается при каждом порыве ветра. Дует марксизм — Бердяев — марксист. Стало спускаться с высот Достоевского и Соловьёва веяние “идеализма” — Бердяев охватывается им. Мережковский поднял свою бурю в стакане воды, и вот в числе наэлектризованных им — Бердяев. Он, как эхо, откликается на нищезанятство. Он отражает духовные бури Ибсена. Теперь он “вдохновляется” штейнерианством. ...Послушный и бессильный рупор воздушных сил» (*Эри В. Сочинения. М., 1991. С. 364–365*).

<sup>32</sup> Поэт Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) создал термин «кларизм» (лат. *claris* ясный) в августе 1909, М. А. Кузмин в статье «О прекрасной ясности» (Аполлон. 1910. Январь) именовал им новое течение в русской поэзии. 12 марта 1909 в ПРФО открылась секция по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства. В. И. Иванов 20 декабря 1909 выступал на её заседании при обсуждении доклада Д. В. Филоософова «О современных религиозных течениях в католичестве».

<sup>33</sup> «*Факелы*» — литературные альманахи, издаваемые в 1906–1908 прозаиком и поэтом, теоретиком мистического анархизма Георгием Ивановичем Чулковым (1879—1939).

<sup>34</sup> Ср.: «Я был всегда и остаюсь непримиримым противником самодержавного строя» (*Булгаков С. Церковь и государство // Вопросы религии. М., 1906. Вып. 1. С. 54*); а спустя 17 лет: «Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие... хотел Россию только с Царём» (*Булгаков С. Тихие думы. М., 1996. С. 331–332*). Черту «ушибленных марксизмом писателей, которые потом проделали любопытные эволюции кто в сторону идеализма, кто даже в чистую церковную ортодоксию», подметил П. С. Юшкевич: «Ущемление от марксизма осталось у них... Они никак не могут окончательно развязаться с отравой марксистского учения, сросшегося... с их собственной плотью» (цит. по: *РФОП. С. 174*).

<sup>35</sup> В салоне Мережковских заседали до 3–4-х часов ночи; «среды» Вяч. И. Иванова начинались после полуночи, хозяин ложился в 8 утра, вставал к обеду (*Белый А. Начало века. М., 1990. С. 461, 353–355*).

<sup>36</sup> Правоту определения признал и один из шалунов: «Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает» (*Розанов В. Опавшие листья: Лирико-философские записки. М., 1992. С. 473*).

### **Русский «братец» и заморский «проповедник»**

Новая Русь. 1910. 11 марта. № 68. С. 6. Отдел «Звезда утренняя». Подпись: Далёкий друг.

<sup>37</sup> *Беневский* Иван Аркадьевич (1880—1922) — участник ХББ, многократный посетитель и корреспондент Л. Толстого, который говорил о «его глубокой религиозности, милой доброте, особенности: придаёт значение крестному знаменю» (*Маковицкий Д. У Толстого. 1904–1910. М., 1979*) и 25 июля 1905 отмечал: «Беневский писал... во-первых, что Иисус — Бог; второе — что рад, что я молюсь. Я ему ответил:

“Если бы Иисус был Бог, то для меня разрушилось бы понятие о Боге. И что хотя я молюсь каждый день, но считаю, что это слабость”» (*Толстой*. 75). Считал, что «обладание землёй как собственностью несогласно с евангельским учением» (*ИЗ*. 1912. № 13/14; *Жизнь для всех*. 1912. № 2. С. 349–351). В 1910 отказался от прав на полученное по наследству имение (пос. Дубровка, Орловская губ.), передал землю второму Немецкому сельскому обществу и организовал на ней толстовскую сельскохозяйственную общину, где работали все члены семьи Беневицких; с 1915 там действовала колония для детей-сирот. В Семиреченской обл. искал свободной земли для земледельческой общины вегетарианцев (*дневник путешествия: ГМТ. Ф. 4, оп. 2, № 22*).

<sup>38</sup> Беневицкий тоже записал свои впечатления: «В воскресенье 7 марта, “в неделю православия”... мне пришлось побывать на молитвенном собрании евангельских христиан-баптистов. Сверх обычного порядка призывных молитв, состоящего в пении религиозных псалмов, чтении и разьяснении Св. Писания — в виде проповеди и сердечной молитвы, — на этот раз совершалось “преломление хлеба” — т. е. причащение, перед началом которого пастор Фетлер прочёл несколько стихов из 11-й гл. 1-го послания Апостола Павла к Коринфянам, в котором говорится о “вечери Господней”, установленной в воспоминание Тайной вечери» (*ГМТ. Ф. 4, оп. 2, № 187*).

<sup>39</sup> *Фетлер* Вильгельм Андреевич (1883–1957) — баптист, с 1907 проповедовал в России, в 1911 основал в Петербурге Дом Евангелия (24-я линия Васильевского о-ва, д. 11), арестован в 1914 и выслан из страны.

<sup>40</sup> Присказка персонажа пьесы Л. Толстого «Власть тьмы, или “Кого-ток увяз, всей птичке пропасть”» (1886): «Опять ты, значит, старуха, не тае, и всё ты не тае, всё, значит, не тае... Это, значит, не тае. Обманывают они». Автор рекомендовал произносить «тае, а не таё» (*Толстой*. 26, 137, 181; 81, 276).

<sup>41</sup> *Чуриков* Иван Алексеевич (1861–1933) — крестьянин, основатель Общества духовных христиан-трезвенников (существует и поныне). В 1889 раздал своё имущество и стал странником, с 1894 проповедовал среди городской бедноты Петербурга, в результате несколько тысяч человек бросили пить и курить. В 1900 по настоянию Самарского епископа заключён в Суздальскую крепость при Спасо-Евфимьевском м-ре. В 1904 высокую оценку трудам братца дал св. прав. Иоанн Кронштадтский; всесторонне исследовавший его проповеди и деятельность Д. И. Боголюбов пришёл к выводу, что в нём «нет духа противодействия Церкви Православной» (*Приходский священник*. 1911. № 16. С. 10). С 1909 каждое воскресенье с 4-х до 7-ми вечера проводил проповеднические собрания в д. 1 по Петровскому пр. и специально построенном двухэтажном каменном доме в Обухове. После допроса 15 апреля 1910 миссионерами под председательством еп. Никандра (Феноменова) сочтён православным, но в 1914 отлучён от Святого Причастия. В 1929 снова арестован, умер в тюрьме.

<sup>42</sup> Ср. вопрос околоточного из фантазии «Второе распятие Христа» (С-1. 28).

<sup>43</sup> «Чуриков был представителем подлинного народного религиозного обновления... В рабочих кварталах, среди простого люда, у питерских кухарок и прачек, сапожников и дворников, это имя было окружено любовью, лаской, глубоким почитанием» (*Краснов-Левитин А.* Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 155, 152).

### **Нечто о розовых и чёрных очках**

Новая Русь. 1910. 18 марта. № 75. С. 6. Отдел «Звезда утренняя». Подпись: Далёкий друг.

<sup>44</sup> *Краснов* Сергей Иосифович (1862 или 1864—1933), прот. — сын священника, в 1890-х служил в Знаменском храме с. Черкасское (Саратовская губ., Вольский уезд), настоятель храмов в хуторах Ельшанка (5 вёрст от Царицына) и Ново-Никольское, с 1913 настоятель хр. Воздвижения Креста Господня в Туапсе, благочинный Иверско-Алексеевской женской общины; в 1917 его дочь Евгения стала женой Свенцицкого. Отличался смелостью, твёрдостью принципов и веры: во время эпидемии причащал в холерном бараке умирающих; выйдя с крестом против разъярённой толпы, остановил самосуд над конокрадами; осенью, разгорячённый после службы, сопровождал похороны прихожанина, простудился на кладбище и преставился через два дня, сразу после соборования; похоронен в приделе храма.

<sup>45</sup> Майков А. «Не говори...» (1882).

<sup>46</sup> Спустя век мы находимся в таком же сплошном мраке.

<sup>47</sup> В Варшаве тогда проживало более 750 тыс. человек, следовательно, оценка числа взрослого мужского населения преуменьшена.

<sup>48</sup> В ж. «Современный мир» было упомянуто «не слишком чистоплотное остроумие К. И. Чуковского, передельвающего свои фельетоны для разных изданий»; в ответ он указал, что редакция обманула читателей, обещав и не напечатав произведения известных авторов. Дело чуть не дошло до дуэли. За журнал вступился А. И. Куприн: «Такой поступок я нахожу гадостью, да притом ещё мелочной» (Новая Русь. 1910. 28 марта. № 85. С. 4); «Чуковский — сволочь, говно, одесский грязный жид» (письмо от 24 марта 1910). Литературный суд чести заседал с 27 марта по 1 мая 1910 и вынес порицание обеим сторонам.

<sup>49</sup> Статья «К ответу» о журналисте Николае Николаевиче *Доманском* (1860—1910) была напечатана 15 марта 1910 в газете «Новые люди». Свенцицкий обратился к Литературному фонду с требованием ответить на предъявленное обвинение (Новая Русь. 1910. 16 марта. № 73. С. 4).

<sup>50</sup> В. М. Пуришкевич на заседании III ГД обвинил левых студентов в финансовых махинациях, был привлечён к судебной ответственности и 29 ноября 1909 оправдан Петербургским окружным судом; в марте 1910 публично оскорбил слушательницу Петербургского ун-та. Студенты юридического ф-та ИМУ в знак протеста приняли резолюцию, состоявшую из

социал-демократических штампов, а студенты Московского технического училища посчитали «ниже своего достоинства реагировать на поступок».

<sup>51</sup> Оптимизм Свенцицкого не разделяли патриоты *разного* толка: «Народ наш пьян, лжив, нечестен... Через какие-нибудь полвека, не более, он из народа “богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая, “народом-богоборцем”» (*Леонтьев К.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 684); «Народ русский... потерял прежнюю душу, прежние чувства» (*Л. Тихомиров*); «Я ужасно плачу о русских, ибо думаю, что погибает само племя» (*В. Розанов*); «Если дело пойдёт так и дальше — то ещё через век слово “русский” как бы не пришлось вычёркивать из словарей» (*Солженицын А.* «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995. С. 74–75, 108).

<sup>52</sup> «...В каждом вздохе могучей русской народной груди слышались сильнее других тоны и звуки религиозные, искание правды Божией и её воплощения в русской жизни» (*Феодор (Поздеевский)*, сщмч. Служба Божу и России. М., 2002. С. 207).

### Голгофа

Новая Русь. 1910. 11 апреля. № 103. С. 2; *НЗ*. 1910. № 7. Октябрь. С. 8–11. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>53</sup> Приговорённый к смерти ап. Пётр считал, что недостоин подвергнуться казни, коею претерпел Спаситель, и просил распять себя головой вниз.

<sup>54</sup> Мф. 27, 46, 51–52.

<sup>55</sup> Особенно это течение в христианстве было характерно для средневековой католической Европы. Ср. яркий образ: сцену крестного хода с бичеванием из к/ф И. Бергмана «Седьмая печать» (1957).

<sup>56</sup> Свенцицкий постоянно дополнял список, данный в работе В. Соловьёва «О подделках» (1891). Ср.: *С-П*. 142, 164, 366, 496; *Наст. изд.* С. 102, 186, 209.

<sup>57</sup> *Шарко Жан-Мартен* (1825–1893) — французский врач-психиатр, учитель З. Фрейда, создатель водной процедуры, обеспечивающей массаж всего тела интенсивным напором струи воды.

<sup>58</sup> *Зелёная Галилея* — вошедшее в обиход именование области, особенно по контрасту с каменистой Иудеей. Образ присутствует в рассказе Л. Андреева «Иуда Искариот».

<sup>59</sup> См. об этом: *С-П*. 141.

<sup>60</sup> Многие святые отцы (например, свт. Амвросий Медиоланский) в житиях характеризуются как исполнившие наказ ап. Павла (Рим. 12, 15).

<sup>61</sup> Ср. сумасшедшего механика из песни В. С. Высоцкого «Письмо в редакцию...» (1977).

<sup>62</sup> Мф. 16, 24; 1 Фес. 5, 16.

<sup>63</sup> Отк. 1, 5.

<sup>64</sup> «Радуйся, Господень Кресте, имже разрешился от клятвы человечество» (Великая вечерня в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Стихиры на стиховне). «Венец крестный

просветил слепотствующих в неведении, разрешил всех одержимых грехом и искупил человеков в целом мире. И не дивись, что искуплен целый мир. Ибо умер за него не простой человек, но Единородный Божий Сын» (Кирилл Иерусалимский, свт. 13-е огласительное слово).

В отличие от «Исповедания веры голгофских христиан», составленного еп. Михаилом (Семёновым), мнившим, что «искупление ещё не совершено до конца, мир ещё не спасён», Свенцицкий в соответствии с догматами христианства утверждал, что «искупление уже совершилось» (С-II. 138, 141, 184, 226, 238, 269, 414, 468), но раскрывал и диалектику последствий голгофской жертвы Спасителя: «Это так же, как со смертью. Эмпирически она существует, но для верующих её уже нет, потому что Христос её уже победил». Свободно покоряющиеся благодати «становятся участниками искупления, все восходят на лобное место» (Наст. изд. С. 191). См. также прим. 261, 269.

Верно отметила О. В. Останина в работе «Обновленчество и реформаторство в Русской Православной Церкви в начале XX века» (Л., 1991. С. 144): «Если три четверти в идеологии движения “свободных христиан” принадлежало еп. Михаилу, то всё остальное Свенцицкому». Ошибки и перегибы первого обличал Мережковский в статье «Земной Христос» (Русское слово. 1910. 14 октября. № 236. С. 2), как ни удивительно, со строго христианской точки зрения; например его тезис «Радость враждебна Голгофе». На противоречия двух мировоззрений и отсутствие в голофском христианстве единой идеи справедливо указала Н. М. Солнцева в кн. «Китежский павлин: филологическая проза. Документы. Факты. Версии» (М., 1992. С. 47–51).

<sup>65</sup> См. также: С-II. 136.

<sup>66</sup> Ср. концовку рассказа «Старый чорт» (С-I. 516–519).

<sup>67</sup> «Цель всех по Богу живущих есть благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святого Духа, — и таким образом устроить своё спасение» (Добротолюбие. 5, 37).

<sup>68</sup> Спустя полгода изложенные в статье идеи уже повторялись эпигоном: «Не страдать как можно больше, а побеждать радостью и предчувствием блаженства даже самые сильные, самые нестерпимые страдания этого мира — вот христианский идеал» (Бердяев Н. Судьба России. М., 1998. С. 201). Подр. см.: Чертков С. Свенцицкий, его последователи и эпигоны (Ильин, Мережковский, Бердяев) // Философия и культура. 2010. № 5. С. 102–114.

<sup>69</sup> «Настоящий день есть день радости и веселия, поелику ныне предлагается нам знамение радости — святейшее древо... Древо это, на которое восшел Христос... посрамило диавола, имевшего державу смерти, и освободило род человеческий от тяжкого рабства» (Феодор Студит, исп. Прибавления к Церковным ведомостям. 1898. № 10). «Христово Воскресение означает, прежде всего, победу над тем монстром, которого испокон веков люди боялись больше всего на свете, — победу над смертью» (Николай Сербский, свт. Творения. О Боге и людях. М., 2006. С. 38).

## О красивых мечтах и о некрасивой действительности

НЗ. 1910. № 2. 20 сентября. С. 5–7. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>70</sup> В России XIX–XX вв. существовала особая система государственного надзора над изданием и постановкой драматических пьес. Учреждение находилось в Петербурге, до 1912 там работали всего три цензора, просматривавших по 650 произведений в год.

<sup>71</sup> Подр. о попытке П. Н. Орленева поставить спектакль «Пастор Реллинг»: С-1. 752–753.

<sup>72</sup> «И папа римский, и священник из числа действующих персонажей изымались, независимо от того, какую функцию драматург им придавал» (*Королёв Д.* Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX — начала XX века. СПб., 1999. С. 85).

<sup>73</sup> Перечислены шедшие в петербургских театрах оперетты-мозаики В. П. Валентинова с характерными названиями и циничный фарс французских драматургов А. Баррэ и А. Керуля.

<sup>74</sup> «Спектакль — не спектакль, если в нём под каким-нибудь предлогом не появятся оголённые сверху или снизу женщины. Романы, песни — это всё выражение похоти в разных степенях опоэтизирования» (*Толстой.* 30, 88).

<sup>75</sup> Позднее Свенцицкий опубликовал постскрипtum: «В № 2 “Новой земли” было напечатано моё “Письмо одинокого человека”, в котором я, между прочим, рассказывал, как запретил цензор мою пьесу и как разрешил её под условием, чтобы вместо “пастора” был простой проповедник, причём приводил мотивы, высказанные мне цензором, что пьеса будет развращать народ и пр. На днях мне пришлось разговаривать об этом же вопросе с тем же лицом, и я вижу теперь, что понял слова его тогда совершенно неправильно. Мотивом запрещения было *исключительно* то обстоятельство, что в пьесе выставлено *духовное лицо*. Как бы я принципиально ни относился к цензуре — это, разумеется, не даёт мне права говорить неправду, — потому я считаю своим нравственным долгом исправить невольную ошибку» (НЗ. № 9. С. 10). О кровавых слезах см.: С-1. 315.

## О воздухоплавании и одиночестве

НЗ. 1910. № 3. Сентябрь. С. 8–10. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>76</sup> О событиях 8 сентября 1910 на аэродроме товарищества «Крылья» (Петербург, Коломяжское поле): «Но вот глянул один клочок голубого неба, другой. И брызнуло солнце! Заулыбались люди, засверкал аэродром, затих ветер. Ефимов первым взлетел на “Фармане” на точное приземление. “Королю русских летунов” подобное испытание было сущим пустяком, и после трёх минут полета он приземлился прямо в круг. Первого русского авиатора поздравили с открытием праздника» (*Рынин Н.* Всероссийский праздник воздухоплавания. СПб., 1911). Михаил Никифорович Ефимов (1881—1919) взял два дневных приза за точность спуска.

<sup>77</sup> В XXI в. очередными иллюзиями настоящего сближения стали интернет и мобильная связь, а сформулированный Свенцицким закон полностью подтвердился. Ср.: «Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение, тем что сокращает расстояния, передаёт по воздуху мысли. Увы, не верьте таковому единению людей» (*Достоевский*. 14, 284).

### Что такое «мода»?

*НЗ*. 1910. № 6. Октябрь. С. 10–12. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>78</sup> Этимология не установлена.

<sup>79</sup> Сатирическая комедия «Шантеклер» (1910) французского поэта и драматурга Э. Ростана и драма «Тайфун» (1909) венгерского драматурга М. Лендьеля пользовались тогда в России большой популярностью.

<sup>80</sup> «...Живя в этом мире, человек должен развить все свои духовные силы, направить их к Богоуподоблению... Вот смысл и цель жизни человека» (*Иоанн (Маслов)*, схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 169); «Развитие своей природы — это основной принцип совершенствования» (*Штидлик Т.* Молитва согласно преданию Восточной Церкви. М., 2011. С. 417); «смысл земного существования... в развитии души» (*Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1991. С. 514).

<sup>81</sup> Гал. 3, 26; Флп. 2, 5.

### Они мирно обновляются...

*НЗ*. 1910. № 8. Октябрь. С. 9–11. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>82</sup> «М. г., г. редактор! Совет религиозно-философского о-ва памяти В. С. Соловьёва просит вас довести до сведения публики, что совет о-ва в своём заседании 17-го ноября с. г. постановил предложить члену о-ва Валентину Павловичу Свенцицкому выйти из состава о-ва. Основанием для такого постановления послужил ряд действий, явно предосудительных, допущенных В. П. Свенцицким. Ещё до получения копии с постановлением совета В. П. Свенцицкий прислал на имя председателя о-ва заявление о своём выходе из числа членов о-ва, а затем в письме на имя одного из членов совета от 18-го ноября признал справедливость предъявленных ему обвинений» (Письмо в редакцию // *Русское слово*. 1908. 21 ноября. № 271. С. 5).

Совет ПРФО на просьбу москвичей последовать их примеру «ответил самым решительным отказом»: «Брать на себя роль судей, отпустить или не отпускать грехов своим сочленов Совету казалось прямо чудовищным. А потому в списках действительных членов петербургского Общества означенное лицо числится до сих пор» (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). М., 2009. Т. 2. С. 397). Булгаков позже писал: «Вчера исполнилась годовщина опубликования нашего письма о Свенцицком. Я вспоминаю об этом с огорчением и с некоторым раскаянием» (*ВГ*. № 139).

Просто внять апостолу: «Так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощён чрезмерною печалью; и потому прошу вас оказать ему любовь» (2 Кор. 2, 7–8), подписавшие письмо будущие православные священники Булгаков и Ельчанинов, христианские философы Е. Трубецкой и Эрн оказались неспособны. Зато условились об ином: вычеркнуть из истории, предать забвению. Они так и не простили прежнего друга, не упоминали даже в мемуарах, стыдливо обойдя молчанием и участие в общей борьбе, преступали и обычную добросовестность учёного: в составленной Эрном библиографии (Сборник первый о Владимире Соловьёве. М., 1911) статьи Свенцицкого отсутствуют, а Бердяев, прекрасно знавший о публикации «Религии “здорового смысла”» (С-II. 339–351), в 1912 заявлял: «...работа Мережковского остаётся единственной для оценки религии Толстого» (Рес. 244).

<sup>83</sup> «Если желаешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождают смирение... Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости» (Добротолюбие. 2, 713).

<sup>84</sup> «Когда на пути своём находишь неизменный мир, бойся, потому что далеко отстоишь от прямой стези, протоптанной утруждёнными стопами святых... Признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: сретают тебя сильные искушения, и чем более приближаешься и преуспеваешь, тем паче находящие на тебя искушения умножаются» (Добротолюбие. 2, 789–790).

<sup>85</sup> Ср.: «...вокруг нас ежедневные войны, потопления, бесчисленные несчастья, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаёмся так спокойными, как будто делаем угодное Богу» (Иоанн Златоуст, свт. Увещеваю вас, возлюбленные. М., 2007. С. 209).

<sup>86</sup> «Сидит диавол и болтает ногами. Ему говорят: “Что же ты ничего не делаешь?” Враг отвечает: “Да мне ничего не остаётся делать, как только болтать ногами, — они (люди) лучше меня всё делают”» (прп. Амвросий Оптинский).

<sup>87</sup> Пс. 103, 4; Отк. 1, 14; Сир. 21, 10. Прп. Варсонофий Оптинский называет Иисусову молитву «пламенем огненным на супостатов».

<sup>88</sup> «Подайте помощь, прострите руку вы, ещё не падшие, падшим от опьянения, крепкие — немощным, здравые умом — неистовствующим, твёрдо стоящие — колеблющимся; пусть никто, увещеваю вас, угождение [себе] не предпочтёт спасению ближнего» (Иоанн Златоуст, свт. Указ. соч. С. 209).

<sup>89</sup> То же отмечал в 1910 Мережковский: «Ельчанинов, Эрн, Булгаков так благополучны, благолепны и безнадежны. Им не тесно» (Новый журнал. 2009. № 256).

<sup>90</sup> «Гнев Божий есть болезненное чувство обучаемых; причиняется же сие чувство болезненное наведением невольных неприятностей в жизни, коими Бог часто приводит к скромности и смирению ум, надмевающийся добродетелию и знанием, давая ему чрез них познать



самого себя и сознать свою немощь, восчувствовав которую, он отлагает суетное надмение сердца» (Добротолюбие. 3, 290).

<sup>91</sup> Ср. сходное пожелание литературному собрату: «Г. Иванов умеет писать стихи. Но поэтом он станет вряд ли. Разве только если случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя, несчастья. Только этого и надо ему пожелать» (Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 461–462).

<sup>92</sup> «...Смирительные искушения... искустельные прискорбности необходимы для плодоносия духовного... Всякий ревнитель совершенства достигает его чрез подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений... И любовь к Богу наиболее испытывается прискорбностию [последних]... Недостаточно для души к совершенному освобождению от греха произвольное злострадание, если кроме того, она не будет переплавлена и в раскалённой печи непроизвольного» (Добротолюбие. 5, 295; 3, 468). «Чем кто живёт веселее, без искушений, без скорбей и болезней, да ещё в богатстве, тем менее заслуживает чести, ибо он не несёт креста Христова и в сердце его — мерзость страстей... Огнь мучений плотских, огонь болезни, скорбей, напастей — это благо души... Не радости и утешений жди от Господа за дела милости к ближним, а огненных бичей и крепкой борьбы от диавола, ненавидящего всякое добро... Да помни, что искушения огненные для тебя необходимы... Много скорбей у истинного христианина, потому что он воин, потому что он в постоянной войне с плотью, миром, диаволом» (Иоанн Кронштадтский, св. прав. Творения. Дневник. Т. 6. М., 2012. С. 332, 185, 327, 238–239). «Скорбение души — один из законов её природы, её роста, движения, воспитания, очищения. И желать его ослабления... равносильно самоуничтожению. Всё в природе развивается из страдания и путём страдания» (Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. СПб., 2006. С. 217).

<sup>93</sup> «...Попускает Бог, чтобы Святые Его искушаемы были всякой печалью... Вследствие искушений приобретают они мудрость и из опыта почерпают ведение о всём, чтоб не потерпеть осмеяния от демонов. Если бы Бог упражнял их в одном добром, то не доставало бы им обучения в другой части, и во бранях бывали бы они слепы... Не входя в искушения, никто не приобретает духовной мудрости... Дарование без искушений — погибель для приемлющих оное» (Добротолюбие. 2, 716, 758, 713).

<sup>94</sup> «Души... будучи преисполнены небесной сладости... но ещё не искушённые различными напастями от злых духов, нисколько не возвысились из состояния и разума детских и... ещё неспособны к Царству Божию» (прп. Макарий Великий).

<sup>95</sup> «Знаете ли, что весьма многие люди больны именно своим здоровьем, то есть непомерной уверенностью в своей нормальности» (Достоевский. 26, 107). «Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо... Когда огонь угрожает привязанному, то он так сильно рванётся, что железную цепь перервёт, а не то что нитку слабую. Так не за большим дело: надо зажечь беду вокруг... Что

значит: *зажечь беду вокруг себя?* Это глубокое чувство опасности своего положения, и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе» (Феофан Затворник, свт. Письма о христианской жизни. М., 1997. С. 13–16).

<sup>96</sup> «Душа, приявшая на себя попечение о добродетели и живущая в строгости и страхе Божиим, не может быть без печали каждый день, потому что добродетели сопряжены с печальями. Кто уходит от скорбей, тот несомненно разлучается и с добродетелию» (Добротолюбие. 2, 713).

<sup>97</sup> «...Без казнения плоти желая достигнуть телесной чистоты, без труда бдений стяжать чистоту сердечную, с упокоением плоти обиловать духовными добродетелями, без ожесточённых злословий получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с высокомерием века сего, служить Христу с людскою славою и благоволением, говорить решительную правду, не встречая никакого, даже малого оскорбления... Такая воля не ведёт к истинному совершенству, но поставляет в состоянии противной теплоты... Если останемся в сём состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то будем излёваны из уст Господа... Легче обращается ко спасению и восходит на верх духовного совершенства человек плотской, т. е. мирской или язычник, нежели тот, кто, восприяв иго Христово, не вступил на путь к совершенству и попустил охладеть первому огню ревности духовной. Ибо когда тот, будучи смирением чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придёт в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты и совершенства, то... удобнее взойдёт к совершенству» (Добротолюбие. 2, 17–20).

<sup>98</sup> «Не мало между нами и таких, которые хотят и вечное блаженство получить в Царствии Небесном, и вместе желают и временное иметь счастье и полное благополучие. Но это невозможно» (Собрание писем оптинского старца Амвросия к монашествующим. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908. С. 56).

<sup>99</sup> «По человеческому мнению, путь спасения, казалось бы, должен быть гладкий, тихий и мирный; а по евангельскому слову, путь этот прискорбный, тесный и узкий... Господу приятнее грешник кающийся и смиряющийся, нежели праведник, возносящийся и уничижающий других... Гордость и самонадеянность вреднее прелюбодейства и убийства» (Там же. С. 30, 4; Вып. 2. Сергиев Посад, 1909. С. 17).

<sup>100</sup> Свт. Димитрий Ростовский толковал: «Дух Святой явился в виде огненных языков для того, чтобы дать апостолам слова огненные: ибо слово Божие именуется в Писании огнём (Отк. 11, 5)».

### **О вегетарианской любви**

НЗ. 1910. № 9. Ноябрь. С. 8–10. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>101</sup> *Вышеславцев* Борис Петрович (1877–1954) — философ, социолог, публицист; «один из самых блестящих дискуссионных ораторов», по мнению Ф. А. Степуна.

<sup>102</sup> Мф. 27, 64.

<sup>103</sup> Кол. 3, 14.

<sup>104</sup> «Рыцарями Господа» (Gottesritter) назывались члены ордена меченосцев. Постепенно выражение стало применяться расширительно, ко всем сражающимся во имя Христа: например, в балладе В. А. Жуковского «Сид» (1831); Свенцицкий же переносит его в духовную область.

<sup>105</sup> Разве позволительно говорить, что Свенцицкий «не придавал важного значения культу и обряду», как это сделала О. В. Останина (Указ. соч. С. 145)? К сожалению, грешит это исследование (особенно на с. 148) подтасовкой цитат, ошибками в библиографии, несообразными с позицией Свенцицкого заявлениями (подр.: С-II. 544), тогда как он «практически не имел расхождений с официальной церковью по фундаментальным вопросам веры и культуры» (Головушкин Д. Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг. Ярославль, 2002. С. 104).

### Смерть и бессмертие

НЗ. 1910. № 10. Ноябрь. С. 8–11. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>106</sup> Краснова Вера Сергеевна (1896–1984) — сестра жены Свенцицкого; канд. химических наук, автор более 30-ти печатных работ.

<sup>107</sup> Название и отдельные места статьи В. В. Зеньковского «Проблема бессмертия Л. Н. Толстого» (1912) прямо указывают на первоисточник: «По силе его дерзновенного протеста против современной культуры он по праву должен быть назван гением... величайшая заслуга Толстого... в его смелой, проникновенной, часто гениальной борьбе за религиозное миропонимание, за религиозное отношение к жизни. Религиозное творчество — вот то главное, в чём расцвел гений Толстого; оно ценнее, важнее, чем всё остальное, что он дал культуре... Самое характерное в духовной личности Толстого то, что он был мистиком» (Рес. 500–501).

<sup>108</sup> Ср.: «Эта смерть может явиться началом коренного духовного переворота в сознании общества. ...Именно это новое чувство явится источником нашего духовного обновления. ...Если смерть Толстого окажется не событием национальной жизни, началом новой её эпохи, а лишь эпизодом, оживившим столбцы газет и залы собраний, то история скажет о нас, что мы не заслужили быть современниками Толстого и свидетелями его прекрасной смерти» (Франк С. Памяти Льва Толстого (1910) // Рес. 555).

<sup>109</sup> Ср. написанное за неделю до смерти Толстого: «Он вплотную подошёл к Престолу Божию, и у него он услышит свой последний суд и едва ли — осуждение. Какие нам, русским людям, среди тяжких, кошмарных будней посылает Бог праздники!» (Нестеров М. Письма. Л., 1988. С. 241).

### О свободном человеке

НЗ. 1910. № 12. Декабрь. С. 9–11. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>110</sup> Роман М. П. Арцыбашева «Санин» (1907).

<sup>111</sup> В гл. «Об избавлении» поэмы «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше писал: «...есть люди, у которых недостаёт всего, но имеют они непо-

мерный избыток в одном»; в качестве примера описан человек: «Чудовищное ухо сидело на слабом тоненьком стебле» (пер. В. В. Рынкевича).

<sup>112</sup> «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему» (*Достоевский*. 25, 62).

<sup>113</sup> «...Человечество есть действительно некий цельный организм, по мысли святых отцов» (*Феодор (Поздеевский)*, архиеп. Смысл христианского подвига. Сергиев Посад, 1911).

<sup>114</sup> Ср.: «Всё величие, всё счастье человека заключается в том, чтобы найти своё маленькое место у подножия престола Господня!» (*С-П*. 401).

<sup>115</sup> Фил. 3, 17; 4, 9.

<sup>116</sup> Герои пьесы М. Горького «Дети солнца» (1905).

<sup>117</sup> «Исходным же началом к порождению добра или зла бывает для души склонение желания: куда склонится желание, то душа берёт в побуждение и действует» (*Добротолюбие*. 5, 215).

### **О «нравственных» рецензентах и «безнравственных» писателях**

*НЗ*. 1910. № 13. Декабрь. С. 10–11. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>118</sup> Подр. см.: *С-П*. 758.

<sup>119</sup> *Снегирёв* Владимир Фёдорович (1847–1916) — один из основоположников научной гинекологии в России, автор фундаментального исследования «Маточные кровотечения» (1884).

<sup>120</sup> Подр. см.: *Наст. изд.* С. 234.

<sup>121</sup> «Сумеет ли и посмеет ли описать всю мерзость, в которой мы жили (недалёкую, впрочем, и от сегодняшней)? И если мерзость эту не полностью показывать, выходит сразу ложь. ...Безо *всей* правды — не литература» (*Солженицын* А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1991. С. 529).

<sup>122</sup> Ср.: «...произведение искусства художественно не тогда, когда “эффектна” и “оригинальна” его эстетическая материя, но тогда, когда оно верно своему сокровенному, духовному предмету» (*Ильин* И. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 301); «честность, искренность... правда — вот самое главное во всяком искусстве, и как бы ни был талантлив писатель, если в нём нет главного, он всего лишь жалкий писака» (*Вулф* Т. Домой возврата нет. М., 1990. С. 304); «главное в творчестве — правда и жизненный опыт» (*Солженицын* А. Бодался телёнок с дубом // *Новый мир*. 1991. № 6. С. 12). Подр. о лжи умолчания: *С-П*. 121.

### **О «религии свободного человека»**

*НЗ*. 1910. № 14. Декабрь. С. 7–8. Подпись: Далёкий Друг).

<sup>123</sup> «Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется... Вместо служения братолюбию и человеческому единению впали напротив

в отъединение и уединение... утратили целое, потеряли общее, разбились по частям; соединились лишь в отрицательном, да и то кое-как, и разделились все в положительном» (*Достоевский*. 14, 275, 285; 25, 181). См. также: Наст. изд. С. 82.

<sup>124</sup> Дьявольская подделка соборности стала одной из идеологических основ коммунизма.

<sup>125</sup> «Именно любовь снимает все противоречия между личностью и окружающими её людьми, делая человека способным полностью реализовать свою свободу и одновременно заботиться о ближних и об Отечестве» (*ОУ*. III.4).

<sup>126</sup> На встрече императоров в июне 1906 обсуждались действия Австро-Венгрии и Германии в случае общего восстания в России.

### Об одном «открытии»

*НЗ*. 1911. № 1. Январь. С. 11–13. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>127</sup> Так говорил о себе дедушка Исидор в драме «Интеллигенция» (*С-И*. 370).

<sup>128</sup> *Вотчал* Филипп Иванович — друг семьи Свенцицких. «Его хутор “Гремячки” на берегу Волги находился по соседству с хутором “Надежда” нашего деда» (*Свенцицкая М. Отец Валентин // Надежда*. 1984. Вып. 10. С. 186).

<sup>129</sup> Ср.: *С-И*. 181.

### О трёх «дураках»

*НЗ*. 1911. № 3. Январь. С. 11–13. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>130</sup> 1 Кор. 12, 14–20, 27.

<sup>131</sup> И по мнению архиеп. Феодора (Поздеевского), выраженному в кн. «Смысл христианского подвига» (Сергиев Посад, 1911), в церковной общестственности «восстанавливается... соборная природа человечества, как цельного некоего организма... нарушенная грехом, и природа жизни в ней вполне соответствует идеальной природе человека и её проявлениям в условиях жизни личной и общественной».

<sup>132</sup> «Как пусто, как нелепо это мнение, будто можно утешаться, видя, что наказываешься вместе со всеми! Как глупа эта поговорка: “Как все, так и я”!» (*Иоанн Златоуст*, свт. Увещеваю вас, возлюбленные. М., 2007. С. 314).

<sup>133</sup> Ср. учение Ф. Бэкона об идолах (призраках) и статью В. Соловьёва «Идолы и идеалы» (1891).

### Об «уединении»

*НЗ*. 1911. № 4. Январь. С. 17–18. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>134</sup> Здесь и далее в статье: *Достоевский*. 22, 80.

<sup>135</sup> Ср. нынешнее положение в нашем обществе после мнимого объединения нач. 1990-х.

<sup>136</sup> Сделанное и в драме «Интеллигенция» (*С-И*. 328) предсказание сбылось: «Вот тогда она и кончила быть, интеллигенция, в 1930-м...

Да не в том ли заложена наша старая потеря, погубившая всех нас, — что интеллигенция отвергла религиозную нравственность, избрав себе атеистический гуманизм, легко оправдавший и торопливые ревтрибуналы и бессудные подвалы ЧК?» (*Солженицын А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 131, 135).

### Ночная соната

НЗ. 1911. № 6. Январь. С. 15–17. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>137</sup> Ср. святоотеческое определение «в тонком сне».

<sup>138</sup> Видимо, Свенцицкий предчувствовал раннюю кончину; тогда ему оставалось жить как раз 20 лет. См. также: Наст. изд. С. 166; *С-1*. 728.

<sup>139</sup> «Одиночество — настоящее одиночество, без всяких иллюзий — наступает перед безумием или самоубийством» (*Ремарк Э. М.* Три товарища. Гл. X).

### «О ругательных письмах»

НЗ. 1911. № 7. Февраль. С. 10–12. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>140</sup> Роман-исповедь «Антихрист (Записки странного человека)».

<sup>141</sup> *Трубецкая* Прасковья Владимировна (1860–1914) — жена С. Н. Трубецкого (ср.: *С-II*. 81), последовательница теософии Э. Сведенборга.

<sup>142</sup> Статья «Смирись, гордый человек!» (Наст. изд. С. 591–595).

<sup>143</sup> Ср. статью «О ругательных письмах» (*Толстой*. 38).

<sup>144</sup> *Достоевский*. 25, 125–128.

<sup>145</sup> Ср.: Совесть — «не иное что, как закон естественный или природный. Чего бо научает закон Божий, того научает и совесть... голос Божий, вопиющий внутри человека и удерживающий от греха» (*Тихон Задонский*, свт. Творения. СПб., 1899. Т. 5. С. 214; Т. 4. С. 82). «Совесть есть внутренний судья над всеми свободными поступками... должна мыслиться как субъективный принцип ответственности перед Богом за свои поступки» (*Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 378). «О том, что такое добро, а что зло, свидетельствует нам и наша совесть, и Христово учение» (*Николай Сербский*, свт. Творения. О Боге и людях. М., 2006. С. 62).

### О земледелии и тунеядстве

НЗ. 1911. № 8. Февраль. С. 7–10. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>146</sup> В указанном издании была перепечатана статья, написанная Толстым для «Критико-биографического словаря русских писателей и учёных» (СПб., 1897. Т. 5. С. 448). Подр. о Тимофее Михайловиче Бондареве (1820—1898) см.: *Сибирские огни*. 2004. № 12.

<sup>147</sup> *Толстой*. 31, 69–70.

<sup>148</sup> Описание полностью соответствует действительности.

### Чего больше всего не хватает интеллигенции?

НЗ. 1911. № 9. Февраль. С. 10–12. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>149</sup> Иак. 1, 8. Подр. см.: *С-1*. 733, 738–739.

<sup>150</sup> И. С. Аксаков писал: «Наш недуг, страшный, упорный недуг — утрата внутренней цельности и творчества жизни... Большая часть нашей интеллигенции, не исключая и правящей, живёт в мире фальшивом, населённом призраками, фантазмагорией, мнимыми влечениями, мнимыми потребностями, мнимыми идеалами и немными невежеством» (Русь. 1881. № 22).

<sup>151</sup> Рим. 14, 22–23.

<sup>152</sup> Рассказ старушки вошёл в драму «Интеллигенция» (С-И. 397).

<sup>153</sup> Отк. 20, 7.

<sup>154</sup> Учение А. Шопенгауэра о представлении и познаваемости природы вещей иронично противопоставлено эмпиризму и агностицизму Л. Бюхнера.

<sup>155</sup> «...Ум его [народа нашего] далеко не настолько раздвоен, чтоб рядом с самою светлою идеею лелеять тут же, тотчас же, и самый гаденький антитез её, как сплошь да рядом в интеллигенции нашей, да ещё оставаться с обеими этими идеями, не зная, которой из них веровать и отдать преимущество на практике, да ещё называть это состояние ума и души своей — богатством развития» (*Достоевский*. 25, 129).

### Старый дом

*НЗ*. 1911. № 10. Март. С. 12–14. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>156</sup> С сер. 1880-х в российском обществе стала популярной «теория малых дел» Я. В. Абрамова, предложившего оставить до лучших времён «великие идеи» и вести «тихую культурную работу».

<sup>157</sup> Чёткое описание и нынешнего общего настроения россиян. Тогда до великого падения оставалось 6 лет. А сейчас?

### О самом дорогом

*НЗ*. 1911. № 12. Март. С. 12–14. Подпись: Далёкий Друг.

Некоторые положения «Религии свободного человека» сходны со следующими идеями: «С появления христианства... человеческая личность должна была получить великое, святое значение, которого прежде не имела... Так возникла впервые в христианстве мысль о бесконечном, безусловном достоинстве человека и человеческой личности. Человек... возлюбленный сын Божий, для которого Сам Спаситель мира сошёл на землю, пролил святую кровь Свою и умер на кресте. Такой совершенно новый взгляд на человека должен был вывести его из ничтожества, освободить из-под ига природы и внешнего мира... Теперь, чрез истину, он стал первое и главное. ...Для всех народов нового христианского мира — одна цель: безусловное признание достоинства человека, лица и всестороннее его развитие. ...Личность, сознающая сама по себе своё бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа» (*Кавелин К.* Собр. соч. Т. 1. СПб., 1897. Стб. 15–18).

<sup>158</sup> «Подлинно свободен тот, кто идёт путём праведной жизни и ищет общения с Богом, источником абсолютной истины. Напротив,

злоупотребление свободой, выбор ложного, безнравственного образа жизни в конце концов разрушает саму свободу выбора, так как ведёт волю к порабощению грехом... Те, кто не желают расставаться с грехом, отдают свою свободу дьяволу» (ОУ. II.2).

<sup>159</sup> «Опыт переоценки всех ценностей» — подзаголовок работы Ф. Ницше «Воля к власти» (1895), где провозглашалось требование освобождения от всех моральных ценностей и превращения их в ценности с противоположным содержанием. Ср. прим. 235.

### **Благая весть**

НЗ. 1911. № 13. Март. С. 14–15. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>160</sup> Император Нерон казнил христиан, сжигая заживо и тем освещая народные гулянья.

<sup>161</sup> 1 Кор. 1, 23.

<sup>162</sup> См.: С-II. Прим. 427.

<sup>163</sup> Ин. 14, 26; 15, 26.

### **Два концерта**

НЗ. 1911. № 14. Март. С. 7–9. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>164</sup> Образованщина, по чёткому определению Солженицына.

<sup>165</sup> Нынешняя популярность пирсинга свидетельствует о том, что круг развития «культуры» завершён окончательно.

<sup>166</sup> Ср.: Лк. 3, 16.

<sup>167</sup> Книга не вышла; подр. см.: Наст. изд. С. 659–660.

### **Запоздавшее, но необходимое пояснение**

НЗ. 1911. № 18. Май. С. 15–16. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>168</sup> Пример непонимания видим в книге А. М. Эткинды «Хлыст (Секта, литература и революция)» (М., 1998. С. 244–245), нашедшего здесь «апологию искушения» и «логику крайних сект». Да, это не «гладкий дискурс» и «умеренный жанр», желательные критику, а пламенное юродство проповеди, чётко соответствующее святоотеческой мысли. Но незнакомым с глубинами христианства молитва о спасении через *крайнее средство* кажется скандальной (1 Кор. 1, 23) и связывается с более понятным ярлыком «хлыстовства». Ср.: «Эткинд написал книгу... в которой под хлыстовство подвёрстывается всё и вся» (Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М., 2007. С. 108).

<sup>169</sup> Имеется в виду фантазия «Второе распятие Христа» (С-I. 663), но обвинение в кощунстве не было единственным (С-II. 656, 726).

<sup>170</sup> «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!» (Ис. 5, 21); «Сам человек часто и видеть не может своей немощи и гибнет в самодовольстве» (Феофан Затворник, свт. Внутренняя жизнь. М., 1998. С. 97); «Самодовольство — самая пагубная вещь, подсекающая ревность и прекращающая живодейственность... Охлаждение же сердца много имеет причин. Главная из них самодовольство



и самомнение... Бесчувствие и охлаждение — это прямое следствие самовозношения и самодовольства Чего вам больше всего опасаться должно? Самодовольства, самоцена, самомнения... Бойтесь сытости... Когда вы стоите в полном недовольстве собою, то вы в добром чине; коль же скоро хоть малое чувство самодовольства придёт, и начнёте вы цену себе давать, знайте, что вы не в своём виде, и начинайте тогда теревить себя... Всё другое ничто, когда сего нет. Были люди, которые одним смирением без подвигов спаслись» (*Феофан Затворник*, свт. Собр. писем. Т. 1. М., 2000. № 1029, 562, 732, 200, 697, 703); «Счастливым мира заграждает путь к небу пагубное самодовольство» (прот. Валентин Амфитеатров); «И предстоит лицемер человечеству... на наружности его видна добродетель, которой в сущности он вовсе не имеет, в душе его видны самодовольство и напыщенность... Болезненно наслаждается он убивающим его тщеславием» (*Игнатий Брянчанинов*, свт. Творения. Т. 4. СПб., 1905. О вреде лицемерства); «Зрение себя является в нищете духа, а не в самодовольстве и самонадеянности... Предшествует чистоте зрение и сознание своей нечистоты» (Там же. С. 456, 487).

<sup>171</sup> «Скоротечец на всём протяжении своего поприща, непрестанно стремится вперёд, потому что, сколько бы ни скор был его начальный бег, остановясь прежде конца поприща, он не получил бы награды» (*Филарет Московский*, свт. Слова и речи. Т. 4. М., 1882. С. 623).

<sup>172</sup> До публичного опровержения, на совести Александра Эткинда остаётся приписка Свенцицкому «радикальной идеи, согласно которой мука и грех, и в частности сексуальный грех, есть единственный путь к спасению» (Указ. соч. С. 245).

<sup>173</sup> «...Прорывающиеся акты осуждения часто разоряют весь строй внутренний... Очень не любит этого Господь. Осуждение от самодовольства рождается и самодовольство питает. То и другое показывает, что самость жива и жирна» (*Феофан Затворник*, свт. Указ. соч. № 557). Ср. прим. 82.

<sup>174</sup> Во всяком случае, в «Трёх разговорах...» Антихрист проявлял величайшее воздержание, был аскетом и филантропом (*Соловьёв В.* Сочинения в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 740).

### «Майский жук»

НЗ. 1911. № 19. Июль. С. 12–13. Подпись: Далёкий Друг.

*Мечников* Илья Ильич (1845—1916) — биолог, физиолог и патолог, лауреат Нобелевской премии (1908), сторонник позитивизма. В кн. «Этюды о природе человека» (М., 1961. С. 18–19) писал: «...только положительное знание способно вывести человечество на верный путь... от решение от животности нужно сдать в архив». Общество астраханских врачей в честь его приезда провело 19 мая 1911 торжественное заседание (изложение доклада: *ЦМ*. 1911. 25 мая. № 111); на последующем банкете, помимо закусок и напитков, подавались суп-пюре из шампиньонов,

разварные осетры, жаркое из индейки, рябчика, куропатки, разные пирожки, мороженое и ананасы.

<sup>175</sup> Ср.: «Каждый... испытал при смерти близких, дорогих людей, ощущение чего-то бессмысленного, нелепого» (*Трубецкой. С. Собр. соч. М., 1908. Т. 2. С. 349*).

### В лесу

*НЗ.* 1911. № 20. Июль. С. 14–15. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>176</sup> По данным начальника Саратовского губернского жандармского управления от 7 сентября 1911, «Вячеслав Платонович Платонов, проживающий в течение последних двух месяцев, без определённых занятий, в квартире священника Краснова, на хуторе Ново-Никольском, близ г. Царицына, ранее состоял сотрудником газеты “Царицынская мысль”. Сведений компрометирующих его политическую благонадёжность в делах вверенного мне Управления не имеется. Наблюдение за Платоновым установлено» (ГАРФ. ДП-ОО. 1911. Д. 56, т. 1, ч. 3, л. 296). См. также прим. 516.

<sup>177</sup> *Максимов* Владимир Романович — владелец лесопильных заводов (в т. ч. у хутора Ново-Никольский, 400 рабочих, годовой оборот 1,4 млн руб.), складов лесоматериалов, проволочно-канатного и гвоздильного завода в Ростове, недвижимого имущества в Царицыне; гласный Ростовской думы (1883–1887). Прототип главы семейства в пьесе «Наследство Твердыниных» (ср.: *С-1. 428*).

<sup>178</sup> Ср.: *Толстой.* 42, 232; дневник от 1 и 11 марта, 20 мая 1910.

<sup>179</sup> Одно из указаний на год рождения Свенцицкого — 1881.

<sup>180</sup> *Карлейль Т.* Этика жизни. Трудиться и не унывать! СПб., 1906. Гл. I.17.

### В дороге

*НЗ.* 1911. № 21. Июль. С. 11–13. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>181</sup> Описанные события чрезвычайно похожи на попытку самоубийства Брехничёва после закрытия газеты «Город и деревня»; см. отклик еп. Михаила (Семёнова) (*Современное слово.* 1909. 16 августа. № 601).

### Волга и Кама

*НЗ.* 1911. № 22. Июль. С. 10–12. Подпись: Далёкий Друг.

1 августа 1911 на поступивший накануне в МКДП номер журнала был наложен арест и возбуждено уголовное преследование против редактора Сергея Ивановича Тупицына по п. 6 ст. 129 УУ за напечатание этой статьи. 22 августа началось следствие, но допрос состоялся только 16 января 1912. Тупицын вины не признал: по его словам, статья «имеет своей целью только осуждение богатых классов и порицание их поведения», но не стремится «возбудить против богатых вражду бедных классов»; псевдоним автора раскрыл (видимо, подтвердив показания Н. Н. Степаненко по делу о «секте голгофских христиан»), но сведений

о нём не предоставил. Не удалось их получить и в редакции. 21 января судебный следователь МОС по важнейшим делам сообщал Охранному отделению при московском градоначальнике: «В производстве моём имеются два дела о редакторе журнала “Новая земля” Тупицыне, обвиняемом по 129 ст. за помещение статей, подписанных “В. Свенцицкий”. По объяснению Тупицына, Свенцицкий — бывший студент московского университета, литератор». 16 февраля «за невыяснением личности автора статьи решено дать делу дальнейшее движение в отношении одного редактора Тупицына». 10 сентября МСП вынесла ему приговор: 2 месяца тюрьмы (ЦИАМ. Ф. 131, оп. 79, д. 136; ГАРФ. Ф. 63, оп. 32, д. 488, л. 3).

<sup>182</sup> Далее упоминается 1-й романс «Не плачь, дитя» героя оперы А. Г. Рубинштейна «Демон» (1871).

<sup>183</sup> Построенный на Воткинском заводе пароход «Усердный» курсировал по Каме вплоть до 1920-х.

### Урал

*НЗ.* 1911. № 23. Август. С. 12–13. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>184</sup> Ср. окончание рассказа «Голодная “ёлка”» (*С-И.* 530).

<sup>185</sup> Франко-германский конфликт по поводу протектората над Марокко обострился после 18 июня 1911. В марте 1911 началось второе восстание албанского народа против владычества Турции. См. также прим. 485, 490.

### Опять в лесу

*НЗ.* 1911. № 24. Август. С. 13–15. Подпись: Далёкий Друг.

### Смерть

*НЗ.* 1911. № 26. Октябрь. С. 12–14. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>186</sup> Судя по воспоминаниям (*С-И.* 63–65, 190, 204–205), бабушка по материнской линии Юлия Ивановна Холгоненко была для Свенцицкого в детстве самым дорогим человеком, именно ей он обязан религиозным воспитанием. Ср.: *С-И.* 533.

<sup>187</sup> «Большинство так живёт и, главное, так думает и так чувствует, как будто бы никакой смерти нет. Самый универсальный, самый кричащий, самый непонятный из всех фактов игнорируется совершенно теми, кто все теории свои хочет строить на почве одних лишь фактов... Получается нечто в высшей степени странное. Вытеснять мысль о смерти мыслительным процессом — это научно. Останавливаться же на этой мысли серьёзно, с целью выяснения её до конца — это патологично» (*Эрих В.* Сочинения. М., 1991. С. 181–184). «Но что удивительно: все живут так, словно “ничего не знают”... Мы спокойно уживаемся с идеями, которые перевернули бы всю нашу жизнь, если бы мы их пережили во всей их истинности» (*Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990. С. 31–32).

## «Голубой сон»

НЗ. 1912. № 7/8. Февраль. С. 14–16. Подпись: Далёкий Друг.  
<sup>188</sup> Ср.: С-1. 256.

## У святителя Иоасафа

НЗ. 1912. № 9/10. Март. С. 13–15. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>189</sup> Торжества по случаю канонизации еп. Белгородского и Обоянского Иоасафа (1705—1754) проходили 2–9 сентября 1911, мощи были открыты 4 сентября.

<sup>190</sup> *Иоанникий* (Ефремов; 1863—1914), еп. — с 1905 еп. Белгородский, викарий Курской епархии; много потрудился в деле прославления свт. Иоасафа. Описана служба в Белгородском Свято-Троицком мужском м-ре.

<sup>191</sup> Белгородский Рождество-Богородицкий женский м-рь владел частью урочища Лога и дубовой рощей близ с. Ячнев Колодезь, в семи верстах от города. Летом в скит (десяток келий, более 50-ти насельниц, хр. Спаса Нерукотворного Образа) совершались крестные ходы с явленной на том месте чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Корсунской. Причина поездки Свенцицкого остаётся загадкой.

<sup>192</sup> Императорская семья посетила Белгород 17 декабря 1911.

## Чёрное море

НЗ. 1912. № 11/12. Март. С. 16–19; К новой земле. № 1. Март. С. 16–19. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>193</sup> *Чарыков* Николай Валерьевич (1855—1930) — дипломат, государственный деятель; с 1909 посол в Константинополе, отозван в марте 1912 после неудачных переговоров о проливах. На его место был назначен Михаил Николаевич Гирс (1856—1932).

<sup>194</sup> Искажённая цитата из поэмы В. С. Соловьёва «Три свиданья» (1898). Ср.: «Под грубою корою вещества / Я осызал нетленную порфиру / И узнавал сиянье Божества».

<sup>195</sup> Последняя строфа стихотворения Н. А. Клюева «Песнь похода» (1912).

## Монах-политик

МГК. 1912. 28 февраля. № 48. С. 3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>196</sup> Скорее всего, это была выборка из записок инока Феофана, изданных под заглавием «Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского» (СПб., 1912).

## Когда же придёт настоящий день?

Новая Русь. 1910. 4 февраля. № 34. С. 6. Отдел «Звезда утренняя»; НЗ. 1910. № 1. 13 сентября. С. 2–4. Подпись: Далёкий Друг.

Над трактатом «Религия свободного человека» (авторский подзаголовок: «Опыт цельного изложения христианского мировоззрения»)

Свенцицкий работал более 10-ти лет, но по условиям революционного времени издать целиком не смог; опубликованная в 1919 часть труда, касающаяся социализма, войдёт в соответствующий том Собрания сочинений. Рукописи не найдены. В настоящий раздел вошли статьи, соответствующие теме.

О ходе работы автор писал: «Незадолго перед смертью незабвенного проф. московского университета кн. С. Н. Трубецкого — я имел с ним разговор, из числа тех, которые остаются на всю жизнь. Речь шла о том, что теперь я называю “религией свободного человека”. И Трубецкой мне сказал: “То, что вы задумали, — и можно и должно думать на студенческой скамье. Но огорчу вас пророчеством: вы сделаете это, только когда поседаете”. Пророчество почти сбылось! Правда, я ещё не поседел — но ведь и книга ещё не закончена... И иногда мне кажется, что сочинение будет “посмертным”. “Религия свободного человека” — моя программа! В основу книги положена ненависть моя к *рабству*. ...Я объявляю войну всем понятиям нашим, всему укладу жизни, рабской науке, рабской религии, рабской морали, рабскому искусству, рабской политике, рабской жизни и рабской смерти» (Маленькая газета. 1917. 4 января. № 3; 1916. 23 ноября. № 312). См. также: Наст. изд. С. 75, 112.

<sup>197</sup> Добролюбов Н. Когда же придёт настоящий день? // Современник. 1860. № 3.

<sup>198</sup> «Борьба за свободу наполняет всю историю человечества. Поначалу человек боролся с окружающей его природой, так как первая его неволя сводилась именно к рабству стихиям. Затем к ней добавилась борьба с другими... людьми, навязавшими ему свою власть и силу и ставшими для него господами и тиранами... Не переставала и вечная борьба человека с самим собою... как с рабом во имя себя как свободного... Ни одна борьба для человека ещё не завершена» (Николай Сербский, свт. Творения. О Боге и людях. М., 2006. С. 23). См. также: С-II. 276–277.

<sup>199</sup> Акт об отречении от престола последнего китайского императора Пу И был подписан 12 февраля 1912; император Николай II, на которого намекает Свенцицкий, продержался на 5 лет дольше.

<sup>200</sup> «...Где же осуждение [совести], там ещё нет свободы (от греха и страстей). Если... никаким жалом зла не уязвляется, тогда он истинно свободен» (Добролюбие. 1, 342). «Свойство совести, раздражённой грехом, таково, что она нагнетает в душу грешника мучительный страх или боязнь за соделанные преступления и удаляет его... от лица Господня... И после прощения грехов остаются шрамы, т. е. упреки совести» (Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 287, 442). «Истинная свобода есть деятельная способность человека, не порабождённого греху, не тяготимого осуждающею совестью, избирать лучшее при свете истины Божией и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией» (Филарет (Дроздов), свт. Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 459).

<sup>201</sup> Дан. 9, 24; Пс. 118, 142. «Приидите, вси языцы, благословенному Древу поклонимся, имже бысть вечная правда» (Великая вечерня в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня).

### **Не «праздничные» думы**

МГК. 1910. 28 декабря. № 208. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>202</sup> Ин. 16, 33; Рим. 3, 21–22; Ис. 28, 17–18. Ср.: «Церковь как благодатное общество предвкушает ещё здесь, на земле, небесное веселие, находясь в тесном общении с Подателем всех благ — Богом» (Иоанн (Маслов), схиархим. Указ. соч. С. 203).

<sup>203</sup> «Никто так мерзко не умеет праздновать своих праздников, как мы, русские, православные христиане! Пьянство, разгул, драки, побои, брань самая скверная, отвратительный разврат, бешеные удовольствия — это, значит, у нас праздник! Да, праздник дьяволу, а не Господу Богу!» (Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. СПб., 2006. С. 253).

<sup>204</sup> Ср.: «рабы похотей и различных удовольствий» (Тит. 3, 3).

<sup>205</sup> 2 Кор. 3, 17; Ин. 3, 17; Отк. 12, 10.

### **Рождество Христово**

НЗ. 1910. № 15. Декабрь. С. 2–3. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>206</sup> «Праздники проводи не в винопитиях, но в обновлении ума и душевной чистоте. Наполняя же чрево яствами и винопитиями, прогневишь паче того, кому посвящается празднество» (Добротолюбие. 3, 354).

### **Тайна волхвов**

МГК. 1911. 25 декабря. № 297. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

ЦМ. 1911. 25 декабря. № 284. С. 2. Под названием «Рождество Христово». Подпись: В. С. Объединены близкие по смыслу и опубликованные в один день статьи.

<sup>207</sup> И по мнению Бердяева («Философия свободы», гл. V.2), в дохристианском мире «не было создано единство человечества», с явлением Христа «началась всемирная история человечества».

### **Новый год**

НЗ. 1912. № 1/2. Январь. С. 6–7; Пробуждение. 1913. № 1. С. 33. Подпись: Далёкий Друг.

### **На Новый год**

НЗ. 1911. № 1. Январь. С. 2–3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>208</sup> Чуть раньше В. А. Анзимиров писал о журнале: «Вначале чувствуешь к нему некоторое предубеждение: такой он маленький, скромный, невзрачный... Будто мужик в зипуне и лаптях, затесавшийся, незваный-непрошенный, к торжественной митрополичьей заутрени богатого чинного Исаакиевского собора, среди нарядных дам в белом,

золотых мундиров, звёзд, лент, фраков и эполетов... Кружок пламенно верующих, собравшийся около “Новой земли”, идёт не *от разума*, не “мудрствует лукаво”... они идут дорогой к человеческому сердцу, самой верной и простой, через *искусство, искренность и личный пример*. Не меч, а мир несут они людям, задыхающимся от злобы и озверения» (Трудовая копейка. 1910. 22 ноября. № 55).

<sup>209</sup> «Никакие человеческие установления, в т. ч. формы и механизмы общественно-политического устройства, не могут сами по себе сделать жизнь людей более нравственной и совершенной, искоренить зло и страдания. Важно помнить, что государственные и общественные силы имеют реальную способность и призвание пресекать зло в его социальных проявлениях, но они не могут одержать победу над его причиной — греховностью. Сущностная борьба со злом ведётся в глубине человеческого духа и может иметь успех лишь на путях религиозной жизни личности... Свобода есть одно из проявлений образа Божия в человеческой природе» (ОУ. III.2; II.1).

### Наши ближайшие задачи

НЗ. 1911. № 2. Январь. С. 2–3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>210</sup> Ср.: 1 Ин. 4, 3. «К вопросу о воплощении Христа Ориген возвращался в своих работах не раз, но везде мы обнаруживаем то понимание “Христа Земного”, которое было сформулировано в сравнительно раннем трактате “О принципах” и позже стало традиционным для ортодоксального христианства» (Светлов Р. Гнозис и экзегетика. СПб., 1998. Гл. III.1).

<sup>211</sup> Подр. см.: С-II. 14–15. «Царствие Небесное получают достойные по смерти, а Царствие Божие твёрдо верующие и тщательные приобретают и в настоящей жизни» (Собрание писем оптинского старца Амвросия к монашествующим. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908. С. 48); подр. об этом разграничении: Светлов П., прот. Идея Царства Божия в её значении для христианского мирозерцания. Сергиев Посад, 1904. По мысли П. А. Флоренского: «Церковь имеет задачей водворить в твари Царство Божие, т. е. приобщить конечное и временное бесконечному и вневременному».

<sup>212</sup> Ср.: «Достижение Царствия Божия на земле, в виде свободного союза свободных общин, объединённых одним духом религиозного христианского сознания, — вот смысл всего общественного движения и его конечная идеальная цель» (Беневский И. Смысл и значение земельно-сельских общин // Жизнь для всех. 1911. № 5. С. 626). Славянофилы также полагали задачей народа нашего — Царствие Божие, «создание христианского общества» (Аксаков. 3, 388–389).

<sup>213</sup> «Нельзя ставить пределы соборному творчеству Церкви и утверждать, что вероучительная деятельность соборов вся уже закончена по содержанию и сами соборы достигли совершенства в их конституции» (Карташёв А. На пути к Вселенскому Собору. Париж, 1932. С. 52).

Ср.: «Созыв осенью 1905 г. святителем Агафангелом (Преображенским) Епархиального собора в Риге явился событием, имевшим огромное значение... для всей церковной жизни России. После двухвекового перерыва соборное начало было восстановлено святителем на уровне... епархии и во многом способствовало подлинно творческому обновлению жизни православных христиан» (*Митрофанов Г.*, прот. Трагедия России. СПб., 2009. С. 53); в частности, Собор преобразовал порядок богослужения.

<sup>214</sup> «...Другая подмена — вообразить, что в догматах, таинствах, иерархии самих по себе, отдельно и отвлечённо взятых, состоит вся сила христианской религии» (*Соловьёв В.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 306).

<sup>215</sup> К. М. Азадовский отметил, что эти мысли «не могли не импонировать и Блоку, и Клюеву» (*Клюев Н.* Письма к Александру Блоку: 1907–1915. М., 2003. С. 101).

<sup>216</sup> В 1917 сторонник этой идеи писал: «...затем молимся мы об оживлении религиозных сил народа... чтобы началась новая жизнь, чтобы прилизились в нас к воплощению святая сорбность — не только в душе, но и в бытии вещественном» (*Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М., 1994. С. 394).

<sup>217</sup> Еф. 1, 10. Свт. Феофан Затворник толкует: «Так небо и земля — всё сущее — во Христе Иисусе гармонически сочетается» (М., 2004. С. 105).

<sup>218</sup> Подр. см.: *Иоанн Дамаскин*, прп. Точное изложение православной веры. Кн. 3. Гл. 3.

### **Христос воскрес!**

НЗ. 1911. № 15/16. Апрель. С. 3–4. Подпись: Далёкий Друг.

МГК. 1911. 10 апреля. № 82. С. 3. Подпись: В. Свенцицкий.

Объединены две статьи с одинаковым заглавием.

<sup>219</sup> «В жизни пугает не смерть, а бессмыслица. Вот живёт человек 50-70 лет — и миг рассыпается на атомы. А значит, всё самое дорогое, возвышенное оказывается призраком, подлой обманкой. Если все тонкие движения нашей души — это только электрохимические колебания нервных волокон, тогда и убить не страшно...» (*Пётр (Василенко)*, иером. Обитаемый остров // Аргументы и факты. 2009. № 24. С. 3).

<sup>220</sup> «Бог — есть не только утешение, но *сила* на подвиг, труд, на деятельность, на *жизнь*» (*Аксаков*. 3, 297).

<sup>221</sup> «Если у нас грех, неправда и искушение, то всё равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле... Знает же народ Христа Бога своего, может быть, ещё лучше нашего... потому что во много веков перенёс много страданий и в горе своём всегда... слышал об этом Боге-Христе своим от святых своих» (*Достоевский*. 14, 29; 22, 113).

<sup>222</sup> Ср.: «христианство Достоевского уже с Голгофой, но *ещё* без Воскресения» (*Фудель С.* Собр. соч. Т. 3. М., 2005. С. 65).



<sup>223</sup> Обыгрывается концовка «Деревни» (1819) А. С. Пушкина.

<sup>224</sup> «...Не воскреснет ни русский, ни славянский мир, не обретёт цельности и свободы, пока не совершится внутренней реформы в самой Церкви, пока Церковь будет пребывать в такой мертвенности, которая не есть дело случая, а законный плод какого-нибудь органического недостатка» (Аксаков. 2, 483). Под последним разумеется отсутствие соборности. См. также: Наст. изд. С. 295.

### Церковь будущего

НЗ. 1911. № 20. Июль. С. 4–5; Пробуждение. 1912. № 24. С. 765–766. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>225</sup> Ср.: «Дело спасения мира не закончилось на исторической Голгофе, и служение Христово продолжается в Церкви Его... Мы все соратники Бога в деле Его спасительного домостроительства» (Экземплярский В. Жизнь и свет. М., 2009. С. 72, 74).

### Будет ли когда-нибудь на земле «рай»

НЗ. 1911. № 21. Июль. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>226</sup> Мф. 24, 7–15.

<sup>227</sup> «В начале христианской истории то и другое неопределённо, добро и зло в отношениях мира ко Христу перемешаны... Христианская история не есть прогресс христианства, не есть история постепенного расширения христианства в направлении к полной видимой победе Христа над миром, она совершается не одною Церковью, но Церковью и миром, она направляется к выделению пшеницы от плевел, к ясной постановке в сердцах человеческих вопроса: Христос или антихрист?» (Тареев М. Цель и смысл жизни. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903. Ч. 2. Гл. 4.V).

<sup>228</sup> Подр. см.: С-I. 222–223; С-II. 258–259. Об «усилении зла» говорил свт. Иоанн Златоуст (Беседа 12 на Книгу Бытия), примечал «возрастающее *приумножение беззакония*» свт. Филарет Московский (Слова и речи. Т. 2. М., 1874. С. 288): «Осмотрите... не примечаете ли, как враг... сошёл на землю, устремился на возмущение и разрушение земных обществ разнообразным оружием неверия, ложной философии, забвения о душе и о будущей жизни, необузданной роскоши, неукротимого своевольтва, клятвопреступных злоумышлений, отчаянной дерзости, беззаконий и злодейств, которых устыдились и ужаснулись бы языческие гражданства? И какие страшные успехи сделал он во время мало!» Не утеряно было прозрение и в XX в.: «И грех, и добродетели растут и множатся, и причём стремительно» (Николай Сербский, свт. Указ. соч. С. 54).

### Маскарад

Трудовая копейка. 1912. 7 января. № 1. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>229</sup> «Всё меняется, ничто не исчезает» (Овидий).

<sup>230</sup> Рим. 12, 2.

<sup>231</sup> «Пренебрежение конкретной действительностью... составляет историческую трагедию христиан» (*Виталий Боровой*, прот. Проблемы сосуществования как завет жизни и мира // Журнал Московской Патриархии. 1964. № 8. С. 44). «Ведь это они [сторонники поддельного христианства], *отделяя* все человеческие задачи от Духа Христова, отрицают всю силу Его воплощения... Сводя христианство к *отвлечённому догмату*, отрицая его реализацию в социальной и политической жизни, они явно показывают, что не исповедуют на деле Христа, *пришедшего во плоти*» (*Соловьёв В.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 314). Подр. см.: С-II. 143–148, 509–511.

### **Человек — сын Божий**

НЗ. 1911. № 26. Октябрь. С. 8–9. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>232</sup> Из предисловия к кн. «Соединение, перевод и исследование четырёх Евангелий» (*Толстой.* 24, 7).

<sup>233</sup> Тема подробно разрабатывалась Свенцицким (напр.: С-II. 141–143, 510–511), впоследствии его идеи и формулировки активно использовал Бердяев, в т. ч. в статьях «Гасители духа» (Русская молва. 1913. № 232), «Хомяков и свящ. Флоренский» (Русская мысль. 1917. № 2): «...рабий страх и есть величайшая отрава нашей церковной жизни. И ни в чём так не нуждается наша церковная жизнь, как в появлении людей высшего религиозного достоинства и высшей религиозной свободы... Имманентизм, глубоко продуманный, и есть религия свободы и свободных... Великая духовная реформа, которая нужна России как спасение... и будет углублённым переходом к имманентизму, к радикальному сознанию творческого призвания и господского достоинства человека».

<sup>234</sup> Более чёткую формулировку см.: Наст. изд. С. 7.

<sup>235</sup> «...Возжелавший быть сыном Божиим и родиться свыше от Духа... должен приобрести новые некие и необычайные пред всеми мирскими людьми и веру, и понятие, и жизнь» (*Макарий Египетский*, прп. Беседа 48. Гл. 6).

### **Научитесь любить себя**

НЗ. 1912. № 1/2. Январь. С. 11–13; Пробуждение. 1913. № 9. С. 294. Подпись: В. С.

<sup>236</sup> Лев. 19, 18. Этими слов не было при изречении десяти заповедей, но подлинно *новая* заповедь Христа гласит: «любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Лк. 13, 34).

<sup>237</sup> «Мы не хотим полуязыческих-полужитейских рассуждений, мы ставим вопрос прямо: веруете вы в Христа или нет?» (С-I. 103–104). «Христианство, отбрасывая прочь всё фальшивое и враждебное себе, должно будет произвести переворот в области всех застывших, косных общественных форм и междуличных отношений. И признаков не должно остаться от всей той полухристианской лжи, которая накопилась здесь» (С-II. 505).

<sup>238</sup> «Надо любить других, как себя? Но надо любить других не для других, а для Бога, в Боге: таков завет Христа. И прежде, чем так полюбить других, надо и себя полюбить не для себя, а для Бога, в Боге... Бесконечная любовь к себе, бесконечная любовь к другим есть одна и та же любовь к Богу. Надо отдать себя другим? Но, чтобы отдать себя, надо сперва иметь себя, найти себя, владеть собою. Многие ли из нас действительно нашли себя, овладели собою?» (*Мережковский Д. Лев Толстой и Достоевский. Т. 2. Ч. 1. Гл. 2*).

<sup>239</sup> Ср. написанное тремя годами позже: «...на вечное в любимом устремляет свой взор истинная любовь, но это вечное провидит в самом временном, малом и смертном и всё оправдывает в последнем, кроме греха, как чего-то чужого и не принадлежащего к его подлинной сущности; зато всё, от греха очищенное, как бы ни казалось оно случайным, принимает и утверждает и этим... приобщает к бессмертию» (*Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 349*).

<sup>240</sup> Цель христианина — уподобиться Богу, обожиться (см.: *С-П. 15; ОУ. I.3*). Для этого необходимо раскрыть в себе образ Божий, полюбить не то, что есть, а того, кем должен стать по предвечному замыслу; не отречься «от Божества своего, т. е. от *самого себя*» (Наст. изд. С. 176). «Человек находит в Церкви... самого себя, но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе духовного единения со своими братьями, со своим Спасителем. Он находит в ней себя в своём совершенстве, или, точнее, находит в ней то, что есть совершенного в нём самом» (*Хомяков А. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 87*). О родственном понятии «сыноположение» см.: *Василий Великий*, свт. О Святом Духе. Гл. 2, 15; *Иоанн Лествичник*, прп. Лествица, или Скрижали духовные. Слово 30. Гл. 9; *Афанасий Великий*, свт. Толкование на псалмы. 126.2; *Иоанн Златоуст*, свт. Толкование на св. Матфея Евангелиста. Беседа 19.4.

<sup>241</sup> «Христианская любовь проходит свои стадии развития: любовь к себе переходит в любовь к родителям, затем в любовь к врагам и, наконец, в любовь к Богу... Если бы люди и впрямь прониклись христианской любовью к себе, то в них быстро зародилась бы и христианская любовь к своим друзьям, а потом и к врагам. Но эта главная любовь людей — любовь к самим себе — всё ещё по большей части животна, эгоистична, прожорлива, нечиста; впрочем, такова и всякая другая любовь, для которой та первая служит основой» (*Николай Сербский*, свт. Указ. соч. С. 96).

<sup>242</sup> «Себялюбие и самоуверенность — это лишь неодобрительные наименования того в высшей степени достойного одобрения и плодотворного качества, более красивое имя которому — благочестие... Противоположность этой очень сильной добродетели — неуважение к себе, равнодушие к собственному “я”, равнодушие, от которого и миру ничего хорошего не приходится ждать. Кто пренебрегает собой, тот быстро опустится... Притязание человеческого “я” на центральное положение в мире было предпосылкой открытия Бога... Высшая оценка

собственного “я” вовсе не предполагает его обособления, его изоляции, его безразличия ко всеобщему, внеличному и надличному... Это расширение своего “я”, его слияние с вечно Сущим... в Котором оно себя узнаёт, — а такая утрата замкнутости и единичности не только не наносит ущерба его достоинству, не только совместима с этим достоинством, но и торжественно освящает его» (*Мани Т. Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 2. С. 622*).

<sup>243</sup> Ср. противопоставление в романе «Рудин» двух форм себялюбия: одна уподобляется самоубийству и засыханию одинокого, бесплодного дерева, а другая определяется как «деятельное стремление к совершенству... источник всего великого» (*Тургенев И. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1961. С. 29*).

<sup>244</sup> Проповедь совершенно согласуется со святоотеческим преданием: прп. *Максим Исповедник* определяет самолюбие как «неразумную любовь к телу, безрассудное любление тела» (*Добротолюбие. 3, 204, 222*); противоборствовать сему и призывает *Свенцицкий*.

<sup>245</sup> Схожие мысли позднее высказал Бердяев: «Задача человеческой жизни — окончательно освободиться от всего элементарно-нашущного, хлебного, трудового, семейного, биологически-родового, окончательно перейти в свободу, в творчество, в высшую лёгкость, в вечное зачатие новой жизни и вечное открытие новых миров» (*Вопросы философии. 1990. №. 2. С. 126*).

### Великий пост

*МГК. 1912. 10 февраля. № 33. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.*

<sup>246</sup> Мф. 9, 14–15. Свт. Иоанн Златоуст толкует: «Смысл же слов Христовых следующий: настоящее время есть время радости и веселья; итак, не делай его временем печали. А пост действительно имеет в себе нечто печальное, не по своему свойству, но потому, что ученики ещё слабы, хотя, напротив, для желающих любомудрствовать, он составляет приятное и вожденное занятие... Христос вместе с тем начинает предсказывать и о Своём страдании, заранее приучая учеников Своих помышлять о происшествиях по-видимому скорбных» (*Беседа 30*).

<sup>247</sup> «...Христианин не должен выстраивать частокол вокруг себя и отгораживаться от мира, которому Церковь призвана благовестить спасение» (*Кирилл (Гундяев), митр. Доклад на Архиерейском Соборе РПЦ, 24 июня 2008*).

<sup>248</sup> «Церковь наша и всё духовенство поладили с современностью, заслонили истину или, яснее, так обмотали евангельские истины своею обрядовою, административно-полицейскою стороною, что не всякий в состоянии отделать её» (*Аксаков. 2, 98*).

<sup>249</sup> «Мы так построили свою мирскую жизнь и так понимаем религиозное дело, что между тою и другим образуется непроходимая пропасть... Мы думаем, что религия религией, а жизнь жизнью» (*Тареев М. Цель и смысл жизни. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903. Ч. 1. Гл. 1. III*).

<sup>250</sup> «В анамнезисе Христовых страданий творится самое действие страстей Господних» (*Киприан (Керн)*, архим. Евхаристия. Париж, 1947. С. 44).

<sup>251</sup> 2 Кор. 5, 17. «Принятие христианства означает полное перерождение человека» (*Николай Сербский*, свт. Миссионерские письма. 250); «Мы носим имя христиан: стали ли мы новою тварью, изменили ли свою природу или остаёмся всё такими же, какими были некогда язычники? Если христианство не переродило нас — много ли нам от него пользы?» (*Иоанн Кронштадтский*, св. прав. Дневник. Т. 1. 1856. Тверь, 2005. С. 89).

### Кто спасётся?

*НЗ.* 1912. № 9/10. Март. С. 6–8. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>252</sup> Ср.: «Благочестие, то есть служение с верой и верность до готовности отдать жизнь, возможно в любом вероучении и на любой ступени, и единственный критерий искренности и ценности всякого личного благочестия — такое служение и такая верность» (*Гессе Г.* Игра в бисер. Новосибирск, 1991. С. 140). «Но видите ли посему, братия мои, как в день суда мы имеем оказаться неверными, и быть преданы горшим мукам, чем те, кои совсем не знали Христа, т. е. неверные?» (*Добротолюбие.* 5, 497).

<sup>253</sup> «Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чём из вещей мысленных... Суд Божий взирает не на одно то, что делается, но на намерения, с какими делается... Бог смотрит на наше произволение и судя по нему подаёт дары» (*Добротолюбие.* 5, 130; 3, 200, 130).

### Основное начало «Религии свободного человека»

*НЗ.* 1912. № 15/16. Апрель. С. 14–15. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>254</sup> Ср.: Гал. 3, 24–26; Рим. 10, 4.

<sup>255</sup> «...Само христианство есть не что иное, как свобода во Христе» (*Хомяков А.* Соч. богословские. СПб., 1995. С. 185); «христианство есть религия свободы, т. е. свобода есть содержание христианства, есть материальный, а не формальный принцип... Христианину безмерно дорога свобода, потому что свобода есть пафос его веры, потому что Христос есть свобода» (*Бердяев Н.* Философия свободы. Гл. VI).

### Основные начала «Религии свободного человека»

*НЗ.* 1912. № 19/20. Май. С. 13–16. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>256</sup> Юридическое понимание искупления характернее для протестантизма, но «латино-немецкое засилье» (выражение сщмч. Илариона Троицкого) оставило печальный след и в православии; ср.: «Вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он, взامن нас, уплатил Своею Кровью долг Правде Божией за наши грехи» (*Макарий (Булгаков)*, архиеп. Православно-догматическое богословие. Т. 2. СПб., 1883. С. 148). Ср. также: «Многие христиане стали думать, что

Христос поднялся на крест, чтобы избавить нас от наших грехов. Нет ничего более противного и духу и слову Евангелия. «Радость», которую обещал принести Христос своим ученикам, есть «радость — страдание», достижимое лишь для тех, кто идёт Его путём. Об этом могут забывать массы... но никогда не забывали духовно-чуткие» (Федотов Г. Собр. соч. Т. 9. М., 2004. С. 326).

<sup>257</sup> «...Не чувствуется действующей в них силы. Люди являются христианами по имени... а на самом деле, как будто, лишены мощи, которую даёт вера... Без действительной силы христианство является обуювшею солью и потухшим светильником... О мощи, даваемой христианину, должно говорить не в переносном, а в подлинном смысле. Подрывают и разрушают христианство... сами верные, безбожно умаляющие и отметающие обещание Господа о горе, ввергающейся в море по слову верующего» (Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001. С. 421).

Ср. слова еп. Иннокентия (Солодчина): «Вот жалуется, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать-то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твёрдой пищи» (Вениамин (Федченко), митр. На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 155).

<sup>258</sup> Лк. 17, 21. Ср.: «...существующее для нас царствие Божие должно быть нашим собственным душевным состоянием, именно состоянием внутреннего соединения с Божеством» (Соловьёв В. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 311).

<sup>259</sup> «...Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли духа усыновления» (Рим. 8, 15). По определению игумена Петра (Мещеринова), есть две церковно-аскетические парадигмы: одна ставит во главу угла *недостойнство* человека и его неспособность в настоящей жизни принять Божию благодать из-за греховного состояния его падшей природы; а другая — богообщение, живое и радостное чувство веры, готовность исполнения воли Бога с благоговением и сознанием *сыновней* зависимости от Бога. Но мысль о ничтожестве человека, «окаянстве», несостоятельности «в нашей церковной среде получила самое массовое распространение» (цит. по: Приход и община в современном православии. М., 2011. С. 318, 331).

<sup>260</sup> «Что для любви законы, если она не грешит, а воюет с грехом? ... Что для неё и заповеди, если она исполняет их прежде, чем услышит? ... Сыны Божии суть сыны любви» (Николай Сербский, свт. Указ. соч. С. 96).

<sup>261</sup> «Непорочны пред престолом Божиим... те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошёл» (Отк. 14, 4–5). «Путь истинного христианского подвижничества всегда есть путь восхождения на Голгофу» (Анастасий (Грибановский), митр. Беседы с собственным сердцем. СПб., 2007. С. 463). «Грубая подделка христианства... воззрение, по которому человеку принадлежит лишь чисто пассивная роль в деле Бо-

жем», тогда как «сыны царствия свободы призваны к сознательному и самодеятельному участию в деле Отца» (Соловьёв В. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 312). «Призыв к подвигу есть призыв к личной Голгофе, через которую человек ведёт борьбу с темнотою внутри себя, а тем самым — и внутри Церкви. Это и есть великое дело Христово в мире, Его “великая мысль”, чтобы через бесчисленные Голгофы людей, через их жертвенную веру и любовь загорелось над миром вселенское Воскресение. В этом смысл жизни Церкви» (Фудель С. Собр. соч. Т. 2. М., 2005. С. 346). См. также: С-П. 141.

<sup>262</sup> «Признание человеческой личности и свободы её, а стало быть, и её ответственности, есть одна из самых основных идей христианства» (Достоевский. 23, 27). «...Признание [Богоданного] достоинства личности означает утверждение её нравственной ответственности» (ОУ. I.3–4). «У самых святых и самых грешных имеется общая основа для братства. Ваши грехи — мои грехи, мои грехи — и ваши грехи. Это — исходный пункт для практического и подлинного христианства... Учением о грехе и искуплении христианская Церковь проповедует абсолютную солидарность человеческого рода. Все люди ответственны за одного человека, и один за всех. От греха одного человека страдают все, и от греха всех страдает один» (Николай Сербский, свт. Указ. соч. С. 51, 232).

### О свободе человека

М.: издание журнала «К Новой земле», 1912. Библиотека «Новая земля», № 7. Ц. 1 коп.

<sup>263</sup> «Что сказать о свободе людей, которые хотя не в рабстве ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстью, одержимы злой привычкой? Свободен ли корыстолюбец? Не закован ли в золотые оковы? Свободен ли плотоугодник? Не связан ли если не жестокими узами, то мягкими сетями? Свободен ли гордый и честолюбивый? Не прикован ли не за руки и за ноги, но головой и сердцем, не прикован ли к своему собственному истукану?» (Филарет (Дроздов), свт. Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 457). «Понимая свободу, как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Свободен ли такой человек? ...Вместо свободы впали в рабство» (Достоевский. 14, 284–285).

<sup>264</sup> «...Страсти суть нечто данное грехом и принятое природою; употребление сего есть подчинение души, смущение ума и рабство... О, прочь от меня это рабство змия! Прочь эта власть страстей!» (Добротолубие. 2, 368).

<sup>265</sup> «Обретение свободы от греха невозможно без таинственного соединения человека с преображённой природой Христа, которое происходит в Таинстве Крещения и укрепляется через жизнь в Церкви — Теле Христовом» (ОУ. II.1).

<sup>266</sup> «Достоин похвалы тот муж, который с деятельною жизнью сочетал умственную, чтоб нива душевная, орошаясь из обоих источников, обильнее произращала добродетели. Ибо умозрение окрыляет умную сущность к созерцанию вещей совершеннейших» (Добротолюбие. 2, 305).

<sup>267</sup> Ср.: «Сознать себя человеком, значит сознать себя богом» (*Михаил (Семёнов)*, архим. Проклятые вопросы и христианство. М., 1906. С. 11); «...свободное, духовное существо, которое одно истинно, одно могущественно, одно вечно, уже пробудилось в Нехлюдове... Как ни огромно было расстояние между тем, что он был, и тем, чем хотел быть, — для пробудившегося духовного существа представлялось всё возможно» (*Толстой*. 41, гл. 28).

<sup>268</sup> «Крайнюю имеем нужду во взаимном друг друга направлении к добру и содействию в том... Цель Божия Промысла — разнообразно разорванных злом соединить опять посредством правой веры и духовной любви» (Добротолюбие. 5, 331; 3, 233). «Вдумайтесь в это, и вам станет ясно: если каждый человек для спасения *себя* должен воскресить *свою* душу и просвятить *своё* тело и если каждый человек должен жить *не для себя*, а для *всех*, то, значит, каждый человек обязан служить тому, чтобы воскресла душа не *его* одного, а *всего человечества*» (С-П. 86–87).

<sup>269</sup> Мк. 16, 15; Рим. 8, 19–24. Идея парадоксальна, как и всё христианство, но здесь нет противоречия с верой в *уже* совершившееся искупление; недаром апостол говорит: «...тварь освобождена *будет*... Ибо мы спасены в надежде». «...Вся эта видимая и чувственная тварь делается нетленною и соединится с небесным и невидимым. Этому надлежит совершиться прежде, — и тогда придет с силою и славою многою превознесенный и сладчайший Иисус Христос, Царь и Бог наш, судить мир» (*Симеон Новый Богослов*, прп. Слово 45-е. Гл. 5). Тогда *вполне* завершится богочеловеческий процесс мировой истории, а после — «смерти не будет», снова произнесётся «Совершилось!» и побеждающие будут во всей полноте сынами Божиими (Отк. 21, 4–7). См. также прим. 64, 261.

<sup>270</sup> Ср.: «Высший акт личной свободы и сознания — самоотречение» (*Самарин Ю.* Избранные произведения. М., 1996. С. 432.); «Самая высшая свобода... “разделить всем, что имеешь, и пойти всем служить”. Если способен на это человек, если способен одолеть себя до такой степени, то он ли после того не свободен? Это уже высочайшее проявление воли!» (*Достоевский*. 25, 62).

### **И один в поле воин**

Царицынская жизнь. 1909. 31 мая. № 116. С. 2. Подпись: П. (Иван Карамазов); НЗ. 1911. № 4. С. 2. Подпись: Н. Раевский.

Добавление к псевдониму было сделано, когда в газете появился сотрудник, фамилия которого тоже начиналась на «П».

<sup>271</sup> Слова доктора Стокмана из пьесы «Враг народа» (*Ибсен Г.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1957. Т. 3. С. 602).



## Великая Россия

Живое слово. 1911. 30 мая. № 13. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>272</sup> *Мадзини Джузеппе* (1805—1872) — итальянский политический деятель, публицист. На русском языке к тому времени вышли кн. «Об обязанностях человека» (М., 1902) и «Избранные мысли» (М., 1905).

### Писанные «законы» и административная «техника»

Новая Русь. 1910. 18 февраля. № 48. С. 6. Отдел «Звезда утренняя». Подпись: Далёкий друг.

<sup>273</sup> Указ 17 апреля 1905 «Об укреплении начал веротерпимости» давал право русским подданным исповедовать любое вероучение, старобрядцам разрешал свободное отправление духовных треб.

<sup>274</sup> «...Не будет ли эта негодия несоответствующе гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?» (*Гоголь Н.* Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 283).

<sup>275</sup> *Абрамов Фёдор Андреевич* (1875—1937) — крестьянин с. Ундоры, общественный деятель, литератор, ред. газеты «Симбирские вести», корреспондент Л. Толстого, организатор Общины свободных христиан по подобию созданной в 1908 И. М. Трегубовым в Петербурге и Москве. В гл. 1.1 её «Основных положений» определялось: «Мы имеем целью осуществлять в своей жизни, по мере наших сил, исповедуемое нами учение Иисуса Христа, сущность которого есть любовь Бога к людям, и любовь людей к Богу, и друг к другу, не допускающая насилия, духовная и телесная чистота, послушание совести, любовь к истине, правдивость, незлобие, всепрощение, кротость, свобода, равенство, братство, труд и общинная жизнь по примеру древне-христианской общины» (Духовный христианин. 1908. № 10).

<sup>276</sup> Ср.: «Заявление о внесении нашей общины в реестр общин является простым лишь заявлением о её существовании... Регистрация эта касается лишь внешнего, гражданского состояния нашей общины... но она не простирается на её религиозно-нравственное состояние, которое внушается, утверждается и освящается живущим в нас Богом, а не людьми. Поэтому наша община, как и древне-христианская, жила, живёт и будет жить, в религиозно-нравственном отношении, независимо от её регистрации» (Там же. Гл. 1.15).

### Об одном странном свойстве канонов

Новая Русь. 1910. 25 февраля. № 55. С. 6. Отдел «Звезда утренняя». Подпись: Д—ий Д—г.

<sup>277</sup> *Апаков Измаил* (Исмагил) *Исхакович* (1823 — после 1884) — купец 1-й гильдии, торговал тканями, зерном, потомственный почётный гражданин Казани; жил на ул. Воскресенской (Кремлёвской), владел доходными домами на улицах Гостинодворской, Батурина, Поперечно-Сенной (ул. Парижской Коммуны, д. 10).

<sup>278</sup> На нужды Православной Российской Церкви государство ассигновало: в 1909 — 31,6 млн руб., в 1910 — 34,2 млн руб., в 1911 — 38 млн руб. 28 февраля 1911 один из членов бюджетной комиссии III ГД констатировал: «Пока Синод будет только требовать от нас средств и пока в этих средствах отчитываться он не желает, самое лучшее, что можно сделать, совершенно не говорить о смете Синода» (*Рошков В.*, прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 235).

<sup>279</sup> *Евлогий* (Георгиевский; 1868—1946), митр. — с 1905 по 1912 еп. Холмский и Люблинский, депутат II и III ГД. Считал попытку наладить государственный контроль расходов Синода «посягательством на автономию и свободу Церкви».

<sup>280</sup> Например, архиеп. Никанор (Каменский) в 1893–1908 пребывал последовательно на Архангельской, Смоленской, Орловской, Екатеринбургской, Гродненской, Варшавской, Казанской кафедрах.

<sup>281</sup> 11-е правило VI Вселенского Собора.

<sup>282</sup> Ср. 51-е правило VI Вселенского Собора и состав Собора в 2009; правила святых отец (Тимофея Александрийского. 14) и ежегодные панихиды по М. И. Цветаевой. «Вся наша церковная жизнь, её дисциплина, должна иметь основу в канонах церкви, а не в зыбком и скоро исчезающем потоке гражданских и теперь зачастую и церковных указов и циркуляров, несущихся со всею быстротою, но вдали и совершенно мимо незыблемых вековых правил и установлений Православной Церкви Вселенской» (*Гермоген (Долганов)*, еп. Выступление на миссионерском съезде в Казани в 1910).

<sup>283</sup> Незаконный захват по распоряжению Седлецкого губернатора римско-католического храма в с. Ополе обсуждался ГД 3 марта 1910.

### **«Проповедуем Христа распятого»**

*НЗ*. 1910. № 1. 13 сентября. С. 6–8. Подпись: В. Свинцов.

<sup>284</sup> На очередной Всероссийский съезд баптистов (Петербург, 1–9 сентября 1910) собралось 116 делегатов и около 100 гостей. Состоялась торжественная закладка здания Дома Евангелия.

<sup>285</sup> «...Народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату... бесшабашное пьянство, пьяное море как бы разлилось по России... Пусть народ грязен, невежествен, варварствен... но несравненно чище сердцем высших наших сословий» (*Достоевский*. 22, 42; 27, 16; 25, 129).

<sup>286</sup> «Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него. А сколько жестокости к семье, к жене, к детям даже; от пьянства всё... Но спасёт Бог Россию, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но всё же знает, что проклят Богом его смрадный грех и что поступает он худо, греша» (*Достоевский*. 14, 286); см. прим. 221. И спустя 18 лет о. Валентин говорил: «Если православный даже выпивает, но сознаёт свой грех и глубоко в нём кается, скорбит об этом, то я всё-таки отдам ему предпочтение перед сектантом, который, может, и совсем не пьёт, но исполнен горделивого

сознания, что он уже спасён, и более того, что он святой» (*Александр Кривоносов*, прот. Исповедь жизни. М., 2013. С. 127)

### «Покаяние» и «разложение»

*НЗ*. 1910. № 3. Сентябрь. С. 3–5. Подпись: В. Свинцов.

<sup>287</sup> Ср.: Рим. 2, 14–15.

<sup>288</sup> Имеется в виду роман-исповедь «Антихрист».

<sup>289</sup> *Бурнакин* Анатолий Андреевич (?–1932) — критик, журналист, поэт, приятель В. Розанова. «...Напоминал человека ненормального или находящегося под действием наркотиков» (*Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. Гл. 6).

### «Экскурсанты»

Город и деревня. 1909. 18 июня. № 3. С. 2. Подпись: П. (Иван Карамазов).

В объявлении о подписке на ежедневную общественно-политическую и литературную газету, начавшую выходить после закрытия «Царицынской жизни», значилось: «Обещали своё постоянное сотрудничество... В. Платонов... В. Свенцицкий» (Город и деревня. 1909. 16 июня — 12 июля. № 1–23. С. 1). Прекратила существование в связи с административной высылкой из Царицына её издателя Василия Матвеевича Ефремова.

<sup>290</sup> 1 Ин. 4, 20.

<sup>291</sup> Подр. см.: Наст. изд. С. 364.

<sup>292</sup> По приглашению Английского парламента, 5–22 июня 1909 состоялся официальный визит 18-ти депутатов III ГД. Отчёт о поездке см.: *Ефремов И.* Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. М., 1911. Ср.: «Глупые думцы... идут представляться английскому парламенту и обществу. Зачем это? Что за заискивание?» (*Киреев А.* Дневники. 1905–1910. М., 2010. С. 326).

<sup>293</sup> Помимо неофициально действовавшей и ставшей главной вооружённой силой шаха Казачьей бригады полковника В. П. Ляхова, 20 апреля 1909 Николай II повелел двинуть в Персию экспедиционный корпус под командованием генерал-майора И. А. Снарского. Подр. см.: *Шишов А.* Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М., 2010.

### «Потешные»...

*НЗ*. 1910. № 6. Октябрь. С. 2. Подпись: В. С.

<sup>294</sup> «В то время была мода на потешных, вероятно, потому, что полагали, что этими мальчиками, играющими в военных, поднимают патристический, национальный дух. Этому делу придавали государственное значение... Но, конечно, это потешное дело так и осталось потешным, но не для детей, а для взрослых» (*Витте С.* Воспоминания. Гл. 69).

<sup>295</sup> Четвёртая сессия III ГД начала работу 15 октября 1910.

<sup>296</sup> *Муромцев* Сергей Андреевич (1850–1910) — юрист, публицист, профессор ИМУ, председатель I ГД.

<sup>297</sup> Ср. заседание ГД 3 октября 2008, когда обсуждалось предложение почтить минутой молчания память погибших 15 лет назад при вооружённых столкновениях в Москве. После выступления спикера, предложившего «относиться политкорректнее к тем событиям», вопрос был снят с повестки дня, и депутаты спокойно продолжили работу.

### **Ленты конфискованы...**

*НЗ.* 1910. № 8. Октябрь. С. 2–3. Подпись: В. С.

<sup>298</sup> С. А. Муромцев упокоился на кладбище Донского м-ря, в похоронах участвовали тысячи людей, несогласных с действиями российского правительства.

<sup>299</sup> *Гейден* Пётр Александрович (1840—1907) — граф, тайный советник (1890), судебный деятель, член I ГД. На Съезде земских деятелей (Петербург, 6–8 ноября 1904) обосновывал необходимость конституционных инициатив земств: «Если не будет дано правильно обоснованных начал, Россия пойдёт с неизбежностью к революции».

<sup>300</sup> Из стихотворения В. С. Соловьёва «*Les revenants*» (1900).

### **Всё равно!**

*НЗ.* 1910. № 9. Ноябрь. С. 4. Подпись: В. С.

<sup>301</sup> *Гучков* Александр Иванович (1862—1936) — председатель III ГД с 29 октября 1910 по 14 марта 1911, глава фракции «Союза 17 октября». *Капустин* Михаил Яковлевич (1847—1920) — товарищ председателя III ГД с 29 октября 1910 по 9 июня 1912, член ЦК «Союза 17 октября». Трёх оставшихся фамилий в списке депутатов III ГД нет. Возможно, имеется в виду *Карпов* Виктор Иванович (1859—1936) — юрист, член ГС с 1907, принадлежал к группе правых.

Ср. единодушие в оценке: «А разве это значительно? — спросил Лев Николаевич. — Не всё ли равно? ...Будет на его месте какой-нибудь Толяков. Все они друг на друга похожи» (*Булгаков В. Л. Н. Толстой* в последний год его жизни. М., 1989. С. 109).

### **Постыдитесь зверей**

*НЗ.* 1910. № 12. Декабрь. С. 2–3. Подпись: В. С.

<sup>302</sup> 19 ноября 1910 арестанты Вологодской временной каторжной тюрьмы отказались от принятия пищи и выхода на работу; вызванные начальником тюрьмы солдаты подвергли телесным наказаниям 86 человек. 27 ноября 1910 политзаключённые Зерентуйской каторжной тюрьмы пытались покончить жизнь самоубийством (один умер) в знак протеста против жестокого обращения администрации. III ГД большинством голосов отклонила соответствующий запрос. В 1912 в той же тюрьме был высечен 101 человек. См. также прим. 342.

<sup>303</sup> *Хрулёв* Степан Степанович (?—1913) — надворный советник, с 1909 начальник Главного тюремного управления.

<sup>304</sup> *Марков* Николай Евгеньевич (1866—1945) — один из лидеров СРН, глава фракции крайне правых в III и IV ГД.

### «Страна анафем»

*ЦМ.* 16 декабря. 1911. № 277. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>305</sup> Еп. Гермоген впервые потребовал отлучить от Церкви Мережковского, Розанова, Л. Андреева и др. в июне 1910 на миссионерском съезде в Казани (16 октября 1910 Розанов ответил резкой статьей «О вещах конечных и бесконечных» в газете «Русское слово»). Осенью 1911, «узнав о своём скором вызове в Св. Синод, он подготовил обширный доклад о современных писателях-“неверах”. Однако добиться каких-либо новых запретов преосвященному не удалось» (*Мраморнов А.* Церковная и общественная деятельность епископа Гермогена (Долганова). Саратов, 2006. С. 262). В ходатайстве об отлучении писатели были названы поименно, а также доказывалась «необходимость изъять из библиотек и учебных заведений России все произведения Л. Н. Толстого, [т. к.] даже беллетристические, содержат антирелигиозные понятия и изложены в такой великолепной форме, что влияют на учащих, разрушая их детскую религиозность... Указывал, что эту блестящую идею ему подал “смирненный инок Илиодор”» (Русское слово. 1911. 24 ноября). «При такой узкой точке зрения... кто-нибудь, ещё более ревностный, мог бы добраться... и до величайшего русского писателя Ф. М. Достоевского», — констатировал профессор МДА Н. Д. Кузнецов (Отдых христианина. 1912. № 5. С. 992). См. также прим. 592, 613.

<sup>306</sup> Правила 14 и 30 святых апостол. Ср. церковную жизнь при владычестве коммунистов.

### Русские писатели и саратовский архиепий

*НЗ.* 1910. № 13. Декабрь. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>307</sup> Ср.: «Ещё когда мы учили Катехизис м. Филарета в школе... то приводимые тексты никогда не действовали на нас убедительно» (*Вениамин (Федченков)*, митр. О вере, неверии и сомнении. М., 1992. С. 50).

### «Бытовое явление»

Трудовая копейка. 1911. 7 февраля. № 8. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>308</sup> *Короленко В.* Бытовое явление // Русское богатство. 1910. № 3, 4. Свенцицкий дважды использовал название цикла для заголовков статей.

<sup>309</sup> «Сколько бы мы ни забирались “в глубь истории” литературы — мы не найдём ни одного (!) мало-мальски видного писателя, которому не приходилось бы тратить силы на борьбу вот с этими “каторжными” обстоятельствами» (*Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 7. М., 2003. С. 358).

<sup>310</sup> Ср.: «...господство бюрократии довело до страшного упадка нашу Церковь, изуродовало дух земского самоуправления, подорвало даже боевые качества армии» (*Тихомиров Л.* Монархическая государственность. М., 1998. Ч. 4. Гл. 9).

## Старое и новое

*НЗ.* 1910. № 3. Сентябрь. С. 7–8. Подпись: Н. Р. Под псевдонимом «Николай Раевский» впервые публиковались «Граждане неба» (Новь. 1914. Декабрь. № 138–159).

<sup>311</sup> До знаменитой речи И. А. Бунина на юбилее «Русских ведомостей» об упадке русской литературы оставалось ещё 3 года.

## Два слова о пинкертоновщине

*НЗ.* 1910. № 11. Ноябрь. С. 3. Подпись: Н. Р.

<sup>312</sup> Упоминаются названия отдельных выпусков глав романа В. А. Рёдера «Пещера Лейхтвейса, или 13 лет любви и верности под землёю» (СПб., 1909–1910), к стыду нашему, переиздающегося и поныне.

## Пишите для народа

*НЗ.* 1910. № 14. Декабрь. С. 2. Подпись: Н. Р.

<sup>312</sup> Перечислены объединения, журналы и издательства писателей-символистов.

## Преступление по должности

*НЗ.* 1911. № 12. Март. С. 2–3. Подпись: Н. Раевский.

<sup>313</sup> *Гоголь Н.* Выбранные места из переписки с друзьями. Гл. 4. О том, что такое слово.

<sup>314</sup> *Жизнь.* Сб. художественной литературы. СПб., 1908.

<sup>315</sup> В 1906 петербургский Союз драматических и музыкальных писателей учредил ежегодную премию имени А. Н. Островского для начинающих драматургов. До 1917 её присуждали 5 раз, в остальные годы достойную пьесу найти не удалось.

## Тоска о пророке

*МГК.* 1910. 30 декабря. № 210. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

Статья (особенно 3-й абзац) характеризует и нынешнее безвременье.

## Они больше не верят...

*МГК.* 1911. 13 февраля. № 35. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>316</sup> Ср. мнение кинорежиссёра К. Г. Муратовой: «Ничего искусство изменить не может! Только утешить» (Аргументы и факты. 2009. № 27. С. 33).

<sup>317</sup> Ср.: «... всё это не составляет “литературы”, не пользуется авторитетом “литературы” (принимая это слово в его высшем тесном определении, как выражение общественного развития в искусстве слова), не преступает пределы своего значения в общественном сознании; всё это весит легко и, наконец, просто тонет в непрерывно текущих волнах печатного слова» (*Аксаков.* 2, 516).

### «Ничего не хотим и ничего не желаем»

Трудовая копейка. 1911. 3 января. № 1. С. 1–2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>318</sup> См. статью «Разочарования и предчувствия (1910 год)», опубликованную в ж. «Русская мысль» (1910. № 12) под псевдонимом Антон Крайний (*Gиппиус* 3. Собр. соч. Т. 7. М., 2003. С. 369).

<sup>319</sup> См. также: С-II. 198.

<sup>320</sup> *Сабатьё* Поль (1858–1928) — католический богослов и писатель, автор кн. «Жизнь Франциска Ассизского» (М., 1895). Цитата заимствована из: *НЗ*. 1910. № 15. С. 19.

### Когда же придёт настоящий день?

Царицынская жизнь. 1909. 28 апреля. № 90. С. 2. Подпись: П.

Несмотря на тождество заглавия, зачина и основной мысли, содержание сильно отличается от более поздней статьи (Наст. изд. С. 149).

<sup>321</sup> Ср.: «Большинство никогда не бывает право» (*Ибсен* Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1957. Т. 3. С. 602).

<sup>322</sup> Всё дальнейшее *полностью* относится к нынешней России.

<sup>323</sup> Ср. отчёт о деятельности Московского Художественного театра, прочитанный 14 октября 1908 на юбилейных торжествах: «Идя от реализма и следуя за эволюциями в нашем искусстве, мы совершили полный круг и через десять лет опять вернулись к реализму, обогащённому работой и опытом. Десятилетие театра должно ознаменовать начало нового периода, результаты которого выяснятся в будущем» (*Станиславский* К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1958). Именно тогда наступила пора творческой зрелости великого реформатора театрального искусства, сложилась и окрепла его «система».

### Два праздника

Царицынская жизнь. 1909. 1 мая. № 93. С. 2. Подпись: П.

<sup>324</sup> Открытие памятника Н. В. Гоголю на Арбатской пл. в Москве состоялось 26 апреля 1909. Первый пушкинский праздник проходил в Москве 5–8 июня 1880.

<sup>325</sup> Подр. см.: *Кони* А. Избранное. М., 1989. С. 138–139.

<sup>326</sup> *Сакулин* Павел Никитич (1868–1930) — специалист по истории русской литературы, автор кн. «О социализме» (М., 1907); умеренный либерал, противник самодержавной реакции.

### О «потешных»

Живое слово. 1911. 20 июня. № 16. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

### Русские дети

*НЗ*. 1911. Октябрь. № 26. С. 7. Подпись: Н. Раевский.

## Отрава совести

*МК*. 1910. 13 декабря. № 195. С. 2; Трудовая копейка. 1910. № 58. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>327</sup> Вероятно, заглавие заимствовано у Андрея Оршина, изображившего в очерке «Отрава совести (Из тетради бывшего народного учителя)» тоскующего героя в глухой, пьющей деревне: «Трудно допустить, что лачуга под соломенной крышей, где мне пришлось заниматься обучением детей, называлась школой... Теснота, сырость и вонь» (Нива. 1909. № 2. 10 января). Ср. также: Наст. изд. С. 322, 443.

<sup>328</sup> Предвиденное сбылось: через 7 лет отравленное поколение погрязло в братоубийственной бойне. Так и распространённая среди советских школьников тишайшая игра в слова с повешением фигурки противника была симптомом морального одичания, следствием которого стала массовая бандитская жестокость 1990-х.

## От «игры» к преступлению

*НЗ*. 1911. № 13. Март. С. 6–7. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>329</sup> Маленькие палачи // *ЦМ*. 1911. 4 марта. № 49. С. 2. Ср.: «Литовская газета» сообщает. Пастухи затеяли в поле игру. Один из пастухов, которому минуло 12 лет, был выбран Богровым, а другой, 13-летний — Столыпиным. Остальные пастухи присудили Богрова к повешению. Они накинули осуждённому верёвку на шею и зацепили за забор, на высоте двух аршин Богров сорвался и повис. Прибежали взрослые, но повешенный был уже мёртв» (*МК*. 1911. 7 октября).

## Вечная память

*МК*. 1911. 8 января. № 5. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>330</sup> В 1907–1912 Россию охватила эпидемия самоубийств. В столице их частота повысилась втрое по сравнению с нач. XX в., 15 случаев зафиксировано в 1911 в столичных вузах (в 1903 ни одного). При Обществе охранения народного здоровья была создана комиссия по борьбе со школьными самоубийствами.

<sup>331</sup> Ср.: зимой 1910 гимназистка писала Л. Толстому, что решила отравиться, не найдя ответа на вопрос «зачем жить?» (*Толстой*. 81, 50); его поистине христианское участие помогло выжить заблудшей душе.

<sup>332</sup> Н. Н. Толстой в детстве объявил братьям, «что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга... Эта тайна была... написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николенки закопать меня... И как я тогда верил, что есть та зелёная палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое



благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает» (*Толстой*. 34, 386).

### **«Смешное» самоубийство**

*МГК*. 1911. 9 октября. № 232. С. 3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>333</sup> 1-я частная мужская гимназия Василия Фёдоровича Давыденко (Харьков, Дворянская наб., 4).

<sup>334</sup> См. статью «О безумии» (*Толстой*. 38, 395–411).

### **Клуб самоубийц**

*МГК*. 1912. 18 февраля. № 40. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>335</sup> О петербургской Лиге самоубийц сообщили 6 февраля 1912 «Биржевые ведомости» (веч. вып.). «Много разговоров о таинственной мистической группе страшных людей, поставивших себе задачей не только уйти от жизни, но и пропагандировать идеи полного отрицания жизни» (Клуб самоубийц // *Голос Москвы*. 1912. 16 февраля). Подр. см.: *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека». М., 1999. Гл. 3.

### **В тихом омуте**

*МГК*. 1911. 2 марта. № 49. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>336</sup> *Бороздина* Людмила — пыталась покончить самоубийством 19 февраля 1911; в записке привела строки (с инверсией) из стихотворения С. Я. Надсона «Умерла моя муза!..» (1885) и свой адрес: Нижняя ул., д. 64, кв. 4 (*ЦМ*. 1911. 25 февраля. № 43).

<sup>337</sup> Точный диагноз и нулевым (во всех смыслах) годам XXI века в России. Но теперь затишье не только коснулось — накрыло с головой весь народ.

### **В путь-дорогу!**

*Живое слово*. 1911. 1 августа. № 22. С. 1–2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>338</sup> Ср.: «Как вода меж пальцев, скользят дни, опомниться не успел — пятьдесят стукнуло, вот-вот и конец всему, а давно ли, кажись, без порток бегал?» (*Бунин И.* Антоновские яблоки: Повести и рассказы. М., 1990. С. 48).

### **Лучше хоть когда-нибудь**

*Царицынская жизнь*. 1909. 26 мая. № 111. С. 2. Подпись: П.

<sup>339</sup> Через 2 года Свенцицкий и сам заболеет тифом после посещения Тобольской каторжной тюрьмы.

### **К вопросу об ужасах в каторжных тюрьмах**

*НЗ*. 1911. № 6. Январь. С. 2–3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>340</sup> 21 января 1911 три политкаторжанина, пытаясь бежать, убили четырёх надзирателей Московской центральной пересыльной тюрьмы. Подр.: *Русское слово*. 1911. № 17, 18.

<sup>341</sup> *Джунковский* Владимир Фёдорович (1865—1938) — московский губернатор в 1905—1913.

<sup>342</sup> Через год за такие же преступления (в частности, наказание розгами 17-ти человек 8 октября 1911) был уволен начальник Псковского централа. Системой возмущался В. Г. Короленко: «Верхотурье, Вятка, Пермь, Вологда, Псков... Что за ужасная “автономия издевательства” за этими каторжными стенами!»

### **Тюрьма и розги**

*ЦМ.* 1912. 27 января. № 22. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>343</sup> Общая тюремная инструкция, утверждённая министром юстиции 28 декабря 1915, применялась на практике в виде опыта с 1 марта 1912; санкционировала розги и подробно описывала порядок порки провинившегося. «В инструкции одновременно имеются и очень громкие призывы к гуманности, и полное поправление всякой человечности» (*Гернет М.* История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1962. С. 38).

### **Узаконенная пытка**

*МГК.* 1912. 31 января. № 25. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>344</sup> Музей основан в 1870, ныне в этом здании филиал Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

### **К 50-летию освобождения крестьян**

*НЗ.* 1911. № 8. Февраль. С. 2–3. Подпись: В. Свенцицкий.

### **Граждане, которых «ищут»**

*МГК.* 1912. 8 мая. № 104. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>345</sup> «Приказом градоначальника от 26 апреля вновь предложено принять меры к розыску Максима Горького... по требованию судебного следователя 10 уч. С.-Петербурга» (*Правда.* 1912. 28 апреля).

<sup>346</sup> «...Цензурные стеснения способны... заставить смотреть на правительственные лица, как орду татарскую! ...И что за дело царю, что вот так-то думал К. А. и так-то думает надворный советник И. А.! Государство, что ли, от этого развалится? Хрупкое же оно! Нечего тогда за него и стоять!» (*Аксаков.* 3, 389).

<sup>347</sup> Свенцицкий и сам с 1909 находился в розыске, и об этом также были публикации в газетах (*С-П.* 563).

### **Дни нашей жизни**

*Царицынская жизнь.* 1909. 3 мая. № 94. С. 2. Подпись: П.

<sup>348</sup> 1 мая 1909 на сцене царицынского театра «Конкордия» шёл спектакль по пьесе Л. Андреева «Дни нашей жизни».

<sup>349</sup> Письмо проститутки // *Царицынская жизнь.* 1909. № 91. С. 2.

### **Страшный вопрос**

*МГК.* 1911. 27 апреля. № 95. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

## Ещё о ритуальном убийстве

НЗ. 1911. № 18. Май. С. 3–4. Подпись: В. С.

<sup>350</sup> Ср.: «В слове “патриот” слишком много нелюбви к другим людям» (М. М. Жванецкий).

<sup>351</sup> По поводу убийства 12 марта 1911 в Киеве 12-летнего Андрея Юшинского «патриотами» была развязана антисемитская кампания. В рапорте от 25 апреля декан медицинского ф-та Киевского ун-та *Оболонский* Николай Александрович (1856—1913) опровергал предположение о ритуальном характере убийства.

<sup>352</sup> *Шубинский* Николай Петрович (1853—1921) — юрист, землевладелец, коннозаводчик, депутат III ГД.

## «Народ» без народа

ЦМ. 1911. 30 ноября. № 264. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>353</sup> *Грингмут* Владимир Андреевич (1851—1907) — один из основателей и главных идеологов черносотенного движения. С 1906 редактируемая им газета «Московские ведомости» выходила с подзаголовком «А прежде всего Дума должна быть распушенной!». Предлагал замечать земства властью уездных предводителей дворянства.

<sup>354</sup> В Москве выборы депутатов I ГД прошли 26 марта 1906.

<sup>355</sup> *Игнатьева* Софья Сергеевна (1852—1944) — графиня, вдова киевского генерал-губернатора, участница оккультных бдений, хозяйка черносотенного салона, «специализировавшегося» на церковной теме, сторонница иером. Илиодора, рекомендовала Распутина царскому двору.

## «Всё это было бы смешно...»

Трудовая копейка. 1911. 5 декабря. № 55. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>356</sup> «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно» — крылатая фраза М. Ю. Лермонтова из стихотворения «Александре Осиповне Смирновой» (1840).

<sup>357</sup> В I ГД был избран только один член СРН.

<sup>358</sup> Государство выделяло деньги СРН с осени 1906 (150 тыс. руб.); затем по 15 тыс. руб. ежемесячно от товарища министра внутренних дел получали А. И. Дубровин (фото с его расписок были опубликованы) и В. М. Пуришкевич. После смерти П. А. Столыпина финансирование прекратилось. Подр. см.: Из области провокаций среди правых. Деньги «тёмные» и «светлые» в руках Дубровина и Никольского. М., 1912.

<sup>359</sup> *Никольский* Борис Владимирович (1870—1919) — член Главного совета СРН; 18 ноября 1911 подрался с Н. Е. Марковым в зале Русского собрания после взаимных упреков в получении денег от МВД.

<sup>360</sup> На V всероссийском съезде СРН (Москва, 21 ноября–1 декабря 1911) сторонники А. И. Дубровина упразднили старый Главный совет

и исключили из Союза своих противников, официально подтвердив раскол.

<sup>361</sup> «Сатирикон» — еженедельный сатирический журнал, издавался в Петербурге (1908–1914).

### **Христиане и предстоящие выборы**

НЗ. 1912. № 17/18. Апрель. С. 6–7. Подпись: Николай Раевский.

#### **О чём нельзя молиться**

НЗ. 1911. № 6. Январь. С. 4–5. Подпись: Н. Раевский.

<sup>362</sup> Орлов Иоанн Владимирович (1845—?), прот. — с 1870 священник 16-го Кавказского линейного батальона, участник русско-турецкой войны 1877–1878 (Георгиевский кавалер), затем служил в моск. хр. Николая Чудотворца при военном экзерциргаузе и 1-й Гренадерской дивизии.

<sup>363</sup> Судаков Алексей Акимович (1867–1936) — купец, до 1918 владелец московского ресторана «Яр». 19 декабря 1910 на открытии его нового здания (ныне Ленинградский пр., 32) присутствовали генерал-губернатор, обер-полицмейстер, командующий московским воинским округом и городской голова.

### **Порабощение религиозной мысли**

Город и деревня. 1909. 25 июня. № 9. С. 2. Подпись: П.

<sup>364</sup> После ревизии 1908 семи профессорам было предложено подать прошение об увольнении, 3 февраля 1909 отменена относительная автономия академий, а затем утверждён новый устав высшей духовной школы. Преподаватели оценили это как разгром академической жизни.

<sup>365</sup> Коновалов Дмитрий Григорьевич (1876–1947) — доцент МДА по кафедре греческого языка (1902). Защитил магистерскую диссертацию «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1: Физические явления» (Сергиев Посад, 1908). Московский отдел СРН объявил её кощунственной; после отзыва архиеп. Антония (Храповицкого) защита Синодом признана не была. В 1909 уволен из МДА за «неправославный образ мысли» в этом сочинении. Восстановлен в должности в 1917.

<sup>366</sup> Ср. лекцию «Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной войны в области русского православного богословия)» архиеп. Илариона (Троицкого): «У нас, благодарение Богу, уже зародилось новое богословское направление, свергающее с себя мертвящие узы прежней схоластики. К этому-то направлению и нужно примыкать со всем жаром юности и без всякого сомнения. Нужно достигать того, чтобы это новое направление получило самое широкое распространение и полное господство. А то у нас ещё и теперь не мало охотников клеймить “либерализмом” и даже “немецщиной” всё, что не согласно с Макарием!» (Богословский вестник. 1915. № 9. Т. 3. С. 133).

<sup>367</sup> Велльгаузен Юлиус (1844–1918) — библиист, востоковед, автор кн. «Введение в историю Израиля» (СПб., 1909). Сб. его статей рецензировал Эрн (Живая Жизнь. 1908. № 1. С. 56).

## Надо «смотреть в корень»

НЗ. 1911. № 24. Август. С. 4–5. Подпись: Н. Раевский.

## К монашескому съезду

Город и деревня. 1909. 11 июля. № 22. С. 1. Подпись: П. (Иван Карамазов).

<sup>368</sup> Первый Всероссийский съезд монашествующих проходил 5–13 июля 1909 в Троице-Сергиевой лавре под председательством архиеп. Никона (Рождественского). Главные пункты его доклада: упадок духовной жизни в монастырях, ослабление дисциплины, отступление от устава общежития и пьянство монахов.

<sup>369</sup> Мк. 9, 35.

<sup>370</sup> Предсказанное сбылось. Ср.: «Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления» (*Филарет (Дроздов)*, митр. Творения. М., 1994. С. 348).

## Куда девалось так называемое «передовое духовенство»?

Новая Русь. 1910. 18 февраля. № 48. С. 6; НЗ. 1910. № 8. Октябрь. С. 8–9. Подпись: Н. Раевский.

## Новый голос

НЗ. 1911. № 10. Март. С. 2. Подпись: Н. Раевский.

<sup>371</sup> *Титов* Иоанн Васильевич (1879–1948), иерей — рукоположен в 1901, за печалование перед императором о приговорённых к расстрелу запрещён в священнослужении, депутат III и IV ГД от Пермской губ., в 1912 снял сан, восстановлен в 1946.

<sup>372</sup> Например, Свенцицкий писал об этом на 6 лет раньше.

## «Программа» нового обер-прокурора

Живое слово. 1911. 23 мая. № 12. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>373</sup> *Саблер* Владимир Карлович (1847–1929) — управляющий канцелярией Синода (1883–1892), товарищ обер-прокурора Синода (1892–1905), член ГС (1905–1911), обер-прокурор Синода (1911–1915). Пользовался покровительством Распутина. «В направлении множества синодальных дел В. К. в течение многих лет был полновластным хозяином... Положительное, сделанное им для Церкви, было столь мелко и ничтожно... что об этом и говорить не стоит. Самое же главное в том, что тон... самый характер его работы были разрушительны для Церкви» (*Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 282, 285–286).

<sup>374</sup> *Извольский* Пётр Петрович (1863–1928) — обер-прокурор Синода с 1906 по 1909. В январе 1907 подал Николаю II записку о необходимости отложить на неопределённое время созыв Поместного собора, что и было сделано.

## Открытое письмо епископу Гермогену

НЗ. 1911. № 18. Май. С. 11–13; Маленькая газета. 1917. 31 марта. № 74. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

Переиздание предвзяла авторская аннотация: «Это “письмо” было напечатано семь лет тому назад — и в тот же день конфисковано. [Документально не подтверждается.] Епископ Гермоген не считался тогда “мучеником за Распутина” — это был один из самых ярких епископов-погромщиков. Ныне, пользуясь свободой слова, я считаю своевременным перепечатать своё “открытое письмо” по следующим соображениям: 1) В нём затрагивается принципиальный вопрос о свободе Церкви. 2) В нём даётся оценка деятельности еп. Гермогена до его “опалы”. 3) По словам “Вечернего времени”, “обер-прокурор В. Н. Львов вызвал в Петроград епископа Гермогена, бывшего Саратовского, ныне Тобольского”. Так вот пусть “ныне Тобольский”, по какому-то странному недоразумению возвращаемый к активной деятельности в освобождённой Церкви, прочтёт, что написано “бывшему Саратовскому”...»

<sup>375</sup> Лукьянов Сергей Михайлович (1855—1935) — доктор медицины, профессор общей патологии, обер-прокурор Синода с 1909 по 1911. «Вызывал неудовольствие царской четы, т. к. предпринимал попытки вывести на чистую воду “старца” Г. Е. Распутина. В этом обер-прокурора, безусловно, поддерживал митр. Антоний (Вадковский)» (Церковный вестник. 2002. № 11). «Видимо, только частые болезни владыки, заставлявшие надолго оставлять епархию, уезжая на лечение, делали неактуальной его отставку» (Фирсов С. Русская церковь накануне перемен. М., 2002. С. 461). Вопреки прогнозам, столичную кафедру в 1912 занял митр. Владимир (Богоявленский).

<sup>376</sup> В начале 1911 гражданский суд приговорил иером. Илиодора к аресту за словесное оскорбление жителя Царицына, отбывать наказание ему положено было в монастыре. Синод четырежды предписывал еп. Гермогену исполнить постановление суда, но ничего не добился.

<sup>377</sup> Только такие, строго церковные способы борьбы исповедовал сам Свенцицкий (см.: С-П. 21–35, 42). О «порабощённой Церкви» говорил и сщмч. Иларион Троицкий (Богословский вестник. 1915. № 9. Т. 3).

<sup>378</sup> «Целью деятельности “Царицынского православного церковного собрания” была реабилитация “опороченного” Илиодора... Изучение сохранившихся журналов этого собрания от 21 и 28 марта 1911 г. свидетельствует, что критика иеромонаха на заседаниях не допускалась» (Мраморнов А. Указ. соч. С. 274).

<sup>379</sup> Во второй публикации опущены слова: «Ваша победа была ужасающим унижением Церкви».

<sup>380</sup> Об участии С. С. Игнатьевой в деле Илиодора см.: Курлов П. Гибель императорской России. М., 2005. С. 194–195. Её письма к еп. Гермогену см.: ГАСО. Ф. 1132. Д. 196. Лахтина Ольга Владимировна —

почитательница и секретарь Распутина. *Вырубова Анна Александровна* (1884—1964) — ближайшая подруга императрицы.

<sup>381</sup> «...Другой препояшет тебя и поведёт, куда не хочешь» (Ин. 21, 18).

<sup>382</sup> При переиздании множественное число («мы») в двух абзацах заменено на единственное («я»).

<sup>383</sup> Мф. 20, 25–26.

<sup>384</sup> «Подчинение воли человека с помощью манипуляций или насилия некоему внешнему авторитету рассматривается как нарушение порядка, установленного Богом» (ОУ. II.1).

<sup>385</sup> Подр. см.: С-II. 31, 59. Например, архиеп. Сергей (Страгородский) также был сторонником выборного духовенства (*Фирсов С.* Время в судьбе. СПб., 2005. С. 32, 38, 40).

<sup>386</sup> Впоследствии о. Валентин дал классическое определение: «Церковь — это благодатное, сверхъестественное, на основе голгофской жертвы Самим Богом установленное на земле единство свыше рождённых людей, составляющих таинственное Тело Христово, напоённое Духом Святым и имеющее главою своею Самому Господу Иисусу Христу» (*Свенцицкий В.*, прот. Диалоги: Проповеди, статьи, письма. М., 2010. С. 165).

<sup>387</sup> Во второй публикации этот абзац заменён на: «А как же относиться к власти? Ведь всякая власть от Бога? Да! Апостолы *провидели* необходимую организующую роль государственной власти, необходимой в языческой среде, — ибо люди, не доросшие до внутреннего единства христианского, могут жить и совершенствоваться только при условии внешней организации государственной, — и, раскрывая значение власти в историческом процессе, апостолы указали на её *святое значение*. Свободная Церковь живёт в среде организованного государства, и всякий христианин — не только член Церкви, но и гражданин государства; в случае же конфликта между требованием светской власти и религиозной совести — выход указан! Надо отвечать: “Аще праведно есть пред Богом вас послушати, паче нежели Бога?”»; в следующий же абзац после слов «свободу Церкви» добавлено: «и божественное происхождение власти».

<sup>388</sup> Ср.: «...в делах веры принуждённое единство есть ложь, а принуждённое послушание есть смерть» (*Хомяков А.* Соч. богословские. СПб., 1995. С. 186).

### **Так было, но — да не будет!**

*НЗ.* 1911. № 12. Март. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>389</sup> Любопытно, что через год министр внутренних дел А. А. Макаров по поводу Ленского расстрела произнёс ошеломившие общество слова: «Так было — так и будет», одобрив действия местных властей.

<sup>390</sup> В статье «Обычное явление» (*Русское слово.* 1911. 8 марта. № 54. С. 5) о собеседнике сказано только «один из будущих владык». Скорее всего, им был архим. Варнава (Накропин) — настоятель Коломенского Богоявленского Староголутвина м-ря, с 28 августа 1911 еп. Каргопольский, протезе Распутина.

<sup>391</sup> *Макарий* (Гневушев; 1858—1918), сщмч. — окончил КДА (1882), преподаватель Киевского женского духовного училища с 1885, уличён в пьянстве и флирте с воспитанницами; в 1908 принял постриг, будучи настоятелем Высоко-Петровского м-ря в Москве, совершил растрату 10 тыс. руб., которые за него внёс о. Иоанн Восторгов; с 1909 настоятель Новоспасского ставропигиального м-ря. 18 марта 1911 Синод получил от московских домовладельцев жалобу, где указывалось на его чрезмерно роскошный и недостаточно целомудренный образ жизни (заигрыванье на ночных репетициях с участницами хора), растрату 140 тыс. руб. (на средства м-ря купил племенных рысаков, дорогие экипажи и сервизы, турецкие диваны, бархатные ковры, произвёл шикарную отделку покоев, установил дорогую ванну; 160 руб. в месяц тратилось на зернистую икру, сёмгу, балык и живую стерлядь для настоятеля; вместе с ним проживала дочь и её семья). Синодальная ревизия летом 1911 подтвердила факты неоднократного нарушения монастырского устава, после чего возведение о. Макария в сан епископа Синод признал недопустимым, а в апреле 1912 объявил ему строгий выговор, несмотря на заступничество митр. Владимира (Богоявленского). В 1914 хиротонисан во епископа, 26 мая 1917 уволен на покой. До 1917 черносотенец, монархист, один из руководителей СРН, затем резко изменил пристрастия.

<sup>392</sup> *Аристарх* (Александр Фёдорович Николаевский; 1867—1937) — настоятель Покровского миссионерского м-ря в Москве, архим.; в 1920-х отпал в обновленчество.

<sup>393</sup> *Евдоким* (Василий Иванович Мещерский; 1869—1935) — ректор МДА с 1903 по 1909; за раскол, смуту и мятеж извергнут из сана (1924).

### Мерзость и запустение

*НЗ*. 1911. № 19. Июль. С. 5—6; Пробуждение. 1912. № 18. С. 581—582. Подпись: В. Свенцицкий.

Получив 13 июля 1911 номер из типографии Холчева, МКДП наложил на него арест и возбудил судебное преследование против редактора С. И. Тупицына по п. 6 ст. 129 УУ за напечатание этой статьи. В редакции был проведён обыск (*НЗ*. 1911. № 20. С. 3). 16 января 1912 на допросе Тупицын вину не признал, поскольку «статья изобличает монашество, а не возбуждает к нему вражду»; пояснил, что автор не знает, а текст получал редактор Н. Н. Степаненко. Тот ранее на допросах показал: «Свенцицкий года два назад окончил московский университет, занимается литературой и проживает в Петербурге. <...> Роль его в редакции пассивная и сводится главным образом к присылке статей» (ЦИАМ. Ф. 31, оп. 3, д. 1408; Ф. 131, оп. 79, д. 112; ГАРФ. Д. 63, оп. 31, д. 1727). Московской сыскальной полиции и Охранному отделению найти Свенцицкого не удалось. О ходе следствия см.: *Наст. изд.* С. 657.

<sup>394</sup> Источник часто повторявшейся Свенцицким цитаты не установлен.

<sup>395</sup> 1 Кор. 15, 36.



<sup>396</sup> Л. А. Тихомиров в 1907 констатировал: «Не отрадно и всё касающееся России и, ещё важнее, Церкви. Поражены пастыри, обезумевшие овцы; и не видать, не чуется нигде Божия посланника на спасение наше» (Красный архив. Т. 61. С. 85). «...Церковь, к моменту революции весьма одряхлевшая и разложившаяся, быть может из первых виновниц русского падения» (*Солженицын А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 108).

<sup>397</sup> «Мир проникнет и заразит Церковь своим нечестивым антихристианским духом... Церковь была обязана смело возвышать свой голос против мира, а она раболепствовала ему: и вот Бог наказывает её тем, что отдаёт её в руки этого самого мира... Церковь падшая в мир падших, ложное христианство и антихристианство — таковы два явления, которыми оканчивается история греха» (О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира. Оптина пустынь, 1888. С. 33, 44).

<sup>398</sup> Ср. языческую дикость, с петровских времён вошедшую на Руси в церковный обиход: иллюминацию, фейерверки и салюты во время ночного пасхального крестного хода.

<sup>399</sup> Имеются в виду Распутин и Василий Филиппович Ткаченко (1856—?), имевшие успех в высшем обществе нач. XX в.

<sup>400</sup> Подр. см.: Наст. изд. С. 296.

<sup>401</sup> Факты монастырской распущенности тогда выявлялись часто. Например, в одной келье с основателем Казанско-Алексиевской пустыни Спасо-Преображенского мужского м-ря (Сердобск) с весны 1911 жила молодая послушница; несмотря на доклады настоятеля, еп. Гермоген никаких мер не предпринимал, хотя в обители бытовали и другие мерзости. В 1909 после ревизии был отстранён настоятель Пятигорского Успенского Второ-Афонского мужского м-ря, в т. ч. за то, что братия бродила по городу в пьяном виде. В 1910 после ревизии Черниговской епархии установлено, что в Батурином м-ре «царило почти поголовное пьянство, разврат и картёжная игра» (Приходский священник. 1911. № 13. С. 14); настоятель вяземского Свято-Троицкого собора был арестован за растрату и другие злоупотребления (Русское слово. 1910. 29 декабря). В 1911 ревизии обнаружили растраты 39 тыс. руб. в московском Даниловом м-ре, 65 тыс. руб. в Покровском миссионерском м-ре и «изумительные безобразия» в Покровском женском м-ре (Уфимская губ., Стерлитамакский уезд). В 1912 за распутную жизнь лишён сана и сослан в Соловки настоятель Сквородского м-ря (Новгородская еп.). В 1906 расстрижен и приговорён к 11-ти годам каторги основатель Сарсинского женского м-ря (Пермская губ., Красноуфимский уезд) архим. Зосима за изнасилования богомолков.

Такова была картина «церковного оскудения» — «приниженность духовенства, угодливых и честолюбивых иерархов, сельских священников, погрязших в пьянстве и любостыжании, распущенных монахов: во всей России едва ли удалось бы насчитать десятка два обителей, в которых теплилась духовная жизнь» (*Федотов Г.* Собр. соч. Т. 5. М., 2011. С. 116).

## Мёртвый проект

Новая Русь. 1910. 11 февраля. № 41. С. 6. Н. Раевский.

## Кипит работа

НЗ. 1911. № 25. Август. С. 8–9. Подпись: Н. Раевский.

<sup>402</sup> Три главнейших воинских искусства, согласно «Науке победить» А. В. Суворова.

## Исторические каникулы

Живое слово. 1911. 29 августа. № 26. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>403</sup> *Иннокентий* (Беляев; 1862—1913), архиеп. — экзарх Грузии с 1909, сторонник реформ в церковном управлении.

*Антоний* (Вадковский; 1846—1912), митр. — с 1898 на С.-Петербургской и Ладожской кафедре, с 1900 первенствующий член Синода. В 1905 возглавил церковное движение к возрождению соборности. Подвергся травле со стороны крайне правых.

## Религиозная трагедия

Пробуждение. 1913. № 2. С. 70–71. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>404</sup> В позорном послании от 14 января 1905 Синод объявил русских людей, шедших за помощью к своему царю, «подкупленными иноземными врагами отечества», а затем разослал по храмам заявление о «японских миллионах» (см.: С-И. 587). Документы подписал и митр. Антоний (Вадковский). В 1906 он отказался освятить хоругвь и знамя СРН, но после газетного ультиматума А. И. Дубровина дал благословение 1 июля 1907.

## «Свобода совести»

МГК. 1911. 11 октября. № 233. С. 1–2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>405</sup> «Принцип свободы совести находится в гармонии с волей Божией, если защищает человека от произвола по отношению к его внутреннему миру, от навязывания ему силой тех или иных убеждений (ОУ. IV.3). «Необходимо сохранить для человека некую автономную сферу, где его совесть остаётся “самовластным” хозяином» (ОСК. IV.6).

<sup>406</sup> «26 сентября вечером во время молитвенного собрания секты баптистов в политехническом музее между сектантами и присутствовавшими на собрании лицами православного исповедания возникли недоразумения на религиозной почве. Командированный на собрание старший помощник пристава... позволил себе пригласить в участковое управление православное духовное лицо. Московский градоначальник за такое неуважительное отношение к православному священнику предписал арестовать полицейского на 7 суток» (Новое время. 1911. 1 октября). «Последователи о. Восторгова продолжают свои подвиги на молитвенных собраниях баптистов. Они являются целыми толпами

и начинают дебоширить — поют, кричат и т. д. На улице выстраивается шеренга хулиганов и оскорбляет всех входящих в молитвенный дом. Женщинам почти невозможно показываться. Терпение баптистов истощается и они думают просить градоначальника оградить их от бесчинств хулиганов» (МГК. 1911. 14 октября).

<sup>407</sup> Ныне, после второй эпохи гонений, РПЦ особо выделяет область, о которой «мы призваны ревностно заботиться», — это «отстаивание права людей на свободное исповедание веры, на совершение молитвы и богослужения» (ОУ. V.2).

### Две «миссии»

НЗ. 1911. № 26. Октябрь. С. 6–7. Подпись: С.

<sup>408</sup> «И вот теперь... организующие миссионерский поход против расколо-сектантства ухватились за деревенских батюшек. Им из разных комиссий посылают инструкции и циркуляры... грозят “в случае чего” штрафами, а “ежели что”... обещают и награды» (Боголюбов Д. К характеристике «безвременья», переживаемого нашей пастырско-приходской миссией // Приходский священник. 1911. № 1. С. 7).

<sup>409</sup> «Ни Скворцов, ни Айвазов не имеют за собою данных, чтобы быть идейными путеводителями для нас к выходу из современного миссионерского тупика... Я прямо скажу: отсюда именно идёт на нас тление, отсюда же народится и окончательное духовное разложение всего дела миссионерского» (Боголюбов Д. Новогодние пожелания нашей миссии // Приходский священник. 1911. № 2. С. 7).

<sup>410</sup> «Церковь наша и всё духовенство поладили с современностью, заслонили истину или, яснее, так обмотали евангельские истины своею обрядовою, административно-полицейскою стороною, что не всякий в состоянии отделить её. Православное духовенство совращает народ; а раскольнические учителя, ища отпора только в обрядовой стороне, также вне истины и также не устоят» (Аксаков. 2, 98).

<sup>411</sup> Понимал это и еп. Гермоген: «Одною из самых крупных ошибок в миссии нужно признать ослабление дисциплины, лучше сказать — её отсутствие... Восстановлением церковной дисциплины, её духа и силы будет возвращён миссии апостольский характер». Но цитируемое выступление на миссионерском съезде в Казани (1910) так и осталось *хорошими словами* (см. прим. 401, 521, 626).

<sup>412</sup> «Почему пастырское делание теперь оскудело, опошилось? Ответом могут быть слова Христа: “поражу Пастыря и рассеются овцы стада” (Мф. 26, 31). Теперь это можно сказать о пастыре и пасомых. Поражён пастырь: поражён духовно, поражена его внутренняя сила, его внутренние интересы, духовное разумение своего дела и самой идеи служения Церкви, а посему рассеялись от него и овцы его. Симптомы угрожаящие — оскудение духовной силы пастырства и успех и сила сектантства» (Феодор (Поздеевский), архиеп. Смысл христианского подвига. Сергиев Посад, 1911).

## Сектанты поневоле

МГК. 1912. 15 января. № 12. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

НЗ. 1912. № 3/4. Январь. С. 16–18. Подпись: В. Свенцицкий.

НЗ. 1911. № 18. С. 4–5. Подпись: Н. Раевский.

Объединены две статьи с одинаковым заглавием и заметка «Секта ли “Голгофское христианство”?», предварявшаяся цитатой из газет: «Администрации предложено принять меры к воспрепятствованию деятельности вновь возникшей в середине 1910 года религиозной секты под названием “голгофские христиане”. Новая секта отвергает повиновение какой бы то ни было власти и отрицает всякую собственность. Разрушение настоящего государственного строя почитает долгом христианской совести. Секта отрицает понятия отечество и национальность. Она же решительно восстаёт против смертной казни и требует бойкотировать всех, не только имеющих какое-либо касательство к произнесению и исполнению приговора, но и присутствующего при казни врача. “Голгофские христиане” вербуют себе приверженцев среди баптистов. Кроме Петрограда, общины “голгофских христиан”, по официальным данным, имеются в Москве, Богородске, Симбирске и многих городах Поволжья».

<sup>413</sup> *Скворцов* Василий Михайлович (1859–1932) — тайный советник, православный миссионер, ред. газеты «Колокол», черносотенец (до 1915). *Айвазов* Иван Георгиевич (1872–1964) — православный миссионер, публицист; изучал русское сектантство. «Если этим людям дадут власть (я определённо говорю это об о. Восторгове, о гг. Скворцове, Айвазове), образуется чистейшей воды *чиновно-бюрократическое* учреждение... Все миссионеры нескворцовского типа вossылают теперь прилежное моление к Богу, да не соорудится в нашей церковной жизни дело, нужное лишь “генералам” от миссии» (*Боголюбов Д.* Новогодние пожелания нашей миссии // Приходский священник. 1911. № 2. С. 7).

<sup>414</sup> «*Первое*, чего надобно пожелать нашей миссии, — это смягчение сердца у озлобленных представителей её. Зачем думать, что кто несогласно с нами мыслит даже в вещах второстепенных — предатель церкви, изменник и т. д.?» (Там же. С. 6).

<sup>415</sup> Свенцицкий не побоялся привести текст полностью; ввиду явной лживости здесь он отнесён в примечания: «Лет пять тому назад в “Московск. вед.” уважаемый свящ. Н. Никольский в статье “Свенцицканство” предостерегал русское общество от “пророческой” деятельности В. Свенцицкого. Называя его “Симоном Волхвом”, с поразительной чуткостью о. Никольский предсказывал, что этот худой, аскетического вида юноша-студент, привлекавший на свои публичные рефераты массу молодёжи, вырастает в социального лжеучителя. События скоро подтвердили эти слова. В Москве разыгрался грандиозный скандал на почве “романической”; кто-то стрелял в В. Свенцицкого, стали ходить слухи, что квартира его с утра до вечера полна курсистками, “ищущими

Бога». В результате “пророк” удалился в “единение”. Религиозно-философское общество, где он “блестел” и “гремел”, — вынуждено было отсечься от него. Замечательно, что ни одна левая еврейская газета тогда не отметила этого факта! Как можно оскорблять “курсисток”, “молодёжь”?! Между тем, несомненно, что свистопляска курсисток вокруг В. Свенцицкого была фактом замечательным, очень характеризующим “религиозные искания” нашей развинченной молодёжи. И вот, после почти трёх лет “единения”, “пророк” снова является в литературе: создаёт в Москве журнал “Новая Земля” — орган “голгофских христиан”. Здесь В. Свенцицкий является уже не как мальчик, а как взрослый иерарх. Когда я читал этот журнал — поражаюсь: где наша светская власть и чего она смотрит. Где цензура? Прочтите, например, “Письмо Гермогену” В. Свенцицкого, где говорится величайшая гнусность, что нашей “церковью” управляют развратные барыни, или статью его же “Человек — сын Божий”, где доказывается хлыстовская “истина”, что все люди христы. Если прибавить к этому, что “голгофское христианство” (какое кошуństwo!) окрашено “социализмом”, что во главе движения стоит гипнотизёр Свенцицкий, что он восхваляет разврат и обладает способностью окружать себя женщинами, вы поймёте, какая опасность надвигается и отсюда на церковь. “Свенцицканство” — одна из опаснейших сект, потому что здесь опасна личность руководителя и потому что она заигрывает не только с духом народа, но и с материальной стороной его жизни (социализм). Свенцицканство — это смесь хлыстовщины и социализма. Проповедники его: лжепророк В. Свенцицкий и курсистки, “ищущие Бога”. Мы призываем обратить внимание на эту искру зла, пока она не разгорелась в страшный пожар. *А. Лукин*).

После доноса о «секте голгофских христиан» (Колокол. 1910. 18 декабря. № 1482) Департамент духовных дел 26 декабря 1910 запросил московского градоначальника, в чём именно проявляется деятельность сектантов. Запрос был перенаправлен в сыскную полицию. В ответе от 23 мая 1911 сообщалось: «Руководителями секты в Москве состояли сотрудники журнала “Новая земля”: от католиков — мещанин Вениамин [sic!] Павлович Свенцицкий, <...> маскируя своё учение религиозной идеей, проводят тенденциозные опровержения существующего государственного строя. <...> За время проживания Брехничева в г. Москве, активная его деятельность, как сектанта и руководителя “Голгофских Христиан”, ограничивалась исключительно ролью сотрудника в журнале “Новая земля”». 12 июля 1911 начальник отдела по охранению общественной безопасности и порядка в Москве подтвердил: «Фактическое проявление этой секты, как вероисповедной группы, и её организации, в виде молитвенных или иных собраний, не установлено в Москве». На допросах весной и 8 июля 1911 доверенный издателя по ведению материальной части журнала Н. Н. Степаненко показал: «Направление журнала религиозно-общественное в духе нравственности и человеколюбия и ни к какой секте журнал не принадлежал и не принадлежит;

собраний никаких не устраивается. <...> Роль Свенцицкого в редакции пассивная и сводится главным образом к присылке статей» (ГАРФ. Ф. 63, оп. 31, д. 1727, лл. 2, 11 об., 21; Ф. 102. ДП-ОО. 1911, д. 94а, лл. 15, 37).

<sup>416</sup> Государственные служащие и гимназисты в Российской империи обязаны были предоставлять свидетельство о говении и причащении. Воспоминания о покупке онога за 10 руб. оставили М. М. Пришвин, Г. И. Газданов, А. И. Куприн.

<sup>417</sup> Причину чётко определил А. С. Панкратов в кн. «Ищущие Бога. Очерки современных религиозных исканий и настроений» (М., 1911. С. 142): «...не восставая против Церкви, они привлекают к себе народ, минуя пастырей. Поэтому братьям говорят: “Вы выводите от нас простой народ, вы — вредные сектанты”... Мне кажется, что они берут то, что плохо лежит. Уводят не от Церкви, а от равнодушия, косной внешности и безбожия».

<sup>418</sup> Ср.: «Опасная секта “Голгофских христиан” относится к так называемым рациональным сектам [ср. прим. 208], которые в своём религиозном учении касаются (!) общественно-политических вопросов... Стремясь к разрушению существующего государственного строя, они отрицают понятия отечества и национальности, ратуют за равноправие и свободу повсеместного жительства евреев и других инородцев» (со ссылкой на ж. «Кормчий»: Вера и жизнь. 1912. № 11. С. 97). Изумительно, но сей бред повторяется до сих пор: «...движение, по всем признакам принявшее вид рационалистической секты протестантского толка» (*Ореханов Г. Витте contra Победоносцев // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 11*). Но тогда обвинители голгофских христиан упор делали вовсе не на вероучении: подчёркивались «чисто политический характер секты, зазывающей всех последователей противоположительственных идей», её «преступное в политическом отношении, революционное направление», попытка «проводить идеи ниспровержения существующего строя» и «призыв к противоположительственному движению» (Миссионерское обозрение. 1913. № 12. С. 688–694). Любопытно, что многие абзацы этой анонимной статьи *дословно* повторяют секретные документы Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. 1911, д. 94а; ДП-IV, д. 398, л. 38).

Ср.: «Голгофское движение выросло среди рабочих, оставшихся верующими... Главное в нашем движении — это готовность пострадать. Конечно, мы не хотим страдать зря, погибать по-глупому, но — принимать Голгофу, быть готовыми к ней. Мы за прямой отказ от неправды человеческой» (*Шагинян М. Человек и время. М., 1980. С. 415*). «Голгофские христиане пытались пробудить в каждом человеке чувство личной ответственности за царящие в мире зло и несправедливость и “сораспяться” вместе с Христом» (*Михайлов А. И. Фёдор Сологуб. Творимая легенда. М., 1991*). Точное определение дал А. Ю. Михайлов, преподаватель Казанской ДС: «...сутью этого окологероического течения являлись свобода творчества, духовное обновление, совершенство,

стремление к восстановлению на земле идеалов первохристианских общин. Путь к спасению, к “Новой Земле” (как аналогу Иерусалима небесного) лежит через Голгофу. В соответствии с их принципами вся жизнь христианина должна быть перманентной Голгофой» (Семинарский вестник. 2005. № 2). Наиболее глубоко осмыслила это «не очень занимающее исследователей» явление Н. М. Солнцева (Указ. соч. С. 45–50): «Философия голгофского христианства максимально впитала в себя все особенности того времени, всю амальгаму мятежности, революционности, идей о необходимости голгофской крови ради светлого будущего и — идей глубоко нравственных, поистине христианских, невысказанных без любви и сострадания к ближнему. ...Голгофское христианство твёрдо верило в конец мира грешного, мира этого, как верил апостол Пётр (2 Петр. 3, 10). Путь освобождения, по Свенцицкому, путь голгофский. Сегодня это прочитывается как путь революционный. Свенцицкий же полагал, что это всё равно что взять крест и идти на распятие, но — не во имя смерти и муки, а во имя вечной жизни. Весь мировой процесс — Голгофа. ...Философия голгофского христианства, конечно, основывалась на любви. И это подтверждается Свенцицким в его выдающемся труде “Диалоги”... Свенцицкий верил в человека как носителя идеи Бога, свободной воли, начала свободы — и этот человек призван к действенной любви. Голгофская смерть Иисуса как искупление чужих грехов — разве это не совершенное выражение действенной любви ради царства Божия на земле? Моление за распинавших Его, прощение Своих врагов более всего отражало абсолютную любовь, соответствие воли человека и воли Бога. Жертвенность, любовь и единение воли человеческой и воли Божией — это и есть основы философского учения голгофских христиан».

<sup>419</sup> Ср.: «Иисус Христос прошёл через смертную казнь, но нигде не сказал, что нельзя казнить преступников... Церковь никогда не выступала против смертной казни, она выступала против её *применения*. ...Я против смертной казни в современной России» (*Патриарх Кирилл*. Интервью 10 октября 2011).

### Новое в сектантстве

*МГК*. 1912. 16 мая. № 111. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>420</sup> Такое заявление зафиксировал в дневнике Беневский после совместного со Свенцицким посещения баптистов (ГМТ. Ф. 4, оп. 2, № 187).

<sup>421</sup> *Иринарх* (Шемановский; 1873—1936?), архим. — в 1912 назначен настоятелем Царицынского Свято-Духова м-ря. Прибыв к месту службы, «заявил, что будет чужд всякой политики, к партиям принадлежать не будет, и советовал к мнениям инакомыслящих “относиться терпеливо”» (Речь. 1912. 6 марта). 2 августа Синод признал, что он «не имел достаточного спокойствия и опыта, чтобы благотворно повлиять на полунормальных, больших поклонников Илиодора». Переведён на должность помощника управляющего корейской миссией в Сеуле.

## Церковная декорация

МГК. 1912. 14 февраля. № 36. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>422</sup> «Думская комиссия по делам православной церкви единогласно постановила... предложить Государственной Думе принять при рассмотрении сметы синода на 1912 год формулу о признании крайней необходимости безотлагательного созыва всероссийского поместного собора православной русской церкви для устройства жизни её на началах канонической свободы совести» (Русские ведомости. 1912. 27 января). «Между членами св. синода происходит непрерывный обмен мнениями по вопросу о созыве церковного собора и восстановлении патриаршества в России. Одним из видных сторонников созыва собора и восстановления патриаршества является архиепископ Антоний волинский, руководитель св. синода. На днях он выступил с обширной статьей по этому вопросу в московском журнале «Голос Церкви»» (Петербургская газета. 1912. 8 февраля). «Несмотря на официальное опровержение, вопрос о восстановлении патриаршества всё же продолжает быть предметом обсуждения за кулисами св. синода. Осведомлённые лица передают, что в самом непродолжительном времени будут сделаны в этом направлении определённые шаги» (Речь. 1912. 1 марта). 28 февраля 1912 было учреждено Предсоборное Совещание.

<sup>423</sup> *Рогович* Алексей Петрович (1858—1931) — гофмейстер, сенатор, член ГС, товарищ обер-прокурора Синода (1906—1912), и. о. обер-прокурора (1907—1909); противник созыва Поместного Собора.

Статья Свенцицкого «Мёртвый собор» была напечатана в ж. «Век» № 20 (1907. 27 мая), а приостановлено издание было 9 июля решением и. о. столичного градоначальника после выхода № 26 (*Колеров М.* Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 262) за статьи, «проникнутые враждебным отношением к правительству». До этого Петербургский комитет по делам печати наложил арест на № 23 за публикацию церковной программы ХВБ (было изъято 256 из 4200 отпечатанных экз.), который СПб Судебная палата отменила 26 февраля 1908 за отсутствием состава преступления (РГИА. Ф. 776, оп. 9, д. 849; Ф. 777, оп. 7, д. 422).

<sup>424</sup> К церковному собору. Сборник. СПб., 1906; Перед церковным собором. М., 1906.

<sup>425</sup> «Еп. Гермоген восстал против обмана православного мира путём создания «синодского патриарха», который будет видимым главой внешней Церкви Христовой и в то же время явится послушным орудием в руках чиновников Духовного ведомства» (Свет. 1912. 10 января). «Кажется, вопрос о восстановлении патриаршества — дело решённое. Прекрасное дело, прекрасная *декорация!* Но ведь дело не в декорации, а в *свободе Церкви...* Можно ли начать с декорации, с фасада?! ...Патриарх будет висеть в воздухе, как и Синод *нынешний!*» (*Киреев А.* Дневник. 1905—1910. М., 2010. С. 39—40).



<sup>426</sup> По справедливому мнению прот. Владимира Рожкова (Указ. соч. С. 298), эти события вскрыли и углубили непонимание и разрыв между церковной властью и почти всеми слоями населения России.

<sup>427</sup> «А ведь всё дело в том, чтобы восстановить этот авторитет Церкви путём Собора» (Киреев А. Указ. соч. С. 133).

<sup>428</sup> Ср. отчаянный вопль вековой давности с закрытыми для народа прениями на Соборе в 2009. «К чему однако эта таинственность, это действие украдкой и втёмную, в решении таких вопросов, которые затрагивают интересы всей Церкви, т. е. всех верующих? Неужели наша Церковь, хранительница божественной истины, всеобщий светоч, правда и любовь, нуждается в покровках канцелярской тайны, в скрытности, в утаивании своих мероприятий от всех верующих, чтобы жить нормально, истинно Христовою жизнью? Неужели жизнь нашей православной Церкви действительно боится гласности, света, открытого всенародного суждения верующих?» (Кантеев Н. К вопросу о церковной реформе // Богословский вестник. 1905. № 11. С. 510).

### Созовут ли Собор?

НЗ. 1912. № 7/8. Февраль. С. 8–9. Подпись: В. С.

<sup>429</sup> Ср. положение в РПЦ в 2008.

<sup>430</sup> «Верховный покровитель» Православной Российской Церкви Николай II трижды высказывался о несвоевременности созыва Поместного Собора: 31 марта 1905, приняв формулировку Победоносцева; 25 апреля 1907, по наущению П. Столыпина; 2 марта 1912, соглашаясь с мнением Распутина. Ср.: Мф. 26, 34. «Возражения о неподготовленности делаются всегда и при всех преобразованиях. Делались они и при освобождении крестьян, и при введении земских учреждений, и при введении суда присяжных. Так как объективных признаков подготовленности или неподготовленности установить никогда нельзя, то в действительности в такую форму возражений обычно облекалось нежелание выпускать из своих рук привилегии и власть» (Щепкин Н. Земская и городская Россия о народном представительстве. Ростов н/Д., 1905).

<sup>431</sup> В той же статье (Речь. 1911. 10 мая) Саблер назвал Поместный Собор своей «заветной мечтой», но оговорился, что вопрос найдёт с его стороны «самую горячую поддержку», только «когда наступит благоприятный момент». А 25 апреля открыто заявил, что срок созыва Собора «назначается не церковными иерархами, ни ещё меньше мною, а всецело и исключительно зависит от Высочайшей воли». Посему чаяния православных сбылись только после отречения императора от престола. «Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной церкви благоприятное время созвать Собор» (Илларион (Троицкий), архим. Живая жизнь. Открытие Всероссийского церковного Собора // Богословский вестник. 1917. № 8/9. С. 275).

<sup>432</sup> «Но ведь вот останется грозный вопрос. Где возьмёт Синод авторитет для того, чтобы доставить своим решениям необходимый авторитет среди христиан?! Не будет авторитета — решение Синода останется без употребления» (*Киреев А.* Указ. соч. С. 269). Ср.: «...последствия этих событий неизбежно должны были сказываться на авторитете власти и критическом отношении к её верховному носителю» (*Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. М., 2002. С. 466).

### **Собор и реформация**

Трудовая копейка. 1912. 12 марта. № 11. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>433</sup> «Весьма возможно, что надежды преувеличены и что “благоприятное время”... наступит ещё не так скоро» (*Лукинский А.* Предсоборное присутствие и собор // Россия. 1912. 7 марта. № 1936. С. 1).

<sup>434</sup> «...Собор из одних архиереев будет мертворождённым, как далеко не представляющий всего тела Церкви Христовой; такого собора и его постановлений настоящая действительная Церковь не признает, и такой собор внесёт в нашу церковную жизнь только ещё большую смуту и смятение» (*Кантрев Н.* Указ. соч. С. 510). О нелепости «назначения епископом членов Собора или права устранения неугодных» А. А. Киреев писал ещё в 1906 (Указ. соч. С. 131–133, 183): «При таких условиях незачем и собирать Собор... Это совершенно уничтожит авторитет Собора»; был убеждён, что успех дела зависит от его состава: «Если будет дано право фильтрации (браковки) епископам, то Собор не будет пользоваться доверием Церкви (мирян и белого духовенства)». А. И. Преображенский заявлял: если епископы получают право выбирать представителей клира и мирян из числа избранных кандидатов, «Собор будет дискредитирован в глазах Церкви и потеряет свой православный авторитет» (цит. по: *Головушкин Д.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб., 2009). См. также: С-И. 316.

<sup>435</sup> О том, какую реформу Церкви Свенцицкий считал безусловно необходимой, см.: С-И. 27–35. Ср. также прим. 224.

«Если говорить об истинном церковном консерватизме, то он требует реформ наиболее радикальных во имя древних церковных начал... Желательный церковный прогресс есть скорее реакция, возвращение к старине, чем более далёкой от нас, тем более близкой к истокам христианства» (*Титлинов Б.* Церковное строительство // Церковь и общество. 1906. № 5. С. 2). Именно такой путь избрала в 1917 наша Православная Российская Церковь на единственном в XX в. истинно Поместном Соборе, «идеализация» которого ныне критикуется: дескать, многие его решения неверны, поскольку «обусловлены историческими обстоятельствами» (Церковный вестник. 2009. № 3. С. 9); фактически от большинства из них отказались, предали забвению.

### **«Летние архиереи»**

МГК. 1912. 28 апреля. № 98. С. 1–2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>436</sup> *Палладий* (Добронравов; 1865—1922), еп. — с 1903 еп. Вольский, викарий Саратовской епархии, с 1908 еп. Пермский и Соликамский, с 1914 еп. Саратовский и Царицынский.

<sup>437</sup> Саблер оказался хитрее: «...воспользовавшись отсутствием в Синоде в летнюю сессию всех трёх митрополитов, начал рассматривать важнейшие внутрицерковные вопросы, по традиции, подлежащие компетенции “зимнего” состава Синода с участием более авторитетных иерархов» (*Соловьёв И.* Митрополит Антоний (Вадковский) // *Церковный вестник.* 2002. № 11).

### Мученики просвещения

*МГК.* 1911. 13 ноября. № 262. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>438</sup> В среднем, учителя в церковно-приходских школах получали тогда 200–300 руб. в год. Казённое содержание епархиальных архиереев составляло от 10 тыс. (Тверской) до 53 тыс. (Киевский) руб. в год. Ассигнования государства на одного провинциального викарного епископа могли прокормить 15 сельских учителей (*Рожков В.*, прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004). Неудивительно, что в 1911 Россия занимала по проценту учащихся 22-е место в Европе, а по расходам на просвещение — 15-е.

<sup>439</sup> 10 млн руб. на церковно-школьное дело Синод получал из казны, 6,6 млн руб. — из местных источников (в основном пожертвования). И только половина этих средств шла на учительские оклады (Там же. С. 339–341).

<sup>440</sup> 200-летний юбилей со дня рождения М. В. Ломоносова отмечался в России 7–8 ноября 1911.

<sup>441</sup> Дискуссия о сокращении количества праздничных дней шла в российском обществе не один десяток лет; противостояние Синода и правительства обострилось после публикации в 1909 соответствующего законопроекта: из 95-ти неприсутственных дней планировалось оставить 64, в т. ч. за счёт дней рождения и тезоименитства императора, наследника и двух императриц, отмечаемых наравне с Рождеством и Пасхой. Синод полагал, что проект «не отвечает народному мирозерцанию, затрагивает религиозное чувство, вызовет народное неудовольствие» (*Церковный вестник.* 1911. № 8. С. 236), в декабре 1910 он был отклонён ГС.

### Голод и монастыри

*НЗ.* 1911. № 22. Июль. С. 3–4. Подпись: Н. Раевский.

### Голод и Церковь

*МГК.* 1911. 15 декабря. № 288. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>442</sup> Ис. 58, 7; Иез. 18, 7; Мф. 25, 41–46.

<sup>443</sup> Хотя до выборов в IV ГД оставался почти год, 11 ноября 1911 Совет министров постановил ни в каком случае и никаким частным обществам не разрешать оказывать помощь в пострадавших от неурожая местностях. См. прим. 461.

<sup>444</sup> В 1910-х российские монастыри тратили на общественные нужды лишь 2,5% доходов, которые превышали 20 млн руб. в год (втрое больше был монастырский капитал в банках). Через 10 лет Господь покарал Православную Российскую Церковь, попустив коммунистам изъять её святыни для «борьбы» с тем же голодом.

<sup>445</sup> Еп. Челябинский Дионисий (Сосновский), возглавлявший епархиальный комитет по оказанию помощи голодающим, в конце ноября 1911 предал гласности таковое прошение жителей пос. Петропавловского (Кустанайский уезд, Тургайская обл.) и призвал паству к пожертвованиям на нужды голодающих.

### **Стыдно ли писать о голоде**

*ЦМ.* 1911. 24 ноября. № 259. С. 2. Подпись: В. С.

### **Новый год**

*МГК.* 1912. 1 января. № 1. С. 3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>446</sup> Под заглавием «Всемирно»: *Толстой.* 38, 240–241.

### **Голод и «патриотизм»**

*ЦМ.* 1911. 16 ноября. № 253. С. 2. Подпись: Друг.

*МГК.* 1911. 27 ноября. № 273. С. 3. Подпись: В. Свенцицкий.

Объединены две статьи с одинаковым заглавием.

<sup>447</sup> *Бобринский* Алексей Александрович, (1852—1927) — граф, землевладелец и сахарозаводчик, археолог, в III ГД принадлежал к фракции правых, с 1912 член ГС. Устраивал политические рауты, на которых пытался сблизить крайних правых с националистами и октябристами.

<sup>448</sup> *Мещерский* Владимир Петрович (1839—1914) — князь, писатель и публицист, изд.-ред. газеты «Гражданин». Ср.: *Горький М.* Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). Ч. 3 и 4. М., 1987. С. 679.

<sup>449</sup> *Соловьёв В.* Национальный вопрос в России. СПб., 1891. О подоплёке полемики см.: *Эри В.* Сочинения. М., 1991. С. 113.

<sup>450</sup> Ср. авторское предисловие: «Эту книгу я писал с единственной мыслью, с единственной целью — обратить внимание русского образованного общества на гибнущих меньших братьев. Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться» (*Родионов И.* Наше преступление (Не бред, а быль). СПб., 1909. С. 5). Ср. речи лавочника и отповедь ему (Наст. изд. С. 198–199).

<sup>451</sup> «Колокол» — общественная, церковная и литературная газета (СПб., 1905–1917); изд. В. М. Скворцов.

### **Последнее прибежище**

*МГК.* 1911. 18 декабря. № 291. С. 4. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>452</sup> *Джонсон* Сэмюэл (1709—1784) — английский критик, лексикограф и поэт. Афоризм «Патриотизм — последнее прибежище любого негодяя» произнесён 7 апреля 1775 и впервые опубликован в его жизнеописании.

сании (1791); стал популярен в России после того, как Толстой, изменив порядок слов, включил его в свою кн. «Круг чтения».

<sup>453</sup> *Герценштейн* Михаил Яковлевич (1859—1906) — депутат I ГД; убит членами боевой дружиной СРН, получившими за это от петербургского градоначальника 2000 руб. (в 1909 приговорены к 6-ти годам лишения свободы и в том же году помилованы Николаем II).

*Караваев* Александр Львович (1855—1908) — депутат II ГД; убит членами Екатеринославского отдела СРН. См. прим. 358.

### «Неугасимая лампада»

*НЗ.* 1912. № 11/12. Март. С. 8—11; К новой земле. № 1. Март. С. 8—11. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>454</sup> 19—21 февраля 1912 в Петербурге прошёл I съезд Всероссийского национального союза, в котором состояло около 3000 человек.

<sup>455</sup> *Меньшиков* Михаил Осипович (1859—1915) — публицист, идеолог русского национализма; славился подобными «красивостями»: например, называл Собор «священно-канцелярской логомахией», «словоупражнением рясофорной и митрофорной бюрократии» и считал, что ничего искреннего, серьёзного и великого из него не выйдет.

<sup>456</sup> *Долина* (урожд. Саюшкина, по мужу Горленко) Мария Ивановна (1868—1919) — оперная артистка, исполнительница русских народных песен.

<sup>457</sup> «Проклятье — подделка под силу» (*С-П.* 366).

### Можно ли любить своё отечество?

*НЗ.* 1911. № 3. Январь. С. 2—3. Подпись: Н. Раевский.

### От имени народа

*НЗ.* 1912. № 11/12. Март. С. 6—8; К новой земле. 1912. № 1. Март. С. 6—8. Подпись: В. С.

<sup>458</sup> Общие прения по бюджету в III ГД начались 28 февраля 1912, В. Н. Коковцов произнёс 40-минутную речь 1 марта.

<sup>459</sup> После государственного переворота 3 июня 1907 на выборах в III ГД один голос помещика равнялся 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих; активным избирательным правом пользовалось лишь 15% населения Российской империи.

<sup>460</sup> Ср. нынешнее положение: «...избиратели при партийной системе (глубоко порочен принцип — отдавать места партиям) даже и по имени не знают, за кого голосуют: кого им потом снизошлёт партийный центральный комитет... Да “волю народа” откровенно и не ищут, если цинично признают состоявшимися выборы при 25% явившихся, — а что думает 75%, нам и знать не надо» (*Солженицын* А. Россия в обвале. М., 1998. С. 49). См. также: *С-П.* 100.

<sup>461</sup> Ср. ответ А. И. Шингарёва на речь Коковцова в заседании ГД 3 марта 1911: «...говорит... мы не запрещали, мы представили условия...

Но вы с Красным Крестом идти не хотите! Почему? С ним неудобно распространять, вместе с мукой и врачебной помощью, литературу, которую так выгодно распространять перед выборами. ...Что же государство, в этом положении, обязано карать тех виновных, которые занимаются распространением, я не знаю, нелегальной, что ли, литературы, или оно карает население за других, или оно голодных лишает муки и хлеба, который дали бы жертвователи? ...Это политика человека... который из-за возможности, что кто-то в муке найдёт прокламации, не даст этой муке голодающему населению».

### «Колос ржи»

МГК. 1912. 24 февраля. № 45. С. 1. Подпись: В. С.

НЗ. 1912. № 9/10. Март. С. 5–6. Подпись: В. С.

ЦМ. 1912. 28 февраля. № 46. С. 2. Подпись: Друг.

Объединены три статьи с одинаковым заглавием. Последняя помечена: «Петербург, 22 февраля».

<sup>462</sup> «Колос ржи» — организованный в больших городах по инициативе Русского общества охранения народного здоровья однодневный сбор пожертвований в пользу голодающих. 22 февраля 1912 в Петербурге было собрано 180 тыс. руб.; 16 марта в Москве — 210 тыс. руб.

<sup>463</sup> *Новая Деревня* — район на северо-западе Петербурга, на правом берегу Б. Невки.

### Голгофский крест

МГК. 1912. 17 марта. № 64. С. 1–2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>464</sup> Письмо от 25 марта 1879 (*Толстой*. 62, 476–477).

<sup>465</sup> Ср. написанное задолго до знакомства с этим текстом: «Прижал к земле нас тяжелейший крест — Россия, / Прежде чем в небо вечно вознести» (С. Чертков «Народ-крестоносец», 2000).

<sup>466</sup> Вероятно, процесс о зверствах, описанных в очерке В. Г. Короленко «В успокоенной деревне» (1911).

### Воскресение народа

НЗ. 1912. № 13/14. Апрель. С. 7–8. Подпись: Николай Раевский.

<sup>467</sup> Ср.: Мф. 19, 21; Отк. 21, 6; Мф. 5, 6; 11, 28.

### Христос и Иуда

МГК. 1912. 25 марта. № 71. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>468</sup> Рассказ Л. Андреева «Иуда Искариот» (1907).

<sup>469</sup> См. об этом: С-П. 89–91, 438, 501; *Аскольдов С.* О связи добра и зла // Христианская мысль. 1916. № 4, 5; *Зеньковский В.* Проблемы воспитания. М., 1993. С. 72–77.

<sup>470</sup> Спустия 6 лет прозрел и Бердяев, подтвердив в предисловии к кн. «Судьба России» сбывшееся пророчество: «Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире... совершил внутреннее предательство. ...

Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнился ложью».

### **Опять о том же**

*НЗ.* 1912. № 13/14. Апрель. С. 6–7. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>471</sup> См.: *С-II.* 172–173.

### **Преступление и наказание**

*МКГ.* 1912. 6 апреля. № 80. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

### **Железная дорога**

*НЗ.* 1911. № 22. Июль. С. 4–5. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>472</sup> На строительстве Амурской железной дороги в 1906–1916 ссыльнокаторжные работали по 14 часов летом и по 7 зимой. Опыт царского правительства был примерно использован сталинскими душегубами.

<sup>473</sup> Положение несколько изменилось: теперь бегут на сытый и относительно свободный Запад, зато бегство приобрело масштабы национального бедствия.

<sup>474</sup> Пословицу часто употреблял И. В. Сталин как оправдание массовых репрессий в СССР.

### **Похоронный марш**

*НЗ.* 1912. № 17/18. Апрель. С. 4–6. Подпись: В. Свенцицкий.

5 мая 1912 МКДП наложил арест на номер журнала, в т. ч. за напечатание этой статьи; по сведениям В. Г. Базанова, она «особенно возмутила цензоров» (*Звезда.* 1979. № 12. С. 187). Редактор Тупицын был привлечён к судебной ответственности по пп. 2 и 6 ст. 129 УУ (*НЗ.* 1912. № 19/20. С. 3). 15 июня началось предварительное следствие, и 7 июля прокурор МОС приостановил издание до судебного приговора. 5 апреля 1913 МСП определила: «уголовное преследование прекратить по амнистии, хотя все признаки преступления в наличности» (ЦИАМ. Ф. 31, оп. 3, д. 1554; Ф. 131, оп. 81, д. 62, 63).

<sup>475</sup> 4 апреля 1912 при расстреле мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков было убито и ранено около 400 человек. Командовавший побоищем жандармский ротмистр Н. В. Трещенков (1875–1915) по окончании следствия разжалован в рядовые.

<sup>476</sup> Подр.: *С-I.* 55, 683, 692, 751. Над Русской землёй меч гнева Господня поднялся в 1917. «Плачьте и рыдайте, ибо ярость гнева Господня не отвертится от нас» (Иер. 4, 8), «и весь народ поражается мечом гнева небесного... при висящем мече столь великого гнева мы станем на непрестанные молитвы. Ибо то несчастье, которое обыкновенно бывает людям неприятно, благоугодно на суде Истины» (*Григорий Великий Двоеслов*, свт. Избранные творения. М., 1999. С. 429–430). «Тогда опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно» (Соф. 3, 9).

## Бездействие Церкви

МГК. 1912. 18 апреля. № 90. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

### Зелёные листья

НЗ. 1912. № 19/20. Май. С. 5–6. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>477</sup> «Устремление к небу нередко оборачивалось проклятием земле.

И слишком часто идеал спасения строился на основе непреклонного мироотрицания. При этом само спасение понималось как бегство из мира материи в мир чистой духовности. Отсюда — гнушение плотью, умаление творческой природы человека и как неизбежное следствие этого — особый религиозный индивидуализм. До сих пор эти тенденции остаются для некоторых единственными признаками христианской жизни» (*Барабанов Е.* Раскол церкви и мира // Из-под глыб. Сб. статей. Париж, 1974.

<sup>478</sup> «...Отвержение мира приняло в монашестве несколько радикальные формы, так что почти растворило в себе изначальный космизм христианской веры и становилось иногда отрицанием уже самой ценности мира и человека» (*Александр Шмеман*, прот. Введение в литургическое богословие. Гл. 3. § 3.1).

<sup>479</sup> О разнообразии содержания, которое Свенцицкий вкладывал в слово «православие», см.: *С-П.* 429–431.

### Какой «партии» Церковь?

Живое слово. 1911. 17 октября. № 33. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>480</sup> Подр. см.: *С-П.* 594–598. Ср.: «Спросить Синод не значит спросить Церковь» (*Киреев А.* Указ. соч. С. 283).

<sup>481</sup> «...Любовь есть высшее, внутреннее единство, которое находит своё выражение в соборности, и потому Церковь Соборная... является силой не только притягивающей, но и действующей, является началом... активным. ...Главная болезнь нашей Церкви — отсутствие соборности» (*С-П.* 260, 316, 678).

### Возможно ли «либеральное православие»?

Новое вино. 1913. № 3. Февраль. С. 11–12. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>482</sup> См.: *Философов Д.* Илиодор и Булгаков // Речь. 1912. 18 ноября. № 317; *Струве П.* Письмо в редакцию // Там же. 20 ноября; *Титлинов Б.* Православие и реакция // День. 1912. 26 ноября. № 55; *Правдин В.* Реакционно ли православие? // Церковно-обществ. вестник. 1912. № 22.

<sup>483</sup> Слава Богу, теперь это заблуждение, по крайней мере формально, преодолено, и христиане призываются к «нравственно ориентированным социальным действиям... устройению общественной жизни, которое бы не противоречило их вере и нравственным принципам. ...Ныне следует особо выделить следующие области: охрану личности от про-



извола лиц, облечённых властью, и работодателей... заботу об уважении достоинства и прав людей, находящихся в социальных учреждениях и местах заключения, с сугубым вниманием к беспомощным; заботу о справедливом экономическом и социальном устройстве общества; участие в общественном контроле за исполнением законодательства» (ОУ. V.4, 2).

<sup>484</sup> Ср.: «Церковь всякий раз, по странному совпадению одновременно со светскою властью, убеждалась в несостоятельности старого порядка» (С-II. 6); «христианство находится в естественном и необходимом союзе со всеми наиболее консервативными общественными силами... исключения встречались, но оставались исключениями» (Аверинцев С. Собр. соч. София-Логос. Словарь. К., 2006. С. 654).

### **Международное комедианство**

Царицынская жизнь. 1909. 7 мая. № 97. С. 2. Подпись: П.

<sup>485</sup> Эренталь Алоиз фон (1854—1912) — министр иностранных дел Австро-Венгрии с 1906.

### **«Свободные» дикари**

Царицынская жизнь. 1909. 10 мая. № 99. С. 2. Подпись: П.

### **Суд Божий**

Город и деревня. 1909. 7 июля. № 18. С. 2. Подпись: П. (Иван Карамазов).

<sup>486</sup> 3 июля 1909 шах Магомет-Али был низложен и укрылся в российской миссии, Национальное собрание избрало шахом его 10-летнего сына. Цит. сообщение: Русское слово. 1909. 4 июля.

<sup>487</sup> Через 8 лет история повторилась в России.

### **Политические размышления о чуме**

Трудовая копейка. 1911. 28 февраля. № 11. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>488</sup> С 1894 выражение часто употреблял в речах и письмах Вильгельм II. См. также: Жёлтая опасность. Картина Императора Вильгельма II и объяснение к ней. СПб., 1904 (3-е изд.).

<sup>489</sup> Во время эпидемии чумы 1910–1911 в Маньчжурии погибло около 100 тыс. человек. В Фуцзядяне (пригород Харбина) умирало до 150 человек в день, район была оцеплен войсками и изолирован от внешнего мира.

### **Политическая «лошадка»**

МГК. 1911. 17 марта. № 62. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>490</sup> Отношения между Россией и Китаем обострились в феврале 1911. 11 марта китайскому правительству был направлен ультиматум с угрозой прервать дипломатические отношения. К концу марта конфликт был улажен.

## Накануне

*НЗ.* 1911. № 17. Май. С. 2–3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>491</sup> Ср.: «Да и войны не потребуется Китаю: полётся... бесконфликтное “мирное завоевание”, заселение наших пустующих территорий... миллионами китайцев... И скоро нас отстранят как раздутую помеху. И что не сломится дух Китая, проверенный тысячелетиями, тоже сомнения нет» (*Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 46–47).

<sup>492</sup> Абсолютно то же произошло в России ровно век спустя.

<sup>493</sup> Ст. 87 Основных законов Российской империи (1906) позволяла императору распускать ГД и ГС временно или до последующих выборов и проводить законы в форме указов без санкции палат, в чрезвычайном порядке. В марте 1911 таким способом П. Столыпин провёл закон, ограничивающий участие крестьян западных губерний в земских выборах.

<sup>494</sup> Л. А. Тихомиров в 1907 писал: «Если не будет бурного кризиса, революции — то будет *медленное* гниение. Не вижу данных на “мирное обновление”. Есть, может быть, шансы на усталость и разочарование всех и во всём. Отовсюду может возникнуть мирное прозябание и гниение... Но ведь это ещё хуже, чем революция» (Красный архив. Т. 61. С. 85).

## Четвёртая революция

*ЦМ.* 1911. 19 октября. № 230. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>495</sup> В ходе революции 1905–1911 в Персии был создан меджлис (парламент) и принята конституция. Португалия в результате революции 1910 стала республикой. 10 октября 1911 началась революция в Китае, свергнувшая Маньчжурскую династию (см. прим. 199).

<sup>496</sup> Ср.: «Китай — это людской океан, у него и законы развития трудней предсказуемы, чем у остальных этносов» (*Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 46).

<sup>497</sup> Ср. нынешнее «усиление вертикали власти» при общем обнищании народа.

<sup>498</sup> *Абдул-Хамид II* (1842–1918) — султан Османской империи с 1876 по 1909. В начале правления имел большую популярность, подписал и обнародовал конституцию, провозгласившую равноправие всех османских подданных, но в 1878 отменил её и установил деспотический режим. В результате Младотурецкой революции 1908 был вынужден восстановить конституцию; после неудачного мятежа низложен и арестован, умер в заключении. В сентябре 1911 Италия аннексировала турецкие территории в Северной Африке.

## Возможен ли «раздел» Китая?

*ЦМ.* 1911. 3 ноября. № 242. С. 2. Подпись: — г.

<sup>499</sup> Ср.: по англо-русскому соглашению 1907, северная часть Персии отошла в сферу влияния России, а южная — Великобритании. В октябре 1911 английские войска вошли в Тибет и Юннан, а 29 декабря 1911

при поддержке России провозгласила независимость Монголия. Так же сговаривался и СССР: сперва с гитлеровской Германией, потом с её противниками.

<sup>500</sup> Что и наблюдалось недавно в Ираке и Афганистане.

### **Восточный вопрос**

Живое слово. 1911. 27 июня. № 17. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>501</sup> *Достоевский*. 23, 46–50.

<sup>502</sup> *Дизраэли* Бенджамин, граф Биконсфильд (1804—1881) — премьер-министр Великобритании с 1874. В результате его деятельности в 1878 Болгария, освобождённая Россией, оказалась вассалом Турции.

<sup>503</sup> *Достоевский*. 25, 74.

<sup>504</sup> «Большим человеком Европы» назвал Турцию в 1853 Николай I, настаивая, «что больной при смерти».

### **Царство или империя?**

Новая Русь. 1910. 17 марта. № 74. С. 3. Подпись: Н. Раевский.

Обсуждается статья М. О. Меньшикова «Нецарственный империализм» (Новое время. 1910. 16 марта), в конце цитируется стихотворение Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная» (1860).

<sup>505</sup> Ср. распад СССР.

### **Несколько личных впечатлений**

Новая Русь. 1910. 21 марта. № 78. С. 3. Подпись: Н. Раевский.

### **Две культуры**

МГК. 1912. 10 апреля. № 83. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>506</sup> Законы от 17 июня 1910 и 20 января 1912 полностью ликвидировали конституцию Финляндии и превратили её из несuverенного государства в автономную провинцию. Готовивший законопроекты П. А. Столыпин, ссылаясь на императора, угрожал финляндцам в случае неподчинения «действовать силою “*manu militari*”» (Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 81).

<sup>507</sup> Глупов не был губернским городом, но М. Е. Салтыков-Щедрин упоминает о Глуповской губернии в цикле «Господа ташкентцы» (1869–1872).

### **Кто нас любит?**

НЗ. 1912. № 3/4. Январь. С. 8. Подпись: Н. Р.

<sup>508</sup> В 1900 Россия участвовала в подавлении антиимпериалистического Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания китайского народа.

### **Отрезвление России**

НЗ. 1911. № 10. Март. С. 2–3. Подпись: В. П.

Подр. о строгом осуждении порока пьянства в Священном Писании и творениях святых отцов см.: *ОСК*. XI.6.

<sup>509</sup> «Комиссия о мерах борьбы с пьянством» была создана в ГД ещё 11 декабря 1907. 16 марта 1908 под председательством М. Д. Чельшова прошло собрание беспартийной группы по вопросу о борьбе с пьянством: 50 депутатов-крестьян потребовали воспретить продажу спиртных напитков в сельской местности («Пусть водку уберут в города, если им нужно, а в деревнях она окончательно губит нашу молодёжь») и резко поднять цену на водку, поскольку это не предмет первой необходимости, а роскошь. Тогда их наивный голос услышан не был. С 28 декабря 1909 по 6 января 1910 в Петербурге прошёл Первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством. В начале 1911 в ГД мучительно обсуждался законопроект об изменении и дополнении некоторых статей Устава акцизных сборов относительно продажи крепких напитков.

<sup>510</sup> В 1910 население Российской империи выпило 90 млн вёдер водки, а казна от её продажи получила 760 млн руб. И сейчас, когда цена водки и пива в России неимоверно низка, правительство смотрит сквозь пальцы на чудовищное спаивание народа. «И напрасны надежды, что нынешняя власть или те, что сменят их через “выборы”, заплавленные денежными миллиардами, — позаботятся о судьбе вымирающего народа. Этого — не будет. Нет вредней, как цепляться за иллюзии, они отнимают у нас ещё возможные верные шаги» (Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С. 199).

### **Наши задачи**

*ЦТ.* 1911. № 1. 6 ноября. С. 1–2. Без подписи.

Из агентурных сведений по Саратовской губ. от октября 1911: «В обществе трезвости решён вопрос об издании журнала “Царицынский трезвенник”, во главе этого журнала стоит Костромин Михаил и примет участие в его издании Платонов Вячеслав» (ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. 1911. Д. 32, ч. 69 Б, л. 46). С 1909 Свенцицкий жил по поддельным документам на имя Вячеслава Платоновича Платонова (ср.: С-1. 707). Статьи атрибутированы по автобиографическим эпизодам и очевидным стилистическим и идейным совпадениям с определённо принадлежащими автору произведениями.

### **Не надо откладывать!**

*ЦТ.* 1911. № 1. 6 ноября. С. 3–4. Подпись: Я. Странник.

### **Зачем нужны Общества трезвости**

*ЦТ.* 1911. № 2. 13 ноября. С. 1–2. Подпись: Н.

### **Кто виноват? (На пароме)**

*ЦТ.* 1911. № 2. 13 ноября. С. 8–10. Подпись: Я. Странник.

### **Пьянство и голод**

*ЦТ.* 1911. № 3. 20 ноября. С. 1–2. Подпись: В.

<sup>511</sup> Отчёт государственного контроля указывал, что «с осени 1909 г., когда определились результаты обильного урожая, обнаружился резкий поворот в сторону увеличения потребления водки» (Русское слово. 1912. 19 января).

### **За стеной**

*ЦТ.* 1911. № 3. 20 ноября. Подпись: Я. Странник.

С некоторыми изменениями эпизод описан в романе-исповеди «Антихрист (Записки странного человека)» (С-1. 144).

### **Гимн трезвенников**

*ЦТ.* 1911. № 4. 27 ноября. С. 1–2. Подпись: Н.

### **«Дом трезвости»**

*ЦТ.* 1911. № 5. 4 декабря. С. 2–3. Подпись: Я. С.

### **Праздник и будни**

*ЦТ.* 1911. № 6. 11 декабря. С. 1–2. Подпись: Я.

### **Можно ли «учить» других**

*ЦТ.* 1911. № 7. 18 декабря. С. 3–4. Подпись: Н.

### **Рождество Христово**

*ЦТ.* 1911. № 8. 25 декабря. С. 1–2. Подпись: Н.

### **Новый год**

*ЦТ.* 1912. № 9. 1 января. С. 1–2. Подпись: Н.

### **Тяжёлое недоразумение**

*ЦТ.* 1912. № 10. 8 января. С. 1–3. Подпись: Н.

### **Дети — наше будущее**

*ЦТ.* 1912. № 11. 15 января. С. 1–2. Подпись: Н.

### **Великий пост**

*ЦТ.* 1912. № 14/15. 11 февраля. С. 1–2. Подпись: В.

### **Голодный Христос**

*ЦТ.* 1912. № 20/21. 25 марта. С. 1–2. Подпись: Н.

### **Пустой колос**

*ЦТ.* 1912. № 28/29. 27 мая. С. 1–2. Подпись: Н.

### **О чём нельзя писать**

Царицынская жизнь. 1909. 28 мая. № 113. С. 2. Подпись: П.

<sup>512</sup> Через неделю газета перестала выходить из-за конфликта Брихничёва и Свенцицкого с П. Г. Булгаковым — прототипом Редактора.

### Как я искал квартиру

*ЦМ.* 1911. 1 октября. № 216. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>513</sup> *Краснов* Александр Сергеевич (1888—1919) — по окончании 4-х классов семинарии поступил на юридический ф-т Казанского ун-та; в октябре 1907 возглавил местную организацию партии эсеров, 1 ноября арестован и осуждён на 20 лет каторги за подготовку экспроприации, 1 мая 1913 выпущен на поселение. В 1918 усыновил беспризорника. Расстрелян большевистским патрулём после проверки документов в поезде («за фамилию» и новую каракулевую папаху).

<sup>514</sup> Для политических арестантов свидания разрешались исключительно в конторе тюрьмы, а для уголовных — в посетительских комнатах (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1978. С. 216).

<sup>515</sup> Крестный ход с Абалакской иконой «Знамение» Божьей Матери ежегодно совершался из Абалака в Тобольск 8 июля.

<sup>516</sup> Начальник Саратовского губернского жандармского управления 17 сентября 1911 сообщал Московскому охранному отделению: «летом 1911, как бы на дачу, Платонов [Свенцицкий] приехал в г. Царицын и поселился на хуторе Ново-Никольском у священника Краснова, который приходится ему каким-то родственником. В г. Царицыне Платонов бывал очень редко и, по собранным сведениям, живя у Краснова знакомых не имел. 10-го сего сентября Платонов куда-то выехал, надо полагать совсем, так как священник, провожавший его, просил, когда он устроится, писать» (ГАРФ. Ф. 63, оп. 47, д. 317, л. 8).

<sup>517</sup> Этот очерк — первая публикация Свенцицкого в царицынских временных изданиях после двухгодичного перерыва.

### Соль земли

*ЦМ.* 1911. 5 октября. № 218. С. 2. Подпись: — г.

<sup>518</sup> В России тогда существовало три православных Благовещенских братства: в городах Вологда, Лихвин (Калужская губ.) и Супрасль (Гродненская губ.).

<sup>519</sup> На 1910 в Православной Российской Церкви числилось более 60 тыс. священников и диаконов, более 10 тыс. монахов.

<sup>520</sup> Мф. 5, 13.

<sup>521</sup> *Мраморнов* Василий Иванович (1871—?) — окончил Саратовскую ДС (1892), священник хр. Живоначальной Троицы в посаде Дубовка Царицынского уезда с 1896, настоятель хр. Воздвижения Креста Господня в Царицыне с 1909, окружной миссионер. 22 августа 1911 переведён еп. Гермогеном в прежний храм, а на его место назначен лояльный иером. Илиодору иерей; вернуть любимого пастыря прихожанам удалось лишь в марте 1912. После 1917 неоднократно судим за «контрреволюционную деятельность».

<sup>522</sup> *Егоров* Михаил Андреевич — иерей, настоятель хр. Святой Троицы в Русском посёлке металлургического завода «ДЮМО»; в 1912 переведён в Симбирск.

<sup>523</sup> «Клирики [Царицына] фактически были поставлены перед выбором: или сотрудничать с иеромонахом Илиодором и его поклонниками, или вести себя честно и достойно, но попасть под угрозу неожиданной опалы» (*Мраморнов* А. Указ. соч. С. 184).

<sup>524</sup> Образ протекции из стихотворения А. Франка «Хвостик» (1880-е).

### «Посидите дома»

*ЦМ.* 1911. 7 октября. № 220. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>525</sup> *Поссе* Владимир Александрович (1864—1940) — публицист, с 1898 ред. ж. «Жизнь», организатор I Всероссийского кооперативного съезда (1908), с 1909 изд.-ред. ж. «Жизнь для всех». Вторую лекцию в Царицыне «Типы человеческой души в творчестве Ф. М. Достоевского» прочёл 5 октября 1912.

<sup>526</sup> «*Конкордия*» — театр-кабаре и увеселительный сад в долине р. Царицы вблизи Астраханского моста, центр разгула местных прожигателей жизни и заезжих купцов. В 1907 при населении в 90 тыс. человек в городе было 10 легальных домов терпимости, 25 тайных притонов и 30 поднадзорных одиночек (Весь Царицын на 1911. С. 55).

### Нервы и нравы

*ЦМ.* 1911. 9 октября. № 222. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>527</sup> С 1861 по 1907 население Царицына возросло в 15 раз.

<sup>528</sup> По назначению еп. Гермогена, с 1 марта 1908 иером. Илиодор заведовал Царицынским архиерейским подворьем.

<sup>529</sup> Пс. 13, 1; 3, 8.

<sup>530</sup> «На дворе монастыря иеромонах соорудил картонного пятисаженного дракона — “гидру революции”. По окончании проповеди, он пронзал её копьем, наподобие Георгия Победоносца и отрубал одну голову, которая за ночь вырастала» (*Стремоухов* П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции. Т. 16. М., 1993). 15 августа 1911 после зачтения вины из семи смертных грехов соломенное чучело с огненными крыльями, зубами и жалом было сожжено. Другое развлечение: вооружившись малярной кистью (квачем) и ведром дёгтя, Илиодор и его приспешники мазали встреченных на улицах Царицына «интеллигентов»: людей в очках, с газетой или портфелем, стриженных учительниц.

<sup>531</sup> Членом правления Царицынского общества взаимного кредита был В. В. Клёнов, городской голова.

<sup>532</sup> *Покровский* Иван — потомственный почётный гражданин Астрахани, продавец казённой винной лавки Астраханского акцизного управления; 1 января 1911 за отличную службу и особые труды награждён серебряной медалью «За усердие».

<sup>533</sup> «Один из богачей Москвы купил у Танти [клоуна] за три тысячи рублей его якобы дрессированную свинью, и в весёлой праздной компании кутил в ресторане “Эрмитаж” её торжественно съели» (*Дуров В. Записки дуровской свиньи. М., 1924. С. 22*).

### **Царицынский музыкант**

*МГК. 1911. 20 октября. № 240. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.*

<sup>534</sup> *Строков* Всеволод Петрович — окончил КазДА, кандидат богословия (1906). 6 мая 1911 изнасиловал 15-летнюю ученицу, дочь священника; следствие установило, что факт растления не был единственным. «Судебная палата утвердила обвинительный акт по делу инспектора астраханского женского епархиального училища, священника Строкова, обвиняемого в растлении воспитанниц. Как бы в ответ... по благословению архиепископа Георгия [Орлова] он назначается на место в село Иванчуг при церкви Фёдоровской Божией Матери. Надо заметить, что находящаяся в означенной церкви икона... почитается чудотворной и иванчугский храм самый популярный в Астраханском крае... Сообщение это произвело в городе ошеломляющее впечатление» (*Русское слово. 1911. 17 декабря*). 15 февраля 1912 приговорён к лишению сана и 8-ми годам каторги (не путать с царицынским прот. Александром Строковым).

<sup>535</sup> Ср. нынешний всплеск насилий над детьми, побудивший «Аргументы и факты» в 2007 начать акцию против педофилов «Дело № 1».

### **Обиделись**

*ЦМ. 1911. 14 октября. № 226. С. 2. Подпись: Друг.*

<sup>536</sup> Царицынское отделение Императорского русского музыкального общества было создано в апреле 1910, в 1911 при нём открылись музыкальные классы, где преподавал Маковский, а директором был Анатолий Васильевич Орлов. Первая обличающая разврат статья появилась в «Царицынской мысли» 29 сентября 1911 (№ 214. С. 3), тема была продолжена в № 224.

<sup>537</sup> «Сознание нравственной ответственности... общая скорбь о неудачах, гласное обнаружение и прямодушное осуждение ошибок, настойчивость в раскрытии коренных причин народных бедствий, неутомимое изыскание способов к их устранению, радость в случае успеха... беспредельная готовность на всевозможные жертвы для спасения народной чести — всё это внешние признаки... сильно развитого общественного духа: живого и ответственного участия каждого гражданина к тому, что называлось... у нас в старину — *земское дело*» (*Самарин Ю. Православие и народность. М., 2008. С. 298–299*).

### **«На общую тему»**

*Царицынская жизнь. 1909. 3 июня. № 118. С. 2. Подпись: П. (Иван Карамазов).*



<sup>538</sup> *Верман* — зав. Царицынским родильным приютом, снят после ревизии санитарной комиссии ЦГД. *Гусев* — инженер на городском водопроводе, его выявленные злоупотребления обошлись царицынскому бюджету более чем в 20 000 руб.

<sup>539</sup> *Серошевский* Вацлав Леопольдович (1858—1945) — этнограф-сибиревед, писатель, публицист, участник польского освободительного движения. 12 апреля 1905 произнёс на польско-русском съезде в Москве речь о совместной борьбе. В конце 1905 арестован за печатные выступления и предан военному суду, бежал за границу.

### Осенняя сказка

*ЦМ.* 1911. 16 октября. № 228. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>540</sup> Законоучителем в старших классах Московской частной гимназии Ф. И. Креймана, которую окончил Свенцицкий, был прот. Иоанн Соловьёв. См. о нём: *С-П.* 144, 445, 714.

<sup>541</sup> *Гофман* Йозеф Казимир (1876—1957) — польский пианист и композитор.

<sup>542</sup> *Русские богатыри* — участники соревнований по французской борьбе. Исключительный интерес к ней в России Блок отмечал среди важнейших событий 1911 (*Блок А.* Стихотворения. Поэмы. Театр. Л., 1972. Т. 2. С. 213).

<sup>543</sup> *Вяльцева* Анастасия Дмитриевна (1871—1913) — исполнительница цыганских романсов, артистка оперетты.

<sup>544</sup> *Целебровский* Алексей Иванович — сын священника, окончил МДА, 10 лет служил преподавателем философии, с 1904 инспектор Саратовской ДС, отвечал за воспитательную часть. Убит 12 марта 1911 уволенным за пьянство семинаристом И. В. Князевским; на похороны не пришёл ни один из воспитанников 4-5-х классов.

<sup>545</sup> История произошла в 1896, задолго до впадения М. О. Меншикова в оголтелый национализм.

<sup>546</sup> Ср. строки И. В. Кормильцева: «Мясники выпили море пива, мясники слопали горы сала, мясники трахнули целый город — им и этого мало» (1986).

<sup>547</sup> За исключением коротких «оттепелей», выискивать «светлые явления» — одно из основных требований российской власти к пишущей братии (ср. нынешний лозунг: «Больше позитива!»). Анализ популярного с середины XIX в. понятия сделал Д. И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы» (1864), образ использовал П. И. Вейнберг в актуальном и сейчас стихотворении «Мишура» (1863):

Проносья на коне наблюдений  
По арене общественных дел,  
Я на множество светлых явлений  
С умиленным чувством глядел.  
Говорил я: «В Нью-Йорке, в Париже,  
В Альбионе нет столько добра»...

А как только взгляделся поближе —  
Мишура, мишура, мишура!

О краса бюрократии новой!  
С беспредельным восторгом не раз  
Я внимал твоей речи громовой  
О вреде стародавних зараз  
И о том, что теперь-то приспела  
Для реформ радикальных пора...  
А как только коснулось до дела —  
Мишура, мишура, мишура!

### **Учитель и телята**

*ЦМ.* 1911. 21 октября. № 232. С. 2–3. Подпись: Друг.

<sup>548</sup> Граница между Саратовской и Астраханской губ. (соответственно, и епархиями) тогда проходила по Волге.

*Гвоздёв* Григорий Ильич (?–1917), прот. — после окончания Астраханской ДС рукоположен во священника при Покровском храме с. Верхне-Погромное Царёвского уезда (1887), награждён набедренником (1891), камилавкою (1905), наперсным крестом (1910), благочинный 1-го округа Царёвского уезда, с 1910 настоятель храма свт. Николая Чудотворца в с. Верхне-Ахтубинское, зарезан солдатами-мародёрами.

### **Отрезвление Царицына**

*ЦМ.* 1911. 26 октября. № 235. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>549</sup> С 6 ноября 1911 по 28 апреля 1913 вышло 30 номеров еженедельного журнала Царицынского общества трезвости (ред. М. М. Костромин, изд. В. М. Ефремов). Об участии в нём Свенцицкого см.: Наст. изд. С. 707.

<sup>550</sup> *Строков* Александр Петрович (1870 — после 1921), прот. — окончил Саратовскую ДС (1890), иерей (1891), настоятель хр. Вознесения Господня в Царицыне, попечитель чайной-читальни (Княгининская ул., д. Кузнецова), председатель открытого по его инициативе 29 ноября 1909 Общества трезвости во имя свт. Николая Чудотворца. Заведовал Царицынским монастырским подворьем с 23 января по 6 марта 1912, благочинный храмов Царицына с 31 января 1912, протоиерей (6 мая 1912). Из казны содержания не получал, жил на добротные пожертвования от прихожан (660 руб. в год). В ноябре 1911 Общество трезвости насчитывало 3100 членов, в январе 1912 — более 4000; при нём были воскресная школа, ясли-приют, библиотека, кинотеатр «Трезвость», пекарня; членам оказывалась бесплатная юридическая помощь, на собраниях выступал хор Вознесенского храма, каждое воскресенье проходили религиозно-нравственные беседы. В освящённом 4 декабря 1911 Доме трезвости (Базарная пл.) устраивались концерты и лекции по истории, литературе; за 1912 количество его посещений превысило 196 тыс., библиотеки — 9 тыс. Подр. см.: Отчёт

о деятельности Саратовского попечительства о народной трезвости за 1912 г. Саратов, 1914. С. 66–67.

### Куда я попал?

*ЦМ.* 1911. 30 октября. № 239. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>551</sup> Ср.: «Это не народ, это хуже народа. Это лучшие люди города» (к/ф «Убить дракона», реж. М. А. Захаров, 1988).

<sup>552</sup> *Башилаев* Фёдор Васильевич — гласный ЦГД с 15 декабря 1910.

*Винокуров* Иван Андреевич — кандидат в ЦГД в 1911.

*Пирогов* Яков Алексеевич — купец 2-й гильдии, гласный ЦГД с 1907, член учётно-ссудного комитета Царицынского отделения Госбанка, в 1911 за особые заслуги награждён золотой медалью с надписью «За усердие».

*Пятаков* Иван Яковлевич — Царицынский городской голова до 1907, затем гласный ЦГД. Имел обыкновение начинать речь с воспоминаний: «Когда я был городским головою...»

*Серебряков* Григорий Н. — гласный ЦГД с 1907, наряду с братом организатор царицынской товарной биржи и владелец завода металлических изделий, почётный гражданин Царицына.

*Никонов* П. И. — купец, гласный ЦГД с 1910, член Городской врачебно-санитарной исполнительной комиссии в 1911.

<sup>553</sup> Вероятно, пропуски здесь и далее — следствие цензуры.

<sup>554</sup> Ср. заседания членов ТПРУНЯ (А. и Б. Стругацкие «Сказка о Тройке», 1967).

<sup>555</sup> Цепь главы города — должностной знак, носимый на одежде во время выполнения владельцем служебных обязанностей.

### Герой нашего времени

Живое слово. 1911. 25 июля. № 21. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>556</sup> Название «Нора» закрепилось на немецкой и русской сцене за драмой Г. Ибсена «Кукольный дом» (1879), из всех его произведений вызвавшей самые ожесточённые дискуссии.

<sup>557</sup> Ср.: «Изобретательные корреспонденты, устраивая Илиодору всероссийскую “рекламу”, помогают ему обманывать своих петербургских врагов и друзей. “Враги” боятся какого-то чуть ли не “восстания” в Царицыне, а друзья воображают, что они поддерживают какую-то грозную “силу”. Если бы те и другие побывали здесь — глубоко разочаровались бы. Всё это так “грандиозно” исключительно только в построенном корреспондентском воображении» (*Лушин К.* По России (Письмо из Царицына) // *НЗ.* 1912. № 7/8. С. 17).

<sup>558</sup> *Сад Очкина* — в нач. XX в. центральное увеселительное заведение Саратова: варьете, шансонетные певицы, куплетисты, фокусники и т. п.

<sup>559</sup> *Виталий* (Максименко; 1873–1960), архиеп. — с 1902 архим. Почаевской лавры, ред. ж. «Русский инок» и др. изданий, глава крупнейшего отдела СРН.

## Иеромонах Илиодор

*НЗ.* 1911. № 25. Август. С. 9–11. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>560</sup> В гротескных портретах Леонардо да Винчи разрабатывал методы «идеального типа деформации», с беспощадной художественной правдой изображая всевозможные модели уродливого, безобразного в облике человека.

<sup>561</sup> Беда была общероссийской: «Потерявши в школе и новой индустриальной среде и Бога, и царя, народ вступил в полосу нигилизма, которая называлась хулиганством... и вылилась в пораженчество и пугачёвщину на исходе тяжкой войны» (*Федотов Г.* Собр. соч. Т. 9. М., 2004. С. 302).

<sup>562</sup> Лк. 8, 32–33.

<sup>563</sup> «В зависимости от самоопределения свободной личности образ Божий в человеке может помрачаться или проявляться с большей силой» (*ОУ.* II.1).

<sup>564</sup> Ср.: тогдашний товарищ министра внутренних дел считал Илиодора «явным маньяком» и типом «появившегося в последние годы духовного карьериста, не останавливающегося в целях популярности среди народа ни перед какими средствами» (*Курлов П.* Гибель императорской России. М., 2005. С. 195).

## «Последние времена»

*МГК.* 1911. 1 октября. № 225. С. 1–2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>565</sup> «Предсказывая приближающийся конец мира и пришествие антихриста, Илиодор пригласил почитателей приходить во вторник с утра рыть в монастыре катакомбы, которые послужат им для укрывательства и спасения от антихриста... Просил приносить в понедельник в монастырь съестные припасы и продукты для прокормления работников, которые будут рыть пещеры, чтобы сохранить в тайне от врагов направление катакомб... советовал при обнаружении в подземелье любопытствующего врага бить последнего по затылку той самой железной лопатой, которой будут рыть землю» (Речь. 1911. 27 сентября).

## Нечто об Антихристе

*ЦМ.* 1911. 4 ноября. № 243. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>566</sup> Отк. 13, 14; 19, 20; 11, 7. Мк. 13, 21.

## Антихрист в Царицыне

*ЦМ.* 1911. 13 ноября. № 251. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>567</sup> *Перфилов* Александр Венедиктович — помощник присяжного поверенного, гласный ЦГД с 1910. *Розанов* Николай Сергеевич (1870—?) — врач, почётный гражданин Царицына, один из основателей Трудовой народно-социалистической партии, член III ГД. *Савва* — послуш-

ник на подворье, телохранитель Илиодора. *Гермези* М. К. — начальница 2-й царицынской женской гимназия с 1908.

<sup>568</sup> Большой деревянный револьвер, которым Савва пугал «крамольников», висел на длинном шнуре в монастыре при входе в подzemелье, торжественная надпись гласила: «Сим пугачом такого-то числа была бита еврейка». Квач располагался на площади, на особом шесте, затем хранился у саратовского полицмейстера. Проводивший ревизию монастыря весной 1912 Мудролюбов привёз пугач и квач в Петербург и передал Саблеру как «вещественные доказательства, характеризующие скандальную деятельность Илиодора».

<sup>569</sup> *Ваше сиятельство* — титулование князей и графов в Российской империи; «князем мира сего» Христос называет сатану (Ин. 14, 30).

### Да здравствует Царицын!

*ЦМ.* 1911. 20 ноября. № 257. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>570</sup> Отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

<sup>571</sup> 22 октября 1888 ЦГД постановила возвести собор во имя Александра Невского, 22 апреля 1901, в т. ч. благодаря стараниям В. Н. Рысина, заложен первый камень, но достроен и освящён собор был только в 1918; перед ним в 1909 установлен двухаршинный бронзовый бюст Гоголя. Ср. нынешние столичные долгострои — планетарий, пустыри на месте гостиницы «Россия» и Черкизовского рынка.

<sup>572</sup> Ср.: «Воображение отказывалось представить себе место, менее похожее на столицу. Город — дрянной, деревянный, голый, пыльный» (*Толстой* А. Хлеб (Оборона Царицына). М., 1937. С. 142).

<sup>573</sup> Балет Ц. Пуни «Дочь фараона» (1862) в постановке М. И. Петипа имел шумный успех на столичной сцене в конце XIX в.

<sup>574</sup> *Соловьёв* Александр Семёнович — служащий Московского торгового банка, жил в Новинском пер. (д. Касаткина). Якобы, 29 июля 1888 лично передал написанные им сцены «Живой мертвец» на рецензию Л. Толстому, а тот переписал почти слово в слово в «Живой труп». Покровительствовал обиженному о. Иоанн Восторгов.

<sup>575</sup> Заявление было опубликовано 19 сентября 1891 в «Русских ведомостях»: «Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно ставить и на сценах, все те из моих сочинений, которые были написаны мною с 1881 года... равно и все мои не изданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения» (*Толстой.* 66, 47).

<sup>576</sup> *Заморёнов* И. Ф. — член Городской управы, присяжный заседатель; в конце 1910 отставлен от должностей в связи с судебным расследованием его деятельности. *Грошенков* Н. Ф. — учредитель и председатель правления Биржевой артели в Царицыне весной 1911; специализировался на создании подобных предприятий в провинциальных городах России (членство подразумевало первоначальный взнос в несколько сотен рублей), уличён в Москве, Тамбове.

<sup>577</sup> *Балканы* — название района Царицына в XIX в. (ныне пл. Ленина); *Вор-Гора* — местность во 2-й городской части, по сосредоточению преступников среди московской Хитровке.

<sup>578</sup> «Патриотизм — это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине и к своей нации со служением ей не угодливым, не поддержкою несправедливых её притязаний, а откровенным в оценке пороков и грехов» (*Солженицын А.* «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995. С. 103) «Те, сердце которых истекало кровью от боли за Родину, были в то же время её нелицемерными обличителями. Но только страждущая любовь даёт право на это национальное самозаушение» (*Булгаков С.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 182).

### Кому жаловаться?

*ЦМ.* 1911. 11 ноября. № 249. С. 2. Подпись: — г.

<sup>579</sup> *Ефимов* Андрей Ефимович — специалист по женским болезням, акушер; заведующий царицынской Земской больницей, занимался частной практикой (см. о нём: Наст. изд. С. 469). *Тихомиров* Павел Дмитриевич (1859—?) — земский врач с 1884, коллежский советник, в 1904 жил в слободе Ольховка Царицынского уезда.

### Наши приехали...

*ЦМ.* 1911. 27 ноября. № 262. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>580</sup> *Антонов* М. С. — гласный ЦГД с 1910. *Титовский* Андрей Николаевич — гласный ЦГД с 1910, член Городской управы; жил в собственном доме на ул. Царёвской. *Мишин* Александр Петрович — гласный ЦГД с 1910, член Городской управы, в 1911 исполнял обязанности городского головы; жил в собственном доме на ул. Анастасийской. *Назаров* Г. А. — кандидат в ЦГД в 1911.

<sup>581</sup> Ср.: в 1909 Городская управа Ставрополя ассигновала средства на постройку специальной камеры для уничтожения бродячих собак при помощи отравления окисью углерода. Прошёл век — и вот уже мэрия Черкесска приступает к уничтожению бродячих собак, покусавших в 2008 более 150 человек.

<sup>582</sup> *Мельников* Николай Иванович — гласный ЦГД с 1910, член Городской управы до 1911.

### Интеллигенция и «гора Фавор»

*ЦМ.* 1911. 2 декабря. № 266. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>583</sup> В 1916 Свенцицкий осуществил замысел: его лекции, печатавшиеся под рубрикой «Народный университет» в петроградской «Маленькой газете», судя по многочисленным отзывам, были благодарно восприняты читателями.

### «Беседа» о голоде

*ЦМ.* 1911. 4 декабря. № 268. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>584</sup> *Мельников* Михаил Фёдорович — царицынский уездный предводитель дворянства, председатель земского собрания и комитета попечительства о народной трезвости, член учётно-ссудного комитета Царицынского отделения Госбанка (по сельскохозяйственному кредиту).

*Персидский* Владимир Алексеевич — дворянин, в 1900 председатель Царицынской уездной земской управы, гласный Царицынского уездного и Саратовского губернского земских собраний, почётный мировой судья и член судебного присутствия уездного съезда.

<sup>585</sup> Статья «Так что же нам делать?» (*Толстой*. 25, 195).

### «Дом трезвости»

*ЦМ*. 1911. 8 декабря. № 270. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>586</sup> «Илиодором в Саратове приобретена за 5000 рублей типографская машина и шрифт. В скором времени в монастыре будет издаваться... газета «Гром и молния». Епископ Гермоген предлагал назвать газету «Огонь и меч», Илиодор не согласился, ибо огонь и меч, синоним бунта, гром же и молнию посылает Бог, и власти не обвинят в призыве населения к возмущению» (Новое время. 1911. 15 октября).

### Бытовое явление

*ЦМ*. 1911. 9 декабря. № 271. С. 2. Подпись: — г.

<sup>587</sup> «...Настойчиво, добросовестно, без усталы усмиряли бедную Россию, и вот, наконец, она присмирела до такой степени, что *общественный дух* в ней оскудел вовсе... Мы разумеем под этими словами живое сознание ответственного участия каждого гражданина в судьбе отечества» (*Самарин Ю.* Православие и народность. М., 2008. С. 297).

<sup>588</sup> *Толмачёв* Иван Николаевич (1863 — после 1929) — генерал-лейтенант, генерал-губернатор и градоначальник Одессы с 1907 по 1911. Особенно преследовал евреев, признавался, что «всею душой черносотенец». Во время эпидемии чумы, начавшейся в мае 1910, пытался закрыть бактериологическую станцию и разогнать её сотрудников.

<sup>589</sup> *Малиновский* Лев Александрович (1854—1915) — доктор медицины, профессор. *Заболотный* Даниил Кириллович (1866—1929) — бактериолог, профессор.

### Кто дальше плюнет?

*ЦМ*. 1911. 11 декабря. № 273. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>590</sup> «*Русское знамя*» — ежедневная газета, издавалась СРН в Петербурге в 1905–1917.

<sup>591</sup> Краткостью заглавий работы диакона не отличались, ср.: «Отец Илиодор, его личность, жизнь, труды и экономическое значение для Царицына, и нечто о пещерах» (Царицын, 1911).

<sup>592</sup> В итоге собравшиеся направили еп. Гермогену телеграмму, моля «ходатайствовать пред св. Синодом об изъятии из библиотек духовных

и светских учебных заведений всех произведений графа Льва Толстого» (*Саввинский В.*, диак. Указ. соч. С. 14–15).

<sup>593</sup> «Иером. Илиодором в монастырском дворе со вчерашнего дня выставлен для публичного поругания большой портрет Толстого, весь испещрённый хулиганскими надписями. Портрет подвергается со стороны илиодоровских дикарей всевозможным издевательствам, вплоть до оплёвывания» (Речь. 1911. 17 ноября). «В галерее монастыря, по которой молящиеся проходили в церковь, был повешен портрет Льва Толстого. Илиодор... требовал, чтобы все проходившие плевали в лицо писателя — пена слюны целою лужею стекала с портрета на пол» (*Стремоухов П.* Указ. соч.). См. также прим. 305, 593. Всего через пару лет Труфанов начал проповедовать толстовство. Шалун...

<sup>594</sup> *Антоний* (Храповицкий; 1863—1936), митр. — архиеп. Волынский и Житомирский с 1902 по 1914. Предлагал хоронить Толстого «процессией со священником и пением “Святой Боже” по образу допущенного Синодом чина погребения инославных». Несмотря на критические «Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого» (1888), Толстой считал «о. Антония» единственным правильно понявшим его учение.

<sup>595</sup> «Ректор академии архимандрит Антоний Храповицкий всегда твёрдо воспитывал нас в том взгляде на церковную жизнь, что Церковь должна быть свободной, что она должна управляться Соборами, что без Соборов церковной жизни нет» (*Зеленогорский М.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 2011. С. 236); с детства был горячим поборником восстановления патриаршества в Православной Российской Церкви.

### **Забывтый долг**

*ЦМ.* 1911. 14 декабря. № 275. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>596</sup> *Рысин* Иван Никанорович — купец, владелец Торгового дома и магазина «Мебель, фарфор, хрусталь» на Александровской пл. (с 1 февраля 1911 — единоличный), поставщик богослужебных облачений, гласный ЦГД с 1910. Его брат Василий был близким знакомым еп. Гермогена с мая 1903, жертвовал средства на сооружение Александро-Невского собора, удостоен звания Потомственного почётного гражданина за коммерческие заслуги и участие в благотворительных обществах; член СРН, ярый антисемит; почётный член Общества трезвости, предоставлял его членам 5% скидку на свои товары.

### **В чём же дело?**

*ЦМ.* 1911. 18 декабря. № 279. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>597</sup> *Слатинцев* Николай Алексеевич (1882—?) — служащий Придворной конюшенной части Министерства императорского двора с 1895, губернский секретарь с 1909, православный, женат, в 1910 проживал в Петербурге на казённой квартире. Именно от него Свенцицкий по-



лучил сведения и документы о «пьяной артели», трамвайной станции и т. п. (см. разговор с «новым знакомым», произошедший в конце второй декады сентября 1911).

<sup>598</sup> В 1912 началось сооружение *новой* городской электростанции мощностью 1600 л. с., и 9 апреля 1913 в Царицыне наконец открылось трамвайное движение.

<sup>599</sup> В 1910 был реализован 1,5-миллионный городской облигационный заём для постройки трамвая и электростанции.

<sup>600</sup> *Клёнов* Василий Викторович — купец 1-й гильдии, владелец Торгового дома и гостиницы «Национальные номера», царицынский городской голова в 1907–1910 и 1911–1914 (в промежутке гласный ЦГД), член IV ГД (прогрессист). Уволен с должности после ревизии 1914 за многочисленные злоупотребления служебным положением и растраты. См. также прим. 531.

<sup>601</sup> *Репников* Александр Александрович — действительный статский советник, купец 1-й гильдии, владелец мануфактурных магазинов и гостиницы «Столичные номера», почётный гражданин Царицына, учредитель общества содействия школьному образованию, попечитель гимназий и общества Красного Креста, зам. председателя Общества трезвости во имя свт. Николая, меценат, гласный ЦГД с 1910.

*Жигмановский* Евграф Дмитриевич (1847–?) — сын священника, изд.-ред. газеты «Царицынский вестник» (1897–1917); *Жигмановская* Е. Г. — его жена, владелица типографии. Подр. о них: *Луночкин* А. Из истории периодической печати в Царицыне // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2002. Вып. 7. С. 114–121.

### **Беседуйте — но молчите!**

*ЦМ.* 1911. 21 декабря. № 281. С. 2. Подпись: Друг.

### **Чорт повесился**

*ЦМ.* 1911. 25 декабря. № 284. С. 3. Подпись: Друг.

<sup>602</sup> *Радужная* — банкнота достоинством 100 руб.

### **Праздники и народ**

*ЦМ.* 1911. 30 декабря. № 286. С. 3. Подпись: Друг.

<sup>603</sup> Одно из немногих изменений за сто лет: теперь россияне чаще выбирают пиво.

<sup>604</sup> Кабаков и винных погребов в Царицыне было в 4 раза больше, чем храмов всех вероисповеданий: по одному питейному заведению на 250 жителей (в 2009 в Подмосковье одна торговая точка, продающая крепкие напитки, приходилась на 400 человек, в среднем по России — на 600, в Швеции — на 4500); в год на душу населения потреблялось 1,78 ведра водки (на 17% больше, чем тогда в Саратове, и втрое больше, чем по стране).

## Дети

ЦМ. 1912. 8 января. № 6. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>605</sup> 28–31 декабря 1911 в Петербурге проходил I Всероссийский съезд преподавателей древних языков.

## Ещё о детях

ЦМ. 1912. 11 января. № 8. С. 2. Подпись: Друг.

## Дума и городской голова

ЦМ. 1912. 13 января. № 10. С. 2. Подпись: Друг.

## Опять о Илиодор...

ЦМ. 1912. 15 января. № 12. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>606</sup> «Вчера городским головой получена бранная телеграмма в 500 слов от иеромонаха Илиодора. Она переполнена наглыми нецензурными ругательствами по адресу Л. Н. Толстого... Как мог её передать телеграф?» (МГК. 1911. 7 сентября).

<sup>607</sup> 15 декабря 1911 в телеграмме императору еп. Гермоген резко высказался против института диаконисс и поминовения инославных. 3 января 1912 был уволен от присутствия в Синоде. Предписания вернуться в Саратов не исполнил, выступал в повременной печати, изъясняя ситуацию. 17 января уволен от управления епархией и направлен в Жировицкий м-рь.

<sup>608</sup> «Можно ли начать с декорации, с фасада?! Чем должен быть Патриарх? Представителем Церкви. Где она?! ...Дело может принести пользу лишь в том случае, если Патриарху представится возможность рассчитывать на настоящую свободу Церкви. Какой же фундамент у этой Церкви? Приход. Но его у нас, в сущности, нет. Свободный древний приход с братствами... не существует, а пока этого не будет, не на что патриарху и опереться» (Киреев А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 39–40). См. также прим. 425.

<sup>609</sup> В 1906 архиеп. Николай (Захарович) требовал избранных священников и епископов: «У меня, в Америке были все выборные священники. Приход вёл прекрасно дела. Почему же у нас это возбуждает такое недоверие, такой страх» (Там же. С. 169).

<sup>610</sup> Подр. см.: С-II. Прим. 82.

<sup>611</sup> «Верстах в пяти за городом стоял, так называемый, Французский завод, производивший крупные металлургические работы... Завод этот представлял собой целый городок с пятью-шестью тысячами жителей, из которых большая часть, а в особенности женщины, были ярыми поклонниками Илиодора. [В марте 1911] Илиодор с Французского завода ушёл и, несмотря на все принятые меры, водворился в монастыре, куда он проник в женском платье, и собрал толпу в несколько тысяч человек» (Стремоухов П. Указ. соч.). Так началось знаменитое

«царицынское сидение», когда Синод безуспешно пытался удалить Илиодора из города.

<sup>612</sup> Из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

### Увольнение на покой епископа Гермогена

*ЦМ.* 1912. 19 января. № 15. С. 2. Подпись: В. С.

### Беликосветская «хлыстовщина»

*ЦМ.* 1912. 22 января. № 18. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>613</sup> «Сегодня в вечернем заседании Синода был заслушан весьма любопытный доклад саратовского епископа Гермогена на тему “об интеллигентском хлыстовстве”. Предметом доклада еп. Гермогена служили сочинения лучших русских писателей Андреева, Куприна, Мережковского и др. Приведя многочисленные цитаты этих писателей, еп. Гермоген доказал, что они являются яркими представителями хлыстовства. Это последнее еп. Гермоген охарактеризовал как интеллигентское хлыстовство, ещё более вредное, чем секта хлыстов, распространенная среди простого народа» (Русское слово. 1911. 9 декабря).

<sup>614</sup> Биржевые ведомости. 1912. 11 января.

<sup>615</sup> Ср. такие же обвинения в адрес Свенцицкого и, например, Булгакова (в 1917 А. Белый и С. М. Соловьёв инкриминировали последнему ещё «приверженность к идеям Каббалы и гностицизма»).

<sup>616</sup> «...Русское общество, по крайней мере интеллигенция, традиционно считало Распутина хлыстом: Бердяев, С. Булгаков, Гиппиус, Клюев, Андрей Белый, Пришвин... Но общество было в ту пору хлыстовством сильно увлечено и склонно видеть его повсюду» (*Варламов А. Григорий Распутин-Новый.* М., 2007. С. 108). По свидетельству М. А. Новосёлова (Приходский священник. 1914. № 8. С. 6), так же считали Айвазов и Скворцов. Это ещё один пример резкого отличия Свенцицкого от среды вырождавшейся интеллигенции.

<sup>617</sup> Присказка Чичикова из поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» (1842).

<sup>618</sup> Та же судьба постигла идею, выродившуюся в имяславие.

<sup>619</sup> Обличительные статьи Новосёлова о Распутине публиковались в «Московских ведомостях» (гл. ред. Л. А. Тихомиров) с марта 1910. Илиодор в ответ предложил «богомерзкого сотрудника Новосёлова высечь погаными банными вениками за оскорбление “блаженного старца”».

<sup>620</sup> *Феофан* (Быстров; 1872—1940), архиеп. — ректор СПДА с 1909, духовник царской семьи.

<sup>621</sup> Авторство Саблера весьма сомнительно, поскольку он был протеже Распутина. Ср.: 9 марта 1912 на заседании ГД «Гучков говорил, что делу церкви угрожает сейчас “изувер-сектант, проходимец-плут”, за спиной которого стоит целая банда “ненасытных честолюбцев, тосящих по ускользающей власти, тёмных дельцов, потерпевших крушение журналистов”. Гучков спрашивал обер-прокурора Саблера, почему тот не повысил свой голос “в минуту отчаяния и смятения одних

и злорадства других”. Подчеркнув разницу между службой государству и прислуживанием, Гучков заметил, что под годами 1911–1912 русский летописец запишет: “В эти годы при обер-прокуроре Св. Синода д. т. с. Владимире Карловиче Саблере православная церковь дошла до неслыханного унижения”... Саблер заявил, что “он выше оскорблений”, и совершенно неожиданно отождествил себя со святой церковью» (Новое время. 1912. 10 марта).

<sup>622</sup> *Меньшиков М.* Распутица в церкви // Новое время. 1912. 14 января.

### **«Дом трезвости» и его враги**

*ЦМ.* 1912. 29 января. № 24. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>623</sup> *Ушаков* Алексей Александрович (1873 — после 1923) — окончил Саратовскую ДС (1895), работал в Саратовской духовной консистории, иерей (1898), помощник секретаря в миссионерской комиссии (1904), уездный миссионер (1908), служил в Царицыне с 1908 по 1913.

*Благовидов* Лев Фомич (1869—?) — окончил Саратовскую ДС (1888), иерей, служил в Скорбященском хр. Царицына, сподвижник Илиодора; председатель Царицынского отделения братства Святого Креста (1909), инициатор открытия при храме общества трезвости во имя св. Феодосия Черниговского (13 марта 1911), окружной противосектантский миссионер с 3 октября 1912. Автор статьи «Все согрешили и лишены славы Божией» (Царицынский пастырский листок. 1911). В 1919 арестован контрразведкой Добровольческой армии за пособничество большевикам.

### **Ответ духовным отцам**

*ЦМ.* 1912. 10 февраля. № 31. С. 2. Подпись: Друг.

### **«Карточный Домик»**

*ЦМ.* 1912. 8 февраля. № 29. С. 3. Подпись: Друг.

<sup>624</sup> Ср.: «Такова уж судьба Илиодора [так в тексте]: всё напоказ. Даже “величественный монастырь” — оказался “бутафорским” зданием, имеющим величественный вид только на фотографических карточках. Он построен на живую нитку, наспех, как декорация, которая нужна была *ко времени*, и вот после Илиодора и это выплыло наружу. Оказалось, что стены монастыря трескаются, в кельях нет вентиляций, и потому все они покрылись от сырости плесенью. “Катакомбы” наполняются водой и пол над вырытыми под ним ямами трясётся и грозит падением храму. Всеми деньгами Илиодор распорядился единолично и бесконтрольно, и теперь братия перебивается кое-как добровольными пожертвованиями...» (*Лунин К.* Письмо из Царицына // *НЗ.* 1912. № 7/8. С. 17).

### **К приезду нового епископа**

*ЦМ.* 1912. 14 февраля. № 34. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>625</sup> *Алексий* (Дородницын; 1859—1919), архиеп. — возглавлял Саратовскую и Царицынскую епархию с 17 января 1912 по 20 июля 1914;

почитал Распутина «великим старцем». По требованию паствы весной 1917 уволен на покой за деспотическое управление и грубое обращение с духовенством.

<sup>626</sup> «Необоснованные случаи перемещения священников... установивших духовно-нравственный многолетний контакт со своей паствой, случались при еп. Гермогене регулярно» (*Мраморнов А.* Указ. соч. С. 185).

<sup>627</sup> «Положив в основу администрирования не требования закона, а собственные предпочтения и соображения, преосвященный привёл делопроизводство, финансовую и распорядительную части епархиального управления в тяжелейшее состояние, для выхода из которого его преемнику, епископу Алексию, пришлось очень много потрудиться» (Там же. С. 132).

### **Голод в Царицынском уезде**

*ЦМ.* 1912. 25 января. № 20. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>628</sup> «Выясняется, что, прежде чем открыть общественные работы для голодающих крестьян села Гавриловки, Отрадинской волости, необходимо сначала их накормить, так как население оказалось настолько обессилено продолжающейся голодовкой, что не в состоянии стать на работы. Земской управой спешно командирован туда для открытия столовой член управы Григин» (Русские ведомости. 1912. 21 января). Ср. также деревню Пахомовку из рассказа «Голодная “ёлка”» (*С-1.* 526).

<sup>629</sup> Председатель Совета министров считал, что «борьба с недородом доведена была до благополучного конца... правительство блестяще справилось с его задачей... продовольственная помощь оказана была везде очень широко», а сведения с мест о голоде называл «невероятными небывицами, преувеличениями и заведомой неправдой». После его разъяснений в ГД 2 ноября 1911 «кончился и весь внесённый запрос, простым переходом к очередным делам» (*Кожовцов В.* Указ. соч. С. 74–75). 9 ноября состоялось обсуждение его речи: «Выступали ораторы справа, слева и из центра и рисовали весьма неутешительную картину того, как после двух блестящих урожаев, при первом же недороде громадные массы населения остались без хлеба. Несмотря на то, что неурожай и раньше был привычным явлением, на местах до сих пор не существует правильных организаций на случай помощи» (Новое время. 1911. 10 ноября).

### **«Гости»**

*ЦМ.* 1912. 2 февраля. № 27. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>630</sup> Бесмысленное выражение Хлестакова из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836).

<sup>631</sup> «Прибывшие в Петербург члены английской делегации торжественно встречены представителями города, духовенства и членами думы; были произнесены речи и поднесён хлеб-соль. Английские гости посетили Александро-Невскую лавру и присутствовали на обеде в посылстве... Сегодня были приняты в Царском Селе. Вечером состоялся

парадный спектакль в Мариинском театре в присутствии высоких особ, затем состоялся раут у члена Г. Совета. Английские епископы днём были на духовном концерте у В. К. Саблера» (Новое время. 1912. 13 и 14 января).

<sup>632</sup> Представители городского управления Парижа посетили Москву в конце января 1912.

### «5 рублей»

*ЦМ.* 1912. 17 февраля. № 37. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>633</sup> Члены ГС имели в то время самые высокие оклады в Российской империи — около 20 000 руб. в год, больше получали только председатель правительства (30 000) и министр внутренних дел (24 480); содержание члена ГД обходилось в 4500 руб. В среднем, учителя светских сельских школ зарабатывали 430 руб., а сельскохозяйственные рабочие в европейской части России — 143 руб. См. также прим. 438.

### Врачи

*ЦМ.* 1912. 19 февраля. № 39. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>634</sup> *Шульман* Николай Давидович — коллежский советник, частно-практикующий врач.

<sup>635</sup> *Белянкина* (в девичестве Краснова) Мария Сергеевна (1890—1972) и её младшая сестра Вера.

<sup>636</sup> *Смирнов* Алексей Михайлович — зав. хирургическим отделением Царицынской городской Александровской больницы, специалист по глазным и женским болезням, член Городской врачебно-санитарной исполнительной комиссии. *Попов* Александр Петрович — окулист, практиковал на Французском заводе. *Виленский* Яков Давыдович (1867—?) — окончил курс в 1897, вольнопрактикующий врач.

### Царицын — Чёрное море — Петербург

*ЦМ.* 1912. 26 февраля. № 45. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>637</sup> Реплика Тригорина из пьесы А. П. Чехова «Чайка» (1896).

<sup>638</sup> *Мацох* Дамазий — ксёндз Ясногорского (Ченстоховского) м-ря, где в конце 1910 был раскрыт разбойничий притон; активный участник воровства, разврата и убийств.

*Кассо* Лев Аристидович (1865—1914) — юрист, управляющий Министерством народного просвещения с 1910 (министр с 1911); 8 февраля 1912 произнёс речь в ГД о запрете студенческих собраний.

### «Рублёвое достоинство»

*ЦМ.* 1912. 14 марта. № 59. С. 2. Подпись: Друг. Текст был датирован: Выборг, 8 марта.

<sup>639</sup> *Шапиро* Лейба Борухович (1868—?) — земский врач (окончил курс в 1893), коллежский ассессор, председатель царицынского Общества врачей, член Городской врачебно-санитарной исполнительной комиссии.

### Куда уехал Лев Толстой?

НЗ. 1910. № 9. Ноябрь. С. 2–3. Подпись: Далёкий Друг.

<sup>640</sup> См.: Наст. изд. С. 56–60.

<sup>641</sup> Сообщение из Тулы утром 30 октября 1910 распространило Санкт-Петербургское телеграфное агентство.

<sup>642</sup> *Бирюков* Павел Иванович (1860–1931) — публицист, друг, последователь и биограф (Т. 2. М., 1908) Л. Толстого.

<sup>643</sup> Свенцицкий имел основания для скепсиса, поскольку публично произнёс: «Я не могу молчать» (С-II. 65) на 2,5 года раньше (статья Толстого датирована 31 мая 1908) и делами доказал, что это была не фраза. Например, в речи на суде за «Открытое обращение верующего к Православной Церкви» 4 ноября 1906 отстаивал право не повиноваться государственным законам, раз они идут вразрез с заветами Христа, умолял Церковь снять с солдат присягу, понуждающую их расстреливать даже родного отца, и был оправдан присяжными заседателями.

<sup>644</sup> Ср.: Деян. 1, 7.

### Бог посетил народ Свой

НЗ. 1910. № 10. Ноябрь. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>645</sup> «Действительно ненужными суды и войско становятся только для духовно-возрождённых» (*Тареев* М. Цель и смысл жизни. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903. Ч. 2. Гл. 4.V).

<sup>646</sup> Ср.: Руфь 1, 6.

<sup>647</sup> Ср. написанное полугодом позже: «Уход Льва Толстого из дома и вскоре — из жизни, — это двойное последовательное раскрепощение совершившейся личности, двойное освобождение — отозвалось благоговейным трепетом в миллионах сердец» (*Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М., 1994. С. 273).

<sup>648</sup> Ср. запись от 12 апреля 1898: «С вчерашнего дня состояние душевное очень тяжёлое. Не сдаюсь, не высказываюсь никому, кроме Бога... Важно молчать и перетерпеть. То страдания перейдут к другим и заставят их страдать, а то перегорят в тебе... В этом моя задача, мой случай возвыситься — приблизиться немного к совершенству» (*Толстой.* 53).

<sup>649</sup> «Этот предсмертный порыв не только прекрасен. Он внутренне зачёркивает всё нехлюдовское в Толстом. Он показывает, что во внутренней и трагической борьбе двух стихий Толстой в последний момент уже готов был сказать великое “да” тому, с чем Нехлюдов враждовал, и, во всяком случае, решительно сказал “нет” тридцатилетней нехлюдовщине своей жизни» (*Эри В.* Толстой против Толстого (1912) // *РеС.* 668).

<sup>650</sup> Цитировавший статью В. А. Анзимилов назвал эти строки «мягкими, благоухающими» (*МКК.* 1910. 22 ноября. № 174. С. 3; *Трудовая копейка.* 1910. № 55. С. 3).

## Лев Толстой и смертная казнь

НЗ. 1910. № 10. Ноябрь. С. 4–5. Подпись: В.

<sup>651</sup> 29 октября 1910 Л. Толстой диктовал секретарю статью против смертной казни для газеты «Речь».

<sup>652</sup> Ср.: «При всяком государственном устройстве убийство — и в виде казни и на войне — считается законным делом» (*Толстой*. 45, 210).

<sup>653</sup> Пассаж из статьи Л. Толстого «Не могу молчать» (1908).

<sup>654</sup> Опущена пространная цитата из романа «Война и мир».

<sup>655</sup> *Толстой*. 12, 44.

## В Ясной Поляне

НЗ. 1910. № 11. Ноябрь. С. 4–8. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>656</sup> Беневский приезжал в Ясную Поляну в начале июня и 12 сентября 1906.

<sup>657</sup> Ср. запись от 24 августа 1906: «Иногда молюсь в неурочное время самым простым образом, говорю: “Господи, помилуй”, крещусь рукой, молюсь не мыслью, а одним чувством сознания своей зависимости от Бога. Советовать никому не стану, но для меня это хорошо. Сейчас так вздохнул молитвенно» (*Толстой*. 55, 238). О том же свидетельствовал Беневский 8 июня 1906: «Толстой мне признался, что он молится каждый день и притом выразился, что когда будет умирать — повторно будет креститься. И сказал ещё, что молится “самым глупым образом: Господи помилуй и прости”» (ГМТ. Ф. 4, оп. 1, № 6).

<sup>658</sup> Ср. дневник Беневского за 24 ноября 1910: «На краю леса могила Л. Н. Толстого. Глубокая молитвенная тишина. Он ушёл от мира. И все мы почувствовали это» (ГМТ. Ф. 4, оп. 2, № 25, л. 17).

<sup>659</sup> «Толстой ошибался в основах своей христианственности, но он мукой сомнений и мукой тяжелого для него разрыва купил право ошибаться. И рядом с этими муками волнующейся святостью алканием совести — всякое заблуждение свято... Он разбудил совесть многих. Бросил в русское религиозное сознание святую закваску тревоги и искания. Того достаточно, чтобы Христос назвал его сыном своим» (*Михаил (Семёнов)*, еп. Был ли Л. Н. Толстой безбожником // Старообрядческая мысль. 1910. № 12. С. 800). См. также прим. 678.

<sup>660</sup> *Маковицкий Душан Петрович* (1866–1921) — друг Л. Толстого, врач его семьи с 1904.

<sup>661</sup> 17 января 1908 Толстой так отвечал на подобный упрёк: «...не поступаю... по идеалу совершенства... не потому, что жалею вкусную пищу, мягкую постель, верховую лошадь, а по другим причинам — не могу сделать горе, несчастье, вызвать раздражение, зло в женщине, которая в своём сознании исполняет все выпавшие на её долю, как жены, обязанности... Моё положение никак не могу изменить без новых грехов в настоящем» (*Толстой*. 78, 27–28).



## От кого «бежал» Лев Толстой

ЦМ. 1911. 28 октября. № 237. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>662</sup> *Михайловский* Николай Константинович (1842—1904) — публицист, литературный критик, социолог; теоретик народничества. Резко критиковал теорию Толстого о непротивлении злу насилием.

<sup>663</sup> *Шмидт* Мария Александровна (1843—1911) — друг семьи Толстых.

## Лев Толстой

ЦМ. 1911. 6 ноября. № 245. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>664</sup> Ср.: «Лев Толстой — великий символ русского народа во всём его многообразии, с его падениями, покаянием, гордыней и смирением, яростью и нежностью, мудрым величием гения, кои так непостижимо сплетаются в нашем народе» (*Нестеров М.* Письма. Л., 1988. С. 241).

<sup>665</sup> *Достоевский.* 25, 195—196.

<sup>666</sup> По крайней мере, М. А. Антонович в рецензии на роман «Братья Карамазовы» назвал это положение «кульминационным пунктом в развитии мировоззрения Достоевского».

<sup>667</sup> Ср. письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю (1847): «По-вашему, русский народ — самый религиозный народ в мире? Ложь! ...Приглядитесь попристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ». Но лжив был именно упрёк критика — такого утверждения в «Выбранных местах из переписки с друзьями» нет, напротив: «Лучше ли мы других народов? ...Никого мы не лучше, а жизнь ещё неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” — вот что мы должны всегда говорить о себе».

<sup>668</sup> *Толстой.* 22, 232.

<sup>669</sup> *Страхов* Фёдор Алексеевич (1861—1923) — музыкант, философ, автор работ «Дух и материя», «Искание истин», приверженец учения Толстого (ср. отзыв последнего: «Вся эта моя известность — пух!.. Вот деятельность Страхова... серьёзна, а моя... никому не нужна и исчезнет»).

<sup>670</sup> *Бирюков П.* Биография Л. Н. Толстого. Т. 1. Ч. 2. Гл. 5.

## Лев Толстой и Церковь

НЗ. 1910. № 10. С. 7–8. Подпись: Н. Раевский; Живое слово. 1911. 7 ноября. № 36. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>671</sup> 1 ноября 1910 великий русский художник писал: «...пошли, Господи, “Правительствующему Сенату” и “Светлейшему Синоду”, этим двум чадам Петровым, хоть долю той мудрости, которая посетила Толстого. Вразуми их, Господи, вовремя снять с великого старца ненужное теперь — больше чем когда-либо — “анафематствование”» (*Нестеров М.* Письма. Л., 1988. С. 241).

<sup>672</sup> Ср.: постановление Синода «произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии... тогда как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестан-

но выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах» (Толстой. 34, 245).

### Правда любви

НЗ. 1912. № 17/18. Апрель. С. 7–8. Подпись: В. С.

<sup>673</sup> Толстая Мария Николаевна (1830–1912) — монахиня Казанской женской пустыни в Шамордино с 1891, схиму приняла за несколько часов до смерти (см. о ней: Оболенская Е. Моя мать и Лев Николаевич // Л. Н. Толстой. М., 1938. С. 323).

<sup>674</sup> «Он, отрицавший в корне всякие обрядности, и она, строгая монахиня, — молились одному и тому же Богу, понимая и чувствуя Его одинаково» (Толстой И. Некролог // Новое время. 1912. 12 апреля. № 12960. С. 5). В октябре 1909 Толстой писал сестре, что надеется смерть «встретить с благодарностью Богу за данную мне жизнь и с полной уверенностью в то, что Бог есть любовь» (Новый мир. 1991. № 7. С. 8).

<sup>675</sup> Письмо от февраля 1880 (Толстой. 63, 6–7).

<sup>676</sup> «Между Толстым и людьми Церкви одновременно существовало и сильнейшее отталкивание, доходившее до взаимной вражды, и вместе с тем безотчетное притяжение, какая-то близость... Нефанатизированное, беспристрастное сознание не может относиться к “еретику” Толстому как к “язычнику и мытарю”, т. е. как к совершенно чужому для Церкви. Даже и отлучённый, Толстой остаётся близок к Церкви, соединяясь с ней какими-то незримыми, подпочвенными связями... Думаюется мне, это чувство не приходит в противоречие с духом Церкви и любви церковной» (Булгаков С. Л. Н. Толстой (1911) // РеС. 408, 410). «Было бы неправильно ставить границы для любви, и если враги духа Толстого всё же любят его личность, то это — тем лучше» (Франк С. Памяти Льва Толстого // РеС. 545–546).

<sup>677</sup> Свенцицкий узнал о запрете («не только молиться, но и думать не должна») из статьи «Кончина М. Н. Толстой» (Русское слово. 1912. 10 апреля. № 83. С. 2–3). Ср.: «Очень тяжёлое испытание перенесла тётя Маша, когда старец Иосиф [Литовкин; 1837–1911], у которого она была на послушании, запретил ей молиться об умершем брате, отлучённом от церкви. Её непосредственная душа не могла помириться с суровой нетерпимостью церкви, и она одно время была искренно возмущена... Марья Николаевна не смела послушаться духовных отцов, и вместе с тем чувствовала, что не исполняет их запрета, потому что она всё-таки молится, если не словами, то чувством. Неизвестно, чем кончился бы у неё этот душевный разлад, если бы её духовник [другой, после смерти о. Иосифа], очевидно понявший её нравственную пытку, не разрешил ей молиться о брате, но не иначе, как келейно, в одиночестве» (Толстой И. Мои воспоминания. М., 1969. С. 249–250).

<sup>678</sup> 2 апреля 1911 монахиня Мария писала: «Я надеюсь, за любовь его ко Христу и работу над собой, чтоб жить по Евангелию, — Он, милосердный, не оттолкнет его от Себя!» (Там же. С. 247).

## Два слова о «преступлениях» В. Г. Черткова

МГК. 1911. 16 февраля. № 37. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>679</sup> «Семья писателя оценивала своё право издавать по всему миру его сочинения и пользоваться доходом от этих изданий в сумму 10 млн золотых рублей» («Стой в завете своём...». М., 2004. С. 26–27). Изд-во «Просвещение» предлагало за Собрание сочинений Л. Толстого миллион. По завещанию, авторские права на все его произведения перешли к дочери — А. Л. Толстой, т. о. жена и сыновья на гонорары претендовать не могли. Близкий друг и единомышленник Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) в 1909 отказался стать юридическим наследником.

<sup>680</sup> Цитируемое обвинение подписал Александр Андреевич Берс, брат С. А. Толстой (Новое время. 1911. 28 января).

## Победа над миром

МГК. 1911. 29 октября. № 249. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>681</sup> Свенцицкий основывался на газетных сообщениях (Наст. изд. С. 551), искажавших текст прощального письма. Ср.: «...я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни» (Толстой. 84, 404); и годом раньше: «Хочется уединения, удалиться от суеты мирской, как буддийские старики делают» (Маковицкий Д. У Толстого, 1904–1910. Кн. 4. М., 1979. С. 35).

<sup>682</sup> 1 Ин. 2, 15–16; 5, 4–5.

<sup>683</sup> «При вести о смерти Толстого вся Россия преклонилась перед ним как перед исповедником и мучеником христианства — и это несмотря на его собственное заявление, что вера в Христа как Сына Божьего есть не что иное, как кощунство» (Степун Ф. Религиозная трагедия Льва Толстого (1922) // РеС. 468).

<sup>684</sup> «Бегство Толстого из мира есть единственное реальное поучение его нам. Но куда из мира уйдёшь, если нет катакомбы. Но нет: катакомба есть у каждого из нас: её нужно только сознать, расширить, превратить в место встречи» (Белый А. Лев Толстой и культура (1912) // РеС. 599).

## Венок на могилу Толстого

Трудовая копейка. 1911. 7 ноября. № 50. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>685</sup> Ср.: «...он оказал и оказывает положительное влияние в смысле общего пробуждения религиозных запросов. Оно уподобляется в этом смысле влиянию тех мыслителей древности, которые были “детоводителями ко Христу”» (Булгаков С. Указ. соч. // РеС. 410).

<sup>686</sup> Ср.: Мф. 11, 12.

<sup>687</sup> «И мы должны, отвергнув всё неправое в его писаниях, принять к сведению и, главное, к исполнению то доброе, что он выдвигал в Еван-

гелии в укор нам» (*Новосёлов М.* Забытый путь опытного богопознания. Вышний Волочёк, 1901. С. 59).

<sup>688</sup> Ср.: «...то, чем ослепительно сияет для нас его душа, есть прежде всего два основных её свойства: безграничное правдолюбие и острота нравственной совести. Толстой — пророк, который не знает иных мерил, иных точек зрения и оценок, кроме правды праведности» (*Франк С.* Указ. соч. // *Рес.* 546).

### **Лев Толстой и Вл. Соловьёв**

*МГК.* 1911. 7 мая. № 104. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>689</sup> Предисловие В. Соловьёва к «Трём разговорам...» (1900).

<sup>690</sup> Подр. см.: *С-И.* 679–683. *Трегубов* Иван Михайлович (1858–1931) — последователь Л. Толстого, издатель бесед И. Чурикова.

<sup>691</sup> «Все эти указания на моменты приближения Толстого к христианству, конечно, недостаточны, чтобы признать его за христианина. Такое признание было бы насилием над ним и неуважением к тому страданию, которое он жертвенно принял на себя в борьбе за своё понимание Евангелия. Но их достаточно, чтобы почувствовать, насколько христианство было всё же ближе Толстому, чем бескомпромиссный, самоуверенный морализм толстовцев» (*Степун Ф.* Указ. соч. // *Рес.* 470).

<sup>692</sup> Имеется в виду письмо Л. Толстому от 28 июля 1894 (Вопросы философии и психологии. Кн. 79; Письма В. С. Соловьёва / Под ред. Э. Л. Радлова. Т. 3. СПб., 1911).

<sup>693</sup> «Хотя Толстой не верит в божество Христа, но Его словам он поверил так, как могут им верить те, кто видел во Христе Бога» (*Зеньковский В.*, прот. История русской философии: В 2 т. Париж, 1989. Т. 1. С. 400). «В Толстом это подсознательное знание, что Христос был воистину Богом, было не так сильно, как в мистике Кириллове, но всё же, думается, оно в нём было» (*Степун Ф.* Указ. соч. // *Рес.* 468).

<sup>694</sup> Ср.: «...объединяются они... *общей религиозной задачей*, которую каждый из них решал по своему: это — практическая жизненная задача *осуществления Царствия Божиего на земле*... Будучи полнейшими антиподами в других отношениях... оба были убеждены, что Царствие Божие должно стать всем во всём человеческом обществе... искали Царствия Божия и правды его; оба они поняли его как всеединство, в котором человек должен без остатка принадлежать Богу» (*Трубецкой Е.* Спор Толстого и Соловьёва о государстве // *Рес.* 376, 398).

### **Великий философ земли русской**

*НЗ.* 1911. № 23. Август. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>695</sup> В письме от июня 1883 Тургенев просил Л. Толстого вернуться к литературной деятельности: «Великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе».

<sup>696</sup> Ср.: «...были все основания к тому, чтобы Вл. Соловьёва признать нашим национальным философом» (*Бердяев Н.* Философская истина

и интеллигентская правда // Вехи. М., 1909. С. 21). Тогда же вышла кн. Л. Я. Апостолова «Владимир Сергеевич Соловьёв, великий философ земли русской» (Тифлис, 1909).

<sup>697</sup> «Это ожидание не сбылось... не потому, что слаба была гносеология Соловьёва и несовершенна его метафизика. XX век отверг главное у Соловьёва — христианский гуманизм, идею деятельной сострадательной любви к человеку. Но мы спросим себя: разве может быть неудачливой такая идея?» (*Ермичёв* А. В. С. Соловьёв и русская философия // *Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьёва*. СПб., 2003. С. 278).

### Был ли аскетом Вл. Соловьёв?

Утро России. 1911. 17 августа. № 188. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>698</sup> *Гольцев* Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, литературный критик, доцент ИМУ. В 1880—1890-х устраивал по вторникам домашние приёмы для московской интеллигенции.

<sup>699</sup> «Милостивый государь, господин редактор!

Я приступил к составлению биографии Владимира Сергеевича Соловьёва. Главнейшее затруднение, с которым пришлось здесь столкнуться, — это почти полное отсутствие литературных сведений о его жизни. А между тем, чрезвычайно ценный биографический материал разбросан по рукам его многочисленных знакомых.

Ввиду этого я позволяю себе обратиться чрез посредство Вашего уважаемого издания ко всем имеющим те или иные сведения о жизни В. С. Соловьёва, не опубликованные в печати, с покорнейшей просьбой помочь моей работе.

Даже самые незначительные и случайные сведения будут приняты мною с глубокой благодарностью. Всякого рода письменные документы (письма, стихотворения и проч.) по снятии с них копии будут немедленно возвращены в целости.

Первый том биографии (всего предположено два тома) должен выйти в свет не позже весны 1910 года (к десятилетию со дня смерти); ввиду этого я убедительно просил бы откликнуться на моё обращение, не откладывая» (К свету. 1908. № 4. С. 17).

2 сентября 1908 Эрн писал жене: «Говорили больше всего о Соловьёве и о той биографии, которую Валентин думает написать. Он больше и больше погружается в эту работу, достаёт новые материалы, изучает старые, с любовью обдумывает план и подробности» (*ВГ*. № 103).

<sup>700</sup> Приводимые далее факты совпадают с воспоминаниями Веры Александровны Пыпиной-Ляцкой (1864—1930) (*Голос минувшего*. 1914. № 12); был у неё и брат Дмитрий (1868—1910).

<sup>701</sup> В. Соловьёв читал лекции на Московских высших женских курсах в первой половине 1875 и увлёкся слушательницей Елизаветой Михайловной Поливановой. Ср.: они «взобрались на крышу деревянной церкви, чтобы полюбоваться открывавшимся оттуда видом. И вдруг, неожиданно, Соловьёв признался ей в любви. Она растерялась и “с испуга”

отвечала “да”. Через несколько дней, обливаясь слезами, она объявила ему, что его не любит. Соловьёв ласково её утешал. Вскоре после этого он уехал за границу» (*Мочульский К. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение. Париж, 1936. Гл. 2*).

<sup>702</sup> *Бутурлин Александр Сергеевич (1845—1916) — врач, участник движения народников, во второй половине 1870-х жил в Москве на Пречистенке, знакомый Л. Толстого и В. Н. Фигнер.*

<sup>703</sup> В. Соловьёв объединил пять статей 1892–1894 под заглавием «Смысл любви».

<sup>704</sup> В. Соловьёв читал доклад «Идея человечества у Августа Конта» на собрании Философского общества при Петербургском университете 7 марта 1898.

<sup>705</sup> *Хитрово Софья Петровна (1848—1910) — племянница С. А. Толстой, жена дипломата, хозяйка литературного салона.*

<sup>706</sup> *Антоний [Храповицкий]. Ложный пророк // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 12. С. 239–243. Ср.: «...арх. Антоний (волинский) пытался смешать Соловьёва с грязью, обвинил этого аскета-мирянина в пьянстве и разврате. Но эти обвинения были так чудовищны, что им решительно никто не поверил» (*Философов Д. Загадки русской культуры. М., 2004. С. 328*). Заглавие статьи использовал очернитель самого Свенцицкого, по обыкновению приписав авторство себе, как и ярлыка «Симон Волхв», заимствованного из статьи «Свенцицканство» (*Белый А. Начало века. М., 1990. С. 496; Его же. Собр. соч. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 175*).*

<sup>707</sup> Ср.: «...уважай сомнения и вопросы: они — переполненный избыток, роскошь жизни и являются больше на вершинах счастья, когда нет грубых желаний; они не рождаются среди жизни обыденной» (*Гончаров И. Обломов. Минск, 1979. С. 447*).

<sup>708</sup> См.: *С-П. Прим. 685*.

<sup>709</sup> Ср.: «...на берегу Тосны находился камень, который В. С. называл “святым камнем”. Он просиживал на нём долгие часы в полном одиночестве. Там однажды посетил его видение: пред ним предстала толпа церковных старцев и благословила его на труд “оправдания веры отцов”» (*Мочульский К. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение. Гл. 11*).

### **Пророк грядущей реформации**

*НЗ. 1911. № 5. Январь. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.*

<sup>710</sup> *Достоевский. 27, 65.*

<sup>711</sup> *Достоевский. 26, 152.*

### **«Смирись, гордый человек»**

*Царицынская жизнь. 1909. 21 мая. № 107. С. 2. Подпись: П.*

*МГК. 1911. 29 января. № 23. С. 2. С подзаголовком «Памяти Ф. М. Достоевского». Подпись: В. Свенцицкий.*

Объединены две статьи с одинаковым заглавием.

<sup>712</sup> *Успенский Г.* На родной ниве (Очерки, заметки, наблюдения) // Отечественные записки. 1880. Кн. 7.

<sup>713</sup> Не цитата, но контаминация; ср. фразу Бердяева: «В данный час истории интеллигенция нуждается не в самовосхвалении, а в самокритике» (Вехи. М., 1909. С. 11).

<sup>714</sup> *Мережковский Д.* Семь смиренных // Речь. 1909. 26 апреля. № 112.

<sup>715</sup> Речь Достоевского 8 июня 1880 на заседании Общества любителей российской словесности произвела на публику огромное впечатление. Возглас «Вы более чем гений!» принадлежал П. В. Анненкову. Был в восторге и И. С. Тургенев, но быстро опомнился и через 5 дней писал: «...во всех газетах сказано, что лично я совершенно покорился речи Достоевского и вполне её одобряю. Но это не так... Эта очень умная, блестящая и хитро-искусная, при всей страстности, речь всецело покоится на фальши, но фальши, крайне приятной для русского самолюбия» (*Тургенев И.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 272); а в частной беседе признавался, «как ему была противна речь Достоевского, от которой сходили у нас с ума тысячи народа» (*Северный вестник.* 1888. № 10. С. 161).

<sup>716</sup> Ср.: «На эстраде он вырос, гордо [!] поднял голову, его глаза на бледном от волнения лице заблистали, голос окреп и зазвучал с особой силой» (*Кони А.* Избранное. М., 1989. С. 167).

<sup>717</sup> Прежде всего имеется в виду статья Булгакова «Героизм и подвижничество».

<sup>718</sup> Подр.: С-II. 496. Впоследствии идеи Свенцицкого варьировал Бердяев в статьях «Спасение и творчество. Два понимания христианства» и «Существует ли в православии свобода мысли и совести?» (Путь. 1926. № 2; 1939. № 59). Ср. также: «Есть фундаментальная разница между покорностью и смирением. Покорность бывает перед силой, смирение — перед ценностью. Когда Достоевский взывал: “Смирись, гордый человек”, то он имел в виду именно смирение, а не покорность. Смирение и есть свободное преклонение “я” перед Высшей Ценностью» (*Левицкий С.* Посев, 1984. С. 190).

<sup>719</sup> Одним из лидеров либеральной партии мирного обновления в 1906–1907 был Е. Н. Трубецкой.

<sup>720</sup> *Достоевский.* 26, 139, 148.

### **Вперёд, к народу!**

*МГК.* 1912. 29 мая. № 122. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>721</sup> Призыв впервые выдвинут О. Либманом в работе «Кант и эпигоны» (1865); в России квинтэссенцией этого направления стал сб. «Проблемы идеализма» (1902).

<sup>722</sup> Из басни И. А. Крылова «Гуси».

### **Московский «путь»**

Новое вино. 1913. № 2. Январь. С. 3–5. Подпись: В. С-ий.

<sup>723</sup> В редакционный комитет религиозно-философского изд-ва «Путь», созданного весной 1910, входили бывшие друзья Свенцицкого (Булгаков, Рачинский, Эрн) и его идейные противники (Бердяев, Е. Трубецкой).

### **Траурный праздник**

*ЦМ.* 1911. 8 ноября. № 246. С. 2. Подпись: Друг.

### **В. О. Ключевский**

*НЗ.* 1911. № 18. Май. С. 2. Подпись: В. Свенцицкий.

### **Народный поэт**

*НЗ.* 1911. № 9. Февраль. С. 2–3. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>724</sup> Эпизод изложен Т. Г. Шевченко в автобиографии (Народное чтение. 1860. Кн. II. С. 229–236); вместо «немилосердно» там стоит «с остервенением».

<sup>725</sup> *Афанасьев-Чужбинский* Александр Степанович (1816–1875) — поэт, переводчик, автор кн. «Воспоминания о Т. Г. Шевченко» (1861).

<sup>726</sup> *Репнина* Варвара Николаевна (1808–1891) — друг Шевченко с 1843.

<sup>727</sup> *Чальи* М. Жизнь и произведения Тараса Шевченко. (Свод материалов для его биографии). Киев, 1882. Свенцицкий использовал здесь книгу: *Семевский* В. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. СПб., 1888. Гл. 17.

<sup>728</sup> Отрывки из поэмы Шевченко «Гайдамаки» (1841) и стихотворения «Завещание» (1845).

### **Поэт молодёжи**

*ЦМ.* 1912. 19 января. № 15. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>729</sup> Спустя век таковым стал Виктор Цой. Всё сказанное в статье можно смело отнести и к нему.

<sup>730</sup> Цитируются стихотворения С. Я. Надсона «За что?» (1879), «Милый друг, я знаю, я глубоко знаю...» (1882), «Я не щадил себя: мучительным сомненьям...» (1883).

### **Новый поэт**

*ЦМ.* 1911. 25 ноября. № 260. С. 2. Подпись: Друг.

### **Поэт голгофского христианства**

*Клюев* Н. Братские песни: (Кн. вторая). М.: журн. «Новая земля», 1912. С. III–XIV; Б-ка «Новой земли». № 11. М., 1912. 15 с.

Оба издания вышли в мае, не замедлившие явиться критические отзывы требуют уточнений. «Вступительная статья В. Свенцицкого грешит именно сектантской узостью и бездоказательностью. Вскрывая каждый намёк, философски обосновывая каждую метафору, она обесценивает творчество Николая Клюева, сводя его к пересказу учения Голгофской церкви» (*Гумилёв* Н. Статьи и заметки о русской поэзии.



Вып. 25 // Аполлон. 1912. № 6. С. 253). Хотя обоснование метафор в статье отсутствует, в любом случае обесценить творчество автора оно не может, как и раскрытие подтекста произведения, — это одна из задач литературоведения. На причину такой реакции указала Н. М. Солнцева (Указ. соч. С. 60): «Гумилёв сам шёл к созданию новой школы... и решил “драться” за Клюева... В сентябре Клюев становится членом “Цеха поэтов”».

Та же претензия (превозношение никак не снижает значительно сти стихов) относится и к озлобленно отреагировавшему Философову (Речь. 1912. 23 июля. № 199. С. 3): «Если бы не бутафорская, ходульная статья В. Свенцицкого, если бы не отсыревшие бураки и ракеты этого вечно пыхающегося литератора-неудачника, новая книга Николая Клюева была бы куда значительнее. ...Оказал Клюеву медвежью услугу, превознеся его превыше облака ходячего... сузил значение клюевских стихов, подогнав их под узкую колодку какого-то “нео”-голгофизма... поэтому увлечшемуся “критику” доверять особенно не следует... Насколько солидарен народный поэт с теориями Свенцицкого, я не знаю. Но, к сожалению, дух какого-то самоистязания, экстаического “поклонения кресту”, лишает некоторые песни Клюева здорового протеста, бодрой жизненной борьбы. Я не буду излагать теорий Свенцицкого. Замечу только, что взгляд на мир, как на вечную голгофу, вечное распятие, недалёк от мирозерцания раскольников... Сочетать этот дух самосожжения с борьбой за лучшее будущее здесь, на земле, невозможно. ...Голгофство Свенцицкого, несмотря на свои новые одежды, своё “нео”, по существу своему, старая и вместе с тем вечная песня восточной аскезы».

Лучшей и более точной характеристики, чем в последней фразе, и дать нельзя! О солидарности же Клюева с Свенцицким говорит сам факт публикации статьи в сборнике (см. и прим. 731), поэтому пассаж о недоверии безоснователен и нелогичен: «не знаю, но доверять не следует». Критик явно не понимает основы христианства — пути обновления через покаяние — и пошло сводит бескровную жертву к самоистязанию и самосожжению, причём противоречит и своему соратнику, видевшему в учении Христовом сочетание «вечной Голгофы и вечного Вифлеема» (*Мережковский Д.* Лев Толстой и Достоевский. Т. 2. Ч. 1. Гл. 2); ср. прим. 261, 734. Зато попадает в унисон с другим борцом за лучшее будущее: «...выключить бога из своего обихода, разрушить красный угол, где на серебряных и золочёных окладах играет свет лампы, — на этакое разорение Клюев не согласен. ...Какая тут революция, борьба, динамика, устремление к новому?» (*Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 62).

Не отступил от общей линии критики и будущий большевик А. С. Рославлев в рецензии «Бумажные цветы» (Воскресная вечерняя газета. 1912. 12 августа. № 12), которому статья Свенцицкого показалась очень интересной, но... излишней в сборнике: «Она мешаает воспринять поэзию как

поэзию. Истоковывая ключевое понимание Христа, “Голгофы”, “Искушения”, Свенцицкий придаёт “Братским песням” значение нового религиозного откровения, что заставляет читателя настроиться и по-иному сосредоточиться [именно так!]. Это плохая услуга Ключеву. Непосредственность, чистота его, молитвенная близость к Распятому не нуждаются ни в каких теоретических выводах, всегда спорных и неубедительных. Это суживает впечатление, которое дают стихи Ключева». В главном все рецензенты сошлись: вдумчивое чтение здесь недопустимо...

А. А. Измайлов в статье «Хрестоматия новой литературы» (Новое слово. 1913. № 8115) вообще отказывал автору в сознательности творчества, низводя его до пифии: «В своём толковании простой песни Ключева Свенцицкий является типичным современным доктринёром, которому непременно хочется приклеить ярлык — и, конечно, своего мировоззрения — к простой, наивной, и едва ли даже так идейно осмысленной песне поэтического человека» (С. 115). Но далее признавал, что «выражение лица поэта от начала до конца сборника серьёзно, даже строго, почти молитвенно», и что он «верит в религиозные идеи, какие проповедует». Запутавшийся критик неоднократно уподоблял веру Ключева сектантству и в то же время находил, что в ней нет «еретического уклона от чистого православия», хотя она «гораздо шире религиозной философии Свенцицкого», которого называл хлыстом «в широком смысле слова» (см. прим. 168) и «книжником, увлечшимся поиском латинских терминов» вместо «непосредственного наслаждения» (С. 118–119). Вероятно, латинским счёл слово «голгофский»...

В отличие от прочих В. Р. Ховин (Новая жизнь. 1912. № 8) отрицательно отозвался и о самих стихах: «Неблагоприятное впечатление довершает крикливая статья Свенцицкого о Ключеве, возводящая последнего в “пророки”, а стихотворения его в “пророческие откровения”». Но синонимично назвал поэта и Гумилёв: «*провозвестник* новой силы», а Брюсов (Русская мысль. 1912. № 7. С. 25) приводил его лучшие вещи как «образец подлинной религиозной поэзии».

Но и поддержка авторитетов раздражала критиков: «Мне тяжело смотреть, когда Ключева представляют публике то парнасец Валерий Брюсов, то мистик — Свенцицкий, то развязный певец Голгофы — Иона Брехничёв, то акмеист — Сергей Городецкий. Как это унижает талант!» (Рогачевский В. Символисты и адамисты // День. 1913. 23 февраля. № 74).

<sup>731</sup> «Вообще, что хотения Ключева были приняты к сведению, видно из того, что “пророк” просит, чтобы в предисловии Свенцицкого была вставлена фраза Ключева о самом себе, что “братские песни” — отклики тех песен, которые пели мученики Колизея и... братья на жестоких кострах» (Брехничёв И. Новый Хлестаков (Правда о Николае Ключеве) // ОР РГБ. Ф. 386, к. 55, ед. хр. 21). Выражение закрепилось в русском языке, когда еп. Ириней (Орда) перевёл с английского кн. «Мученики Колизея» (Киев, 1875); позднее Е. Я. Тур выпустил кн. «Мученики Колизея. Исторические рассказы для детей» (М., 1890).

<sup>732</sup> Мф. 27, 46.

<sup>733</sup> Ср.: «Всякий из нас перед всеми во всём виноват». Предсмертное прозрение своего брата Маркела на разные лады повторял старец Зосима (*Достоевский*. 14, 149, 262, 270, 273, 275, 290, 291), а затем и Митенька Карамазов (*Достоевский*. 15, 31, 173).

<sup>734</sup> «Но если это так, тогда покаянными слезами омываются мои грехи и силою свыше в душе моей воздвигается Вечная Голгофа... Но связи, связавшие меня с общим грехом и общей тяготой жизни, от этого не уничтожаются, а, наоборот, закрепляясь, претворяются в новое. Место тёмной истомы и тоски за свою вину и грехи занимают искупления и чистые страдания за других... Я покаялся у креста. Господь простил за страдания, которые я Ему причинил, за раны, которые я Ему нанёс. Но разве от этого прощения из Его ран перестанет сочиться Пречистая Кровь? Нет, страдания эти есть, и раны продолжают болеть. Ну, тогда ясно, что я должен делать так, чтобы страданий этих не было, чтобы раны эти перестали болеть» (*Эрн В. Христианское отношение к собственности*. М., 1906. С. 40–42).

<sup>735</sup> Так же считал и еп. Михаил (Семёнов): «Христос требует, чтобы каждый был, как он. Как он, принял Голгофу, взошёл на неё. Почувствовал на своей совести зло мира, как своё дело, своё преступление, свой позор и принял на себя долг сорвать с жизни её проказу. Христово христианство — это постоянная Голгофа. Великое распятие каждого. Принятие на себя, в свою совесть всего зла, в котором лежит мир, ответственность за всё, что жизнь пятнает» (*Пришвин М. Собр. соч.*: В 8 т. Т. 1. М., 1982. С. 749).

<sup>736</sup> Цитируется стихотворение Клюева «Песнь похода».

<sup>737</sup> Четыре последние цитируемые строки изъятые автором из стихотворения «Утренняя».

<sup>738</sup> Из стихотворения «О, поспешите, братья, к нам...».

<sup>739</sup> Концовку стихотворения «Песнь похода» Клюев значительно переделал: изменил 1-ю из цитируемых строк и пунктуацию, убрал 5–8-ю.

<sup>740</sup> 2-ю из цитируемых строк стихотворения «Братская песня» Клюев заменил на невразумительную: «Адамант — стожарный щит».

<sup>741</sup> Из стихотворения «В Моём раю обитель есть...».

### Сын человеческий

Царицынская жизнь. 1909. 14 мая. № 102. С. 2. Подпись: П.

<sup>742</sup> Афоризм явился плодом народного творчества. 25 июля 1902 Толстой сказал: «Я всегда вспоминаю... как картавый мальчик рассказывал другому: “Я шой гуйять и вдьюг вижю войк... испугайся?.. испугайся?” — Так и Андреев всё спрашивает меня: “испугайся?” А я несколько не испугался» (*Гольденвейзер А. Вблизи Толстого*. М., 2002).

<sup>743</sup> Хвалебная рецензия на первый сб. Л. Андреева «Рассказы» (СПб., 1901): *Михайловский Н.* Об одном неосновательном мнении // Русское богатство. 1901. № 11. С. 58–74.

### Упадок «общественного мнения»

НЗ. 1910. № 2. 20 сентября. С. 2–3. Подпись: Н. Раевский.

<sup>744</sup> Подр. о статье Розанова «Наброски»: *С-И*. 460–464, 714.

<sup>745</sup> *Розанов В.* Свобода и вера // *Русский вестник*. 1894. № 1; *Соловьёв В.* Порфирий Головлёв о свободе и вере // *Вестник Европы*. 1894. № 2. С. 906–916: «серый туман Иудушкина пустословия», «по натуре своей он ещё более лжив, чем скотоподобен», «он лжёт и клеветает на православную церковь».

<sup>746</sup> «Весь застой России объясняется также из революции... Чернышевский и Писарев были гасителями духа в России, гасителями просвещения в ней» (*Розанов В.* Тьма // *Новое время*. 1910. 4 сентября). Спустя год Струве опомнился: «Розанов не то что безнравственный писатель, он органически безнравственная и безбожная натура. ...Литературное сотрапезничество с ним невозможно» (*Русская мысль*. 1911. № 11. Отд. II. С. 146).

<sup>747</sup> *Кизеветтер* Александр Александрович (1866–1933) — историк, публицист, член ЦК партии кадетов.

### Христианство и «половой вопрос»

НЗ. 1912. № 3/4. Январь. С. 9–11; № 7/8. Февраль. С. 9–10. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>748</sup> Схоже об идеях Розанова высказался Булгаков: «Что в них содержится ключ, открывающий страшно многое, в этом постоянно убеждаешься в жизни. Но приравнивание пола сексуальности совершенно ложно» (*Вопросы философии*. 1992. № 10. С. 154).

<sup>749</sup> Мф. 19, 12.

<sup>750</sup> Прп. Моисей Угрин дал такой совет брату, одержимому нечистой страстью и молившему о помощи (Киево-Печерский Патерик по древним рукописям. Киев, 1893. С. 110). Именовать сие «заповедью» — явная подтасовка Розанова.

<sup>751</sup> «Брак — таинство великое и удивительное, один из преславных устоев Божия домостроительства... Презирующий брак пренебрегает Духом Божиим. А кто воздерживается от брака ради Божия Царства, тот обязан как-то иначе сделать себя сосудом Духа Святого и именно в духовной области стать плодоносным, чтобы не быть посечённым, как бесплодная смоковница» (*Николай Сербский*, свт. Творения. О Боге и людях. М., 2006. С. 24).

<sup>752</sup> Мф. 5, 28.

### Театральные заметки

Царицынская жизнь. 1909. 24 апреля. № 87. С. 3. Подпись: В. П.; 4 июня. № 119. С. 2. Подпись: П. (Иван Карамзов); 29 апреля. № 91. С. 3. Подпись: П.

<sup>753</sup> На Втором всероссийском съезде режиссёров (Москва, 1–15 марта 1909) одним из важнейших был вопрос о театральной критике.

<sup>754</sup> *Цепелин* Фердинанд фон (1837—1917) — конструктор дирижаблей; весной 1909 после полёта на 1100 км за 38,5 часов его всемирная популярность достигла пика.

<sup>755</sup> Опушен подробный разбор игры всех актёров.

<sup>756</sup> Точно такой же вывод сделал С. М. Соловьёв в статье «Артемис Колонна в Москве» (Весы. 1906. № 2. С. 65—66).

<sup>757</sup> «*Бубны козыри*» — комедия И. Ф. Константинова (1896).

### Страшный цветок

Царицынская жизнь. 1909. 5 мая. № 95. С. 2. Подпись: П.

<sup>758</sup> *Допухин* Алексей Александрович (1864—1928) — директор Департамента полиции (1902—1905). Раскрыл Е. Ф. Азефа как тайного агента, 1 мая 1909 осуждён за государственную измену на 5 лет каторжных работ с лишением всех прав состояния (Сенат заменил приговор ссылкой). Помилован в 1911.

<sup>759</sup> «*Страшная месть*» — повесть Н. В. Гоголя из сб. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831).

<sup>760</sup> Впору задаться вопросом: а какой цветок символизирует нынешнюю жизнь? И где тот писатель, что покажет его нам?..

### Без огня

Царицынская жизнь. 1909. 24 мая. № 110. С. 2. Подпись: П.

<sup>761</sup> *Пергамент* Осип Яковлевич (1868—1909) — юрист, защитник на выборгском процессе (1906), депутат II и III ГД; подвергался травле со стороны черносотенцев, целенаправленно компрометировался министерством юстиции в связи со своей политической деятельностью. Умер от разрыва сердца; клевета о самоубийстве распространяется до сих пор, в т. ч. с телеэкранов. Подр. см.: *Вісник адвокатури*. 2007. № 3.

<sup>762</sup> *Буренин* Виктор Петрович (1841—1926) — критик, прозаик; литературную репутацию в 1886 похоронили издевательские нападки на умирающего Надсона.

### Владимир Григорьевич Кристи

*ЦМ*. 1911. 11 октября. № 223. С. 2. Подпись: Друг.

<sup>763</sup> *Кристи* Владимир Григорьевич (1882—1946) — сын занимавшегося виноделием бессарабского землевладельца, московского губернатора (1902—1905); в браке с Марией Александровной Михалковой имел четырёх детей. 4 октября 1911 из ревности к ней застрелил своего дядю Петра Николаевича Трубецкого (1858—1911), одного из основателей Союза русских людей. Следствие прекращено по ходатайству вдовы, не желавшей предавать дело огласке. Принёсшему церковное покаяние и отпущенному под залог Кристи было предписано не покидать имения Замчежье в Бессарабской губ.; уже через год после развода Михалкова вышла замуж за его двоюродного брата. В 1917 Кристи стал комиссаром

Временного правительства в Бессарабии, а затем директором внутренних дел в местном правительстве; с 1920 в эмиграции.

<sup>764</sup> Ср. письмо Эрна Ельчанинову от 23 марта 1907: «Может быть, с Кристи, Беневицким и Валентином — совершим религиозное хождение, во-первых, по сектантам, а во-вторых, к Толстому» (*ВГ*. № 70).

<sup>765</sup> Весной 1906 Казанский комитет помощи голодающим учреждал бесплатные столовые, в т. ч. в особо пострадавшем Тетюшском уезде, но был закрыт полицией как не имеющий устава. Ср. нынешний законопроект «О волонтерах».

### **Кто виноват?**

*МГК*. 1911. 18 октября. № 238. С. 1. Подпись: В. Свенцицкий.

<sup>766</sup> *Столыпин А.* Заметки // *Новое время*. 1911. 7 октября. № 12777.

<sup>767</sup> Ср.: «Одичание — вот слово; а нашёл его книжный, трусливый Мережковский. Нашёл почему? Потому что он, единственный, работал, а Андреев и ему подобные — тру-ля-ля, гордились» (*Блок А.* Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 277). Имелся в виду пассаж из статьи «Две России» (1913): «Это уже не дикость, а одичание — одичание в самой культуре». Свенцицкий и здесь на несколько лет опередил Мережковского.

## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

### *Организации*

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.  
ГАСО — Государственный архив Саратовской обл.  
ГД — Государственная дума.  
ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого.  
ГС — Государственный совет  
ДС — Духовная семинария.  
ИМУ — Императорский московский университет.  
КазДА — Казанская духовная академия.  
МДА — Московская духовная академия.  
МКДП — Московский комитет по делам печати.  
МОС — Московский окружной суд.  
МСП — Московская судебная палата.  
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.  
ПРФО — Петербургское религиозно-философское общество.  
РГИА — Российский государственный исторический архив.  
РПЦ — Русская Православная Церковь.  
СПДА — Санкт-Петербургская духовная академия.  
СРН — «Союз русского народа».  
ХББ — Христианское братство борьбы.  
ЦГД — Царицынская городская дума.  
ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы.

### *Печатные источники*

- Аксаков — Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: В 3 т. М., 2004.  
ВГ — Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот.

- текста, вступ. ст. и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. Указывается номер письма по этому изданию.
- Вишняк* — Вишняк М. Дань прошлому. Н.-Й., 1954.
- Добротолубие* — Добротолубие. В рус. пер. свт. Феофана Затворника. М., 1998 (репр.: СПб., 1877–1889).
- Достоевский* — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
- МГК* — «Московская газета-копейка».
- НЗ* — «Новая Земля» (журнал).
- ОСК* — Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.
- ОУ* — Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2008.
- РeС* — Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000.
- РФOP* — Ермичёв А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб., 2007.
- С-I* — Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917) / Сост., послесл., коммент. С. В. Черткова. М., 2008.
- С-II* — Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем: Обращения к народу 1905–1908 / Сост., послесл., коммент. С. В. Черткова. М., 2011.
- Толстой* — Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928–1958.
- УУ* — Уголовное уложение Российской империи 1903 г.
- ЦМ* — «Царицынская мысль» (газета).
- ЦТ* — «Царицынский трезвенник» (журнал).



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул-Хамид II 366–367, 388, 626, 705  
Абрамов Ф. А. 200, 672  
Абрамов Я. В. 654  
Аверинцев С. С. 704  
Агапит (Горачек) 637  
Агафангел (Преображенский) 663  
Адмони В. Г. 639  
Азадовский К. М. 663  
Азеф Е. Ф. 244, 629, 740  
Айвазов И. Г. 312–314, 690–691, 722  
Айхенвальд Ю. И. 23, 639  
Аксаков И. С. 226, 328, 595, 637, 654, 662–664, 667, 677, 681, 690  
Александр II 8  
Алексеев (Аскольдов) С. А. 701  
Алексий (Дородницын) 532–533, 723  
Амвросий Медиоланский 643  
Амвросий Оптинский 27, 647  
Амфитеатров В. Н. 656  
Анастасий (Грибановский) 669  
Андреев Л. Н. 6, 70, 222–223, 229–230, 242–243, 347, 615–616, 676, 681, 701, 722, 738, 741  
Андрей (Ухтомский) 719  
Анзимиров В. А. 661, 726  
Анненков П. В. 734  
Антоний (Вадковский) 291, 293, 305–308, 359, 685, 689  
Антоний Великий 186  
Антоний (Храповицкий) 305, 489–490, 588, 631, 683, 695, 719, 733  
Антонов М. С. 473–474, 717  
Антонович М. А. 728  
Апаков И. И. 203, 672  
Апостолов Л. Я. 732  
Аракчеев А. А. 241  
Аристарх (Николаевский А. Ф.) 296, 687  
Арсений (Стадницкий) 291  
Архипов Н. А. (Бенштейн М. Л.) 6, 233  
Арцыбашев М. П. 69, 72, 102, 222, 427–428, 435, 650  
Афанасий Великий 666  
Афанасьев-Чужбинский А. С. 603, 735  
Базанов В. Г. 702  
Байрон Д. Г. 109  
Барабанов Е. В. 703  
Баррэ А. 645  
Башлаев Ф. В. 447–448, 460, 464, 714  
Белинский В. Г. 6, 227, 242, 591–592, 596, 728  
Белый А. 632, 637, 640, 722, 730, 733  
Белянкина (Краснова) М. С. 542–543, 725  
Беневский И. А. 26, 557, 561–564, 566, 569, 633, 640–641, 662, 694, 727, 741  
Бергман И. 643  
Бердяев Н. А. 22–23, 639, 647, 661, 668, 701, 722, 731, 734–735

- Берс А. А. 576, 730  
Бирюков П. И. 60, 552, 726, 728  
Благовидов Л. Ф. 525, 723  
Блок Л. Д. 632, 663, 712, 741  
Бобринский А. А. 328, 699  
Боголюбов Д. И. 641, 690–691  
Богров Д. Г. 679  
Бондарев Т. М. 91–96, 653  
Боровой В. М. 665  
Бороздина Л. 255, 680  
Боттичелли С. 52  
Брихничёв И. П. 638, 657, 692, 709, 737  
Брюсов В. Я. 608–610, 737  
Будда 183, 581  
Булацель И. М. 33  
Булгаков В. Ф. 675  
Булгаков П. Г. 709  
Булгаков С. Н. 20–21, 24, 317, 361, 584, 591–592, 597, 639–640, 644, 646–647, 717, 722, 729–730, 734–735, 739  
Бунин И. А. 257, 677, 680  
Буренин В. П. 631, 740  
Бурнакин А. А. 211, 674  
Бутурлин А. А. 585–586, 733  
Бэкон Ф. 652  
Бюхнер Л. 98, 654
- Валентинов В. П. 645  
Варламов А. Н. 655, 722  
Варнава (Накропин) 686  
Варсонофий Оптинский 647  
Василий Великий 309, 637, 666  
Вейнберг П. И. 712  
Вельгаузен Ю. 282, 683  
Вениамин (Федченков) 636, 669, 676  
Верман, врач 438, 712  
Верхарн Э. 209  
Виленский Я. Д. 543, 725  
Вильгельм II Гогенцоллерн 75, 214, 364–365, 704  
Винокуров И. А. 448, 460, 714  
Виталий (Максименко) 453, 714  
Вите С. Ю. 17, 639, 674  
Вишняк М. В. 637, 639
- Владимир (Богоявленский) 685, 687  
Вольтер 366  
Воронец 262  
Восторгов И. И. 16, 312, 468, 687, 689, 691, 716  
Вотчал Ф. И. 76, 652  
Вульф Т. 651  
Вырубова А. А. 686  
Высоцкий В. С. 643  
Вышеславцев Б. П. 57, 649  
Вьяльцева А. Д. 441, 712
- Газданов Г. И. 693  
Гаршин В. М. 228–229, 234, 241, 629  
Гвоздѣв Г. И. 443–444, 713  
Гейден П. А. 217, 675  
Георгий (Орлов) 711  
Георгий Победоносец 710  
Гермези М. К. 464, 716  
Гермоген (Долганов) 222, 224–226, 291–295, 311, 314, 318–319, 321, 515–516, 518–520, 523–525, 527–530, 532, 673, 676, 685, 688, 690, 695, 709–710, 718, 721–722, 724  
Гернет М. Н. 681  
Герцен А. И. 226, 240, 595  
Герценштейн М. Я. 243, 330, 700  
Гессе Г. 668  
Гёте И. В. 627  
Гиппиус З. Н. 632, 676, 678, 722  
Гирс М. Н. 143  
Гоголь Н. В. 6, 224, 227, 234, 242–243, 448, 465, 591–592, 616, 631, 672, 677–678, 716, 722, 724, 728, 740  
Головушкин Д. А. 650, 697  
Гольденвейзер А. Б. 738  
Гольцев В. А. 584, 618, 732  
Гончаров И. А. 234, 733  
Городецкий С. М. 737  
Горький М. 46–47, 70–71, 226, 239, 241, 268, 651, 681  
Готфрид А. П. 638  
Гофман Й. К. 440, 712  
Грибоедов А. С. 722  
Григин 534–535, 724

- Григорий Великий 702  
 Грингмут В. А. 275–277, 682  
 Groshenkov N. F. 468, 716  
 Гумилёв Н. С. 735–737  
 Гус Я. 57  
 Гусев, инженер 438, 712  
 Гучков А. И. 214, 218–219, 246, 351, 675, 722–723
- Давыденко В. Ф. 253, 680  
 Данилевский Н. Я. 381  
 Данте Алигьери 627  
 Дарвин Ч. Р. 18, 474  
 Державин Г. Р. 222  
 Джонсон С. 330, 699  
 Джунковский В. Ф. 261–262, 681  
 Дизраэли Б. 378, 706  
 Димитрий Ростовский 649  
 Дионисий (Сосновский) 699  
 Добролюбов Н. А. 6, 149, 228, 240, 242, 596, 618, 660  
 Долина М. И. 333, 700  
 Доманский Н. Н. 32–33, 642  
 Достоевский Ф. М. 6, 16, 27, 71, 73, 82–83, 89, 92, 108, 133, 152, 208, 226–229, 234, 242–243, 285, 302, 315, 376–380, 511, 568–569, 589–594, 612, 631, 636, 640, 648, 651–654, 663, 670–671, 673, 676, 706, 710, 728, 733–734, 738  
 Дубровин А. И. 243, 276–277, 682, 689  
 Дункан А. 627–628  
 Дуров В. Л. 432, 711
- Евдоким (Мещерский В. И.) 296, 687  
 Евлогий (Георгиевский) 204, 673  
 Егоров М. А. 426, 530, 710  
 Ельчанинов А. В. 52, 638, 647, 741  
 Ермичёв А. А. 732  
 Ермоген Московский 334–335  
 Ефимов А. Е. 465, 469–470, 543, 717  
 Ефимов М. Н. 46–47, 645  
 Ефремов В. М. 674, 713  
 Ефремов И. Н. 674
- Жванецкий М. М. 682  
 Жигмановские Е. Г. и Е. Д. 497, 720  
 Жуковский В. А. 650
- Заболотный Д. К. 485, 718  
 Задирихин 218  
 Заморёнов И. Ф. 468, 494, 716  
 Затевахин 638  
 Захаров М. А. 714  
 Зеленогорский (Гринберг) М. Л. 719  
 Зеньковский В. В. 650, 701, 731  
 Зосима (Рашин Д.) 688
- Ибсен Г. 19–20, 196, 241, 452, 639–640, 671, 678, 714  
 Иван IV 18, 593–594  
 Иванов В. И. 22, 24, 632, 640, 663, 666, 726  
 Иванов Г. В. 648  
 Игнатий Брянчанинов 656  
 Игнатьева С. С. 294, 682, 685  
 Извольский А. П. 289, 684  
 Измайлов А. А. 6, 636, 737  
 Иларион (Троицкий) 637, 668, 683, 685, 696  
 Илиодор (Труфанов С. М.) 21, 277, 291–293, 295, 299, 301, 311, 318–319, 361, 426–427, 430, 432, 437, 445, 452–459, 462–463, 465, 468, 470, 486–490, 501–502, 514–519, 523–525, 527, 529–533, 545, 676, 682, 685, 694, 709–710, 714–716, 718–719, 721–723  
 Илия 518  
 Ильин И. А. 644, 651  
 Иннокентий (Беляев) 305, 314, 689  
 Иннокентий (Солодчин) 669  
 Иоанн, ап. 280  
 Иоанн Дамаскин 663  
 Иоанн Златоуст 309, 647, 652, 664, 666–667  
 Иоанн Кронштадтский 641, 648, 668  
 Иоанн Лествичник 666  
 Иоанн (Маслов) 646, 660–661  
 Иоанникий (Ефремов) 139–140, 659

- Иоасаф Белгородский 138–139, 659  
Иосиф (Литовкин) 576, 729  
Иосиф (Петровых) 648, 661  
Иринарх (Шемановский) 694  
Иринея (Орда) 737  
Иуда 347–348
- Кавалевский 253  
Кавелин К. Д. 654  
Каин 630  
Камаровский Л. А. 7, 637  
Каменский В. В. 428  
Камю А. 658  
Кант И. 595, 653  
Каптерев Н. Ф. 696–697  
Капустин М. Я. 218, 675  
Караваев А. Л. 330, 700  
Карлейль Т. 120, 657  
Карпов В. И. 218, 675  
Карташёв А. В. 662  
Кассо Л. А. 548, 725  
Катков М. Н. 243  
Керуль А. 645  
Кизеветтер А. А. 618, 739  
Киприан (Керн) 668  
Киреев А. А. 674, 695–697, 703, 721  
Киреевский И. В. 595  
Кирилл (Гундяев) 667, 694  
Кирилл Иерусалимский 644  
Клёнов В. В. 449–451, 460, 462, 464–465, 471, 473–475, 479, 496, 513–514, 710  
Клюев Н. А. 608–615, 659, 663, 722, 735–738  
Ключевский В. О. 600–601  
Князевский И. В. 712  
Коковцов В. Н. 338–339, 349, 700, 724  
Колеров М. А. 695  
Колонна А. 628  
Кони А. Ф. 678, 734  
Коновалов Д. Г. 281, 683  
Константинов И. Ф. 740  
Конт А. 18, 586, 733  
Кормильцев И. В. 712
- Королёв Д. Г. 645  
Короленко В. Г. 226, 234, 248, 330, 486–487, 676, 681, 701  
Костромин М. М. 707, 713  
Котляревский С. А. 116  
Краснов А. С. 638  
Краснов С. И. 30, 34, 424–425, 642, 709  
Краснова В. С. 62, 65, 542–543, 549, 650  
Краснов-Левитин А. Э. 642  
Крейман Ф. И. 712  
Кривоносов А. П. 674  
Кристи В. Г. 632–635, 740–741  
Крылов И. А. 734  
Кузмин М. А. 640  
Кузнецов Н. Д. 676  
Куприн А. И. 6, 70, 229–230, 243, 642, 693, 722  
Курлов П. Г. 685, 715
- Лахтина О. В. 294, 685  
Левицкий С. А. 734  
Лендбель М. 50, 646  
Леонардо да Винчи 52, 455, 715  
Леонтьев К. Н. 643  
Лермонтов М. Ю. 71, 226–227, 604, 682  
Лесков Н. С. 234  
Либман О. 734  
Ломоносов М. В. 322, 599–600, 698  
Лопухин А. А. 629, 740  
Лукашевич П. А. 603  
Лукин А. 692  
Лукинский А. 697  
Лукьянов С. М. 289, 291, 685  
Лунин К. 723  
Луночкин А. В. 720  
Львов В. Н. 685  
Ляхов В. П. 387, 674
- Магомет 183  
Магомет-Али 367, 704  
Мадзини Д. 197, 672  
Майков А. Н. 642  
Макарий (Булгаков) 668

- Макарий Великий 648, 665  
 Макарий (Гневушев) 295–298, 300, 311, 687  
 Макаров А. А. 686  
 Маклаков В. А. 214  
 Маковицкий Д. П. 551, 562–564, 566, 640, 727, 730  
 Маковский, музыкант 435–436, 465, 468–470, 494–495, 711  
 Максим Исповедник 667  
 Максимов В. Р. 117–118, 657  
 Малиновский Л. А. 485, 718  
 Манн Т. 687  
 Марков 513–514  
 Марков Н. Е. 221, 238, 676  
 Мацох Д. 547, 725  
 Мельников М. Ф. 718  
 Мельников Н. И. 474, 479, 481, 717  
 Мельшин (Якубович П. Ф.) 226  
 Меньшиков М. О. 328, 332–333, 336, 381–382, 442, 523, 617, 700, 706, 712, 723  
 Мережковский Д. С. 22–23, 222, 519–520, 592–593, 632, 639–640, 644, 647, 666, 676, 722, 734, 736, 741  
 Мечников И. И. 6–7, 115–116, 656  
 Мещерский В. П. 328, 699  
 Минин К. З. 276  
 Митрофанов Г. Н. 637, 663  
 Михаил (Семёнов) 644, 657, 671, 727, 738  
 Михайлов А. И. 693  
 Михайлов А. Ю. 693  
 Михайловский Н. К. 6, 240, 242, 565, 592, 615, 618, 728, 738  
 Михалкова М. А. 740  
 Мишнин А. П. 474–475, 717  
 Могильнер М. Б. 680  
 Моисей 184, 581  
 Моисей Угрин 739  
 Морозов А. А. 17, 639  
 Моцарт В. А. 627  
 Мочульский К. В. 733  
 Мраморнов А. И. 676, 685, 709–710, 724  
 Мраморнов В. И. 426  
 Мудролюбов П. В. 716  
 Муравьев М. Н. 241  
 Муратова К. Г. 677  
 Муромцев С. А. 215–217, 674–675  
 Надсон С. Я. 604–608, 631, 680, 735  
 Назаров Г. А. 475, 717  
 Наполеон III 288  
 Некрасов Н. А. 234, 352–353, 592, 631, 706  
 Нерон 172, 655  
 Нестеров М. В. 650, 728  
 Никандр (Феноменов) 641  
 Никанор (Каменский) 673  
 Николай I 706  
 Николай II 140, 367, 660, 674, 684, 696, 698, 700, 721  
 Николай (Захарович) 721  
 Николай Сербский 644, 653, 660, 664, 666, 668–670, 739  
 Николай Чудотворец 526  
 Никольский Б. В. 276–277, 682  
 Никольский Н. В. 691  
 Никон (Рождественский) 284, 684  
 Никонов П. И. 451, 464, 496, 714  
 Нил Мироточивый 659  
 Ницше Ф. 66, 69, 73, 650, 655  
 Новгородцев П. И. 639  
 Новосёлов М. А. 523, 722, 731  
 Оболенская Е. В. 729  
 Оболонский Н. А. 274, 682  
 Овидий 664  
 Олигер Н. Ф. 6  
 Ореханов Г. Л. 693  
 Ориген 662  
 Орленев П. Н. 645  
 Орлов А. В. 436, 465, 711  
 Орлов И. В. 279–281, 683  
 Оршин А. 679  
 Останина О. В. 644, 650  
 Островский А. Н. 117, 235, 677  
 Очкин Г. В. 453, 714  
 Павел, ап. 20–21, 68, 93, 97, 205, 310, 459, 520, 641, 643

- Паганини Н. 201–202  
 Палладий (Добронравов) 321, 698  
 Панкратов А. С. 69–70, 693  
 Паппер Я. Л. 33  
 Пастер Л. 108  
 Пергамент О. Я. 630, 632, 740  
 Персидский В. А. 480–482, 718  
 Перфилов А. В. 460, 715  
 Петица М. И. 716  
 Пётр, ап. 38, 307, 621, 643  
 Пётр I 18, 216, 537  
 Пётр (Василенко) 663  
 Пётр (Мещеринов) 669  
 Петров Г. С. 246, 306  
 Петрункевич И. И. 639  
 Пирогов Я. А. 448, 714  
 Писарев Д. И. 6, 242, 618, 712, 739  
 Писемский А. Ф. 234  
 Платон 196  
 Плеве В. К. 241  
 Победоносцев К. П. 289, 305, 696  
 Пожарский Д. М. 276  
 Покровский И. 432, 710  
 Поливанова Е. М. 585, 732  
 Попов А. П. 513, 549, 725  
 Попов Н. А. 33  
 Поссе В. А. 427–428, 710  
 Потканов И. И. 33  
 Преображенский А. И. 697  
 Пришвин М. М. 693, 722, 738  
 Протоклитов А. П. 532  
 Пу И 660  
 Пуни Ц. 716  
 Пуришкевич В. М. 33, 238, 243, 274, 276–277, 466, 642, 682  
 Пушкин А. С. 6, 71, 125, 132, 224, 226–229, 243, 465, 604, 627, 631, 664, 716  
 Пыпин Д. А. 585, 732  
 Пыпина-Ляцкая В. А. 585, 732  
 Пятаков И. Я. 438, 448, 450–451, 460–461, 464–465, 473–474, 479, 481, 497, 714  
 Радлов Э. Л. 581, 731  
 Рамзес II 111, 428  
 Распутин Г. Е. 300, 453, 515–516, 518–520, 522–523, 574, 682, 684–686, 688, 696, 722, 724  
 Рафаэль С. 627  
 Рачинский С. А. 735  
 Рёдер В. А. 677  
 Ремарк Э. М. 653  
 Ренан Э. 282  
 Репников А. А. 497, 720  
 Репнина В. Н. 603, 735  
 Рогачевский В. Л. 737  
 Рогович А. П. 317, 319, 695  
 Родионов И. А. 329, 699  
 Рожков В. С. 673, 696, 698  
 Розанов В. В. 6, 435, 519, 617–621, 636, 640, 643, 674, 676, 739  
 Розанов Н. С. 460, 496, 715  
 Романов А. Н. 140–141  
 Романова А. Ф. 140  
 Рославлев А. С. 736  
 Ростан Э. 50, 646  
 Рубинштейн А. Г. 658  
 Рынин Н. А. 645  
 Рынкевич В. В. 651  
 Рысины В. Н. и И. Н. 464, 496, 514, 531, 716, 719  
 Сабатьё П. 240, 678  
 Саблер В. К. 289–291, 304–305, 310, 319, 523, 537, 684, 696, 698, 716, 722–723, 725  
 Савва, послушник 462–464, 715–716  
 Саввинский В. И. 486, 719  
 Савельев 638  
 Сакулин П. Н. 243, 678  
 Салтыков, граф 587  
 Салтыков-Щедрин М. Е. 226, 234, 706  
 Самарин Ю. Ф. 671, 711, 718  
 Самсон 20  
 Сведенборг Э. 653  
 Свенцицкая Е. С. 642  
 Свенцицкая М. Б. 652  
 Светлов П. Я. 662  
 Светлов Р. В. 662  
 Семевский В. И. 735

- Серафим Саровский 362  
Сергеев-Ценский С. Н. 229  
Сергий Радонежский 182, 300  
Сергий (Страгородский) 305, 686  
Серебряков Г. Н. 449, 464, 472, 474, 714  
Серошевский В. Л. 438, 712  
Симеон Гордый 332  
Симеон Новый Богослов 671  
Симон Волхв 733  
Скворцов В. М. 310–312, 690–691, 699, 722  
Слатинцев Н. А. 492–494, 496, 719  
Смирнов А. М. 543, 549, 725  
Снарский И. А. 674  
Снегирёв В. Ф. 72, 651  
Сократ 196  
Солженицын А. И. 636, 643, 646, 651, 653, 655, 688, 700, 705, 707, 717  
Соллогуб В. А. 428  
Солнцева Н. М. 644, 694, 736  
Соловьёв А. С. 467, 487, 716  
Соловьёв В. С. 9–10, 16, 22, 167, 226, 285, 315, 328, 332, 336, 368, 381, 435, 490, 579–589, 597–598, 618, 631, 640, 643, 646–647, 652, 656, 659, 663, 665, 669–670, 675, 699, 731–733, 739  
Соловьёв И. В. 712  
Соловьёв И. И. 698  
Соловьёв М. С. 586–587  
Соловьёв С. М. 722, 740  
Соловьёва Н. С. 582–583  
Сталин И. В. 702  
Станиславский К. С. 242, 678  
Степаненко Н. Н. 657, 687, 692  
Степун Ф. А. 649, 730–731  
Столыпин А. А. 328, 380–381, 635, 741  
Столыпин П. А. 274, 302, 304, 333, 351, 372, 386, 626, 636, 679, 682, 696, 705–706  
Страхов Ф. А. 571, 728  
Стремоухов П. П. 710, 719, 721  
Строков А. П. 110, 445, 447, 478, 483, 524–525, 529–530, 532, 713  
Строков В. П. 434, 453, 711  
Струве П. Б. 618, 703, 739  
Стругацкие А. Н. и Б. Н. 714  
Суворов А. В. 689  
Судаков А. А. 280, 683  
Танги К. К. 711  
Тареев М. М. 664, 667, 726  
Титлинов Б. В. 697, 703  
Титов И. В. 287–288, 684  
Титовский А. Н. 474, 717  
Тихомиров Л. А. 355, 643, 676, 688, 705, 722  
Тихомиров П. Д. 470–471, 717  
Тихон Задонский 646, 653, 660  
Тихонравов, иерей 530  
Ткаченко В. Ф. 300, 688  
Толмачёв И. Н. 485, 718  
Толстая А. А. 344, 575  
Толстая А. Л. 467, 563–564, 566–567, 577  
Толстая М. Н. 575–576, 729  
Толстая С. А. 552, 566–568, 586, 730, 733  
Толстой И. Л. 729  
Толстой Л. Н. 6–7, 9–10, 18, 47, 60–65, 71–72, 91–93, 96, 108–109, 133, 155, 167, 175, 189, 213, 224, 226, 228, 234, 237, 239, 242, 253–254, 327, 330, 344, 350, 467, 470, 476, 482, 486–490, 514, 551–583, 586, 615, 633, 636, 640–641, 645, 647, 650, 653, 657, 665, 671, 675–676, 679–680, 699, 701, 709, 716, 719, 721, 726–731, 733, 738, 741  
Толстой Н. Н. 679  
Трегубов И. М. 580, 672, 731  
Трещенков Н. В. 354–355, 702  
Троцкий Л. Д. 736  
Трубецкая П. В. 653  
Трубецкой Е. Н. 647, 731, 735  
Трубецкой П. Н. 632, 635, 740  
Трубецкой С. Н. 108, 657, 660  
Тупицын С. И. 657–658, 687, 702  
Тур Е. Я. 737  
Тургенев И. С. 6, 149, 224, 226, 228–229, 234, 240, 243, 581, 593, 631, 667, 731, 734

- Успенский Г. И. 228–229, 234, 540, 592, 618, 734  
Ушаков А. А. 525–530, 723
- Федотов Г. П. 669, 688, 715  
Феодор (Поздеевский) 643, 651–652, 690  
Феодор Студит 644  
Феофан, инок 659  
Феофан Затворник 649, 655–656, 663  
Феофан (Быстров) 523, 722  
Фет А. А. 87  
Фетлер В. А. 26–27, 29, 206, 316, 641  
Фигнер В. Н. 733  
Филарет Московский 284, 656, 660, 664, 670, 676, 684  
Филонов Ф. В. 487  
Философов Д. В. 632, 640, 703, 733, 736  
Фирсов С. Л. 685–686, 697  
Флоренский П. А. 597, 662, 665, 669  
Фотий Киевский 523  
Франк А. 710  
Франк С. Л. 650, 729, 731  
Франц Иосиф I 75, 143, 214, 364–365  
Фрейд З. 643  
Фудель С. И. 663, 670
- Хитрово С. П. 587, 733  
Ховин В. Р. 737  
Ходасевич В. Ф. 648  
Холгоненко Ю. И. 134–135, 658  
Холчев Л. Н. 687  
Хомяков А. С. 636, 665–666, 668, 686  
Хрулёв С. С. 220, 675
- Цветаева М. И. 673  
Целебровский А. И. 442, 712  
Цеппелин Ф. 626, 740  
Цой В. Р. 735
- Чалый М. К. 735  
Чарыков Н. В. 143, 659  
Чельшов М. Д. 707  
Чернозубов 92  
Чернышевский Н. Г. 6, 226, 228, 242, 596, 618, 739  
Чертков В. Г. 563, 567, 576–577, 581–582, 730  
Чехов А. П. 70, 234, 547, 616, 725  
Чириков Е. Н. 229–230  
Чуковский К. И. 6, 32, 642  
Чулков Г. И. 6, 24, 233, 632, 640  
Чуриков И. А. 28–30, 312, 641–642, 731
- Шавельский Г. И. 684  
Шагинян М. С. 693  
Шапиро Л. Б. 549, 725  
Шарко Ж.-М. 37, 643  
Шевченко Т. Г. 602–604, 735  
Шейковский Н. С. 33  
Шекспир У. 627  
Шелгунов Н. В. 228, 618  
Шингарёв А. И. 700  
Шишов А. В. 674  
Шмеман А. Д. 703  
Шмидт М. А. 566–567, 728  
Шопенгауэр А. 87, 97–98, 654  
Шпиддик Т. 646  
Штейнберг А. З. 674  
Шубинский Н. П. 274, 682  
Шульман Н. Д. 542–543, 549, 725
- Щепкин Н. Н. 17, 639, 696
- Экземплярский В. И. 664  
Эренталь А. 130, 364, 378–379, 704  
Эрн В. Ф. 52, 597, 647, 658, 683, 699, 726, 735, 738, 741  
Эткинд А. М. 655–656
- Юшкевич П. С. 640  
Ющинский А. 274, 486, 682



# СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям собрания сочинений протоиерея Валентина Свенцицкого</i> . . . . .	3
ПИСЬМА КО ВСЕМ . . . . .	5
Великая разруха. . . . .	5
Война. . . . .	7
Народ забыли... . . . .	10
Преступление и наказание . . . . .	12
ПИСЬМА ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА . . . . .	15
РЕЛИГИЯ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА . . . . .	149
ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО . . . . .	196
СМЫСЛ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ . . . . .	364
ОТРЕЗВЛЕНИЕ РОССИИ . . . . .	389
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦАРИЦЫН! . . . . .	418
ЛИЧНОСТИ. . . . .	551
Комментарии и толкования. . . . .	636
Условные сокращения . . . . .	742
Именной указатель . . . . .	744

Научно-популярное издание

**Протоиерей Валентин Свенцицкий**

РЕЛИГИЯ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА (1909–1913)

Собрание сочинений. Т. 3

Редактор-составитель *С. В. Чертков*

Ответственный за издание *А. И. Мраморнов*

Корректор *Л. В. Чертова*

Макет и вёрстка *А. Н. Панова, Л. Б. Пановой*

Издательство Новоспасского монастыря  
115172, Москва, Крестьянская пл., 10. Тел.: (495) 676-9570

Подписано в печать 14.05.2014. Формат 84 х 108/32. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 36,2. Тираж 1500 экз. Заказ № .

ISBN 5-87389130-6



Отпечатано в ППП «Типография «Наука»  
121099, Москва, Шубинский пер., 6